THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

3

Feofan, Bp.

НАЧЕРТАНІЕ

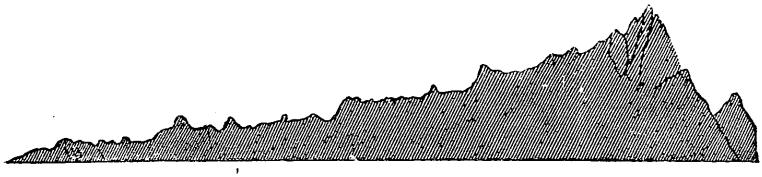
ХРИСТІАНСКАГО НРАВОУЧЕНІЯ.

Nachertanie Khristianskago nravouchenii'a

[Это тоже, что письма о христіанской жизни, выпуски третій и четвертый, съ небольшими передѣлками и нѣсколькими прибавленіями, какихъ потребовала система нравоученія].

ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА.

ИЗДАНІЕ АѲОНСКАГО РУССКАГО ПАНТЕЛЕИМОНОВА МОНАСТЫРЯ.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1891.

BV4509
.R8 F3

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Сентября 3 дня, 1890 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

Третій и четвертый выпуски писемъ о христіанской жизни содержатъ полный очеркъ христіанскаго нравоученія въ системѣ особаго рода. Какъ эту систему въ письмахъ затруднительно видѣть, а между тѣмъ ознакомиться съ нею, какъ мнѣ думается, небезполезно для желающихъ точнѣе изучить сей предметъ; то мнѣ пришло на мысль отмѣнить форму писемъ и издать очеркъ хр. нравоученія въ обычной формѣ систематическихъ писаній. При этомъ потребовалось не много труда: надо было уничтожить форму писемъ и распредѣлить все по надлежащимъ рубрикамъ, и сдѣлать нѣсколько прибавокъ, кои составляютъ теперь небольшое отдѣленіе подъ заглавіемъ: *основы христіанской жизни.* При всемъ томъ очеркъ сей, какъ очеркъ, представляетъ только эскизъ нравоученія, и для полнаго разумѣ-

нія столь важнаго предмета оставляетъ желать еще многаго. То однакожъ, что обѣщано во введеніи, исполнено по силамъ.

Е. Ѳ.

ВВЕДЕНІЕ.

1) Христіанство есть домостроительство нашего спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Такъ какъ человѣку нельзя спастись безъ Бога, а Богу нельзя спасти человѣка безъ человѣка; то христіанская вѣра учитъ съ одной стороны тому, что Богъ сдѣлалъ для спасенія человѣка, съ другой тому, что долженъ дѣлать самъ человѣкъ, чтобъ улучить спасеніе.

Послѣднее составляетъ предметъ христіанскаго нравоученія. Ищущій спасенія, просвѣщаясь вѣрою, долженъ имѣть основательное познаніе и о томъ, чего требуетъ отъ него вѣра, какъ слѣдуетъ ему жить и дѣйствовать, какъ христіанину.

2) Такое познаніе можетъ быть пріобрѣтаемо чрезъ чтеніе и слушаніе Слова Божія, отеческихъ писаній, бесѣдъ и поученій, предлагаемыхъ съ церковной каѳедры, и другъ отъ друга во взаимныхъ сношеніяхъ съ христіанами. Но вѣрнѣйшимъ способомъ къ тому служитъ изображеніе христіанской жизни въ общемъ обзорѣ, гдѣ разныя правила христіанской жизни были бы изложены въ порядкѣ, во взаимномъ подчиненіи однѣхъ другимъ и въ возможной полнотѣ. Правила жизни въ семъ случаѣ легче могутъ быть усвоены и вѣрнѣе поняты.

Если собрать во едино всѣ, обращающіяся въ жизни, правила, найдется, что отъ иныхъ требованій христіанства себя увольняютъ, другимъ даютъ превратный смыслъ, иныя

ограничивають условіями внѣшнихъ обстоятельствъ,—и вообще великое найдется смѣшеніе въ понятіяхъ о должной христіанской жизни и должномъ нравственномъ поведеніи христіанина. Все сіе отъ того, что правила нравственности христіанской доходятъ до свѣдѣнія по частямъ; а въ отдѣльности дѣйствительно иное правило можетъ показаться очень строгимъ, иное допускающимъ многообразныя толкованія и примѣненія. Отвратить сію неправость легче всего полнымъ изображеніемъ всего христіанскаго нравоученія. И св. Василій Великій въ свое время замѣтилъ подобное смѣшеніе въ понятіяхъ о нравственной жизни, когда „всякой самовластно свои мысли и положенія выдавалъ за истинное правило жизни,—а вкоренившіеся обычаи и преданія человѣческія сдѣлали то, что одни грѣхи извиняли, а за другіе безъ всякаго разбора взыскивали,—на нѣкоторые, повидимому малые, негодовали, а иные неудостоивали и легкаго выговора.“ И потому, чтобъ уврачевать сей недугъ, онъ за нужное почелъ „выбрать изъ Богодухновеннаго Писанія все, чѣмъ угождаетъ, и чѣмъ не угождаетъ человѣкъ Богу,—и всѣ, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ, запрещенія и повелѣнія, для легчайшаго уразумѣнія, представить совокупно въ правилахъ, чтобы тѣмъ легче отъучить людей поступать по навыку своей воли, или по преданію человѣческому“ (Твор. Св. Отц. т. 9, стр. 2. 20. 25. 37).—Съ такою же цѣлію предлагается и настоящее начертаніе образа истинной христіанской жизни.

3) Жизнь христіанина характеризуется вѣрою; потому и нравоученіе христіанское должно быть охарактеризовано вѣроученіемъ. Какъ въ жизни вѣра и дѣла по вѣрѣ входятъ другъ въ друга, переплетаются и взаимно другъ другу содѣйствуютъ; такъ и въ ученіи—вѣроученіе и нравоученіе не должны терять другъ друга

изъ виду. Вѣроученіе всегда вдавалось въ ненужныя отступленія и утонченности, когда недержалось нравственныхъ цѣлей; а нравоученіе принимало недолжныя направленія, когда не освѣщалось вѣроученіемъ,—главное же,—оно тогда ничѣмъ неотличалось отъ нравоученія философскаго.

Послѣднимъ замѣчаніемъ не намекается, будто умозрительному, на естественныхъ началахъ построеваемому, нравоученію совсѣмъ нѣтъ мѣста въ нравоученіи христіанскомъ. Напротивъ, безъ него обойтись нельзя. Христіанство возстановляетъ наше естество и поставляетъ его въ должный чинъ. Естество наше такимъ образомъ служитъ точкою отправленія для воздѣйствія на него христіанства. Тоже и въ нравоученіи, показаніе, каковымъ долженъ бы быть человѣкъ по естеству, служитъ истолкованіемъ, почему отъ него требуется то и то, если онъ хочетъ стать въ настоящій свой чинъ: что есть въ цѣляхъ христіанскаго нравоученія. Этого вездѣ держится наше начертаніе.

4) Объ источникахъ нравоученія христіанскаго нечего говорить много. Они одни и тѣже съ источниками вѣроученія. Довольно помянуть, что здѣсь, кромѣ Слова Божія и согласнаго ученія св. отцевъ церкви, должно руководствоваться особенно аскетическими писаніями отцевъ подвижниковъ, житіями Святыхъ и церковными пѣснопѣніями, въ коихъ прославляются христіанскія добродѣтели.

Самымъ пригоднымъ пособіемъ для начертанія нравоученія христіанскаго могла бы служить христіанская Психологія. За неимѣніемъ ея приходилось довольствоваться своими о душевныхъ явленіяхъ понятіями, при указаніяхъ отцевъ подвижниковъ.

5) Начертаніе наше имѣетъ двѣ части: въ первой содержатся общія разсужденія и положенія о нравствен-

ной и нравственно-христіанской жизни; а во второй излагается самая жизнь христіанина, какъ ей слѣдуетъ быть, или предлагаются правила жизни христіанина, какъ христіанина, и какъ лица, находящагося иногда въ разныхъ состояніяхъ и положеніяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОБЩІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ И ПОЛОЖЕНІЯ О НРАВСТВЕННО-ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Положенія сіи указываютъ:

А) Основы христіанской жизни;
Б) Опредѣляютъ характеристическія черты христіанской дѣятельности, какъ нравственной;
В) и изображаютъ послѣдствія и плоды доброй христіанской жизни, и жизни противоположной ей.

А.

Основы христіанской жизни.

Жизнь христіанская а) коренится въ воплощенномъ домостроительствѣ, — б) поддерживается, раскрывается и плодоноситъ въ живомъ союзѣ съ Церковію,—в) течетъ по предначертанной нормѣ, вытекающей изъ двухъ предыдущихъ моментовъ.

а).

Корень христіанской жизни въ воплощенномъ домостроительствѣ. Безъ сего домостроительства христіанство, жизнь христіанская и спасеніе не мыслимы. Оно предначертано отъ вѣка, а въ дѣйствіе вошло въ свое ему время, въ лицѣ Единаго отъ Пресвятыя Троицы, насъ

ради человѣковъ и нашего ради спасенія, сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы и вочеловѣчившагося, Христа Господа. Отъ Него пошли христіанская жизнь и спасеніе, и Имъ устроенъ и подается все потребное для сего. Все сіе и есть воплощенное домостроительство.

Въ сущности оно есть возстановленіе падшаго: *пріиде бо Сынъ Человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Мѳ. 18, 11). *Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Ін. 3, 16).—И вотъ чего ради *Слово плоть бысть* (Ін. 1, 14).

Какъ основа христіанству, сему спасительному Божественному учрежденію, положена воплощеніемъ Бога Слова; такъ основа жизни христіанской полагается вѣрою въ сіе Воплощеніе и причастіемъ силы Его. *Вѣруяй въ Сына, иматъ животъ* (Ін. 3, 36); и: *иже вѣру иметъ,... спасенъ будетъ* (Мар. 16, 16).

Вѣра въ силу воплощеннаго домостроительства есть *даръ Божій* (Еф. 2, 8). Но побужденіе къ взысканію ея и къ дороженію взысканною пораждается разумнымъ убѣжденіемъ, что инаго спасенія нѣтъ, какъ чрезъ него. Этимъ-то убѣжденіемъ и должно быть начато начертаніе христіанскаго нравоученія, какъ руководства къ христіанской жизни. ведущей ко спасенію. При семъ вѣдать дается, что возведеніе къ убѣжденію въ необходимости воплощенія для спасенія нашего не будетъ введеніемъ въ постиженіе сей тайны. Что *Богъ явися во плоти*, сіе выну пребудетъ *веліею благочестія тайною* (1 Тим. 3, 16).

Къ убѣжденію въ необходимости воплощенія Бога для нашего спасенія возводимся не постиженіемъ сей тайны, а разумнымъ усмотрѣніемъ того, что условія нашего спа-

сенія не могли быть ни кѣмъ выполнены, какъ Богомъ воплощеннымъ.

Мы пали чрезъ грѣхопаденіе прародительское, и попали въ неисходную пагубу. Спасеніе наше должно состоять въ избавленіи насъ отъ сей пагубы.

Пагуба наша состоитъ въ двухъ злахъ: *во первыхъ*,—въ прогнѣваніи Бога нарушеніемъ воли Его, въ потерѣ Его благоволенія и въ подвергнутіи себя клятвѣ законной; *во вторыхъ*,—въ поврежденіи и разстройствѣ своего естества грѣхомъ, или въ потерѣ истинной жизни и вкушеніи смерти. Почему для спасенія нашего потребны: *во первыхъ*,—умилостивленіе Бога, снятіе съ насъ клятвы законной и возвращеніе намъ Божія благоволенія; *во вторыхъ*,—въ оживотвореніи насъ, умерщвленныхъ грѣхомъ, или дарованіи намъ новой жизни.

Если неумилостивленнымъ къ намъ пребудетъ Богъ, мы не можемъ получить отъ Него никакой милости; если не получимъ милости, благодати не сподобимся; если благодати не сподобимся, новой жизни возъимѣть не возможемъ.—И то и другое необходимо: и снятіе клятвы и обновленіе нашего естества. Ибо еслибъ мы и получили какимъ либо образомъ прощеніе и помилованіе, но остались необновленными, никакой отъ того не получили бы пользы; потому что безъ обновленія мы непрестанно пребывали бы въ грѣховномъ настроеніи, и непрестанно источали бы изъ себя грѣхи, а чрезъ грѣхи снова подвергались бы осужденію и немилости, или все оставались бы въ томъ же пагубномъ состояніи.

То и другое необходимо; но ни тому, ни другому нельзя состояться безъ воплощенія Бога.

аа).

Снятію съ насъ вины грѣха и клятвы законной, или нашему оправданію состояться невозможно безъ воплощенія Бога.

Для снятія вины грѣха и клятвы требуется полное удовлетвореніе правды Божіей, оскорбленной грѣхомъ, или полное оправданіе. Полное же оправданіе, или полное удовлетвореніе правды Божіей состоитъ не въ принесеніи только *умилостивительной жертвы за грѣхъ*, но и въ *обогащеніи милуемаго дѣлами правды*, чтобъ ими наполнить время жизни, проведенное въ грѣхѣ, и по помилованіи остающееся пустымъ. Ибо законъ правды Божіей требуетъ, чтобъ жизнь человѣка не отъ грѣховъ только была свободна, но и была наполнена дѣлами правды, какъ сіе показалъ въ притчѣ о талантахъ, гдѣ рабъ, зарывшій талантъ въ землю, осуждается не за употребленіе таланта на зло, и за ничего—не сдѣланіе на него,—Но—

а) *довлѣющую жертву за грѣхъ могъ принести только Бого-человѣкъ, или Богъ воплотившійся.*

Будемъ ли внимать чувствамъ грѣшника, стоящаго предъ Богомъ съ яснымъ сознаніемъ Божіей правды и своей грѣшности,—или созерцать Бога, Который желалъ бы помиловать сего грѣшника,—въ томъ и другомъ случаѣ увидимъ нѣкое средостѣніе, преграждающее путь нисхожденію помилованія отъ Бога на грѣшника, и восхожденію надежды на помилованіе отъ лица грѣшника къ престолу милосердія Божія.—Господь не милуетъ неправедно, или когда оскорблена Его правда и неудовлетворена. Истинность и правосудіе Божіе требуютъ, чтобъ неправый несъ присужденную за неправду кару; иначе милующая любовь будетъ поблажающею снисходитель-

ностію. Въ душѣ грѣшника чувство правды Божіей обыкновенно сильнѣе чувства милосердія Божія. Потому, когда приступаетъ онъ къ Богу. то сіе чувство не только дѣлаетъ его безотвѣтнымъ предъ Нимъ, но подавляетъ совершенною безнадежностію. Слѣдовательно для сближенія грѣшника съ Богомъ и Бога съ грѣшникомъ необходимо раззорить такое средостѣніе. — необходимо, чтобъ между Богомъ и человѣкомъ возстало иное нѣкое посредство, которое отъ очей правды Божіей скрывало бы грѣхъ человѣка, а отъ очей грѣшника—правду Божію,—посредство, ради котораго Богъ видѣлъ бы грѣшника обезвиненнымъ и достойнымъ помилованія предъ лицемъ самой правды, а человѣкъ воззрѣвалъ на Бога. какъ на умилостивленнаго уже и готоваго миловать грѣшника, — необходима жертва умилостивленія, которая, удовлетворяя правдѣ Божіей и умиротворяя душу грѣшника, примиряла бы Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ.

Какая же это жертва? Въ чемъ она? И какъ можетъ явиться съ такою безмѣрною силою умилостивленія?

Жертва сія есть *смерть*,—и смерть *человѣка*. Она вначалѣ опредѣлена правдою Божіею въ казнь за грѣхъ; ее предлагаетъ Богу и кающійся грѣшникъ, вопія: возьми жизнь, только помилуй и спаси,—хотя тутъ же чувствуетъ, что его смерть не сильна спасти его.

Чья же это будетъ смерть?

1) Очевидно, что такою умилостивительною жертвою не можетъ быть смерть моя, другаго, третьяго, и вообще кого либо изъ рода человѣческаго: ибо и моя, и другаго, и третьяго и всякаго вообще изъ людей смерть есть кара за грѣхъ и ничего умилостивляющаго не представляетъ. Ктомуже мы—люди—всѣ безъизъятія имѣемъ нужду сами въ сей жертвѣ, и ею еще живые ищемъ помилованія и оправданія, и чтобъ улучить спасеніе, еще

живые должны быть ради ея оправданы и помилованы. — Потому умилостивительною жертвою за грѣхъ можетъ быть смерть только такого человѣка, который былъ бы изъятъ изъ круга людей, не переставая быть человѣкомъ. А это какъ возможно?—Не иначе, какъ если онъ не будетъ принадлежать себѣ, не будетъ особое самостоятельное лице, какъ всякой другой человѣкъ въ средѣ людей, но принадлежать другому высшему существу, которое воспріяло бы его въ свою личность, ѵпостасно соединилось съ нимъ, или вочеловѣчилось, и умерло его смертію. Это была бы смерть человѣческая, никому изъ круга людей не принадлежащая.

2) Если же смерть умилостивляющею и оправдывающею жертвою не можетъ быть смерть моя, другаго, третьяго, и вообще кого либо изъ людей; а между тѣмъ условіемъ помилованія и оправданія все же пребываетъ смерть человѣческая: то и я, и другой, и третій, и вообще всякой человѣкъ не можемъ быть помилованы и оправданы иначе, какъ чрезъ усвоеніе себѣ чьей либо чужой смерти. А въ такомъ случаѣ она сама въ томъ другомъ, умирающемъ человѣчески, отъ коего заимствуется, не должна быть слѣдствіемъ вины, или какъ либо причастна ей: иначе за нее нельзя будетъ оправдывать другихъ. Потому опять она, будучи человѣческою смертію, не должна принадлежать человѣческому лицу,—такъ какъ всякая, принадлежащая человѣку смерть есть наказаніе,—а принадлежать другому лицу, которое было бы свято совершеннѣйшею святостію. То есть,—умилостивляющая и оправдывающая смерть человѣческая возможна не иначе, какъ если какое святѣйшее существо, воспріявъ человѣка въ свою личность, умретъ имъ, чтобъ такимъ образомъ, изъявъ смерть человѣка изъ подъ закона виновности, сообщить ей возможность быть усвояемою другимъ.

3) Далѣе,—если помилованіе и оправданіе человѣка возможно только чрезъ усвоеніе ему чужой невинной смерти,—лица же, имѣющіе нужду въ помилованіи и оправданіи, суть вообще всѣ люди, живущіе, жившіе и имѣющіе жить,—весь родъ человѣческій во всѣхъ временахъ и мѣстахъ; то для ихъ помилованія и оправданія необходимо или устроить столько невинныхъ смертей, сколько людей, или даже сколько грѣхопаденій, или явить одну такую смерть, сила которой простиралась бы на всѣ времена и мѣста и покрывала всѣ грѣхопаденія всѣхъ людей. Отъ всемилостиваго и премудраго Бога, устрояющаго спасеніе наше возможно только послѣднее.—Какъ же это могло бы устроиться? Какъ смерть человѣческая, сама по себѣ незначительная, можетъ стяжать такую всеобъемлющую силу?—Не иначе, какъ когда она будетъ принадлежать лицу вездѣ и всегда сущему, принадлежать Богу; т. е., когда Самъ Богъ благоволитъ пріять въ Свою личность человѣческое естество и, умерши его смертію, сообщитъ ей всеобъемлющее и вѣчное значеніе: ибо тогда она будетъ Божескою смертію.

4) Наконецъ.—смерть сія, по силѣ своей простираясь на весь родъ человѣческій и на всѣ времена, по цѣнѣ должна соотвѣтствовать безконечной правдѣ Божіей, оскорбленной грѣхомъ,—имѣть безпредѣльное значеніе, какъ безпредѣленъ Богъ: чего стяжать она опять иначе не можетъ, какъ бывъ усвоена Богомъ, или сдѣлавшись смертію Бога; а это будетъ, когда Богъ, воспріявъ на Себя человѣческое естество, умретъ его смертію.

Эти положенія не изъ ума взяты, а заимствованы чрезъ наведеніе изъ того, что говорится въ Словѣ Божіемъ о воплощенномъ домостроительствѣ нашего спасенія. Ибо спасеніе наше уже устроено и готово для всякаго желающаго пріять его. Сынъ Божій и Богъ воплотился, крестною смертію принесъ Богу жертву умилостивленія

за родъ нашъ, снялъ съ насъ вину грѣха и примирилъ насъ съ Богомъ. Сводятся указанія о семъ Слова Божія во едино, чтобъ явно было, что воплощеніе Бога—Слова не есть избытокъ милосердія Божія; но, хотя есть свободное дѣло благоволенія Божія, такое однакожъ, безъ котораго состояться нашему спасенію не было возможно. Въ силу такого домостроительства Богъ праведно насъ милуетъ и спасаетъ.

Вотъ что говоритъ о семъ Слово Божіе:

Единъ Богъ и *единъ Ходатай Бога и человѣковъ*, человѣкъ Христосъ Іисусъ, *давый Себе избавленіе за всѣхъ* (1 Тим. 2, 5). *Имъ разорено средостѣніе ограды* (Еф. 2, 14), и водворенъ *миръ между Богомъ и человѣкомъ* (Рим. 5, 1. 10. 11). Его предложилъ Богъ, *въ жертву умилостивленія чрезъ вѣру въ кровь Его*, чтобы *показать правду свою въ прощеніи грѣховъ*... дабы познали, что Онъ *праведенъ* и оправдываетъ (не безъ ничего), но *вѣрующаго во Христа* (Рим. 3, 23—26), и такимъ образомъ *праведно примиряетъ въ Немъ міръ съ Собою, не вмѣняя людямъ прегрѣшеній* (2 Кор. 5, 19).—Въ Немъ и мы, *чада гнѣва по естеству,—безнадежные* (Еф. 2, 3. 12), избавясь *отъ изнеможенія и ослабленія душами* [отъ упадка духомъ по причинѣ безнадежія] (Евр. 12, 13), и возникши *къ надеждѣ и упованію спасенія* (Гал. 5, 5; 1 Петр. 1, 3; Евр. 7, 19), имѣемъ *дерзновеніе* и надежный *доступъ* ко Отцу *во внутреннѣйшее за завѣсы* (Еф. 2, 18; Евр. 6, 19),—имѣемъ свободу *входить во святилище посредствомъ крови Его, путемъ новымъ и живымъ*, который Онъ *вновь открылъ намъ чрезъ завѣсу*, т. е. *плоть Свою* (Евр. 10, 19. 20). Ибо Христосъ *искупилъ* уже насъ *отъ клятвы* законныя, *бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13), и *истребилъ рукописаніе*, бывшее противъ насъ, *взявъ его отъ среды, и пригвоздивъ ко кресту* (Кол. 2, 14).

А для сего Онъ—

1) *) *Пріемлетъ отъ сѣмене Авраамова* (Евр. 2, 26), чтобъ *имѣть, что принести Богу* (Евр. 8, 3), во всемъ *уподобляется братіямъ*, чтобъ быть за нихъ *первосвященникомъ* для умилостивленія за грѣхи (Евр. 2, 16. 17);—

2) *Пострадалъ, какъ праведникъ за неправедниковъ* (1 Петр. 3, 18), *претерпѣлъ крестъ вмѣсто предлежащей Ему радости* (Евр. 12, 2),—*не вѣдѣвъ грѣха содѣлался по насъ грѣхомъ, дабы мы были правда Божія о Немъ* (2 Кор. 5, 21): ибо таковъ и долженъ былъ быть для насъ *первосвященникъ,—святый*, непорочный, непричастный злу, *отлученный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ* (Евр. 7, 26);—

3) Не многократно приноситъ Себя,—иначе многократно надлежало бы Ему и страдать, — но *единожды явился съ жертвою своею* для уничтоженія грѣха (Евр. 9, 25. 26), и симъ *единократнымъ приношеніемъ тѣла освящаетъ всѣхъ* (Евр. 10, 10); *вниде единою во святая вѣчное искупленіе обрѣтый* (Евр. 9, 12); пребывая вѣчно, Онъ и *священство имѣетъ непреступное*; почему *можетъ всегда спасать* приходящихъ чрезъ Него къ Богу, будучи *всегда живъ, чтобы ходатайствовать за насъ* (Евр. 7, 24. 25; 1 Ін. 2, 1. 2);—

4) Такою *цѣною куплены мы* (1 Кор. 6, 20),—*не сребромъ или златомъ, но драгоцѣнною кровію Христа*, яко *агнца непорочнаго* и пречистаго Христа (1 Петр. 1, 18. 19),—*лучше глаголющею Авелевой* (Евр. 12, 24), *и очищающею паче крови козлей* и тельчей, и пепла юнчаго (Евр. 9, 13. 14); ибо съ нею явился Христосъ *предъ*

---

*) Пункты сіи соотвѣтствуютъ предыдущимъ пунктамъ.

самое лице Божіе о насъ (Евр. 2, 24); и симъ приношеніемъ *снялъ съ насъ клятву, бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13); и тѣмъ явилъ, какъ *правду Божію безпредѣльную* (Рим. 3, 25), такъ и *богатство благодати Своей* (Еф. 1, 7).

β) *Восполнить время жизни, проведенное въ грѣхѣ, дѣлами правды могутъ только дѣла Богочеловѣка.*

Для оправданія человѣка мало того, чтобъ только снять съ него виновность въ грѣхахъ; надо еще восполнить недостатокъ въ его жизни дѣлъ правды и добра. Живя въ грѣхѣ,—(разумѣется здѣсь непрерывное грѣшеніе до обращенія и прорывающіеся грѣхи по обращеніи,—) онъ не только опускаетъ дѣла правды и добра, тратитъ время не надолжное, но и наполняетъ его положительными дѣлами неправды и зла, подлежащими соотвѣтственному наказанію. Когда снимается съ него вина грѣховная чрезъ помилованіе и прощеніе и устраняется соотвѣтственное за нее наказаніе; тогда изглаждается только неправое и нечистое изъ его жизни, дѣлается для его жизни то, что сихъ неправостей и нечистотъ какъ бы не было въ ней. Но время жизни, проведенное въ грѣхѣ, освобождаясь такимъ образомъ отъ бремени грѣховнаго, не пріобрѣтаетъ еще чрезъ то дѣлъ правды и добра, которыми оно обязательно должно было быть наполнено, по первоначальному назначенію. Такъ какъ правда Божія требуетъ, чтобы вся жизнь человѣка была наполнена дѣлами правды и добра; то помилованный только и оправданный еще не вполнѣ правъ предъ Богомъ; для сего надобно еще пустоты его жизни наполнить дѣлами правыми и добрыми.

Какъ же это возможно?—Очевидно, что самъ человѣкъ,— обратившійся, раскаявшійся и прощенный,—

сдѣлать этого не можетъ, возревновавъ пріумножить свои добрыя дѣла. Потому что, что бы онъ въ семъ родѣ ни дѣлалъ, будетъ дѣлать лишь то, что для него обязательно дѣлать въ то время, когда дѣлаетъ, и чѣмъ потому нельзя восполнять прошедшихъ опущеній. Такимъ образомъ и это восполненіе недостатка должныхъ дѣлъ,—какъ и прежде изложенное требованіе жертвы умилостивленія,—возможно для него только чрезъ усвоеніе ему такихъ дѣлъ чужихъ, или дѣлъ другаго лица.

Кто же можетъ быть для насъ такимъ лицемъ, изъ богатства дѣлъ котораго мы могли бы заимствовать себѣ дѣла для покрытія недостатка ихъ въ нашей жизни?

Онъ долженъ быть человѣкомъ, чтобъ творить дѣла человѣческія, дабы ими можно было восполнять недостатки такихъ дѣлъ въ жизни человѣческой. Но—

въ немъ самомъ такія дѣла не должны быть обязательны для него, не должны быть его собственными дѣлами или принадлежать ему: иначе ихъ нельзя усвоять другимъ, въ замѣнъ недостатка въ нихъ такихъ дѣлъ.—Это же какъ возможно?—Не иначе, какъ если какое либо существо воспріиметъ на себя человѣческое естество и, сочетавъ его съ своею личностію, его силами будетъ творить дѣла человѣческія, небудучи обязано творить ихъ по своему естеству, чтобъ, имѣя ихъ въ себѣ свободнымъ богатствомъ, имѣть власть обогащать другихъ.—А такимъ существомъ, чтобъ воспріять другое естество и творить дѣла его силами, необязательныя для него самого — кто можетъ быть?—Изъ тварей никакая не можетъ быть такою. Всякая тварь свое назначеніе имѣетъ и свой кругъ дѣлъ, которыми должны наполняться всѣ моменты ея бытія и жизни. Потому она не имѣетъ времени дѣлать дѣла за другихъ и для другихъ. Это ей возможно только чрезъ опущеніе своихъ дѣлъ: что тоже было бы, что спасая другихъ, себя губить. Кромѣ же тварей есть еще толь-

ко Богъ ни отъ чего независимый. И такъ обогащеніе насъ дѣлами правды и добра, для восполненія ими недостатка ихъ въ нашей жизни, неиначе возможно, какъ когда Богъ благоволитъ принять на Себя естество человѣческое и силами его творить дѣла правды и добра— человѣческія. Ибо такія только дѣла, будучи свободны отъ обязательства, и могутъ быть усвояемы другимъ, какъ свободное богатство Бога воплощеннаго.

Ктому же, — такъ какъ въ такихъ дѣлахъ имѣетъ нужду жизнь каждаго человѣка,—жизнь всѣхъ людей и настоящихъ, и бывшихъ, и будущихъ; то богатство ихъ должно быть столь велико, чтобъ могло удовлетворить всѣхъ, и сила ихъ должна простираться по всѣмъ временамъ и на все человѣчество. Но сила всякаго твар наго существа, равно какъ значеніе дѣлъ его не могутъ простираться далѣе предѣловъ его естества, и никакъ не могутъ взойти до такой силы и пространства, чтобъ обнять все человѣчество. Потому дѣла правды и добра, потребныя для восполненія недостаточности такихъ дѣлъ въ жизни каждаго человѣка, чтобъ имѣть такое безмѣрное и вѣчное значеніе, должны быть совершены человѣческими силами, но отъ такого лица, которое по своему существу вѣчно и безпредѣльно, т.-е. отъ Бога; а это возможно только при ипостасномъ соединеніи Божества съ человѣчествомъ въ одномъ лицѣ, или при воплощеніи Бога.

Таковъ и есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ изображаетъ Его Слово Божіе. Оно представляетъ Его всякою полнотою, говоря, что *Отецъ благоволилъ вселитися въ Немъ всякому исполненію* (Кол. 1, 19). Разумѣется полнота благъ во спасеніе наше, въ числѣ коихъ и полнота правды и добра въ покрытіе нашихъ неправдъ и золъ. Грѣха въ Немъ не было (1 Ін. 3, 4), и Онъ ничего такого не сотворилъ (1 Петр. 2, 22). Ибо

творилъ только волю Божію, или всякую правду. Еще принимая на Себя дѣло спасенія насъ, сказалъ Онъ Отцу: *иду сотворити волю Твою, Боже мой* (Евр. 10, 9); и пришедши на землю, въ самомъ началѣ вступленія въ дѣло Свое, сказалъ Онъ Предтечѣ: *остави;* намъ *надо исполнить всякую правду* (Мѳ. 3, 15); и исполнялъ, свидѣтельствуя предъ всѣми, что *пришелъ не свою творить волю* и *не ищетъ ея*, но одно имѣетъ въ желаніи—*творить волю Пославшаго* (Ін. 5, 30; 6, 38),—до того, что *твореніе сіе* имѣлъ единственною для Себя *пищею и питіемъ* (Ін. 4, 34), *послушливъ бывъ даже* до смерти (Фил. 2, 8). Какъ не было момента, чтобъ Онъ недѣлалъ чего либо, дѣлалъ же всегда одну правду; то какое богатство дѣлъ правды и добра собрано было Имъ?

Но для кого и для чего? Для вѣрующихъ во имя Его: ибо самъ Онъ не имѣлъ въ семъ нужды, будучи по естеству безпредѣльною правдою. Это было богатымъ наслѣдіемъ для взыскавшихъ правды Его (Еф. 1, 18). Отъ полноты сей и мы всѣ пріяли (Ін. 1, 16),—и являемся *исполненными плодовъ правды* (Фил. 1, 11).—Сею-то полнотою правды Св. Павелъ и всѣмъ благожелаетъ исполниться, и даже удостовѣряетъ, что всѣ уже и имѣютъ сію полноту въ Господѣ (Кол. 2, 10), и что пріявъ сей даръ праведности они *въ жизни воцарятся* (Рим. 5, 17), т.-е. наслѣдятъ царствіе небесное. Почему обще сей Апостолъ свидѣтельствуетъ о Господѣ, что Онъ для насъ есть *правда, освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1, 30). Избавленіе здѣсь есть—прощеніе грѣховъ; правда—покрытіе нашихъ неправдъ правдою Его; изъ тогоже и другаго сложилось наше освященіе. И блаженными называетъ Апостолъ такихъ, коихъ не беззаконія только прощены, но при семъ вмѣстѣ и грѣхи покрыты (Рим. 4, 7). Чѣмъ? Богатствомъ правды Христовой. Такъ совершилось, что какъ единаго прегрѣшеніемъ во вся чело-

вѣки вниде осужденіе; такъ Единаго правдою во вся человѣки вниде оправданіе жизни (Рим. 5, 18).

Итакъ,—заключимъ,—загладить вину рода человѣческаго принесеніемъ подобающей жертвы, и восполнить недостатокъ правды его могутъ только смерть и богатство правды Богочеловѣка. Слѣдовательно оправданіе рода человѣческаго не возможно безъ воплощенія Бога.

бб).

Но и обновленіе наше, или дарованіе намъ новой жизни также невозможно безъ воплощенія Бога.

Для спасенія человѣка, какъ замѣчено въ началѣ, недостаточно только оправдать его предъ Богомъ; надобно еще, по оправданіи, сдѣлать его сильнымъ противостоять грѣху и твердо стоять на начатомъ добромъ пути, а для сего совершенно переродить его, дать ему новую жизнь, упразднить въ немъ начало жизни, достойной осужденія. Ибо пока будетъ въ немъ держаться сіе начало, онъ неперестанетъ творить дѣла недобрыя, и слѣд. никогда не выйдетъ изъ-подъ клятвы и осужденія.—И это безъ конца.—Такимъ образомъ, безъ обновленія нашего естества, и самое оправданіе ни къ чему.—Какъ же быть? Надо искоренить въ немъ это злое начало.—А это какъ? Даровавъ ему новую жизнь, сильную вытѣснить то злое начало.

Въ паденіи человѣкъ потерялъ свою истинную жизнь, и началъ жить какою-то иною жизнію, которую надо назвать ложною жизнію, смотря на нее съ точки назначенія человѣка. Она, начавшись въ главѣ человѣческаго рода, разлилась потомъ во всѣ члены его, такъ что весь родъ нашъ представлялъ одно огромное, ложно или неистинно человѣчески живущее тѣло. Очевидно, что для обновленія этого въ самомъ корнѣ поврежденнаго тѣла

человѣчества, надо от-внѣ влить въ него начало истинной человѣческой жизни, подобно тому, какъ совершенно испорченное тѣло человѣка поновляютъ перелитіемъ въ него крови совершенно здороваго организма,—надобно, представляя человѣчество древомъ, привить его отъ другаго, полнаго здравой жизни, древа, чтобъ оно, подъ дѣйствіемъ его живительныхъ соковъ, переродилось внутри, и начало давать новые живые отростки,—надобно возстать новой главѣ человѣчества, новому родоначальнику людей, чтобы раждаясь отъ него, или перерождаясь, посредствомъ заимствованнаго отъ него истиннаго начала жизни, они въ союзѣ съ нимъ составили новое тѣло человѣчества, полное истинной человѣческой жизни.

Кто же можетъ быть такою главою? — Такая глава истинно обновленнаго человѣчества, сей родоначальникъ новыхъ истинныхъ человѣковъ, очевидно, долженъ быть человѣкомъ, чтобъ имѣть возможность давать людямъ новую жизнь не другую какую, а человѣческую же; потому что люди, имѣющіе отъ него заимствовать новую жизнь, могутъ жить только человѣческою жизнію, а слѣд. и оживать только для ней и чрезъ нее. Но—

сія человѣческая въ немъ жизнь должна быть чистою, здравою, неповрежденною, потому произойти отъ человѣческаго же существа, но необыкновеннымъ человѣческимъ способомъ: ибо всякая такая жизнь не можетъ быть не причастною общечеловѣческой порчѣ.—И не это только, но и, бывъ въ самомъ происхожденіи претворенною и обновленною и въ составѣ естества нашего и во всѣхъ его силахъ и отправленіяхъ, пребыть потомъ навсегда неизмѣнно такою.—Такое же начало и такая неизмѣнная пребываемость и твердость возможны въ ней, только когда она будетъ совсѣмъ извлечена или отторгнута отъ обычной человѣческой самостоятельности и само-

дѣйственности, и будетъ не себѣ принадлежать, а будетъ носима и управляема инымъ лицемъ, обладающимъ творческою силою и Божескою неизмѣняемостію,—или Богомъ; т. е., когда Богъ, претворивъ и обновивъ творчески начала и стихіи человѣческаго естества, образуетъ Себѣ изъ нихъ человѣка и, облекшись въ него, будетъ жить и дѣйствовать Богочеловѣчески. Но въ этомъ и состоитъ воплощенное домостроительство, представляющее столь необходимымъ для нашего спасенія воплощеніе Бога—Слова.

Сверхъ того, сія новая жизнь во главѣ должна совмѣщать въ себѣ такую полноту, чтобы, пораждая новое человѣчество, не истощаться, а пребывать всегда полною, дабы не отраждать только новыхъ членовъ, но отродивши всѣхъ, потомъ живить въ ихъ пребываніи временномъ и вѣчномъ. Такъ какъ она, по естеству своему, не можетъ быть такою, будучи тварною; то ей необходимо пріять такое качество отъ другаго лица, нетварнаго, или отъ самаго Источника всякаго бытія и жизни, отъ Бога присносущнаго: что и совершается чрезъ воплощеніе, въ коемъ Богъ пріемлетъ человѣческое естество въ Свою личность и, облекшись въ него, сообщаетъ ему присноживую неистощимую полноту.

Наконецъ, сей новый родоначальникъ, всѣхъ пораждая къ новой жизни, всѣхъ долженъ держать въ единеніи и между собою и съ Нимъ, чтобы всѣ, живя единою жизнію и подъ единою главою, составляли единое живое, стройно сочетанное тѣло.—И первоначальное назначеніе человѣчества было, чтобъ оно все было едино по всему и жило единою жизнію. Но привзошелъ грѣхъ и разъединилъ всѣхъ, такъ что все человѣчество стало похожимъ на груду безъ живаго сочетанія и сочлененія. Новое человѣчество, чрезъ новаго родоначальника и главу, имѣетъ назначеніе возстановить въ себѣ сіе потерян-

ное единеніе. Потому человѣческое естество въ семъ родоначальникѣ, оставаясь человѣческимъ не должно принадлежать себѣ, но иному лицу, всюду сущему, все содержащему и вѣчному, чтобъ соединять въ Себѣ людей всѣхъ временъ и мѣстъ, блюсти ихъ и направлять къ послѣднему концу, съ подчиненіемъ требованіямъ сего конца и всѣхъ другихъ тварей, сущихъ въ мірѣ.—То есть,—родоначальникъ сей, имѣя быть родоначальникомъ человѣковъ, долженъ быть не человѣкомъ только, но Богомъ въ человѣческомъ естествѣ, или Богочеловѣкомъ: въ чемъ и состоитъ воплощеніе.

Таковъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Богъ отъ Бога, Слово, искони сущее у Бога (Ін. 1, 1); Сынъ Божій, выну пребывающій въ лонѣ Отчемъ (Ін. 1, 18). Онъ, не оставляя нѣдръ Отчихъ, благоволилъ пріять плоть нашу, или наше человѣческое естество (Ін. 1, 14), чрезъ рожденіе отъ Приснодѣвы въ свое Ему время, для искупленія насъ и всыновленія (Гал. 4, 4).

Обновивъ въ Себѣ человѣческое естество, Онъ сталъ начаткомъ (Ін. 8, 25) новыхъ человѣковъ, живущихъ истинною человѣческою жизнію, начальникомъ сей жизни и раздаятелемъ (Дѣян. 3, 15). Въ Немъ наша истинная жизнь (Ін. 1, 4), полнота сей жизни, изъ коей, какъ изъ источника, предназначено почерпать ее и всѣмъ намъ (Ін. 1, 16);—и Онъ ею ихже хощетъ живитъ (Ін. 5, 21).

И сталъ Онъ такимъ образомъ новымъ Адамомъ, новымъ родоначальникомъ, а всѣ приходящіе къ Нему положеннымъ путемъ и отъ Него возраждающіеся родомъ Его (1 Кор. 15, 45—48). Онъ глава, а тѣ—тѣло Его (1 Кор. 12, 27), изъ Него породившіеся (Кол. 2, 19), отъ плоти Его и отъ костей Его (Еф. 5, 30). Онъ древо, а тѣ—вѣтви (Ін. 15, 5).

Для сего всякій, приступающій къ Нему, по покаяніи и отреченіи отъ всего прежняго, пріемлетъ св. кре-

щеніе, въ коемъ ради вѣры и рѣшимости работать Господу, совлекается ветхаго человѣка и облекается въ новаго, послѣ чего ветхій человѣкъ въ немъ умираетъ и жить начинаетъ новый, созданный по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины (Рим. 6, 3 - 6; Еф. 4, 24). Ибо здѣсь вѣрующіе облекаются во Христа, Который есть животъ нашъ (Кол. 3, 4), и даетъ намъ силу такъ быть, чтобъ ктому не жить намъ себѣ, но умершему за насъ и воскресшему Господу (2 Кор. 5, 15), чтобъ мы не сами уже жили, но жилъ въ насъ Христосъ (Гал. 2, 20), съ Коимъ животъ нашъ сокровенъ есть въ Богѣ (Кол. 3, 3).

Такъ, аще кто во Христѣ нова тварь (2 Кор. 5, 20), вновь раждаемая водою и Духомъ (Ін. 3, 3. 5); ради чего всѣ такіе, яко отъ Бога рожденные, суть и именуются чадами Божіими (Ін. 1, 12. 13), и всыновленіе воспріемлютъ (Гал. 4, 5).—И се—новое человѣчество,—родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, долженствующіе возвѣщать добродѣтели Того, Кто изъ тьмы призвалъ ихъ въ чудный Свой свѣтъ (1 Петр. 2, 9), и перевелъ отъ смерти въ животъ (1 Ін. 3, 14).

Вотъ первая основа христіанской жизни—вѣра въ воплощенное домостроительство нашего спасенія въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, глубокое въ силѣ его убѣжденіе, недопускающее ни малѣйшаго въ семъ колебанія или раздвоенія въ мысляхъ, и съ крѣпкимъ упованіемъ неподвижно стоящее на томъ, что нѣсть ни о единомъ же иномъ намъ спасенія,—и нѣсть иного имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ намъ спастися (Дѣян. 4, 11. 12). Остается или къ Господу Спасителю прилѣпиться, или погибать. Ибо кто не съ Нимъ, тотъ, чтобы ни дѣлалъ, не собираетъ, а расточаетъ (Лк. 11, 23). Никто не можетъ дѣлать ничего, достойнаго спасенія, если не пребудетъ въ Гос-

подѣ (Ін. 15, 4—6).—Се дверь, вводящая внутрь храма спасенія! Се камень, основаніе полагающій созиданію въ духѣ храмины спасенія для вселенія въ нее Господа Спасителя (Мѳ. 16, 18).

б).

Вторая основа христіанской жизни, съ первою неразлучная, есть живой союзъ съ тѣломъ Церкви, коей Господь—глава, живитель и движитель.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Богъ и Спаситель, совершивъ на землѣ, еже о насъ божественное смотрѣніе, вознесся на небеса, и ниспослалъ отъ Отца Всесвятаго Духа; потомъ съ Нимъ, по благоволенію Отца, чрезъ св. Апостоловъ устроилъ на землѣ св. Церковь, подъ Своимъ главенствомъ, и въ ней совмѣстилъ все, потребное для нашего спасенія и жизни сообразной съ тѣмъ. Такъ что теперь чрезъ нее уже ищущіе спасенія получаютъ отъ Него и искупленіе съ отпущеніемъ грѣховъ и освященіе съ новою жизнію. Въ ней поданы намъ *всѣ божественныя силы, яже къ животу и благочестію,* и дарованы *честныя и великія* обѣтованія; и если мы, въ силу сего потщимся украситься всякою добродѣтелію, то намъ безъ всякаго сомнѣнія обильно преподастся входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спаса Іисуса Христа (2 Петр. 1, 3—11).—Св. Церковь и есть новое человѣчество, отъ новаго родоначальника Христа Господа.

Во время пребыванія Своего на землѣ, Господь только обѣтовалъ устроить св. Церковь на камнѣ твердаго исповѣданія Его воплощеннаго домостроительства. Самое же созданіе ея по волѣ Отца совершилъ Онъ со Святымъ Духомъ чрезъ святыхъ Апостоловъ, утвердивъ и оградивъ ее *догматами, заповѣдями, таинствами, священно-*

дѣйствіями, канонами и достодолжнымъ руководствомъ, и во всемъ семъ показавъ вѣрный путь въ царствіе небесное, которое уготовалъ вѣрнымъ,—къ которому благоволилъ призвать и насъ всѣхъ.

Во св. Церкви все отъ Господа Іисуса Христа со Святымъ Духомъ по благоволенію Отца чрезъ св. Апостоловъ,—и все, содержимое ею, должно быть содержимо и исполняемо всѣми, вступающими въ нее и дѣлающимися членами ея, по всѣмъ означеннымъ пунктамъ или сторонамъ устроенія церкви. Все то дѣйствительно содержится и исполняется всѣми, въ живомъ съ нею союзѣ состоящими, вслѣдствіе чего они едино суть,—*едино тѣло и единъ духъ* (Еф. 4, 4),—и въ исповѣданіи вѣры или содержаніи *здраваго образа словесъ* (2 Тим. 1, 13), и въ жизни по заповѣдямъ или въ исполненіи воли Божіей, и въ освященіи таинствами, и въ молитвенныхъ къ Богу приступаніяхъ, и въ подчиненіи канонамъ и установленному руководству. Дѣйствующіе такъ, ходятъ достойно званія своего, *тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Еф. 4, 1—6). А отступающіе отъ сего, выдѣляютъ себя изъ церкви внутренно, и если не послушаютъ увѣщательнаго гласа ея, матерински къ нимъ обращаемаго на вразумленіе ихъ, отлучаются отъ нея и внѣшно, и вступаютъ въ ряды язычниковъ (Мѳ. 18, 17).

Сущія въ церкви, истинныя чада ея, блюдутъ единеніе духа въ союзѣ мира, и состоятъ по тому въ живомъ союзѣ съ нею; вновь вступающія даютъ обѣтъ объединиться съ нею и дѣйствительно объединяются по вступленіи внутрь ея; раждающіяся внутри Церкви, возраждаются къ новой жизни, и за тѣмъ воспитываются и возрастаютъ въ духѣ ея и во всѣхъ порядкахъ ея. Всѣ такіе суть живые члены Церкви, и отъ Главы ея чрезъ Духа Святаго сподобляются всѣхъ ду-

ховныхъ благодатныхъ благъ, съ обѣтованіемъ и вѣчныхъ.—Тѣ же, которые отступаютъ отъ показаннаго устроенія Церкви, хотя въ Церкви числятся, но не состоятъ съ нею въ живомъ союзѣ, потому не суть живы, а умерли или замерли. Ихъ держатъ въ Церкви въ чаяніи, что они опомнятся, возникнутъ отъ обдержащей ихъ сѣти, и поспѣшатъ возстановить нарушенный ими союзъ съ Церковію и съ Господомъ-Главою ея и опять вступить въ чинъ спасаемыхъ. Все, содержимое Церковію, не таково, чтобъ могло быть оставляемо на произволъ, но таково, безъ чего не можетъ состояться спасеніе. Ибо оно есть осуществленіе, или явленіе на дѣлѣ воплощеннаго домостроительства, безъ коего нѣтъ спасенія. Почему чуждый Церкви, чуждъ Христа Господа и спасенія въ Немъ.

Итакъ, что предлежитъ рѣшающему содѣвать свое спасеніе и начать жить по христіански?—Воспріять воцерковленіе, если не имѣлъ его, оживить, если имѣлъ и потерялъ, - и за тѣмъ блюсти его вседушно и пребывать въ немъ; и жизнь его будетъ поддерживаться, зрѣть и востекать къ совершенству въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.—Это стоитъ въ числѣ неотложныхъ условій христіанской жизни.

Такое требованіе само собою вытекаетъ изъ тѣснѣйшаго союза Господа съ Церковію и Церкви съ Господомъ. Въ Словѣ Божіемъ союзъ сей представляется подъ образомъ союза главы съ тѣломъ. Оно говоритъ, что Христосъ есть *глава Церкви* (Еф. 5, 23), *глава тѣлу Церкви* (Кол. 1, 18), а Церковь есть *тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая* во всѣхъ (Еф. 1, 22. 23): что, по св. Златоусту значитъ, что Церковь полна Христомъ, и что Онъ всѣ члены ея исполняетъ, такъ что въ ней всяческая и во всѣхъ Христосъ (Кол. 3, 11).

Какъ глава Онъ есть *и Спаситель тѣла Церкви* (Еф. 5, 23); *питаетъ и грѣетъ* ее, яко сущую *отъ пло-*

ти Его и отъ костей Его (Еф. 5, 29. 30); *любитъ ее*, и *ея ради предалъ есть Себя, да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголѣ, да представитъ ю Себѣ славну Церковь, неимущую скверны или порока, илѣ нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Еф. 5, 25—27); Церковь же во всемъ *повинуется Христу* (Еф. 5, 24).

Тѣло по существу своему *нѣсть единъ удъ, но мнози; но всѣ такіе уды единаго тѣла, мнози суще едино суть тѣло: тако и Христосъ* (1 Кор. 12, 12. 14), или—такъ и тѣло Церкви, коей глава Христосъ. Христосъ Господь *далъ* Церкви Своей *овы Апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. 4, 11. 12).—Это главнѣйшіе члены (заправители), но и всѣ другіе назначаются на служеніе всему тѣлу Церкви, чтобъ никого не было празднаго, какъ и въ животномъ тѣлѣ нѣтъ и малѣйшей частички безъ дѣла. Для чего всякій получаетъ свой даръ: *овому дается слово премудрости, иному слово разума; другому вѣра, иному же дарованіе исцѣленій; другому дѣйствіе силъ, иному же пророчества; другому разсужденіе духовомъ,—иному же роди языковъ, другому же сказаніе языковъ* (1 Кор. 12, 7—10). Потому и положено было, чтобы *каждый какое пріялъ дарованіе, тѣмъ и служилъ всѣмъ, яко добрый строитель божественной благодати: аще кто глаголетъ, яко словеса Божіи, аще кто служитъ, яко отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ, да о всемъ славится Богъ Іисусъ Христомъ* (1 Петр. 4, 10. 11); — имѣетъ ли кто пророчество, пророчествуй по мѣрѣ вѣры; имѣетъ ли кто служеніе, пребывай въ служеніи; учитель ли кто, пребывай въ ученіи; увѣщатель ли, увѣщавай; раздаватель ли, раздавай въ простотѣ; начальникъ ли, начальствуй съ усердіемъ; благотворитель ли, благотвори съ радупіемъ,—и проч. и проч. (Рим. 12, 6—8).

Такимъ взаимодѣйствіемъ всѣхъ членовъ все зданіе тѣла, будучи сгармонировываемо, растетъ въ Церковь святую о Господѣ, въ Коемъ и всѣ созидаются въ жилище Божіе Духомъ (Еф. 2, 22). Чего ради и внушается всѣмъ, — истинствующе въ любви возращать всяческая въ Того, Кто есть Глава, т. е. во Христа, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія себя самого въ любви (Еф. 4, 15. 16).

Въ сіе-то *тѣло мы крестились и всѣ единымъ Духомъ напоились* (1 Кор. 12, 13),—т. е. чрезъ крещеніе вошли въ нее и объединились въ ней духовно, обязуясь къ единомыслію, единоволію, единочувствію и единодѣйствію,— *да не будетъ распри въ тѣлеси* (Кор. 12, 15—25).

Судя по сему, Церковь есть лоно матернее, зачинающее, образующее, возращающее и совершающее каждаго христіанина: какъ въ лонѣ природы разныя твари засѣменяются, прорастаютъ, ростутъ, выростаютъ и плодоносятъ во славу Божію. Какъ нѣтъ жизни и живыхъ существъ внѣ природы; такъ внѣ Церкви нѣтъ духовной жизни и духовно живущихъ лицъ. Почему, быть въ Церкви, въ живомъ съ нею сочетаніи и союзѣ есть неотложное условіе для желающихъ жить духомъ и въ христіанской преуспѣвать жизни.

в).

Норма христіанской жизни.

Подъ нормою разумѣется здѣсь такое правило, которое, опредѣляя цѣль человѣка и средства къ достиженію ея. даетъ руководительное указаніе, куда и какъ слѣдуетъ направлять жизнь свою.

Предначертаніе такой нормы положено въ созданіи человѣка по образу и подобію Божію и вдунутіи въ лице его дыханія божественной жизни.—Но привзошло паденіе и разстроило ее.—Разстроило, но не уничтожило. Потому, когда совершилось воплощенное домостроительство въ возстановленіе падшаго; тогда помилованный и обновленный въ силу его человѣкъ, хотя получилъ новую норму для духовно-нравственной жизни своей,—такую однакожъ, которая стояла на первоначальной нормѣ испорченной паденіемъ, возстановляя ее, пополняя и въ совершеннѣйшей являя формѣ.

Такимъ образомъ, намъ предлежитъ начертать сначала аа) первоначальную норму нравственной жизни человѣка; а потомъ, примѣнительно къ ней, установить бб) норму нравственной жизни христіанской.

аа).

Первоначальная норма нравственной жизни человѣка.

При уясненіи нормы жизни нравственной требуется, какъ сказано выше, опредѣлить α) цѣль человѣка и β) средства, какія даровалъ ему Богъ для достиженія ея, и изъ той и другихъ γ) вывесть общее руководительное правило для жизни нравственной. Итакъ—

α) *Какая цѣль человѣка?*

Послѣдняя цѣль человѣка—въ Богѣ, въ общеніи или живомъ союзѣ съ Богомъ. Созданный по образу и подобію Божію, человѣкъ по самой природѣ своей есть нѣкоторымъ образомъ Божескаго рода. Будучи же рода Божія, онъ не можетъ не искать общенія съ Богомъ, не только какъ съ своимъ началомъ и первообразомъ, но и какъ съ верховнымъ благомъ. Потому-то сердце

наше и бываете довольно только тогда, когда обладаетъ Богомъ и бываетъ обладаемо отъ Бога. Ничто, кромѣ Бога, не успокоиваетъ его. Соломонъ много зналъ, многимъ обладалъ и многимъ наслаждался; но все это наконецъ долженъ былъ признать суетою и крушеніемъ духа (Еккл. 1, 8. 17. 18; 3, 10. 11; 8, 17). Одинъ покой для человѣка въ Богѣ. *Что ми есть на небеси и отъ Тебѣ что восхотѣхъ на земли; исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего и часть моя, Боже во вѣкъ* (Пс. 77, 25. 26). „Въ Богѣ жизнь", учитъ Василій Великій. „Отчужденіе и удаленіе отъ Бога есть зло несноснѣйшее даже будущихъ гееннскихъ мученій,— зло самое тяжкое для человѣка, какъ для глаза лишеніе свѣта и для животнаго отнятіе жизни" *). И еще: „Что было для души преимущественнымъ благомъ? Пребываніе съ Богомъ и единеніе съ Нимъ посредствомъ любви. Отпавъ отъ Него, она стала страдать" (Тв. Св. От. Вас. Вел. т. 4, стр. 154). Посему-то намъ внушается: *взыщите Господа, взыщите лица Его выну* (Пс. 28, 6). Пророкъ Моѵсей поставлялъ зрѣніе лица Божія краемъ своихъ желаній и послѣ того уже, какъ Богъ явилъ чрезъ него и въ немъ столько чрезвычайныхъ дѣйствій Своей благости и всемогущества: *аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя* (Исх. 33, 13),—молился онъ. Съ какимъ страхомъ взывалъ ко Господу Пророкъ Давидъ: *не отвержи мене отъ лица Твоего* (Пс. 50, 13), зная, что *удаляющіи себе* отъ Него *погибнутъ!* (Пс. 72, 27). Съ какимъ желаніемъ устремлялся онъ всегда къ Богу: *возжада душа моя къ Богу*... (Пс. 62, 2); *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!* (Пс. 41, 2). Съ ка-

*) Хр. Чт. 1824 г. ч. XIII. Богъ не есть виновникъ зла.

кою теплотою упокоивался въ Немъ единомъ: *мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть!* (Пс. 72, 28).

Но не въ этомъ одномъ устремленіи всѣхъ желаній къ Богу—наше благо. Жажда безъ утоленія, алчба безъ насыщенія, потребность безъ удовлетворенія есть скорбь, болѣзнь, мученіе. Ища Бога, мы хотимъ обрѣсти Его, хотимъ обладать Имъ и быть обладаемыми отъ Него, пріискренно пріобщиться Его, быть въ Немъ и Его имѣть въ себѣ (Макарія Великаго посланіе... въ началѣ.—Москв. 1852 г. стр. 429). Въ этомъ-то живомъ, внутреннемъ, непосредственномъ общеніи Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ и есть его послѣдняя цѣль.

Такимъ сіе общеніе изображается въ Словѣ Божіемъ. Такъ Самъ Богъ объ однихъ говоритъ: *не имать духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане плоть суть* (Быт. 6, 3),—а другимъ обѣщаетъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (1 Кор. 6, 16). „Внимай“, говоритъ на сіе мѣсто Св. Златоустъ,—„кто обитаетъ въ тебѣ! Ты Бога носишь въ себѣ.“ Спаситель обѣщаетъ внутреннѣйшее нѣкое вселеніе Бога въ сердце человѣческое, когда говоритъ: *къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). Св. Іоаннъ Богословъ учитъ, что, когда кто пребываетъ въ любви, то не только онъ пребываетъ въ Богѣ, но и Богъ въ немъ пребываетъ (1 Іоан. 4, 16). У св. отцевъ живое общеніе съ Богомъ возводится до обоженія человѣка. Такъ Св. Григорій Богословъ изображаетъ человѣка „живымъ существомъ, чрезъ стремленіе къ Богу достигающимъ обоженія“ *). Ѳеодоръ, Епископъ Едесскій такъ учитъ о цѣли человѣка: „цѣль жизни нашей есть блаженство, или, что все равно, царство небесное или царство Божіе, которое состоитъ не только въ томъ, чтобы зрѣть царственную, такъ ска-

*) Твор. Св. Отц. ч. III, стр. 243; еще ч. II, стр. 96.

зать, Троицу, но и въ томъ, чтобы получать Божественное вліяніе и какъ бы принимать обоженіе, и въ семъ вліяніи находить исполненіе и совершеніе всѣхъ недостатковъ и несовершенствъ. Въ семъ-то состоитъ пища умныхъ силъ, т. е., въ восполненіи недостатковъ посредствомъ Божественнаго онаго вліянія" *). У Св. Макарія почти въ каждой бесѣдѣ можно находить напоминаніе о живомъ общеніи души съ Богомъ. Такъ въ 46 бесѣдѣ онъ учитъ, „что Богъ сотворилъ душу человѣка такою, чтобы быть ей невѣстою и сообщницею Его, и чтобы Ему быть съ нею единымъ раствореніемъ и единымъ духомъ" (§ 6). Посему, „если душа прилѣпляется Господу, то и Господь, милосердіемъ и любовію подвигнутый, къ ней приходитъ и ей прилѣпляется, и тако единъ духъ и едино раствореніе, и единъ разумъ бываетъ душа и Господь" (§ 8). „Для человѣка нужно", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ **) „чтобы не только самъ онъ былъ въ Богѣ, но и Богъ былъ въ немъ."

Не подумалъ бы кто однакожъ, что живой союзъ съ Богомъ есть исчезновеніе души въ Богѣ съ насиліемъ ея самостоятельности и свободы. Нѣтъ, хотя душа дѣйствительно стоитъ при семъ подъ Божественнымъ вліяніемъ, прикасается нѣкоторымъ образомъ Богу и проникается Его силою, однакожъ не перестаетъ быть душею—существомъ разумно-свободнымъ, подобно тому, какъ раскаленное желѣзо или уголь, проникаясь огнемъ, не перестаютъ быть желѣзомъ и углемъ. Она пріобрѣтаетъ только чрезъ сіе общеніе полнѣйшую и скорѣйшую силу дѣйствовать по волѣ Божіей—свободно, но и безпрекословно. Съ другой стороны и то невѣрно, еслибъ кто сталъ думать, что когда Богообщеніе поставляется

---

*) Хр. Чт. 1825. XVII. 190.

**) Посл. стр. 429. Моск издан. 1852.

послѣднею цѣлію человѣка, то человѣкъ сподобится его послѣ, въ концѣ, наприм., всѣхъ трудовъ своихъ. Нѣтъ, оно должно быть всегдашнимъ, непрерывнымъ состояніемъ человѣка, такъ что, коль скоро нѣтъ общенія съ Богомъ, коль скоро оно не ощущается, человѣкъ долженъ сознаться, что стоитъ внѣ своей цѣли и своего назначенія. Состояніе, въ которомъ человѣкъ сознаетъ, что Богъ истинный есть его Богъ, и самъ онъ есть Божій, т. е., говоритъ въ сердцѣ своемъ Богу: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28), какъ Апостолъ Ѳома, и къ себѣ самому: *Божій есмь—Божій есмь* (Ис. 44, 5), — такое состояніе есть единое истинное состояніе человѣка, есть единый рѣшительный признакъ присутствія въ немъ начала истинно-нравственной и духовной жизни.

И такъ далеки отъ истины тѣ, кои поставляютъ послѣднею цѣлію человѣка самого же человѣка, какими бы пышными названіями они ни украшали ее, развитіемъ, напр., духовныхъ силъ или стремленіемъ къ усовершенствованію. При такой цѣли люди разъединяются заботою только о себѣ и привыкаютъ все обращать въ средство, не исключая даже и Самого Бога, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, человѣкъ, какъ и все сотворенное, есть средство въ десницѣ Божіей для цѣлей Его Божественнаго Промысла. *Вся созда Господь Себе ради* (Притч. 16, 4). Посему *о Немъ живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28), *яко изъ Того, и Тѣмъ и въ Немъ всяческая* (Рим. 11, 36). Несправедливо послѣднею цѣлію человѣка поставлять и одно благо ближнихъ, т. е., людей, даже и въ томъ смыслѣ, что вся забота его должна быть обращена на благосостояніе общества. Содѣйствовать общему благу есть безпрекословно долгъ человѣка, но не первый и не исключительный. Если поставить это первымъ долгомъ, то всякій человѣкъ мысль и сердце обратитъ на другихъ, а не къ Богу, и слѣдовательно всѣ

въ совокупности составятъ общество людей, сомкнутыхъ въ себѣ, но душею отторгнутыхъ отъ Бога. Это будетъ тѣло безъ главы. Напротивъ, при Богообщеніи, всѣ люди, сходясь въ сей единой цѣли, не мысленно только, но самымъ дѣломъ соединяются, и всѣ, единымъ духомъ и единою силою преисполняясь, составляютъ единое, живое и стройное тѣло. Подъ этимъ только условіемъ и можетъ созидаться истинный и надежный союзъ между людьми.

Вотъ цѣль! β) Спрашивается, какой путь къ сей цѣли, или какъ приспособленъ къ ней человѣкъ?

Твари неразумныя достигаютъ своего назначенія, сами не зная того, по самой природѣ или устройству своему. Человѣкъ — тварь разумно-свободная—долженъ самъ сознать свою цѣль, познать *путь*, ведущій къ ней, и *свободно* опредѣлить себя идти неуклонно симъ путемъ, чтобы достигнуть цѣли и осуществить свое назначеніе. Изъ сего само собою открывается, что, коль скоро указано будетъ αα) *значеніе нравственной свободы* и ея истинное употребленіе, коль скоро будетъ опредѣленъ ββ) *путь*, который она должна избрать, и γγ) обозначены *основанія*, по которымъ она должна это сдѣлать,— то совокупностію всѣхъ этихъ понятій изобразится, какъ приспособленъ человѣкъ къ своей цѣли, къ которой долженъ стремиться всѣмъ своимъ существомъ, и слѣдовательно обозначится все, что отъ него требуется, чтобъ быть вѣрнымъ своему назначенію, или, что тоже. быть въ общеніи съ Богомъ.

αα) Удостоивъ воспринимать человѣка въ живое общеніе съ Собою, Господь даровалъ ему *свободу*, чтобъ сіе общеніе совершалось Богодостойнымъ образомъ, т. е., даровалъ ему власть располагать своими внутренними и внѣшними дѣйствіями по представленію цѣли, или по своему усмотрѣнію. Ибо человѣкъ долженъ напередъ вла-

дѣть собою, чтобъ потомъ предать себя Богу. Богъ, устроивъ существо человѣка, отдалъ его самому себѣ, чтобы дѣлалъ, что хочетъ, съ собою и съ своими силами. *Самъ изъ начала сотвори человѣка,* говоритъ Прем. Сирахъ *и остави его въ руцѣ произволенія его* (15, 14).

Свобода Принадлежитъ лицу человѣка и составляетъ его характеристическую черту. Своими мыслями, желаніями, чувствами и соотвѣтствующими имъ дѣлами долженъ завѣдывать самъ человѣкъ. Въ семъ смыслѣ онъ самъ для себя есть правительственное лице. Ближайшія къ сознанію силы составляютъ его внутренній совѣтъ, съ помощію котораго онъ рѣшаетъ всѣ свои дѣла и начинанія. Требованія поступаютъ къ человѣку съ разныхъ сторонъ, и совнѣ и извнутри, но, при всей силѣ ихъ, самаго дѣйствія, внушаемаго ими, никогда не бываетъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ сознательнаго рѣшенія на него отъ самого человѣка. Въ семъ-то рѣшеніи или согласіи на дѣло состоитъ существо свободы. Насильно не можетъ исторгнуть его никакая сила. Одно слово: не соизволяю—обезоруживаетъ всякую власть и всякое насиліе *).

Такимъ изображается человѣкъ повсюду въ Словѣ Божіемъ. Здѣсь самыя необходимыя для него распоряженія предлагаются его свободѣ и избранію. Такъ Моѵсей, изобразивъ Израилю, въ чемъ его животъ и смерть, благословеніе и клятва, убѣждаетъ его: *избери себѣ животъ, да живеши ты и сѣмя твое* (Втор. 30, 10). *Изберите сами себѣ,* говоритъ тому же народу Іисусъ Навинъ,—*кому послужите* (24, 15). Тоже самое слышимъ и отъ Сираха: *предложихъ ти огнь и воду, и на неже хощеши, простреши руку твою. Предъ человѣкомъ животъ и смерть, и, еже аще изволитъ, дастся ему* (15,

*) См. *св. Димитр. Ростовск.* о хульныхъ помыслахъ, ч. III.

16. 17). И Спаситель, пришедши на землю, не связываетъ свободы, но предлагаетъ на выборъ: *иже аще хощетъ по Мнѣ ити* и проч. (Мат. 16, 24); *аще хощеши совершенъ быти* .. (19, 21). Не насильно входитъ въ домъ души, а *стою*, говоритъ, *при дверехъ, и толку, аще кто услышитъ* (Апок. 3, 20). „Богъ насильно не влечетъ насъ“, говоритъ Св. Златоустъ *). „Онъ далъ намъ власть избирать худое и доброе, чтобъ мы были добры свободно. Душа, какъ царица надъ самой собою и свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, не всегда покоряется Богу, а Онъ не хочетъ насильно и противъ воли сдѣлать душу добродѣтельною и святою. Ибо, гдѣ нѣтъ произволенія, тамъ нѣтъ и добродѣтели. Надобно убѣдить душу, чтобы по своей волѣ она сдѣлалась доброю.“

Въ свободѣ дана человѣку нѣкоторая независимость, но не съ тѣмъ, чтобы онъ своевольничалъ, а чтобы свободно подчинилъ себя волѣ Божіей. Добровольное подчиненіе свободы волѣ Божіей есть единое истинное и единственно-блаженное употребленіе свободы. Воля Божія есть начало, по которому человѣкъ долженъ располагать свои дѣйствія. Ею одною рѣшительно надлежитъ руководствоваться ему въ своеличныхъ распоряженіяхъ. Подъ этимъ только условіемъ его свобода получитъ просторъ и широту; ибо ни въ самомъ человѣкѣ, ни внѣ его ничего нѣтъ свободнаго. Все устроено по опредѣленнымъ законамъ воли Божественной, которая послѣ сего одна и остается совершенно свободною. Посему приличнымъ поприщемъ для свободы можетъ быть только воля Божія. Подчиняясь ей, свобода человѣка становится какъ бы неограниченною, или вступаетъ въ безпредѣльную нѣкоторую область: *хождахъ въ широтѣ, яко заповѣди Твоя взыскахъ*, говоритъ Пророкъ Давидъ

*) Хр. Чт. 1835, II, 33.

(Псал. 118, 45). „Смотри, какія неизъяснимыя тайны совершаются въ душѣ“, говоритъ Макарій Великій (Бес. 46), „какъ расширяются и распространяются помыслы ума ея и въ долготу, и въ широту, и въ глубину, и въ высоту всего видимаго и невидимаго творенія.“ Напротивъ, при другомъ какомъ нибудь употребленіи свободы, съ одной стороны постраждетъ благо человѣка, съ другой — самая свобода попадетъ въ стѣснительныя узы. Весь человѣкъ въ своемъ составѣ и силахъ, равно какъ и весь порядокъ окружающихъ его вещей, запечатлѣны закономъ Божественной воли. Если человѣкъ съ таковыми силами и въ такомъ мірѣ начнетъ дѣйствовать по чуждымъ волѣ Божіей началамъ, то онъ необходимо войдетъ въ противорѣчіе и съ собою и съ міромъ: будетъ разстроивать себя и подвергнется бѣдственному вліянію совнѣ, т. е., человѣкъ неизбѣжно будетъ бѣдствовать и страдать. Мало того, самое употребленіе свободы его ограничится. Самовольно уклоняясь отъ воли Божіей, человѣкъ неизбѣжно попадаетъ въ нѣкоторыя узы и теряетъ значительную часть возможныхъ для него совершенствъ. „Если свободенъ человѣкъ“, спрашиваетъ Святитель Тихонъ, то ему можно дѣлать все, что хочетъ?“ и отвѣчаетъ: „нѣтъ. Не въ томъ свобода, чтобы жить своевольно. Это не столько свобода, сколько рабство—истое, тяжкое. Непокорные Богу подпадаютъ подъ тяжкое иго мучителя—діавола и грѣха, дѣлаются бѣднѣйшими плѣнниками страстей и состоятъ подъ клятвою законною“ *). Такъ, человѣкъ—тварь свободная, уклонившись отъ воли Божіей, впадаетъ въ область мрака, объятую гнѣвомъ Божіимъ, гдѣ поступаетъ подъ власть сатаны, грѣха и страстей, въ немъ самомъ и въ другихъ свирѣпствующихъ.

---

*) Томъ XI, стр. 161.

ββ) Такимъ образомъ самъ собою обозначается *путь*, который свободно должны мы избрать, чтобы выполнить свое назначеніе, именно—путь воли Божіей. Одинъ Богъ, благоволившій создать насъ разумно-свободными и давшій намъ это высокое назначеніе—быть въ живомъ общеніи съ Собою, можетъ указать намъ вѣрный *путь*, которымъ можемъ мы достигнуть сего Богообщенія и пребывать въ немъ. *Кто бо отъ человѣкъ познаетъ совѣтъ Божій; или кто помыслитъ, что хощетъ Богъ;... волю Его кто позна* (Прем. Солом. 10, 13—18), если не Самъ Онъ откроетъ ее. Это объявленіе воли Божіей разумнымъ тварямъ, или указаніе, какъ должны онѣ управлять своими внутренними и внѣшними дѣйствіями, чтобы угодить Богу, есть заповѣдь Божія, или законъ нравственный, — *законъ Господень непорочный, обращающій души, свидѣтельство Господне вѣрное, умудряющее младенцы, оправданіе Господне правое, веселящее сердце, заповѣдь Господня свѣтлая, просвѣщающая очи...* (Пс. 18, 8—11). Потому неуклонное пребываніе въ законѣ Божіемъ, охотное хожденіе по заповѣдямъ Его, вѣрное исполненіе оправданій Его есть единственно-благонадежный путь къ Богообщенію. Только *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ*, учитъ Апостолъ (Гал. 3, 12). *Аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди*, сказалъ Господь одному ревнителю Богоугожденія (Матѳ. 19, 17); а всѣмъ вообще обѣтовалъ: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя... Аще кто любитъ Мя, заповѣди Моя соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23).

Посему то Слово Божіе называетъ законъ путемъ, свѣтомъ, свѣтильникомъ, сіяющимъ въ темномъ мѣстѣ (Псал. 118. 32. 35. 105; 2 Петр. 1, 19), и исполненію его усвояетъ тѣ блага, которыя могутъ истекать только изъ

Богообщенія. Мужъ, хранящій законъ, развивается, какъ *древо при исходищахъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ, и вся, елика аще творитъ, успѣетъ* (Псал. 1, 3). Посему-то Самъ Богъ съ такою заботливостію и съ нѣкоторою, такъ сказать, настойчивостію открывалъ всегда людямъ волю Свою и давалъ имъ Свои законоположенія. Первое Свое законоположеніе напечатлѣлъ Онъ въ совѣсти, по которой и язычники, не имѣющіе закона, естествомъ законная творятъ, будучи сами для себя законъ (Римл. 2, 14). „Душа подлинно дѣло великое, Божіе и чудное!“ говоритъ Макарій Великій (Бес. 46). „При созданіи ея такою сотворилъ ее Богъ, что въ естество ея не было вложено порока; напротивъ того, Онъ сотворилъ ее по образу добродѣтели Духа, вложилъ въ нее законы добродѣтелей—разсудительность, благоразуміе, любовь и прочія добродѣтели,“ для того, какъ замѣчаетъ Св. Златоустъ въ одномъ мѣстѣ (см. Кн. крат. поуч. нояб. 6), чтобы никто не отзывался невѣдѣніемъ закона. Потомъ, когда, вслѣдствіе паденія, помрачилось, или какъ покрываломъ какимъ закрылось это внутреннее законоположеніе, и въ насъ образовался сверхъ того инъ законъ, противовоюющій закону Божію, то Господь послалъ законъ писанный, чтобъ возстановить, очистить отъ примѣси и уяснить въ сознаніи людей сей внутренній законъ, и доставить имъ надежнѣйшее руководство къ благочестію и Богоугожденію. Наконецъ, когда и сей законъ, уясняя требованія воли Божіей, вмѣстѣ же съ тѣмъ освѣщая жизнь человѣка въ ея отношеніи къ закону и, подобно зеркалу, представляя ликъ ея, всегда почти нечистый и безобразный, только обличалъ людей въ ихъ беззаконіяхъ, а не исправлялъ, только указывалъ путь, а не давалъ силы идти по нему; — то милосердый Господь обѣтовалъ открыть людямъ иной путь и дать новый за-

конъ. *И дамъ имъ путь инъ и сердце ино... дая законы Моя въ мысли ихъ и въ сердцахъ ихъ напишу Я, и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ Мнѣ въ людіе* (Іер. 32, 39; 31, 33). И дѣйствительно даровалъ и даруетъ сей *законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ* (Рим. 8, 2).

γγ) Не смотря впрочемъ на такую важность закона, онъ все стоитъ какъ бы внѣ свободы. Чтобы свободное существо шло путемъ закона, для сего необходимо должно произойти предварительно ихъ добровольное сочетаніе, а для того должны быть *основанія*, по которымъ свободное существо произвольно должно связать себя закономъ. Существо, невольно влекомое къ извѣстному роду дѣятельности, уже не свободно, равно какъ и законъ, безъ понудительныхъ основаній къ исполненію его, не есть законъ.

Само собою очевидно, что основанія сіи не могутъ заключаться ни въ свободѣ, потому что она должна еще только воспринять ихъ, чтобъ силою ихъ подчинить себя закону, ни въ самомъ законѣ, потому что онъ не имѣетъ самостоятельности и независимости. Ихъ надобно искать въ источникѣ свободы и закона—въ волѣ Бога, даровавшаго свободу и предписывающаго законъ. Другими словами: основанія, по которымъ человѣкъ добровольно долженъ подчинить свою свободу закону Божію, суть тѣже самыя, по которымъ для насъ священна воля Божія.

Воля же Божія должна быть священна для насъ потому, что есть воля Божія. Богъ—Царь нашъ. Мы безпрекословно, однакожъ охотно, должны повиноваться всему, на что есть Его опредѣленіе. Одно имя—Богъ должно заставлять насъ преклоняться предъ Его повелѣніемъ, ибо Онъ Владыка всего. Посему, когда дается заповѣдь или изрекается судъ на какой нибудь народъ въ Словѣ Божіемъ, всегда говорится: *тако,* или *сія*

глаголетъ Господь. Ибо *кто есть рекій противу Ему?* какъ говоритъ Іовъ (23, 13).

Такое безусловное и вмѣстѣ свободное повиновеніе Богу само собою образуется въ насъ 1) съ одной стороны изъ сознанія того, что Богъ есть нашъ Творецъ и Промыслитель. Жизнь наша отъ Бога, силы отъ Бога, наша участь и все, что есть у насъ, тоже отъ Бога: какъ же не повиноваться Ему? Посему 24 старца, поклонившись Богу Вседержителю, такъ воспѣли: *достоинъ еси, Господи, пріяти славу и честь и силу: яко Ты еси сотворилъ всяческая, и волею Твоею суть и сотворена* (Апок. 4, 11). Пророкъ Давидъ молится: *вразуми мя, и научуся заповѣдемъ Твоимъ.* Почему же?—Потому, что *руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя* (Пс. 118, 73). Далѣе онъ же исповѣдуетъ Богу: *закона Твоего не забыхъ, оправданій Твоихъ взыскахъ.* Почему же?—*ибо Твой есмь азъ... душа моя въ руку Твоею выну* (Пс. 97, 109). 2) Съ другой—изъ сознанія того, что Онъ же есть нашъ Судія и Мздовоздатель. Хотя Богъ даровалъ намъ свободу и слѣдовательно нѣкоторую независимость, однакожъ хощетъ, чтобы мы непремѣнно достигали своего назначенія и именно - путемъ Его заповѣдей. Посему не попускаетъ намъ безнаказанно ходить въ воляхъ сердца, а преслѣдуетъ судомъ, чтобы преклонить къ повиновенію. *Не даде ослабы ни единому же нечествовати,* говоритъ Сирахъ (15, 20). Посему, хотя говоритъ: *аще хощете* (Матѳ. 19, 17; 15, 15); но вмѣстѣ прибавляетъ: *аще не хощете, ниже послушаете Мене, мечь вы поястъ. Уста бо Господня глаголаша сія... Не престанетъ ярость Моя на противныя* до тѣхъ поръ, пока не покорятся (Ис. 1, 20. 24; Прем. Солом. 12, 28).

Эти-то два ощущенія, которыя впрочемъ не всегда сознаются ясно, печатлѣемыя со всѣхъ сторонъ въ сердцѣ, образуютъ въ немъ благоговѣйный страхъ или чув-

ство всесторонней зависимости нашей отъ Бога, которое и заставляетъ насъ добровольно покоряться опредѣленіямъ воли Божіей, или закону. Въ душѣ нашей сіе именно чувство всесторонней зависимости отъ Бога служитъ единственнымъ основаніемъ подчиненія нашей свободы закону. Поэтому всякій разъ, какъ слабѣетъ сіе чувство, люди предаются беззаконіямъ, и на оборотъ — предающіеся беззаконіямъ утѣшаютъ себя нѣкоторою независимостію отъ Бога. *Глаголютъ Господеви: отступи отъ насъ, путей Твоихъ видѣти не хощемъ. Что достоинъ, яко да поработаемъ Ему* (Іов. 21, 15). *Не узритъ Господь, ниже уразумѣетъ Богъ Іаковль* (Пс. 93, 7). *Тма окрестъ мене, и стѣны закрываютъ мя... грѣховъ моихъ не вспомянетъ Вышній* (Сир. 23, 25). Такъ и Василій Великій говоритъ, что все зло происходитъ отъ того, что оставляютъ великаго и истиннаго единаго Царя всѣхъ и Бога... и хотятъ лучше властвовать вопреки Господу, нежели сами быть подъ властію у Господа *). Вообще источникомъ нечестія въ Словѣ Божіемъ почитается Богозабвеніе (Втор. 32, 18) и отступленіе отъ Бога (тамъ же, 15).

Но и это чувство всесторонней зависимости есть только посредствующее, такъ сказать, звено между закономъ и свободою. Самое сочетаніе свободы и закона опять производится самопроизвольнымъ подчиненіемъ себя закону, или волѣ Божіей. При всѣхъ основаніяхъ не связываетъ насъ насильно Богъ, но оставляетъ насъ на свободѣ, чтобъ мы сами покорили и предали Ему въ жертву свою свободу,—единственное, какое можетъ человѣкъ сдѣлать отъ себя, приношеніе Богу, достойное Бога. Въ жертвоприношеніи свободы Богу состоитъ истинный характеръ нравственно-благочестивой жизни,

*) Хр. Чт. 1823. X. 5.

или, что тоже, онъ состоитъ въ рѣшимости не иначе располагать своими внутренними и внѣшними дѣйствіями, какъ по волѣ Божіей. Сею рѣшимостію начинается и поддерживается нравственная жизнь человѣка. Слово Божіе изображаетъ ее то подъ видомъ клятвы и вольнаго приношенія Богу: *кляхся*, говоритъ Давидъ, *и поставихъ сохранити судьбы правды Твоея. Вольная устъ моихъ благоволи, Господи* (Пс. 118, 106. 108); то подъ видомъ смиренія предъ Богомъ и обращенія къ Нему, напр., у Іова: *аще обратишася и смириши себе предъ Господемъ, и далече сотвориши отъ жилища твоего неправду... будетъ тебѣ Вседержитель Помощникъ* (Іова 22, 23—30; Ос. 6, 1); то подъ видомъ взысканія Господа: *взыщите Господа, и внегда обрѣсти вамъ Того, призовите: егда же приближится къ вамъ, да оставитъ нечестивый пути своя, и мужъ беззаконенъ совѣты своя, и да обратится къ Господу* (Ис. 55, 6. 7); то наконецъ подъ видомъ исчезновенія въ законѣ и Богѣ: *очи мои исчезостѣ во спасеніе Твое и въ слово правды Твоея* (Пс. 118, 81. 82).

Заключимъ изъ сего, что, когда человѣкъ, въ чувствѣ всесторонней зависимости своей отъ Бога, опредѣлитъ себя или рѣшится на неуклонное и всегдашнее хожденіе въ волѣ Божіей, или законѣ Божіемъ,—то онъ будетъ у своей цѣли, или выполнитъ свое назначеніе. Ибо можно сказать всякому: рѣшись и исполняй законъ, и будешь находиться въ постоянномъ общеніи съ Богомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ покоритъ себя Богу человѣкъ, Богъ усвояется человѣку, а человѣкъ—Богу. Ибо такъ говоритъ Самъ Господь: *будутъ Мнѣ въ люди, и Азъ буду имъ въ Бога: понеже обратятся ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ своимъ* (Іер. 24, 7). Св. Пророкъ Давидъ говоритъ: *часть моя еси, Господи, рѣхъ сохранити законъ Твой* (Пс. 118, 57), т. е., желая навсегда имѣть Бога своимъ, или, что тоже, быть въ общеніи съ Нимъ, Св. Пророкъ

рѣшается всегда исполнять Его святой законъ. У Іова это изображается подъ видомъ дерзновенія къ Богу. Онъ говоритъ, что обратившійся ко Господу и смирившійся предъ Нимъ имѣетъ Его Помощникомъ своимъ и самъ *возъимѣетъ дерзновеніе предъ Богомъ*, воззрѣвъ весело на небо (22, 26); а нечестивый—*еда имать когда дерзновеніе предъ Нимъ?* (Іов. 27, 10).

Отсюда γ) норму нравственной жизни вообще можно выразить въ слѣдующемъ правилѣ: *исполняй волю Божію, чтобъ быть въ общеніи съ Богомъ*, или: *пребывай въ общеніи съ Богомъ дѣятельнымъ исполненіемъ Его святой воли*. Это правило изрекается непрерывно во всемъ пространствѣ Слова Божія, и исполненіе его поставляется источникомъ всѣхъ благъ, а неисполненіе—всѣхъ золъ. Аврааму Богъ обѣщаетъ благословеніе—и не ему только, но и сѣмени его по немъ, подъ условіемъ благоугожденія: *благоугождай предо Мною* (Быт. 17, 1); Богъ избралъ народъ Израильскій, и этотъ народъ предаетъ себя Ему, единодушно взывая: *вся, елика глагола Господь, сотворимъ и послушаемъ* (Исх. 24, 7). И Спаситель говоритъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе: но творяй волю Отца Моего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 7, 21).

бб).

Норма нравственной христіанской жизни.

Нормою нравственной жизни вообще изображается существо перваго завѣта, или духовная жизнь человѣка въ первобытномъ его состояніи. Какъ покорное дитя, смиренно ходилъ бы онъ въ волѣ Божіей и тѣмъ состоялъ бы въ Его благоволеніи и пребывалъ бы въ постоянномъ общеніи съ Нимъ. Всѣмъ нужнымъ къ достиженію сей цѣли обладалъ уже человѣкъ, именно: сво-

бодою — чистою, нестѣсняемою, сознаніемъ закона— опредѣленнымъ и очевиднымъ, чувствомъ страха Божія, или зависимости отъ Бога,—сильнымъ, а потому и рѣшимостію ходить въ волѣ Божіей невозмутимою. Какъ чрезъ самое сотвореніе человѣкъ поставленъ былъ въ своемъ назначеніи, такъ и пребывалъ бы въ немъ тѣми силами и средствами, какія даровалъ ему милосердый Творецъ и Промыслитель.

Но когда человѣкъ палъ, то подвергся всестороннему разстройству и самъ въ себѣ, и въ своихъ отношеніяхъ. Общеніе съ Богомъ прервано: человѣкъ подъ клятвою, не смѣетъ воззрѣть на небо; свободная самодѣятельность связана грѣхомъ и страстями; законъ помрачился; чувство зависимости ослабѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла и рѣшимость ходить въ волѣ Божіей,—до того, что возвратиться къ ней человѣку самому нѣтъ возможности. Его держитъ въ узахъ грѣховнаго рабства князь тьмы— діаволъ.

Между тѣмъ и по паденіи человѣкъ остался человѣкомъ. Назначеніе его и цѣль есть тоже Богообщеніе; путь къ сей цѣли тотъ же—хожденіе въ волѣ Божіей, къ исполненію которой онъ самъ себя долженъ опредѣлить по чувству зависимости своей отъ Бога. И однакожъ изъ всего этого человѣкъ самъ собою не можетъ выполнить ни одного требованія. На всѣхъ пунктахъ необходима ему Божественная, чрезвычайная помощь.

Посему Тріединый Богъ—Отецъ, чрезъ Единороднаго Сына Своего и Святаго Духа, благоволилъ устроить на землѣ благодатное царство, въ которомъ и удовлетворяются вполнѣ крайнія духовныя нужды человѣка. Здѣсь отпадшій отъ Бога человѣкъ возсоединяется съ Нимъ чрезъ Господа—Іисуса Христа, какъ единаго Посредника, примиряющаго Бога съ человѣками и человѣковъ съ Богомъ,—примиренныхъ, приводящаго къ источ-

нику истинной жизни *); обезсилѣвшая свободная самодѣятельность человѣка возстановляется Божественною благодатію; недостатокъ исполненія закона восполняется вѣрою во Христа Спасителя; чувство зависимости отъ Бога и рѣшимость ходить въ волѣ Его воскрешаются въ покаяніи. Въ слѣдствіе *покаянія, по вѣрѣ* въ Господа — Іисуса Христа, нисходитъ въ человѣка въ таинствахъ *Божественная благодать,* которая, возраждая его, *соединяетъ съ Господомъ* — Іисусомъ Христомъ, *а чрезъ Него и въ Немъ съ Богомъ.*

Это необходимѣйшія условія къ истинно-христіанской жизни. Такъ явно, что главнѣйшее въ ней есть α) общеніе съ Господомъ — Іисусомъ Христомъ, въ Которомъ открывается человѣку источникъ истинной жизни, а β) на пути къ общенію со Христомъ Спасителемъ и въ общеніи съ Нимъ необходимы, какъ въ самомъ человѣкѣ, отчасти и со стороны человѣка, αα) покаяніе и ββ) вѣра,—такъ и свыше—зачинающая, образующая и совершающая въ существѣ человѣка новую жизнь во Христѣ γγ) Божественная благодать. По объясненіи сихъ сторонъ жизни христіанской откроется и γ) норма нравственной христіанской жизни.

α).

Общеніе съ Господомъ — Іисусомъ Христомъ.

Теперь человѣку нельзя иначе вступить въ живой союзъ съ Богомъ, какъ чрезъ Іисуса Христа. *Никто же можетъ пріити ко Отцу, токмо Мною,* говоритъ Господь (Іоан. 14, 6). *Посему единъ есть Богъ, и единъ Ходатай Бога и человѣковъ—человѣкъ Христосъ Іисусъ* (1 Тим.

*) См. выше—общія положенія о воплощенномъ домостроительствѣ.

2, 5), Которымъ однимъ имѣемъ *приведеніе ко Отцу* (Ефес. 2, 18).

Три зла потерпѣлъ отпадшій отъ Бога человѣкъ: подвергся проклятію Божію, разстроился въ себѣ самомъ и подпалъ подъ власть діавола,—три зла такія, которыя опять силою своею держатъ человѣка въ состояніи отпаденія отъ Бога, такъ что приближеніе къ Богу не иначе возможно, какъ съ устраненіемъ этихъ золъ. Отъ всѣхъ ихъ избавилъ насъ Господь—Іисусъ Христосъ:

Снялъ съ насъ клятву смертію Своею (Гал. 3, 13), ибо Онъ жренъ за насъ (1 Кор. 5, 17), и мы освящены приношеніемъ тѣла Его (Евр. 10, 10). Во Христѣ Богъ примирилъ Себѣ міръ (2 Кор. 5, 18. 19) и даровалъ чрезъ Него людямъ дерзновеніе входить предъ Себя (Евр. 10, 19). Посему Апостолы и умоляли всѣхъ отъ лица Бога—примириться съ Нимъ во Христѣ Іисусѣ (2 Кор. 5, 18—20).

Уврачевалъ разстройство наше, ставъ для насъ силою во спасеніе (Рим. 1, 17; 1 Кор. 1, 24), преисполняясь которою, укрѣпляемся (1 Тим. 1, 12) и вся можемъ (Фил. 4, 13). Онъ оживляетъ насъ мертвыхъ прегрѣшенми (Еф. 2, 5) и освобождаетъ отъ закона грѣховнаго (Рим. 8, 2; Іоан. 8, 36). И вообще безъ Него мы не можемъ творить ничего истинно-добраго (Іоан. 19, 5).

Разрушилъ дѣла діавола, упразднилъ его, имущаго державу смерти (Евр. 2, 14), осудилъ сего князя міра и изгналъ его вонъ (Іоан. 12, 31; 16, 11); потому всѣхъ вѣрующихъ извлекаетъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ и изъ области сатанины къ Богу, облекая ихъ во все оружіе Божіе, яко возмощи имъ стати противу кознемъ діавольскимъ (Еф. 6, 11).

Но сіе неизслѣдимое богатство Христово (Еф. 3, 8) сокрыто въ Немъ Самомъ. Онъ для людей правда, освященіе, избавленіе (1 Кор. 1, 30), животъ (Іоан. 1, 3;

Кол. 3, 4) и единственный источникъ всѣхъ небесныхъ благословеній (Еф. 1, 3. 10); въ Немъ мы сооживлены, спосаждены на небесныхъ (Еф. 2, 5. 16), усыновлены Богу (Рим. 8, 4—17); но такъ, что дѣйствительно сподобляются всѣхъ благъ, заключенныхъ для насъ во Христѣ и открывающихся въ Немъ падшему человѣчеству, только тѣ изъ людей, кои вступаютъ въ живое общеніе съ Нимъ и такъ тѣсно соединяются, какъ члены съ тѣломъ (1 Кор. 6, 15), или какъ вѣтви съ лозою (Іоан. 15, 5). Посему общеніе съ Господомъ—Іисусомъ Христомъ—заповѣдуется и изображается, какъ единственное и верховное благо. Такъ Самъ Господь говоритъ Апостоламъ: *будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 15, 4). Богъ Отецъ чрезъ Апостоловъ призываетъ насъ именно *во общеніе Сына Своего, Господа нашего —Іисуса Христа* (1 Кор. 1, 9); Апостолы вѣрующихъ называютъ *причастниками Христу* (Евр. 3, 14); молятъ Бога *вселитися Христу въ сердца ихъ* (Еф. 3, 17); жалѣютъ объ упразднившихся отъ Христа и болѣзнуютъ, пока Онъ опять вообразится въ нихъ (Гал. 4, 19; 5, 4); о самихъ себѣ свидѣтельствуютъ, что не ктому уже они живутъ, но живетъ въ нихъ Христосъ (Гал. 2, 20), и всѣмъ заповѣдуютъ облекаться во Христа (Рим. 13, 14), поставляя и цѣлію Божественнаго домостроительства сіе: да будемъ во истинномъ Сынѣ Его, Господѣ нашемъ—Іисусѣ Христѣ (Іоан. 5, 20).

Такъ открывается, что единственное средство къ общенію съ Богомъ есть общеніе съ Господомъ – Іисусомъ Христомъ. Тайну сію открылъ Самъ Спаситель Св. Апостоламъ, говоря: *Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20). Посему училъ, что Отецъ любитъ тѣхъ только, кои любятъ Его (Сына), приходитъ къ нимъ и вмѣстѣ съ Нимъ творитъ въ нихъ Себѣ обитель (Іоан. 14, 25; 16, 27), и молился ко Отцу: *да вси едино*

будутъ якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ (Іоан. 17, 21).

Таинственнаго общенія съ Господомъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ, сподобляются вѣрующіе во святомъ таинствѣ крещенія. Здѣсь они содѣловаются членами тѣла Христова и облекаются въ Господа, какъ учитъ Апостолъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27), а вмѣстѣ съ тѣмъ сподобляются и тѣхъ благъ, которыя стяжалъ для насъ Господь: оправданія и возрожденія. Погружаемый въ крещеніи спогребается Христу и воспріемлетъ силу смерти Его—прощеніе грѣховъ (Рим. 6, 3 . Крещенный выходитъ изъ купели въ обновленной жизни, какъ нова тварь, яко кому не работати грѣху, который съ сихъ поръ уже не обладаетъ имъ и не царствуетъ въ немъ (Рим. 6, 3—14). О сихъ благахъ говоритъ Апостолъ: *но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего—Іисуса Христа, и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6, 11).

β).

Сообщаемые, впрочемъ, при семъ дары запечатлѣваютъ внутреннѣйшія измѣненія, которыя должны происходить въ сердцѣ приступающаго къ Господу прежде крещенія и которыми собственно полагается основаніе, начало и зародышъ жизни истинно-христіанской. Сіи измѣненія суть *покаяніе и вѣра*, какъ требовалъ и Самъ Спаситель отъ всѣхъ, приходящихъ къ Нему, говоря: *покайтеся и вѣруйте во Евангеліе* (Мар. 1, 15). Они производятся въ душѣ *Божественною благодатію*—предваряющею. Въ крещеніи же благодать входитъ *) внутрь—въ сердце христіанина, и потомъ постоянно пребываетъ

*) См. бл. Діадоха. Доброт. т. 3. гл. 76.—Тоже и у св. Макарія неоднократно.

въ немъ, вспомоществуя ему жить по христіански и восходить отъ силы въ силу въ духовной жизни.

аа) Покаяніе.

Открывающаяся въ сознаніи и опытѣ причина худой жизни есть ослабленіе въ насъ чувства страха Божія, или чувства зависимости отъ Бога, ослабленіе, доходящее иногда до крайней степени—до совершенной потери сего чувства. Дѣйствующее въ насъ начало грѣховной жизни есть себялюбіе или самоугожденіе, иначе, *эгоизмъ:* самость. Сокрушается самость,—и воскресаетъ у человѣка страхъ Божій, или чувство зависимости отъ Бога, въ покаяніи.

Тотъ человѣкъ живетъ въ состояніи отпаденія отъ Бога, который для себя только живетъ и не думаетъ о Богѣ и небѣ, или, по словамъ Давида: *не предлагаетъ Бога предъ собою* (Пс. 33, 5; 85, 14). У такого обыкновенно вся забота о чемъ нибудь своемъ: или о познаніи, или объ искусствѣ, или о должности, или о семействѣ, или, еще хуже, о наслажденіи и удовлетвореніи какой нибудь страсти; о будущей жизни онъ не думаетъ, а настоящую старается устроить такъ, чтобы жить спокойно и какъ бы вѣчно; внутрь себя не обращается, поэтому и не знаетъ своего состоянія и тѣхъ слѣдствій, какія будутъ отъ его жизни, но всегда считаетъ себя чѣмъ-то великимъ и гонимъ бываетъ все впередъ суетною заботою; другихъ нелюбитъ, а обходится съ ними, какъ только требуетъ приличіе,—посему готовъ и обидѣть, если это не очернитъ его самого; онъ иногда дѣлаетъ и добрыя дѣла, но они всѣ суть свойства душевнаго (Посл. Вост. Патр. 3 чл.), напитаны общимъ его духомъ самолюбія, которое отнимаетъ у нихъ истинную цѣну. Все это исповѣдуетъ всякій обратившійся къ Богу,

а необратившійся, пока пребываетъ въ семъ состояніи, какъ бы иногда, по видимому, строго не принимался разбирать себя и свою жизнь, никакъ ни можетъ увѣрить себя, что его дѣла ничтожны и злы. Сатана, обладающій человѣкомъ посредствомъ грѣха, живущаго въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ его самостію, — какъ летаргическимъ сномъ поражаетъ его духъ во всѣхъ силахъ. Поэтому онъ недугуетъ ослѣпленіемъ, нечувствіемъ и нерадѣніемъ.

Человѣку, находящемуся въ такомъ состояніи, самому очувствоваться нельзя, пока въ его грѣховной тьмѣ не возсіяетъ свѣтъ Божественной благодати. Тьму наводитъ на него сатана, запутываетъ его въ свои сѣти, отъ которыхъ никто не возникнетъ безъ вразумленія свыше (2 Тим. 2, 26). *Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ*, говоритъ Господь, *аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его... Всякъ слышавый отъ Отца и навыкъ, ко Мнѣ пріидетъ* (Іоан. 6, 44. 45). Посему Самъ Господь стоитъ *при дверехъ сердца и толчетъ*, какъ бы говоря: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ* (Апок. 3, 20; Еф. 5, 14).

Сей голосъ Божій—зовущій—приходитъ къ грѣшнику или непосредственно, прямо въ сердце, или посредственно, преимущественно чрезъ Слово Божіе, а нерѣдко и чрезъ многообразныя происшествія внѣшнія, въ природѣ и въ жизни его самого и другихъ. Но всегда онъ падаетъ на совѣсть, пробуждаетъ ее и, на подобіе молніи, освѣщаетъ (ясно представляетъ сознанію) всѣ законныя отношенія человѣка, которыя имъ были нарушены и извращены. Поэтому сіе дѣйствіе благодати и открывается всегда сильнымъ безпокойствомъ духа, смятеніемъ, опасеніемъ за себя и самопрезрѣніемъ. Впрочемъ, оно не влечетъ насильно человѣка, а только останавливаетъ его на пути порочномъ, послѣ чего человѣкъ совершенно властенъ или обратиться къ Богу, или опять погрязнуть

въ тьму самолюбія. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ сіе состояніе выражено словами: *въ себе пришедъ* (Лук. 15, 17).

Въ человѣкѣ, внявшемъ (не противодѣйствующемъ) дѣйствію благодати, призывающей и просвѣщающей его внутреннюю тьму, открывается особенная способность живо воспринимать откровенныя истины, какъ бы нѣкоторый особенный сердечный слухъ и внятіе: *открываются очи* (Дѣян. 26, 18), дѣйствуетъ *духъ премудрости въ познаніи* истины (Еф. 1, 18. 19). Примѣры сему представляютъ всѣ обращающіеся (напр. Марія Египетская, Евдокія и проч.). Истины откровенныя изучаться могутъ и безъ содѣйствія благодатнаго, но тогда онѣ, слагаясь въ умѣ, обыкновенно не проникаютъ глубоко въ сердце. Подъ дѣйствіемъ же благодати сердце именно и питается ими, принимая ихъ внутрь себя, совершенно усвояя и удерживая ихъ въ себѣ,—становится какъ бы ненапоимою губкою. При семъ, такъ какъ откровеніе составляютъ законъ и Евангеліе, то, воспринимая сердцемъ откровенныя истины, обращающійся испытываетъ двоякаго рода измѣненія: одни тяжкія и безотрадныя, другія облегчающія и успокоивающія душу. Однакожъ, соотвѣтственно состоянію обращающагося, прежде всего всею тяготою своею налегаетъ на него законъ и истязуетъ его, какъ виновника. Рядъ измѣненій такого рода въ сердцѣ составляетъ совокупность покаянныхъ чувствъ.

Въ семъ порядкѣ прежде всего происходитъ *познаніе грѣховъ*. Законъ показываетъ человѣку всѣ обязательныя для него дѣйствія, или заповѣди Божіи, а сознаніе представляетъ цѣлое поле дѣйствій, противныхъ имъ, съ увѣреніемъ, что они могли и не быть, что всѣ суть дѣло его свободы и допущены имъ не рѣдко съ сознаніемъ ихъ незаконности. Слѣдствіемъ сего бываетъ внутренне *обличеніе* человѣка во всѣхъ опущеніяхъ и нарушеніяхъ:

человѣкъ чувствуетъ себя всесторонне виновнымъ предъ Богомъ, безизвинительнымъ, безотвѣтнымъ. Отсюда, далѣе, болѣзненныя, скорбныя, *сокрушительныя о грѣхахъ чувства* тѣснятся въ сердце съ разныхъ сторонъ: *презрѣніе къ себѣ* и негодованіе на злой свой произволъ, потому что самъ всему виною; *стыдъ*, что до такого уничижетельнаго состоянія довелъ себя; *болѣзненный страхъ* и ожиданіе близкихъ золъ отъ того. что оскорбилъ грѣхами своими Бога всемогущаго и праведнѣйшаго; наконецъ смятенное *чувство безпомощности* и безнадежности довершаетъ пораженіе: желалъ бы человѣкъ все зло это стрясть съ себя, но оно срослось будто съ нимъ, желалъ бы даже умереть, чтобъ возстать въ лучшемъ состояніи, но не властенъ сдѣлать это. Тогда-то человѣкъ изъ глубины души начинаетъ вопіять: *что сотворю, что сотворю?* какъ вопіялъ народъ отъ обличеній Іоанна Крестителя (Лук. 3, 10. 12. 14) и отъ словъ Апостола Петра, по сошествіи Святаго Духа (Дѣян. 2, 37). Здѣсь всякій, хотя бы былъ властелинъ или другой какой знаменитѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ, чувствуетъ, что онъ пойманъ судомъ Божіимъ и совершенно подлежитъ Его силѣ,—что онъ *червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и уничиженіе людей* (Пс. 21, 7),—т. е., въ прахъ обращается вся самость человѣческая и воскресаетъ сознаніе повинности Богу, или чувство зависимости отъ Него—полной, неизбѣжной.

Такія чувства тотчасъ готовы принесть и плодъ свой, возбудить, то-есть, къ покорности Богу, или въ настоящемъ случаѣ къ тому, чтобы исправиться и начать новую жизнь по волѣ Божіей. Но при семъ свыше тѣснитъ человѣка чувство гнѣва Божія и Божіей клятвы, а въ себѣ обезоруживаетъ сознаніе безсилія одолѣть себя, по испытанной уже неоднократно силѣ страстей и испорченной воли. Потому онъ стоитъ, какъ пораженный, даже какъ бы не смѣя произвесть ни одного движенія. Здѣсь-то

въ благовременную помощь приходятъ къ нему, *съ одной стороны—вѣра*, а съ другой — *благодатная, вспомоществующая въ дѣланіи всякаго добра, сила.*

ββ) *Вѣра.*

Стѣсненному строгимъ обличеніемъ закона грѣшнику нигдѣ нельзя найти утѣшенія, кромѣ Евангелія—проповѣди о Христѣ Спасителѣ, пришедшемъ въ міръ грѣшниковъ спасти. Безъ Іисуса Христа—Господа грѣшникамъ, обличаемымъ отъ закона, невозможно бы было избѣжать отчаянія, почему и возвѣщается, что собственно для нихъ и пришелъ Спаситель. *Не пріидохъ*, говоритъ Онъ, *призвати праведныхъ, но грѣшныя на покаяніе* (Лук. 5, 32); еще: *пріиде Сынъ Человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Лук. 19, 10). „Вотъ кому проповѣдуется Евангельское утѣшеніе“, учитъ Святитель Тихонъ, „*нищимъ* т. е., тѣмъ, которые признаютъ свою духовную нищету, не находятъ въ себѣ никакой правды предъ Богомъ, а усматриваютъ одно окаянство; *сокрушеннымъ сердцемъ*, т. е., тѣмъ, у коихъ сердце какъ стрѣлою, уязвлено печалію о грѣхахъ... Законъ всегда есть *пѣстунъ во Христа* (Гал. 3, 24). Показывая нашу виновность и немощь, онъ заставляетъ искать иного посредства и, какъ бы взявши за руку, ведетъ ко Христу, ибо въ тѣснотѣ совѣсти нѣтъ иного прибѣжища, кромѣ Христа, Который *грѣхи наши Самъ на тѣлѣ Своемъ вознесе на древо* (2 Петр. 2, 24) и Котораго, *невѣдѣвшаго грѣха, Богъ по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. 5, 21)... Чтобъ въ сердцѣ зачалась вѣра Евангельская, необходимо предварительно познать немощь свою и живо восчувствовать гнѣвъ Божій, клятву, судъ и осужденіе, опредѣленное грѣшникамъ. Тогда уже въ сердцѣ, симъ страхомъ, какъ огнемъ, очи

щенномъ и предуготовленномъ зачинается и вѣра отъ Духа Святаго“ *).

Какъ дождь принимаетъ въ себя жаждущая земля, и какъ прохладительною влагою оживляется утомленный отъ зноя (Дѣян. 3, 19. 20), такъ истерзанная совѣстію душа впиваетъ благовѣстіе Евангелія, и сокрушенное сердце отрадно внимаетъ утѣшительнымъ вѣщаніямъ вѣры.

Здѣсь всему предшествуетъ *познаніе Господа* нашего— Іисуса Христа, или познаніе устроенія спасенія въ Немъ, то, чего просилъ Апостолъ Ефесеямъ: *яко увѣдѣти* (Еф. 1, 18). Такое познаніе есть необходимое условіе къ рожденію вѣры, или точка, съ которой начинается ея образованіе, ибо какъ вѣровать, не зная предмета вѣры? Посему Апостолы и посланы были научать проповѣдію людей, показывать, т. е., въ чемъ истина (Матѳ. 28, 19). Какъ увѣруютъ, говоритъ Апостолъ, если не услышатъ отъ проповѣдника? (Рим. 10, 14. 15). У жаждущаго спасенія это познаніе сопровождается услажденіемъ, занимаетъ всего его, обнимаетъ все вниманіе и оставляетъ послѣ себя желаніе еще слышать, еще поучаться, еще познавать. Слабое подобіе сему представляютъ Аѳиняне и Агриппа съ Фестомъ при проповѣди Апостола Павла (Дѣян. 17, 32; 26, 28—32).

Но не въ семъ еще вѣра. За познаніемъ, искренно принятымъ, слѣдуетъ *сердечное убѣжденіе въ истинѣ Евангелія*, или въ томъ, что спасеніе рода человѣческаго дѣйствительно устроилось такъ, какъ проповѣдуется, и что основанія спасенію людей иного нѣтъ и не можетъ быть, какъ въ Господѣ—Іисусѣ Христѣ. Это сердечное убѣжденіе составляетъ отличительное свойство вѣры. Многіе знаютъ умомъ домостроительство спасенія, но не у всѣхъ ихъ есть вѣра. Истинно вѣрующій такъ

---

*) См. Пр. Тих. т. 7, стр. 13. 14. 18. 19.

приверженъ сердцемъ къ вѣрѣ во Христа, что не только небоязненно исповѣдуетъ Его, но и стоитъ за сіе исповѣданіе до крови: оно дороже ему самой жизни.

Верхъ же совершенства вѣры составляетъ живѣйшее личное убѣжденіе, что Господь, какъ всѣхъ, такъ и меня спасъ, какъ со всѣхъ снялъ проклятіе, такъ и съ меня, какъ всѣхъ есть Животъ, такъ и мой, „Истинно вѣрующій“, говоритъ Свят. Тихонъ, „исповѣдуетъ со Апостоломъ: *вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ* (Гал. 2, 20). Сынъ Божій возлюбилъ весь міръ и предалъ Себя за весь міръ, но Апостолъ Павелъ сіе великое Его благодѣяніе присвояетъ себѣ. И Святый Дамаскинъ поетъ: *спаслъ еси всего мя человѣка... до мене идеши, меня ища заблуждшаго* (глас. 3, пѣсн. 4)“ *). „Въ такой вѣрѣ все существо христіанскаго блаженства заключается“ **), ибо отъ нея возраждается въ сердцѣ *дѣйствительное ощущеніе спасенія въ Господѣ*, чувство свободы отъ проклятія и гнѣва Божія, сознаніе собственнаго примиренія съ Богомъ въ Господѣ—Іисусѣ Христѣ. Такая вѣра (говоритъ Св. Тихонъ) освобождаетъ отъ грѣха, клятвы, ада, приноситъ съ собою веселіе духовное, радость о Господѣ Спасителѣ, о благости и человѣколюбіи Его собственно къ себѣ, миръ и спокойствіе совѣсти, какъ говоритъ Апостолъ: *оправдившеся вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (Рим. 5, 1) ***). Что происходило въ сердцѣ Галатянъ подъ дѣйствіемъ сей вѣры, о томъ такъ говоритъ Апостолъ: *кое убо бяше блаженство ваше; свидѣтельствую бо вамъ, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше дали бысте ми* (Гал. 4, 15).

Всѣ спасительныя дѣйствія вѣры, о коихъ упоми-

---

*) Т. 7. стр. 26, 27

**) Тамъ же, стр. 25.

***) Тамъ же, стр. 33, 35.

нается въ Св. Писаніи, принадлежатъ такой именно вѣрѣ. Главный же ея плодъ и какъ бы основаніе всѣхъ другихъ есть *оправданіе*. „Она (Св. Тих.) таинственно соединяетъ душу вѣрующаго со Христомъ, какъ невѣсту съ женихомъ (Осіи 2, 20; 2 Кор. 11, 2). При семъ Христосъ отъемлетъ отъ такой души клятву, осужденіе, всю скверну грѣха, а вмѣсто того подаетъ ей благословеніе, чистоту и святость (1 Кор. 1, 30). Какъ жену какую, Онъ облекаетъ ее въ чистую багряницу правды, да предъ очами Его и небеснаго Отца Его явится чиста и, какъ дщерь царская, духовною утварію одѣянна и преиспещренна (Пс. 44, 10). Созерцая сіе благо, Пророкъ, въ радости духовной, восклицаетъ отъ лица души, сподобившейся сего: *да возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя мя: яко на жениха возложи на мя вѣнецъ, и яко невѣсту украси мя красотою* (Ис. 61, 10) *).“ Должно однакожъ знать, что, какъ такое дарованіе по вѣрѣ ниспосылается собственно въ таинствѣ крещенія, гдѣ, какъ говоритъ Златоустый **), во время погруженія тѣла въ воду дается намъ и правда, и усыновленіе,—такъ здѣсь же напечатлѣвается и послѣднее чувство вѣры, т. е., дѣйствительное ощущеніе спасенія и оправданія въ Господѣ, ибо нельзя ощущать того, чего нѣтъ. Слѣдовательно въ крещеніи уже, принимаемомъ съ вѣрою, завершается самая вѣра.“

γγ) *Благодать (содѣйствующая).*

Человѣкъ, какъ бы уничтоженный судомъ закона, по мѣрѣ вступленія въ область вѣры, оживаетъ отрадою въ сердцѣ, восклоняетъ главу убитый скорбію, приходитъ

*) Т. 7, стр. 39.
**) Толков. на Посл. къ Римл стр. 230.

въ напряженіе разслабленный. Чѣмъ больше растетъ вѣра, тѣмъ болѣе вкореняется въ немъ увѣренность въ возможности и благоплодности усилій исполнять законъ съ помощію Божіею, вмѣстѣ съ тѣмъ образуется и укрѣпляется благое намѣреніе опредѣлить себя рѣшительно на служеніе Богу хожденіемъ въ Его законѣ. Пока не увѣрится человѣкъ въ помилованіи и помощи Божіей, не можетъ положить и рѣшительнаго намѣренія жить по волѣ Божіей (1 Петр. 1, 3). Посему-то, когда чувство благонадежности въ Богѣ и Божія благословенія, изливаемое въ сердце вѣрою во всеумилостивительную смерть Господа Іисуса, увѣряетъ его, что Богъ не презритъ его, не отвергнетъ, не оставитъ Своею помощію при исполненіи закона ради Господа; тогда уже, утверждаясь на семъ чувствѣ, какъ на камени, даетъ человѣкъ рѣшительный обѣтъ оставить все и посвятить себя Богу всего, безъ всякихъ ограниченій, воодушевляется ревностію ко всесторонней чистотѣ и святости, съ ненавистію ко грѣху, со страхомъ однакоже чая Божественной силы и помощи... Здѣсь-то совершается переломъ воли: человѣкъ бываетъ въ томъ состояніи, въ какомъ былъ блудный сынъ, когда говорилъ: *возставъ, иду*.

Рѣшительное, впрочемъ, намѣреніе сіе есть только условіе жизни по Богу, а не самая жизнь. Жизнь есть сила дѣйствовать. Жизнь духовная есть сила дѣйствовать духовно, или по волѣ Божіей. Такая сила потеряна человѣкомъ; посему, пока снова не дастся ему, онъ не можетъ жить духовно, сколько бы ни полагалъ намѣренія. Вотъ почему изліяніе благодатной силы въ душу вѣрующаго существенно необходимо для жизни истинно-христіанской. Истинно-христіанская жизнь есть жизнь благодатная. Возводится человѣкъ до святой рѣшимости; но, чтобъ онъ могъ и дѣйствовать по ней необходимо, чтобъ съ его духомъ сочеталась благодать.

При семъ сочетаніи нравственная сила, знаменуемая только первымъ воодушевленіемъ, запечатлѣвается въ духѣ и остается при немъ навсегда. Въ семъ-то возстановленіи нравственной силы духа и состоитъ дѣйствіе возрожденія, совершаемаго въ крещеніи, гдѣ ниспосылается человѣку, какъ оправданіе, такъ и сила дѣйствовать *по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 24). Такъ истинно-христіанская жизнь зачинается въ крещеніи, которое и называется *банею пакибытія и обновленія Духа Святаго* (Тит. 3, 5), *новымъ рожденіемъ* (1 Іоан. 3, 5), а крещенный—*новою тварію во Христѣ* Іисусѣ (2 Кор. 5, 17) *).

Съ сего времени вселившаяся въ человѣка благодать пребываетъ въ немъ, вспомоществуя ему быть вѣрнымъ Господу до смерти, чтобъ *воспріять вѣнецъ жизни* (Апок. 2, 10); ибо всѣ вѣрующіе не иначе, какъ *силою Божіею, соблюдаются, чрезъ вѣру, во спасеніе, готовое явитися въ послѣднее время* (1 Петр. 1, 5). Воспріявъ сію силу, человѣкъ благонадежно ходитъ въ исполненіи Божественнаго закона, или ходитъ какъ левъ, уповая, подъ безпрерывнымъ осѣненіемъ Божественной благодати, съ радостію, вмѣстѣ и со страхомъ, предаваясь ея водительству (Пс. 2, 11) и подвизаясь въ дѣлахъ Богоугодныхъ, въ чувствѣ крѣпости своей въ Богѣ, при глубокомъ сознаніи своего безсилія. Вся жизнь вѣрующаго послѣ сего течетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: онъ съ смиренною покорностію и желаніемъ принимаетъ благодатныя освящающія средства—Слово Божіе и таинства, а благодать въ сіе время производитъ въ немъ многообразныя дѣйствія просвѣщенія и укрѣпленія. Отъ сего, съ продолженіемъ поприща земной жизни, постепенно растетъ и

---

*) Все, что здѣсь усвояется св. крещенію, дѣйствуется и въ таинствѣ покаянія надъ приступающими ко Господу отъ грѣховъ по крещеніи.

спѣетъ духовная жизнь христіанина, *восходящаго отъ силы въ силу Господнимъ Духомъ* (2 Кор. 3, 18), *дондеже пріидетъ въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). Посему у него нѣтъ собственно ни одного дѣйствія, которое бы онъ совершилъ безъ благодати и котораго сознательно не относилъ бы къ ней. Они и дѣйствительно относятся къ ней, какъ по началу, ибо она возбуждаетъ, — такъ и по совершенію, ибо она даетъ силу. *Богъ есть дѣйствуяй въ немъ, и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. 2, 13) *). У человѣка свое только пламенное желаніе пребывать въ семъ порядкѣ Божественнаго храненія, въ нравственно-доброй жизни, и рѣшительное преданіе себя водительству Божію.

γ) *Норма нравственной христіанской жизни и ея характеръ.*

И такъ *послѣдняя цѣль* человѣка неизмѣнно состоитъ въ общеніи съ Богомъ. Поэтому, когда онъ отпалъ отъ Бога и не могъ возстановить общенія съ Нимъ самъ, то, по благоволенію Божію, явился Богочеловѣкъ — Христосъ Іисусъ, чтобъ чрезъ Него человѣкъ входилъ въ общеніе съ Богомъ. Такимъ образомъ послѣднею цѣлію стало общеніе съ Богомъ во Христѣ Іисусѣ — Господѣ нашемъ. *Никтоже можетъ пріити ко Отцу, токмо Мною,* говоритъ Господь (Іоан. 14, 6).

Назначенный человѣку *путь къ цѣли* неизмѣнно есть хожденіе въ законѣ Божіемъ, въ заповѣдяхъ, или въ волѣ Божіей. *Сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ*

---

*) Образъ дѣйствія благодати *предваряющей и пребывающей* въ человѣкѣ, съ ихъ отличіемъ, отношеніе послѣдней къ произволу и грѣху, искушающему человѣка, подробно изображаются Блаженнымъ Діодохомъ, Еп. Фотики. Доброт. т. 3, особенно главы съ 76 до 90. Тоже въ кр. поуч. стр. 213—216. Но нигдѣ полнѣе не раскрывается сей предметъ, какъ въ бесѣдахъ и словахъ Макарія Великаго.

нихъ (Гал. 3, 12). Поэтому, когда человѣкъ сдѣлался преступникомъ закона, то не могъ иначе надѣяться на достиженіе своей цѣли, какъ чрезъ усвоеніе себѣ чужой праведности. Сія усвояемая праведность восполняетъ недостатокъ законности въ нашей жизни и даетъ намъ возможность быть близкими къ Богу. *Немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу* (Рим. 8, 3. 4). Сіе усвоеніе совершается посредствомъ вѣры во Христа. Посему должно сказать: путь къ цѣли для человѣка и теперь тотъ же—исполненіе закона, но только восполняемое *вѣрою*. Всѣ грѣхи человѣка до обращенія и всѣ паденія по обращеніи изглаждаются вѣрою, такъ что вообще жизнь наша вся предъ очами Божіими является праведною не иначе, какъ чрезъ оправданіе вѣрою въ Господа нашего—Іисуса Христа.

Достиженіе цѣли неизмѣнно должно быть *дѣломъ свободы* человѣка. Посему, когда чрезъ преступленіе человѣкъ утратилъ совершенство своей свободы и подпалъ игу грѣха и діавола. то не иначе могъ взойти въ состояніе идти къ цѣли, какъ по расторженіи сихъ узъ Божественною благодатію и, по воспріятіи ея въ помощь,—противиться и одолѣвать своихъ враговъ. Человѣкъ и теперь самъ дѣйствуетъ въ добрѣ, но не иначе, какъ подъ благодатію. Онъ *силенъ Богомъ* (2 Кор. 10, 4). Такъ, свободно идетъ и теперь человѣкъ къ цѣли, но свободою воскрешенною и укрѣпляемою безпрерывно благодатію.

Точка опоры для нравственной жизни неизмѣнно есть *чувство зависимости отъ Бога* и существо ея—пожертвованіе свободы Богу. Поэтому, когда все сіе уничтожилось грѣхомъ, то человѣкъ не иначе начинаетъ жить

по духу, какъ когда воскресится въ немъ чувство зависимости отъ Бога Божественною благодатію, дѣйствующею на него въ покаяніи, и вслѣдствіе того, чрезъ посредство вѣры, возникнетъ рѣшимость всего себя подчинить волѣ Божіей, или принесть свою свободу въ жертву Богу. Свидѣтельствуется сіе и запечатлѣвается въ крещеніи, гдѣ человѣкъ отрицается сатаны, всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его, и въ вѣрѣ предается Господу—Іисусу Христу; почему крещеніе и называется совѣсти благи вопрошеніемъ, или обѣщаніемъ (1 Петр. 3, 21). И такъ, теперь начало и характеръ нравственной жизни человѣка—пожертвованіе свободы Богу въ чувствѣ зависимости отъ Него, совершаемое обѣтомъ въ крещеніи (или покаяніи), вслѣдствіе перемѣны воли отъ покаяннаго сокрушенія о своемъ развращеніи.

Послѣ сего общее начало нравственной жизни: *пребывай въ общеніи съ Богомъ свободнодѣятельнымъ исполненіемъ Его воли,* должно быть представлено такъ: *пребывай въ общеніи съ Богомъ въ Господѣ—Іисусѣ Христѣ, дѣятельнымъ, подъ руководствомъ и укрѣпленіемъ благодати, хожденіемъ въ волѣ Божіей, восполняемымъ и совершаемымъ вѣрою въ безконечныя заслуги Искупителя, какъ торжественно предъ Церковію обѣщался ты въ крещеніи* (или таинствѣ покаянія).

Судя по таковому началу и по самому составу жизни истинно-христіанской, ей должны принадлежать слѣдующія существенныя и отличительныя свойства, по которымъ всякій можетъ разсуждать и себе самаго, *аще* есть *въ вѣрѣ* (2 Кор. 13, 5).

Жизнь истинно-христіанская есть:

1) *Сокровенная со Христомъ въ Богѣ.* Утвердившись умомъ и сердцемъ въ Богѣ чрезъ Господа—Іисуса Хри-

ста, христіанинъ дѣйствуетъ предъ лицемъ Бога, по волѣ Божіей. ради славы Божіей, силою Божіею. Вниманіемъ и сердцемъ своимъ онъ погруженъ въ Бога.

2) *Отрѣшенная отъ чувственнаго, или безстрастная.* Христіанинъ такъ возвышается надъ всѣмъ, что въ немъ и вокругъ него, что чуждъ бываетъ всякаго мірскаго пристрастія и земныхъ надеждъ: *вышнихъ ищетъ, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя* (Кол. 3, 1). Кто приступаетъ къ христіанству, *уповая въ семъ только вѣрѣ,* тотъ есть *окаяннѣйшій* изъ *всѣхъ людей* (1 Кор. 15, 19).

3) *Самоотверженная.* Испытавши, до чего доводитъ хожденіе въ волѣ плоти и помышленій, христіанинъ, ради угожденія Богу, съ непріязнію отвергаетъ всякую свою волю, потому только, что она своя, и всегда, когда воля Божія требуетъ, обходится съ собою безъ саможалѣнія, даже съ суровостію, и въ отношеніи къ естественнымъ движеніямъ сердца, ума и воли, и въ отношеніи къ страстямъ и требованіямъ плоти и міра.

4) *Воинственная.* Благодатію порожденъ уже христіанинъ въ новую жизнь по Богѣ, но не уничтожено еще сѣмя зла, въ немъ таящееся. Отъ сего, въ продолженіе всей земной жизни, плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть (Гал. 5, 17). Стоя на сторонѣ добра и принимая прираженія грѣха, христіанинъ, облеченный во вся оружія Божія (Еф. 6, 11), противится ему и побѣждаетъ его.

5) *Бдительная и трезвенная.* Чтобы быть въ готовности встрѣтить и въ состояніи отражать безпрерывныя нечаянныя нападенія враговъ духовныхъ отвнѣ и внутри, особенно отъ бѣсовъ, христіанинъ трезвится, бодрствуетъ, себѣ внимаетъ (1 Петр. 5, 8; 2 Тим. 4, 10). Отъ утра и до вечера стоитъ у входа сердца своего, блюдя за подкрадывающимися злыми врагами внутренняго покоя и чистоты.

6) *Самопринудительная.* Всѣ силы, и духовныя и тѣлесныя, у него въ напряженіи, то для противоборства своимъ влеченіямъ къ злу, то для принужденія себя на добро. Это два существенныхъ направленія воли, рѣшившейся служить Богу.

7) *Многотрудная, но и пресладостная.* Подвизается христіанинъ войти сквозѣ тѣсная врата, но и вкушаетъ правду, миръ и радость о Дусѣ Святѣ (Рим. 14, 17).

8) *Тщательная.* Съ огнемъ благочестивой ревности христіанинъ, *избыточествуя въ дѣлѣ Господни всегда* (1 Кор. 15, 58), задняя забываетъ и въ предняя простирается (Фил. 3, 13), преобразуясь отъ славы въ славу, чтобы придти въ мѣру возраста исполненія Христова (Еф. 4, 13).

9) *Сильная Богомъ,* потому и *многоплодная, и самоуничиженная.* Христіанинъ чувствуетъ въ себѣ, какъ говоритъ Апостолъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ* (Фил. 4, 13), и вмѣстѣ исповѣдуетъ: что есть во мнѣ, чего бы я не пріялъ? (1 Кор. 4, 17),—почему и оправданія ищетъ и ожидаетъ окончательно отъ единаго Христа Спасителя, при всемъ обиліи дѣлъ благихъ.

Б).

Характеристическія черты христіанской дѣятельности, какъ нравственной.

Черты сіи суть неотложныя принадлежности нравственно-христіанскихъ дѣяній, долженствующія имѣть мѣсто въ каждомъ христіанскомъ дѣяніи, большомъ и маломъ, и отличающія ихъ отъ подобныхъ же дѣяній не христіанскихъ.

Такъ какъ онѣ не случайно входятъ въ составъ христіан-

скихъ дѣяній, а опредѣляются разумно свободными рѣшеніями христіанъ и требуются внутреннимъ строемъ нравственно-христіанскаго духа; то онѣ принимаютъ видъ правилъ, и справедливо могутъ именоваться законами нравственно-христіанской дѣятельности вообще.

Судя по сему, къ опредѣленію сихъ чертъ и принадлежностей надо восходить по указанію изложенныхъ выше основъ христіанской жизни, опредѣляющихъ внутренній строй ея.—И стоитъ только посмотрѣть на нравственную дѣятельность, какъ такую, при свѣтѣ сихъ указаній,—и черты ея нравственно-христіанскія обозначатся сами собою.

Въ общихъ разсужденіяхъ о нравственной дѣятельности человѣка опредѣляютъ:

1) Условія нравственности дѣяній.

2) Производство нравственныхъ дѣяній.

3) Правила для опредѣленія нравственнаго достоинства дѣяній.

4) Виды нравственности съ возрастами нравственной жизни въ добромъ и худомъ направленіи.

Съ сихъ же сторонъ разсматриваются и нравственныя христіанскія дѣянія, но во всѣхъ ихъ имѣютъ свои отличія, которыя христіанину слѣдуетъ хорошо знать.

1).

Условія нравственности дѣяній — общія и христіанскія.

Условія сіи суть: а) самосознаніе и б) свободная самодѣятельность.

а) *Самосознаніе.*—Лице, способное и обязанное къ нравственнымъ дѣяніямъ, должно быть въ своемъ разумѣ, или должно сознавать себя, настоящее свое положеніе и свои отношенія. Кто внѣ себя, не въ своемъ умѣ, не

сознаетъ себя, того дѣйствія неимѣютъ нравственнаго чина,—каковы дѣйствія слабоумныхъ, разстроенныхъ въ умѣ, погруженныхъ въ сонъ, или еще неопомнившихся отъ сна.

Такое, впрочемъ, сознаніе должно быть не таково только, каково общее сознаніе естественное, въ коемъ человѣкъ отличаетъ себя, какъ себя, въ томъ кругѣ, гдѣ существуетъ; но должно быть еще сознаніемъ собственно нравственнымъ, называемымъ *самосознаніемъ*,—въ коемъ человѣкъ сознаетъ себя лицемъ, обязаннымъ къ цѣлесообразной дѣятельности, къ дѣламъ отвѣтнымъ, подлежащимъ отчету. Почему дѣти, еще недошедшія до такого самосознанія, во всемъ худомъ извиняются, и своимъ добромъ подаютъ только надежды, хоть еще нерѣшительныя; равно какъ наоборотъ, подвергаются сильному укору взрослые, когда позволяютъ себѣ забываться и дѣйствовать не почеловѣчески и не по своему положенію и мѣсту.—

Прилагая послѣднее свойство къ христіанину, должно обязать его къ особенному нѣкоемусамосо знанію, —именно христіанскому. Что оно должно быть въ немъ особенное, видно изъ того, что въ перерожденіи онъ сталъ инымъ—новымъ, не мысленно, но дѣломъ; почему долженъ былъ перородиться и въ самосознаніи.—Что должно входить въ составъ сего самосознанія,--видно изъ того, какимъ онъ вошелъ въ купель крещенія или покаянія, и какимъ вышелъ изъ него, или чѣмъ сталъ въ немъ.—Погибалъ,—и вотъ избавленъ;—былъ въ ранахъ,—и вотъ исцѣленъ; былъ отверженъ, и вотъ принятъ въ сыновство; своевольничалъ,—а теперь связалъ себя послушаніемъ, по обѣту.—Все сіе должно отзываться въ его сердцѣ и составлять въ совокупности одно то, чѣмъ оно чувствуетъ себя во Христѣ Іисусѣ.—Въ чувствѣ исцѣленія и свободы,—онъ долженъ сознавать себя Христо-

вымъ рабомъ, работать и трудиться какъ бы отъ Его лица, предъ Нимъ и ради Его,—до того, чтобъ съ Апостоломъ говорить: *живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Сіе самосознаніе христіанское такъ бывало сильно во многихъ изъ первенствующихъ христіанъ, что на всѣ вопросы мучителей, они отвѣчали только: я рабъ Христовъ, я рабъ Христовъ.—

И вотъ первая черта христіанской нравственности, или первое свойство лица, дѣйствующаго по христіански!—Рабъ, сознавая себя рабомъ, дѣйствуетъ въ отношеніи къ господину, какъ рабъ; сынъ, сознавая себя сыномъ, дѣйствуетъ предъ отцемъ, какъ сынъ; такъ что потеря сего сознанія есть вмѣстѣ начало ихъ уклоненія отъ своего порядка.—И христіанинъ съ сознаніемъ себя рабомъ Христовымъ долженъ исходить на дѣятельность.—Съ погашеніемъ сего сознанія, его дѣйствія если и не становятся худыми, то теряютъ въ большей или меньшей мѣрѣ характеръ *христіанскихъ* и поступаютъ въ разрядъ дѣлъ обще-нравственныхъ. Между тѣмъ христіанинъ есть лице не обще-нравственное только, а нравственное по христіански.

Если такимъ образомъ, отъ такого самосознанія получаетъ свой характеръ вся дѣятельность христіанина, то свѣтъ его долженъ горѣть въ душѣ его, не погасая, не умаляясь, а возрастая, по самый конецъ жизни.

Потому-то Преосвященный Тихонъ вотъ какое правило написалъ для всей своей паствы!—„Краткое увѣщаніе, что всякому христіанину отъ младенчества до смерти всегда въ памяти содержать должно: помни 1), что при Крещеніи Святомъ чрезъ отца и матерь крестныхъ отрекся ты сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его, и сіе учинилъ троекратнымъ отреченіемъ. 2) Отрекшися сатаны, ты обѣщался троекратно же служить Христу Сыну Божію, со Отцемъ и

Святымъ Его Духомъ.—И такъ ты на крещеніи въ службу Христу записался и присягнулъ, такъ какъ воины и прочіи Царю земному въ службу записуются и присягаютъ.

Сіе въ памяти содержать, домашнимъ внушать, а особенно малымъ дѣтямъ, чтобъ, помня свое обѣщаніе, отъ малыхъ лѣтъ пріучались они къ благочестію *).

б) *Свободная самодѣятельность.* Не смотря на то, что человѣкъ сознаетъ себя лицемъ и лицемъ нравственнымъ, не все однакоже, происходящее отъ него и въ немъ, причитается ему, какъ лицу, или есть нравственно.—Нравственныя дѣйствія отпечатлѣваются особенными свойствами. Во первыхъ—они суть неизбѣжно дѣйствія *сознаваемыя*: ибо исходятъ отъ лица сознающаго себя,—и ему причитаются.—Какъ же можетъ причитаться что ему, когда онъ о томъ и не знаетъ? Напр. обращеніе крови, питаніе и ростъ тѣла, равно привычныя движенія рукъ, ногъ и другихъ членовъ.—Не всякое впрочемъ и сознаваемое дѣйствіе должно быть приписываемо человѣку, какъ лицу.—Множество бываетъ въ семъ дѣйствій, кои, хотя и сознаются имъ въ себѣ, однакожъ происходятъ совершенно безъ его вѣдома, не имъ самимъ производятся.—Таковы всѣ естественныя движенія его силъ и потребностей. Итакъ къ сознанію должна еще присоединиться *самодѣятельность*,—то есть, *самоначинаніе, самоизбраніе.* Чтобъ извѣстное дѣло приписать къ какому лицу, необходимо, чтобъ оно *имъ самимъ* было *начато и произведено* намѣренно: причемъ, такъ какъ сіе лице сознаетъ себя нравственнымъ, характеръ *нравственности* переходитъ и на самое дѣло.—Сей характеръ можетъ перейти на тѣ дѣйствія, кои происходятъ не по его волѣ, но не иначе, какъ когда онъ дастъ на

*) Сіе увѣщаніе было прибито по церквамъ во всей Епархіи. (См. т. 1, стр. 100—101 сочиненій Преосв. Тихона).

нихъ свое *вольное согласіе*, ибо въ такомъ случаѣ онъ усвояетъ ихъ себѣ,—избираетъ, дѣлаетъ своими. Съ сей минуты они начинаютъ причитаться ему и имъ самимъ, и другими. Такъ гнѣвъ родится самъ собою; но когда человѣкъ согласился на него, тогда уже самъ начинаетъ гнѣваться. Напротивъ, если кто, чувствуя невольное движеніе гнѣва или другой страсти, не соглашается на то, а преодолѣть ихъ напрягается, то онѣ не вмѣняются ему, хотя находятся въ немъ. Сей актъ согласія очень многозначителенъ въ жизни и, можно сказать, столько же, если не болѣе, многообъемлющъ, какъ и самоначинаніе. Ибо на его долю причитается не только то, что происходитъ внутри насъ или что производится нами, но и другими—независимо отъ насъ.—И чужое дѣло, въ коемъ какъ нибудь вмѣшалось наше согласіе, тоже причитается намъ.—Отсюда слѣдуетъ, что все то вмѣняется лицу человѣка и есть нравственно, что сознательно имъ избрано и на что сознательно онъ согласился.—Очевидно послѣ сего, что для человѣка, чтобъ выдержать характеръ нравственнаго лица, обязательно—быть *господиномъ своихъ дѣйствій*, распоряжать ими по усмотрѣнію своему и своей цѣли,—а не быть ведому теченіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или своихъ внутреннихъ душевныхъ движеній.

Но какую смѣшанную и жалкую картину представитъ нравственная жизнь человѣка, если пересмотрѣть ее съ сей точки зрѣнія?!—Какъ многое дѣлается въ невѣдѣніи, забвеніи и невниманіи?—Это часть, потерянная для доброй нравственности, хотя не для суда. Какъ многое унижается или тоже похищается такими случаями, въ которыхъ то сознаніе подвергается насилію, какъ напр. въ гнѣвѣ и страхѣ, то самодѣятельность подрывается, какъ въ страстяхъ и грѣховныхъ привычкахъ? Между тѣмъ внѣшнія происшествія, располагающія къ свобод-

нымъ начинаніямъ, и внутреннія движенія, выманивающія согласіе, не всегда согласны съ закономъ и всегда почти безпорядочны.—Почему нравственная дѣятельность человѣка *скудна, смѣшанна* и даже безобразна?—Причина сему прямая въ потерѣ нравственной силы.—*Сія сила воскрешена или возстановлена въ христіанинѣ благодатію Божіею.* Почему, вступая на поприще нравственной дѣятельности, настоящій христіанинъ, съ сознаніемъ своего долга работать Христу,—имѣетъ одну исключительную цѣль ходить въ волѣ Его: далъ обѣтъ на то, пламенѣетъ ревностію, а, главное, принялъ силу.—Стоя на прочномъ основаніи, онъ властно располагаетъ своими дѣлами и направляетъ ихъ всѣ къ показанной цѣли, не позволяя никакого уклоненія. Вотъ какъ именно поступаетъ онъ!

Съ перваго раза узнаетъ для себя требованія христіанскаго закона,—размышленіемъ, чтеніемъ, слышаніемъ, бесѣдою,—сколько можетъ, и сколько съумѣетъ.

Построеваетъ соотвѣтственно сему знанію весь порядокъ своей жизни—и внѣшней и внутренней,—по крайней мѣрѣ, въ общихъ и главныхъ ея частяхъ.

Наконецъ правитъ собою и своими дѣлами по своему плану,—не увлекаясь, какъ сказано, ни внѣшнимъ ходомъ соприкосновенныхъ происшествій, ни внутренними движеніями своей природы.

Сего требуетъ и желаніе сердца, рѣшившагося работать Господу во всѣхъ путяхъ жизни, и то свойство облагодатствованія, по коему человѣкъ воцаряется въ себѣ и становится полнымъ своимъ владѣтелемъ и распорядителемъ.—Не иное заповѣдуютъ Апостолы когда повелѣваютъ трезвиться, бодрствовать,—себѣ внимать (1 Петр. 5, 8; 1 Кор. 16, 13; 1 Тим. 4, 16). Ибо этимъ, очевидно, заповѣдуется сознательное и осмотрительное распоряженіе своею дѣятельностію, распоряженіе своеличное, хотя

въ произвольномъ подчиненіи волѣ Божіей. Что другое внушаетъ Апостолъ, и когда учитъ созидаться въ храмъ духовенъ, въ святилище Богу? (1 Петр. 2, 5; Еф. 2, 22). Ибо это значитъ устроять свою жизнь по извѣстному плану, вести ее стройно, въ постепенномъ возвышеніи и усовершеніи, въ полномъ убѣжденіи, что она ведется по чертежу небесному—Божественному, каковъ есть законъ христіанскій, изображенный въ Словѣ Божіемъ Самимъ Господомъ и Апостолами.

2).

Производство нравственныхъ дѣяній.

Было сказано, что христіанинъ есть распорядитель всей своей дѣятельности. Теперь посмотримъ, какъ онъ ведетъ каждое свое дѣло отдѣльно. Сначала скажемъ, какъ дѣлается каждое дѣло вообще, а потомъ, какъ строится дѣло христіанское.

Внѣшнее дѣло есть плодъ внутренняго дѣйствованія. Прежде, нежели оно обнаружится, ему должно совершиться внутри. Тамъ, гдѣ нравственную дѣятельность человѣка предаютъ механическому соотношенію его силъ, способъ внутренняго образованія нравственнаго дѣла объясняютъ различнымъ сочетаніемъ дѣйствій разсудка и воли, или степеней желанія и оборотовъ разсужденія. Здѣсь разсудокъ съ волею принимаютъ нѣсколько оборотовъ и, соотвѣтственно тому, измѣняются въ дѣятельности.

Сначала *обращаются они къ предмету* или дѣлу; и здѣсь—разсудокъ видитъ его и *представляетъ сознанію* въ призрачномъ или истинномъ совершенствѣ, за что воля находитъ его *угоднымъ и желала бы* его; потомъ, когда разсудокъ объявитъ полученіе сего предмета или

совершеніе дѣла *возможнымъ* и для силъ, и для лица человѣка, воля дѣйствительно *вожделѣваетъ* его и *дѣятельно* готова стремиться къ нему.

Потомъ отъ предмета переходятъ они *къ средствамъ*. Тутъ дѣло разсудка *совѣщаніе*, пересмотръ средствъ, сравненіе хорошихъ съ лучшими и указаніе болѣе приспособительныхъ, которыя тотчасъ волею и *избираются*. Сіе *избраніе*, сочетавшись съ дѣятельнымъ желаніемъ, раждаетъ *рѣшимость*.

Далѣе задуманное надобно приводить въ исполненіе: разсудокъ собираетъ разныя представленія для *возбужденія* воли и укрѣпленія,—воля дѣйствуетъ, приводя въ движеніе подчиненныя ей нисшія силы.

Наконецъ дѣло сдѣлано: *разсудокъ* пріобрѣтаетъ изъ того *опытное*, практическое познаніе относительно сего дѣла, воля же наслаждается, успокоиваясь въ достиженіи цѣли, опытно вкушаетъ благо изъ него.

Такъ естественно доходитъ человѣкъ отъ первой мысли о предметѣ до окончательнаго наслажденія имъ, по совершеніи дѣла. Но это исторія, или лучше, форма безъ содержанія. Какое же содержаніе долженъ вложить въ сію форму христіанинъ, или какой именно образъ совершенія дѣлъ свойственъ ему? Точно, и у него есть такіе четыре оборота то къ предмету, то къ побужденіямъ, то къ средствамъ, то къ тому, что должно быть по совершеніи дѣлъ; но все сіе имѣетъ у него особый смыслъ, особенный духъ и свойство, соотвѣтственно его настроенію главному и цѣли. Именно: христіанинъ возобщенъ съ Богомъ и ревнуетъ о томъ, чтобъ пребывать въ семъ общеніи дѣятельнымъ исполненіемъ воли Его, силою благодати, въ чувствѣ рабства Господу Іисусу Христу. Слѣдуетъ, что всѣ его дѣла должны какъ бы отъ Бога исходить и къ Богу возвращаться. Этотъ общій законъ выражается въ слѣдующемъ ходѣ совершенія дѣлъ истинно христіанскихъ: *сознавши*

законность извѣстнаго дѣйствія, или, что тоже, *волю Божію* на него, и возчувствовавши внутреннее обязательство совершить его, христіанинъ долженъ *склонить* къ нему и волю, и сердце свое; за тѣмъ, по испрошеніи помощи Божіей *въ молитвѣ*, съ чувствомъ силы о Господѣ (Фил. 4, 13) совершить его, всегда однакожъ смиренно сознавая *несовершенство и ничтожность*, какъ сего дѣйствія, такъ и всѣхъ другихъ, и успокоиваясь окончательно только въ Господѣ и Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

Это всеобщая программа на всякое христіанское дѣло: а) Сознаніе въ немъ воли Божіей; б) Склоненіе на него своей воли и сердца; в) Молитва о помощи къ совершенію его и г) Невидѣніе его и другихъ своихъ добрыхъ дѣлъ.

а) Сознаніе воли Божіей въ дѣлѣ предпринимаемомъ.

Всѣ дѣла свои христіанинъ долженъ совершать съ яснымъ сознаніемъ ихъ законности или того, что на нихъ есть воля Божія, чтобъ ходить такимъ образомъ во свѣтѣ, *какъ сыну свѣта и дня, а не нощи и тмы* (Сол. 5, 5). Къ этому *обязываетъ* его существо обѣта въ крещеніи. Если ради спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ онъ всего себя предалъ Богу, то съ симъ вмѣстѣ предалъ Ему и всѣ свои дѣла, внутреннія и внѣшнія. Почему не долженъ позволять, чтобъ вошло въ жизнь его что либо такое, въ угодности чего Богу и Господу онъ не былъ бы увѣренъ. Онъ и созданъ во Христѣ Іисусѣ *на дѣла благая, да въ нихъ ходитъ* (Еф. 2, 10).— Безъ сего онъ не можетъ быть увѣренъ въ Божественномъ къ себѣ благоволеніи, не можетъ смѣло стоять предъ лицемъ Божіимъ и *весело взирать на небо* (Іов. 22, 27): чѣмъ собственно и обнаруживается, что онъ

стоитъ у своей цѣли послѣдней или находится въ общеніи съ Богомъ. Ибо не иначе, какъ когда *сердце наше не зазритъ намъ, дерзновеніе имамы къ Богу,* учитъ Апостолъ Іоаннъ (Іоан. 3, 21). Почему прямою заповѣдію для него положено,—*не бывать несмысленнымъ, но разумѣвать, что есть воля Божія* (Еф. 5, 17).

И такъ, всегдашнимъ правиломъ его дѣятельности должно быть: въ каждомъ дѣйствіи, которое исходитъ отъ твоего сознанія и должно быть причтено тебѣ, спѣши сознать волю Божію и не иначе приступай къ совершенію его, какъ по точномъ опредѣленіи, что оно не только не противно волѣ Божіей, но и угодно Ему; дѣйствія же, неопредѣленныя закономъ, запечатлѣвай самъ сею волею, чтобъ такимъ образомъ вся жизнь твоя была по Богу.

При семъ всякій готовъ спросить, какъ узнать волю Божію въ частныхъ случаяхъ?

Средство къ тому, чтобъ узнать волю Божію на то или другое дѣло, *первое* и главное, *совѣсть*, просвѣщенная Словомъ Божіимъ и благодатію Божіею руководимая. Ибо она на то и опредѣлена; это ея существенное дѣло. Кто съ совѣстію своею обходится добросовѣстно, не противорѣчитъ ей, не искажаетъ и не заглушаетъ ее своими толками, тотъ рѣдко можетъ говорить: не понимаю, что дѣлать. Если и дѣйствительно встрѣтится какое недоумѣніе. то у него тотчасъ рѣшаютъ его, какъ и должны рѣшать,—*самоотверженіе и любовь.*

Помощь совѣсти великое подаетъ пособіе къ образованію, или *устроенію* жизни своей по сознанному и уясненному закону, какъ сказано прежде. Ибо если кто дѣйствительно уяснилъ всѣ обязательныя для себя дѣйствія, какъ для христіанина, понялъ духъ истинно-христіанской жизни, и потомъ соотвѣтственно тому установилъ и все свое поведеніе въ своемъ мѣстѣ, въ свое

время, отъ своего лица, и на все вообще наложилъ печать воли Божіей; если при семъ все несвойственное христіанину, что нашелъ онъ въ своей жизни внутренней и внѣшней, измѣнено имъ и перестроено, съ благоразуміемъ, однакожъ и безъ угожденія и безъ малѣйшей поблажки самости и страстямъ, а особенно развращеннымъ обычаямъ вѣка,—если все это сдѣлано, какъ должно; то всякое послѣ сего дѣйствіе его будетъ уже не иное что, какъ выраженіе воли Божіей.

Далѣе, дѣйствительная жизнь, въ духѣ истинно-христіанскомъ, хотя не безъ ошибокъ, всегда вразумительныхъ, обогатитъ опытами и практическимъ разумомъ.

Въ иныхъ случаяхъ, тому, кто положилъ себѣ на сердцѣ ходить въ волѣ Божіей, Духъ Святый, живущій въ немъ въ часъ дѣйствованія, откроетъ, какъ поступить, по Господню обѣщанію Апостоламъ (Лук. 12, 12). — Только неблагонамѣренность отгоняетъ сего руководителя. *Но кто есть человѣкъ, боящійся Господа, законоположитъ ему на пути, егоже изволи*, поетъ Давидъ (Псал. 24, 12).

Наконецъ, каждый имѣетъ духовнаго отца, и законъ повелѣваетъ слушаться и обращаться къ нему за совѣтами. Какъ скажетъ, такъ и поступи; и поступишь по волѣ Божіей.

Такая дѣятельность всей жизни христіанина сообщаетъ характеръ осмотрительнаго вниманія къ своему внутреннему и внѣшнему поведенію, и вмѣстѣ заботливой боязливости, не сдѣлать бы чего противъ воли Божіей. Смѣлость вообще всѣми Святыми Отцами почитается началомъ уклоненія отъ пути праваго. Почему они совѣтуютъ поддерживать постоянную страшливую заботу о добрѣ.

(Есть совѣстливость ложная — scrupulosa; не о той дѣло; то болѣзнь совѣсти).

Въ семъ отношеніи всѣ люди главнымъ образомъ дѣлятся на три класса: *одни* всегда и во всемъ дѣйствуютъ по своей волѣ, не стѣсняясь никакими правилами, идутъ, то есть *путемъ широкимъ;* другіе во всемъ стѣсняютъ себя волею Божіею и идутъ *тѣснымъ путемъ*; третьи хотятъ соблюсти не возможную средину: это ни теплые, ни холодные.

Смотря съ сей точки зрѣнія на дѣла человѣческія. надо заключить, что погрѣшаютъ всѣ тѣ, кои дѣйствуютъ вообще безъ должнаго вниманія къ себѣ и главной цѣли своей жизни,—или дѣйствуютъ, какъ случится, по заведенному порядку и теченію обстоятельствъ. Это обличаетъ въ нихъ равнодушіе и даже презрѣніе къ волѣ Божіей—*нерадѣніе;*

Кои дѣйствуютъ, не будучи увѣрены въ правотѣ своихъ дѣйствій, съ темнымъ и неопредѣленнымъ сознаніемъ сообразности или несообразности дѣйствій съ волею Божіею. Ибо все *иже не отъ вѣры*, говоритъ Апостолъ. *грѣхъ есть* (Рим. 14, 23);

Кои дѣйствуютъ при сомнѣніи;—кои, то есть, въ то еще время, какъ ихъ сознаніе колеблется между тою и другою стороною, рѣшаются на дѣйствіе и совершаютъ его подъ симъ безпрерывнымъ колебаніемъ. Таковыхъ *совѣсть немощна сущи сквернится* (Кор. 8, 7);

Равно какъ и тѣ, кои позволяютъ себѣ дѣйствовать опрометчиво, при смятеніи духа, во время увлеченія или какою нибудь мыслію новою и разительною, или какимъ чувствомъ, тѣмъ болѣе страстію. Обыкновенно они сами себя считаютъ правыми, напримѣръ,—гнѣвающіеся, ревнующіе не по разуму: нерѣдко ихъ сторона и на самомъ дѣлѣ оказывается правою. Но кромѣ того, что сія правота есть случайность, — главное у нихъ не угожденіе Богу, а себѣ, своимъ страстямъ и своему нраву;

Особенно же тѣ, кои разными предлогами хотятъ

увольнять себя отъ исполненія сознанной воли Божіей и разными представленіями разувѣряютъ себя даже въ самой законности законнаго дѣла. Такіе очевидно дѣйствуютъ противъ совѣсти—и ихъ дѣла суть очевидное преступленіе.—

б) Склоненіе воли къ дѣлу обязательному.—

Это второй пріемъ при совершеніи христіаниномъ дѣлъ своихъ.—Напоминается о семъ потому, что рѣдкій считаетъ сей пунктъ значительнымъ, тогда какъ на дѣлѣ онъ не малозначителенъ.

Коль скоро познана законность дѣйствія, или воля Божія на него, тотчасъ должно Христіанину склонить къ нему волю свою и расположить сердце. Первую потому, что она не всегда покорна, второе потому, что иначе дѣло безъ сердечнаго участія будетъ дѣло бездушное.—

Справедливо, что давшій обѣтъ во всемъ угождать Богу—долженъ чувствовать большую или меньшую готовность исполнять всякую познанную волю Его; но такая легкая подвижность на добро, свободная, не воспящаемая, есть всегда благо духовное, стяжаемое долгимъ трудомъ, и многими подвигами. Обыкновенно же въ волѣ гнѣздятся свои расположенія, склонности и страсти, непозволяющія ей охотно спѣшить на добро и отвлекающія въ противную сторону; иногда же она бываетъ въ состояніи непонятнаго своенравія, когда, при всей силѣ обязательности, не хочетъ дѣлать, что должно (Рим. 7, 20). — Потому належитъ необходимость — самому себя нудить на добро, какъ бы силою влечь и преклонять къ нему, уговаривать и убѣждать свою душу.

Очевидно, что здѣсь многое, если не все, зависитъ отъ воспріятія закона сердцемъ, отъ коего раждается

чувство обязательства или сознаніе нравственной необходимости дѣйствія.—Какъ вообще чувство сердца лежитъ въ основаніи дѣйствій воли, такъ и въ нравственной жизни чувство обязательства составляетъ самую крѣпкую точку опоры для склоненія воли на дѣло.—Человѣкъ, въ которомъ, дѣйствіемъ Божественной благодати въ Крещеніи или Покаяніи, запечатлѣна пламенная ревность къ Богоугожденію, или неуклонному хожденію въ волѣ Божіей, который, слѣдовательно, жаждетъ воли Божіей, такой человѣкъ тотчасъ и дѣйствуетъ, какъ скоро сознаетъ обязательство, не смотря ни на какія препятствія. Посему, если бы съ одной стороны сія ревность никогда нехладѣла и невоспящалась, и еслибъ съ другой—нравственное чувство всегда обладало такимъ совершенствомъ, чтобъ живо и вѣрно осязало силу обязательности дѣйствій и было такъ чувствительно къ волѣ Божіей, чтобы въ немъ отражались самые малые слѣды ея; то сими двумя силами можно бы замѣнить всѣ наставленія въ нравственности и всѣ руководства къ благочестію, такъ какъ это и бывало у нѣкоторыхъ подвижниковъ. Но такъ какъ и ревность на самомъ дѣлѣ бываетъ у человѣка въ разныхъ степеняхъ повышенія и пониженія, и нравственное чувство, по своимъ природнымъ свойствамъ, у одного бываетъ живо и возбудительно, у другаго тупо и медленно, у одного болѣе привычно къ однимъ, у другаго къ другимъ дѣламъ, иногда бываетъ вѣрно, иногда не вѣрно (ибо есть и ложный нравственный вкусъ),—и вообще человѣкъ въ сердцѣ своемъ встрѣчаетъ великую неровность и неправоту (почему молится: *духъ правъ обнови*), по коей оно или незаконно чувствительно къ одному, или незаконно холодно къ другому:—то во многихъ случаяхъ ему належитъ необходимость силою какъ бы налагать на себя обязательство и внѣдрять сіе чувство въ сердце.—

Такое управленіе сердца и воли производится посред-

ствомъ *побужденій*, или такого рода мыслей и истинъ, кои имѣютъ силу разварять сердце,—дѣлать его мягкимъ и удобосклоннымъ.

Гдѣ находить такія мысли, опредѣлить нетрудно.—Чѣмъ сочетавается свобода съ закономъ? Главнымъ образомъ чувствомъ зависимости своей отъ Бога. Слѣдовательно, всѣ мысли, ударяющія на это чувство зависимости и приводящія его въ движеніе,—должны стоять въ ряду побужденій воли.— Какія же это именно мысли, видно изъ пути обращенія христіанина. Такъ какъ обращеніе сіе, начавшись чувствомъ зависимости, воскрешено въ Покаяніи и, чрезъ вѣру въ Господа Іисуса Христа, запечатлѣно обѣтами въ Крещеніи, то сіи самыя истины и другія, соприкосновенныя имъ, и должны имѣть силу поддерживать, возочищать и возобновлять погасающую ревность и вмѣстѣ волю на добро. И такъ—

Приведи на умъ обѣты Крещенія и помяни блага, дарованныя тебѣ при семъ: оправданіе, возрожденіе, всыновленіе Богу и снаслѣдіе Христу. Не запятнай чистой одежды сей.

Вспомни домостроительство спасенія, какъ Единородный *Сынъ Божій* ради тебя пришелъ на землю, воплотился, страдалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо и сѣдитъ одесную Отца и тамъ ходатайствуетъ о тебѣ; и блюдись оказаться неблагодарнымъ. Вспомни также, какъ Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ и, чрезъ нихъ учредивши Церковь Святую, выну пребываетъ въ ней, чтобъ приводить вѣрующихъ ко Христу,—и какъ тебѣ самому сообщенъ Онъ въ таинствахъ; и блюдись оскорбить Его нечистотою.

Помяни благородство твое, коимъ почтенъ ты въ твореніи и возрожденіи, и тутъ же гнусность грѣха и святость добродѣтели, какъ тотъ искажаетъ, а сія освящаетъ внутреннее твое.

Поставь себя мысленно предъ очи Бога Творца и Промыслителя твоего, Который держитъ тебя въ десницѣ Своей и даруетъ все что ни есть въ тебѣ и чѣмъ ты ни обладаешь, Который, вездѣ есть, все видитъ до сокровеннѣйшихъ помышленій твоихъ, Который, сколько благъ и благость Свою являетъ безпрерывно, столько же и праведенъ и правду Свою готовъ являть въ каждое мгновеніе.

Помяни послѣдняя:—*смерть*, неминуемую, но безвѣстно восхищающую, *судъ* нелицемѣрный за каждое слово, дѣло и помышленіе; *адъ* и муку вѣчную, неимѣющую мѣры и конца; *Царство* небесное съ неизреченными радостями.

Въ сихъ помышленіяхъ, какъ въ атмосферѣ какой, должно содержать душу, и ревность къ Богоугожденію не погаснетъ.—По крайней мѣрѣ, въ нужномъ случаѣ, каждое изъ нихъ сильно вызвать ее и возстановить въ должной силѣ.—Старайся только доводить мысли сіи до чувства, а не держать въ видѣ холодныхъ представленій; для сего обращай ихъ предъ сердцемъ тою стороною, какою могутъ онѣ на него воздѣйствовать, собирай все поразительное, переходи отъ одного къ другому и не оставляй труда, пока не одолѣешь себя и не возстановишь внутри должный порядокъ и должную подчиненность.—Быть не можетъ, чтобъ добросовѣстное дѣланіе такое не принесло плодъ.—Есть впрочемъ особенная для каждой души всепобѣдительнѣйшая мысль, которая мгновенно одолѣваетъ упорство воли.—Старайся найти ее, чтобъ править ею, какъ рулемъ, корабль души своей.

Особенно сильно въ семъ случаѣ вниманіе къ предлежащему частному случаю.—Кто поспѣшно выяснитъ себѣ связь его съ главнымъ закономъ съ одной стороны и неизбѣжность дѣйствовать съ другой, тотъ поставляетъ себя какъ бы въ какихъ тѣснотахъ, почему по нуждѣ

воодушевляется и напрягаетъ силы.—Умѣть также найти въ дѣлѣ сторону лестную для сердца, не съ грѣхомъ, а невинно, образовать вкусъ къ нему—принадлежитъ къ числу мудрыхъ распоряженій человѣка въ отношеніи къ себѣ.

Вообще надо уговорить себя. Впрочемъ, какъ во внѣшнихъ правительствахъ дѣйствуютъ иногда убѣжденіемъ, а нерѣдко и властію, заставляющею дѣлать иное и противъ воли,—такъ можно и для воли своей и сердца человѣку употреблять, кромѣ перваго, и послѣднее средство.—Хочешь, не хочешь, пріятно или непріятно, дѣлай. На то есть воля Божія; иначе нельзя.

в) Молитва въ составѣ дѣлъ христіанскихъ.

Есть молитва, одна изъ обязанностей христіанина къ Богу, и есть молитва, какъ часть въ составѣ истинно христіанскихъ дѣлъ. Самонадѣянный во всемъ полагается на себя.—Христіанинъ истинный всего ожидаетъ отъ Бога, почему начинаетъ, продолжаетъ и оканчиваетъ каждое дѣло молитвою. И вся вообще жизнь его по преимуществу есть жизнь молитвенная, какъ заповѣдуетъ Апостолъ: *непрестанно молитеся... Всякою молитвою и моленіемъ молящеся во всякое время духомъ* (Сол. 5, 17; Еф. 6, 18).

При семъ онъ молится ко Господу *о вразумленіи*, чтобъ духомъ премудрости Своей внушилъ, что именно угодно Ему въ многообразныхъ стеченіяхъ обстоятельствъ (Іак. 1, 5), какъ молился Ему Пророкъ Давидъ: *Пути Твоя Господи скажи ми и стезямъ Твоимъ научи мя. Настави мя на истину Твою и научи мя* (Псал. 24, 4. 5). Молится объ *укрѣпленіи слабыхъ силъ* своихъ, да *Богъ Господа нашего Іисуса Христа дастъ ему по богатству*

славы Своея силою утвердитеся духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ (Еф. 3, 16). Возгрѣвши молитвою ревность къ Богоугожденію, онъ чувствуетъ, какъ вся *можетъ о укрѣпляющемъ Его Христѣ*, и въ чувствѣ сей крѣпости благонадежно совершаетъ благія дѣла. Молитвою наконецъ *приноситъ Богу въ жертву* и себя и дѣла свои, смиренно умоляя, чтобъ покрылъ милостію Своею какъ сіе дѣло, такъ и всѣ другія дѣла и всю жизнь.— Какъ въ началѣ онъ всего себя предалъ Господу, такъ и послѣ всякое помышленіе, слово и дѣло Ему приноситъ, какъ жертву правды (Пс. 4, 6), Ему благоугодную (Евр. 13, 16).

Такимъ образомъ молитва при добромъ дѣлѣ показываетъ, что это есть истинно христіанское дѣло; дѣло же безъ молитвы есть не христіанское. „Невозможно тому быть, чтобъ безъ молитвы житіе христіанское было,“ говоритъ Златоустый (у Пр. Тих. т. II, ст. 171). „Глава всякаго благаго тщанія и верхъ добрыхъ дѣлъ есть всегдашнее въ молитвѣ пребываніе, чрезъ которую и другія добродѣтели пріобрѣтаемъ,“ учитъ Св. Макарій (кр. поуч. Февр. 6)....

Приложеніемъ молитвы къ добрымъ дѣламъ и понужденіемъ себя на нихъ, не смотря на сопротивленіе сердца. по Св. Макарію, христіанинъ скоро востекаетъ на верхъ добродѣтелей и начинаетъ творить заповѣди Божіи уже безъ всякаго труда, съ охотою и услажденіемъ (кр. поуч. Фев. 4; Нояб. 26).

г) Невидѣніе добрыхъ дѣлъ.

Послѣднее же, существенное свойство и какъ бы заключеніе христіанскихъ дѣлъ есть невидѣніе ихъ, какъ бы незамѣчаніе. Христіанинъ, и все сотворивши, говоритъ, что онъ рабъ неключимый (Луки 17, 10); почему

окончательную надежду спасенія полагаетъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.—„Таково основаніе христіанства, что хотя бы кто совершилъ всѣ дѣла правды, то онъ не долженъ останавливаться на нихъ, надѣяться на нихъ и думать, что онъ уже много сдѣлалъ“ (Макарій Великій о любви гл. 30). Почему, и вкусивши христіанства, думай, что ты еще не прикасался къ оному, и сіе должно быть не поверхностно, но какъ бы насаждено и навсегда утверждено въ мысли твоей (Тамъ же, гл. 3).

Возможность такого расположенія объясняется живымъ сознаніемъ силы Божіей въ себѣ или того, какъ она совершаетъ въ насъ добрыя дѣла. Если Богъ дѣйствуетъ въ насъ, *и еже хотѣти и еже дѣлати* (Филип. 2, 13); то что и видѣть въ себѣ своего или на чемъ остановиться вниманіемъ? Посему душа Боголюбивая, праведно приписывая всѣ дѣла свои Богу, себя чувствуетъ постоянно ничтожною и презрѣнною (Макарій В. о свободѣ ума—гл. 8). Съ другой стороны, душа, воистину Боголюбивая и Христолюбивая, хотя и многочисленныя сотворитъ добродѣтели, такъ себя ведетъ, какъ бы ничего не сотворила ради *ненасытимаго ко Господу желанія.* Она никогда не мнитъ себѣ быти нѣчто; но чѣмъ болѣе духовно богатѣетъ, тѣмъ не достаточнѣйшею себя считаетъ, ненасытнымъ къ небесному жениху духовнымъ желаніемъ воспламеняясь, какъ говоритъ Писаніе: *ядущіи мя еще взалчутъ и піющіи мя возжаждутся* (Сир. 24, 23) (Св. Мак. Бес. 10. гл. 1. 4).

Плодъ спасительный сего тотъ, что христіанинъ непрестанно начинаетъ только жить по христіански, считая ничѣмъ все прошедшее, какъ свидѣтельствуетъ о себѣ и Апостолъ Павелъ: *азъ себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ.—Не зане уже достигохъ, или*

уже совершихся: гоню же аще и постигну, о немъ же и постиженъ быхъ отъ Христа Іисуса (Фил. 3, 12—14).

Христіанская жизнь посему есть безпрерывное покаяніе. Всякое мгновеніе онъ возноситъ покаянное воззваніе къ Богу о помилованіи и очищеніи то помысловъ, то движеній сердца, то другаго чего незамѣченнаго.

Такимъ образомъ, дѣйствительно, всякое дѣло христіанское отъ Бога идетъ и къ Богу возвращается. Если на какомъ нибудь изъ показанныхъ пунктовъ душа что нибудь присвоитъ себѣ, то попрепятствуетъ образованію истинно добраго дѣла. Изъ того произойдетъ—призракъ добра. Дѣйствуя же такъ, какъ показано, христіанинъ безпрерывно предаетъ себя Богу во всемъ и слѣдовательно безпрерывно находится въ общеніи съ Нимъ.

Судя по всему прописанному, всякой можетъ убѣдиться, что христіанское дѣло не то же, что всякое другое,— ибо есть особаго рода повороты сознанія, ума, воли и сердца, кои запечатлѣваютъ дѣйствія христіанина особымъ характеромъ. У христіанина свое состояніе личности, свое отношеніе къ дѣятельности и свой порядокъ совершенія каждаго дѣла, какъ это очевидно. Вонми сему всякъ и суди себя по сему. А другихъ судитъ Богъ.

3).

Чѣмъ опредѣляется нравственное достоинство дѣлъ?

Если смотрѣть на дѣла отвлеченно, то достоинство ихъ опредѣлить не трудно. Дѣло по заповѣди хорошо; дѣло противное заповѣди, худо. Ибо заповѣдь свята. Сказано: *твори милостыню*; милостыня и есть доброе дѣло, и на оборотъ. Но когда разсматривать дѣла, самымъ дѣломъ совершенныя нами или другимъ кѣмъ, то, кромѣ сей сообразности или несообразности ихъ съ за-

повѣдями, надо обращать вниманіе и на другія стороны, какъ то: на цѣль и обстоятельства. Въ семъ отношеніи давно принято положеніе, что нравственное достоинство дѣйствія опредѣляется его: а) предметомъ, б) цѣлію и в) обстоятельствами.

а) *Предметъ въ нравственныхъ дѣйствіяхъ.*

Каждое изъ нашихъ дѣйствій, внутреннихъ и внѣшнихъ,—то есть, наши мысли, чувства, желанія, слова, движенія, поступки имѣютъ свой предметъ. Большая часть изъ сихъ предметовъ возведена въ неизмѣнное правило и законъ, такъ что желать и не дѣлать ихъ нельзя. Они составляютъ кругъ аа) *обязанностей нашихъ.* Нѣсколько предметовъ предлагаются въ видѣ бб) *совѣтовъ.* Не малое наконецъ число остается безъ опредѣленія ихъ значенія. Они ни добры, ни злы сами по себѣ; потому, какъ вв) *безразличныя*, считаются позволительными всякому. Заповѣди или обязанности составляютъ основаніе, устройство и твердость нравственнаго царства; совѣты—выше закона (Злат.); то, что позволительно—ниже его.

Дѣло заповѣданное, и слѣдовательно обязательное, отъ совѣта и дѣйствія безразличнаго—отличается внутреннею или совѣстною понудительностію на него. Можно рѣшительно сказать, что къ чему есть такое понужденіе внутреннее, или касательно чего сознаетъ себя человѣкъ состоящимъ въ нравственной необходимости, то есть его обязанность. Ибо такое сознаніе есть дѣйствіе совѣсти; совѣсти же рѣшительно должно повиноваться,—и по той мѣрѣ, какъ она связываетъ. Напротивъ, что полагается въ видѣ совѣта, какъ лучшее, только пріятно располагаетъ къ себѣ, но не нудитъ,—въ отношеніи же къ дѣйствіямъ безразличнымъ и чувство наше нравственное безразлично, то есть оно ни-

чего объ нихъ не говоритъ: дѣйствуй; какъ хочешь. Но вѣрнѣе и надежнѣе различать ихъ по указанію откровеннаго Слова Божія, которое есть кодексъ уложеній духовныхъ. Что тамъ заповѣдано или указано, какъ законъ, тѣмъ безпрекословно должна связать себя совѣсть наша или принять то въ обязанность; что тамъ указано, какъ совѣтъ, то и принимать надо, какъ совѣтъ; что оставлено безъ опредѣленія значенія, то такимъ и считать должно.

аа) *Объ обязанностяхъ, или заповѣдяхъ.*

Общее основаніе нравственной необходимости, свойственной *заповѣдямъ, или обязанностямъ*, есть сознаніе воли Божіей на нихъ. Какъ во внѣшнемъ мірѣ волѣ сей никто противиться не можетъ; такъ и во внутреннемъ, нравственномъ мірѣ должно быть молчаливое послушаніе Божественной волѣ. Совѣсть по природѣ сочетана съ волею Божіею; потому, коль скоро ей указано будетъ, что на то и на то есть воля Божія, она тотчасъ склоняется на то, стоитъ за то и нудитъ насъ не нарушать того. Впрочемъ, поставляя то или другое дѣло въ обязанность, Господь не хотѣлъ ограничиваться одною волею Своею или однимъ титломъ вседержительства, но къ каждому изъ таковыхъ дѣлъ благоволилъ приложить и другія, ближайшія основанія, непосредственно вытекающія изъ свойствъ самаго дѣла и его соприкосновенностей. Сіи ближайшія основанія суть посредства, чрезъ кои воля Божія впечатлѣвается въ нашемъ умѣ и сердцѣ въ свойственной дѣлу степени. Потому въ истолкованіи обязанностей своихъ можно, конечно, ограничиваться тѣмъ, что на то или другое дѣло есть воля Божія; но приличнѣе или соотвѣтственнѣе нашей природѣ изыскивать и сіи основанія ближайшія: ибо чрезъ нихъ воля

Божія связываетъ насъ; съ другой стороны, съ точки зрѣнія воли Божіей,—всѣ обязанности представляются равными; между тѣмъ какъ онѣ имѣютъ неодинаковую важность, которая можетъ быть распознаваема только посредствомъ блажайшихъ основаній.

Судя по симъ ближайшимъ основаніямъ, а частію и по другимъ соприкосновенностямъ, обязанности наши, или дѣла, которыя совершать мы чувствуемъ себя внутренно понуждаемыми, *получаютъ разные оттѣнки.*

Первый изъ сихъ оттѣнковъ кладется ихъ *происхожденіемъ.* Въ семъ отношеніи есть обязанности *совѣстныя*, такія внушенія, для коихъ достаточно одной совѣсти, хотя бы не было никакихъ стороннихъ указаній. Ихъ называютъ *естественными*, ибо мы съ ними раждаемся. Есть обязанности *положительныя,* такія, кои послѣ уже наложены на совѣсть и стали въ рядъ ея собственныхъ обязанностей. Сила обязательства сихъ послѣднихъ зависитъ оттого, что онѣ воспринимаются самою совѣстію въ законъ и, можно сказать, съ этой минуты перестаютъ быть чисто положительными. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ суть только развитія естественныхъ, совѣстныхъ, однакожъ отъ сего и тѣ, коимъ не къ чему, такъ сказать, привиться въ совѣсти, не теряютъ ничего отъ свойственной имъ силы, а иныя даже становятся выше всѣхъ естественныхъ. Изъ положительныхъ — однѣ *Божескія,* и притомъ *непосредственныя,* каково откровеніе Господа нашего Іисуса Христа и Святыхъ Его Апостоловъ, содержащееся въ Словѣ Божіемъ и въ священномъ преданіи церкви, и *Божескія посредственныя,* каковы постановленія соборовъ вселенскихъ. Другія *человѣческія,* и притомъ *церковныя и гражданскія.* Послѣднія происходятъ отъ лица государя, а первыя отъ церковной іерархіи. Обязательство на тѣ и другія вытекаетъ изъ Божественнаго происхожденія властей и совѣстнаго

нашего имъ подчиненія. Преданный церкви и престолу все исходящее отъ нихъ принимаетъ съ благоговѣніемъ и творитъ то, какъ имъ угодно, то есть, по силѣ обязательства, какое они налагаютъ.

Особый въ семъ отношеніи классъ правилъ составляютъ *обычаи*, и церковные, и гражданскіе. Такъ пріятно влекутъ они къ себѣ, такъ покойно въ нихъ духу нашему, по чувству безопасности, огражденности и вѣковой неизмѣнности. Обычаи должны быть священны для насъ: отъ нихъ зависитъ твердость нашей жизни; отторгшійся отъ нихъ влается, какъ вѣтромъ. Но собственно въ число правилъ законныхъ и обязательныхъ они вступаютъ не безусловно: именно для сего необходимо, чтобъ они были согласны во всемъ съ нравственнымъ закономъ и духомъ христіанства: чѣмъ сильнѣе ихъ дѣйствія, тѣмъ опаснѣе погрѣшность въ семъ отношеніи.

Память предковъ обязываетъ къ молчаливой покорности. Опытъ показываетъ, что нарушеніе такихъ обычаевъ всегда въ близкой связи съ развращеніемъ нравовъ. Что отсюда исключаются всѣ обычаи вѣка развращенные, это разумѣется само собою. Но и вообще строго должно помнить различіе между обычаемъ и заповѣдію, или закономъ. Потому что развращающійся въ сердцѣ и умѣ всегда почти начинаетъ съ презрѣнія къ обычаямъ, а потомъ, по невѣдѣнію, хотя не безъ желанія, и все уже начинаетъ почитать обычаемъ, то есть и вѣру, и нравственность, и также начинаетъ ихъ презирать. Такъ надобно знать сію границу.—Что окрестъ, на то еще можешь наложить руку; но сердца, нравственной жизни, обязанностей не касайся.

Второй оттѣнокъ кладется на заповѣди или обязанности *внутреннимъ ихъ значеніемъ, свойствомъ или содержаніемъ.*

Въ семъ отношеніи есть обязанности *безусловныя*, какія человѣкъ христіанинъ долженъ исполнять, кто бы онъ ни былъ и въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился; и есть *условныя*, обязательныя только подъ извѣстными условіями. Напримѣръ, обязанности отца лежатъ только на женатомъ и притомъ имѣющемъ дѣтей. Первыя вытекаютъ изъ существа человѣка и христіанина, вторыя изъ его состоянія и положенія въ мірѣ. Недолжно однакожъ думать, будто условныя обязанности малозначительны. Для того, къ кому онѣ идутъ, онѣ имѣютъ силу безусловныхъ, ибо суть не что иное, какъ ближайшее ихъ приложеніе къ его быту. Онъ первыхъ и не можетъ выполнить иначе, какъ посредствомъ послѣднихъ. — Сіи и стоятъ у него на первомъ планѣ, а тѣ сокрыты подъ ними; по этому, хотя бы и не имѣлъ онъ въ виду первыхъ, но выполняетъ ихъ чрезъ послѣднія.

Тѣ и другія бываютъ *главныя*, *источныя*, *коренныя*, *и подчиненныя*, *средственныя*. Первыя надобно положить клубже въ сердцѣ, послѣднія держать какъ бы въ рукахъ. Однакожъ и къ послѣднимъ обязательство такъ же сильно, какъ и къ первымъ, почему и есть законъ, что кто обязанъ къ какому нибудь дѣйствію, тотъ обязанъ и *къ средствамъ*, необходимо ведущимъ къ нему. Есть напр. — обязанность очищать сердце отъ страстей; должно почесть обязанностію и извѣстные подвиги: ибо иначе нельзя выполнить той обязанности.

Замѣчательнѣйшее въ семъ отношеніи раздѣленіе обязанностей—на обязанности *справедливости и любви*, или доброхотства. Такое положено Богомъ между людьми отношеніе, чтобъ одинъ не нарушалъ свободы и правъ другаго и воздавалъ ему то, чѣмъ долженъ ему. Сего требуетъ, какъ говорятъ, справедливость. Кто исполняетъ сіе, тотъ правъ; кто нарушаетъ, не правъ. Его

можно предать суду и требовать удовлетворенія. Требованія такого рода суть обязанности справедливости. Они составляютъ внѣшнюю ограду добродѣтельной жизни. Кто нарушаетъ законъ справедливости, тотъ выступаетъ изъ области добродѣтели; но кто исполняетъ ихъ, тому, для полноты добродѣтели, надобно еще приложить дѣла любви и къ людямъ, и къ самой правдѣ. Любовь не ограничивается одною справедливостію или однимъ тѣмъ, чего требуетъ правда, но охотно дѣлаетъ больше того, по одному внутреннему доброхотству.—Кто дѣлаетъ такъ, тотъ нравственно добръ; но принудить къ сему никого нельзя. Кто, напримѣръ, занялъ у другаго деньги и не хочетъ отдать, того можно заставить отдать властію; но кто не помогаетъ нуждающемуся, того принудить къ тому нельзя. Истинный христіанинъ охотно благотворитъ другимъ, хотя съ симъ не соединено внѣшнее понужденіе, и справедливо поступаетъ въ отношеніи къ другимъ, не по боязни взысканія, а по любви къ правдѣ и по страху Божію. Есть и еще различіе обязанностей: однѣ предписываютъ, что должно дѣлать, а другія указываютъ, чего не должно дѣлать. *Уклонися отъ зла и сотвори благо*, говоритъ Пророкъ (Псал. 33). — Также есть обязанности къ Богу, есть обязанности къ ближнимъ и къ самимъ себѣ. „Возлюбиши Господа всѣмъ сердцемъ, — и ближняго, яко самъ себе,“ говоритъ Господь.

Третій оттѣнокъ обязанностей есть слѣдствіе двухъ первыхъ и состоитъ въ *различной степени ихъ важности*. Изъ показаннаго перечисленія обязанностей очевидно уже, что не всѣ обязанности одинаковую имѣютъ для насъ силу обязательства, а однѣ понудительнѣе, другія менѣе понудительны. Это и совѣсть подтверждаетъ, и Спаситель, когда обличалъ Іудеевъ за оставленіе вящшихъ закона, что надлежало творить, и прилѣпленіе исклю-

чительно къ тому, что можно было только не оставлять (Матѳ. 23, 23). Знать силу и соотношеніе разныхъ обязанностей очень важно въ нравственной жизни. Этого требуетъ уже одна стройность нравственности, — чтобы, какъ во внѣ, въ составѣ закона, все стоитъ на своемъ мѣстѣ, такъ внутри, у насъ въ сердцѣ, все имѣло соотвѣтственный себѣ вѣсъ. Сія стройность въ сердцѣ потеряна: почему и молиться должно, чтобъ Господь обновилъ въ насъ духъ правый. Но особенно это нужно для того, чтобъ, какъ обличалъ Господь Іудеевъ, не оцѣждать комара, пожирая верблюдовъ. Придавая слишкомъ много значенія малозначительному, можно заслонить имъ важнѣйшее и тѣмъ превратить Божій порядокъ въ себѣ. На самомъ дѣлѣ опредѣлять важность обязанностей слѣдовало бы нашей совѣсти, и тогда одно правило рѣшало бы все: чѣмъ понудительнѣе требованіе совѣсти, тѣмъ важнѣе обязанность; но по невѣрности нашей совѣсти въ теперешнемъ ея состояніи, такое правило въ очень многихъ и очень важныхъ случаяхъ не можетъ дать вѣрнаго рѣшенія, ибо мы сами себя часто подкупаемъ страстями.

Потому надобно положить внѣшнюю нѣкоторую мѣрку для измѣренія важности обязанностей. Если судить отвлеченно, то очевидно что α) тѣмъ важнѣе обязанность, чѣмъ она ближе къ существеннымъ, или, чѣмъ больше нарушеніемъ какой нибудь обязанности извращается нравственный порядокъ, тѣмъ она важнѣе. Сіе общее правило въ приложеніи къ дѣлу, въ подкрѣпленіе себѣ получаетъ слѣдующія два: β) чѣмъ больше побужденій къ извѣстному дѣлу, тѣмъ оно важнѣе. Ибо, если чрезъ сіи побужденія, или основанія, доходитъ къ намъ воля Божія, то гдѣ ихъ больше, касательно того и воля Божія дѣйствуетъ на насъ настоятельнѣе. Напримѣръ, — уваженіе къ родителямъ обязательнѣе, нежели уваженіе къ

всякому другому. γ) Чѣмъ значительнѣе предметъ дѣйствія самъ ли по себѣ, или по обстоятельствамъ, тѣмъ оно обязательнѣе.

Должно впрочемъ содержать въ мысли, что, когда указываются разныя степени важности обязанностей, не слѣдуетъ отсюда, будто позволяется какія нибудь обязанности уничижать въ мысли своей, или дается свобода исполнять ихъ, или не исполнять. Обязанность всякая священна и должна быть исполняема со всѣмъ усердіемъ, готовностію и нежалѣніемъ трудовъ, на ея долю необходимыхъ. Это дѣлается съ тѣмъ, чтобъ руководить всякаго быть мудрымъ дѣлателемъ въ царствѣ Христовомъ, знающимъ его чинъ и строй дѣяній, а не предающимся случайному теченію обстоятельствъ.

На дѣлѣ впрочемъ представляются великія несправедливости у человѣка въ оцѣнкѣ обязательныхъ для него дѣлъ. Это *главнымъ* образомъ касается отношенія христіанства къ естественному закону, церковности къ гражданственности. Заповѣди, условливающія *спасеніе*, стоятъ *выше* всего: ибо безъ спасенія души что будетъ значить все прочее? За ними слѣдуютъ законы совѣсти нравственные: ибо тѣ первыя и существуютъ за тѣмъ, чтобъ освящать и приводить въ силу сіи послѣдніе. Далѣе должны стоять священные чины церкви: ибо они суть ближайшее облаченіе двухъ первыхъ,—и наконецъ уже гражданственность. Ибо, имѣя временное значеніе, она должна быть служебна вѣрѣ и доброй нравственности, которыми условливается полученіе вѣчнаго блаженства. Но на дѣлѣ бываетъ не такъ. У того, чье сердце не управлено, какъ слѣдуетъ, христіанство не стоитъ на первомъ мѣстѣ, о церкви и ея благотворныхъ учрежденіяхъ онъ мало думаетъ; честность и польза семейная и гражданственная суть основныя правила его нравственности. Какъ многіе довольствуются симъ правиломъ

и покойны! Начинающему жить добродѣтельно по христіански, прежде всего должно на это обратить свое вниманіе, позаботиться исправить свои чувства и всякой обязанности дать свой вѣсъ и свое мѣсто.

Другая неправота обнаруживается въ предпочтеніи обязанностей правды обязанностямъ любви и доброхотства. У всѣхъ почти первыя считаются выше послѣднихъ, и тѣмъ изъ жизни, какъ бы насильно, изгоняется истинный ея духъ, духъ любви. Законы правды составляютъ сами по себѣ только внѣшнюю ограду нравственнаго царства; ходящій по нимъ можетъ и не быть внутри сего царства. Ибо если имъ удовлетворяетъ одна законность, а законностію дѣла не отрицается худое сердце; то всякій праведникъ по обязанностямъ правды можетъ быть беззаконникъ нравственный. Истинная нравственная жизнь — въ исполненіи обязанностей любви: тутъ корень жизни! Съ симъ духомъ любви должно исполнять и обязанности правды. И можно сказать, что тогда только, какъ онѣ бываютъ пропитаны симъ духомъ, онѣ входятъ въ область нравственности. Послѣ сего можно ли ставить ихъ выше первыхъ?! Если такое правило обобщится, то надобно ожидать всеобщаго извращенія нравственнаго порядка. Міръ нравственный отторгнется отъ своего центра.

Есть еще и *третья неправда* въ невѣрномъ соразмѣріи нашихъ правъ съ чужими. Для сердца самолюбиваго наши права на другихъ цѣннѣе, нежели права другихъ на насъ. У иныхъ это и законъ. Но христіанамъ не слѣдуетъ такъ дѣлать. По слову Господа, имъ должно забывать свои права: *ударилъ кто въ ланиту — подставь другую; одну одежду взялъ,—отдай другую; взялъ кто взаймы,— не проси..* вообще *не противься злу*; пусть оно идетъ на тебя... Напротивъ къ правамъ другихъ должно питать полное уваженіе и благоговѣніе. И лице брата

и его собственность для христіанина неприкосновенны, священны. Если къ этому присоединить, что христіанинъ обязанъ ко всевозможному доброхотству, съ которымъ долженъ исполнять и обязанности правды; то вотъ какъ можно опредѣлить порядокъ и соотношеніе сихъ обязанностей: будь всевозможно ревностенъ въ исполненіи обязанностей доброхотства; съ симъ же духомъ исполняй и обязанности правды, съ забвеніемъ своихъ правъ.

Надо пріобрѣсть навыкъ въ оцѣнкѣ истинной важности обязанностей, особенно въ приложеніи къ частнымъ случаямъ. Это доставитъ намъ возможность легко выпутываться изъ затруднительнаго положенія *при столкновеніи обязательныхъ дѣлъ.* Ибо обязанность предпологаетъ необходимость опредѣленнаго дѣйствія. Между тѣмъ нерѣдко бываютъ случаи, въ коихъ человѣку предлежатъ два или болѣе обязательныхъ дѣла, изъ коихъ однакожъ онъ можетъ и долженъ выполнить только одно. Такое столкновеніе обязанностей поставляетъ всегда въ затрудненіе отъ недоумѣнія—на что рѣшиться. Кто хорошо понимаетъ относительную важность обязанностей, тотъ не затруднится избрать должное. То несомнѣнно, что представляющаяся несовмѣстность обязанностей есть только мнимая. Ибо дѣлать всегда должно одно. Надобно только угадать, что именно. Кто затрудняется выборомъ, тому совѣтуютъ: α) прежде всего посмотрѣть, точно ли обязанности противорѣчатъ обязанностямъ? не самость ли наша, не страсти ли какія не хотятъ покориться долгу?

β) Если, дѣйствительно, обязанности съ обязанностями въ спорѣ, то надобно смотрѣть, одного ли онѣ вида. При обязанностяхъ разнаго вида высшія преимуществуютъ надъ нисшими, именно: безусловныя надъ условными, Божескія надъ человѣческими, главныя надъ средственными.

γ) Когда обязанности одного вида, то все рѣшаютъ *основанія*, причины или побужденія. Гдѣ больше сихъ основаній, туда и склоняться должно.

δ) Нерѣдко случается, что можно изъ предлежащихъ обязанностей выполнить одну прежде, другую послѣ, и только торопливость, а иногда слабость сердца поставляетъ въ затрудненіе. Всякій впрочемъ по опыту знаетъ, что стеченіе обязанностей и даже столкновеніе ихъ рѣдко поставляютъ въ неисходное положеніе. Добросовѣстность легко рѣшитъ все сама собою.

Но и то сказать должно, что и не многіе случаи для человѣка, ревнующаго о чистотѣ жизни, очень смутительны и скорбны. Потому, чтобъ предупредить такіе случаи совѣтуютъ: α) Построить свои обязанности по извѣстному вѣрному началу, написать какъ бы программу жизни (о чемъ уже упоминалось прежде) и потомъ выполнять ее. При этомъ нечаянности будутъ рѣдки. β) Чаще размышлять объ обязанностяхъ и разныхъ случаяхъ ихъ выполненія, поставлять себя мысленно въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и придумывать, какъ бы поступить въ нихъ. Это образуетъ живость соображенія и поможетъ сохранить присутствіе духа въ тѣснотахъ и правоту въ рѣшеніи дѣла въ нихъ. γ) Чаще совѣтоваться и бесѣдовать съ опытными. δ) Въ самый же часъ нужды, поставь себя въ присутствіе Божіе, или въ положеніе умирающаго и сдѣлай такъ, какъ бы сдѣлалъ именно на краю гроба, готовый предстать Судіи—Богу.

бб).

О совѣтахъ.

Кромѣ дѣйствій обязательныхъ, касательно которыхъ мы состоимъ въ нравственной необходимости,—въ Словѣ

Божіемъ предлагаются нѣкоторыя дѣйствія въ видѣ *совѣтовъ* въ томъ смыслѣ, что кто ихъ совершаетъ, тотъ дѣлаетъ лучше того, кто поступаетъ иначе, и къ коимъ потому пріятно располагаемся, однакожъ не чувствуемъ себя связанными необходимостію. – Что дѣйствительно есть такіе совѣты, нѣтъ сомнѣнія.

Когда къ Господу пришелъ юноша съ вопросомъ: *что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую?* Господь отвѣчалъ ему: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди.*— Потомъ, когда юноша объявилъ, что все сіе уже онъ сохранилъ отъ юности, и возжелалъ узнать, чего еще не докончилъ, Господь прибавилъ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе и даждь нищимъ и гряди въ слѣдъ Мене.*—Вотъ здѣсь очевидно раздѣленіе между обязанностями, необходимыми для спасенія, и между такими дѣйствіями, чрезъ кои восходятъ только на высшую степень совершенства (Матѳ. 19, 16 и д.).

Еще яснѣе таже истина у Апостола Павла (1 Кор. 7). Его спрашивали о дѣвствѣ и супружествѣ. Онъ отвѣчалъ, что обязывать къ дѣвству онъ не имѣетъ заповѣди отъ Господа, но совѣтъ соблюдать его — даетъ. Потомъ пространно объясняетъ, какъ и чѣмъ дѣвство выше супружества. И заключаетъ, что, кто отдаетъ дочь свою въ замужество, дѣлаетъ хорошо, но кто позволяетъ ей оставаться дѣвою, дѣлаетъ лучше. Здѣсь у Апостола раздѣльно обозначаются заповѣдь и совѣтъ. Это впрочемъ только образцы совѣтовъ. А на самомъ дѣлѣ въ жизни ихъ можетъ быть безчисленное множество.

Потому несправедливо, въ какой-то отрасли протестантовъ, вводится мысль, будто христіанинъ ко всему рѣшительно обязанъ, то есть какъ бы связанъ необходимостію.—Есть обязательство и въ совѣтѣ, но только не такое, чтобъ не исполняющій его дѣлался преступникомъ. Онъ есть только менѣе совершенъ. Въ этомъ

намъ совѣсть вѣрное свидѣтельство: не чувствуемъ ли такого увѣренія въ себѣ, что вотъ такое и такое дѣйствіе лежитъ на насъ необходимо, и не совершивши его, мы преступники; а то и то, хотя и лучше, однакожъ мы не связаны въ отношеніи къ нему и не станемъ преступниками, не совершивъ его. Кто не притѣсняетъ своего должника, а ждетъ на немъ долгъ, молча,—тотъ дѣлаетъ хорошо. Но кто беретъ съ должника только половину долга, ради его нужды, тѣмъ болѣе, кто весь долгъ отпускаетъ, тотъ дѣлаетъ лучше.

Патріархъ Авраамъ, возвратившись съ войны, могъ бы взять всю добычу себѣ тѣмъ больше, что на тоже соглашались и сами цари, помогавшіе ему: и этотъ поступокъ не былъ бы худъ; но когда онъ уступилъ все, сдѣлалъ лучше.—Или когда онъ же Лоту далъ свободу избирать лучшее мѣсто для своего жительства, поступилъ наилучшимъ образомъ; однакожъ и то не было бы худо, еслибы онъ самъ назначилъ ему участокъ достаточный и хорошій, хотя и не лучшій.—И опять благоговѣйно чтимые нами Святые Божіи, за тѣмъ такъ возвеличены и прославлены Богомъ, что они во всю жизнь свою поставляли на долю себѣ—всегда избирать лучшее и совершеннѣйшее. Если бы все лучшее было непремѣннымъ закономъ, куда бы дѣваться слабымъ, и кто бы могъ не падать въ отчаяніе о своемъ спасеніи?—Между тѣмъ, когда оставляется оно въ видѣ совѣта, какъ это утѣшительно для слабаго и робкаго духа, и вмѣстѣ, какъ воодушевительно для христіанина, чувствующаго въ себѣ довольно силъ!

Должно однакожъ напоминать христіанину: для тебя приводимы были въ движеніе небо и земля; ты избранъ, освященъ, принялъ силы, яже къ животу и благочестію; ужели все это безъ особенныхъ цѣлей и обязательствъ для тебя?—Нѣтъ, христіанинъ,—ты тщательно долженъ

совершать всякое возможное для тебя добро, котораго только коснулась мысль твоя. Если въ благодарность благодѣтелямъ въ обыкновенной жизни стараются предупреждать всякое ихъ желаніе; то ты, осыпанный милостынями и силами Божіими, можешь ли отказываться, не возмущая совѣсти, отъ воли Божіей, которая тебѣ указываетъ лучшій путь и указываетъ, не нежелая, чтобъ ты текъ по нему. Когда при этомъ взять во вниманіе слово Господа: *подставь другую ланиту*, *когда получилъ ударъ въ одну*, или вообще: не противься злу, и слово Апостола — вышнихъ *искать, горняя мудрствовать,* то нельзя, кажется, не заключить, что христіанину свойственнѣе избирать все лучшее и совершеннѣйшее, разумѣется, при возможности исполнить то. Ибо ни Господь, ни Апостолы христіанамъ ни въ чемъ не давали никакого послабленія, но сколько почитали ихъ высокими, столько обязывали и къ высокимъ, отличнымъ, Божественнымъ дѣламъ. И если судить объ отличіяхъ христіанина отъ другихъ по предметамъ дѣйствій, то можно прямо говорить:—тѣмъ и отличается, что всегда въ дѣйствіяхъ своихъ избираетъ отличное. Но опять, какое множество слабыхъ, боязливыхъ христіанъ, которые едва—едва переступаютъ по пути правому?! Воодушеви, вразуми, возьми его на рамена и неси. Есть пастыри, на то уставленные, чтобъ не смотрѣть только, какъ идутъ,—а вести и нести... Вообще нельзя найти прочнаго основанія, по коему можно бы снять съ насъ обязательство избирать лучшее... Въ общей нравственности, внѣ христіанства,—такъ; въ христіанствѣ сего не должно быть. Кто отказывается отъ лучшаго, тотъ унижаетъ въ себѣ христіанство, сходитъ на степень естественной нравственности.

Надобно только помнить, *а*) что это непремѣнно касается только лучшаго, сознаваемаго лучшимъ, къ коему

есть притомъ полная возможность; почему оно сдѣлается обязательнымъ и для слабаго, если растолковать ему то: ибо тогда причиною, почему не выполняется, останется только свое нехотѣніе, и себя жалѣніе.

β) Что это не касается совѣтовъ главнѣйшихъ—безбрачія и произвольной нищеты. Эти точно не для всѣхъ. Но *могій вмѣстити*, говоритъ Господь, *да вмѣститъ*. Однако и здѣсь есть внутреннія понужденія и внѣшнія указанія, которымъ противорѣчить не безопасно въ дѣлѣ спасенія.

вв).

О дѣйствіяхъ безразличныхъ.

О многихъ очень дѣйствіяхъ ни внутренній нашъ законъ совѣсти, ни законъ писанный ничего не говорятъ. Такія почитаются обыкновенно *безразличными*, оставленными на произволъ (Сѣсть, встать— посмотрѣть въ право и въ лѣво, и проч.). Всего закономъ опредѣлить нѣтъ никакой возможности, судя по безконечному разнообразію нравственныхъ лицъ и обстоятельствъ. Сверхъ того, это и не совсѣмъ въ духѣ нравственнаго свободнаго закона связать каждаго со всѣхъ сторонъ. Если человѣкъ въ нравственной жизни воспитывается, то надлежало для воспитанія и укрѣпленія его духа многое оставить на его свободу, чтобъ чрезъ то онъ упражнялъ свои нравственныя силы или вынаруживалъ истинный духъ нравственной жизни, подобно тому, какъ отецъ не всякій шагъ сына опредѣляетъ приказами. Надобно только при семъ помнить, что если смотрѣть на дѣйствія въ нравственномъ лицѣ со всѣми обстоятельствами его дѣйствованія, то хоть и здѣсь бываютъ дѣйствія безразличныя, именно тѣ, кои сами по себѣ безразличны и совершаются человѣкомъ безъ особеннаго намѣренія, даже безъ мысли; но коль скоро сіи же дѣйствія, самыя незначитель-

ныя на видъ (напримѣръ, взглядъ), получаютъ цѣль, они перестаютъ быть безразличными. Вообще всѣ дѣйствія, исходящія отъ лица человѣка съ сознаніемъ и цѣлію, непремѣнно имѣютъ нравственное качество и суть добры или злы.

Хорошо ли допускать въ себѣ дѣйствія безразличныя? Не хорошо. христіанину должно всемѣрно заботиться о томъ, чтобъ все у него обращалось въ средство къ цѣлямъ нравственнымъ, даже положеніе стана, движеніе руки, глазъ и проч. Ибо онъ себя предалъ въ жертву Богу всецѣлую, далъ обѣтъ работать Ему всѣ дни жизни. То время, которое отдано безразличному дѣйствованію, есть время потерянное, потому должно быть восполнено покаяніемъ. Сверхъ того, есть ли предметы, безразличные для сердца? Кажется, нѣтъ. Но движенія сердца въ нравственной жизни не безразличны. Слѣдовательно и дѣйствія, кажущіяся безразличными, оставляя хорошій или худой слѣдъ на душѣ, по тому самому хороши или худы. Что, напримѣръ, худаго въ вольной поступи, въ вольномъ положеніи стана, рукъ, ногъ, и проч.? Ничего, на взглядъ. Но они всегда осаждаютъ въ душѣ вольность мыслей и желаній, слѣдовательно съ сей стороны и суть не добры. Опять, если есть возможность безразличное дѣйствіе сдѣлать качественнымъ, а христіанинъ есть купецъ, собирающій ревностно здѣсь сокровища дѣлъ на вѣчную жизнь; то почему не обращать ихъ въ свою пользу? И что препятствуетъ сему, кромѣ недостатка ревности и избытка нерадѣнія, которое не можетъ считаться безразличнымъ. Такъ, въ христіанинѣ потому уже безразличныя дѣла не безразличны, что они допускаются въ его жизнь по нерадѣнію, суть плодъ нравственно-худаго состоянія. Не лучше ли же позаботиться о томъ, чтобъ всѣ ихъ окачествовать, обра-

щая въ средство къ своимъ цѣлямъ? Это мысль Св. Златоуста; но не помню, гдѣ онъ высказалъ ее.

Вотъ все поле дѣйствій! Воздѣлывай всякъ не лѣнясь! Предполагаю, что читающій предъидущіи строки внимательно не можетъ не почувствовать, какъ вдругъ широко станетъ и вдругъ опять тѣсно. Но не ложно и слово Господа, Законоположника нашего, что узкія врата и тѣсный путь вводятъ въ животъ. Оставимъ широкое на свободный выборъ другимъ, а себѣ изберемъ тѣсное.

б).

О цѣли нравственныхъ дѣяній.

На первомъ мѣстѣ рѣшить надо вопросъ, — что цѣль вноситъ въ дѣло? Вотъ что:

Дѣла безразличныя отъ цѣли получаютъ качество: то есть, отъ цѣли доброй становятся добрыми, отъ худой худыми.

Добрая цѣль въ добромъ дѣлѣ украшаетъ и возвышаетъ его, цѣль худая въ худомъ дѣлѣ усиливаетъ его худобу и безнравственность. Напримѣръ, кто изучаетъ истины вѣры для распространенія Царства Христова, или кто вольно стоитъ въ церкви, чтобъ не подумали, что онъ держится благочестія, или кто осуждаетъ другаго, чтобъ себя выставить.

Цѣль худая въ добромъ дѣлѣ съѣдаетъ его доброту, а цѣль добрая въ дѣлѣ худомъ не сообщаетъ ему своей доброты. Въ томъ и другомъ случаѣ, дѣло худо. Напримѣръ, кто поетъ или читаетъ въ церкви, чтобъ показать свое искусство, а не назидать, тотъ доброе дѣлаетъ худымъ; а кто присвояетъ себѣ чужое, чтобъ помочь, худаго не дѣлаетъ добрымъ.

Вообще, чѣмъ выше цѣль, тѣмъ чище и совершеннѣе дѣло и чѣмъ развращеннѣе намѣреніе, тѣмъ безнравственнѣе дѣло.

Этихъ краткихъ положеній достаточно. чтобъ увѣриться, какъ важна цѣль въ нашей дѣятельности. Потому стоитъ позаботиться о томъ, чтобъ узнать, какую должно имѣть цѣль въ дѣлахъ своихъ.

Здѣсь дѣло не о побужденіяхъ, которыми склонять можно волю на дѣла и которыхъ можно изобрѣсть для себя много, и всякій свое, судя по своему характеру и настроенію (объ этомъ уже было сказано); но о томъ, что долженъ имѣть въ виду христіанинъ, ревнуя о добродѣтели, чего достигаетъ всею своею добродѣтельною жизнію, или какая главная цѣль нравственной дѣятельности? Это же съ перваго раза уже опредѣляется и цѣлію человѣка, и обѣтомъ христіанина, именно: *твори всѣ дѣла свои для Бога*, для угожденія Ему, для прославленія Его Святаго имени. Господь говоритъ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 16). Апостолъ заповѣдуетъ все творить во славу Божію, даже ѣсть и пить (1 Кор. 10, 31). Къ этому прибавить только надобно: *ради вѣры въ Господа*. Какъ самъ человѣкъ не восходитъ къ Богообщенію безъ Іисуса Христа, такъ и дѣла его не взойдутъ къ Богу безъ вѣры въ Господа! Какъ въ древней скиніи кровь приносилась во Святое, и жертва была пріятна Богу; такъ и нынѣ, жертва дѣлъ бываетъ пріятна Богу только ради вѣры во Христа, кровію Своею насъ искупившаго. Это особенно нужно сказать тѣмъ, кои думаютъ угодить Богу, не вѣруя въ Господа. Всуе трудъ ихъ! Далѣе, такъ какъ Царство Христово нѣсть отъ міра сего, и христіанинъ *есть окаяннѣйшій, если въ вѣцѣ семъ точію уповаетъ получить что отъ своего христіанства* (1 Кор. 15, 19); то мысли и ожиданія христіанина должны быть всѣ обращены въ оный вѣкъ: онъ долженъ работать, трудиться въ надеждѣ безконечно-блаженной

жизни. Такимъ образомъ вся цѣль вотъ какова: *Все твори во славу Божію, по вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа, въ надеждѣ безконечной жизни.*

Должно только при семъ помнить, что главное здѣсь слава Божія, исходный пунктъ—вѣра во Христа Спасителя, конечный предѣлъ—вѣчная жизнь; что, когда поставляется вѣчная жизнь въ такомъ важномъ дѣлѣ, какова цѣль нравственная, то при семъ не представляется ничего корыстнаго, наемническаго, а только полагается на видъ существенная черта христіанства и христіанъ, кои еще здѣсь становятся гражданами небесными и живутъ, чая и воздыхая о своемъ отечествѣ, съ мыслію, что странники и пришельцы суть на землѣ, не имѣющіе здѣсь *пребывающаго града, но грядущаго взыскующіе* (Евр. 13, 14).

Что касается до другихъ цѣлей, то онѣ, хотя и могутъ быть допускаемы, но никогда не должны быть поставлены главными: отъ нихъ всегда должно восходить къ Богу. Здѣсь особенно важны цѣли самыхъ дѣлъ. Каждое дѣло способно имѣть свою цѣль: напримѣръ, цѣль милостыни помочь бѣдному, цѣль чтенія просвѣтить умъ. Но на нихъ не должно останавливаться: ибо иначе дѣло будетъ совершенно внѣ главнаго значенія христіанина. Вообще, если позволить останавливаться на такихъ цѣляхъ, то въ жизнь христіанина войдетъ безконечное разнообразіе, между тѣмъ какъ она вся должна имѣть одинъ тонъ. Тонъ сей сообщается ей единствомъ цѣли, по коей она вся есть жертва Богу всецѣлая. *Прославите Бога въ душахъ вашихъ и тѣлесахъ вашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. 6, 20).

Инымъ кажется очень строгимъ—все творить во славу Божію, они потому и полагаютъ, что при дѣлахъ можно имѣть и другія цѣли, внѣ Бога, только бы сіи цѣли не исключали Бога, и вообще, говорятъ, можно ограничиваться тѣмъ, чтобъ только чаще относить къ Богу дѣ-

ла. Всѣ же дѣла свои посвящать Богу—есть удѣлъ совершеннѣйшихъ, что можно совѣтовать, но къ чему всѣхъ обязывать не должно. Какъ унижена тутъ свѣтлая христіанская жизнь! Какъ видимо тутъ нехотѣніе и лѣность сдѣлать напряженіе, чтобъ возноситься къ Богу! Но во 1-хъ, все посвящать Богу не есть совѣтъ, а цѣль необходимая, обязательная: *Прославите Бога въ душахъ вашихъ и тѣлесахъ вашихъ; вся во славу Божію творите...* Что яснѣе и опредѣленнѣе сего? И за чѣмъ относить сію цѣль къ совершеннѣйшимъ только, когда такое направленіе дѣйствія не требуетъ особаго напряженія: кто творитъ уже добро, скажи ему только, чтобъ онъ мысленно и сердечно посвятилъ его Богу. Какой здѣсь трудъ? Другое дѣло пробудить грѣшника отъ сна грѣховнаго или оживить ослабѣвающаго. Здѣсь надобно устрашать его, потрясать—представлять пагубныя слѣдствія грѣха и благіе плоды добродѣтели и проч.; но это не цѣли, а возбудители воли, какъ говорено прежде. Во 2-хъ говорить: позволительны и другія цѣли, лишь бы онѣ не исключали Бога, значитъ, что мы дѣлами своими какъ будто милость какую оказываемъ Богу; а говорить: довольно сколько нибудь дѣлъ посвятить Богу, значитъ, будто Богъ есть нѣчто стороннее въ нравственной жизни.

Такими мыслями порядокъ извращается. Христіанинъ отъ Бога рожденъ есть и къ Богу долженъ относить дѣла свои всѣ до однаго и всю жизнь свою освятить одною сею цѣлію. Если мы станемъ разсматривать языческую нравственность, то есть, какъ тамъ дѣйствовали добрые люди, то найдемъ точное приложеніе сихъ правилъ; равно и у христіанъ, оставленныхъ безъ назиданія. Но тѣ и другіе не знаютъ существа дѣла. Теперь изъ жалѣнія ихъ дѣлъ не слѣдуетъ извращать истиннаго смысла и порядка жизни чистой и святой, а скорѣе слѣдуетъ вразумлять всѣхъ и всюду, въ чемъ истина.

Христіанинъ не есть лице, преданное влеченію случайностей, а лице самоправительное. Скажи ему, какъ собою править, и онъ будетъ править. Нѣтъ, доброе дѣло, не для Бога и не по вѣрѣ Господа совершенное, не есть христіанское, а есть простое, добро естественное. Какъ, напримѣръ, естественно разсужденіе въ умѣ, но оно не добродѣтель; такъ и дѣло доброе не для Бога естественно въ духѣ, но не добродѣтель.

Слѣдуетъ теперь заключить, что всѣ другія цѣли, кромѣ показанной, не суть цѣли истинныя, и дѣла, по нимъ совершаемыя, въ той мѣрѣ теряютъ свою цѣну, въ какой удаляются отъ ней. О худыхъ же цѣляхъ, вытекающихъ изъ эгоизма, и не говорится.—Да слышитъ сіе всякъ, и да направляетъ такъ сердце свое всякій разъ, какъ дѣлаетъ какое дѣло. Вѣдь и это устремленіе дѣлъ своихъ къ Богу имѣетъ нужду въ подвигѣ по тому особенно, что оно заслоняется ближайшими цѣлями. Такъ минуй всегда умомъ и сердцемъ сіи ближайшія цѣли и восходи предъ лице Бога и Ему посвящай всякое дѣло свое и тѣмъ освящай Его.

в).

Объ обстоятельствахъ нравственныхъ дѣяній.

Обстоятельства—это то, что обстоитъ дѣло, или всѣ его внѣшнія соприкосновенности. Нѣтъ дѣла, которое не имѣло бы многихъ соприкосновенностей; но собственно въ нравственныя обстоятельства дѣла причитаются только тѣ, кои имѣютъ вліяніе на его внутреннее достоинство. Изъ таковыхъ одни касаются лица дѣйствующаго, другія—производимаго дѣла, а иныя и самаго дѣйствованія. Ихъ всѣ совмѣщаютъ подъ вопросами: *кто, что, гдѣ, когда, какъ, какими средствами?*

Проведите по симъ вопросамъ какое угодно дѣло и

сами увидите, какъ оно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше окачествляется. Не подумайте однакожъ, что все это мелочи или реторическія забавы. Вникните только въ то, чего должно искать въ дѣлѣ, по поводу всякаго изъ сихъ вопроса и увѣритесь въ семъ сами.

На вопросъ: *кто?* ищется не то, нравственно ли лице, сдѣлавшее дѣло, а то, каково оно, какого состоянія и качества: священникъ или мірянинъ, образованный или невѣжда, должностной человѣкъ или частный, мужчина или женщина, и прочее подобное. Приложите къ каждому изъ сихъ лицъ, напримѣръ, нетрезвость и увидите, какъ злокачественность его то повышается, то понижается. Приложите также искреннюю вѣру и увидите, что не у всѣхъ она будетъ имѣть одинаковую цѣну... Такъ разсуждайте и о прочемъ. Для себя же запишемъ по сему случаю слѣдующее правило: устрояй дѣла достойныя твоего состоянія, степени образованія и сана. Кто больше, будь всѣмъ рабъ.

На вопросъ: *что?* ищется не то, сообразно ли дѣло съ заповѣдями или нѣтъ,—не предметъ собственно дѣла, о коемъ уже было говорено, но его второстепенныя принадлежности. Напримѣръ, воровство... сколько, вещь священную или простую, у бѣднаго или богатаго. Также милостыня... отъ избытка ли, или послѣдняя лепта. Такъ и о прочемъ. А себѣ вотъ что принять должно: точною мѣрою опредѣляй каждое дѣло и вообще дѣлай все возможное, чтобъ пространство силъ не оставалось излишнимъ въ приложеніи къ пространству дѣлъ. Иные полагаютъ для себя правиломъ: не допускать, чтобъ кто либо отходилъ отъ нихъ съ печальнымъ лицемъ.

Въ обстоятельствѣ: *гдѣ?* обращается вниманіе не просто на мѣсто, ибо гдѣ нибудь да должно совершиться дѣлу, а на свойство мѣста и другія его случайности. Напримѣръ: оскорбилъ кто личность на единѣ или пуб-

лично; глазерство на улицѣ или въ храмѣ, и подобное. И такъ, освящай мѣста дѣлами, а не оскверняй ихъ. Помни, что въ часъ суда каждое мѣсто подастъ голосъ Судіѣ Богу во свидѣтельство о добромъ или худомъ дѣлѣ твоемъ.

Въ обстоятельствѣ: *когда?* берется во вниманіе то же не время вообще, а его качество, напримѣръ, въ праздникъ или простой день, часъ, мѣсяцъ или годы, и подобное. Итакъ, позаботься, чтобъ все время жизни твоей было непрерывною цѣпью добрыхъ дѣлъ. Но вмѣстѣ помни, что всему свое время. Есть система выжиданія благопріятнѣйшаго времени, въ которое дѣло принесетъ обильнѣйшій плодъ.

Когда хотятъ знать: *какъ?* тогда изслѣдуютъ образъ производства дѣлъ, не тотъ, о коемъ прежде писано и какой свойственъ дѣлу по его природѣ, но другой, внѣшній, случайный. Напримѣръ, въ страхѣ или спокойномъ состояніи, въ вѣдѣніи или невѣдѣніи, настойчиво или мимоходомъ, вдругъ или съ приготовленіемъ. Кто зорко смотритъ за своимъ сердцемъ, у того стройно идутъ всѣ дѣла. Медлительное онъ умедляетъ, скорое ускоряетъ, и все вообще дѣлаетъ съ свойственнымъ усердіемъ, безъ лѣности и опрометчивости.

Когда хотятъ знать: *какимъ способомъ?* доискиваются средствъ, коими произведено дѣло или достигнута цѣль, и пособія, какими при семъ пользовались. Напримѣръ, сдѣлано что полезное: своимъ трудомъ или чужими руками; собрано богатство: праведно или неправедно; дѣйствовалъ открыто или скрытыми путями подводилъ... и прочее, тому подобное. Помоги, Господи, не ходить кривыми дорогами даже къ добру, не жалѣть своихъ трудовъ и, если нельзя чего достигнуть добросовѣстно, лучше потерпѣть, нежели воспользоваться неправеднымъ представляющимся способомъ.

Всѣ такія обстоятельства составляютъ, если они за-

конны, внѣшнюю красоту и благообразіе дѣйствія, хотя одни изъ нихъ сильнѣе вліяютъ на дѣло, а другія не такъ сильно. Средства, напримѣръ, такъ значительны, что нѣкоторые весь вопросъ объ обстоятельствахъ ограничиваютъ ими одними. Внутреннія свои добрыя помышленія вставлять, какъ слѣдуетъ, въ строй внѣшняго теченія дѣлъ есть христіанское благоразуміе, которое впрочемъ состоитъ не въ примѣненіи внутренняго къ внѣшнему (напримѣръ, Евангелія къ обычаямъ міра), а въ приличномъ такъ сказать облаченіи внутренняго духовнаго закона соотвѣтственными ему внѣшними соприкосновенностями, хотя бы при семъ надлежало идти на перекоръ теченію внѣшнихъ дѣлъ. Скажу еще больше: благоразуміе христіанское есть проразумѣніе воли Божіей, всесодержащей и всеправящей въ теченіи всѣхъ событій и внѣшнихъ и внутреннихъ. Съ сей точки зрѣнія опять выходитъ, что христіанинъ долженъ самъ управлять своими обстоятельствами, а не подчиняться ихъ влеченію. Сіе достигается не вдругъ, а постепенно. опытностію въ добродѣланіи, по стяжаніи которой всякое дѣло изъ рукъ христіанина выходитъ совершеннымъ во всемъ, какъ изящное произведеніе изъ рукъ художника.

Изъ такого разсмотрѣнія соприкосновенныхъ всякому дѣлу обстоятельствъ можете увидѣть, какъ трудно на опытѣ или въ лицѣ дѣйствующемъ найти дѣйствіе безразличное, когда такъ многообразно каждое изъ нихъ сцѣплено отвсюду со многими предметами, имѣющими истинное вліяніе на его нравственное достоинство! Какъ трудно съ другой стороны не только стороннимъ, но даже и самому дѣйствующему опредѣлить истинное достоинство своихъ дѣлъ! Ибо, можетъ быть, въ иномъ дѣлѣ обстоятельства сіи всѣ законны, въ иномъ только нѣкоторыя и притомъ въ большей или меньшей мѣрѣ;

индѣ можетъ быть тѣнь дѣлъ только худа, а индѣ бысть только тѣнь добра. Точное знаніе всего сего возможно только для одного Всевидящаго. Человѣку же праведный лежитъ законъ: и не берись судить о другихъ. А что до себя самаго, то удесятери плачъ и сокрушеніе о своихъ грѣхахъ, потому что, можетъ быть, они въ десять разъ грѣшнѣе, нежели какъ думаешь, и въ сто разъ понизь доброту дѣлъ твоихъ, потому что, можетъ быть, оно такъ и есть. Это правило предписывается Святымъ Макаріемъ Египетскимъ.

Вотъ коротко о всѣхъ сторонахъ дѣлъ нашихъ: предметѣ, цѣли, обстоятельствахъ. По нимъ учитесь судить себя, но никогда другихъ. То не наша область, а Божія. Вотъ общее правило для опредѣленія достоинства дѣлъ. Его приписываютъ Св. Діонисію Ареопагиту, именно: чтобы дѣйствіе достойно считать добрымъ, у него должны быть предметъ хорошій, и цѣль истинная, и обстоятельства законныя. Напротивъ, если въ какомъ дѣйствіи какая нибудь изъ сихъ трехъ сторонъ не хороша, то оно уже добрымъ быть не можетъ. Само собою разумѣется, что степень доброты и худобы сихъ сторонъ передается въ соотвѣтственности и самому дѣлу.

4.

Виды нравственности и возрасты нравственной жизни въ добромъ и худомъ направленіи.

Видовъ нравственности два: нравственность добрая и нравственность худая. Первой имя а) добродѣтель; а второй—б) порокъ, или грѣхъ.

а) О добродѣтели.

Добродѣтель имѣетъ не одно значеніе. аа) Она означаетъ *то* α) главное всеобъемлющее стремленіе духа къ

добру, или *настроеніе духа*, христіански дѣйствующаго; *то* β) разныя добрыя *расположенія* воли и сердца; *то* γ) каждое отдѣльное *доброе дѣло*.—Во всѣхъ сихъ проявленіяхъ добродѣтель не стоитъ на одномъ. но постепенно восходитъ къ совершенству; и тѣмъ опредѣляетъ бб) возрасты нравственной жизни—доброй. — Итакъ—

аа) *О трехъ видахъ проявленія добродѣтели*, — и во первыхъ—

α) *О добродѣтели, какъ настроеніи христіански дѣйствующаго духа.*

Гдѣ наше добро? въ Богѣ. Слѣдовательно, стремленіе къ добру есть то же, что стремленіе пребывать въ Богѣ, или жажда Богообщенія. Если сіе стремленіе не должно оставаться безплоднымъ, а должно найти соотвѣтственное себѣ удовлетвореніе, то оно должно принять трудъ пройти весь тотъ путь, коимъ восходить можетъ человѣкъ къ Богу. Слѣдовательно, сей самый путь и все, что бываетъ на немъ, и должно войти въ составъ добродѣтели, какъ главнаго стремленія, или настроенія христіански добродѣющаго духа, то есть, войти все то, что входитъ необходимо въ составъ главной нормы христіанской жизни и дѣятельности. Тамъ положено:

„Пребывай въ общеніи съ Богомъ чрезъ Іисуса Христа Господа дѣятельнымъ исполненіемъ Его Святой воли, вспомоществуемымъ благодатію и восполняемымъ вѣрою, по силѣ и обѣту Крещенія, во Св. Церкви“ *).

Слѣдовательно истинно-христіанская добродѣтель, или христіански добродѣтельное настроеніе духа, будетъ:

Жажда и сила пребывать въ общеніи съ Богомъ чрезъ Господа Іисуса Христа ревностнымъ, постояннымъ, полнымъ и всегдашнимъ исполненіемъ Его воли, съ помо-

*) Смотри выше,—норму хр. жизни.

щію благодати и съ вѣрою въ Господа, по силѣ и обѣту Крещенія.

Почему все сіе необходимо, уже извѣстно изъ статьи *о нормѣ христіанской жизни.* Теперь нужно только немного пояснить каждую изъ сихъ чертъ христіански нравственнаго настроенія духа, чтобъ дать понять отличительныя свойства, составъ и происхожденіе христіанской добродѣтели.

Первая черта ея—*жажда.* Спаситель ублажаетъ тѣхъ, кои имѣютъ алчбу и жажду правды (Матѳ. 5, 6). Апостолъ Павелъ о себѣ говоритъ: *Гоню, аще и постигну... со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія* (Фил. 3, 12. 13), и другихъ увѣщеваетъ: *всегда доброе гоните,— Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 16. 19), *вышнихъ ищите* (Кол. 3, 1), *духомъ горяще* (Рим. 12, 11.). Жажда сія сама по себѣ есть разверстое и готовое пріятилище всего добраго, подобно жаждущей землѣ, которая скоро впиваетъ въ себя воду. Въ жизни же она съ одной стороны поддерживаетъ напряженіе духа, а съ другой не даетъ ему слишкомъ много цѣнить внѣшніе труды, утруждая его собою извнутри. Она есть всегдашній признакъ и добраго состоянія, какъ алчба и жажда тѣлесныя— признакъ здоровья тѣлеснаго. Узнавать ее можно по непрестанно хранящейся въ сердцѣ теплотѣ. Противополагается она духу холодному, разслабленному, вялому, малоподвижному, незаботливому о добрѣ и спасеніи.

Вторая черта—*сила.* Что и жажда безъ силы? Это безплодное мученіе или крушеніе духа. Смотрите на жаждущаго Іустина Философа! До пріятія силы онъ страдаетъ отъ снѣдающаго его внутренняго духовнаго огня. Напрасно потому вздумалъ бы кто ограничиваться однимъ стремленіемъ. Оно есть только приготовительное состояніе въ началѣ и потомъ постоянный подновитель

дѣятельности въ послѣдствіи. Его можно встрѣчать и внѣ христіанства, а сила дается только въ христіанствѣ. Господь человѣколюбивый даетъ, жаждущимъ однакожъ, пить изъ Себя силу, чтобъ силою сею они могли пребывать въ Немъ. *Пріидите*, говоритъ, *и упокою вы* (Матѳ. 10, 28). *Кто во Мнѣ, плодъ многъ сотворитъ* (Іоан. 15, 5). Жажда есть свидѣтельство пробужденія нашего духа, а сила—свидѣтельство сочетанія нашего духа съ силою Божіею. Въ послѣднемъ случаѣ онъ исповѣдуетъ: *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. 4, 13).

Третья черта — сила *пребывать въ общеніи съ Богомъ чрезъ Господа Іисуса Христа*. Извѣстно, какъ человѣкъ назначенъ къ общенію съ Богомъ, какъ потомъ онъ отпалъ отъ Него, какъ, въ слѣдствіе сего отпаденія, подвергся тиранству самолюбія и страстей съ разжигателями ихъ, діаволомъ и міромъ. Слѣдуетъ изъ сего, что въ составъ доброй заботы человѣка должны необходимо входить два расположенія: отреченіе отъ себя и всего льстящаго самолюбію и преданіе себя Богу. Но самоотверженіе есть только средство, а цѣль — пребываніе въ Богѣ. Потому, кто прошелъ кризисъ самоотверженія, у того главное и все: Богообщеніе. Это исключительный предметъ, на который устремлены весь трудъ и вся забота христіанина. Отсюда вотъ что выходитъ:

Кто не испыталъ внутренней перемѣны, въ слѣдствіе которой всѣ помышленія и желанія его начали быть обращаемы и посвящаемы Богу, тотъ еще не начиналъ быть истинно и по христіански добрымъ. *Иже хощетъ по Мнѣ идти*, говоритъ Господь, *да отвержется себе... и по Мнѣ грядетъ* (Мар. 8, 34).

Кто остановится на одномъ самоотверженіи, думая, что онъ сдѣлалъ все, тотъ въ опасномъ заблужденіи. Кромѣ того, что самоотверженіе, какъ средство, безъ приспособленія его къ своей цѣли, Богообщенію, без-

полезно, оно едвали можетъ быть и истиннымъ безъ сего! Ибо безъ Бога нельзя отвергнуться себя. Такого свойства было ученіе и жизнь стоиковъ. Они учили покорять самость уму или духу; но что и духъ или умъ должно покорить Богу, сего не поняли, потому и были учителями духовной гордости и, не смотря на трудъ и пожертвованія, себя и другихъ содержали внѣ Бога, въ отпаденіи отъ Него. Равнымъ образомъ и тѣ, кои придумываютъ нѣкоторую философскую добродѣтель, то есть, дѣланіе добра безъ помышленія о Богѣ, дѣлаютъ худо и мечтательно: ибо что за добродѣтель внѣ Бога? Такъ какъ безъ общенія съ Богомъ добродѣтель не добродѣтель, а общеніе сіе возможно только чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, то слѣдуетъ, что внѣ христіанства нѣтъ истинно доброй жизни. Есть тамъ добродѣланіе, не приносящее истинныхъ плодовъ, не доводящее до цѣли. Посему-то всѣ люди призываются въ общеніе съ Богомъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ, и прилѣпленіе и стремленіе къ Богу поставляются для нихъ единственнымъ и исключительнымъ дѣломъ. Господь учитъ: *будите во Мнѣ и Азъ въ васъ* (Іоан. 15, 4) и молится ко Отцу: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21); *Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино* (—23). Апостолы проповѣдуютъ: *по Христѣ молимъ, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20), *да общеніе имате съ нами: общеніе же наше со Отцемъ и съ Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ* (1 Іоан. 1, 3). *Приближитеся къ Богу, и приближится вамъ* (Іак. 4, 8). *Аще взыщете Его, обрящется вамъ: аще же оставите Его, оставитъ васъ* (2 Парал. 15, 2).

Четвертая черта—*сила пребывать въ Богообщеніи чрезъ ревностное, постоянное, полное, всегдашнее исполненіе святой воли Божіей.* Не должно думать, чтобъ Богообще-

ніе могло поддерживаться однимъ вѣдѣніемъ Божественныхъ вещей или таинъ, или напряженнымъ устремленіемъ чувствъ къ Богу, или внѣшнимъ изъявленіемъ своего неотчужденія отъ Бога. Все это бываетъ при немъ и есть необходимо въ большей или меньшей мѣрѣ; но существенное, самое твердое и благонадежное средство къ тому есть хожденіе въ волѣ Божіей. Ибо такъ говоритъ Господь: *Не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе Божіе, но творяй волю Отца Моего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 7, 21). *Аще заповѣди моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: яко же Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ и пребываю въ любви Его* (Іоан. 15, 10). И христіаниномъ содѣлывается человѣкъ, по Апостолу, *во еже не ктому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время. Довлѣетъ бо мимошедшее время* (1 Петр. 4, 2—3). Такъ необходимо для христіанина исполненіе воли Божіей. Должно, однакожъ, при семъ помнить, что это все же есть только средство, хотя существенное и неотложное. Такъ какъ цѣль въ Богѣ, то сіе исполненіе должно быть освящаемо посвященіемъ его Богу или воззрѣніемъ на Него. Кромѣ того, къ полнотѣ сей черты добродѣтельнаго состоянія требуется, чтобъ исполненіе воли Божіей было: *ревностное, усердное, изъ сердца исходящее*. Безъ сего вся сумма дѣлъ, добрыхъ по виду или законныхъ, будетъ собраніемъ не безобразныхъ изваяній, въ коихъ нѣтъ души; *постоянное*, въ отличіе отъ скоропреходящихъ добрыхъ движеній сердца или перемежающихся порывовъ, которые не чужды и грѣшному человѣку; *полное*, то есть простирающееся на весь законъ и заповѣди, обнимающее всю волю Божію, а не часть какую нибудь, можетъ быть, легчайшую, избранную болѣе по природному расположенію, нежели по любви къ добру и Богоугожденію,—при томъ неограничивающееся одними встрѣчающимися слу-

чаями, но ихъ взыскивающее, изобрѣтательное на добро. *Иже весь законъ соблюдетъ*, говоритъ Апостолъ Іаковъ, *согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). Такъ какъ основаніе всѣхъ заповѣдей одно,—воля Божія, то кто искренно преданъ волѣ Божіей, тотъ не станетъ оставлять ее безъ исполненія, въ какомъ бы видѣ она ни открылась ему. Наконецъ *непрестанное*, во все время жизни неутомимо работающее. *Никто же возложивъ руку свою на рало и зря вспять управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). *И только претерпѣвый до конца спасенъ будетъ* (Матѳ. 10, 12), говоритъ Господь. *Не вѣсте ли*, учитъ Апостолъ, *яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть. Тако тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24). Почему не останавливающееся, пока не достигнетъ конца: ибо конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Пятая черта—*съ помощію Божественной благодати.* Благодать есть достояніе человѣка христіанина и вмѣстѣ отличительное свойство его жизни. Какъ въ началѣ онъ сталъ христіаниномъ силою Божіею, такъ и послѣ всѣ дѣла свои совершаетъ тоюже силою. Ибо по Апостолу: *Богъ есть дѣйствуяй въ насъ, и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. 2, 13). Тотъ же Апостолъ свидѣтельствовалъ о себѣ, какъ *благодать Божія*, которая съ нимъ была во всѣхъ трудахъ его, *не тща бысть* въ немъ (1 Кор. 15, 10). Дѣйствія сей благодати, сопровождающей человѣка христіанина въ дѣятельности, состоятъ: въ многообразномъ *просвѣщеніи ума* впечатлѣніемъ въ немъ истинъ вѣры и дѣятельности, какъ вообще, такъ и особенно касательно каждаго случая, чтобъ видѣлъ, что есть воля Божія святая, имѣя такимъ образомъ *просвѣщенныя очеса сердца* (Еф. 1, 18); *въ воспламенѣніи ревности* и *укрѣпленіи воли. Безъ Мене не можете творити ничесоже*, говоритъ Господь (Іоан. 15,

5). Почему и молится Апостолъ Петръ: *Богъ всякія благодати, призвавый васъ въ вѣчную славу о Христѣ Іисусѣ... Той да утвердитъ, да укрѣпитъ, да оснуетъ* (1 Петр. 5, 10). Отъ сихъ вліяній Божественной благодати христіанину свойственно чувство силы и крѣпости къ нравственно-доброй жизни или неробостное хожденіе въ законѣ, однакожъ не независимо, а въ Господѣ: ибо говоритъ: *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. 4, 13).

Шестая черта—*и съ вѣрою въ Господа.* Вѣра совершаетъ или дѣлаетъ совершенною и законченною добрую христіанскую дѣятельность и жизнь. Ею покрываются недостатки, немощи, слабости, грѣхи. Почему вообще *безъ вѣры сей угодити Богу невозможно* (Евр. 16, 6). Она заставляетъ говорить дѣлателя, сотворившаго все повелѣнное: *рабъ непотребный есмь* (Луки 17, 10) и всю надежду полагать въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Въ отношеніи къ самымъ дѣламъ, она не только представляетъ сильнѣйшія, возбудительнѣйшія побужденія къ усвоенію нравственнаго порядка, въ несомнѣнности великихъ обѣтованій и въ чрезмѣрной любви Божіей къ намъ во Христѣ Іисусѣ (Іоан. 4, 10; 2 Кор. 5, 14), но и сообщаетъ имъ нѣкоторое сверхъестественное качество Божественное: ибо вѣрующій творитъ ихъ, какъ живый членъ Іисуса Христа Господа. *Иже пребудетъ во Мнѣ, плодъ многъ сотворитъ* (Іоан. 15, 5).

Седьмая наконецъ черта—*въ слѣдствіе силы и обѣта Крещенія.* Эта черта, исключительно умѣстная только у христіанъ. Крещеніемъ мы вступаемъ въ Церковь и, становясь членами ея, сподобляемся вмѣстѣ быть участниками и всѣхъ благъ ея. Въ Крещеніи полагается сему начало. Ради его потомъ и далѣе все дѣйствуется въ христіанинѣ. Какъ для сѣмени развивающагося пищу доставляютъ облежащія его стихіи, такъ для новоотрож-

деннаго благодатію въ Церкви духовныя стихіи въ пищу ему доставляются Таинствами и всѣмъ чиномъ священнодѣйствій церковныхъ. Въ тоже время внутренняя сила приходитъ къ нему отъ цѣлаго тѣла, къ коему онъ привитъ, отъ тѣла Церкви, чрезъ которую отъ главы Ея нисходятъ въ его жилы духовные живительные соки. Въ Церкви зрѣетъ христіанинъ. Какъ кокошъ собираетъ птенцовъ подъ крылья свои и грѣетъ ихъ, такъ и она, объемля всѣхъ чадъ своихъ, питаетъ и грѣетъ ихъ. Потому преспѣяніе въ добродѣтели условливается пребываніемъ въ Церкви. Внѣ Церкви нѣтъ истинно добродѣтельной жизни: ибо къ тѣмъ, кои внѣ ея, не проходитъ Божія сила, и около ихъ нѣтъ воспитательной атмосферы и воспитательной мудрости.

Вотъ всѣ черты христіански добродѣтельнаго состоянія. Ими означаются и существенныя свойства, и составъ, и происхожденіе христіанской добродѣтели.

Если всѣ сіи черты назовемъ порядкомъ христіански-нравственной жизни, то добродѣтель, какъ состояніе или какъ настроеніе духа добродѣющаго, можно будетъ опредѣлить такъ: *есть ревность и сила пребывать въ порядкѣ христіански нравственной жизни, или просто ревность о христіанской жизни.* Сокращая, однакожъ, описаніе добродѣтели словомъ, не слѣдуетъ выпускать изъ мысли всѣхъ входящихъ въ нее чертъ, чтобъ въ случаѣ не принесть поддѣльной монеты, вмѣсто истинной.

Страха ради Твоего, во чревѣ пріяхомъ и поболѣхомъ и родихомъ духа спасенія, поетъ Пророкъ Исаія (26, 18). Это можетъ сказать о себѣ всякій истинно ревностный христіанинъ. Приступая къ Господу, онъ зачинаетъ ревностную заботу о спасеніи и, спѣша во слѣдъ Его, безпрерывно богатится добрыми дѣлами. Сія ревность и есть духъ спасенія, зародышъ и производитель жизни христіански доброй, которая изъ ней растетъ и

спѣетъ постепенно и, соотвѣтственно тому, какъ сильна или слаба ревность, спѣетъ скоро или медленно. Апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ, въ поученіе для всѣхъ: *Не зане уже дастигохъ или уже совершихся, гоню же аще и постигну, о немъ же и постиженъ быхъ отъ Христа Іисуса. Братіе, азъ себе не у помышляю достигша: едино же задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Фил. 3, 12). Такъ была постоянна и неутомима ревность у Апостола Павла. Столько же постоянною она должна быть и у всякаго христіанина. Но степени ея силы, напряженности и быстроты могутъ быть различны, по различію человѣческихъ характеровъ и различію обстоятельствъ жизни. Вотъ какъ о семъ надобно судить.

Ревность тѣмъ выше, напряженнѣе и тверже, чѣмъ *охотнѣе, поспѣшнѣе, неотложнѣе, какъ бы неразмышленнѣе* совершаетъ всякое представляющееся доброе дѣло. Ибо таково свойство любви—спѣшить на угодное любимому. Что Апостолъ говоритъ о милостынодавцахъ: *доброхотна дателя любитъ Богъ* (1 Кор. 16, 13); тоже должно явить и во всякой добродѣтели. Какъ добрый сынъ, едва выслушаетъ слово отца, стремится выполнить его, такъ и христіанину должно дѣйствовать относительно всякой познанной воли Божіей.

Чѣмъ больше она, въ дѣйствованіи своемъ, подъемлетъ трудовъ и озлобленій. Спаситель говоритъ, что, когда любятъ любящихъ, ничего особеннаго не совершаютъ, ибо это естественно. Но то высокое совершенство—*любить ненавидящихъ и враговъ* (Матѳ. 5, 44). Озлобленіе—проба истинной доброты сердца. Многіе съ радостію пріемлютъ слово оскорбительное и хранятъ его при благопріятныхъ обстоятельствахъ; но встрѣтится озлобленіе,—тотчасъ отпадаютъ. Степень ревности въ семъ

отношеніи зависитъ, какъ отъ величины трудовъ и неудовольствій, такъ и отъ ихъ длительности. Иной день и ночь не имѣетъ покоя, то отъ насмѣшекъ, то отъ притѣсненій, а все не отстаетъ отъ своего добраго намѣренія. Одного 28 лѣтъ терзали и мучили за исповѣданіе имени Христова, и онъ остался непоколебимъ. Но и безъ мученій и гоненій, кто при непрестанныхъ уязвленіяхъ, терзающихъ сердце, остается несовратимымъ, удостоивается вѣнца мученическаго.

Чѣмъ обширнѣе кругъ дѣятельности, на который она простирается. Какъ не удивляться Апостолу Павлу, который *всѣмъ былъ вся, да всяко нѣкія спасетъ* (1 Кор. 9, 22). Его попеченіе обнимало Іудеевъ, язычниковъ, немощныхъ, заблуждающихся, упорствующихъ, обратившихся и необратившихся, — и это не въ одномъ мѣстѣ, а на пространствѣ всѣхъ почти языческихъ странъ. Подражая ему, и другіе Святые Божіи старались все болѣе и болѣе расширять кругъ своего добродѣланія, всегда однакожъ держась постепенности и мудро ожидая мановеній Божіихъ, чтобъ не потерять Его помощи за самоувѣренность и своеволіе и, растянувшись на многое, не остаться безуспѣшными и въ немногомъ.

Наконецъ чѣмъ чище и отрѣшеннѣе ея побужденіе. Должно подражать тому, кто все творитъ *во славу Божію*, взывая, *что ми есть на небеси: и отъ тебе что восхотѣхъ на земли; исчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего и часть моя Боже во вѣкъ* (Пс. 72, 25); кто *не ктому себѣ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ* (Гал. 2, 20), не себѣ живетъ, но *умершему за насъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 13); кто *желаетъ разрѣшиться и со Христомъ быти* и затѣмъ только охотно готовъ пребывать въ семъ мірѣ, что это нужно для другихъ (Фил. 1, 22) и для того, чтобъ *богатиться добрыми дѣлами въ жизнь вѣчную* (Тим. 6, 18), зная и чувствуя,

что наше житіе *на небесѣхъ есть* (Фил. 3, 20). Ограничиваюсь предложенными объясненіями. Приложу только: попекись всякъ молить Господа, чтобъ не попустилъ никогда угаснуть огню сему въ сердцѣ: ибо въ немъ жизнь.

β) *О добродѣтели, какъ разныхъ добрыхъ расположеніяхъ.*

αα) *Что суть и какъ образуются добрыя расположенія.* Доброе расположеніе есть чувство или любовь къ извѣстнаго рода добрымъ дѣламъ, лежащее въ основаніи ихъ. Смиреніе, напримѣръ, называется добродѣтелію, но оно не есть какое нибудь опредѣленное дѣло, а есть пребывающее въ сердцѣ расположеніе, видное во всѣхъ смиренныхъ дѣлахъ; равнымъ образомъ терпѣніе, кротость, безкорыстіе, послушаніе называются и суть добродѣтели, а между тѣмъ онѣ не суть опредѣленныя дѣла, а нѣчто сокрытое въ соотвѣтственныхъ имъ дѣлахъ, лежащее въ основаніи ихъ, нѣчто постоянно пребывающее въ сердцѣ, внѣдренное въ него, именно—любовь къ симъ дѣламъ непрестанная. Сіи добрыя расположенія и суть собственно добродѣтели. Не тотъ безгнѣвенъ, кто не бранитъ своего обидчика, но тотъ, кто въ сердцѣ имѣетъ къ нему незлобіе. Не тотъ имѣетъ уваженіе и послушаніе, кто кланяется и скоро говоритъ: слушаю, но тотъ. кто питаетъ сіи добродѣтели въ сердцѣ и объемлетъ ихъ чувствомъ. „Сердце есть начало и корень нашихъ дѣяній“, говоритъ Святитель Тихонъ. „Чего нѣтъ на сердцѣ, того и въ самой вещи нѣтъ. „Вѣра не есть вѣра, любовь не есть любовь, когда „на сердцѣ не имѣется, но есть лицемѣріе; смиреніе не „есть смиреніе, но притворство, когда не въ сердцѣ; „дружба не дружба, когда внѣ только является, а въ „сердцѣ не имѣетъ мѣста. Откуда Богъ требуетъ отъ „насъ сердца нашего: *даждь ми, сыне, сердце твое*“

(Притч. 23, 26; Тихон. том. IV, о сердцѣ человѣч. § 33). *Благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое, и злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое: отъ избытка бо сердца уста глаголютъ* (Луки 6, 45). Почему и заповѣдуетъ Апостолъ: *Облецытеся убо, яко же избранніи Божіи святи и возлюбленни, во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе* (Кол. 3, 12). Облецытеся—то есть напечатлѣйте въ душѣ своей сіи расположенія. Или еще: *конецъ же—вси единомудренни будите, милостиви, братолюбцы, милосердни, благоутробни, миролюбцы, смиренномудри* (1 Петр. 3, 8). Почему на сіе и должно устремлять все вниманіе. Именно воспитывать любовь къ самымъ добродѣтелямъ, кротости, смиренію, терпѣнію и проч., а не ограничиваться одними внѣшними дѣлами.

Сначала, когда человѣкъ воспринимаетъ только благое иго Христово и начинаетъ ревновать о христіанскомъ житіи, въ сердцѣ не бываетъ еще добрыхъ расположеній въ силѣ, не бываетъ ни кротости, ни терпѣнія. ни смиренія, ни воздержанія, развѣ случайно, по естественному настроенію. Только та зародившаяся въ сердцѣ ревность побуждаетъ человѣка желать ихъ, искать, напрягаться на нихъ.

Ревность о доброй христіанской жизни не совмѣщаетъ всѣхъ добрыхъ расположеній, а есть только сѣмя ихъ, зачало и зародышъ. Хотя безъ нея ихъ нельзя вообразить въ душѣ, однакожъ, и когда она есть, не тотчасъ приноситъ ихъ съ собою въ душу. Но какъ сѣмя разростается и даетъ по времени стебель и вѣтви, такъ и сія ревность разростается наконецъ въ добрыя расположенія. Способъ, какъ ревнующій о спасеніи человѣкъ внѣдряетъ въ сердце свое добрыя расположенія, коихъ въ немъ еще нѣтъ и коихъ оно на первый разъ

чуждается, состоитъ въ немилосердомъ самопринужденіи. Кто съ молитвою, безъ саможалѣнія, понуждаетъ себя на всякое добро, тотъ больше и больше пріучаетъ къ нему свою душу, сердце больше и больше прилагается къ сему добру и наконецъ возлюбляетъ его. Тогда уже то доброе, къ которому нудилъ себя человѣкъ сначала, становится внѣдреннымъ въ его духѣ и какъ бы природнымъ. Такъ, напримѣръ, у иного нѣтъ терпѣнія. Напрягаясь къ нему, хотя съ трудомъ и болѣзнію, но съ желаніемъ, онъ наконецъ пріобрѣтаетъ его. Тоже надо сказать о смиреніи, безгнѣвіи и прочихъ добрыхъ расположеніяхъ: всѣ они, при трудѣ и потѣ съ молитвою, благодатію Божіею напечатлѣваются въ душѣ. Такъ учитъ Макарій Великій во многихъ мѣстахъ. Святый Діадохъ въ одномъ мѣстѣ изображаетъ, какъ Божественная благодать даровавши человѣку въ самомъ Крещеніи *еже по образу*, потомъ *еже по подобію*, напечатлѣваетъ въ немъ послѣ, живописуя въ сердцѣ его, добродѣтель за добродѣтелію (см. въ Добротолюбіи). Что сказать о добрыхъ расположеніяхъ, съ коими раждается человѣкъ? Они не зло, но не имѣютъ качествъ добродѣтели. Сіе качество усвояется имъ, когда уже они, по образованіи ревности, сознательно усвояются христіаниномъ.

ββ) *Какія именно сіи добрыя расположенія?* На это надобно сказать, что ихъ должно быть столько, сколько есть видовъ добрыхъ дѣлъ: ибо въ основаніи каждаго изъ сихъ должно быть свое особое доброе расположеніе, характеризующее ихъ. Есть, напримѣръ, дѣла поста; въ основаніи ихъ лежитъ постничество или подвижничество и проч. Однакоже между ними должно быть стройное подчиненіе или такая система, по коей есть у нихъ одни начальныя, другія производныя; такъ какъ изъ источника идутъ сначала главные ручьи, а далѣе развѣтвляются ручей отъ ручья. И всѣ вообще сіи расположенія со-

стоятъ въ необходимомъ взаимномъ союзѣ, какъ кольца одной цѣпи. Какъ въ цѣпи, если взять одно кольцо, необходимо поднимаешь и другія, а наконецъ и всю цѣпь, такъ между добрыми расположеніями такое соотношеніе, что одно влечетъ за собою естественно другое. Ни одно расположеніе не приходитъ въ душу одинокимъ.

Какая именно между ними связь и какое расположеніе отъ какого происходитъ, на это можно найти нѣсколько указаній и въ Словѣ Божіемъ, и въ писаніяхъ Святыхъ Отецъ. Такъ Апостолъ Петръ заповѣдуетъ: *Тщаніе все привнесше* (тщаніе—это искренняя ревность), *посадите въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели разумъ, въ разумѣ воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе, въ терпѣніи благочестіе, въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи любовь* (2 Петр. 1, 5—7). Святый Макарій говоритъ: „Всѣ добродѣтели, на подобіе нѣкоей духовной цѣпи, одна отъ другой зависятъ, какъ-то: молитва отъ любви, любовь отъ радости, радость отъ кротости, кротость отъ смиренія, смиреніе отъ покорности, покорность отъ надежды, надежда отъ вѣры, вѣра отъ слуха, слухъ отъ простодушія“ (Бес. 40, гл. 1).

Святый Исаакъ Сиріанинъ располагаетъ добродѣтели по своему и притомъ неодинаково. Напримѣръ: „страхъ „вводитъ насъ на корабль покаянія, переводитъ по смрад„ному морю жизни и путеводствуетъ къ Божественной „пристани, которая есть любовь“ (слово 83). Въ другихъ мѣстахъ иначе; напримѣръ, въ словахъ о трехъ степеняхъ разума. Очень много можно находить подобныхъ сочетаній у Святаго Іоанна Лѣствичника; тоже множество ихъ у Ѳеодора Едесскаго (въ Добротолюбіи) и у другихъ. Дивиться нечему, что находимъ такую разность въ показаніяхъ. Это зависитъ отъ того, кто какое избираетъ начало и какой путь. Если каждому изъ

насъ начать вести родословную линію, то ихъ можно надѣлать очень много, ведя по отцевой или материной сторонѣ далѣе тоже, по линіи ихъ отца или матери. Лжи не будетъ, хотя и будетъ разность. Такимъ образомъ и въ разныхъ показаніяхъ естественнаго развитія всѣхъ добрыхъ расположеній нѣтъ лжи, - хотя есть разногласіе. А другое дѣло,—что объ этомъ и заботиться много?.. Благодать Божія все сама устроитъ, да хранится только ревность о Богоугодной жизни. Естественно добрыя расположенія сейчасъ вступятъ въ свой порядокъ, а тѣ, которыхъ нѣтъ, начнутъ внѣдряться мало по малу, по мѣрѣ очищенія страстей, имъ противоположныхъ. Имѣйте сіе въ мысли, и довольно. Строгая система нейдетъ къ христіанской жизни—дѣятельной. Тутъ все почти строится ex-promptu.

γ) *О добродѣтели, какъ добромъ дѣлѣ.*

Всякое исполненіе заповѣди надлежащимъ образомъ, то есть, съ истинною цѣлію, во славу Божію по вѣрѣ въ Господа. и съ законными обстоятельствами, есть доброе дѣло; равнымъ образомъ добрыми дѣлами становятся и дѣйствія безразличныя, отъ благой цѣли, которую прилагаетъ къ нимъ христіанинъ. Въ Православномъ Исповѣданіи дѣла добрыя опредѣляются такъ: они состоятъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, которыя человѣкъ соблюдаетъ охотно, при помощи Божіей и при содѣйствіи собственнаго разума и воли, изъ любви къ Богу и ближнимъ, не имѣя ни откуда препятствія, собственно такъ называемаго. Такимъ образомъ добрыя дѣла, чтобъ имѣть истинную соотвѣтственную себѣ цѣну, подлежатъ слѣдующимъ условіямъ:

Предметъ ихъ—*заповѣдь*, все предписанное въ Словѣ Божіемъ и касательно чего сознаетъ себя человѣкъ со-

стоящимъ въ нравственной необходимости. Впрочемъ и такія дѣла, кои собственно не опредѣлены закономъ, способны принимать нравственно доброе качество отъ благихъ цѣлей, съ какими совершаются, хотя, очевидно, цѣна ихъ не можетъ быть велика. Потому можно прибавить: доброе дѣло состоитъ не только въ исполненіи заповѣди, но и въ совершеніи того, что непротивно заповѣдямъ, согласно съ ихъ духомъ и порядкомъ.

Исполненіе сіе должно быть *охотное*, то есть, не вынуждено обстоятельствами, не зависѣть отъ привычки и холоднаго механическаго обычая или отъ природнаго расположенія, а имѣть возбудителемъ своимъ охоту, желаніе, любовь, ревность творить добрыя дѣла, какъ сіе предлежащее и сего рода, такъ и вообще всѣ указываемыя заповѣдями Божіими. Отсюда должно заключить, что, пока человѣкъ не возъимѣлъ еще полнаго и рѣшительнаго намѣренія преуспѣвать во всѣхъ заповѣдяхъ Божіихъ, до тѣхъ поръ добрыя дѣла его не совсѣмъ чисты и совершенны. Ибо безъ того быть не можетъ, чтобъ они исходили изъ святой ревности, и, прямѣе, дѣлаются по увлеченію чувствъ и какимъ нибудь стороннимъ соображеніямъ; главное же: они тогда не бываютъ постоянны, а смѣшаны съ грѣхами и страстями. Совершеннаго, вѣчнаго вѣса такія дѣла не имѣютъ. однакожъ не безполезны, какъ приготовители и молители о благодати Божіей, возгнетающей огнь ревности. Припомните сказаніе о булочникѣ, въ досадѣ бросившемъ булку въ бѣднаго, чтобъ отдѣлаться только отъ него, и потомъ удостоившемся за сіе видѣнія и обратившемся отъ грѣха къ благочестной жизни. Почему всякому, кто не имѣетъ ревности, можно совѣтовать: твори какое либо доброе дѣло, особенно милостыню, и Богъ подастъ огнь ревности, свидѣтельство и источникъ духовной жизни.

Всякое *доброе дѣло* добро, если *творится для Бога*.

Все—во славу Божію. Человѣкъ христіанинъ весь долженъ быть жертвою Богу и Господу Іисусу Христу, пожершемуся за насъ. *Любы Божія обдержитъ насъ сужд-шихъ сіе... Христосъ за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 14. 15). Теперь надобно предавать Богу дѣла, чтобъ въ день суда Онъ возвратилъ ихъ и воздалъ христіанину. Должно сказать, что вѣчнаго воздаянія и достойны только сіи дѣла, посвящаемыя Вѣчному Богу. И здѣсь такое устроеніе сердца сообщаетъ дѣламъ нѣкоторую легкость, естественность, Богоприличный, привлекательный, отрѣшенный ликъ.

Истинно *доброе дѣло творится при содѣйствіи собственнаго разума и при помощи Божіей*. Видимо, какъ всякое доброе дѣло, отъ человѣка къ Богу возносимое, есть вмѣстѣ Божіе и человѣческое. Въ совершеніи добрыхъ дѣлъ, самонадѣянность и самоувѣренность вредятъ не только ихъ чистотѣ, но и успѣху и совершенству. Ибо вообще такія дѣла бываютъ поспѣшны, незрѣлы, неотерплены, а нерѣдко и до конца не доводятся. Равно и отреченіе отъ должнаго употребленія своихъ силъ искажаетъ дѣла и всю дѣятельность. Этотъ недостатокъ вошелъ даже въ ученіе у Квіетистовъ и Квакеровъ, чающихъ на все вдохновеній свыше. Нѣтъ сомнѣнія, что въ случаяхъ чрезвычайныхъ инымъ приходитъ вдохновеніе отъ Господа; и вообще рѣшаться безъ особеннаго призыванія на что нибудь важное и рѣшительное не должно, чтобъ, начавши здать, не оказаться неспособнымъ кончить зданіе къ стыду своему и униженію добродѣтели. Но въ такихъ случаяхъ большею частію бываетъ такъ, что не только рѣшиться на такое дѣло, но и задумать его не можетъ человѣкъ безъ сего вдохновенія. Поступать же такимъ образомъ въ обыкновенныхъ случаяхъ опасно, ибо симъ отверзается пространная дверь лѣности

и обольщеніямъ. Теперь человѣкъ живетъ подъ воспитаніемъ. Ему должно очищать и исправлять свое упорное сердце, дѣйствуя противъ него. Если сердце никогда почти не хочетъ добра само, а не хотящему и не радящему Богъ не пошлетъ помощи и вразумленія; то можно, въ ожиданіи сихъ небесныхъ наитій, всю жизнь проспать для добродѣтели. Отъ Господа приходитъ помощь, но тѣмъ, которые дѣйствуютъ, а не тѣмъ, которые не дѣйствуютъ. Сдѣлай напряженіе и придетъ помощь.

Наконецъ, истинно *доброе дѣло* бываетъ *безъ препятствій*. Здѣсь разумѣются препятствія законныя, то есть, если дѣло не можетъ быть совершено съ законными обстоятельствами, но или мѣсто, или время, или другое что не позволяетъ ему или совсѣмъ быть добрымъ, или явиться въ истинномъ совершенствѣ и плодотворности. Что же касается до препятствій незаконныхъ, то они не только не мѣшаютъ дѣлу быть добрымъ, а напротивъ, возвышаютъ его, по мѣрѣ своей силы и настойчивости. Тѣмъ многоцѣннѣе дѣло, чѣмъ въ совершеніи его больше преодолѣно препятствій. Совершать дѣла добрыя соотвѣтственно ихъ доброй природѣ и законнымъ требованіямъ обстоятельствъ, въ противность беззаконнымъ препонамъ, а между тѣмъ совершать такъ, чтобъ отсюда выходило добро, а не зло, есть дѣло благоразумія, котораго наука преподается Божіею благодатію и многообразною опытностію въ духовной жизни. Вопроси старцы, и рекутъ тебѣ.

Потрудитесь также замѣтить о сихъ дѣлахъ слѣдующее: тогда какъ ревность, какъ огонь внутренній, непрестанно приводитъ въ движеніе наши силы, а чувство и расположеніе пребываютъ въ неизмѣнномъ внутреннемъ покоѣ, какъ поле, на коемъ растутъ и множатся плоды дѣлъ,— дѣла суть нѣчто перемежающееся въ насъ: они начинаются и престаютъ, слѣдуя одни за другими. Впрочемъ

заботливый и благоразумный труженикъ можетъ установить въ своей жизни непрерывную цѣпь добродѣланія. Это потому, что въ доброе дѣло можно обращать и мысль, и слово, и движеніе, и поступокъ. Время жизни дано человѣку на собраніе добрыхъ дѣлъ. Если теперь время сіе течетъ, не останавливаясь, и есть въ теченіи своемъ безпрерывно повторяющаяся точка, то должно позаботиться человѣку, чтобъ каждая изъ сихъ точекъ была занята добромъ. Сонъ мѣшаетъ?! но и онъ можетъ быть обращенъ въ добро, именно, въ дѣло самоотверженія; пища тѣмъ больше.... глазъ—еще больше... Учреди согласіе внѣшняго человѣка съ внутреннимъ. Внутри Богъ положилъ ревность неугасающую, а ты совнѣ предлагай дѣла непрерывныя... Между ними, какъ полюсами, будетъ очищаться и освящаться природа твоя. Удобное средство къ тому подаетъ то, что жизнь каждаго обставлена всегда непрерываемою цѣпью обстоятельствъ, могущихъ раждать добро. Это сейчасъ увидитъ каждый, пересмотрѣвши со вниманіемъ свой день для своего, то есть, лица, въ своемъ положеніи, отъ начала до конца.

Приходитъ нѣкоторымъ на мысль ограничиваться однимъ внутреннимъ, безъ внѣшняго дѣла. Это особенно касается тѣхъ случаевъ, въ которыхъ неизбѣжно приходится сильно пострадать эгоизму; напримѣръ, въ прошеніи прощенія и проч. Нѣтъ, человѣка Богъ сотворилъ изъ тѣла и души; хочетъ, чтобъ и дѣла его были совершаемы цѣлымъ его лицомъ, а не одною частію. Притомъ самое дѣло вполнѣ плодотворнымъ для добродѣющаго является въ исполненіи его, или въ совершеніи, а не при желаніи только, хотя бы пламенномъ. Только совершенное дѣло есть шагъ впередъ по степенямъ нравственнаго совершенства. Кто однажды перенесъ обиду, тотъ сталъ выше, въ другой разъ еще выше, и такъ далѣе. Между тѣмъ, кто желаетъ только переносить, а

не переноситъ, тотъ остается на прежнемъ мѣстѣ и даже подается назадъ, потому что, по мѣрѣ неисполненія, слабѣетъ желаніе. Кто не собираетъ, расточаетъ. Вотъ почему ревнители совершенства изыскиваютъ случаи къ добрымъ дѣламъ, а не только не позволяютъ себѣ пропускать ихъ, когда они представляются. Чѣмъ больше кто творитъ дѣлъ истинно добрыхъ, тѣмъ тотъ выше и выше.

Такъ должно богатиться добрыми дѣлами, но больше заботиться надо о добрыхъ расположеніяхъ. Когда впрочемъ есть истинная о спасеніи ревность, то она научитъ всему, ибо она очень изобрѣтательна.

бб) О возрастахъ добродѣтельной жизни христіанской.

Показанныя три стороны добродѣтели, какъ видно изъ ихъ свойствъ, находятся въ непрерывной между собою связи и взаимнодѣйствіи. Но источное начало всего— ревность по христіанской жизни, утверждаемая благодатію въ таинствѣ крещенія или покаянія. Она чрезъ безпрерывный рядъ дѣлъ осаждаетъ въ духѣ и сердцѣ человѣка и добрыя расположенія. Надежда и крѣпость нравственной жизни состоятъ въ сихъ расположеніяхъ, почему не должно оставлять труда и заботъ, пока они не утвердятся, равно какъ и не ослабѣвать отъ того, что они не такъ скоро утверждаются, какъ бы хотѣлось. Древо, недавно посаженное, легко исторгается, а древо укоренившееся требуетъ большихъ трудовъ отъ того, кто хотѣлъ бы его исторгнуть. Такъ и добрыя расположенія въ началѣ только что предпринятаго добраго житія ненадежны, шатки, измѣнчивы; но чѣмъ болѣе стоитъ человѣкъ въ дѣлахъ имъ соотвѣтствующихъ, тѣмъ они становятся прочнѣе, глубже укореняются въ сердцѣ и обращаются въ естественныя какъ бы расположенія. По мѣ-

рѣ же внѣдренія въ сердцѣ добрыхъ расположеній изгоняются изъ него злыя, и душа все болѣе и болѣе становится чистою. На семъ основаніи законно должно различать разныя состоянія христіанина добродѣтельнаго, по его возрастамъ духовной жизни. Въ Словѣ Божіемъ сіи возрасты обозначаются сравненіемъ усовершенствованія духовной жизни то съ развитіемъ сѣмени, которое сначала *даетъ траву*, *потомъ класъ, наконецъ и пшеницу* (Мар. 4, 28), то съ естественными возрастами человѣка, каковы: младенческій, юношескій, мужескій или совершенный (1 Іоан. 2, 12; Евр. 5, 14). Три же степени возрастанія духовнаго означаются и у святыхъ отцевъ: новоначальные, успѣвающіе и совершенные, или степени обращенія, очищенія и освященія (Лѣств. степ. 26).

Что свойственно каждой изъ сихъ степеней, опредѣлить очень трудно. Общій законъ возрастанія тотъ, что отъ зачатія жизни, какъ искры или сѣмени, до совершеннаго ея развитія въ пламень или древо плодовитое, или до явленія ея во всей чистотѣ и полнотѣ, доступной въ здѣшней жизни, все время проходитъ въ подвигѣ и борьбѣ, въ коихъ искореняется зло и насаждается добро; но гдѣ именно поворотъ съ младенческаго возраста на юношескій, съ юношескаго на совершенный, опредѣлить съ точностію нельзя. Ибо движеніе жизни духовной, какъ и движеніе тѣни солнечной, или возрастаніе тѣла, совершается безъ скачковъ съ мудрою и непрерывнѣйшею постепенностію. Только нѣкоторыя черты, на основаніи Слова Божія и писаній отеческихъ, можно указать въ семъ отношеніи.

Младенческій возрастъ. Это періодъ отъ зачала жизни христіанской до образованія порядка сей жизни и правилъ христіанскаго дѣйствованія вообще. Нужно, напримѣръ, установить, какъ вести себя во внѣшнемъ порядкѣ своей жизни, и притомъ въ разныхъ случаяхъ и разнымъ

лицамъ, такъ однакожъ, чтобъ это и отношеній не разстроивало, и духу не мѣшало. Попасть на истинный въ семъ путь очень трудно, почему прибирается то то, то другое. Равнымъ образомъ, и во внутреннемъ дѣйствованіи противъ смущающихъ помысловъ и страстей, установить дѣйствованіе такъ, чтобъ легко и замѣчать и покорять ихъ, можно не вдругъ. Такъ, пока установляются, такъ сказать, формы жизни, во все это время длится періодъ младенческій въ духовной жизни, которому и свойственны, какъ младенцу, нетвердость, незрѣлость, дѣтское разсужденіе и дѣтское слово, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ (1 Кор. 13, 11). Младенцамъ о Христѣ и предлагается *млеко, а не крѣпкая пища* (Евр. 5, 12-13), *начала Христова слова* (Евр. 6, 1), *словесное и нелестное млеко, да о немъ возрастаютъ во спасеніе* (1 Петр. 2, 3). По такой нетвердости и незрѣлости, они легко колеблются, а нерѣдко и увлекаются всякимъ вѣтромъ ученія, въ коварствѣ козней льщенія (Еф. 4, 14), и въ самыхъ побужденіяхъ допускаютъ болѣе снисходительности, нежели отрѣшенности отъ всего (1 Кор. 3, 1-3). Однакожъ имъ усвояется отпущеніе грѣховъ *ради имени Христова,—познаніе Отца* (1 Іоан. 2, 13-14) *и вкушеніе благости Господней* (1 Петр. 2, 3). Познаніе въ Богѣ Отца—очень характеристическая черта. Дитя долго не смыслитъ, и не различаетъ отъ чужихъ ни отца, ни матери, но потомъ начинаетъ различать ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается у него радость жизни. И человѣкъ грѣшникъ, пока не обратится къ Богу, не знаетъ Его, Отца человѣколюбиваго; но, обратившись, въ первый разъ видитъ грознымъ Судіею, потомъ, очистившись въ крещеніи или покаяніи, вкушаетъ благость Его и ощущаетъ Его Отцемъ. Дѣйствительно, если судить по внутреннему человѣку, то чувство отеческой Божіей попечительности есть отличіе младенца о Христѣ. Господь

для нихъ путь: Онъ невидимо проводитъ ихъ чрезъ этотъ нерѣшительный періодъ жизни. Изъ побужденій у нихъ болѣе страхъ. У Святаго Іоанна Лѣствичника приписываются симъ новоначальнымъ преимущественно тѣлесные подвиги: постъ, вретище, пепелъ, молчаніе, трудъ, бдѣніе, слезы и другое (26 степень).

Возрастъ юношескій. Это время борьбы и подвига надъ искорененіемъ страстей и насажденіемъ добрыхъ расположеній. Какъ на войнѣ, по установленіи порядка войскъ, начинается война, или у земледѣльцевъ, по приготовленіи нужнаго, начинается сѣятва; такъ и здѣсь, когда формы жизни установились, начинается рѣшительное преслѣдованіе зла въ себѣ со вкорененіемъ добра. Это не значитъ, чтобъ въ младенческомъ возрастѣ зло попускалось, но что оно теперь преслѣдуется, такъ сказать, систематически. неопустительно. Какъ въ естественной жизни юношѣ предлежитъ трудъ образованія себя, такъ и въ духовной. Почему въ Словѣ Божіемъ говорится о юношахъ духовныхъ, что они крѣпки, что *Слово Божіе пребываетъ въ нихъ, и они побѣдили лукаваго* (1 Іоан. 2, 14). Слово Божіе, прежде съ дѣтскою простотою принятое, теперь обращается въ сокъ ихъ и кровь, пребываетъ въ нихъ и сообщаетъ имъ крѣпость жизни, по коей они суть не слышатели только, но и творцы слова и силою его, какъ мечемъ, отражаютъ и поражаютъ лукаваго. Господь Іисусъ Христосъ есть для нихъ истина; то есть, истина искупленія и спасенія, пребывающая внѣ всякаго, теперь переходитъ и вселяется въ ихъ сердца. У юношей характеристическое чувство есть чувство силы въ Богѣ. *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Господѣ.* Юноша живетъ надеждами, почему и изъ побужденій ему свойственнѣе несомнѣнная надежда достиженія совершенства и полученія вѣчныхъ благъ, хотя симъ не исключаются и другія побужденія. У Св. Іоанна

Лѣствичника (тамъ же) имъ усвояются преимущественно подвиги душевные: нетщеславіе, безгнѣвіе, благонадежіе, кроткое увѣщаніе, непорочная молитва, несребролюбіе.

Возрастъ мужескій. Это—время, когда внутренняя борьба утихаетъ, и человѣкъ начинаетъ вкушать покой и сладость духовныхъ благъ. Земледѣлецъ, послѣ жатвы вкушающій плоды трудовъ, также тѣсто, заквашенное и вскисшее, вполнѣ образовавшееся—это образы совершеннаго возраста. Премудрый Сирахъ изображаетъ дѣйствованіе премудрости, какъ она сначала мучитъ и испытываетъ любимца своего, потомъ обращается къ нему, возвеселяетъ его и открываетъ ему тайны своя (Сир. 4, 18 и д.). Это послѣднее—характеръ духовнаго мужа. Мужу мы приписываемъ твердость, степенность, непоколебимость, опытность; и духовному мужу Слово Божіе усвояетъ такія же совершенства: ему свойственна твердая пища (Евр. 5, 14), *чувствія обучена въ разсужденіе добра же и зла; познаніе безначальнаго, исконнаго* (1 Іоан. 2, 13. 14); то есть, имъ открываются сокровеннѣйшія Божественныя свойства и тайны, тогда какъ у юноши и младенца болѣе свойства являемыя, какъ благость и могущество. Изъ побужденій имъ свойственнѣе любовь: *ибо, пришедши въ мѣру возраста исполненія Христова, они истинствующе въ любви возращаютъ въ Того всяческая, иже есть глава Христосъ* (Еф. 4, 13. 15). Господь для нихъ животъ, ихъ *оживляющій и исполняющій* (Гал. 2, 20). Почему, живя уже не себѣ, *но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 15), они вся уметы вмѣняютъ, за превосходящее разумѣніе Христово. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ усвояетъ имъ преимущественно жизнь въ духѣ и пребываніе неподвижное въ Богѣ: непорабощенное сердце, совершенную любовь, умомъ изъ міра выступленіе и во Христа

внѣдреніе, небеснаго свѣта въ душѣ и мыслей во время молитвы нерасхищеніе, обиліе Божія просвѣщенія, желаніе смерти, ненавидѣніе жизни, небесныхъ таинъ вмѣщеніе, власть надъ бѣсами, неисповѣдимыхъ Божіихъ судебъ храненіе и проч. (тамъ же).

Касательно возрастанія въ духовной жизни вообще, должно замѣтить:

Что ему предѣловъ назначить нельзя. Христіанамъ поставлено цѣлію быть совершенными, *яко же Отецъ Небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48). Стремленіе же къ воображенію на себѣ безконечнаго образца должно проводить человѣка чрезъ безконечныя степени;

Что совершенство не части какой касается, а обнимаетъ всего человѣка и по духу, и по душѣ, и по тѣлу, во всѣхъ частяхъ и силахъ его существа, *и въ премудрости* (Лук. 2, 52), *и въ вѣрѣ* (Лук. 18, 8), *и въ надеждѣ* (Рим. 15, 13), *и въ самоотверженіи и самоуничиженіи* (Фил. 2, 7. 8), *и въ умерщвленіи и освященіи тѣла* (1 Кор. 9, 27; Рим. 8, 7). Вообще совершенному свойственно все то, что въ Словѣ Божіемъ усвояется облагодатствованному;

Что всѣ возможныя на землѣ степени совершенства суть высшія только относительно; онѣ не означаютъ чистоту и зрѣлость окончательную, а тѣмъ болѣе не исключаютъ возможности паденія. Почему Апостолъ Павелъ съ одной стороны заповѣдуетъ: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ,* съ другой увѣряетъ о себѣ: *азъ не у себе помышляю достигша* (Фил. 3, 13—16). Посему нѣтъ времени, когда бы можно было сказать намъ: *довольно;* но непрестанно должно начинать; *непрестанно возгрѣвать дары Божіи* (2 Тим. 1, 6) *и стремиться неутомимо на совершеніе* (Евр. 6, 1). Макарій Великій свидѣтельствуетъ, что и совершенные не пребываютъ на одной степени, а иногда повышаются, иногда

понижаются, и что даже имъ не возможно пребывать всегда на высшихъ степеняхъ, по невыносимости сего для тлѣнной нашей природы (См. бес. 8, § 4). Святый Лѣствичникъ приводитъ въ примѣръ Ефрема Сиріанина, который, восходя на верхъ безстрастія, взывалъ къ Богу: ослаби ми волны благодати Твоея; подобно тому, какъ Давидъ молился: *ослаби ми, да почію* (Псал. 38, 14; Лѣств. 26).

Вѣдая сіе, всякому смотрѣть надо, гдѣ онъ? Начало, можетъ быть, положено... а сдѣланъ ли послѣ того шагъ впередъ, Богъ вѣсть. Хотя объ одномъ да будетъ попеченіе, чтобъ не погасла ревность. Пока она есть, все еще есть надежда на успѣхъ. Можетъ быть, подвигнемся иногда на какое либо добро и хоть на волосокъ прибавимъ себѣ росту. А какъ она погаснетъ, тогда всему конецъ. Господь да будетъ намъ охрана и крѣпость!

Приложу и еще одну мысль: о высокомъ достоинствѣ истинно христіанскаго житія, или высокой цѣнѣ добродѣтели, и вмѣстѣ незавидномъ его состояніи по внѣшности. Контрастъ сей очень поучителенъ. На землѣ нѣтъ ничего, съ чѣмъ бы можно было сравнивать добродѣтель христіанскую въ достоинствѣ. Что Спаситель назвалъ единымъ на потребу?—ревность о спасеніи души. Но это и есть добродѣтель христіанская. Что важнѣе достиженія послѣдней цѣли? Но она достигается единственно христіанскою добродѣтелію. Что блаженнѣе Богообщенія? Но оно нераздѣльно съ христіанскою добродѣтелію.

Много предметовъ на землѣ достойныхъ уваженія: искусства, науки, доброе правленіе, богатство, достоинства; но что все это безъ добродѣтели? *Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Матѳ. 16, 26). Все другое, кромѣ добродѣтели, походитъ на математическій нуль и получаетъ смыслъ и значеніе только отъ нея, какъ нули отъ цифры.

Стяжавшій добродѣтель, стяжалъ непохитимое сокровище. Все другое можетъ быть расхищаемо здѣсь и все непремѣнно оставитъ человѣка въ часъ смерти. А добродѣтель безопасно проходитъ этотъ испытательный пунктъ и входитъ съ человѣкомъ въ небесное отечество. Но если, и безъ такого сравненія съ преходящими вещами, обратиться къ порядку христіанской жизни—доброй, то откроются новыя ея чрезвычайныя преимущества.

Живущій истинно по христіански христіанинъ имѣетъ Отцемъ Бога, отъ Коего рожденъ и Который особенно благоволитъ къ нему, есть братъ Господа Іисуса Христа и членъ отъ плоти Его и отъ костей Его, есть общникъ и таинникъ Божій, жилище Бога Тріѵпостаснаго, сослужебникъ Ангеловъ и Святыхъ. Онъ получилъ неоцѣненную милость питаться тѣломъ Христовымъ и чрезъ Слово Божіе, какъ чрезъ завѣсу, входить во внутреннѣйшее, бесѣдовать съ Единымъ истиннымъ Богомъ лицемъ къ лицу въ чистой молитвѣ; отечествомъ онъ имѣетъ небо, а въ немъ наслѣдіе, котораго языкомъ человѣческимъ описать нельзя. Можно всѣмъ совѣтовать прочитать Преосв. Тихона о преимуществахъ христіанина, въ 9-мъ томѣ его сочиненій.

Чаще должно христіанину приводить на память такое преимущество добраго житія, чтобъ чаще взывать: *что ми есть на небеси?!..* Судя по такой высотѣ добраго христіанскаго житія, надлежало бы ожидать свѣтлой для него участи. Но Слово Божіе сего не обѣщаетъ, и на самомъ дѣлѣ сего почти не бываетъ. Начинающій жить по христіански вступаетъ въ путь тѣсный и прискорбный, беретъ крестъ и съ нимъ идетъ въ слѣдъ Христа. Самъ Господь Іисусъ Христосъ былъ обезчещенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ и пригвожденъ ко кресту. Апостоламъ говорилъ Онъ: *въ мірѣ скорбни будете. Азъ избрахъ вы отъ міра; сего ради ненавидитъ*

васъ міръ (Іоан. 15, 18. 19). Апостолы о себѣ говорили: *до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ... яко же отреби міру быхомъ всѣмъ попраніе* (1 Кор.4,11.13). Въ слѣдъ за ними, и во всякое другое время *хотящіе жить благочестиво гонимы бываютъ* (2 Тим. 3, 12). Иначе сему быть нельзя. Міръ, во злѣ лежащій, не терпитъ обличителей. Сатана не терпитъ противниковъ. А христіанинъ есть ратникъ Божій противъ князя тьмы, почему и составляетъ цѣль для стрѣлъ злости міра съ княземъ его. Съ самаго начала встрѣчаетъ онъ подозрѣнія, укоры въ лицемѣріи и ханжествѣ; далѣе одно за другимъ послѣдуютъ личныя оскорбленія, лишеніе преимуществъ, видимое преслѣдованіе, озлобленіе отвсюду, которому никто рѣшительно не можетъ дать отчета изъ тѣхъ, кои производятъ его.

Но когда такимъ образомъ внѣшнее человѣка христіанина тлѣетъ, внутреннее его обновляется по вся дни. Крестъ есть лѣствица восхожденія по степенямъ христіанскаго совершенства. Въ скудельномъ сосудѣ семъ созидаются сокровища духа. Въ немъ воображаются всѣ совершенства частей и силъ человѣка, то есть, совершенства духа, души и тѣла, ума, воли и сердца; и, укрѣпляясь все болѣе и болѣе, онъ изъ младенца о Христѣ становится наконецъ мужемъ, созрѣвшимъ и готовымъ въ другой міръ, подлинный, изъ сего приготовительнаго, желаетъ и самъ разрѣшиться и со Христомъ быть. Наконецъ трудничествующій странникъ кончаетъ путь, безболѣзненно скидаетъ странническую одежду, пріемлется Ангелами, возносится къ Престолу безпредѣльнаго Бога и поставляется на свое мѣсто, въ коемъ и наслаждается неизъяснимымъ блаженствомъ по духу, отъ таинственнаго лицезрѣнія Бога, пока во второмъ пришествіи Христовомъ и мертвенное сіе не облечется въ безсмертіе. Тогда, въ цѣлости существа преиспол-

няясь Божества, будетъ онъ вѣчно сіять, какъ солнце, въ царствіи Отца.

Послѣ сего вопросъ о союзѣ счастія и блаженства съ доброю жизнію рѣшается самъ собою: въ настоящей жизни, для совершенства въ духѣ, не даются христіанамъ блага здѣшнія,—но внутренними благами духовными они одни только здѣсь и наслаждаются и, не смотря на всѣ скорби, присно радуются и исполняются миромъ Божіимъ, превосходящимъ всякъ умъ, отъ чувства Божіихъ милостей. Въ другой жизни, безъ скорбей, сіе блаженство по духу является во всей силѣ и бываетъ только духовно до втораго пришествія. По второмъ же пришествіи, сего блаженства содѣлается причастнымъ и преобразованное тѣло наше, и тогда цѣлымъ существомъ праведникъ будетъ блаженствовать безконечные вѣки.

Сей конецъ вѣнчаетъ дѣло! О немъ ревностно да ревнуетъ душа. А что есть непріятности въ жизни, что за бѣда? Немного... нынѣ, завтра конецъ!

б).

О грѣхѣ.

И грѣхъ также, какъ добродѣтель, можно разсматривать *αα*) въ трехъ видахъ его проявленія: *α*) какъ дѣло, *β*) какъ расположеніе или страсть, *γ*) какъ состояніе и грѣховное настроеніе души. И жизнь грѣшная имѣетъ *δδ*) свои *возрасты,* какъ и добродѣтельная.

αα) *Грѣхъ въ трехъ видахъ проявленія его.*

α) *Грѣхъ, какъ дѣло.*

αα) Что есть грѣхъ? Грѣшное дѣло есть преступленіе повелѣвающей или запрещающей заповѣди Божіей, или, какъ говоритъ Апостолъ: *грѣхъ есть беззаконіе* (1 Іоан. 3, 4), Двѣ особенно черты тотчасъ отражаются въ грѣхѣ

отъ словъ: преступленіе и заповѣдь. Тамъ онъ есть злоупотребленіе свободы, здѣсь презрѣніе закона.

Грѣхъ имѣетъ мѣсто только въ существахъ разумныхъ, безтѣлесныхъ и соединенныхъ съ тѣломъ. Какъ особенное преимущество, Господь даровалъ имъ свободу. Но вблизи сего преимущества на одну черту и бездна. Свобода не связана: можетъ обращаться къ Богу и можетъ отвращаться отъ Него. Но сія возможность есть въ свободѣ не для того, чтобъ тварь отвращалась отъ Творца, но потому, что составляетъ природу свободы. Цѣль и назначеніе свободы—непринужденное служеніе Богу, Творцу своему, чтобъ тварь, свободно служа Богу и исполняя волю Его, тѣмъ большихъ сподоблялась благъ, становилась пространнѣйшимъ вмѣстилищемъ блаженства. Очевидно, что тварь, уклоняющаяся отъ воли Божіей, злоупотребляетъ свободою. Это говорится съ тѣмъ, чтобъ показать, что она злоупотребляетъ сама, не по какой нибудь необходимости или року, а самовольно, имѣя, то есть, полную возможность и исполнить волю Божію въ то мгновеніе, когда не исполняетъ ея. Въ семъ смыслѣ въ Православномъ Исповѣданіи говорится, что грѣхъ есть необузданная воля человѣка и діавола. Никто не принуждалъ діавола возстать противъ Бога: онъ это сдѣлалъ самъ собою. Прародителей нашихъ хотя соблазнялъ сатана, но не связывалъ свободы, а только обольщалъ; потому и они, когда преступили заповѣдь, согрѣшили свободно, сами собою. И нынѣ, пусть возстаетъ на насъ многообразная похоть, воюетъ міръ и діаволъ; но все самый грѣхъ есть наше вольное дѣло, непринужденное, плодъ необузданной воли.

Грѣхъ есть преступленіе, или нарушеніе закона. Но законъ самъ въ себѣ остается неизмѣннымъ. Онъ раззоряется только и нарушается въ лицѣ грѣшащаго. Напримѣръ, невѣріе есть нарушеніе закона вѣры въ Бога;

но и Богъ, и вѣра сами по себѣ остаются неприкосновенными. То и другое онечествовалъ только въ себѣ самомъ самъ нечествующій тѣмъ именно, что не принимаетъ, отвергаетъ, презираетъ, попираетъ сей законъ. Отсюда, презрѣніе закона есть неотъемлемая черта грѣха; презрѣніе закона, слѣдовательно презрѣніе воли Божіей и противленіе Богу. Далѣе, такъ какъ законъ нравственный напечатлѣнъ въ существѣ человѣка и внутренно соображенъ и сочетанъ съ его устройствомъ, то, преступая его, человѣкъ идетъ противъ себя, себя самого раззоряетъ и губитъ, ибо непреложное условіе благосостоянія и здравія всякаго существа есть не воспящаемое развитіе положенныхъ въ немъ началъ. Посему, можно сказать, грѣхъ есть ядъ и разрушеніе человѣка чрезъ самовольное нарушеніе закона. Отъ противленія закону неминуемо раждается смерть и возгарается гнѣвъ Божій.

Посему вообще и характеризуется грѣхъ этою необузданностію воли, этимъ презорствомъ къ закону, этою силою разрушительною, коею онъ возвратно дѣйствуетъ на грѣшника.

Отсюда слѣдуетъ, что нельзя говорить, будто грѣхъ состоитъ въ недостаткахъ и несовершенствахъ нашихъ силъ, есть неминуемое слѣдствіе нашей ограниченности. Не всевѣдущъ и не всемогущъ, потому и святымъ быть не можетъ. Правда, наши силы ограниченны; но вѣдь и обязательства, на насъ лежащія, не безконечны, а въ точности соотвѣтствуютъ нашей природѣ. Еслибъ отъ насъ стали требовать Ангельской жизни, мы могли бы извиняться, не успѣвая въ ней. А если, будучи человѣками, живемъ не по человѣчески,—чѣмъ извинимся? Равнымъ образомъ неправда, будто грѣхъ есть слѣдствіе недальновидности ума, неблагоразуміе: цѣль не ту назначилъ, средства не тѣ прибралъ. Все это бываетъ и въ грѣхѣ; но грѣхъ собственно въ развращеніи воли, по

коему и знаемъ, что должно дѣлать, но не дѣлаемъ, потому что не хотимъ. *Вѣдущему добро творити и не творящему е, грѣхъ ему есть* (Іак. 4, 17).

33) Откуда грѣхъ? Что касается до происхожденія грѣха, то оно изумительно и въ діаволѣ, и въ человѣкѣ. Представьте себѣ чистѣйшую и совершеннѣйшую разумную тварь, каковъ Ангелъ, только что вышедшій изъ рукъ Творца съ высокими достоинствами, приближавшими его къ Творцу; онъ получаетъ заповѣдь и скоро потомъ, вѣдая совершенно волю своего Творца, вѣдая запрещеніе Его, угодное Ему и неугодное, избираетъ неугодное въ противность Ему. Ни одной не видишь мысли, на какой можно было бы основать объясненіе такого дѣйствія. Это непостижимая тайна нравственная! Въ духѣ родилась мысль или внутреннее слово и произвело столько зла, что имъ наполнился весь міръ, и зла столь крѣпкаго, что оно пребудетъ въ вѣчные вѣки, хотя несомнѣнно на раззореніе себя. Таково существо свободы! Свободное существо есть источное начало дѣлъ, о которыхъ не всегда можно отвѣтить, почему? Просто, потому, что хочу, а хочу потому, что хочу.

Также и въ человѣкѣ мало объяснимо рожденіе грѣха, ибо и онъ также согрѣшилъ, все зная. Въ грѣшникѣ падшемъ еще понятно рожденіе грѣховъ, ибо согрѣшившій сталъ рабъ грѣха, привилъ къ себѣ грѣхъ, принялъ его какъ бы въ правило. Но отъ чего и какъ паденіе человѣка чистаго перваго, или теперь, паденіе людей, успѣвавшихъ въ добрѣ, познавшихъ его сладость, удостоившихся особеннаго благоволенія Божія, людей праведныхъ? Нѣкоторый свѣтъ на сіе проливаетъ слѣдующее мѣсто изъ посланія къ Евреямъ (3, 12—13: *Блюдите, братіе, да не когда будетъ въ нѣкоемъ отъ васъ сердце лукаво исполнено невѣрія, во еже отступити отъ Бога жива. Но утѣшайте себе на всякъ день, дондеже*

днесь нарицается, да не ожесточится нѣкто отъ васъ лестію грѣховною. Здѣсь указывается, что грѣхъ начинается *невѣріемъ*, ослабленіемъ убѣжденія въ истинѣ, омраченіемъ ума. Оно наводитъ нѣкоторую тѣнь на истину, на Бога, законъ Его и Божественный порядокъ,— слѣдовательно и отдаляетъ ихъ изъ сознанія по мѣрѣ увеличенія сей тѣни. Такъ поступилъ діаволъ въ началѣ, омрачивъ ликъ Божій въ умѣ прародителей. Съ сего же начинается и грѣхъ каждаго. По сему возочищать вѣру сколько можно чаще и есть обязанность не желающаго грѣшить. Потомъ къ невѣрію присоединяется *лесть грѣховная*, чаяніе великой сладости, какая придетъ сама, безъ всякаго труда, лишь только согрѣши. Сіе чаяніе приковываетъ вниманіе и сердце къ предмету грѣха.

Тогда и думается, и желается только одинъ сей предметъ. Законъ, истина, нужды духа, Слово Бога, все становится ни во что. Къ нимъ ожестѣлъ человѣкъ или онъ успѣлъ уже установиться въ упорствѣ и непокоривости, готовъ сказать: отойди, или отступилъ отъ Бога... Не имѣя же страха Его, какъ ярый звѣрь, кидается на грѣхъ. Въ основаніи же и самой глубинѣ всего лежитъ *сердце лукаво*: недобросовѣстность, внутренній обманъ предъ самимъ собою и Богомъ, Котораго однакожъ не отвергаетъ. Оно тутъ же пребываетъ во все производство грѣха и все дѣло приводитъ въ движеніе и покрываетъ собою.

Такимъ образомъ нѣсколько виденъ механизмъ грѣха. Но все же это не есть полное его объясненіе. Ибо откуда эта недобросовѣстность и лукавство въ томъ, кто былъ предъ тѣмъ добросовѣстенъ и прямодушенъ? Далѣе, откуда невѣріе въ томъ, кто дышалъ вѣрою, откуда лесть грѣховная въ ненавидѣвшемъ грѣхъ или ожестѣніе въ мягкомъ и благопокорливомъ? Припомните примѣръ святаго подвижника, преуспѣвшаго до того,

что ему Ангелъ приносилъ пищу. Какъ это сдѣлалось, что онъ, оставя пустыню, бѣжалъ уже въ міръ? и убѣжалъ бы, еслибъ не удержала его милость Божія. Такъ грѣхъ тайна... мы всѣ грѣшимъ и бываемъ крайне виновны во грѣхахъ, но не можемъ сказать себѣ, почему грѣшимъ.

По этому, не только чрезъ посредственное заключенье, но и непосредственно, зачало нашего грѣха можно возводить къ діаволу. Онъ тѣни и мраки наводитъ на душу и, содержа ее какъ бы въ какомъ опьяненіи, доводитъ до того, что она раждаетъ грѣхъ, сначала въ себѣ, а потомъ и во внѣ. Однакожъ это не извиняетъ душу, ибо соблазнъ не необходимость. Грѣхъ всегда есть самовольное уклоненіе отъ Бога и святаго Его закона въ угодность себѣ. Бдите и молитесь: не введи насъ, Господи, во искушеніе!

γγ) Виды грѣха.—Чтобъ ближе познакомить съ грѣхомъ, перечисляются здѣсь разные его виды, ибо въ нихъ злая и мрачная природа его очевиднѣе. Въ руководство при этомъ возьмемъ простую мысль о грѣхѣ. Грѣхъ есть преступленіе заповѣди, повелѣвающей или запрещающей что либо дѣлать, преступленіе произвольное, непринужденное. Отсюда есть грѣхи *опущенія* и *нарушенія заповѣди*. Господь заповѣдалъ: *уклонися отъ зла и сотвори благо* (Псал. 33, 15); должно одно дѣлать, а другаго не дѣлать. Посему, когда дѣлаемъ что не должно, творимъ грѣхъ и, когда не дѣлаемъ, что должно, тоже творимъ грѣхъ, И нарушеніе, и неисполненіе заповѣди есть грѣхъ. Первое преступнѣе послѣдняго, такъ какъ нарушеніе заповѣди требуетъ особаго напряженія силъ и не можетъ произойти иначе, какъ отъ большаго упорства и развращенія воли. Должно однакожъ помнить, что и опущенія бываютъ очень важныя и нерѣдко важнѣе самыхъ нарушеній. Это особенно должно сказать о тѣхъ случаяхъ,

въ коихъ опущеніе сіе зависитъ отъ постояннаго и всегдашняго небреженія о законѣ или отъ презрѣнія къ нему, равно какъ и о тѣхъ, въ коихъ опускаются обязанности, или важныя сами по себѣ, или такія, коихъ опущеніе влечетъ за собою вредныя и разрушительныя для другихъ послѣдствія. Таково опущеніе обязанностей своихъ отцемъ, священникомъ, воспитателемъ и проч. Въ Словѣ Божіемъ нарочито указывается виновность опущенія въ случаѣ самомъ рѣшительномъ, именно, на послѣднемъ судѣ. Такъ неключимому рабу, скрывшему талантъ, говорится: *вверзите его въ тму кромѣшную* (Матѳ. 25, 30); и тѣмъ, кои жестокосерды къ бѣднымъ, сказано будетъ: *понеже не сотвористе... отъидите отъ Мене* (Матѳ. 25, 41).

Потому всякому ревнителю о совершенствѣ нравственномъ всемѣрно должно возстановлять въ совѣсти своей чувство обязательства къ положительнымъ предписаніямъ закона и исполнять ихъ; въ случаѣ же нарушенія, возбуждать соотвѣтственное жалѣніе и скорбь о томъ и очищать его покаяніемъ, потому что часто не только необразованные, но даже довольно свѣдущіе въ своихъ обязанностяхъ потому только, что не сдѣлали большихъ нарушеній и преступленій, говорятъ: да что же такое я сдѣлалъ? ни во что вмѣняя допущенныя опущенія, сколько-бъ они важны ни были.

Болѣе разнообразія вносится въ область грѣха тѣмъ его свойствомъ, что онъ есть нарушеніе или опущеніе заповѣди непринужденное, свободное. Такъ какъ всѣ дѣйствія свободныя совершаются взаимнодѣйствіемъ разума и воли, то, соотвѣтственно тому, какая сила больше участвуетъ въ грѣхахъ или больше на нихъ имѣетъ вліянія своимъ неправымъ дѣйствованіемъ, разумъ ли или воля, и грѣхи получаютъ разныя названія, оттѣнки и виды.

Дѣло разума въ нравственной дѣятельности уяснить человѣку его обязанности, и потомъ, въ самомъ исполненіи ихъ, строго смотрѣть за тѣмъ, какъ, что и гдѣ исполнить. Отъ неисполненія разумомъ, какъ слѣдуетъ, своего долга въ томъ или другомъ случаѣ происходятъ съ одной стороны *грѣхи невѣдѣнія*, съ другой грѣхи *неосмотрительности*.

Всякій, помнящій себя и свое назначеніе, долженъ, по мѣрѣ силъ и возможности, собирать познаніе о своихъ обязанностяхъ и уяснять себѣ, что и какъ ему совершить. На то дана всякому совѣсть, сей неписанный законъ, по которому, и не учась, узнаютъ свой долгъ; въ христіанствѣ же къ сему присоединяются открытое всѣмъ Слово Божіе, непрерывная проповѣдь въ Церкви и устное слово пастырей, касательно коихъ написано: *вопроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя, и рекутъ тебѣ* (Втор. 32, 7). И еще: *храни зѣло творити по всему закону, его же возвѣстятъ вамъ жрецы* (Втор. 24, 8). При всемъ томъ однакожъ не рѣдко каждому почти случается говорить: „ахъ! я и не зналъ.“ то есть, упрекать себя въ невѣдѣніи, особенно, если дѣло идетъ о частныхъ случаяхъ. Но съ другой стороны и не всякое невѣдѣніе одинаково грѣшно. Касательно сего должно замѣтить:

Кто живетъ въ простотѣ сердца, стараясь по возможности и узнавать, и исполнять узнанное, а между тѣмъ сдѣлаетъ что незаконное, не подозрѣвая грѣха, съ чистою совѣстію, безъ всякаго сомнѣнія и колебанія,—того собственно одинъ грѣхъ и есть грѣхъ невѣдѣнія, то есть такое худое дѣло, которое человѣкомъ творится, но ему въ полную вину не вмѣняется.

Всякій человѣкъ, къ себѣ и своему долгу невнимательный, живущій въ безпечности и равнодушіи къ своему спасенію, не извиняется, когда дѣлаетъ что худое по

невѣдѣнію. Ибо, такъ какъ у него нѣтъ любви къ добру, то онъ, хотя бы и узналъ его,—вѣроятно, не сдѣлалъ бы; онъ и не узнаетъ его по сей нелюбви или постоянному нехотѣнію добродѣтели. Такой въ два раза грѣшитъ: и въ томъ, что не знаетъ и не узнаетъ, и въ тѣхъ дѣлахъ, кои творитъ по сему незнанію. Въ нехотѣніи узнать долгъ лежитъ тайное хотѣніе противнаго.

Такое невѣдѣніе тѣмъ виновнѣе, чѣмъ развратнѣйшую показываетъ волю, именно: чѣмъ важнѣе предметъ незнаемый, напримѣръ, предметы вѣры и особенно главнѣйшіе ея члены, обязанности, непосредственно къ своему званію относящіяся; чѣмъ легче кому узнать то, чего не знаетъ, или по способностямъ или по внѣшнимъ способамъ; чѣмъ болѣе кто не только имѣетъ, но и чувствуетъ къ тому побужденій.

Самый верхъ нечестія въ невѣдѣніи, когда кто не знаетъ не только по нерадѣнію и безпечности, но и по отвращенію или презрѣнію, пребывая однакожъ въ томъ порядкѣ, какого не любитъ. Это именующіеся христіанами, а между тѣмъ поносящіе христіанство, хотя не знаютъ его, какъ должно.

И то есть обязанность человѣка, чтобъ быть внимательнымъ къ себѣ и своимъ дѣламъ. Посему, если кто и знаетъ свой долгъ, или то, какъ должно ему поступать, но въ самомъ исполненіи долга, или дѣйствованіи по обязанности, не внимаетъ себѣ и въ слѣдствіе того дѣлаетъ разные ошибки и проступки, то онъ грѣшитъ, и грѣхи такого рода называются грѣхами неосмотрительности и опрометчивости.

Касательно сего рода грѣховъ должно знать:

Что въ настоящемъ нашемъ состояніи разстройства силъ, или ихъ подвижности и неустойчивости, нельзя за всѣмъ усмотрѣть—и внутри и во внѣ. Потому, если кто изъ строго-наблюдающихъ за собою, живущихъ съ

бодреннымъ сердцемъ и трезвенною мыслію, нехотя, самъ не зная какъ, впадетъ въ какое прегрѣшеніе мыслію, словомъ или дѣломъ и потомъ, замѣтивши его, тотчасъ отвергнетъ ненавистію сердечною, а себя освятитъ покаянною молитвою: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Псал. 18, 13); того проступокъ невиненъ: это дѣло немощи, но не злонамѣренности, наприм.—набѣгъ осужденія, зависти, и под.. Только главное: замѣтивши, надо отвергнуть сердцемъ, ибо кто приметъ его послѣ и усладится имъ, тотъ послѣ изберетъ то, чего прежде не видалъ и что совершилъ, не зная и не избирая.

Тотъ же, кто, хотя и внимателенъ къ своему долгу, имѣетъ желаніе быть исправнымъ, какъ слѣдуетъ, только въ часъ дѣйствованія позволяетъ себѣ предаваться влеченію своего характера или чувствамъ сердца, напримѣръ: вспыльчивости, веселонравію, суровости, ложной снисходительности и проч.; того дѣла суть дѣла преступной неосмотрительности и потому грѣшны. И грѣхъ ихъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ предметъ ихъ дѣла и самъ по себѣ, и по своимъ послѣдствіямъ важнѣе, чѣмъ болѣе опытъ обличалъ уже недоброту такого поведенія и чѣмъ легче человѣку поправить такую ошибку. Виновность здѣсь умаляется только стараніемъ поправлять себя, что дѣлается невдругъ, а постепенно и потому среди паденій.

Человѣкъ разсѣянный или рѣшительно небрежный и неблаговолительно смотрящій на добродѣтель и нравственность есть въ корнѣ злой грѣшникъ. Его грѣховность тѣмъ болѣе тяжка, чѣмъ безстыднѣе его неглижерство, настоятельнѣе презорство къ долгу и яснѣе сознаніе всего сего.

Такъ, трезвиться и бодрствовать должно, препоясавъ чресла помышленій своихъ. Надо обоими глазами смотрѣть подъ ноги, чтобъ не поткнуться, и молиться: *стопы*

моя направи по словеси Твоему. Когда хотятъ различать грѣхи по участію въ нихъ воли и самодѣятельности человѣка, то обращаются или къ исходищу и началу грѣха, или къ его образованію изъ мысли въ дѣло.

Какъ вообще всѣ дѣла человѣка или исходятъ непосредственно отъ его лица, или совершаются въ слѣдствіе требованій и возбужденій стороннихъ, приходящихъ со внѣ, или отъ нисшихъ его силъ; такъ и грѣхи иной совершаетъ по увлеченію развратныхъ желаній, а иной по хладнокровному соображенію. Послѣдніе суть грѣхи злости или злонамѣренности и разврата, а тѣ грѣхи страсти и увлеченія.

Нѣтъ нужды и указывать на то, что грѣхи, исходящіе изъ развратнаго и злаго ума и сердца, суть послѣдней степени тяжести. Ибо тутъ человѣкъ становится самъ въ своемъ лицѣ исходищемъ зла, слѣдовательно, близкимъ подобникомъ злаго сатаны, услаждающагося зломъ и о немъ только и помышляющаго. Таковый стоитъ уже во глубинѣ золъ, *въ которую пришедши не радитъ* (Притч. 18, 3), *и не уснетъ, аще не сотворитъ зла* (Притч. 4, 16). Но и о грѣхахъ по увлеченію должно сказать, что они никакъ неизвинительны. Справедливо, что теперь природа наша страстна, слаба, разстроена и падка на самоугодіе, но это не дѣлаетъ необходимымъ согласіе на ея худыя требованія. Сіе согласіе всегда въ рукахъ нашихъ, тѣмъ болѣе у тѣхъ, коимъ силы даны и обѣщана крѣпкая помощь за воззваніе (Фил. 4, 13). Посему называть грѣхи по увлеченію и страсти грѣхами только слабости, значитъ отверзать пространную дверь разслабленія и нечистоты въ нравственный міръ. На опытѣ хотятъ это титло усвоить болѣе влеченіямъ похоти, вкуса, инстинкта, движенія полноты или игранія жизни. Видимо, что откуда больше зла, къ тому и хотятъ быть снисходительными. Какъ

бы ни было сильно увлеченіе, но если предметъ избирается и желается, то дѣло обличаетъ развратность воли и есть безнравственно. Отсюда развѣ только тѣ должно исключить случаи, въ которыхъ мгновенное, нечаянное бываетъ воскипѣніе страсти, а между тѣмъ столь сильное, что человѣкъ какъ въ опьяненіи или омраченіи ума увлечется ко грѣху. Но и такіе случаи очень рѣдки и въ лицѣ одномъ могутъ быть только однажды. И вообще большая или меньшая виновность сего грѣха зависитъ отъ меньшей или большей силы влеченія, отъ большей или меньшей старости и новости страсти, больше или меньше яснаго сознанія своего состоянія. Новые оттѣнки въ семъ родѣ грѣховъ бываютъ отъ того, вольно или невольно, извнутри—сама собою, или по внѣшнему возбужденію воскипаетъ страсть. Въ послѣднемъ отношеніи, обстоятельства мѣста, времени, лицъ и проч., представляютъ не рѣдко удобные случаи ко грѣху, не рѣдко увлекаютъ въ грѣхи, возбуждая страсть. Но и это не извиняетъ грѣха, а напротивъ, и при семъ тѣмъ грѣшнѣе грѣхъ, чѣмъ больше случай, вовлекшій въ него, былъ предвидѣнъ и состоялъ въ нашемъ распоряженіи. Ибо тутъ, очевидно, идущій въ огонь хочетъ обжечься. Кто ходитъ въ такой домъ, гдѣ или мысли, или сердце набираются худа, самъ виноватъ, если дѣлаетъ потомъ худо. Но и въ обстоятельствахъ непредотвратимыхъ, скорѣе должно понесть ущербъ, показать опытъ самоотверженія, нежели ввергать въ опасность духъ, для коего и тѣло, и міръ, и время.

Способъ образованія грѣха изъ мысли въ дѣло у святыхъ отцевъ опредѣленъ съ точностію, и съ точностію тоже опредѣлена виновность каждаго въ семъ ходѣ дѣла момента. Весь ходъ дѣла изображается такъ: сначала бываетъ *прилогъ*, далѣе *вниманіе*, потомъ *услажденіе*, за нимъ *желаніе*, изъ него *рѣшимость*, и наконецъ *дѣло* (См. Филоѳея Синайскаго, Добротолюбіе, Т. 3. Гл. 34

и дал.). Чѣмъ далѣе какой моментъ отъ исхода и чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ онъ значительнѣе, развратнѣе и грѣшнѣе. Верхъ виновности—въ дѣлѣ, и ея почти нѣтъ въ прилогѣ.

Прилогъ есть простое представленіе вещи, отъ дѣйствія ли чувствъ или отъ дѣйствія памяти и воображенія представшей нашему сознанію. Здѣсь нѣтъ грѣха, когда рожденіе образовъ не въ нашей власти. Иногда впрочемъ посредственно переходитъ сюда виновность, когда, напримѣръ, образъ соблазнительный вспадаетъ на мысль по причинѣ допущеннаго позволенія на мечты. Нерѣдко и самодѣятельно вызывается образъ; тогда, по качеству его, сіе дѣло становится грѣхомъ, ибо человѣкъ обязанъ держать умъ свой въ вещахъ Божественныхъ.

Вниманіе есть установленіе сознанія или ока ума на родившемся образѣ съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть его, какъ бы побесѣдовать съ нимъ. Это есть медленіе въ помыслѣ единичномъ или многосложномъ. Сіе дѣйствіе болѣе во власти человѣка, ибо родившійся противъ воли образъ можно тотчасъ изгнать. Потому оно и болѣе виновно. Кто внутренно смотритъ на преступный предметъ, тотъ обличаетъ худое настроеніе сердца. Онъ походитъ на того, кто въ чистый жилой покой вводитъ нечистое животное или вмѣстѣ съ честными гостями сажаетъ отвратительнаго нечестивца. Иногда, правда, предметъ приковываетъ къ себѣ вниманіе своею новостію, поразительностію, но все, послѣ того какъ сознана его нечистота и прелесть, должно изгнать его вонъ, ибо иначе тутъ будетъ участвовать соизволеніе, и изъ невольнаго дѣло сіе станетъ произвольнымъ. Вообще сей моментъ очень важенъ въ нравственной жизни. Онъ стоитъ на переходѣ къ дѣламъ. Кто прогналъ помыслы, тотъ погасилъ всю брань, прекратилъ все производство грѣха. Потому и совѣтуется все вниманіе обращать на помыслы,

съ ними воевать. Сюда преимущественно направлены и всѣ правила святыхъ подвижниковъ. Отсюда само собою видно, какой цѣны грѣхи воображенія и самовольныхъ мечтаній. Гдѣ имъ соизволяется, тамъ они грѣхъ. Но сей грѣхъ грѣшнѣе, если къ тому употребляются какія нибудь внѣшнія средства, напримѣръ, чтеніе, слышаніе, зрѣніе, разговариваніе. Сіи послѣднія также оцѣниваются, какъ случаи ко грѣху.

Услажденіе есть приложеніе къ предмету въ слѣдъ за умомъ и сердца. Оно приходитъ, когда, въ слѣдствіе вниманія къ предмету, онъ начинаетъ намъ нравиться, и мы находимъ удовольствіе въ умномъ смотрѣніи на него, лелѣемъ его въ мысли. Услажденіе грѣховными предметами есть уже прямо грѣхъ. Ибо если сердце наше должно быть предано Богу, то всякое его сочетаніе съ другими предметами есть нарушеніе вѣрности Ему, разрывъ союза, измѣна, духовное прелюбодѣяніе. Должно сердце свое хранить въ чистотѣ, потому что изъ-за него помышленія ума становятся злыми (Матѳ. 15, 18), когда, то есть, оно начинаетъ услаждаться ими беззаконно. Есть, впрочемъ, усладительныя движенія плоти и сердца, нисколько не зависящія отъ произвола, каковы всѣ движенія потребностей. Но и они, невинныя въ началѣ, тотчасъ становятся не безвинными, коль скоро сознаны и прикрываются благоволеніемъ къ нимъ, или согласіемъ на незаконное удовлетвореніе имъ. Въ началѣ они суть движенія естественныя, а потомъ становятся уже нравственными. Посему говорятъ, замѣтивъ ихъ, вознегодуй. Отсюда само собою слѣдуетъ, что должно думать объ эстетическихъ наслажденіяхъ. Они преступны въ той мѣрѣ, въ какой ихъ содержаніе или форма несообразны съ чистотою сердца и нравовъ. Тоже и относительно мастерскихъ произведеній ремесленниковъ: одобрять ихъ умомъ за приспособленность къ

цѣли есть должное дѣло; а предавать себя ихъ эффекту, ради пустаго минутнаго услажденія, худо. Да и вообще, отходя ко сну, молимся о прощеніи, если *доброту чуждую* видѣвъ, тою уязвлены были сердцемъ—чтобъ тѣмъ очистить сердце свое отъ всѣхъ увлеченій днемъ. Во многихъ, впрочемъ, случаяхъ услажденіе вырывается необходимо или неудержимо. Тутъ одно правило: не соизволяй, отринь, вознегодуй.

Отъ услажденія одинъ шагъ до *желанія*. Отличіе между ними то, что душа услаждающаяся пребываетъ въ себѣ, напротивъ желающая склоняется къ предмету, имѣетъ къ нему стремленіе, начинаетъ искать его. Оно никакъ не можетъ быть безвиннымъ, ибо совершается *согласіемъ* или раждается современно съ нимъ, какъ бы изъ подъ него; согласіе же всегда въ нашей волѣ.

Отъ желанія еще одною чертою отличается *рѣшимость*, именно тѣмъ, что въ составъ или въ условіе рожденія ея входитъ увѣренность въ возможности и видѣніе средствъ. Желающій изрекъ согласіе на дѣло, но еще ничего не придумалъ и не предпринималъ къ достиженію своей цѣли; у рѣшившагося все уже осмотрѣно и рѣшено, остается только приводить въ движеніе члены тѣла или другія силы для соотвѣтственнаго производства дѣлъ.

Когда же, наконецъ, и сіе будетъ совершено, тогда кончается все дѣлопроизводство грѣха и является *дѣло*,—плодъ развращенія, зачатаго внутри и родившаго беззаконіе во внѣ.

Послѣ услажденія такъ быстро стремленіе къ дѣлу, какъ паденіе тяжкаго камня по крутому скату. Посему-то общее правило: бори и гони помыслы, пока еще ими не уязвлено сердце, ибо тогда очень трудна, если не невозможна, побѣда. Въ главнѣйшемъ ходѣ образованія грѣха замѣтно, какъ одна за другою силы человѣка сочетаваются съ грѣхомъ. Послѣ того, какъ въ

услажденіи осквернено сердце, въ желаніи оскверняется воля, въ рѣшимости, чрезъ изобрѣтеніе средствъ, становится причастникомъ сей скверны и разсудокъ; въ дѣлѣ, наконецъ, и самыя силы тѣла проникаются грѣхомъ: и сталъ весь человѣкъ грѣшенъ.

Здѣсь должно замѣтить:

Уже и тотъ, кто *возжелалъ или изрекъ согласіе* на дѣло внутренно, въ нравственномъ смыслѣ совершилъ грѣхъ предъ Богомъ, видящимъ тайная сердецъ. Кто зачалъ похоть, родилъ грѣхъ, говоритъ Апост. Іаковъ (1, 14), и вожделѣвшій при воззрѣніи на жену уже любодѣйствовалъ съ нею, говоритъ Господь (Матѳ. 5, 27). Однакожъ рѣшившійся грѣшнѣе его, по большему напряженію силъ на грѣхъ, по большему объему огрѣшненія внутренняго, по большему упорству и разращенію воли. Отъ рѣшимости до дѣла одна черта.

Хотя въ *желаніи и рѣшимости* есть уже грѣхъ, однакожъ изъ сего не должно заключать, что самому *дѣлу* грѣшному нечего прибавить къ ихъ грѣховности, и оно грѣшно не болѣе ихъ. Рѣшившійся можетъ еще или имѣетъ время отказаться отъ дѣла и слѣдовательно, однажды воспротивившись закону, оказать ему покорность въ другой разъ, когда онъ въ совѣсти предъявитъ свои требованія; между тѣмъ сдѣлавшій дѣло попираетъ законъ и внутренно, и внѣшно. Совершающій дѣло во все продолженіе его борется съ совѣстью, которая не престаетъ вразумлять его, слѣдовательно, болѣе развращаетъ себя и разстроиваетъ свою нравственную природу.

Совершающій дѣло всего себя исполняетъ грѣхомъ, всѣ силы и все существо свое наклоняетъ къ нему и направляетъ; оттого въ первомъ уже дѣлѣ полагаетъ основаніе привычкѣ, ибо сдѣлавшій однажды скорѣе и охотнѣе сдѣлаетъ въ другой разъ и такъ далѣе, особенно плотскіе грѣхи. Наконецъ злыя слѣдствія отъ грѣха

начинаютъ являться уже по совершеніи его. Соблазнъ, разстройство здоровья, ущербъ для себя и другихъ происходятъ уже отъ дѣла.

Отсюда само собою очевидно, какъ думать о грѣхахъ, кои не совершаются дѣломъ не по свободному произволенію, а по нуждѣ или внѣшней невозможности. Тяжесть сего грѣха равна почти дѣлу. Разность между ними только въ слѣдствіяхъ, и притомъ всѣ внутреннія слѣдствія уже есть, недостаетъ только внѣшнихъ. Въ семъ отношеніи разность тѣмъ менѣе или значительнѣе, чѣмъ меньшихъ или большихъ худыхъ слѣдствій ожидать должно было отъ дѣла. Гдѣ ихъ нѣтъ и не бываетъ, тамъ, можно сказать, и разность исчезаетъ.

На семъ основаніи различаются грѣхи *внутренніе и внѣшніе.*

Къ числу внѣшнихъ грѣховъ можно относить и грѣхи чужіе, вмѣняемые намъ: ибо въ такомъ случаѣ другіе бываютъ какъ бы исполнителями нашего внутренняго грѣха, тоже, что наши силы и наше тѣло для нашихъ желаній. Ибо чрезъ что мы становимся участниками чужихъ грѣховъ? чрезъ то, если на грѣхъ, ими совершаемый, есть наше развращенное желаніе, и при ихъ дѣлѣ мы не обнаруживаемъ только предъ другими, но самымъ дѣломъ имѣемъ и питаемъ внутри презрѣніе и неуваженіе къ нарушенному другими закону нравственности, какъ тогда же видится сіе и въ совѣсти нашей. Послѣ сего само собою разумѣется, что во столько вмѣняется намъ чужой грѣхъ, во сколько велико наше въ немъ участіе, и во сколько тѣмъ является наше презрѣніе къ нравственному закону. Способы, какъ сіе дѣлается, суть: *приказъ* больше или меньше строгій, *совѣтъ* больше или меньше убѣдительный, *согласіе* съ большимъ или меньшимъ услажденіемъ, *соблазнъ* больше или меньше намѣренный и льстивый, *незамѣчаніе* или попущеніе съ

большею или меньшею поблажкою, также *одобреніе*, непротиводѣйствіе, необъявленіе. Какъ важными могутъ быть чужіе грѣхи, можно судить по тому, какъ грѣшенъ грѣхъ родителя, не останавливающаго своихъ дѣтей, или воспитателя, не исправляющаго слабостей воспитанниковъ, или образованнаго превратно, который книгами, картинами, статуями, повсюду разсѣяваетъ соблазнъ. Вообще чѣмъ легче бываетъ остановить зло и содѣйствовать благу, тѣмъ злѣе и безнравственнѣе наше участіе въ чужихъ грѣхахъ.

Такъ строятся дѣла! Потому снова напоминается: трезвиться и бодрствовать подобаетъ, себѣ внимать и сердце свое блюсти отъ всякаго прираженія грѣховной скверны!

Наконецъ грѣхи еще различаются по разной степени *важности*. Объ этомъ нечего много толковать. Изъ простаго и краткаго разсмотрѣнія грѣховъ видно, что они имѣютъ не одинаковую степень важности и силы, но есть слабые, злые и злѣйшіе. Сія разная важность ихъ зависитъ иногда отъ ихъ предмета, а иногда отъ степени развращенія сердца, участвующаго въ немъ.

Въ первомъ отношеніи грѣхи называются *тяжкими и легкими*.

Какъ обязанности, лежащія на человѣкѣ, имѣютъ не одинаковую важность, такъ и нарушеніе сихъ обязанностей, или грѣхи, не одинаково тяжки. И правила для опредѣленія сей тяжести соотвѣтствуютъ правиламъ для опредѣленія важности обязанностей. Именно грѣхъ тѣмъ болѣе тяжекъ, чѣмъ болѣе онъ вноситъ разстройства въ міръ нравственный, то есть, чѣмъ больше противоположенъ нравственно христіанскому духу жизни, любви къ Богу и ближнимъ; какъ напримѣръ,—богохульство или нескромное стояніе въ церкви; чѣмъ больше совѣстію и откровеніемъ приложено къ извѣстному дѣлу основаній,

связывающихъ насъ необходимостію въ отношеніи къ нему,—напримѣръ, непочтеніе къ родителямъ и простому человѣку; чѣмъ наконецъ значительнѣе количество матеріи грѣха... напримѣръ, украсть мало и много, оскорбить словомъ или дѣломъ, въ первый или уже не въ первый разъ.

Но все это какъ бы мысленная только мѣрка для опредѣленія тяжести грѣховъ. Въ дѣйствительности же оно подлежитъ разнообразнѣйшимъ условіямъ, кои, надобно сказать, нелегко опредѣляются теоріею. Помнить впрочемъ надобно, что сіе различіе грѣховъ тяжкихъ отъ нетяжкихъ полагается совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобъ быть дерзновеннѣе и смѣлѣе въ иныхъ грѣхахъ. Грѣхъ всякій есть тяжкій грѣхъ, ибо оскорбляетъ Бога. Потому вообще отъ всякаго и должно блюстись. Только есть разныя степени тяжести грѣховъ, такъ разныя, что иные грѣхи кажутся легкими сравнительно съ другими, почему легкость сія есть только относительная. Знать же сіе не безполезно для нравственнаго внутренняго порядка, для изощренія нравственнаго чувства, особенно для избѣжанія смятеній совѣсти или уврачеванія сей ея болѣзни. Ибо иной на каждомъ почти шагу думаетъ, что онъ тяжцѣ согрѣшилъ. Такого рѣшительное, мѣрное, численное опредѣленіе тяжести грѣховъ очень вразумитъ. Но и для безпечнаго это можетъ быть спасительно, чтобъ потрясти и устрашить, если по самозабвенію слишкомъ легкомысленно думаетъ о своемъ грѣхѣ и порочномъ поведеніи.

Какъ добродѣтель не въ одномъ дѣлѣ состоитъ, но еще паче во внутреннемъ расположеніи, такъ и грѣхъ. Потому значительнѣе различіе важности грѣховъ по внутреннему грѣховному расположенію. Въ семъ отношеніи грѣхи раздѣляются на *смертные и несмертные*.

Смертный грѣхъ есть тотъ, который отнимаетъ у

человѣка нравственно христіанскую жизнь его. Если намъ извѣстно, въ чемъ нравственная жизнь, то опредѣленіе смертнаго грѣха не трудно. Жизнь христіанская есть ревность и сила пребывать въ общеніи съ Богомъ исполненіемъ Его святаго закона. Потому всякій грѣхъ, который погашаетъ ревность, отнимаетъ силу и разслабляетъ, отдаляетъ отъ Бога и лишаетъ Его благодати, такъ что человѣкъ послѣ него не можетъ воззрѣть на Бога, а чувствуетъ себя отрѣваемымъ отъ Него; всякій такой грѣхъ есть грѣхъ смертный. Объ этомъ грѣхѣ говорится, когда говорится: *есть грѣхъ къ смерти* (1Іоан. 5, 16). И еще: *питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тимоѳ. 5, 6). Или: *не любяй пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. 3, 14). Такой грѣхъ лишаетъ человѣка благодати, полученной въ крещеніи, отнимаетъ царство небесное и отдаетъ суду. И это все утверждается въ часъ грѣха, хотя не совершается видимо. Такого рода грѣхи измѣняютъ все направленіе дѣятельности человѣка и самое его состояніе и сердце, образуютъ какъ бы новое исходище въ нравственной жизни; почему иные опредѣляютъ, что смертный грѣхъ есть тотъ, который измѣняетъ центръ дѣятельности человѣческой.

Это отвлеченное опредѣленіе смертнаго грѣха болѣе становится близкимъ къ дѣламъ нашимъ чрезъ слѣдующія правила или условія, по коимъ грѣхъ становится смертнымъ. Именно— онъ смертенъ, если кто преступаетъ ясную заповѣдь Божію съ желаніемъ и услажденіемъ, съ сознаніемъ себя и грѣховности дѣла. Если есть степени въ смерти, то надобно сказать: грѣхъ тѣмъ смертнѣе, чѣмъ важнѣе каждая изъ сихъ сторонъ грѣха. При семъ должно замѣтить, что важность предмета, какъ это само собою очевидно, при сознаніи его грѣховности, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ смертности содѣланнаго грѣха; но и въ отношеніи къ предметамъ меньшей важности можетъ быть грѣхъ смертнымъ, судя по

развращенію воли, съ какимъ онъ совершается, или презрѣнію чрезъ него закона, или, хвастовству чрезъ него несвязностію законами нравственными.

Въ Православномъ Исповѣданіи подробно описаны смертные грѣхи (см. част. III, воп. 18 42). Они раздѣляются на три класса. Къ первому относятся грѣхи, служащіе источникомъ для другихъ грѣховъ. Ко второму грѣхи противъ Духа Святаго, именно: безмѣрное упованіе на благость Божію, отчаяніе, противленіе ясной истинѣ, также зависть къ духовнымъ совершенствамъ другихъ, застарѣніе въ злобѣ, отложеніе покаянія до смерти. Къ третьему грѣхи, вопіющіе на небо, каковы: вольное убійство, содомское дѣло, обида нищихъ, вдовъ и сиротъ и лишеніе мзды наемниковъ, оскорбленіе и досажденіе родителей.

Грѣхъ несмертный, иначе простительный, по противоположности съ смертнымъ, есть тотъ, который не погашаетъ духовной жизни, не отдаляетъ человѣка отъ Бога, не измѣняетъ центра его дѣятельности, при которомъ можно безъ смущенія обращаться къ Богу и бесѣдовать съ Нимъ въ молитвѣ искренно. Такого рода грѣховъ безчисленное множество, и отъ нихъ никто не свободенъ, кромѣ Господа Іисуса Христа и Пречистой Богородицы. Посему сказано: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себѣ прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8), или: *много бо согрѣшаемъ вси* (Іаков. 3, 2), еще: *седмерицею падетъ праведный* (Притч. 24, 16); *яко нѣсть человѣкъ праведенъ на землѣ, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ* (Еккл. 7, 21).

Трудно однакожъ опредѣлить, какіе именно эти грѣхи, тѣмъ больше, что несмертность грѣха зависитъ и отъ внутренняго расположенія духа, а не отъ одной маловажности предмета его. Рѣшительно только можно сказать, что всѣ грѣхи невиннаго невѣдѣнія, неосмотрительности ненамѣренной, иногда неприличія и неблаго-

разумія легкаго, суть грѣхи несмертные, извинительные, потому особенно, что въ нихъ не участвовало намѣреніе и желаніе сдѣлать что недоброе. Кто, увидѣвъ ихъ въ себѣ, осудитъ отвращеніемъ, тому простятся они. Вообще все легко худое, безъ сознанія худости совершенное, есть грѣхъ простительный. Худость такихъ дѣлъ и близость къ смертному грѣху возрастаетъ по мѣрѣ сознаній ихъ худости при совершеніи ихъ. Это особенно должно сказать о вещахъ безразличныхъ, когда онѣ совершаются не съ худою цѣлію, но и не съ доброю, а въ естественномъ ихъ порядкѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ онѣ могутъ заимствовать худость отъ того дѣйствія, какое производятъ на душу человѣка, напр. прогулка можетъ оставлять разсѣянность въ мысляхъ и возбуждать движеніе похоти. Кто замѣтилъ, что она имѣетъ худое на него вліяніе и созналъ вмѣстѣ, что по сему самому онъ обязанъ прекратить ее, а между тѣмъ не прекращаетъ, тотъ очевидно, хотя легко, но оскорбляетъ совѣсть, нарушаетъ ея покой и чистоту. Очевидно, что такого рода грѣхъ уже выступилъ изъ несмертнаго и очень приблизился къ смертному; а учащеніе дѣйствительно превратитъ его въ такой. Ибо больше всего и замираетъ жизнь духа отъ развлеченій.

Посему-то вообще предписывается бѣгать, сколько возможно, и простительныхъ, и смертныхъ грѣховъ, тѣмъ паче съ того времени, какъ сознана ихъ грѣховность. Кто искренно любитъ Бога, тотъ не долженъ попускать пятнать предъ лицемъ Его чистоту своего сердца изъ какой нибудь маловажной и пустой привычки. Притомъ и малые грѣхи уже сродняютъ съ грѣховностію и потому пролагаютъ путь большимъ грѣхамъ. *Уничижаяй малая по малѣ упадетъ* (Сир. 19, 1). Надо еще подумать, не об-

манываемся ли мы въ томъ, что это грѣхъ малый: можетъ быть, онъ въ существѣ большой и злой!!

Изъ сего разсмотрѣнія грѣховныхъ дѣлахъ всякой можетъ уразумѣть, какъ посреди сѣтей ходимъ! Будемъ вопіятъ: избави ны отъ ловящихъ насъ.

β) О грѣхѣ, какъ б) *расположеніи.*

Грѣховное расположеніе, иначе грѣховная склонность, страсть—есть постоянное желаніе грѣшить извѣстнымъ образомъ, или любовь къ грѣховнымъ какимъ нибудь дѣламъ или предметамъ. Такъ напр. разсѣянность есть постоянное желаніе развлеченій, или любовь къ нимъ.

Такія пристрастія или грѣховныя склонности въ нравственной жизни имѣютъ великое значеніе. Въ нихъ крѣпость зла, какъ въ добрыхъ расположеніяхъ крѣпость добра. Что крѣпости въ государствѣ, то они въ душѣ. Чрезъ нихъ грѣхъ или сатана воздвигаетъ себѣ крѣпости въ сердцахъ и изъ нихъ безопасно дѣйствуетъ, не страшась какъ бы противной стороны. Страсть въ отношеніи къ дѣятельности человѣка есть истинное духовное рабство: ибо человѣкъ ею, какъ ведомый, ведется на зло, даже сознавая свою бѣду, даже не хотя уже его. Какъ невольника связаннаго влечетъ плѣнившій куда хочетъ, такъ дѣлаетъ и страсть съ грѣшникомъ. „Велико,“ говоритъ Св. Златоустый (Бесѣд. 7 на 2 Кор.), „обычая мучительство, потому что онъ превращается въ истинную потребность.“ *Имже кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19). *Творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іак. 8, 34). Природа человѣческая здѣсь терпитъ полное униженіе отъ грѣха. Иной и воздержится мало, но потомъ при случаѣ, какъ огонь, воскипаетъ страсть и увлекаетъ къ обычнымъ дѣламъ. Иной терзается, мучится, окаяваетъ себя, когда страсть ути-

хаетъ; но лишь придетъ она въ движеніе, безпрекословно покорствуетъ ей и охотно предается въ руки мучителя своего. У инаго сила ея до того доходитъ, что ни убѣжденіе, ни страхъ, ни стыдъ, ни бѣды, ни даже смерть не сильны отвратить его отъ дѣла. Человѣкъ, работающій страсти, есть бѣднѣйшее существо. Если смотрѣть на страсть въ отношеніи къ Богу, или на ея значеніе въ нравственномъ мірѣ, то она есть истинное духовное идолопоклонство. Коль скоро есть страсть, или любовь ко грѣху, то предметъ его, какъ идолъ, стоитъ въ сердцѣ, которое потому становится для него капищемъ, и въ жертву ему приносится все съ охотнымъ послушаніемъ всякій разъ. *Не можете Богу работати и мамонѣ,* сказалъ Господь (Мат. 6, 24). Чье сердце пристрастилось ко грѣху, для того онъ Богъ. Посему для чревоугодника чрево—Богъ (Фил. 3, 19), для лихоимца—деньги (Кол. 3, 5).

Откуда страсти? Ни одинъ человѣкъ не раждается съ страстію опредѣленною. Каждый изъ насъ приходитъ въ свѣтъ сей только съ сѣменемъ всѣхъ страстей самолюбіемъ. Сіе сѣмя потомъ жизнію и свободною дѣятельностію развивается, растетъ и раскрывается въ большое дерево, которое вѣтвями своими покрываетъ всю грѣховность нашу, или всю область грѣховъ, потому что всякій грѣхъ непремѣнно уже укрывается подъ нимъ или виситъ на какой нибудь его вѣткѣ. Главнѣйшія вѣтви самолюбія суть: гордость, лихоиманіе, сластолюбіе. Отъ сихъ отраждаются уже всѣ другія страсти; но между ними не всѣ одинаково важны. Замѣчательнѣйшія суть: блудъ, чревонеистовство, зависть, лѣность, злопамятованіе. По силѣ своей онѣ равняются первымъ, съ которыми вмѣстѣ составляютъ семь начальнѣйшихъ страстей, ибо суть возбудители грѣха и родители всякой другой грѣховной склонности и страсти. Какъ и какія

страсти далѣе развиваются изъ нихъ—смотри Прав. Исп. часть III, вопр. 18—40.

Отсюда видно, что всѣ страсти состоятъ между собою во взаимной связи и взаимнорожденіи, подобно добрымъ расположеніямъ, и имѣютъ различную силу и грѣховную тяжесть. Нѣтъ сомнѣнія, что всякая страсть есть тяжкій и смертный грѣхъ, ибо отдаляетъ отъ Бога и погашаетъ ревность къ богоугодной жизни. Однакожъ страсть тѣмъ злѣе и преступнѣе, чѣмъ злѣе и безнравственнѣе ея предметъ, чѣмъ существеннѣйшія нарушаются ею обязанности и чѣмъ она застарѣлѣе.

Никакъ не должно думать, что страсти образуются естественно, сами собою. Всякая страсть есть дѣло наше. Позывы на то или другое грѣховное происходятъ изъ растлѣнія нашей природы; но удовлетворять ему, тѣмъ болѣе неоднократно, до привычки, состоитъ въ нашей волѣ. Такъ гордость утверждается частымъ гордѣніемъ, лѣность — частою недѣятельностію, зависть — частымъ завидованіемъ, сварливость—частою бранью, и проч.

Въ составѣ страсти должно различать сердечное расположеніе и привычныя дѣйствія, удовлетворяющія страсть. Когда человѣкъ бываетъ въ состояніи образовавшейся страсти, тогда то и другое, можно сказать, равносильно. Но прежде, нежели страсть придетъ въ силу, хотя расположеніе страстное, или страсть, въ сердцѣ уже есть, но привычка къ дѣйствіямъ соотвѣтственнымъ можетъ быть очень слаба. На оборотъ, когда человѣкъ войдетъ въ себя, пойметъ свою опасность отъ страсти и рѣшится погасить ее, —страсть уже ненавидится, гонится и преслѣдуется человѣкомъ; но привычка къ дѣйствіямъ, удовлетворяющимъ страсть, къ которымъ настроены части и силы души и тѣла, долго еще соблазняетъ, иногда вырываетъ удовлетвореніе, какъ бы противъ воли иногда увлекаетъ, какъ бы неудержимо. Потому-то долго,

долго надобно трудиться надъ искорененіемъ внѣдрившагося порока, пока дѣйствія и движенія силъ привыкнуть къ противоположнымъ оборотамъ.

Объ искорененіи страстей надо писать цѣлыя книги... Потому здѣсь упоминается о семъ малое нѣчто.—То нерѣшительный признакъ, что кто нибудь исправляетъ свое сердце, если онъ удерживается только отъ внѣшнихъ дѣлъ, соотвѣтствующихъ страсти; ибо при семъ можетъ и любовь страстная таиться внутри, и слѣдовательно по сердцу сей человѣкъ можетъ оставаться страстнымъ—неисправляемымъ. Также вспышка ненависти на страсть и недовольство собою за нее, думаніе и передумываніе, какъ отъучить себя отъ страсти и побѣдить страсть, нерѣшительный того признакъ, ибо это состояніе минутное: пройдетъ, и сердце опять помирится со страстію. Но если кто съ сей минуты негодованія на страсть приметъ твердое и рѣшительное намѣреніе преслѣдовать ее и, не жалѣя себя, начнетъ искоренять ее, то такое устремленіе противъ страсти есть истинное начало исправленія; а благонадежность исправленія зависитъ отъ постоянства и неизмѣнности намѣренія и дѣйствованія противъ страсти, ибо конецъ вѣнчаетъ дѣло. Хорошее начало есть половина дѣла, но другая половина исполняется уже въ концѣ начатаго поприща; или лучше, до самой смерти человѣку страстному, исправляющему себя, должно думать, что онъ сдѣлалъ только половину или только началъ. Отъ дѣлъ страстныхъ иногда скоро отвыкаютъ, но такъ какъ силы души подвижнѣе членовъ тѣла вещественныхъ, то вообще не совѣтуется вѣрить погашенію страсти, будто ея нѣтъ уже, или она умерла. Во всякое время ее лучше сравнивать съ прикинувшейся змѣею, которая при всякомъ удобномъ случаѣ готова уязвить, или съ обмершимъ насѣкомымъ, которое при благопріятныхъ обстоятельствахъ легко ожи-

ваетъ. Посему бдѣть надо и молиться! Не малая впрочемъ въ семъ отношеніи разность у стоящихъ въ добрѣ людей,—именно, у тѣхъ, кои не рабствовали прежде страстямъ, съ тѣми, кои рабствовали имъ, но исправились. Что прилично однимъ, то не всегда можетъ быть принимаемо другими. Тѣ могутъ дѣйствовать съ большею свободою, послѣднимъ должно всегда ходить такъ, какъ около огня. Симъ же рѣшается недоумѣніе: какъ же нѣкоторые святые позволяли себѣ льготы и утѣшенія? намъ же почему необходима такая строгость?! Потому что они были цѣлы, а мы были изломаны. Какъ тѣмъ, у кого были вывихнуты какіе либо члены, по установленіи послѣднихъ на своихъ мѣстахъ, не позволяютъ дѣйствовать свободно, а предписываютъ крайнюю осторожность: такъ и тѣмъ, кои падали въ страсти и исправились, нужна строгая осмотрительность во всѣ дни жизни ихъ.

Спрашивается: что думать о нѣкоторыхъ чувственныхъ привычкахъ къ вещамъ и дѣламъ различнымъ, то есть, привычкахъ удовлетворять потребности тѣла и чувствъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ, напр., привычкѣ къ извѣстной пищѣ, къ цвѣту и проч.? Какъ любовь къ чувственному,—это есть нечистота, но когда предметъ ея—вещь безразличная и, особенно, не влекущая за собою разстройства въ духѣ и благочестивомъ состояніи, то это есть дѣло извинительное, то, что прежде названо грѣхомъ несмертнымъ, легкимъ и простительнымъ. Истинные впрочемъ ревнители благочестія, посвящая сердце Богу, тотчасъ замѣчаютъ, что, хотя небольшое, однакожъ все полагаютъ препятствіе всему сіи пустыя привычки, подобно тому, какъ длинное платье мѣшаетъ скоро идти; потому стараются освобождать свое сердце и отъ нихъ, чтобъ, какъ онѣ безразличны, такъ и сердце было безразлично въ отношеніи къ нимъ.

Какая бы ни была привычка, но все же она—связа. Всякій невнимательный есть рабъ страстей и привычекъ. Приходя въ себя, всеконечно, все вниманіе и тщаніе должно ему обратить на страсти, ибо въ нихъ сѣдалище грѣха. Но одолѣвая ихъ, должно потому отрѣшаться и отъ привычекъ, чтобъ, подобно свободной голубицѣ, полетѣть и почить въ Единомъ Всеблаженномъ и Всеублажающемъ Богѣ.

И такъ молиться подобаетъ: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!* и со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвать! Одинъ Богъ вѣсть, что породитъ находящій день. Но то утѣшеніе намъ, что близъ есть Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ.

γ) *О грѣхѣ, какъ состояніи, или грѣховномъ настроеніи.*

Грѣховное настроеніе духа легко опредѣлить по противоположности съ настроеніемъ духа добродѣющаго, какъ оно изображено прежде.—Такъ въ немъ *нѣтъ жажды* Божественнаго; онъ не ощущаетъ и даже не чаетъ въ немъ никакой сладости, а иной даже отвращается отъ него и бѣжитъ; *нѣтъ силы*: „часто хотѣлъ бы“, говоритъ онъ, „но не могу пересилить себя;“ *нѣтъ Богообщенія*: онъ отвратилъ очи свои отъ Бога и не только не взираетъ на Него, но и не хочетъ взирать и даже боится. Внутреннее чувство и совѣсть увѣряютъ его, что онъ отпалъ отъ Бога, отрѣвается Имъ; вмѣсто желанія ходить въ волѣ Божіей, у него есть *своеволіе*, или онъ *избралъ* началомъ для своей дѣятельности свою *волю*, дѣлаетъ, что хочетъ; вмѣсто ожиданія небесной помощи, у него *самонадѣянность* или вообще *земныя средства*, какія въ его рукахъ: имѣніе, покровительство и проч.; *нужды* въ защитѣ со стороны *вѣры* и *Церкви Христовой* у него нѣтъ. Христосъ и Св. Церковь ста-

новятся для него и суть что то стороннее, не совсѣмъ нужное, если не излишнее. Главныя, впрочемъ, между сими чертами суть: жизнь въ своей волѣ съ отвращеніемъ отъ Бога или невниманіемъ къ Нему и Его закону. Другія черты собираются уже около сего и изъ сего развиваются. Впрочемъ, судя по обстоятельствамъ, у инаго одна, а у другаго другая черта выдается изъ за другихъ, бываетъ очевиднѣе и злѣе. Также судя по силѣ каждаго изъ сихъ элементовъ, и самое состояніе грѣховное бываетъ болѣе или менѣе упорно и развращенно,—все сіе по противоположности съ добрымъ настроеніемъ духа. И условія для опредѣленія степеней грѣховности сейчасъ же видны изъ подобной противоположности, именно: чѣмъ кто стремительнѣе къ похотямъ своей воли, чѣмъ большій объемъ грѣшныхъ дѣлъ беретъ на свою долю, чѣмъ настойчивѣе въ преодолѣніи препятствій внѣшнихъ и внутреннихъ, особенно со стороны стороннихъ увѣщаній и внушеній совѣсти, чѣмъ развращеннѣйшія имѣетъ цѣли въ грѣходѣяніяхъ,—тѣмъ хуже, злѣе и опаснѣе грѣховное настроеніе. Сіе все возрастаетъ отъ того, если кто и больше получилъ даровъ и благодѣяній, и особенно вкусилъ благодати Христовой, больше имѣлъ возбужденій внѣшнихъ и внутреннихъ, больше и яснѣе знаетъ порядокъ нравственной жизни доброй и злой.

Наконецъ и отношеніе грѣховнаго состоянія, страстнаго расположенія и грѣшнаго дѣла въ грѣхѣ точно такое же, какое и въ добродѣтели соотвѣтствующихъ имъ добрыхъ сторонъ. Отвратившійся отъ Бога въ свою волю, частымъ повтореніемъ грѣшныхъ дѣлъ однихъ и тѣхъ же, осаждаетъ въ сердце пристрастіе къ нимъ. Разность только въ томъ, что добрый борется со страстями и нехотѣніемъ добра, а грѣшникъ съ совѣстію, претящею ему грѣшить и побуждающею образумиться.

Остатки добра противятся грѣху,—сему злу, входящему въ сердце: развращенная воля посѣкаетъ добро, чтобъ воцарить зло. Какъ происходитъ сія несчастная и бѣдственная борьба человѣка съ собою на погибель себѣ, отчасти изображено Господомъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Тутъ видно, какъ отъ одного простаго, будто и благовиднаго помысла, непрогнаннаго въ свое время, зараждается въ сердцѣ порочное желаніе и образуется своя воля; какъ потомъ за нимъ слѣдуетъ дѣло за дѣломъ, пока не дойдено до края развращенія. Такъ камень, брошенный по скату горы, останавливается уже на самомъ днѣ ея пропасти.

бб) Возрасты грѣховной жизни.

Различаютъ и въ грѣховной жизни возрасты, какъ есть они въ истинно христіанской жизни. Въ Словѣ Божіемъ о грѣшникѣ вообще говорится, что онъ, все болѣе и болѣе *преуспѣвая на горшее* (2 Тим. 3 13), *приходитъ* наконецъ *въ глубину золъ* (Прит. 18, 3); означаются и степени ниспаденія въ сію глубину, наприм., онъ *болитъ не правдою, зачинаетъ болѣзнь* и *рождаетъ беззаконіе* (Пс. 7, 15); или, яснѣе, по противоположности съ мужемъ, ублажаемымъ въ первомъ псалмѣ, *идетъ* на совѣтъ нечестивыхъ, *останавливается* на пути грѣшныхъ и наконецъ *садится* на сѣдалищѣ губителей (Пс. 1, 1). Послѣднія выраженія можно принять за характеристическія черты грѣховныхъ возрастовъ. Ихъ тоже три: младенческій, юношескій, мужескій. Въ первомъ грѣшникъ только пошелъ въ грѣхъ, во второмъ остановился въ немъ, въ третьемъ сталъ распорядителемъ въ его области.

Младенческій возрастъ. Это періодъ образующейся грѣховной жизни, не установившейся въ своихъ формахъ, колеблющейся, время борьбы остатковъ внутренняго

добра и свѣта съ вступающимъ зломъ и тьмою. Здѣсь поблажающій грѣху человѣкъ все еще думаетъ отстать отъ него; мало, мало, говоритъ онъ себѣ, и брошу. Грѣхъ еще кажется ему какъ бы шуткою, или онъ занимается имъ, какъ дитя рѣзвящееся игрушкою; онъ только будто разсѣянъ и опрометчивъ. Но въ семъ чаду, въ семъ состояніи круженія невидимо полагаются основы будущему ужасному состоянію грѣшника. Первыя черты, первыя линіи его полагаются въ первый моментъ отдаленія отъ Бога. Когда сей свѣтъ, сія жизнь и сила сокрываются отъ человѣка, или человѣкъ сокрываетъ себя отъ нихъ, въ слѣдъ за тѣмъ начинаетъ слѣпнуть умъ, разслабляться и не радѣть воля, черствѣть и проникаться нечувствіемъ сердце, что все и заставляетъ человѣка часто говорить себѣ: *нѣтъ, перестану*. Но время течетъ и зло растетъ, Кто-то изъ ума крадетъ истины, одну за другою; онъ уже многаго не понимаетъ даже изъ того, что прежде ясно понималъ, многаго никакъ не можетъ удержать въ головѣ, по тяжести и невмѣстимости того въ теперешнее время, наконецъ совсѣмъ ослѣпляется: не видитъ Бога и вещей Божественныхъ, не понимаетъ настоящаго порядка вещей, ни своихъ отношеній истинныхъ, ни своего состоянія, ни того, чѣмъ онъ былъ, ни того, чѣмъ сталъ теперь, и что съ нимъ будетъ... вступаетъ во тьму и ходитъ во тьмѣ (см. Пр. Тих. ослѣп. челов. тол. V). Воля, побуждаемая совѣстію, все еще иногда радѣетъ и пріемлетъ заботы о спасеніи человѣка... иногда онъ напрягается, возстаетъ, удерживается отъ одного или другаго дѣла въ надеждѣ и совсѣмъ поправиться, но и опять падаетъ и чѣмъ болѣе падаетъ, тѣмъ становится слабѣе. Прежніе остановки и отказы дѣламъ, дѣйствительные, превращаются въ одни безплодныя намѣренія, а изъ намѣреній въ холодныя помышленія объ исправленіи; наконецъ и это исче-

заетъ. Грѣшникъ какъ бы махнулъ рукою: *такъ и быть, пусть оно идетъ, авось само какъ нибудь остановится!* И начинаетъ жить, какъ живется, предаваясь порочнымъ желаніямъ, удерживаясь отъ явныхъ дѣлъ, когда нужно,—не безпокоясь ни угрозами, ни обѣщаніями, не тревожась даже явнымъ растлѣніемъ души и тѣла. Грѣхъ есть болѣзнь и язва. Сильно терзаетъ онъ душу послѣ перваго опыта. Но время все сглаживаетъ. Второй опытъ бываетъ сноснѣе, третій еще сноснѣе и т. д. Наконецъ душа нѣмѣетъ, какъ нѣмѣетъ часть тѣла отъ частаго тренія по ней. То были страхи и ужасы, и громъ готовъ былъ разразиться съ неба, и люди хотѣли будто преслѣдовать преступника, стыдъ не давалъ покоя и не позволялъ показываться на свѣтъ; а тутъ наконецъ все ничего! Человѣкъ смѣло и небоязненно продолжаетъ грѣшить, понять даже не умѣя, откуда это прежде бывали у него такія тревоги. Когда такимъ образомъ образовались *ослѣпленіе, нерадѣніе и нечувствіе*, видимо, что человѣкъ грѣшникъ остановился на пути грѣшныхъ. Всѣ добрыя возстанія улеглись... Онъ покойно, безъ смущеній и тревогъ пребываетъ въ грѣхѣ... Здѣсь вступаетъ онъ въ *періодъ юношескій*.

Возрастъ юношескій. Это періодъ пребыванія въ грѣхѣ или стоянія на пути грѣшныхъ въ слѣпотѣ, нечувствіи и нерадѣніи. Высшія силы человѣческаго духа поражены летаргическимъ сномъ, а силы грѣха возобладали надъ ними и какъ бы наслаждаются покоемъ. Сначала это есть какъ бы точка безразличія. Но съ сей точки начинается покореніе лица человѣческаго грѣху. Силы его, одна за другою, приводятся къ подножію грѣха и покланяются ему, принимаютъ или признаютъ надъ собою его царскую власть и становятся его агентами. Покланяется умъ и принимаетъ начала *невѣрія*, покланяется воля и вдается въ развратъ, покланяется сердце и

полнится робостію и страхомъ предъ грѣхомъ и грѣховнымъ началомъ. Не все спитъ грѣшникъ, иногда и просыпается. Въ это время хотѣлъ бы все оставить, но боится начать сіе дѣло по непонятной нѣкоторой робости, въ которой отчета дать нельзя. Такъ застращивается человѣкъ тиранствомъ грѣха, что о возмущеніи противъ него какъ бы и подумать не смѣетъ. Тутъ свидѣтельство, какъ чрезъ грѣхъ глубоко падаетъ сила духа, и поносное рабство ему до чего унижаетъ благородное лице человѣка!! Умъ сначала только не видитъ или теряетъ все истинное, но съ продолженіемъ времени, вмѣсто истины, вступаетъ въ него ложь. Здѣсь все начинается сомнѣніемъ или простыми вопросами: почему такъ, не лучше ли такъ или вотъ этакъ? Вопросы сіи сначала пропускаются безъ вниманія, только тѣнь нѣкоторую, подобно сѣти паутинной, налагаютъ на сердце; но прилегая къ нему ближе, сродняются съ нимъ и обращаются въ чувство; чувство сомнѣнія есть сѣмя невѣрія. Начинаютъ говорить свободно, потомъ сшивать остроты, наконецъ презирать и отметаться всего Божественнаго и святаго. Это *невѣріе!* И воля спитъ въ безпечности, дѣйствуя по началамъ недобрымъ, сама того не замѣчая, какъ ими вытѣсняются начала добрыя. Она можетъ пребывать покойною, не высказывая рѣзко своего внутренняго растлѣнія, но гдѣ ее начинаютъ тревожить, гдѣ хотятъ ее заставить дѣйствовать по другимъ началамъ, тамъ она высказываетъ всю строптивость своего нрава, не уважая ни очевидности убѣжденій, ни даже крайности: она идетъ всему наперекоръ, поставляя себя главнымъ правиломъ для всего. Законъ ли совѣсти будетъ ей внушать это или законы положительные. она говоритъ: отойди, путей такихъ вѣдать не хочу; и это не по чему иному, какъ по растлѣнію нрава. Такимъ образомъ грѣшникъ, *робостію* застращенный возставать на

грѣхъ, *невѣріемъ* принявшій начала лжи, волею усвоившій правила *развратныя*, являетъ себя довольно надежнымъ, чтобъ его возвести въ нѣкоторыя правительственныя распоряженія въ грѣховномъ царствѣ. Таковой посаждается *на сѣдалищѣ губителей*. Онъ вступилъ въ возрастъ мужа для завѣдыванія частію дѣлъ грѣховнаго царства.

Возрастъ мужескій. Это періодъ самостоятельнаго, настойчиваго дѣйствованія въ пользу грѣха, противъ всего добраго, отъ чего человѣкъ приходитъ на край пагубы. Степени ниспаденія его опредѣляются степенями противленія свѣту и добру. Ибо и тогда, какъ онъ такъ живетъ, совѣсть не престаетъ тревожить его. Но, принявши другія начала, онъ не слушаетъ и идетъ напротивъ. Иногда онъ только не внимаетъ сему гласу, въ состояніи *нераскаянности*, иногда отвергаетъ и вооружается противъ него, въ состояніи *ожесточенія*, иногда же самого себя сознательно предаетъ пагубѣ, въ состояніи *отчаянія*. Это конецъ, куда приводитъ наконецъ грѣшника грѣхъ, имъ возлюбленный.

Такимъ образомъ, грѣховныхъ три возраста даютъ девять состояній. Къ нимъ можно приложить еще три состоянія несовершеннаго обращенія грѣшника, или обращенія недоконченнаго и недозрѣлаго, именно, состоянія: *рабства*, когда, по страху наказаній и угрозъ Божіихъ, удерживаютъ руки отъ грѣховъ болѣе важныхъ, не стыдясь питать страсти и помыслы худые; *самопрельщенія*, когда считаютъ себя совершенными, по нерѣшительнымъ и начальнымъ только дѣламъ добра; *лицемѣрія*, когда останавливаются только на внѣшнихъ дѣлахъ благочестія и на томъ основываютъ свою надежду. И будетъ всѣхъ состояній грѣховныхъ, внѣ добраго пути, двѣнадцать.

Большая часть людей вязнетъ въ первыхъ трехъ и въ трехъ послѣднихъ. Но не мало ихъ во вторыхъ и третьихъ. Въ утѣшеніе грѣшному роду нашему долж-

но сказать, что, пока человѣкъ въ сей жизни, какіе бы ни дѣлалъ онъ грѣхи, всегда есть ему возможность возвратиться къ милосердному Богу, милующему кающихся. Такъ хороша и добра человѣческая природа, что всѣми неправдами своими человѣкъ не можетъ въ конецъ исказить ее здѣсь. Только, пока онъ не раскаянъ, пока ожесточенъ, пока отчаявается, не можетъ быть помилованъ, и если не измѣнитъ сего нрава, не начнетъ плакать и надѣяться, то такъ сойдетъ и во гробъ и погибнетъ вѣчно. Всему злу виновникъ діаволъ. Если бы не онъ, не было бы отчаявающихся. А это онъ сначала твердитъ: Богъ милосердъ; а когда нагрѣшитъ много человѣкъ и задумаетъ каяться, страшитъ его грознымъ правосудіемъ Божіимъ. Но кто изобразитъ все коварство и злобу сатаны и какими сѣтями опутываетъ онъ грѣшныхъ, поддающихся ему? Ужасается и не можетъ понять грѣшникъ образумившійся, какъ могъ онъ сдѣлать то и то, хотя прежде такъ это казалось ему легкимъ. Человѣкъ грѣшитъ всегда въ нѣкоторомъ самозабвеніи.

Коль велико зло грѣхъ! Грѣхомъ оскорбляется безпредѣльное величіе Бога. Презирая законъ, презираемъ Самого Законодателя и оскорбляемъ Его. Не такъ сіе надо понимать, чтобъ симъ оскорбленіемъ нарушалось всеблаженство Божіе, ибо Онъ внѣ всякаго прикосновенія отъ твари; но такъ, что съ нашей стороны уже все бываетъ сдѣлано къ тому, чтобъ оскорбить Его безпредѣльное величіе подобно тому, какъ простой гражданинъ, хотя величество царское остается неприкосновенно, оскорбляетъ его своими дѣлами. Въ семъ отношеніи грѣхъ есть зло безконечно великое. Но правда требуетъ, чтобъ оскорбленіе было удовлетворено. Удовлетвореніе должно быть равно оскорбленію. За безконечно-великое оскорбленіе должно представить безконечно-великое удовлетвореніе. Вотъ здѣсь и горе! Имѣя возможность

сдѣлать безконечное оскорбленіе, человѣкъ не имѣетъ возможности сдѣлать за него должное удовлетвореніе. Остается человѣку вѣчно быть виновнымъ и слѣдовательно вѣчно нести наказаніе. Таковы, какъ первый грѣхъ, такъ и всѣ послѣдующіе. Всякій разъ, какъ грѣшитъ человѣкъ, онъ ввергаетъ себя въ безконечное зло.

О человѣкѣ же христіанинѣ пишетъ Апостолъ, что онъ, согрѣшая по крещеніи, второе распинаетъ Сына Человѣческаго (Евр. 6, 6), попираетъ кровь Завѣта и становится въ рядъ распинателей, кричавшихъ: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*!

Отдѣлившись отъ Бога и Христа, человѣкъ чрезъ грѣхъ присоединяется къ полчищу сатаны и становится для него засаднымъ мѣстомъ, откуда онъ воюетъ на Бога, издѣваясь надъ безпредѣльною Его милостію,—и слѣпотою и безуміемъ христіанина. Богъ Сына Своего Единороднаго далъ, говоритъ сатана, а я и такъ умѣю владѣть людьми. Послѣ же, па судѣ, всю вину взнесетъ онъ на самого человѣка и еще увеличитъ ее, чтобъ поспѣшнѣе свесть во адъ. А что грѣхъ производитъ въ самомъ человѣкѣ? Онъ извращаетъ его и, какъ бы въ какую тьму ввергая, въ мечты фантазіи, суету желаній и безпорядочность сердечныхъ волненій, кружитъ его всю жизнь, не давая опомниться. Между тѣмъ мучительство страстей съѣдаетъ и душу, и тѣло. Грѣшникъ есть существо тлѣющее.

Судя по сей заключительности и по сему безобразію грѣха, грѣшнику надлежало бы начать всестороннія страданія еще здѣсь. Но по судьбамъ Божіимъ сего не бываетъ. Грѣшникъ нерѣдко веселится и упивается счастіемъ земнымъ, сколько съумѣетъ или сколько попуститъ Богъ, частію для воздаянія за какія нибудь добрыя дѣла, частію для вразумленія. Но подъ этимъ видимымъ счастіемъ всегда кроется крушеніе духа непрестанное, по временамъ только заливаемое чувствен-

нымъ упоеніемъ и то не вполнѣ. Грѣшникъ всегда мраченъ и какъ будто боится чего-то.

Къ умирающему грѣшнику нераскаявшемуся приходятъ демоны и, исторгши душу его, ввергаютъ въ мѣсто мрака, до втораго пришествія. Здѣсь пока терзается духъ одинъ, а когда, по второмъ пришествіи, соединится съ тѣломъ, съ тѣломъ и страдать будетъ безконечные вѣки, и мученій тѣхъ изобразить нельзя.

Имѣемъ теперь общее очертаніе христіанской добродѣтели и нехристіанскаго грѣха. Довольно и сего, чтобъ уразумѣть, какъ хороша первая и какъ худъ второй. Но это еще очевиднѣе обнаружится, когда изображено будетъ подробно, какъ отпечатлѣвается христіански добродѣтельная жизнь и жизнь противоположная ей во всемъ существѣ человѣка и на всѣхъ отправленіяхъ его силъ. Тутъ яснѣе всего можно увидѣть, что производитъ въ человѣкѣ Божественная благодать, ради покорности человѣка указаніямъ Слова Божія, и что бываетъ съ человѣкомъ, кагда онъ, оставаясь самъ съ собою, слѣдуетъ внушеніямъ своей воли и своего самоугодія, и тѣмъ болѣе, когда предается какой либо страсти или грѣху.

В.

Послѣдствія и плоды доброй христіанской жизни, и жизни противоположной ей.

Отличительное свойство христіанской жизни то, что она есть жизнь благодатная. Потому къ плодамъ ея, или къ ея дѣйствіямъ на наше существо относится не то одно, что можетъ производить въ насъ добродѣтель вообще, но то особенно, что производитъ въ насъ, ради взысканія нами добра и труда по сему, божественная бла-

годать, равно и противоположная ей жизнь нехристіанская отличается не только тѣмъ, что производитъ грѣхъ въ человѣкѣ, но и тѣмъ, что бываетъ съ нимъ въ слѣдствіе того, что онъ теряетъ или не принимаетъ Божественной благодати. Чтобы не путаться въ словахъ, здѣсь будетъ означаемы та и другая соотвѣтственными словами: христіанинъ, не христіанинъ, благодатный, безблагодатный, ревнующій о христіанской жизни, преданный грѣху и страстямъ.

а).

Въ какихъ чертахъ Слово Божіе изображаетъ истиннаго христіанина, и человѣка не христіанина?

Если собрать всѣ мѣста Писанія, относящіяся къ сему, то въ нихъ найдемъ отвѣты на слѣдующіе вопросы: что есть та и другая жизнь по *происхожденію своему*, по *дѣйствіямъ*, по *общему духу*, по *обществу*, въ коемъ развивается, *и по своей участи?*

Человѣкъ внѣ христіанства, или пребывающій въ грѣхѣ, естественнымъ путемъ рожденія *происходя* отъ перваго Адама падшаго, и по внутреннимъ, нравственнымъ свойствамъ своимъ почитается совершенно съ нимъ схожимъ, т. е., пребывающимъ въ отпаденіи отъ Бога. Будучи, такимъ образомъ, истымъ его выраженіемъ, онъ называется и ветхимъ, какъ бы столько же существующимъ, сколько родъ человѣческій, или ничего въ себѣ новаго не заключающимъ, такимъ же, каковы всѣ изстари. Апостолъ пишетъ, что мы облекаемся въ образъ перстнаго (1 Кор. 15, 49) въ рожденіи, и если не отложимъ сего ветхаго человѣка (Еф. 4, 22), то навсегда останемся такими же, каковъ перстный (1 Кор. 15, 47).

Дѣйствія сего подобника Адамова, какъ ветхаго че-

ловѣка, преимущественно грѣховны. Ему принадлежитъ прилежное помышленіе на зло отъ юности (Быт. 8, 21), потому что онъ зачатъ въ беззаконіяхъ и рожденъ во грѣхахъ (Пс. 50, 9), даже проданъ подъ грѣхъ (Рим. 7, 14). Сія вошедшая въ него путемъ рожденія сила грѣховная властвуетъ въ немъ съ непреодолимостію, живетъ, какъ господинъ (Рим. 7, 20. 23); такъ что все существо человѣка со всѣми членами его есть ничто иное, какъ тѣло грѣха, и силы его суть орудія неправды (Рим. 3, 13. 14). Посему очи его исполнены блудодѣянія и непрестаннаго грѣха (2 Петр. 2, 14); гробъ отверстъ гортань его (Рим. 3, 13. 14); онъ необрѣзанъ сердцемъ и ушесы; нозѣ его на зло текутъ и скоры проліяти кровь (Исаіи 59, 37).

Такое основаніе внутренней жизни показываетъ на иное нѣкое происхожденіе по *духу*, именно, отъ діавола. Ибо и сперва діаволъ согрѣшилъ, а потомъ уже и всѣ люди, кои и бываютъ грѣшниками неиначе, какъ отъ діавола, почему и называются дѣтьми его (Іоан. 3, 8. 10), сѣменемъ змія (Быт. 3, 15), или прямо, зміями, порожденіями эхидниными (Мат. 3, 7; Лук. 3, 7; Мат. 23, 33), а діаволъ отцемъ ихъ (Іоан. 8, 44). По такому родству съ діаволомъ, они суть истые преемники духа его, духа Богоборства, вражды на Бога и противленія Ему явнаго и тайнаго. Все святое и Божественное всѣмъ имъ вообще непріятно, а нѣкоторымъ даже противно. Богу говорятъ: отойди отъ насъ; или: что Вышній, не вѣмъ Бога (Фараонъ); Духа Божія не принимаютъ (Іоан. 17, 17), людей Божіихъ ненавидятъ и преслѣдуютъ (Іоан. 3, 13).

Вся совокупность таковыхъ людей, порожденій діавола, исполненныхъ духомъ Богопротивленія, составляетъ ***область сатаны*** мрачную (Дѣян. 26, 18), въ которой онъ живетъ, имѣетъ свои глубины (Апок. 2, 24. 31), или престолъ, и, какъ князь міра сего и Богъ вѣка (2 Кор.

4, 4; Іоан. 12, 31), всѣмъ правитъ посредствомъ міродержителей тьмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ (Еф. 6, 2). Эта область есть *міръ*, лежащій во злѣ (1 Іоан. 5, 19), преисполненный сквернъ (2 Петр. 2, 20), валяющійся въ похотехъ (2 Петр. 1, 4), ослѣпленный (2 Кор. 4, 4) и въ ослѣпленіи буйствующій и преслѣдующій все святое и всѣхъ святыхъ и ревнующихъ о святости; міръ, одна любовь къ которому есть вражда на Бога и другъ коего есть врагъ Божій (Іак. 4, 4). Духъ ослѣпленія и упорнаго буйства есть прямой духъ міра или сатаны (1 Кор. 2, 12).

Жалка *участь* сихъ людей! Она одинакова съ міромъ и сатаною. Будучи естествомъ чадами гнѣва (Еф. 2, 5), они потомъ въ продолженіи жизни собираютъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія (Рим. 2, 5); кончина ихъ погибель (Фил. 3, 19) и имъ блюдется мракъ темный во вѣки (2 Петр. 2, 9. 17; Іуды 1, 13).

Ни одинъ изъ таковыхъ не спасется иначе, какъ подъ условіемъ обращенія и покаянія ради вѣры въ Господа Іисуса Христа, дѣйствіемъ благодатнаго возрожденія. *Вѣруяй* въ Господа *не будетъ осужденъ, а не вѣруяй уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя Единороднаго Сына Божія* (Іоан. 3, 18). *Аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія* (Іоан. 3, 3). *Вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный, а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. 3, 26).

Въ человѣкѣ, зачавшемъ въ себѣ истинно христіанскую жизнь и преуспѣвшемъ въ ней, всѣ сіи стороны совсѣмъ противоположны.

Такъ, *раждается* онъ свыше и образомъ совершенно новымъ, то есть, водою и Духомъ (Іоан. 3, 3), чрезъ пріобщеніе ко Христу, единому истинному источнику

истинно человѣческой жизни, и чрезъ облаченіе въ образъ сего небеснаго человѣка - новаго Адама, новаго родоначальника истинныхъ людей (1 Кор. 15, 49), почему и называется человѣкомъ новымъ, совлекшимся ветхаго (Еф. 4, 24), новою тварію о Христѣ Іисусѣ (2 Кор. 5, 1. 7).

Рожденный не отъ похоти плотскія, но отъ Бога, онъ пріемлетъ область *быть чадомъ Божіимъ* (Іоан. 1, 12. 13) ради Господа Іисуса Христа, пріискреннѣ пріобщившагося плоти и крови и содѣлывающаго вѣрующихъ причастниками Божескаго естества (2 Петр. 1, 4), которые, потому что водятся духомъ Его, суть сынове (Рим. 8, 14), пріявшіе духа сыноположенія, по которому вопіютъ: *Авва, Отче* (тамъ же 15 ст.), и который спослушествуетъ духу ихъ, что они суть сынове (там. 16). Въ чувствѣ сего *сыновства*, они наслаждаются благоволеніемъ Божіимъ, исполняются любовію къ Богу и изъ любви ревнуютъ о славѣ Его. Все Божеское есть какъ бы ихъ собственное.

По сему происхожденію, въ нихъ, какъ *духъ жизни, такъ и самыя дѣла святы* и Божественны. Еще прежде сложенія міра они опредѣлены быть святыми и непорочными въ любви (Еф. 1, 6) и по исполненіи временъ созданы во Христѣ Іисусѣ *на дѣла благая, да въ нихъ ходятъ* (Еф. 2, 10); и дѣйствительно ходятъ въ обновленіи жизни, по подобію свѣтлости воскресшаго Господа (Рим. 5, 4), какъ ревнители добрымъ дѣломъ (Тит. 2, 4). Ибо какъ корень святъ, такъ и привитое къ нему свято, по звавшему Святому (1 Петр. 1, 15).

Всѣ же такіе въ совокупности составляютъ родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, людей обновленія— возвѣщать добродѣтели изъ тьмы Призвавшаго ихъ въ чудный свой свѣтъ (1 Петр. 2, 9); всѣ зиждутся во храмъ духовенъ, святительство свято возносити жертвы

духовны, благопріятны Богови Іисусъ Хистомъ (1 Петр. 2, 5), созидаются въ жилище Божіе духомъ, въ церковь святую о Господѣ (Еф. 2, 21. 22), изъ Него же все тѣло составляемо и счинѣваемо приличнѣ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части, возращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себѣ любовію (Еф. 4, 16), и такимъ образомъ составляютъ тѣло церкви, которой глава Христосъ,— исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ (Еф. 1, 23), а они суть уды Его отъ плоти Его и отъ костей Его (Еф. 5, 30; Кол. 2, 19).

Такіе люди, всѣ въ совокупности и каждый по частямъ, состоя еще здѣсь подъ особеннымъ Божіимъ благоволеніемъ, особенно блюдутся для высокихъ наградъ въ будущемъ. *Аще Богъ по насъ*, взываетъ Апостолъ, *кто на ны? Кто поемлетъ на избранныя? Богъ оправдаяй* (Рим. 8, 31. 34). Это здѣсь, а въ будущемъ они, какъ чада, суть наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, снаслѣдницы же Христу. Слава же и величіе сего наслѣдія такъ высоки, что его чаетъ вся тварь (Рим. 8, 21). Какъ каждый изъ нихъ есть сынъ, то необходимо уже есть и наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ (Гал. 4, 7). Посему ихъ жительство на небесѣхъ есть, отнюдуже и Спасителя чаютъ, Господа Іисуса Христа, Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, во еже быти ему сообразну тѣлу славы Его (Фил. 3, 20. 21). По виду они странники и пришельцы, дѣломъ же сожители святымъ и присніи Богу. Здѣсь они только на время; а отечество ихъ, гдѣ они вписаны въ гражданство, не здѣсь, а на небѣ.

Какъ мрачно состояніе первыхъ и какъ отрадно состояніе вторыхъ. Конечно, есть разныя степени въ той и другой сторонѣ; но больше или меньше все прописанное свойственно каждой степени. Иной ужаснется того, какъ мрачно изображены грѣшники; что

же дѣлать? такое мрачное лице ихъ не человѣкомъ писано, а Словомъ Божіимъ неложнымъ. Вотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ оправдываться сіе общее очертаніе той и другой стороны.

б).

Состояніе составныхъ частей человѣческаго естества, его существенныхъ свойствъ и силъ, въ истинномъ христіанинѣ и человѣкѣ грѣшникѣ.

Указанная прежде противоположность людей, живущихъ по духу Христову, подъ дѣйствіемъ Божіей благодати, и людей, чуждыхъ сего духа и отметающихъ благодать, откроется еще съ большею очевидностію, когда увидимъ, каково состояніе общаго устройства всей природы человѣческой и главныхъ ея свойствъ и каково состояніе ея силъ и способностей.

Общее устройство природы человѣческой опредѣляется сочетаніемъ разныхъ силъ ея и способностей и разныхъ частей ея состава. Такъ, все разнообразіе нашихъ внутреннихъ дѣйствій сознаваемыхъ сводится къ тремъ исходнымъ началамъ, или силамъ: познающей, желающей и чувствующей. Всѣ же силы сіи сосредоточиваются и сходятся въ нашемъ лицѣ, въ нашей личности, въ томъ, что говоритъ въ насъ: я, которое есть сліяніе и нераздѣльное единство всѣхъ силъ. Онѣ въ немъ сцентрированы и исходятъ изъ него, какъ изъ фокуса.

Далѣе, то, что познанія, желанія и чувствованія являются въ насъ не только на различныхъ степеняхъ, но даже въ противоположныхъ направленіяхъ, заставляетъ, кромѣ другихъ основаній, допускать въ составѣ существа человѣческаго три части: духъ, душу и тѣло *),

*) Это предметъ спорный, хотя весь только о словахъ. Тѣмъ, кои не хотятъ различать духа и души, можно предложить, чтобъ, подъ словомъ— *духъ* они понимали высшую сторону нашей нетѣлесной стороны, а словомъ— *душа* означали нисшія ея дѣйствія и направленія. У Антонія великаго (см.

изъ коихъ характеръ перваго—отрѣшеніе отъ чувственнаго, послѣдняго—погруженіе въ немъ, средней же—совмѣстность того и другаго. Цѣль и назначеніе перваго есть общеніе съ Богомъ и міромъ духовнымъ, послѣдней—посредничество въ сношеніи съ міромъ чувственнымъ; средняя должна отъ чувственнаго чрезъ духъ восходить къ Богу и одуховляться и отъ Бога чрезъ духъ низводить одуховленіе чувственному. Части сіи въ составѣ нашемъ не лежатъ одна подлѣ другой, но всѣ, также какъ и способности, сходятся въ нашемъ лицѣ [я], ему присвояются и суть для него постоянныя средства. Лице человѣка [я] есть единство духа, души и тѣла.

Къ существеннымъ свойствамъ человѣка принадлежитъ то, что онъ одаренъ *сознаніемъ*, можетъ говорить о себѣ—я, или есть лице. Это такое свойство, по коему человѣкъ, утверждая свое собственное бытіе и бытіе вещей внѣ себя, отличаетъ ихъ отъ себя, а себя отъ нихъ, говоритъ о себѣ—я, а не они, а о тѣхъ—*они*, а не *я*. Оно получаетъ названіе *самосознанія*, когда обращается внутрь, къ себѣ исключительно. Въ семъ обращеніи въ себя, оно опять можетъ отличать себя отъ своихъ дѣйствій или свое бытіе отъ того, что исходитъ изъ него, возносясь какъ бы надъ тѣмъ и другимъ. При семъ, такъ какъ къ бытію нашему могутъ прилагаться чуждыя, стороннія силы, то, сознавая свое бытіе, онъ можетъ сознавать себя, не какъ себя, а какъ иное лицо (у бѣсноватыхъ).

Добротолюбія томъ первый изреченіе его 166-ое) говорится, что есть существа, одаренныя только жизнію (растенія), есть другія, одаренныя жизнію и душою (животныя), и есть еще одаренныя жизнію душою и умомъ. Это человѣкъ. Что здѣсь означается словомъ умъ, то мы выражаемъ словомъ—*духъ*. У Исаака Сиріанина тоже полагается три части также и у Ефрема Сир. и многіе изъ св. отцевъ допускали духъ, душу и тѣло... Въ Словѣ Божіемъ понимаются три части: *всесовершенъ вашъ духъ и душа, и тѣло непорочно въ пришествіе Господа Іисуса Христа да сахранится* (1 Сол. 5, 23). Въ другомъ мѣстѣ рѣзко различается въ насъ духъ и душа, когда говорится, что Слово Божіе, живое и дѣйственное, проходитъ до раздѣленія *души и духа* (Евр. 4, 12).

Разумно-свободная самостоятельность. Самостоятельность принадлежитъ существу, которое не есть явленіе другаго существа, а само есть источникъ всѣхъ явленій отъ него исходящихъ. Такихъ самостоятельныхъ существъ много [субстанціи]. Отличительное свойство человѣческой самостоятельности состоитъ въ томъ, что онъ не только производитъ дѣйствія, но и видитъ ихъ, не только видитъ, но и правитъ ими по своему усмотрѣнію и разуму. Это свойство однозначительно съ разумною свободою.

Жизненность. Человѣкъ есть живое существо. Есть силы мертвыя, напр., электричество, магнетизмъ. Они въ каждое мгновеніе суть то, чѣмъ быть имъ должно, не развиваются. Человѣкъ въ минуты происхожденія не есть то, чѣмъ ему быть должно, а развивается, образуется, растетъ, преспѣваетъ. И растеніе сначала, въ сѣмени, есть только будущее возможное растеніе; становится же дѣйствительнымъ растеніемъ чрезъ принятіе въ себя чуждыхъ элементовъ и усвоеніе ихъ себѣ. Возрастаніе духовной природы человѣка происходитъ другимъ порядкомъ. Она зрѣетъ разнообразіемъ собственныхъ произведеній: мыслей, чувствъ, желаній и дѣлъ, которыя, обращаясь внутрь, осаждаются какъ бы въ ней и составляютъ для ней пищу или элементъ возрастанія. Посему свойство жизни ея всегда можно опредѣлять свойствомъ ея дѣйствій. Особеннѣйшая же черта жизни, свойственной человѣку, есть безсмертіе, предполагающее безконечную его усовершимость.

Теперь спрашивается, въ какомъ состояніи соотношеніе составныхъ частей существа человѣческаго и его способностей и существенныя свойства прежде, чѣмъ человѣкъ станетъ жить по христіански, и послѣ того, какъ онъ рѣшится на сіе дѣло и окрѣпнетъ въ немъ.

Естественное отношеніе составныхъ частей человѣка должно быть, по закону подчиненія меньшаго большему,

слабѣйшаго сильнѣйшему, таково: тѣло должно подчиняться душѣ, душа духу, духъ же по свойству своему долженъ быть погруженъ въ Бога. Въ Богѣ долженъ пребывать человѣкъ всѣмъ своимъ существомъ и сознаніемъ. При семъ сила духа надъ душою зависитъ отъ соприсущаго ему Божества, сила души надъ тѣломъ отъ обладающаго ею духа. По отпаденіи отъ Бога произошло, и должно было произойти, смятеніе во всемъ составѣ человѣка: духъ, отдалившись отъ Бога, потерялъ свою силу и подчинился душѣ, душа, не возвышаемая духомъ, подчинилась тѣлу. Человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ и сознаніемъ погрязъ въ чувственность. Человѣкъ, до пріятія новой жизни въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, именно находится въ этомъ состояніи низвращеннаго соотношенія составныхъ частей его существа, подобіе которому представляетъ зрительная трубка, когда составныя ея части вдвинуты одна въ другую.

Такъ Слово Божіе, говоря о грѣшникахъ, забывающихъ Бога, постоянно почти называетъ ихъ плотскими, рѣдко душевными, а духовными не только не называетъ, даже почитаетъ ихъ противоположными таковымъ.

Еще о первомъ допотопномъ мірѣ сказалъ Богъ: *не имать духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Явно, что преданность плоти погашаетъ духъ и отчуждаетъ отъ Бога. У Пророка Давида говорится: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13), то есть, честь Богоподобія, отраженную въ его духѣ, замѣнилъ скотствомъ, предавшись плоти. Апостолъ Павелъ о состояніи людей до принятія благодати въ христіанстѣ говоритъ, что тогда они были *во плоти*, потому *страсти грѣховныя дѣйствовали въ нихъ* (Рим. 7, 5), жили въ *похотехъ плоти, творяще волю плоти и помышленій* (Еф. 2, 3), или, какъ говоритъ Апостолъ

Петръ: *въ слѣдъ плотскія похоти скверненія ходили* (2 Петр. 2, 10). Апостолъ Іуда невѣрныхъ прямо называетъ тѣлесными, духа не имущими (ст. 19). И вообще въ Словѣ Божіемъ плотяности приписывается все зло. *Сущіи по плоти, плотская мудрствуютъ, мудрованіе же плотское смерть и вражда на Бога есть* (Рим. 8, 5. 7), подчинившіеся коему *Богу угодити не могутъ* (Рим. 8, 8), почему *пожнутъ отъ плоти истлѣніе* (Гал. 6, 8).

Душевность же въ человѣкѣ, не пріявшемъ благодати или потерявшемъ ее, какъ облако какое стоитъ между лицемъ человѣка и Богомъ, пресѣкая общеніе между ними. Тотъ, кто порабощенъ преимущественно ей, или *душевенъ человѣкъ, не пріемлетъ, яже Духа Божія* (1 Кор. 2, 14). Преобладаніе души, равно какъ и преобладаніе тѣла, есть отрицаніе жизни по духу. Святый Апостолъ Іаковъ, перечисливъ страсти, коимъ удовлетворяетъ и по которымъ дѣйствуетъ человѣкъ, непріемлющій яже Духа Божія, съ большею точностію, прибавляетъ: *нѣсть сія премудрость отъ Бога, но земна, душевна, бѣсовска* (Іак. 3, 15). Слова: душевный, земной, не Божій, однозначительны...

Гдѣ же духъ у такого рода людей? Въ нихъ же; но, состоя въ подчиненіи душѣ и тѣлу, онъ заморенъ и совсѣмъ почти не дѣйствуетъ свойственнымъ ему образомъ. Его присутствіе въ нихъ можно узнавать съ одной стороны по безграничности нѣкоторыхъ душевно чувственныхъ стремленій, несвойственныхъ душѣ и плоти по ихъ природѣ, съ другой — по бывающимъ нерѣдко состояніямъ сихъ людей, въ коихъ они отрѣшаются отъ земли, наперекоръ требованіямъ души и плоти. Въ послѣднемъ случаѣ духъ покушается какъ бы войти въ свои права. Мученія совѣсти, боязнь Судіи—Бога, постоянная тоска, это суть его дѣйствія на душу, его стоны, отзывающіеся въ сознаніи душевномъ. Такъ въ

людяхъ чувственныхъ и душевныхъ духъ тлѣетъ, какъ искра подъ пепломъ. Возбуди его, или лучше, не мѣшай ему возбуждену быть Словомъ Божіимъ, проходящимъ до раздѣленія души и духа (Евр. 4, 12), и онъ явится во всей своей силѣ и власти.

Въ человѣкѣ же, прилѣпившемся къ Господу Іисусу Христу и благодать Его пріявшемъ, все сіе имѣетъ себя иначе. Какъ свойственно рабу Христову, онъ *распялъ плоть свою со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Съ перваго раза, когда только полагаетъ еще намѣреніе работать Господу, онъ опредѣляетъ уже себя на самоумерщвленіе, а потомъ и постоянно не *по плоти ходитъ, но по духу* (Рим. 8, 1. 4), *духомъ умерщвляя дѣянія плотскія* (Рим. 8, 13). Онъ какъ бы нѣсть *во плоти, но въ дусѣ,* и *не долженъ плоти, еже по плоти жити* (Рим. 8, 9. 12).

Пріявъ слово, проходящее до раздѣленія *души и духа* (Евр. 4, 12), онъ беретъ душу въ свою власть и приноситъ ее въ жертву Богу (Мат. 10, 39), начинаетъ *огребатися отъ похотей, яже воюютъ на душу* (1 Петр. 2, 11), подчинять ее *слову, могущему спасти* (Іак. 1, 21), и такимъ образомъ преобразуетъ ее всю, назидаетъ ее духомъ *чрезъ вѣру или послушаніе истинѣ* (1 Петр. 1, 22; Іуд. 1, 20), пріучаетъ ее *предавать себя въ благотвореніе* (1 Петр. 4, 19), и *сердце ея обрѣзываетъ духомъ* (Рим. 2, 29) и все Богоугодное, *еже аще творитъ* заставляетъ творить *отъ души,* чего прежде она не хотѣла (Кол. 3, 23). Работая такимъ образомъ Богу *всею душею и отъ души* (Еф. 6, 6; Матѳ. 22, 29), онъ обрѣтаетъ *покой душѣ своей* (Матѳ. 11, 25), прозрѣвая *кончину вѣры—спасеніе души* (1 Петр. 1, 9), что, какъ котву, имѣлъ для души своей (Евр. 6, 19).

Въ слѣдствіе сего у него жизнь духовная совершенно поглощаетъ жизнь плотскую и душевную. Онъ *про-*

славляетъ Бога въ душѣ и тѣлеси своемъ (1 Кор. 6, 20); у него все производится въ духѣ и духомъ; служитъ онъ *Богу* и *работаетъ духомъ и въ обновленіи духа* (Рим. 1, 9; 7, 6; Фил. 3, 3), *тщаніемъ онъ нелѣнивъ* отъ того, что *горитъ духомъ* (Рим. 12, 11); *ходитъ духомъ и похотей плотскихъ не совершаетъ* (Гал. 5, 16); *сѣетъ въ духѣ* (Гал. 6, 8); *исполняется духомъ* (Еф. 6, 18); къ слушанію истины преклоняется духомъ (1 Петр. 1, 22).

Отчего такъ? — Христіанинъ ходитъ духомъ оттого, что *живетъ духомъ* (Гал. 5, 25), что *Духъ Божій живетъ въ немъ* (Рим. 8, 9; 1 Кор. 3, 16); что онъ сталъ *храмомъ живущаго въ немъ Духа Святаго, напоился Духомъ* (1 Кор. 12, 13; 1 Кор. 3, 16; Еф. 2, 22). Сей Духъ, пришедши чрезъ слово, раздѣлившее душу и духъ, высвободилъ сей послѣдній изъ тѣснившихъ его душевно—плотскихъ узъ, ибо гдѣ *Духъ Господень, тамъ свобода* (2 Кор. 3, 17), и тѣмъ положилъ начало новой, духовно благодатной жизни (Рим. 8, 23). Съ такимъ обрученіемъ духа (2 Кор, 1, 22) зрѣетъ потомъ *потаенный сердца человѣкъ въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа* (1 Петр. 3, 4). Христіанинъ больше и больше утверждается *Духомъ Божіимъ—во внутреннемъ человѣкѣ; вселяется вѣрою Христосъ въ сердце его, въ любви вкореняемое и утверждаемое* (Еф. 3, 16): ибо *прилѣпляяйся Господу единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17); почему *вышнихъ ищетъ, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя, горняя мудрствуетъ, а не земная, и животъ его сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 1. 3).

Отсюда видно, что истинный христіанинъ и не—христіанинъ, или христіанинъ ложный, по составнымъ частямъ существа человѣческаго состоитъ въ противоположности. Что у одного первое, то у другаго послѣднее. У того первое—духъ, у сего онъ заглушенъ; у того первое —плотяность, у сего она отрицается, подавляется, рас-

пинается, умерщвляется. Средняя—душа подчиняется, очевидно, господствующему: у одного духу, у другаго тѣлу. Посему истинное соотношеніе частей существа человѣческаго: совершенный духъ, душа и тѣло (Сол. 5, 23), есть только у тѣхъ, кои содѣлались Христовыми. Въ нихъ слѣдовательно и истина человѣческаго существа; внѣ же христіанства не истина, а ложь, какъ бы призракъ человѣка.

Не показалось бы кому жестокимъ слово сіе. Жаль нѣкоторыхъ язычниковъ, такъ высоко стоящихъ во мнѣніи, и нѣкоторыхъ именующихся христіанами, силы же его отвергшихся, кои тоже не безъ замѣтныхъ достоинствъ. Но потерпите. Чѣмъ дальше, все будетъ яснѣе и яснѣе раскрываться проводимая нами истина, что истинно человѣческая жизнь на дѣлѣ можетъ быть видима только въ христіанствѣ, въ тѣхъ, кои сочетаваются съ Христомъ и пріемлютъ Духъ Его.

Теперь объ общемъ состояніи и соотношеніи дѣйствующихъ внутри насъ силъ. Силы сіи, исходя изъ нашего сознанія или лица [я] и въ него возвращаясь, должны пребывать во взаимной связи и согласіи между собою, подъ управленіемъ своего источнаго начала. Взаимнопроникновеніе и взаимноспомоществованіе при зависимости отъ дѣйствующаго лица есть естественное состояніе ихъ.

Но въ человѣкѣ грѣшникѣ, отпадшемъ отъ Бога и пребывающемъ въ семъ паденіи, какъ представляетъ опытъ, силы сіи являются какъ бы отпадшими отъ его лица, ставшими въ нѣкоторую отъ него независимость и самоуправствующими. Что значатъ, напр., обыкновенныя у насъ слова: сдѣлалъ бы, да не хочется, или: пусть это не такъ хорошо, но мнѣ очень хочется; или: сердце не лежитъ; поди ты съ сердцемъ; или: повѣрилъ бы, но разумъ не покоряется, умъ царь въ головѣ, куда

дѣваться мнѣ съ моимъ разумомъ? Эти и многія другія выраженія значатъ, что силы сіи перестали быть во власти человѣка, но или управляются сами собою, или подлежатъ вліянію сторонней силы. Отпадши же отъ лица человѣка, онѣ потеряли взаимную точку соединенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестали получать и взаимную другъ отъ друга помощь и не имѣютъ уже того, чѣмъ одна обыкновенно пользуется отъ другихъ. Такъ разумъ заоблаченъ, мечтателенъ и отвлеченъ, потому что не удерживается сердцемъ и не правится волею; воля своенравна и безсерда отъ того, что не слушаетъ разума и не смотритъ на сердце; сердце неудержимо, слѣпо и блажно, потому что не хочетъ слѣдовать указаніямъ разума и не отрезвляется силою воли. Но мало того, что силы сіи потеряли взаимную помощь, онѣ приняли нѣкоторое враждебное другъ противъ друга направленіе, одна отрицаетъ другую, какъ бы поглащаетъ ее и снѣдаетъ. Оттого преобладаніе сердца имѣетъ съ собою въ связи слабость ума и непостоянство воли, какъ бы безхарактерность; преобладающее стремленіе къ познаніямъ ведетъ за собою ослабленіе дѣятельности или безпечность воли и нечувствіе или холодность сердца; преобладаніе воли всегда сопровождается одностороннимъ направленіемъ, упорнымъ, не внимающимъ никакимъ доводамъ: тамъ душа не слушаетъ никакихъ убѣжденій и недоступна для потрясеній сердечныхъ.

Такимъ образомъ внутренній міръ человѣка грѣшника исполненъ самоуправства, безпорядка и разрушенія. О такомъ состояніи свидѣтельствуетъ преимущественно опытъ, но и въ Словѣ Божіемъ можно находить не мало на то указаній, хотя оно изображаетъ не столько душевныя силы и ихъ состояніе, сколько дѣла человѣка— произведеніе всѣхъ силъ. Въ семъ отношеніи очень замѣчательны слѣдующія мѣста:

Такъ, Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Римлянамъ

въ 1-й главѣ, изображаетъ большое смятеніе и нестроеніе внутреннее, какое бываетъ въ грѣшникахъ и нечестивцахъ, производя его изъ отпаденія отъ Бога. *Разумѣвше*, говоритъ, *Бога, они не яко Бога прославиша* (ст. 21), то есть, презрѣли Бога, отпали отъ Него, отвергли Его. Слѣдствіемъ сего естественнымъ было то, что сердце у нихъ стало слѣпо, воля своенравна, умъ обезумѣлъ *осуетишася помышленіи* (желаніями), *омрачися неразумное ихъ сердце* (21) и *объюродѣша* (22). За симъ естественнымъ слѣдствіемъ настало другое, какъ казнь отъ Бога... *предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердецъ ихъ* (24), то есть, своенравію сердца, *въ страсти безчестія* (26), то есть, упорному разврату воли, *въ неискусенъ умъ* (28), то есть, неблагоразумію, мечтамъ и отвлеченностямъ (отнялъ практическій разумъ).

Тотъ же Апостолъ, въ посланіи къ Ефесеямъ (4, 17—20), называя язычниковъ или невѣрующихъ отчужденными отъ жизни Божіей, здѣсь же изображаетъ состояніе ихъ души, именно, что они *ходятъ въ суетѣ ума*, то есть, въ призрачныхъ, фантастическихъ построеніяхъ умственныхъ, идеальныхъ, страждутъ *окаменѣніемъ сердца*, то есть, безсердіемъ и нечувствіемъ; *предали себя студодѣянію*, то есть, буйству и увлеченіямъ воли.

Человѣкъ же, къ Богу обратившійся и въ Св. Церкви съ Господомъ Іисусомъ Христомъ соединившійся и въ Немъ обновившійся, въ Словѣ Божіемъ изображается совсѣмъ въ противоположномъ видѣ. Такъ Апостолъ Павелъ молится объ Ефесеянахъ (3, 17—19), *да дастъ* имъ *Богъ силою утвердитися Духомъ Его во внутреннѣмъ человѣцѣ*, да даруетъ, то есть, нравственную силу волѣ чрезъ союзъ съ Св. Духомъ; да дастъ *вселитися Христу вѣрою въ сердца ихъ*, да будетъ, то есть, у нихъ сердечное сочетаніе съ Христомъ Спасителемъ, *да возмогутъ разумѣти*, то есть, изъ сего опытнаго вкушенія Хри-

ста Господа да черплютъ духовный разумъ, и *да исполнятся во всяко исполненіе Божіе,* то есть, изъ совокупности всего сего, или изъ соединенія ихъ съ Богомъ всѣми силами, пусть составляется полнота свойственныхъ христіанамъ внутреннихъ совершенствъ или, подъ симъ условіемъ, ихъ внутреннее да будетъ пріятелищемъ или сосудомъ, который безпрерывно наполнялся бы приливомъ отъ Бога совершенствъ духовныхъ... Видимо, какъ во Христѣ Іисусѣ духъ человѣка становится крѣпкимъ или скрѣпленнымъ въ себѣ сосудомъ.

Въ томъ же посланіи (4, 22—24) существо христіанства, или истину о Христѣ, Апостолъ описываетъ такъ: *отложити вамъ, по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ;* этимъ заповѣдуется обновленіе сердца; *обновлятися же духомъ ума вашего,*— здѣсь измѣненіе ума, и *облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины,*—тутъ преображеніе воли! Симъ мѣстомъ указывается, что въ христіанинѣ совмѣстно и единовременно обновляются всѣ силы его существа и притомъ всѣ въ одномъ духѣ и въ одномъ направленіи.

Въ посланіи къ Филиппійцамъ Апостолъ изображаетъ, что миръ Божій, превосходящій всякій умъ, водворяется въ сердцѣ вмѣстѣ съ вселеніемъ въ немъ Бога мира (4, 8—9). Чтобъ не возмущать сего мира, онъ заповѣдуетъ имъ: всѣ помышленія свои, или иначе, дѣйствія всѣхъ своихъ способностей обратить на Богоугодное, именно: умъ— на истинное, волю—на праведное, сердце—на прелюбезное. Какая душа это сдѣлаетъ, та способною становится быть жилищемъ Бога мира. Посмотрите притомъ, всѣ сіи Богоугодные предметы Апостолъ прежде указалъ Филиппійцамъ, и они уразумѣли ихъ, приняли ихъ и покорились имъ, то есть заняли себя ими всѣхъ всецѣло, по всѣмъ силамъ.

Такое же совмѣщеніе дѣятельности всѣхъ силъ въ

одномъ, какъ характеръ жизни христіанской, указывается и въ слѣдующихъ мѣстахъ: Кол. 1, 9—11: Апостолъ молится о Колоссянахъ, *да исполнятся въ разумѣ воли Божіей во всякой премудрости и разумѣ духовномъ, яко ходити имъ достойнѣ Богу во всякомъ угожденіи* и проч.; Кол. 2, 1—7: Апостолъ молится о всѣхъ, *да утѣшатся сердца всѣхъ, снемшихся въ любви, и во всякомъ богатствѣ извѣщенія разума, въ познаніе тайны Бога и Отца и Христа...* и проч.; Кол. 3, 12—16: *Облецытеся во утробы щедротъ... миръ Божій да водворяется въ сердцахъ вашихъ... Слово Христово да вселяется въ васъ богатно во всякой премудрости* и проч.; Еф. 5, 15—19: *Блюдите, како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри... не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія... исполняйтеся Духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ* и проч.

Изъ нихъ видно, что въ душѣ истиннаго христіанина совсѣмъ не бываетъ того нестроенія, какое неизбѣжно въ человѣкѣ, непричастномъ Духа Христова. Всѣ его способности дѣйствуютъ совмѣстно, устремлены на одно, состоятъ въ подчиненіи ему, какъ лицу,—почему и приписывается ему цѣлость, полнота, здравіе.

Въ правилахъ святыхъ подвижниковъ о томъ, какъ питать душу свою истиною Божіею чрезъ благоговѣйное размышленіе о ней, видно, какъ самымъ дѣломъ должны быть совмѣщены всѣ силы въ одномъ. Старцы Божіи заповѣдуютъ, обыкновенно, держаться при семъ слѣдующаго порядка: сосредоточь вниманіе свое на избранномъ тобою предметѣ, наприм., присутствіи Божіемъ, смерти, крещеніи, и разсматривай его съ разныхъ сторонъ. При семъ каждую родившуюся у тебя мысль старайся проводить до чувства или внѣдрять въ сердце, напр., изъ мысли о близости смерти роди страхъ или раскаяніе, изъ помышленія объ обѣтахъ крещенія радость или

печаль, и проч. Заключай же всякое размышленіе выводомъ правилъ для себя, примѣнительно къ твоей жизни и твоимъ обстоятельствамъ; напр. Богъ вездѣ есть, все видитъ, слѣд. и меня; не буду же я допускать худыхъ помысловъ,—лучше умру, нежели согрѣшу; а въ такомъ то случаѣ буду поступать такъ и такъ, чтобъ не прогнѣвать Бога, видящаго меня. Такимъ образомъ дѣйствованія, очевидно, скрѣпляются всѣ силы духа или весь составъ внутренней жизни человѣка, вся жизнь безпрерывно движется и подновляется.

Есть и другое правило, которое показываетъ, какъ всѣ силы духа должно держать въ своихъ рукахъ, именно: утромъ, по молитвѣ, сядь и расчисли, что тебѣ необходимо дѣлать въ продолженіи дня, гдѣ быть, съ чѣмъ и съ кѣмъ встрѣчаться, и примѣнительно тому напередъ опредѣли, что гдѣ помышлять, что сказать, какъ держать свою душу и тѣло и проч. Это значитъ, что истинный христіанинъ долженъ самъ держать себя въ рукахъ, самъ завѣдывать всѣми движеніями своей души, а не позволять имъ происходить самимъ собою, какъ бы безъ его вѣдома. Онъ долженъ быть самъ владыкою всего внутри его происходящаго, владыкою своихъ силъ.

Изъ всего предложеннаго можетъ всякъ усмотрѣть, что въ истинномъ христіанинѣ всѣ силы въ дѣятельности своей зависятъ отъ него самого, а не самовластно движутся, что въ сей дѣятельности вездѣ дѣйствуютъ совмѣстно, не раздробляясь и не отдѣляясь одна отъ другой, спомоществуя себѣ взаимно и взаимно возвышая общую жизнь духа, такъ что она отъ сего есть цѣла и крѣпка, есть достойный сосудъ пребывающаго и покоющагося въ немъ Бога. Въ грѣшникѣ же этого нѣтъ, а есть все противное, какъ видѣли. Самъ онъ сего не видитъ и говоритъ о себѣ, что цѣлъ и здоровъ,—въ чемъ и бѣда его. Но и тѣмъ, кои отказались отъ грѣховъ, надо вни-

мать себѣ, чтобъ не попасть хоть временно въ такое разложеніе силъ, какое бываетъ въ преданныхъ грѣху... ибо и это опасно. Уразумѣвая сіе, внимай себѣ всякъ.

Въ слѣдъ за измѣненіемъ соотношенія составныхъ частей человѣка и главныхъ его способностей не могутъ не измѣняться и существенныя свойства его лица, ибо сіе лицо есть центръ и частей, и способностей. Потому состояніе сихъ послѣднихъ непосредственно отражается въ первомъ и его опредѣляетъ, какъ и обратно имъ опредѣляется.

Между сими свойствами первое мѣсто занимаетъ *сознаніе*. Оно есть свойство, исходное для другихъ, есть прямое свойство лица и какъ бы истолкованіе его. Въ производствѣ своемъ, оно, полагая бытіе себя и бытіе существъ внѣ сущихъ, отличаетъ себя отъ нихъ и ихъ отъ себя. Слѣд. условіе къ совершенству сознанія или къ стоянію его въ своемъ чинѣ есть возвышеніе нашего лица и *надъ собою, и надъ внѣшнимъ міромъ*. Гдѣ нѣтъ сего возвышенія, тамъ сознаніе должно быть мутно, неопредѣленно, безотчетно или приближаться къ животному самочувствію.

Но о человѣкѣ, до воспріятія имъ благаго намѣренія жить свято, по христіански, о человѣкѣ, работающемъ грѣху и страстямъ, несомнѣнно извѣстно, что онъ *не возвышается надъ внѣшнимъ міромъ*, а напротивъ, увлекается имъ, живетъ въ немъ, какъ бы сорастворяется съ нимъ, почему и называется внѣшнимъ, внѣ себя живущимъ, ушедшимъ изъ себя. Въ себя приходитъ онъ уже въ обращеніи. Благосостояніе внѣшнихъ вещей своихъ онъ считаетъ благосостояніемъ собственнаго лица, и напротивъ, неблагосостояніе ихъ своимъ несчастіемъ. Оттого покушеніе на ущербъ или самый ущербъ въ одеждѣ, домѣ, мебели, мѣстѣ и проч. глубоко потрясаютъ его, поражаютъ въ самое сердце.

Не возвышается онъ также и надъ внутреннимъ своимъ міромъ, но такъ же, какъ внѣшними вещами, увлекается и механизмомъ внутреннихъ своихъ движеній. Обыкновенно говорятъ: я задумался, былъ въ забытьѣ, не помню, что со мною было и около меня... то есть, въ это время онъ увлекался движеніемъ мыслей; или: былъ внѣ себя отъ радости, убитъ горемъ, въ сердцахъ вышелъ изъ себя... то есть, предалъ себя движеніямъ сердца; или: не вспомнишься въ хлопотахъ и заботахъ: то нужно, другое нужно... то есть, безпрерывно гонятъ все впередъ и впередъ многообразныя желанія воли. Очевидно, что преданный грѣху не властенъ надъ внутренними движеніями, а втѣсненъ какъ бы въ нихъ, влечется ими, какъ воинъ, стѣсненный внутри полка. И это не на одинъ только часъ, а постоянно. Таковъ ужъ законъ его жизни внутренней: вестися, какъ ведомому.

И такъ у человѣка грѣшника яснаго сознанія быть не можетъ. Его и нѣтъ. Онъ ходитъ какъ въ туманѣ, какъ бы объуморенный, кружится какъ въ вихрѣ. Какъ полусонный слабо различаетъ предметы отъ себя и полусознаетъ только себя, таковъ и преданный страстямъ. Это явленіе очень странно: въ гордости онъ никого не считаетъ выше себя, а между тѣмъ самъ себя слабо сознаетъ.

Особенный оборотъ сознанія есть *самосознаніе*, или *самопознаніе.* Оно преимущественно обращено внутрь и различаетъ себя отъ своихъ дѣйствій, опять возносясь надъ тѣмъ и другимъ. Сіе самосознаніе еще болѣе слабо у человѣка страстнаго, лишеннаго благодати. Ибо для сего надобно *знать свои дѣйствія, знать себя* и отдѣлять себя отъ своихъ дѣйствій.

Но у него

Нѣтъ достаточнаго знанія собственныхъ своихъ дѣйствій. Онъ не знаетъ не только, что сдѣлано вчера,

даже нынѣ или за нѣсколько часовъ. Онъ находится непрестанно въ заботливомъ дѣйствованіи, а не знаетъ, что дѣлалъ, какъ будто сіи дѣйствія не отъ его лица происходили. Это отъ того, что, слишкомъ увлеченный потокомъ собственныхъ дѣйствій, и оглянуться на себя не имѣетъ онъ времени.

Нѣтъ знанія себя, ибо это знаніе слагается изъ знанія собственныхъ дѣйствій и своего отношенія ко всему прочему существующему. Но ни послѣдняго, ни перваго въ немъ нѣтъ. Потому онъ не скажетъ, что собственно онъ значитъ, что его ожидаетъ, въ какомъ онъ состояніи, какое главное его настроеніе, главный недугъ и чѣмъ помочь сему.

Потому *нѣтъ и различенія себя отъ своихъ дѣйствій*. Это опаснѣйшее изъ обольщеній лица грѣшнаго. Все, что возникаетъ внутри, считаетъ онъ собственно собою и стоитъ за то, какъ за себя, какъ за свою жизнь. Оттого и отказать себѣ ни въ чемъ не хочетъ. Между тѣмъ мало ли всѣвается въ насъ со внѣ—отъ сатаны и міра, кромѣ того, что возникаетъ отъ живущаго въ насъ грѣха, котораго тоже не слѣдуетъ считать собою?

По всѣмъ симъ причинамъ и опытамъ надо полагать, что грѣшникъ не знаетъ себя, какъ слѣдуетъ.

Такое состояніе сознанія и самосознанія у грѣшниковъ, потерявшихъ благодать, и у невѣрныхъ, непріявшихъ благодати, называется *сномъ;* почему къ каждому изъ нихъ говоритъ Апостолъ: *востани спяй* (Еф. 5, 14); также *слѣпотою сидѣніемъ во тмѣ*, и даже прямо, *тмою*. Каждый изъ таковыхъ *слѣпъ есть, мжай, забвеніе пріемъ* (2 Петр. 1, 9). Грѣшникъ живетъ въ самозабвеніи, видитъ какъ во мглѣ, и даже больше, ходитъ какъ слѣпой. Посему Спаситель, какъ обѣщано было, и пришелъ *отверсти очи слѣпыхъ, извести* отъ *узъ связанныхъ и изъ дому темницы сѣдящихъ во тмѣ*... (Исаіи

42, 7). Грѣшникъ, какъ въ темницѣ какой, заключенъ во внутренней своей тьмѣ самоневѣдѣнія и самозабвенія, изъ коей изводится Спасителемъ. Напоминая о семъ благѣ, Апостолъ Павелъ говоритъ: *Бѣсте иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (Еф. 5, 8), то есть, какъ прежде въ васъ, по густотѣ мрака, ничего не было видно, такъ теперь все видно, по благодати Господней.

И дѣйствительно, сознаніе благодатно живущаго во Христѣ совсѣмъ не то, что сознаніе работающаго грѣху и страстямъ. Они отличаются какъ свѣтъ и тьма. Первое дѣйствіе благодатнаго пробужденія грѣшника состоитъ въ извлеченіи души изъ механизма его внутренней и внѣшней жизни и въ возвышеніи надъ теченіемъ ея.. Здѣсь, слѣдовательно, полагается первая возможность сознанію истинному и полному. Съ сей минуты оно и начинается, ибо первый взоръ человѣка подъ дѣйствіемъ благодати обращается на его существенныя отношенія; на нихъ прежде всего падаетъ свѣтъ ея. За тѣмъ уже внимательный къ себѣ не сходитъ съ сей высоты духа. Око его вознесено надъ всѣмъ своимъ и надъ всѣмъ соприкосновеннымъ къ нему, и все то сознаетъ и видитъ онъ ясно, какъ стражъ какой.

Это свойство облагодатствованнаго въ Словѣ Божіемъ и въ наставленіяхъ подвижническихъ называется *бодрствованіемъ и трезвеніемъ*. Механизмъ внутренней и внѣшней жизни поминутно порывается опять вовлечь ихъ въ себя, какъ въ вихрь или пучину какую; они держатся въ себѣ. Напряженіе пребывать въ себѣ есть подвигъ трезвенія или бодрствованія, самый важный и начальный въ духовной жизни. По мѣрѣ совершенства въ трезвенной бдительности надъ собою возвышается и сознаніе.

Такъ заповѣдуется христіанамъ *трезвиться и бодрствовать, трезвиться въ молитвахъ или бодрствовать въ мо-*

литвахъ (1 Петр. 5, 8; 4, 7), и вообще, быть всесторонне бодрственными: *Вы же, братіе, нѣсте во тмѣ, да день васъ якоже тать постигнетъ. Вси бо вы сынове свѣта есте и сынове дне; нѣсмы нощи, ниже тмы. Тѣмже убо да не спимъ якоже прочіи, но бодрствуимъ и трезвимся. Спящіи бо въ нощи спятъ. Мы же сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеся въ броню вѣры и любве, и шлемъ упованія спасенія* (1 Сол. 5, 4—8). Такое стражничество надъ собою заповѣдуется христіанамъ, слѣдовательно, оно въ нихъ есть, какъ свойство.

Тоже изображается и въ правилахъ св. подвижниковъ, что есть новое доказательство того свойства христіанина, что онъ ясно зритъ себя, все свое и все вокругъ себя. Такъ у Преподобнаго Филоѳея пишется: отъ утра надлежитъ твердо содержать въ памяти Бога и, непрестанно содержа душевную молитву къ Іисусу Христу, мужественно и непреклонно стоять при дверяхъ сердца и на сей духовной стражѣ убивать всѣхъ грѣшниковъ земли (Добр. т. 3, гл. 2).

Въ слѣдствіе сего и самосознаніе, какъ дальнѣйшее развитіе или особый только оборотъ сознанія, состоитъ у истиннаго христіанина на высшей степени совершенства. Такъ

Ясно знаетъ онъ свои дѣйствія, дѣйствія не только одного дня, но недѣль и годовъ, со времени пробужденія, знаетъ не только численно, но по ихъ силѣ и смыслу, съ побужденіями, чистотою и нечистотою, вполнѣ. За тѣмъ у него есть повседневная исповѣдь.

Различаетъ себя отъ дѣйствій. На этомъ основана вся мудрая тактика въ духовной брани, ибо самое первое здѣсь дѣло есть сознаніе врага. За тѣмъ всякое движеніе у него сейчасъ оцѣнивается, откуда оно и что значитъ. Взоръ внутрь себя въ семъ отношеніи у него такъ глубокъ, что онъ не только вообще неправыя движе-

нія видитъ, но и между ними различаетъ свои отъ несвоихъ. Въ этомъ и состоитъ извѣстное у св. подвижниковъ *различіе вещей или помысловъ.*

Знаетъ, что онъ значитъ самъ, что его ожидаетъ, въ какомъ онъ состояніи, въ какихъ отношеніяхъ къ другимъ...

Изъ всѣхъ сихъ свойствъ слагается тотъ внутренній свѣтъ, который приписывается истиннымъ христіанамъ и по которому вся ихъ жизнь называется хожденіемъ во свѣтѣ или дѣланіемъ въ день.

Второе свойство человѣческаго лица есть *разумно-свободная самостоятельность.* Состояніе этого свойства опредѣляется уже состояніемъ сознанія, ибо они служатъ взаимнымъ другъ для друга отраженіемъ. Слѣдовательно, въ истинномъ видѣ и оно бываетъ только у христіанъ истинныхъ, а у преданныхъ грѣху можно видѣть только тѣнь его. Самостоятельность, свойственная человѣку, отличается *разумностію и свободою. Разумность* требуетъ, чтобъ дѣйствія располагались по своему усмотрѣнію, своимъ цѣлямъ и своеличному распоряженію разумному. Признакомъ его отличительнымъ служитъ то, если мысль всегда предшествуетъ желанію; напротивъ, гдѣ желаніе правитъ мыслію, тамъ отсутствіе или неблагосостояніе сего свойства не подлежитъ никакому сомнѣнію. У человѣка грѣшника, не водимаго и не укрѣпляемаго благодатію, такъ и есть. Мы видѣли уже, что онъ преданъ механизму внутреннихъ движеній; и Слово Божіе говоритъ о немъ, что онъ *творитъ* только *волю плоти и помышленій* (Еф. 2, 3) и ходитъ въ *своихъ похотяхъ* (2 Петр. 3, 3), то есть, какъ захотѣлъ, такъ и дѣлаетъ, тогда какъ слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ находитъ человѣкъ сообразнымъ съ собственнымъ своимъ назначеніемъ.

Свобода состоитъ въ томъ, чтобъ располагать дѣйствіями безъ всякаго насилія и увлеченія со внѣ или изъ

внутри, прямо отъ лица. Отличительный ея признакъ —независимость и непринужденность. Если бы кто хотѣлъ сдѣлать что по своему усмотрѣнію, а между тѣмъ бываетъ вынуждаемъ дѣлать иначе, то свобода сія очевидно была бы въ узахъ. Такою она изображена Апостоломъ Павломъ въ человѣкѣ грѣшникѣ, о которомъ въ своемъ лицѣ говоритъ онъ: *не еже хощу, сіе творю, но еже ненавижу, то содѣлаю.* Сіи узы налагаются:

Грѣхомъ, живущимъ въ насъ: уже не азъ сіе творю, говоритъ тамъ же Апостолъ, *но живый во мнѣ грѣхъ... Вижду бо инъ законъ во удѣхъ моихъ, противовоюющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Рим. 7, 14—23). Силу сего грѣха больше, всего испытываетъ, чувствуетъ и знаетъ по опыту тотъ, кто пришелъ въ сознаніе своей господствующей страсти и собирается одолѣть ее. Онъ видитъ, какъ ведется вслѣдъ своей похоти, влекомъ и прельщаемъ, какъ невольникъ (Іак. 1, 14). Посему таковые въ Словѣ Божіемъ называются *рабами грѣха* (Рим. 6, 7—20), *проданными подъ грѣхъ* (Рим. 7, 14); *имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19).

Міромъ. Надъ человѣкомъ, непріявшимъ благодатной силы, господствуетъ сила и власть страстныхъ обычаевъ мірскихъ и духа, дѣйствующаго въ мірѣ, до того, что ему и на мысль даже не можетъ придти рѣшиться на что нибудь противное. „Никакъ нельзя: такъ принято.“ Этимъ выражается общее сознаніе своего рабства духу міра. Поддерживается сія власть нѣкоторою боязнію или страхомъ за жизнь. Ибо иначе надобно выдти изъ міра, куда же?! Посему въ Словѣ Божіемъ они и называются *порабощенными подъ стихіями міра* (Гал. 4, 3), *ходящими по вѣку міра сего* (Еф. 2, 2), *по преданію человѣческому и по стихіямъ міра* (Кол. 2, 8).

Діаволомъ. Онъ дѣйствуетъ чрезъ міръ и грѣхъ, въ

насъ живущій; потому большею частію сокрыты узы его. Но если покаявшійся человѣкъ осмотрится и сообразитъ прежнюю свою жизнь, то найдетъ, что въ пути его къ погибели была соблюдаема самая хитрая сообразительность, не его впрочемъ и не другихъ людей. Чья же? очевидно, чья—человѣкоубійцы искони. Слѣдовательно, надобно сказать, что каждый грѣшникъ, какъ и всѣ грѣшники, суть лица, состоящія въ распоряженіи злаго духа или суть рабы его. Рабство сіе выражается въ отвращеніи грѣшника отъ всего священнаго и въ его безсиліи привлечь себя къ чему либо такому. Въ Словѣ Божіемъ грѣшники, чуждые Духа Христова и благодати его, прямо называются *рабами діавола, содержащимися въ области его* (Дѣян. 26, 18) и сѣтяхъ, и суть *живи уловлени отъ него въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26).

Такимъ образомъ и второе свойство, разумно-свободная самостоятельность, у людей, не пріявшихъ въ себя благодатныхъ, возстановительныхъ силъ, въ худомъ и униженномъ состояніи. Напротивъ, у пріявшихъ сіи силы она является въ истинномъ своемъ значеніи.

Что касается до *разумности*, она у нихъ дѣйствуетъ со всею силою уже потому, что они извлечены силою благодати изъ внутренняго своего механизма и вознесены надъ своими дѣйствіями; особенно же потому, что, съ минуты обращенія къ Богу и возсоединенія съ Нимъ благодатію, всякое у нихъ дѣйствіе производится не иначе, какъ по сознанію воли Божіей на него,—всякое дѣйствіе, и внутреннее, и внѣшнее. Они уже не ктому *человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти живутъ время* (1 Петр. 4, 2). Жизнь по волѣ Божіей есть въ высочайшей степени жизнь разумная. Здѣсь воля Божія чрезъ покорный внушеніямъ ея разумъ правитъ всѣми дѣлами и всѣмъ ходомъ жизни и ведетъ человѣка къ послѣдней его цѣли. Отсюда строй, цѣлость жизни.

И *свободнымъ* въ полномъ смыслѣ можно назвать только того, у кого жизнь устрояется показаннымъ образомъ. Тотъ только и свободенъ истинно, *кого освободитъ Іисусъ Христосъ* (Гал. 5, 1); тамъ только и *свобода, гдѣ Духъ Господень* (2 Кор. 3, 17). Пребывающій въ Господѣ Іисусѣ Божественною силою Духа христіанинъ наслаждается отраднымъ состояніемъ свободы (Рим. 8, 2). Грѣхъ имъ не обладаетъ (Рим. 7, 7—12); изъ міра онъ изъятъ (Іоан. 15, 19) и небоязненно готовъ говорить истину предъ владыками (Мат. 10, 8); діавола и всю силу вражію онъ попираетъ (Лук. 10, 19). Поэтому онъ стоитъ, какъ столпъ твердый, не колеблясь никакими противностями; никакія стеченія обстоятельствъ не овладѣваютъ имъ; а напротивъ, онъ ими располагаетъ по своему усмотрѣнію или ведетъ себя среди ихъ, не измѣняя своего настроенія и главныхъ своихъ преднамѣреній.

Послѣднее наконецъ свойство человѣческой природы —*жизнь* у человѣка грѣшника, по указанію Слова Божія, совсѣмъ утрачивается. Оно почти иначе и не называетъ его, какъ мертвымъ, который только имя имѣетъ, *яко живъ*, а въ самомъ дѣлѣ есть *мертвъ* (Апок. 3, 1). Мертвость сію оно *производитъ отъ грѣха* (Еф. 2, 1—5; Кол. 2, 13), который *раждаетъ смерть* (Іак. 1, 15), есть *жало смерти*, всѣхъ уязвляющее на смерть (1 Кор. 15, 56), и за которымъ *смерть* слѣдуетъ *какъ оброкъ* (Рим. 6, 23).

Мертвящая сила грѣха состоитъ

Въ отчужденіи человѣка отъ Бога. Грѣшникъ *отчужденъ отъ жизни Божіей* (Еф. 4, 18) и живетъ какъ бы безъ Бога (Еф. 2, 12). Богообщеніе, вещи Божественныя и духовныя составляютъ естественную пищу нашего духа, или какъ бы его стихію. Отпадши оттуда, онъ принужденъ теперь быть не въ естественномъ себѣ мѣстѣ и умирать, какъ безъ пищи и безъ воздуха.

Въ разстройствѣ силъ и способностей. Жизнь человѣка состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи силъ его природы и ихъ взаимнодѣйствіи, соотвѣственно ихъ природѣ. Если сіе законное соотношеніе ихъ отнято, какъ видѣли, то и жизни, и дѣятельности въ человѣкѣ, свойственной человѣку, нѣтъ. На видъ онъ человѣкъ, а по настроенію внутреннему—не истинный человѣкъ. Какъ инструментъ разстроенный по виду есть тотъ или другой; а по звукамъ не знать какой, такъ судить должно и о человѣкѣ, котораго внутреннее разстроено грѣхомъ. Въ семъ отношеніи надобно сказать, что въ немъ умерло или утрачено истинно-человѣческое, или то, что свойственно человѣку. Какъ мертвый не видитъ, не слышитъ, не движется, такъ и человѣкъ грѣшникъ не видитъ, не слышитъ и не движется по человѣчески: дѣлаетъ дѣла, но *мертвыя* (Евр. 6, 1; 9, 14).

Въ отъятіи и какъ бы убитіи силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Грѣхъ названъ ядомъ: и точно, онъ есть ядъ. Какъ ржа съѣдаетъ желѣзо, такъ онъ съѣдаетъ душу и тѣло. Онъ отнимаетъ у ума живость, сообразительность, быстроту, у воли — крѣпость и стойкость, у сердца— вкусъ и тактъ. Ядовитость же грѣха для тѣла всѣмъ очевидна. Въ семъ отношеніи человѣкъ, работающій грѣху, есть тоже, что умирающій или томящійся предсмертно. Какъ ощутительно это выражается въ безпрерывномъ безотрадномъ состояніи человѣка грѣшника! Жизни свойственна радость, но нѣтъ радости у нечестиваго.

По опредѣленію Божію на всякомъ человѣкѣ лежитъ законъ: *смертію умреши* (Быт. 3, 2). Всякій входящій въ міръ сей вступаетъ въ область смерти и чрезъ смерть временную долженъ подпасть смерти второй, вѣчной. Такой и есть естественный порядокъ жизни человѣка падшаго и пребывающаго въ паденіи. Измѣненіе въ немъ производится только Божественною благодатію.

Она, пришедши, зараждаетъ въ человѣкѣ истинную жизнь во Христѣ Іисусѣ. Воспріявшій въ себѣ благодать полагаетъ въ своемъ растлѣніи нетлѣнное сѣмя, которое возрастаетъ въ древо жизни. Кто удостоивается сего, тотъ изъемлется изъ челюстей смерти, а кто нѣтъ, тотъ *пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. 3, 14); не вѣруяй не узритъ живота (Іоан. 3, 36).

Такъ вѣрующій, сочетаваясь со Христомъ, принимаетъ *новую жизнь* (Рим. 11, 15) и потому переходитъ *отъ смерти въ животъ* (1 Іоан. 3, 14); *изъ мертваго* становится *живымъ* (Рим. 6, 13). Это зависитъ отъ того, что при семъ соединяется человѣкъ съ Богомъ, источникомъ жизни. Онъ уже *имѣетъ въ себѣ Сына*, а съ нимъ *животъ* (1 Іоан. 5, 12) и принялъ *Духа животворящаго* (Рим. 8, 10); *животъ его сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3); ибо не *къ тому онъ живетъ — но живетъ въ немъ Христосъ* (Гал. 2, 20).

Сила новаго рожденія и жизни начинаетъ истреблять въ человѣкѣ грѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожать и слѣдствія грѣха—разстройство силъ и частей его существа, или возстановлять въ немъ жизнь истинную, которая въ немъ множится, растетъ,, приходитъ отъ силы въ силу и преисполняетъ его отрадою. А здѣсь сподобившись пріять духа жизни, онъ и вѣчно будетъ жить, ибо надъ нимъ смерть вторая не возъимѣетъ власти.

Сія новая жизнь нынѣ сокровенна въ искренно работающихъ Господу и даже большею частію сокрыта и отъ нихъ. Она зрѣетъ какъ бы подъ покровомъ тлѣнія, строя, и составляя тамъ новаго человѣка или человѣка вѣчности. Но потомъ, какъ плодъ изъ древа или древо изъ сѣмени, изъ него явится сія жизнь во всемъ свѣтѣ. Силу свою она воспринимаетъ постепенно, подобно закваскѣ, постепенно исполняющей тѣсто, ибо постепенно изъ-

емлетъ изъ смерти части наши, одну за другою... Переполнивши же все, тлѣнное оставляетъ тлѣнію, а живое предаетъ или переноситъ въ область жизни, въ міръ Божественный.

в).

Состояніе силъ—аа) познавательныхъ, бб) желательныхъ и вв) чувствующихъ въ христіанинѣ и грѣшникѣ.

Теперь обращаюсь къ подробному указанію дѣйствія жизни истинно христіанской—благодатной и дѣйствія грѣха на каждую въ частности силу и способность человѣка. Тутъ яснѣе будетъ, какъ какую часть нашу поражаетъ грѣхъ, какъ зловредная роса цвѣтъ и какъ потомъ въ обратившемся грѣшникѣ Божія благодать снова оживляетъ ее и являетъ въ ея истинномъ видѣ. Прежде было помянуто, что въ насъ есть три силы и показано, въ какомъ онѣ находятся соотношеніи въ грѣшникѣ и праведникѣ. Но то было сказано вообще; теперь подробнѣе о томъ же. И вотъ смотрите. Не мудрено замѣтить, что внутри насъ есть три рода дѣйствій: *мысли*, представленія, соображенія; *желанія*, склонности, предпріятія, и *чувства* всякаго рода. Но какъ въ составѣ существа нашего нельзя не различать трехъ частей: тѣла, души и духа, то и тѣ три рода дѣйствій являются въ насъ на трехъ степеняхъ, или въ трехъ состояніяхъ, именно: животномъ, душевномъ и духовномъ. Полагая теперь въ основаніе каждому изъ сихъ кругу дѣйствій особую силу, мы должны сознать девятерную іерархію силъ, во внутреннемъ нашемъ мірѣ качествующихъ и дѣйствующихъ подъ прикрытіемъ тѣла, этого грубаго вещественно-стихійнаго состава, какъ и въ природѣ девятерная іерархія вещественныхъ силъ дѣйствуетъ подъ видимымъ нами грубымъ

составомъ нашей планеты и какъ въ мірѣ невидимомъ духовномъ есть девять чиновъ Ангельскихъ.

аа) Состояніе силъ познавательныхъ.

Будемъ описывать каждую изъ сихъ девяти силъ подъ дѣйствіемъ грѣха и вліяніемъ благодати. Начнемъ съ тѣхъ силъ, кои занимаются познаніемъ вещей или указаніемъ человѣку истины.

Между сими силами на нисшей степени стоитъ *наблюденіе съ воображеніемъ и памятью,* которыми собираются матеріалы; за тѣмъ слѣдуетъ *разсудокъ,* которымъ сіи матеріалы преобразуются въ познанія; надъ всѣми же ими возвышается *разумъ,* который познаетъ вещи невидимыя и духовныя и внутреннѣйшія стороны вещей, уже познанныхъ разсудкомъ.

а) Состояніе высшей способности познанія, или разума.

Предметъ познаній разума есть верховное Существо— Богъ, съ безконечными Своими совершенствами, и Божественный, вѣчный порядокъ вещей, отражающійся какъ въ нравственно-религіозномъ устройствѣ міра духовнаго, такъ и въ сотвореніи и промышленіи, или въ устройствѣ тварей, и ходѣ происшествій и явленій природы и человѣчества. Все это предметы сокровенные, таинственные, и разумъ въ истинномъ своемъ видѣ есть созерцатель таинствъ Божества, духа и міра вещественнаго.

Возможность такого вѣдѣнія основывается на томъ, что духъ нашъ самъ изъ міра духовнаго и имѣетъ къ нему нѣкоторое предрасположеніе, нѣкоторое его чаяніе и требованіе. Такъ, опытъ показываетъ, что у насъ есть потребность Божества, нравственнаго порядка, порядка промышленія, лучшей жизни вѣчной, и проч., и есть общая вѣра во всѣ сіи предметы. Такія требованія, вѣрованія, чая-

нія обыкновенно называются идеями, или неопредѣленнымъ созерцаніемъ чего-то лучшаго по бытію и совершенствамъ, нежели то, что мы знаемъ вокругъ себя. Сіи идеи, сколько увѣряютъ, что духъ нашъ изъ оного міра, столько же показываютъ, что онъ не лишенъ возможности познавать его.

Хорошо надо помнить, что изъ того, что у насъ есть идеи, можно заключить только къ возможности познанія и созерцанія міра невидимаго, духовнаго, а не къ дѣйствительности его, подобно тому, какъ изъ присутствія зрительной силы въ нашемъ глазѣ, видна только возможность зрѣть вещи, а самое зрѣніе подлежитъ своимъ условіямъ.

Кто считаетъ идеи дѣйствительнымъ созерцаніемъ, тотъ дѣлаетъ большую ошибку. Идеи доказываютъ только, что есть невидимыя вещи, подобно тому, какъ требованіе пищи доказываетъ, что есть пища; а что такое тѣ предметы, каковы они, гдѣ,—это еще надобно узнавать. Притомъ и сіе указаніе на бытіе невидимаго міра не есть непосредственное, а посредственное, умозаключительное. Убѣдительно же оно по сильному только его желанію, а не само по себѣ, такъ что умали или уничтожь желаніе тѣхъ невидимыхъ вещей, умалится или уничтожится и самое убѣжденіе въ бытіи ихъ.

Въ такомъ состояніи вѣдѣніе духовное, или разумъ, находится во всякомъ человѣкѣ, приходящемъ въ міръ сей. Оно является въ видѣ требованій невидимаго міра, сопровождающихся убѣжденіемъ въ дѣйствительномъ бытіи его, но безъ дѣйствительнаго и вѣрнаго о немъ познанія. Разумъ есть только зрительная духовнаго міра сила. Очевидно, что, для дальнѣйшаго развитія, или размноженія сего знанія, необходимо упражнять сію силу зрѣнія духовнаго дѣйствительнымъ зрѣніемъ, подобно тому, какъ зрительную силу глаза упражняетъ и разнообразитъ опытность зрѣнія нашего въ дѣйствительномъ

зрѣніи. А для сего необходимо входить съ тѣмъ міромъ въ непосредственное сношеніе и соприкосновеніе, какъ чувственный глазъ входитъ въ такое сношеніе съ вещами чувственными, то есть, необходимо быть въ общеніи съ Богомъ и міромъ духовнымъ. Безъ сего общенія, вѣдѣніе духовное навсегда въ духѣ нашемъ останется въ видѣ предположительнаго требованія и никогда не взойдетъ на степень знанія яснаго, дѣйствительнаго, опредѣленно-убѣдительнаго, подобно тому, какъ слѣпой, съ закрытыми глазами, у которыхъ не повреждена однакожъ сила зрѣнія, будетъ знать только, что вѣрно есть свѣтящіяся и освѣщаемыя вещи, но знать ихъ опредѣленно не возможетъ, пока не откроются глаза его. Причина сему—паденіе въ грѣхъ и пребываніе въ семъ паденіи. Вмѣстѣ съ отпаденіемъ отъ Бога, духъ нашъ отпалъ отъ всего Божественнаго и духовнаго, не входитъ съ Богомъ въ непосредственное сношеніе, не видитъ Его, не созерцаетъ, сталъ слѣпъ для Него. Надобно возвратить его въ прежнее состояніе, чтобъ онъ могъ знать Его ясно и опредѣленно. Если теперь сіе условіе можетъ быть исполнено только, когда человѣкъ воспріиметъ возстановительныя силы въ христіанствѣ; то очевидно, что внѣ истиннаго христіанства, дѣятельно усвояемаго, разумъ слѣпъ, не знаетъ духовныхъ вещей, а только требуетъ знанія ихъ, имѣетъ идеи о нихъ, но неопредѣленныя, неясныя, предположительныя.

Между тѣмъ предметы невидимаго міра, по своей высотѣ и особенно по родству съ нашимъ духомъ, не могутъ не занимать человѣка, не могутъ не возбуждать въ немъ желанія разгадать ихъ. Это всегда и есть. Рѣдкая усыпленная душа не хочетъ узнать, что такое оный міръ? Многіе надъ тѣмъ трудятся. Какой же плодъ сего труда? Если одинъ путь къ истинному его познанію—опытъ духовный, отъ дѣйствительнаго вкушенія вещей

духовныхъ, возможнаго лишь для человѣка, возстановленнаго благодатію; то очевидно, что самодѣльное его познаваніе не должно обѣщать многаго. Чтобъ увѣриться въ семъ, стоитъ только посмотрѣть на способы, какіе, внѣ истиннаго пути, употребляетъ для сего разумъ, оставленный себѣ. Изъ нихъ извѣстны два: одинъ состоитъ въ умозаключительномъ восходѣ отъ нисшаго къ высшему, другой надѣется на уясненіе идей механическимъ переходомъ ихъ отъ одной силы къ другой внутри насъ. Въ томъ и другомъ сознается неясность и неполнота духовнаго вѣдѣнія, и рѣшается вопросъ: какъ уяснить и пополнить сіе знаніе?

Подъ первымъ разумѣется вотъ что: заключать отъ дѣйствій къ причинѣ всего—Богу, приписывая Ему въ высочайшей степени то, что можетъ быть Ему свойственно, и отрицая то, что Ему свойственнымъ быть не можетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что симъ путемъ не мало можно пояснить тайную область идей: но, кромѣ того, что такое знаніе касается не всего объема невидимыхъ вещей, а только одного Божества, хотя это и главный предметъ,— оно тоже не прямо, не непосредственно, слѣдовательно также остается по прежнему предположительнымъ.

Потому оно никакъ не удовлетворяетъ, а всегда заставляетъ ожидать новыхъ подтвержденій и доказательствъ, какъ это очень сильно выразилъ Платонъ. При немъ можно сказать только: кажется такъ и такъ; но когда кто скажетъ: можетъ быть и не такъ?—не всегда умъ найдется, что на это отвѣтить.

Тѣмъ больше это приходится испытывать, что здѣсь же опытъ приводитъ ко многимъ нерѣшимымъ вопросамъ, касательно, напримѣръ, Божественнаго Промышленія или слишкомъ большаго вліянія вещества на духъ. Мало ли людей, кои, смотря на тайную, непостижимую связь происшествій, говорятъ: есть ли кто, приводящій все

сіе въ движеніе; есть ли свобода; что духъ? и проч. А это и заставляетъ разумъ, если не оставаться въ рѣшительномъ сомнѣніи, то часто съ грустію испытывать сильныя нападенія со стороны сего врага истины. Вотъ плодъ показаннаго способа. А о тотъ уже нечего и говорить, что, при неправомъ его употребленіи, онъ можетъ вести къ опаснымъ заблужденіямъ, какъ уже это случалось и на самомъ дѣлѣ. Отъ чего Эпикуръ устранялъ Бога отъ міроправленія?—Оттого, что судилъ о Немъ по своему настроенію, что любилъ самъ предаваться сладкому бездѣйствію и покою. Отъ чего Оригенъ дошелъ до мысли о несовмѣстности вѣчныхъ мученій съ благостію Божіею?— Оттого, что судилъ о Немъ по своему мягкосердію и поблажливому нраву. Тоже и другіе могутъ представлять себѣ и представляютъ Бога только грознымъ и неразборчивымъ деспотомъ. А жизнь вѣчную какъ—какъ не изображаютъ? И объ Ангелахъ, и о способахъ спасенія, и о прочемъ какъ не судятъ? Всякій судитъ по себѣ, по своимъ наличнымъ познаніямъ и своему настроенію. И, очевидно, во всемъ этомъ извращаютъ истину и превращаютъ ее въ ложь, оттого что не тѣмъ путемъ идутъ къ знанію тѣхъ вещей.

О второмъ способѣ нечего почти и говорить. Онъ походитъ на баснословное похожденіе идей во внутреннемъ нашемъ мірѣ. По нему сначала идеи падаютъ въ сознаніе, отсюда въ сердце, потомъ онѣ принимаются фантазіею, далѣе наконецъ разсудкомъ, который и строитъ изъ нихъ понятія, сужденія и умозаключенія. Очевидно, что это изображеніе совершенно чуждо опыта, выдумано и ни кѣмъ не можетъ быть въ себѣ сознано. Однакожъ оно очень ясно показываетъ, что разумъ самъ не знаетъ, какъ ему познать невидимый міръ, потерялъ истинный къ тому способъ и придумываетъ то то, то другое, и въ этотъ смятеніи попадаетъ на смѣшное и нелѣпое;

ибо, если предметъ не совсѣмъ видѣнъ, надобно идти къ нему, а не вертѣться, или принимать самому разныя положенія, оставаясь въ одинаковомъ отъ него отдаленіи. Неясное въ насъ самихъ непонятно, какъ въ насъ же самихъ можетъ и уясниться само? Пусть впрочемъ и можно вытѣснить изъ себя какія нибудь мысли при семъ поворачиваніи или треніи идей; все не видно, откуда онѣ могутъ пріобрѣсть достовѣрность и силу убѣжденія. Если сами идеи только предположительны, то что и все развитое изъ нихъ?

И такъ въ разумѣ, пребывающемъ въ отдаленіи отъ Бога и благодати Его, *знаніе* о мірѣ духовномъ, которое онъ достаетъ изъ развитія идей предположительнаго достоинства и способами невѣрными и ненадежными,—

Само предположительно, недоумѣнно у всѣхъ, никого не исключая. Что и какъ?—эти вопросы разумъ такой всегда будетъ себѣ предлагать и никогда не рѣшитъ ихъ самъ;

Всегда почти невѣрно, ибо берется не съ натуры вещей тѣхъ, а образуется по вещамъ другимъ, противоположнымъ;

И само собою оно *можетъ касаться только малой части* всего—очевиднѣйшей, каково бытіе Божіе и Его свойства. Что же касается до законовъ Божественнаго міроправленія, до нравственно-религіознаго порядка міра духовнаго и особенно до таинства спасенія рода человѣческаго, это или совсѣмъ не имѣется въ мысли, или является въ видѣ самыхъ мечтательныхъ предположеній.

Должно при этомъ замѣтить, что даже, когда разуму дается доступъ въ откровеніе, то и тогда, хотя мнѣнія нелѣпыя исправляются, недостающее восполняется, но предположительность все еще остается, въ какихъ бы то степеняхъ ни было. И тогда знаетъ онъ сіи предметы, какъ умозрѣніе, и, пока не вкуситъ ихъ самымъ дѣломъ,

не знаетъ, какъ они есть на дѣлѣ. Посему очень многія истины, и между ними истины спасенія, содержатся въ умѣ, какъ нѣчто чуждое, туда положенное со внѣ, но не сорастворившееся съ самою природою ума. Оттого далѣе, даже и послѣ полнаго ихъ изученія, значеніе ихъ все еще перебивается сомнѣніями и недоумѣніями, нерѣшительностію, готовою всѣмъ колебаться, какъ стебель отъ легкаго дыханія вѣтра. Вотъ что говоритъ о такомъ познаніи святой Макарій Египетскій:

„Тѣхъ, которые возвѣщаютъ духовное ученіе, не вкусивъ и не испытавъ онаго, почитаю я подобными человѣку, лѣтомъ въ жаркій полдень идущему по пустой и безводной странѣ; потомъ, отъ сильной и палящей жажды, представляющему въ умѣ своемъ, будто близь него находится прохладный источникъ, имѣющій сладкую и прозрачную воду, и будто онъ безъ всякаго препятствія пьетъ изъ него до сыта; или—человѣку, который ни мало не вкусилъ меда, но старается другимъ изъяснить, какова его сладость. Таковы, по истинѣ, тѣ, которые, самымъ дѣломъ и собственнымъ дознаніемъ не постигнувъ того, что принадлежитъ къ совершенству, освященію и безстрастію, хотятъ наставлять въ семъ другихъ. Ибо, если Богъ даруетъ имъ хотя нѣсколько почувствовать то, о чемъ они говорятъ, то они, конечно, узнаютъ, что *истина и дѣло* не походятъ на ихъ разсказъ, но весьма много различествуютъ отъ него“ (Сл. о возв. ума, гл. 18).

„Имѣющіе внутри себя Божественное богатство Духа, если сообщаютъ кому нибудь духовное ученіе, то, какъ бы вынося собственное сокровище, даютъ имъ. Напротивъ, тѣ, кои не имѣютъ сего богатства внутри сердца, изъ котораго струятся благія Божественныя мысли, тайны и необыкновенныя *реченія* глаголовъ, схвативъ только нѣсколько цвѣтовъ изъ обоихъ Завѣтовъ Писанія,

носятъ ихъ на *концѣ языка* или, бывъ слушателями духовныхъ мужей, тщеславятся ихъ ученіемъ, предлагаютъ оное, какъ будто свое собственное, присвояя себѣ чуждое пріобрѣтеніе“ (Сл. о любви, гл. 5).

„Тѣ даже, кои исполняютъ добродѣтели, прилежатъ Слову Божію, но не освободились отъ страстей,—и тѣ подобны людямъ, *ходящимъ ночью при свѣтѣ звѣздъ*, которыя суть заповѣди Божіи; ибо, какъ они еще не совершенно освободились отъ тьмы, то невозможно имъ хорошо *все видѣть*.... Они хорошо дѣлаютъ, что обращаются къ нему (къ слову пророческому), какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, пока не начнетъ разсвѣтать день и не возсіяетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ нашихъ (2 Петр. 1, 19). Но многіе ничѣмъ не различествуютъ отъ тѣхъ, *кои ходятъ среди ночи совершенно безъ свѣта* и кои не пользуются даже малымъ онымъ сіяніемъ, которое есть Слово Божіе, могущее свѣтить ихъ душамъ, и потому (почти) похожи на слѣпыхъ. Это суть тѣ, кои совершенно связаны цѣпями вещества и житейскими узами“.... (Сл. о свободѣ ума, гл. 27).

Вотъ состояніе разума или вѣдѣнія міра невидимаго у людей необлагодатствованныхъ! Въ какомъ видѣ оно у тѣхъ, кои пріяли Духа благодатнаго, можно судить уже по противоположности, то есть: оно должно быть ясно, живо, опытно, несомнѣнно, истинно, потому что заимствуется изъ опытнаго вкушенія самыхъ вещей невидимыхъ; должно быть и полно: знать и Бога, и Его свойства, и законы міроправленія, и тайны искупленія, особенно послѣднія, потому что чрезъ искупленіе умъ вводится въ тотъ міръ. Опять отсылаю хотящихъ къ святому Макарію. Пусть посмотрятъ, какъ онъ изображаетъ сіе духовное вѣдѣніе. Сокращенно его мысли можно совмѣстить въ слѣдующемъ положеніи: паденіемъ за-

крылось око ума, и человѣкъ погрязъ во тьму. Благодать Святаго Духа, чрезъ возрожденіе приводя человѣка въ живое общеніе съ Господомъ Іисусомъ Христомъ и Богомъ, вводитъ его въ духовный міръ и показываетъ всѣ сокровенныя тайны Божіи, которыя онъ здѣсь и познаетъ опытно, истинно, полно.

Вотъ самыя мѣста:

„Когда человѣкъ преступилъ заповѣдь Божію и лишился райской жизни, тогда онъ связанъ сталъ какъ бы двумя цѣпями: во первыхъ, цѣпью житейскихъ заботъ... во вторыхъ, цѣпію невидимою; ибо душа отъ духовъ злобы связана нѣкими узами тьмы, такъ что не можно ей ни любить Бога, ни вѣровать въ Него, ни заниматься молитвою по ея желанію“ (О своб. ума, гл. 29).

„Когда Христосъ, сія первая и существенная благодать, послалъ Божественнымъ ученикамъ даръ Духа, то съ тѣхъ поръ Божественная сила, осѣняя всѣхъ вѣрующихъ и обитая въ душахъ ихъ, врачуетъ грѣховныя страсти и освобождаетъ отъ тьмы и смерти; но до того времени душа была въ ранахъ, содержалась подъ стражею и объята была грѣховнымъ мракомъ. Да и нынѣ душа, не удостоившаяся еще имѣть общеніе съ Господомъ и силу Святаго Духа, которая бы дѣятельно всею силою и полнотою ее осѣняла, находится во тьмѣ, а у тѣхъ, на кого низошла благодать Духа Божія и у кого поселилась она во глубинѣ ума, Господь есть какъ бы душа: *соединяющійся съ Господомъ*, говоритъ Апостолъ, *становится одинъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. 6, 17)“. (Тамъ же, гл, 12).

„Мы всѣ, то есть, совершенною вѣрою рожденные отъ Духа, открытымъ лицемъ взираемъ на славу Божію.... Когда кто обратится ко Господу, взимается покрывало.... (2 Кор. 3, 17. 18). Симъ ясно показалъ Апостолъ, что

на душѣ лежало покрывало тьмы, которая, со времени преступленія Адамова, имѣла свободный входъ въ человѣчество; нынѣ же она, чрезъ осіяніе Духа, снимается съ вѣрующихъ и истинно достойныхъ душъ. Для сей самой причины и было пришествіе Іисуса Христа, ибо угодно было Богу, чтобъ истинно вѣрующіе приходили въ сію мѣру святости" (Тамъ же, гл. 22).

„Благодать, пришедши чрезъ очищеніе внутренняго человѣка и ума, *снимаетъ покрывало сатаны*, послѣ преступленія возложенное на человѣковъ, и очищаетъ душу отъ всякой скверны и помысла нечистаго, желая, чтобы она, возвратясь въ собственное естество, открытыми и ясными очами усматривала славу истиннаго свѣта. Таковые отселѣ восхищаются уже въ тотъ вѣкъ и *видятъ тамошнія красоты и чудеса*. Какъ тѣлесное око, неповрежденное и здоровое, свободно смотритъ на сіяніе солнечное, такъ и сіи, посредствомъ просвѣщеннаго и очищеннаго ума, повсюду усматриваютъ неприступное сіяніе Господа" (Сл. о возв. ума, гл. 13).

„Какъ невозможно безъ глазъ, языка, ушей и ногъ смотрѣть, говорить, слышать, ходить,—такъ равно невозможно, безъ Бога и сообщаемаго Имъ дѣйствія, участвовать въ Божественныхъ тайнахъ, постигать Божественную мудрость, или богатѣть по духу. Ибо Греческіе мудрецы упражняются въ наукахъ и ревностно занимаются словопреніями, но рабы Божіи, хотя бы и незнакомы были съ науками, совершенствуются знаніемъ Божественнымъ и благодатію Божіею" (Тамъ же, гл. 15).

„Блаженны по истинѣ и счастливы по жизни и сверхъестественному наслажденію тѣ, кои, посредствомъ пламенной любви къ добродѣтельной жизни, получили *опытное* и *ощутительное* познаніе небесныхъ таинъ Духа и имѣютъ жилище свое на небесахъ! Они превосходятъ всѣхъ людей, и вотъ доказательство тому ясное: кому

изъ сильныхъ или мудрыхъ, или разумныхъ, обращающихся на землѣ, случилось взойти на небо, производить тамъ дѣла духовныя и зрѣть красоты Духа? Между тѣмъ, по видимому, нищій, крайне нищій и уничиженный, ни мало неизвѣстный даже и сосѣдямъ, падши на лице свое предъ Господомъ, подъ руководствомъ Духа восходитъ на небо и въ твердой вѣрѣ души своей наслаждается тамъ чудесами, тамъ дѣйствуетъ, тамъ имѣетъ жилище, какъ говоритъ Божественный Апостолъ: *наше житіе на небесахъ* (Фил. 3, 20); и еще: *чего не видалъ глазъ, не слыхало ухо, и что на сердце человѣку не приходило, то приготовилъ Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9), и потомъ прибавляетъ: *а намъ Богъ открылъ Духомъ Своимъ* (1 Кор. 2, 10)“ (Сл. о любви, гл. 17).

„Имѣющій благодать, укоренившуюся въ душѣ и сорастворившуюся съ нею..., позналъ на опытѣ иное богатство, иную честь и иную славу и питаетъ душу нетлѣнною радостію, и ощущаетъ и вполнѣ наслаждается оною чрезъ сообщеніе съ Духомъ“ (Тамъ же, гл. 22).

„Сколько есть различія между разумнымъ пастыремъ и безсловесными скотами, столько таковый человѣкъ смысломъ, знаніемъ и разсужденіемъ различествуетъ отъ другихъ людей, ибо онъ имѣетъ иной духъ и иной умъ, иной смыслъ и иную мудрость, нежели какова мудрость міра сего“ (Тамъ же, гл. 23). (Многообразныя откровенія благодати,—тамъ же, гл. 6).

„Божественный Апостолъ Павелъ точно и ясно показалъ, что совершенное таинство Христово опытно познаетъ вѣрующая душа по дѣйствію Божію, которое есть сіяніе небеснаго свѣта въ откровеніи и силѣ Духа, дабы кто не подумалъ, что освѣщеніе Духа бываетъ только посредствомъ познанія ума, и по невѣдѣнію и нерадѣнію не подвергся опасности уклониться отъ совершеннаго таинства благодати“ (О своб. ума, гл. 21).

„Оное сіяніе Духа не есть только освѣщеніе ума и благодатное просвѣщеніе, какъ выше сказано, но есть постоянное и непрестанное въ душахъ сіяніе существеннаго свѣта“ (Тамъ же, гл. 22).

„И блаженному Павлу возсіявшій на пути свѣтъ, посредствомъ коего онъ восхищенъ былъ и до третьяго неба и содѣлался слышателемъ неизреченныхъ таинствъ, не было какое либо просвѣщеніе мыслей и разума, но существенное сіяніе силы благаго Духа въ душѣ, коего чрезвычайнымъ блескомъ ослѣпились тѣлесныя очи, не могши перенести онаго, и которымъ открывается всякое знаніе и истинно является Богъ душѣ, достойной и любящей Его“ (Гл. 23).

„Всякая душа, за свое усиліе и вѣру по дѣйствію и увѣренію благодати удостоившаяся совершенно облечься во Христа и соединившаяся съ небеснымъ свѣтомъ нетлѣннаго образа, и нынѣ уже участвуетъ въ существенномъ познаніи небесныхъ таинствъ“ (Гл. 24).

„Какъ сначала... опредѣленіе смерти за преступленіе... открылось въ душѣ тѣмъ, что умственныя чувства, лишившись небеснаго и духовнаго наслажденія, погасли въ немъ и содѣлались какъ бы мертвыми,—такъ нынѣ крестомъ и смертію Спасителя примирившійся съ человѣчествомъ Богъ истинно вѣрующей душѣ, еще въ тѣлѣ находящейся, снова даетъ наслаждаться небеснымъ свѣтомъ и таинствами и снова просвѣщаетъ умственныя чувства Божественнымъ свѣтомъ благодати“ (Тамъ же, гл. 26).

„Когда случается тебѣ слышать объ общеніи жениха съ невѣстою, о хорахъ пѣвцевъ, о праздникахъ, то не представляй ничего вещественнаго и земнаго. Это берется только въ примѣръ по снисхожденію, поелику тѣ вещи неизреченны, духовны и неприкосновенны для плотскихъ очей, но подходятъ подъ понятіе только души святой и вѣрной. Общеніе Святаго Духа, небесныя со-

кровища, хоры пѣвцевъ и торжества святыхъ Ангеловъ понятны только для человѣка, познавшаго сіе самымъ опытомъ, а неиспытавшій не можетъ вовсе и представить себѣ этого. И такъ слушай о семъ съ благоговѣніемъ, доколѣ и ты за вѣру свою не удостоишься достигнутъ таковыхъ благъ. И тогда ты душевными очами на самомъ опытѣ увидишь, какихъ благъ и здѣсь могутъ пріобщаться христіанскія души!“ (Сл. о любви, гл. 13) *).

Все, что говоритъ святой Макарій Великій, есть только пространнѣйшее изъясненіе, или собственнымъ опытомъ оправданіе того, что Слово Божіе говоритъ объ умѣ человѣка, ради святой жизни содѣлавшагося сосудомъ благодати. Ему усвояется *помазаніе*, научающее всему (1 Іоан. 2, 27), *просвѣщеніе разума* славы Божіей (2 Кор. 4, 6), *свѣтъ* (1 Іоан. 2, 9. 10), *премудрость* и откровеніе вещей духовныхъ (Еф. 1, 17), *познаніе духовное* (Кол. 1, 9. 10), *умъ Христовъ* (1 Кор. 2, 16).

Напротивъ, у человѣка, работающаго страстямъ, Слово Божіе видитъ *омраченіе* (Еф. 5, 18), *тму* (Еф 5, 8—10), *невѣдѣніе Бога и Христа* (Еф. 2, 12; Дѣян. 3, 13); для него сокрыта *истинная мудрость* (1 Кор. 4, 4), и онъ не можетъ *разумѣть* (1 Кор. 2, 14).

Изъ сего видно, что разумъ въ истинномъ его видѣ и во всей красотѣ является только въ духѣ истинныхъ христіанъ. У тѣхъ, кои запутаны въ грѣхи или не радятъ о чистотѣ сердца, но принимаютъ Слово Божіе, теоретическое познаніе можетъ близко подходить къ вѣдѣнію истиннаго разума; но сіе знаніе лежитъ не въ умѣ ихъ, а какъ бы на умѣ, какъ пыль, готовая тотчасъ слетѣть, то есть, оно не сорастворилось съ существомъ его, почему не уничтожается въ немъ свойствен-

---

*) Пространно о семъ пишется и у св. Исаака Сиріанина въ 55-мъ словѣ, особенно съ 380 стр.

ная ему предположительность, и оно часто подвергается нападеніямъ сомнѣнія, иногда очень глубокимъ, особенно съ той стороны, гдѣ лежатъ тайны искупленія и условія его усвоенія... Кто же, очистивъ себя, сорастворился съ истинами, тотъ не боится такихъ нападеній (см. блаж. Іеронима Греч., Х. Ч. 1821, ч. 2, стр. 123). Что касается до ума, незнающаго Божественнаго Писанія, то въ немъ неизбѣжны неполнота познанія духовныхъ вещей, невѣрность, а главное, — предположительность... И это еще при добромъ направленіи, то есть, когда человѣкъ, не предаваясь порочнымъ страстямъ, ревностно занимается такими вещами и благонамѣренно хочетъ распознать ихъ. Коль же скоро онъ при томъ невнимателенъ къ важнѣйшимъ истинамъ, не старается ихъ разъяснить и узнать и преданъ страстямъ, то можно сказать, что онъ совсѣмъ не имѣетъ разумнаго вѣдѣнія, хотя мнится имѣть его. Нѣсколько мыслей наскоро схваченныхъ, заученныхъ, принятыхъ по слуху,—вотъ и все у нѣкоторыхъ. У большей же части качествуютъ невѣдѣніе или сомнѣніе и презорство. У такихъ истинно— запустѣніе во внутреннѣйшемъ святилищѣ нашего духа, мракъ и тьма густая и непроницаемая.

Вотъ нѣсколько мыслей о разумѣ! Утвердить въ себѣ надо ту мысль, что здѣсь дѣло идетъ о познаніи міра невидимаго и вещей духовныхъ. Познаніе міра видимаго и вещей чувственныхъ совсѣмъ другое дѣло. Тутъ дѣйствуютъ другія способности и съ другими пріемами. Смѣшивать то и другое не должно. Отъ сего бываетъ великое зло... Видимое нетрудно узнавать. Иной, узнавши кое что изъ сего, говоритъ: ну, знаю! и на томъ останавливается, не заботясь о главномъ. И другіе высоко его цѣнятъ и ставятъ учителемъ во всемъ, а онъ все говоритъ имъ о стороннемъ, а главнаго и самъ не знаетъ.

β) *Состояніе разсудка.*

Способность, обращенная на познаніе видимаго, тварнаго, конечнаго, называется разсудкомъ. Впрочемъ не въ имени дѣло, а въ характеристическихъ чертахъ. На нихъ обращается и вниманіе особое. Сей разсудокъ, кажется, сохраняетъ всю свою силу,—христіанинъ ли кто или не христіанинъ, добродѣтеленъ или пороченъ, особенно, если смотрѣть на него, какъ онъ есть у людей образованныхъ, посвящающихъ себя основательному изученію какихъ нибудь наукъ. Смѣшивая разсудокъ съ разумомъ, они сами себѣ усвояютъ большую цѣну, и другіе ихъ считаютъ великими головами. Сами они готовы всегда довольствоваться тѣмъ, что знаютъ, а другіе рады бы хоть и до того дойти, до чего они добились; мало того: иной, сличая ихъ многовѣдѣніе, обыкновенно высокотонное, выражаемое хитросплетенными словами, съ простыми словами Святыхъ Божіихъ, можетъ, пожалуй, придти къ мысли, что у послѣднихъ многаго недостаетъ противъ первыхъ. Тѣмъ необходимѣе разъяснить, чѣмъ долженъ быть и чѣмъ бываетъ разсудокъ у разнаго рода людей.

Установить надобно понятіе о томъ, что требуется отъ разсудка, или что онъ долженъ отъ себя выставить на сцену знанія. Дѣятельность его непосредственно утверждается на воображеніи и памяти, которыя при посредствѣ чувствъ, наблюденіемъ ли или чтеніемъ и слышаніемъ, собираютъ для него матеріалы, доставляя свѣдѣнія о всемъ, являемомъ и существующемъ внѣ насъ и въ насъ такъ, какъ все существуетъ и является въ пространственно временныхъ отношеніяхъ. Весь этотъ матеріалъ или всѣ собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія,

еще какъ бы не окачествованныя, разсудокъ долженъ превратить въ ясныя понятія и построить изъ нихъ знаніе посредствомъ мышленія.

Образъ дѣятельности разсудка состоитъ въ *пріемахъ*, какіе онъ употребляетъ въ пріобрѣтеніи подручныхъ ему познаній, именно: разсудокъ строитъ наведенія, составляетъ понятія, сужденія и умозаключенія, или, иначе, дѣлаетъ обобщенія, опредѣляетъ и развиваетъ мысль. Но на этой сторонѣ его (формальной) мало нужно намъ останавливаться. Значительнѣе содержаніе разсудочныхъ познаній (матеріальная сторона разсудка). Его составляютъ тѣ стороны, къ какимъ обращается разсудокъ въ познаніи предметовъ, именно: свойства и составъ вещей, причинныя ихъ отношенія, то есть, причина и дѣйствіе, средства и цѣль, матерія и форма. Что оно, дѣйствительно, по неволѣ какъ бы двухъ видовъ, это зависитъ отъ того, что на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, мы видимъ только существа и явленія, то, что есть, и что бываетъ. Въ первомъ случаѣ нечего болѣе и узнавать, какъ свойства и составъ вещи, равно какъ и во второмъ нечего болѣе узнавать, кромѣ причинныхъ отношеній: отъ чего? для чего? какъ?

Основою для разсудка въ томъ и другомъ случаѣ должны быть *наблюденіе и опытъ*, а орудіемъ *обобщеніе* и *наведеніе*. Какъ дѣйствуетъ онъ,—въ примѣрѣ яснѣе. Пусть, напр., онъ хочетъ узнать человѣка въ его свойствахъ и составѣ. Для сего нужно ему долго наблюдать надъ человѣкомъ, надъ его дѣйствіями и всѣмъ, что въ немъ бываетъ. Эти наблюденія составятъ матеріалы, по собраніи которыхъ начинаются обобщенія и наведенія. Такъ, распредѣляя ихъ на группы, разсудокъ находитъ, что въ человѣкѣ внутри есть представленія, желанія и чувствованія; всматриваясь далѣе въ каждый изъ сихъ круговъ дѣйствій, видитъ, что всѣ они бываютъ трехъ

видовъ: чувственныя, душевныя и духовныя. Возводя все это къ началамъ, онъ долженъ будетъ положить, что въ человѣкѣ есть три силы и три части. Исходное начало для тѣхъ и другихъ есть лице человѣка. Выходитъ, что человѣкъ въ составѣ своемъ есть сочетаніе трехъ силъ и трехъ частей, кои, взаимно сопроникаясь, сходятся въ одномъ нераздѣльномъ лицѣ человѣка. Въ тоже самое время, онъ будетъ чрезъ отвлеченіе добывать ясныя представленія о томъ, какого свойства каждая сила и каждая часть, а наконецъ, каково и самое лице человѣка, или какія неотъемлемыя принадлежности каждой человѣческой личности. Это, какъ указано уже,—сознаніе, свобода и жизнь.

Изъ сего примѣра видно, что, въ отношеніи къ познанію существъ, разсудокъ нераздѣльно восходитъ къ представленію состава и свойствъ: отъ дѣйствій идетъ къ силамъ, производящимъ ихъ, отъ силъ—къ взаимному ихъ соотношенію и строю.

Познаніе явленій и происшествій строится на основаніи познанія свойствъ и состава существъ и вытекаетъ изъ нихъ. Точное познаніе существъ, силъ и законовъ ихъ дѣятельности служитъ началомъ при объясненіи явленій и происшествій. Здѣсь основаніе тоже: наблюденіе и опытъ, но предметъ другой и стороны другія. Отъ разсудка требуется здѣсь больше живости и сообразительности. Подмѣтить причину, угадать цѣль, взвѣсить слѣдствіе,—это занятіе болѣе отвлеченное, болѣе дающее простора свободѣ мысли, но за то много ошибочнѣе и маловѣрнѣе. Задача для разсудка—опредѣлить причину явленія, средства и законъ, по коему оно происходило, соприкосновенныя обстоятельства явленія, цѣли и слѣдствія его, образъ происхожденія. Конецъ трудовъ для разсудка тогда, когда онъ съ увѣренностію удовлетворительно можетъ отвѣтить на вопросъ: какъ

изъ извѣстной причины, по извѣстному закону, при извѣстныхъ пособіяхъ и среди извѣстныхъ обстоятельствъ, могло образоваться то или другое явленіе? Первое опредѣленіе есть подготовленіе себя къ отвѣту на послѣдній вопросъ, то есть, какъ бы только матеріалъ, послѣднее— собственно знаніе. Отсюда выходитъ, что знаніе въ отношеніи къ явленіямъ есть созерцаніе ихъ происхожденія, съ сознаніемъ неизбѣжности и необходимости сего именно, а не другаго ихъ хода, судя по причинѣ и соприкосновеннымъ обстоятельствамъ. Такъ, напр., кто будетъ разбирать подпаденіе Россіи подъ иго Монголовъ, тотъ подготовитъ себя къ точному его познанію, когда узнаетъ, кто и какъ его произвелъ, какимъ способомъ, когда, что тому способствовало, какія были слѣдствія того; а потомъ точно узнаетъ его, когда будетъ въ силахъ объяснить, какъ оно изъ состоянія Россіи и свойствъ Монголовъ родилось и развилось, по временнымъ обстоятельствамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно случилось.

Судя по симъ обязательнымъ занятіямъ, отъ разсудка, или отъ человѣка относительно разсудка, можно требовать слѣдующихъ добрыхъ качествъ, или добродѣтелей, которыя можно назвать добродѣтелями разсудка: *Трудъ*. Онъ до точности съ неусыпностію долженъ дознать все, что какъ есть, по собственному ли наблюденію или по наблюденіямъ другихъ. Кто разработываетъ какую нибудь часть исторіи, тотъ знаетъ, какъ это нужно и какъ нелегко. *Добросовѣстность*. Нехотѣніе труда или полутрудъ можетъ понудить поспѣшить дѣломъ и послѣ, при дальнѣйшемъ производствѣ его, позволить пропуски: отсюда бываютъ большія ошибки въ обобщеніяхъ и наведеніяхъ. Приступая къ нимъ, человѣкъ долженъ сознательно сказать себѣ: я все сдѣлалъ, что могъ и что нужно, и на основаніи всего дѣлаю выводы. *Внимательъ-*

ная осмотрительность. Все у него должно быть основано на фактахъ; между тѣмъ или ихъ число, или подробности могутъ ускользать; можетъ случиться, что малозначительное будетъ очевиднѣе, а главное скрытнѣе; многое можетъ быть ничтожно, а одно важно. Пропускъ или ошибка во взорѣ могутъ дать всему ходу работъ разсудка оборотъ превратный. Отъ этого всегда належитъ необходимость *довѣрять другимъ*, съ ними совѣтоваться, ихъ суду подчиняться, когда нужно, и вообще, сколько можно, менѣе придавать аподиктической непреложности своимъ наведеніямъ и смиренно сознавать свою малую дальновидность. Противоположные симъ добрымъ качествамъ пороки относительно разсудочной дѣятельности суть: *заносчивость и диктаторство, неосмотрительность, недобросовѣстность и верхоглядная вѣтренность*.

Послѣ такихъ замѣчаній обращаемся къ опредѣленію состоянія разсудка у людей, отчужденныхъ отъ Бога, и у людей, прилѣпляющихся къ Нему.

У первыхъ онъ является всегда почти съ превратными направленіями. Если осмотрѣть людей, то найдется безконечное ихъ въ семъ отношеніи разнообразіе. Однакожъ, судя по сторонамъ, какія предъ симъ указаны, можно ихъ распредѣлить или по видамъ разсудочной дѣятельности, или по ея добродѣтелямъ.

Одни преимущественно остаются при пріемахъ, какіе употребляетъ разсудокъ при познаніи вещей (при формальной его дѣятельности), и или хотятъ все строить изъ произвольныхъ своихъ отвлеченныхъ понятій, по примѣру схоластиковъ, или готовы съ одинаковою силою утверждать: да или нѣтъ, объ одномъ и томъ же, по примѣру пустословныхъ софистовъ. Схоластика и софизмы неизбѣжны для разсудка, при бѣдности матеріаловъ, ибо онъ есть сила дѣйствующая, требующая дѣятельности; потому, когда не на что обратить своихъ

силъ, онъ вращается съ ними въ себѣ самомъ и, какъ въ немъ остаются однѣ формы, то ходитъ по нимъ, какъ изъ одной комнаты въ другую. Здѣсь, при неиспорченномъ нравѣ, онъ будетъ жалкій схоластикъ, а при испорченномъ—пустой и злой софистъ.

Другіе болѣе склонны къ пріобрѣтенію самыхъ познаній (къ матеріальной дѣятельности) и собираютъ богатство свѣдѣній и притомъ—о разнаго рода предметахъ. У нихъ, обыкновенно, огромная память, и голова ихъ есть безконечный магазинъ, наполненный всякою всячиною. Трудъ такого рода необходимъ въ познаніи вещей, но на немъ одномъ останавливаться не должно: одинъ онъ есть нѣкоторымъ образомъ даже отрицаніе разсудка. Тутъ видимо матеріалы не пересмотрѣны, неочищены, а остаются такъ, какъ есть, и или бременятъ только голову, или употребляются безъ разбора. Сообразительность и самостоятельность разсудка подавлены.

Третьи стоятъ на срединѣ между ними и не склоняются ни на ту, ни на другую сторону. Таковы суть, преимущественно, преступники добродѣтелей разсудочныхъ, то есть: трудиться и работать головою они не хотятъ и добросовѣстности имѣютъ мало, а лишь бы какъ нибудь; между тѣмъ, по великой заносчивости, о всемъ хотятъ давать судъ, дѣйствуя при семъ безъ всякой осмотрительности. Это—вѣтренники, самохвалы, всезнайки. Есть впрочемъ на сей срединѣ преданные усыпленію почти всеконечному, кои довольствуются тѣмъ, что какъ нибудь услышатъ или увидятъ, сами же отъ себя не хотятъ поднять, такъ сказать, ни ноги, ни руки умственной.

Показанные недостатки, очевидно, обличаютъ нездоровье разсудка, равно какъ болѣзненное состояніе всей души, въ которой онъ таковъ. Судя по нимъ, небоязненно можно заключить, что разсудокъ у людей непра-

воходящихъ сдвинутъ съ своего мѣста, не знаетъ своего пути, потерялъ свой тактъ, вкусъ и свойственные ему пріемы, при разсматриваніи вещей познаваемыхъ. Что такіе недостатки не суть слѣдствія какого либо физическаго разстройства людей, а плодъ нравственнаго ихъ поврежденія, это очевидно уже изъ самаго ихъ свойства; и опытъ увѣряетъ, что, коль скоро кто впадетъ въ какое нибудь изъ показанныхъ направленій превратныхъ, то не избавится отъ него и думать о томъ не станетъ, пока не перемѣнитъ всей своей жизни; по крайней мѣрѣ, большею частію это такъ. У людей же, къ Богу обращающихся и пріемлющихъ возстановительныя силы, можно сказать, прежде всего отпадаютъ эти струпы. Они уже не лѣнятся работать головою, не хитрятъ мыслію, а смотрятъ на дѣла и вещи, какъ они есть. Оттого часть послѣдующей борьбы у нихъ составляетъ и борьба съ своимъ разсудкомъ, именно—въ тѣхъ его неправыхъ дѣйствованіяхъ, о коихъ было сказано. Сверхъ того, какъ заходятъ они къ человѣку?—Чрезъ грѣхъ небреженія и безпечности о себѣ самомъ и своемъ состояніи. Слѣдовательно, вообще можно сказать, что, въ комъ есть они, тотъ пребываетъ во грѣхѣ и, или еще не сподобился благодати, или потерялъ ее. Но въ комъ нѣтъ ихъ? Даже и тѣ, кои жизнь свою проводятъ въ научныхъ занятіяхъ, несвободны отъ нихъ въ большей или меньшей степени. Нѣкоторое исключеніе изъ сего представляютъ сильные разсудки (физики, математики, историки). Многіе изъ нихъ обладаютъ познаніями точными, многотрудными, изыскательными, между тѣмъ какъ стоятъ видимо внѣ благодатнаго царства, и по образу мыслей, и по жизни. Они представляются держащими истинную средину въ разсудочной дѣятельности, то есть, между дѣятельностію его формальною и матеріальною, и, сколько можно, выполняютъ добродѣтели разсудка.

Нѣкоторые видимые успѣхи надоумляютъ ихъ чуждаться всякой помощи свыше и располагаютъ вѣрить, что они цѣлы и невредимы. Но такая самоувѣренность сейчасъ и обличаетъ нездравость ихъ разсудка, ибо здравый всегда осязательно видитъ и указываетъ свои слабости и свою немощь. Если теперь эта заносчивость обща почти всѣмъ крѣпкимъ разсудкамъ, то всѣ ихъ надобно считать поврежденными. Сверхъ того, мы только не знаемъ всего производства ихъ работъ кабинетныхъ, не имѣемъ досуга тщательнѣе пересмотрѣть ихъ труды обнародованные, а то всегда могли бы найти тамъ, какъ и находятъ, немалые, общіе съ другими, грѣхи, напр.: натяжки посредствомъ понятій отвлеченныхъ, чтобъ дополнить промежутки опытовъ и застоять свою теорію, довольство и малымъ числомъ фактовъ, коль скоро они по нашимъ мыслямъ, склонность видѣть во всемъ отраженіе своихъ мыслей съ униженіемъ чужихъ, возношеніе себя надъ всѣми другими людьми одного класса и вообще стремленіе скорѣе завершить свое дѣло, не смотря на то, выполнено или не выполнено все, что требуется къ совершенству и вѣрности ихъ мыслей; то есть, и они то падаютъ въ софизмы и схоластику, то забываютъ о добродѣтеляхъ разсудка.

Послѣ сего, не боясь сихъ крѣпкихъ головъ, можно оставить въ силѣ прежнее заключеніе, что разсудокъ у людей неправоходящихъ, преданныхъ грѣху и страстямъ, вообще разстроенъ до того, что, при всемъ усиліи многоученыхъ, онъ платитъ дань своей немощи и высвободиться изъ нея не имѣетъ силъ. Въ этомъ еще осязательнѣе всякій увѣрится, когда позаботится вникнуть въ обыкновенныя наши понятія, сужденія и умствованія, хотя въ продолженіи одного дня, въ томъ кругу, въ какомъ живетъ. Здѣсь почти повсюдны

въ понятіяхъ: неясность, сбивчивость, безотчетность,

незнаніе ихъ цѣны и подчиненія, слѣдовательно—запутанность и нестройность;

въ сужденіяхъ: опрометчивость и поспѣшность, чувственность, измѣнчивость, отсутствіе оцѣнки, невѣдѣніе, болтливость и шутовство, поверхностность;

въ заключеніяхъ: недальновидность и близорукость, безначаліе или предположительность, предразсудки и софизмы.

Еще: невѣріе, легковѣріе, упорство, хитрость и изворотливость, особенно же пустота въ словѣ и мысли, показываютъ, что разсудокъ большею частію не пользуется своими правами и сидитъ, какъ въ какой засадѣ, безъ дѣйствія или дѣйствуетъ, но превратно. Отъ этого несвободенъ ни одинъ изъ людей, неправоходящихъ и благодати Божіей возстановительной непричастныхъ.

Допустимъ впрочемъ, что разсудокъ у кого нибудь сохранитъ истинную средину между показанными прежде крайностями, тщательно соблюдая лежащія на немъ обязанности, будетъ успѣшно идти къ предположенной цѣли,—дойдетъ ли онъ при всемъ томъ до всего, что нужно?

Замѣтить должно, что иное знаніе разсудокъ достаетъ самъ по себѣ, а иное онъ долженъ доставать въ связи съ разумомъ. Есть познанія, которыя разумъ иногда можетъ постигнуть одинъ, но которыхъ разсудокъ одинъ, отдѣльно отъ разума, постигнуть никакъ не можетъ. Чтобъ видѣть, что это, представимъ себѣ, что есть каждая тварная вещь—исключительный предметъ разсудка?—Кромѣ фактическаго, есть еще въ каждой вещи мыслимое, разумѣемое только и созерцаемое, внутреннѣйшее ея существо, отпечатлѣнное и выраженное фактическою ея стороною. Каждая тварь есть составъ силъ и стихій, стройно сочетанныхъ между собою, по извѣстному образцу или мысли, которую онѣ и должны отпечатлѣть на

себѣ. Сія мысль не есть впрочемъ въ вещи, какъ видимая часть, стоящая въ ряду другихъ частей, а есть нѣчто невидимое, сокрытое подъ видимымъ, его проникающее и одушевляющее,—потому болѣе мыслимое и созерцаемое, нежели осязаемое. При всемъ томъ, однакожъ оно не есть что нибудь мечтаемое, а есть дѣйствительно тамъ присущая мысль. Подобно тому, какъ въ картинѣ видимый очеркъ, сочетаніе частей, разнообразіе позъ, красокъ и оттѣнковъ воодушевляются какою нибудь мыслію, которую картина выражаетъ и коею проникается, мыслію, которая присуща въ картинѣ, однакожъ не составляетъ въ ряду съ другими отдѣльную часть, такъ и во всякой вещи есть своя сокровенная мысль,—животворная ея сущность; ибо міръ, какъ во всемъ своемъ составѣ, такъ и въ малѣйшихъ частяхъ, есть безконечно-мудрое, художественное произведеніе Божіе. Мысль Божія о мірѣ и частяхъ его (міръ идеальный), отъ вѣчности содержавшаяся въ умѣ Божіемъ, при переходѣ во время, или при осуществленіи волею Божіею безконечною, была облечена силами и стихіями, чрезъ кои и явилась въ дѣйствительности, какъ равно и теперь сокровенные планы Божественнаго міроправленія осуществляются многообразнымъ сочетаніемъ различныхъ явленій природы и человѣчества.

И такъ въ мірѣ мы всегда видимъ видимую, являемую сторону, подъ нею силы и стихіи, а подъ ними еще должны усмотрѣть и кроющуюся тамъ мысль Божію. Сія мысль—цѣль нашихъ усилій; постиженіе ея и есть собственно знаніе, а прочее все—подготовительныя свѣдѣнія. Какъ разсматривающій картину, когда разскажетъ краски, перечислитъ члены, опишетъ ихъ положеніе и сочетаніе, еще ничего не скажетъ о картинѣ, потому что не объясняетъ главнаго,—того, что выражаетъ картина: такъ и тотъ, кто, разсматривая твари, явленія и

происшествія въ мірѣ, когда узнаетъ, какъ все есть, а именно: въ вещахъ—составъ силъ и стихій, въ происшествіяхъ—сочетаніе причинъ и производство ихъ со слѣдствіями, еще не знаетъ ни вещей, ни явленій, пока не скажетъ, какая мысль Божія кроется въ тѣхъ и другихъ, что они выражаютъ собою, какое ихъ вѣчное значеніе.

Какъ вещь и происшествіе являются въ дѣйствительности, объ этомъ даютъ намъ знать чувства; сокрытыя подъ являемымъ силы и стихіи узнаетъ разсудокъ посредствомъ обобщенія и наведенія; спрашивается, какъ узнать мысль, которую они выражаютъ?

Отвѣтъ простой: какъ узнается мысль художника?—Посредствомъ эстетическаго чувства,—способности, одинаковой со способностію, участвовавшею въ производствѣ картины. Тоже и въ отношеніи къ вещамъ тварнымъ: познать ихъ сокровенное, положенное въ нихъ отъ ума Божественнаго, можно только посредствомъ силы Божественнаго свойства. Сія сила въ насъ есть духъ, и въ духѣ разумъ. И такъ, когда разсудокъ своимъ трудомъ дошелъ до конца, то есть. до узла силъ и стихій. разузналъ все фактическое, онъ долженъ взять какъ бы за руку разумъ и сказать ему: поди, посмотри, что тутъ такое есть еще. Но очевидно, что разумъ сей долженъ быть разумъ здравый, зрящій, а не слѣпой и испорченный, какъ и чувство только здравое познаетъ идеи художническихъ произведеній. Разумъ же здравый, зрячій, какъ мы видѣли, есть только у тѣхъ, кои, обратясь отъ грѣха къ Богу, пріяли благодать, а у работающихъ грѣху и благодати не имѣющихъ онъ извращенъ и удаленъ отъ истины. Слѣдовательно, и познаніе сокровеннаго въ вещахъ возможно только для перваго, оставаясь недосягаемымъ для втораго.

Что дѣйствительно стремленіе разгадать сокровенную сторону вещей свойственно духу нашему, объ этомъ пред-

ставляетъ свидѣтельство каждый мыслитель. Физикъ хочетъ разгадать значеніе существъ, силъ, стихій, историкъ—опредѣлить значеніе происшествій, психологъ—значеніе каждой способности и самого человѣка. Очевидно, никто не довольствуется познаніемъ фактической стороны, но всякому хочется проникнуть глубже подъ нее. Обыновенно называютъ это философіею, или идеальностію въ знаніи. При всей естественности, однакожъ, такого стремленія, его всеобщности и какъ бы неудержимости, оно не увольняется отъ необходимаго условія: имѣть разумъ, не только развитый откровеніемъ, но и просвѣщенный благодатію. Безъ сего, его построенія будутъ чистая мечта: доказательство тому—вся исторія философіи; ибо, когда разумъ извращенъ, а малѣйшая часть оставшагося въ немъ истиннаго, по силѣ убѣжденія, есть не болѣе, какъ предположеніе, то и дальнѣйшее, созидаемое разумомъ на томъ, что есть въ немъ, все необходимо будетъ одного свойства: неистинно и мечтательно. Слѣдствіемъ сего необходимымъ должно быть то, что и само фактическое извращается, и разсудокъ иногда даетъ себѣ волю утверждать, какъ законъ, силу и стихію, то, чего на дѣлѣ нѣтъ (нынѣшніе геологи). Онъ отуманивается, и затѣмъ осязательный мракъ налегаетъ на всю область знанія.

Совсѣмъ не то съ человѣкомъ чистымъ по жизни, просвѣщаемымъ свыше. Онъ не умолчитъ о сокровенномъ, когда почувствуетъ его, но никогда не станетъ выдавать за созерцаніе истины того, что не есть таково. Ему не усвояется всевѣдѣніе, но утверждается, что, если доступно человѣку знаніе сокровеннаго въ вещахъ и явленіяхъ, то—только человѣку облагодатствованному; ибо та область есть собственно область Божественнаго ума, гдѣ лежатъ умственныя сокровища Бога-Царя. Да не надѣется кто нибудь вторгнуться туда насиліемъ,

или самовольно. Истинная философія есть Богомъ даруемая мудрость.

Сорастворившись съ умомъ Божіимъ, разумъ человѣка, къ Богу прилѣпившагося, можетъ быть введенъ Имъ и въ тайны бытія и явленій, ибо между откровеніями, которыя усвояетъ св. Макарій В. благодатію Божіею просвѣщенному духу, почему не разумѣть и таинъ творенія и промышленія, когда ему несомнѣнно принадлежитъ видѣніе таинъ искупленія, сокровеннѣйшихъ и таинственнѣйшихъ. Ненапрасно у св. Исаака Сиріанина сей разумъ духовный называется чувствованіемъ таинъ, чувствованіемъ сокровеннаго, высшимъ духовнымъ созерцаніемъ (см. его слова о трехъ степеняхъ разума). Св. Максимъ Исповѣдникъ учитъ: „какъ основаніе радіусовъ, прямолинейно выходящихъ изъ одного центра, представляется въ самомъ центрѣ совершенно нераздѣльнымъ, такъ просто и единично будетъ познаніе существа, соединившагося съ Богомъ, о всѣхъ заключающихся въ Немъ первообразахъ вещей сотворенныхъ“ (О вопл. сотня 2, § 4, Х. Ч. 1835, 1 ч., 95). Сюда же можно отнести свидѣтельство Соломона, что Богъ далъ ему о *сущихъ познаніе неложное*, и что онъ потому, *елика суть скрытна и явна, позналъ*.... (Прем. Сол. 7, 17—21).

Если теперь кто хочетъ искать истинныхъ идей, или идеальнаго познанія вещей и философіи, пусть ищетъ ихъ преимущественно въ Словѣ Божіемъ, за тѣмъ въ писаніяхъ святыхъ отецъ, за тѣмъ въ Богослужебныхъ нашихъ книгахъ. Напримѣръ, когда говорится, что Господь пришелъ возглавить всяческая. что истинные Христіане суть цари и іереи, что языкообразное сошествіе Св. Духа есть начало и основаніе соединенія всѣхъ народовъ, раздѣленныхъ смѣшеніемъ языковъ при столпотвореніи, что жизнь наша есть странничество, милос-

тыня—предпосланіе сокровища на небо, и проч., все сіе представляетъ истинныя идеи, созерцанія или чувствованія сокровеннаго.

То особенно замѣчательно, что просвѣщаемые благодатію нерѣдко созерцаютъ значеніе вещей безъ особенной помощи со стороны разсудка, то есть, разсудокъ у нихъ еще не знаетъ фактическаго строя вещей или знаетъ его отчасти, а они уже созерцаютъ ихъ значеніе; тогда какъ, напротивъ, многоученый, но Бога забывшій, широко изображаетъ дѣйствительный бытъ и, кажется, исчерпываетъ все въ немъ до малѣйшихъ подробностей, между тѣмъ не видитъ и не умѣетъ сказать сокровеннаго въ немъ смысла. Если теперь цѣнить того и другаго по истинному ихъ вѣсу, то, очевидно, первый долженъ стоять несравненно выше послѣдняго, ибо у него недостаетъ того, безъ чего можно обойтись, что есть только средство и что легко можно восполнить всякому; у другаго же недостаетъ главнаго, существеннаго, чего онъ самъ восполнить не можетъ. Потому, при встрѣчѣ, напр., какихъ нибудь оговорокъ въ сочиненіяхъ отеческихъ, противъ нынѣшнихъ опытныхъ познаній, не должно въ мысляхъ своихъ тотчасъ унижать ихъ предъ какимъ нибудь многосвѣдущимъ физикомъ. Въ его время такъ былъ постигаемъ дѣйствительный бытъ вещей, въ наше—онъ признается такимъ,—послѣ, можетъ быть, еще инакимъ будутъ его изображать; но истинное значеніе, указанное первымъ, во вѣки вѣковъ пребудетъ одно. Читая, напр., бесѣды Василія Великаго на шестодневъ, найдешь тамъ два или три слова, которымъ противорѣчатъ настоящіе физики; но за то у него безпрерывно почти указываются сокровенности вещей драгоцѣннѣйшія, чего не доставитъ ни одна физика. Само собою послѣ сего разумѣется, что совершеннѣйшее знаніе представляетъ тотъ, кто въ себѣ соединяетъ благодатное просвѣщеніе разума съ много-

знающимъ разсудкомъ. Но въ отдѣльности гораздо выше и цѣннѣе первый, нежели послѣдній.

Такое впрочемъ совершенство знанія въ духѣ облагодатствованнаго есть плодъ болѣе разума. нежели разсудка, или, лучше, слѣдствіе восполненія разсудка разумомъ. Чтоже происходитъ въ самомъ его разсудкѣ? Уничтоженіе его несовершенствъ, не только произвольныхъ, но нерѣдко и непроизвольныхъ, и его оздравленіе. Благодать, пришедши, не приноситъ съ собою много свѣдѣній, но научаетъ человѣка вниманію и какъ бы обязываетъ къ точному разсматриванію вещей; она не истолковываетъ ему законовъ мышленія, но вливаетъ любовь къ истинѣ, которая не позволяетъ уклоняться отъ путей правыхъ и слишкомъ полагаться на отвлеченности, слѣдовательно, поставляетъ его на истинную средину и утверждаетъ въ ней, чего онъ самъ собою сдѣлать никакъ не можетъ. Отъ сего нерѣдко и непосвящавшій себя наукамъ человѣкъ становится разсудительнымъ и здравомыслящимъ и долгими опытами жизни наконецъ пріобрѣтаетъ истинную, достаточную не на его одного долю, мудрость. У человѣка же научнаго образуется особый методъ изслѣдованія, особое чутье къ открытію истины и истиннаго пути къ ней, а это, при помощи добродѣтелей разсудочныхъ, которыя теперь вмѣстѣ съ другими возвращаются въ сердце, какъ то: при трудѣ и умѣньѣ трудиться, добросовѣстности, осмотрительности, смиренномъ довѣріи, особенно же при Божіемъ благословеніи, сообщаетъ его умственнымъ трудамъ особенныя свойства: успѣшность, прочность, плодотворность. Такая здравость разсудочной дѣятельности для всякаго очевидна и въ обыкновенномъ его поведеніи, и въ сношеніяхъ: въ *понятіяхъ*, отличающихся, кромѣ ясности, опредѣленности и отчетливости, и нѣкоторою сердечною глубиною; въ *сужденіяхъ*, отличающихся вѣрностію, осмотри-

тельностію, осязательностію, различительностію; въ *умствованіяхъ,* отличающихся прочностію, дальновидностію, единствомъ и стройностію. Всѣ же въ совокупности такія свойства доставляютъ ему титулъ человѣка съ здравымъ разсудкомъ или здравомыслящаго.

Остается еще приложить два замѣчанія о вліяніи худой воли на разсудокъ, и о томъ, что бываетъ, когда разсудокъ преобладаетъ надъ разумомъ.

Тогда какъ разсудокъ у неправоходящаго самъ по себѣ, потерявъ точку опоры, влается туда и сюда, воля мало по малу вливаетъ въ него свое развращеніе. Здѣсь составляются сказанныя Апостоломъ *стихіи міра: мудрованіе плотское, мудрость бѣсовская,* то есть, образуются разныя убѣжденія въ угодность развратной волѣ, каковы, напр., что жизнь кончится нескоро—нескоро, и конца не видно, что только и жизни, что въ благосостояніи и счастіи на землѣ, что надо поддержать свое имя и честь, какъ бы то ни было, надо имѣть руки сильныя, къ коимъ бы можно было обратиться въ случаѣ нужды, надо умѣть пользоваться обстоятельствами, и проч. Всѣ они содержатся въ разсудкѣ безъ изслѣдованія, поэтому суть предразсудки; въ словѣ рѣдко выражаются, а хранятся глубоко въ сердцѣ и извѣстны только самому человѣку, приходя къ нему въ сознаніе въ видѣ тайныхъ помышленій, въ свободное отъ хлопотъ время, а болѣе,— служа сокровенною пружиною, приводящею въ движеніе его дѣла.

Но если бы и безъ такого поврежденія со стороны воли оставался разсудокъ, и тогда много вреда для высшихъ истинъ ожидать бы надлежало отъ преобладанія его надъ разумомъ. Тѣмъ значительнѣе и какъ бы неотвратимѣе сей вредъ при тлетворномъ дѣйствіи на него воли.

Извѣстно, что преимущественный предметъ разсудка

составляетъ то, что есть и бываетъ въ насъ и внѣ насъ и больше—послѣднее; опора его дѣятельности—опытъ: съ него уже онъ начинаетъ, а не прежде. Отсюда, главное свойство разсудочныхъ познаній — осязательность. Разсудокъ начинаетъ съ опыта, который преобразовываетъ по сроднымъ себѣ пріемамъ. Кто стоитъ на степени разсудка и преимущественно имъ дѣйствуетъ, у того мало по малу образуется склонность, переходящая потомъ и въ постоянное правило и нравъ умственный,—то только и признавать истиннымъ, въ чемъ осязательно можно увѣриться, и что можно повѣрить разсудочнымъ способомъ. При семъ мало по малу долженъ неизбѣжно заслоняться міръ духовный, и вѣдѣніе о немъ терять значимость. Вѣдѣніе это у человѣка, оставленнаго себѣ, какъ мы видѣли, предположительно, между тѣмъ какъ разсудокъ все представляетъ осязательно очевиднымъ и образуетъ потребность осязательности. Это само собою должно наводить тѣнь сомнѣнія на міръ духовный и духовныя вещи. Поэтому разсудочныхъ научниковъ вообще можно назвать колеблющимися маловѣрами въ отношеніи къ невидимому и духовному. Присоединись къ сему недоброе сердце съ страстями, которому есть сильное основаніе желать, чтобъ не было иного міра и иныхъ законовъ и надеждъ, кромѣ видимыхъ,—тогда не избѣжитъ человѣкъ или сомнѣнія, или, еще больше, окончательнаго невѣрія.

Что разсудокъ своею дѣятельностію составляетъ общія положенія, всегда приложимыя къ дѣлу,—это образуетъ въ немъ сильное довѣріе къ своему разумѣнію, склонность постигать и выше всего ставить свое постиженіе. Оттого онъ не отдаетъ должнаго чествованія откровенію и, если принимаетъ его, то хочетъ толковать не иначе, какъ по своему разумѣнію, или даже и признаетъ въ немъ истиннымъ только ясно разумѣемое. Эта болѣзнь *раціонализмъ*, котораго въ рѣд-

комъ нѣтъ сердцѣ у научниковъ, хотя въ словѣ онъ и не открывается.

Другія худыя склонности умственныя отъ разсудка навязываются душѣ ради предметовъ, къ которымъ обращены его труды.

Внѣ насъ, гдѣ больше живемъ чувствами, все вещественно, все есть составъ стихій, и всѣ тамъ измѣненія и явленія суть не что иное, какъ слѣдствіе дѣйствія и противодѣйствія, вражды и мира между стихіями. Кто постоянно занимается этимъ однимъ, у того раждается мысль, а потомъ и начало, что кромѣ вещества ничего и нѣтъ. Это несчастное настроеніе или болѣзнь ума, именуемая *матеріализмомъ*, чаще всего постигаетъ занимающихся химіею и медициною. Съ нимъ всегда соединены, какъ гибельныя послѣдствія, отверженіе безсмертія души, Бога и нравственнаго закона Божія.

Далѣе, замѣчаемый повсюду въ природѣ видимой механизмъ ведетъ къ мысли, что на все положена печать неизбѣжной необходимости, которой отвратить не сильна никакая рука. Все ей подченено, а сама она—никому. Это *фатализмъ*, котораго не избѣжали и мудрые стоики.

Замѣчаемая повсюду естественность или то, что всякая вещь достигаетъ цѣли своими силами и все, что ни исходитъ изъ нея, есть плодъ ея дѣятельности, приводитъ къ положенію, что нѣтъ втеченія въ міръ сей иныхъ стороннихъ высшихъ силъ, даже силы Божіей, въ помощь и содѣйствіе тѣмъ, кои есть въ немъ. Слѣдовательно, нѣтъ чудесъ, нѣтъ и благодати. Человѣкъ самъ собою можетъ идти и дойдетъ, куда дойти долженъ. Это *натурализмъ*.

Столько исчадій опаснѣйшихъ раждаетъ разсудокъ, когда ему даютъ слишкомъ много власти, даютъ больше, нежели сколько слѣдуетъ. Ихъ бытіе оправдываетъ опытъ. Здѣсь объясняется только, какъ естественно они

образуются у человѣка, котораго разумъ не просвѣщенъ вѣдѣніемъ духовнымъ, у котораго, потому, вѣдѣніе сіе остается предположительнымъ, не превращено въ осязательное посредствомъ опыта духовнаго. И можно еще приложить, что, если они естественно развиваются у человѣка неправоходящаго, то ихъ должно предполагать во всякомъ такомъ, если не всѣ, то какія нибудь, если не въ развитіи, то въ сѣмени. И дѣйствительно, рѣдкій не искушается ими, рѣдкому подъ часъ они не нравятся, и рѣдкій, по крайней мѣрѣ, своимъ путемъ не приходитъ къ помышленію: а можетъ быть и такъ.

Какой свѣтъ послѣ такого мрака возсіяваетъ въ душѣ человѣка по обращеніи его къ Богу и по пріятіи благодати! И *во первыхъ*, всѣ пришлыя отъ развращенной воли начала тотчасъ исчезаютъ, какъ мракъ въ комнатѣ освященной, или нечистыя силы изъ освященнаго мѣста. Противоположныя имъ убѣжденія образуются въ сердцѣ, въ самомъ производствѣ обращенія кающагося. Когда изгоняется изъ сердца нечистота, тогда же уничтожаются и всѣ слѣдствія ея. Онъ чувствуетъ, что жизнь коротка и надобно спѣшить дѣломъ, что себя надобно озлоблять, что всего надо ожидать отъ Бога, а не отъ себя, на мнѣнія людскія не смотрѣть, и проч. *Во вторыхъ*, вредныя слѣдствія преобладанія разсудка или совсѣмъ предотвращаются, если обращеніе упреждаетъ его развитіе, или исправляются здѣсь же, и разсудокъ превращается въ служебную силу, покорную разуму. Такъ какъ умственныя злыя склонности главнымъ образомъ происходятъ отъ осязательности познаній разсудка и предположительности идей разума, оставленнаго себѣ, то съ уничтоженіемъ его основанія падаетъ само собою и то, что на немъ строится. Основаніе же сіе уничтожается въ покаявшемся, къ Богу обратившемся и къ Нему прилѣпившемся; ибо съ сего времени онъ

начинаетъ осязательно познавать вещи духовныя, какъ прежде познавалъ чувственныя. Это равенство осязательности уничтожаетъ колебаніе сомнѣнія, а то, что въ разумѣ просвѣщенномъ предлагаются истины драгоцѣннѣйшія, преклоняетъ на его сторону сознаніе и ему покоряетъ. Когда такимъ образомъ чрезъ сей новый путь узнаетъ человѣкъ многое сокровеннѣйшее, чего прежде не постигалъ, но что теперь ясно созерцаетъ, тогда естественно перестаетъ вѣрить исключительно своему разумѣнію. Такой уже и не подумаетъ, что нѣтъ духа, когда живетъ въ духѣ, или что все подчинено неизбѣжной необходимости, когда ощущаетъ силу, пришедшую къ нему свыше, со-внѣ, или что все можетъ самъ, когда только принятою отъ Бога силою избѣгъ угнетавшаго его зла (примѣръ Августина).

Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается новая жизнь для разсудка, и въ человѣкѣ новое направленіе научности, если она была, или ею занимаются. Какъ прежде разсудокъ дѣйствовалъ, какъ господинъ, такъ теперь начинаетъ дѣйствовать, какъ подчиненный, по порученности отъ лица разума духовнаго. Поэтому, какъ прежде, при разсматриваніи вещей, человѣкъ ничего не видѣлъ, не могъ и не хотѣлъ видѣть, кромѣ самыхъ вещей; такъ теперь во всемъ видитъ яснѣйшее отраженіе міра духовнаго, и въ вещахъ и въ явленіяхъ. Весь міръ проникнутъ дѣйствительно духовнымъ, Божественнымъ (Рим. 1, 20); но прежде это не замѣчалось, а теперь созерцается ясно. За тѣмъ все существующее и все являющееся превращается въ обширное и безпрерывное поученіе или разумную книгу, какъ сказалъ Антоній В. Что это дѣйствительно такъ, сейчасъ можно увѣриться, читая какого нибудь св. отца. У всякаго изъ нихъ поминутно предлагается зрѣніе духовнаго въ чувственномъ или сквозь чувственное. У преосвященнаго Тихона составлено изъ

сего цѣлыхъ четыре книги, подъ заглавіемъ: *Сокровище духовное отъ міра собираемое.*

Отсюда слѣдуетъ, что цѣлость, полнота и истина знанія собственно принадлежатъ людямъ, возстановленнымъ благодатію и въ Богѣ живущимъ. У другихъ оно и неполно, и неистинно. Какъ вѣрна мысль бл. Августина, которую онъ съ такою настойчивостію доказывалъ, что только жизнь ведетъ въ храмъ мудрости, а не на оборотъ! О ложныхъ направленіяхъ разсудка говорится обыкновенно въ логикахъ, и тамъ же предлагаются разныя средства къ избѣжанію ихъ. Очевидно, какова цѣна сихъ наставленій. Что ни говори логика, безъ внутренняго измѣненія ничего не сдѣлаешь. Кому сказано: смотри, вѣрь откровенію,—тотъ, пожалуй, и себѣ тоже будетъ говорить, но въ сердцѣ и на дѣлѣ будетъ вѣрить только себѣ; или еще: будетъ говорить, что нужна помощь Божія, но полагаться будетъ только на себя. Воспитать души нашей въ способностяхъ, какъ должно, нельзя, безъ подчиненія ея врачевательнымъ и возстановительнымъ благодатнымъ средствамъ.

Коротко: у того, кто стоитъ внѣ сихъ средствъ, знаніе таково: духовный міръ и его вещи какъ облакомъ и туманомъ сокрыты; имъ мало онъ вѣритъ или не думаетъ объ нихъ; знаніе разсудочное обращено у него только къ видимому, дѣйствительному, осязаемому; сокровенное въ вещахъ не видится; причины познаются только ближайшія, наличныя; намѣренія Промысла ускользаютъ изъ вниманія... Потому все знаніе его поверхностно: въ составѣ неполно, въ общемъ же духѣ растлѣно, извращено какимъ нибудь неправымъ настроеніемъ умственнымъ.

γ) Состояніе нисшихъ способностей познавательныхъ.

Нисшія способности познанія суть: наблюденіе внутреннее и внѣшнее, воображеніе и память. Всѣ онѣ дѣйствуютъ почти совмѣстно, и сдѣланное одною тотчасъ принимается другою. Что увидѣлъ глазъ, образъ того сейчасъ снимается воображеніемъ и слагается въ память, какъ въ какой архивъ. Все внѣшнее и внутреннее, подлежащее нашему знанію и касающееся нашего сознанія, непремѣнно есть и предметъ сихъ способностей. Онѣ составляютъ какъ бы входъ во внутреннюю нашу храмину, а потому въ области знанія имѣютъ значительную цѣну и—не только въ области знанія, но и во всей дѣятельности человѣка.

Отъ первоначальной дѣятельности воображенія и памяти, когда они только воспринимаютъ предметы, освѣдомляются объ нихъ, даютъ знать о нихъ душѣ, должно отличать дѣятельность послѣдующую, которою пріобрѣтенное прежде употребляется въ дѣло по нуждамъ души. Составленные воображеніемъ и хранящіеся въ памяти образы употребляются или въ томъ же видѣ, въ какомъ они пріобрѣтены, или въ видѣ измѣненномъ. Первую дѣятельность называютъ *воспоминаніемъ*, или воображеніемъ воспроизводительнымъ, вторую—фантазіею. Въ той и другой дѣйствуютъ совмѣстно воображеніе и память, только каждая своимъ особымъ образомъ.

Въ воспоминаніи воображеніе даетъ образъ, а память свидѣтельствуетъ, что это тотъ самый, какой познанъ прежде. Поэтому воспоминаніе воспроизводитъ только прежнее и приноситъ предъ очи сознанія, что сокрыто было во глубинѣ памяти. Причины воспоминанія суть:

большею частію *связь предлежащихъ образовъ и предметовъ съ прошедшими* (иначе: ассоціація идей). Разные виды сей связи дали бытіе разнымъ законамъ воспоминанія, каковы: законъ сосуществованія и послѣдованія, сходства и противоположности, цѣлаго и частей, причины и дѣйствія, средства и цѣли, матеріи и формы. Другая, неменѣе значительная часть воспоминаній происходитъ *отъ движеній воли и сердца*. Потребность или страсть, будучи возбуждена, невольно наводитъ мысль на предметы, коими можетъ быть удовлетворена, какъ бы приковываетъ къ нимъ вниманіе, равно какъ и на оборотъ — образъ предмета страстнаго растревоживаетъ страсть. Сія причина воспоминанія значительнѣйшую роль играетъ въ жизни, а первая—въ знаніи.

Но есть еще *сокровенныя причины* воспоминанія: незнать, почему и какъ приходятъ образы прежнихъ предметовъ и въ покойномъ состояніи, и безъ всякой связи съ наличными занятіями. Ихъ должно производить или отъ духовъ злыхъ, если образы худые, или отъ духовъ добрыхъ—Ангела Хранителя, если они хороши; бываетъ это и отъ сочувствія душъ.

Фантазія творитъ совершенно новые образы, хотя изъ прежняго матеріала и большею частію по готовымъ или извѣстнымъ уже образцамъ. Въ ней должно различать дѣятельность хорошую—дѣльную, и движенія безпорядочныя—самовольныя. Въ первой она составляетъ образы для понятій разсудка, помогаетъ при соображеніи, живо представляя мысль въ какомъ либо образѣ, воображаетъ читаемое и слышимое, и подобное... вообще—дѣйствуетъ въ интересахъ знанія. Во второй мечтаетъ или предается самовольному движенію, въ коемъ строитъ разныя исторіи небывалыя, въ угодность своему сердцу, которымъ не правитъ почти сознаніе, а напротивъ, оно увлекаетъ собою наше вниманіе и занимаетъ

всего человѣка. Царство мечтаній — *сонъ*, въ коемъ падаетъ сознаніе и самодѣятельность и владычествуютъ образы, иногда подъ чьимъ либо стороннимъ вліяніемъ.

αα) Состояніе наблюденія.

Наблюденій два вида: одно *внѣшнее*, другое *внутреннее*.

Внѣшнее, или воспріятіе внѣшнихъ вещей посредствомъ чувствъ, измѣняется образомъ жизни не столько въ своемъ существѣ, сколько въ употребленіи; ибо чувства всегда остаются тѣже, только обращаются не къ тѣмъ предметамъ,—а въ слѣдствіе сего получаетъ отличіе не столько въ своемъ производствѣ, сколько въ своемъ содержаніи. Это тотчасъ обнаруживается, коль скоро спросишь, кто что видалъ и кто что слыхалъ, или куда кто охотнѣе обращаетъ слухъ, очи и прочія чувства.

Такъ, въ состояніи *грѣховномъ* чувства предаются не интересамъ познанія и не совершенствованію души, но преимущественно въ угодность страстямъ. Въ семъ занятіи они, какъ управляются страстями, такъ и обратно сами питаютъ ихъ. Поэтому, напр. очи называются исполненными блудодѣянія и непрестаннаго грѣха (2 Петр. 2, 14). Сверхъ того, по такому направленію, имъ ненужно внимательно разсматривать предметы, а только лишь мало-мало касаться ихъ,—отъ чего способность наблюдать больше и больше заглушается и теряется. Между тѣмъ душа вся въ чувствахъ безпрестанно: отъ сего образуется въ ней склонность ко внѣшнему, или къ жизни во внѣ. Каково употребленіе чувствъ, таково и содержаніе ихъ: предметы преимущественно страстные; отъ этого иные священныхъ предметовъ не умѣютъ и представить.

Человѣкъ, къ Богу обратившійся и живущій по христіански, чувствамъ своимъ не даетъ воли, держитъ ихъ

строго въ своей власти и обращаетъ только туда, куда считаетъ нужнымъ, по примѣру Іова, который полагалъ *завѣтъ очамъ своимъ* (31, 1). Далѣе, всѣ они подчиняются у него нуждамъ и пользамъ духа, и ихъ руководитъ, если не познаніе, которое не всеобще, то всегда благочестивое настроеніе. Поэтому онъ смотритъ только на то, что можетъ назидать, на св. изображенія, и проч. Какъ новое свойство, замѣтна въ немъ степенность чувствъ или внимательность въ нихъ: ихъ дѣло—обстоятельно разсмотрѣть. Такая дѣятельность съ одной стороны образуетъ мало по малу способность отчетливо наблюдать, которая чрезъ то стяжеваетъ зоркость, или мѣткость; съ другой, отъ власти души надъ чувствами, или отъ подчиненія ихъ душѣ, чувства не увлекаютъ ее во внѣ, и даютъ ей возможность пребывать въ себѣ—внутри. Наконецъ на семъ пути чрезъ чувства собираются истинныя сокровища и для познаній, и для добродѣтельной жизни пріобрѣтается такое стяжаніе, съ которымъ безукоризненно можно явиться и предъ Царя славы... Это тоже, какъ еслибъ кто набралъ разныхъ драгоцѣнностей и представлялъ ихъ взору другихъ.

Внѣшнее наблюденіе съ перваго раза представляется дѣломъ малозначительнымъ въ нравственной жизни, между тѣмъ оно здѣсь имѣетъ великую важность.

Чрезъ него доставляется душѣ первая пища; и какъ пища на тѣло имѣетъ существенное вліяніе измѣненіемъ его соковъ и состава, такъ и наблюденіе нѣкоторымъ образомъ измѣняетъ составъ души и полагаетъ основу характеру. Въ семъ отношеніи его сравниваютъ съ запахомъ, который проникаетъ сосудъ, только что сдѣланный, но еще не высохшій. Этотъ запахъ сохраняется въ немъ, если не навсегда, то надолго—надолго. Тоже бываетъ и съ душею: первые предметы чувствъ образуютъ, можно сказать, будущаго человѣка.

Оно представляетъ душѣ первое поприще для упражненія силъ и производитъ первый ихъ сгибъ и склоненіе. Отсюда образуется въ ней не только навыкъ, но и склонность обходиться съ такими, а не другими предметами, ибо, обыкновенно, мы неохотно беремся за то, къ чему не привыкли. Въ семъ отношеніи употребленіе чувствъ тоже, что первое направленіе древеснаго ствола, по выходѣ его изъ-подъ земли.

И такъ употребленіе чувствъ не должно считать маловажнымъ.

Внутреннее наблюденіе есть замѣчаніе того, что происходитъ въ душѣ, посредствомъ сознанія или внутренняго чувства. Это наблюденіе есть источникъ самопознанія и познанія вообще души человѣческой. Оно представляетъ больше различія въ падшемъ и возставшемъ, нежели внѣшнее; ибо здѣсь сіе различіе касается не только употребленія внутренняго чувства, но и самой его способности наблюдать. Къ такой мысли приводитъ то, что, хотя душа сама къ себѣ ближе всѣхъ, познаній однакожъ о душѣ у насъ очень мало, и тѣ, какія есть, большею частію односторонни и лживы. Напротивъ, какое богатство самопознанія у святыхъ подвижниковъ, исцѣляемыхъ или исцѣленныхъ отъ грѣховной болѣзни! Отсюда видно, что способность самонаблюденія у однихъ въ самомъ худомъ состояніи, а у другихъ во всей высотѣ благосостоянія. Что, обыкновенно, приводится въ психологіяхъ въ оправданіе скудости душезнанія, то должно обратить въ осужденіе грѣшной души, или въ обличеніе ея разстройства грѣхомъ, а не въ оправданіе малознанія души человѣческой.

Говорятъ, что безпрерывно прибывающія со внѣ впечатлѣнія увлекаютъ душу ко внѣ и не позволяютъ ей обратиться на саму себя. Но если во власти человѣка состоитъ не поддаваться увлеченію отъ внѣшнихъ впе-

чатлѣній, то безпрерывному устремленію души во внѣ надобно искать другой причины, именно: это есть нужда грѣшной души—бѣжать изъ себя, гдѣ смрадъ грѣха, ко внѣ, гдѣ чается или полагается благо. Склонность къ чувственности и видимости — одна изъ первыхъ чертъ и дѣйствій поврежденія. Слѣдовательно, нечего и ожидать хорошаго душезнанія отъ того, въ комъ царствуетъ грѣхъ. Его можно ожидать только отъ того, кто отказался отъ грѣха и врачуетъ себя. Въ этомъ оно какъ бы естественно, ибо одно изъ первыхъ благодатныхъ дѣйствій есть возвращеніе вниманія души внутрь себя, съ отвлеченіемъ его отъ внѣшняго.

Говорятъ, что житейскія заботы и дѣла службы поглощаютъ все время: въ суетахъ нѣкогда подумать о душѣ и о томъ, что въ ней. Причина не во внѣшнихъ дѣлахъ и нуждахъ, а во внутренней суетливости, которая гонитъ человѣка все впередъ. Еслибъ усмирить сію внутреннюю немощь—суетливость, то внѣшнія дѣла еще много оставляли бы времени для занятія собою. Неуспѣшность — не отъ недостатка времени, ибо на что особое время для смотрѣнія за душею, когда это можетъ и должно совершаться среди дѣлъ? Наблюдать должно душу дѣйствующую. Такъ, не во времени сила, а въ необращеніи души на саму себя. А сіе необращеніе происходитъ отъ разстройства души грѣхомъ. Гдѣ сіе разстройство врачуется благодатію, и вся дѣятельность человѣка обращается на единое на потребу,—тамъ установляется вмѣстѣ и спокойное теченіе дѣлъ, оставляющее душѣ возможность быть въ себѣ и зорко блюсти за своею дѣятельностію. Дѣла внѣшнія и житейскія занятія тогда не препятствуютъ познавать свою душу. Слѣдовательно, оправданіе себя сими дѣлами должно обратить въ осужденіе себя.

Говорятъ: дѣятельность душевная такова, что ее почти

наблюдать нельзя, именно: она мгновенна, быстра, летуча, многосложна. Нельзя установить на нее постояннаго взора, и, если установишь, нельзя разложить содержанія наблюдаемаго дѣйствія. Но въ душѣ качествуютъ смятеніе, безпорядочность движеній и волненіе отъ невниманія, безпечности и преданія себя произволу помысловъ; а эти недобрыя расположенія происходятъ отъ грѣха или отъ потери надъ собою власти. Кто Божественною благодатію воцаренъ внутри себя, тотъ держитъ свое внутреннее въ своей власти, а потому видитъ, куда что направляется. Ему свойственно трезвеніе или бдительность, по коимъ не ускользаютъ отъ его вниманія тайно приходящія возмущенія. Сверхъ того, долгимъ упражненіемъ въ семъ внутреннемъ дѣланіи онъ стяжеваетъ зоркость ока умственнаго, точно и опредѣленно въ себѣ видящаго.

Заключимъ: есть истинныя препятствія къ самонаблюденію: внѣшность, забота, расхищеніе ума. Они не дѣло неизбѣжной необходимости, а происходятъ отъ грѣха. Слѣдовательно, пока есть въ комъ грѣхъ, будутъ и сіи препятствія и не будетъ хорошаго душезнанія. Человѣкъ въ грѣховномъ состояніи не знаетъ своей души и знать не можетъ. Сіи препятствія мало по малу устраняются и потомъ совсѣмъ исчезаютъ по мѣрѣ искорененія грѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и приходитъ къ совершенству и самое познаніе души. Если теперь грѣхъ, а за нимъ и сіи препятствія теряютъ свою силу только въ людяхъ Богопреданныхъ отъ дѣйствія силъ благодатныхъ, то очевидно, что душезнанія истиннаго, прочнаго, полнаго должно искать только у тѣхъ, кои живутъ истинно по христіански. Кто, не принадлежа къ числу такихъ, хочетъ знать душу,—обратись къ святымъ отцамъ, особенно подвижникамъ, и черпай изъ сего источника обильно психологическую мудрость.

ββ) *Состояніе памяти и воображенія.*

Сіи двѣ способности принадлежатъ къ числу рабочихъ силъ, а потому обыкновенно бываютъ таковы, каковъ весь человѣкъ. Чѣмъ набита память и чѣмъ занято воображеніе у грѣшника?—Предметами грѣховными, питающими только страсти. Это сейчасъ можно увидѣть по разговору. Грѣшникъ и слова не скажетъ о духовномъ, потому что ничего такого не представляетъ его память, будто ничего такого онъ не слыхалъ и не видалъ. Конечно, онъ и видѣлъ и слышалъ, но оно не усвоено и не удержано, потому что къ тому не лежитъ душа. Въ слѣдствіе такого отчужденія отъ духовныхъ предметовъ умаляется и способность къ воображенію и памятованію ихъ: отъ неупражненія и нехотѣнія не умѣютъ вообразить ихъ и упомнить.

У человѣка, по христіански живущаго, по противоположности, все содержаніе памяти и воображенія свято, чисто, Божественно. Они наполнены у него духовными предметами, къ коимъ имѣется особое расположеніе, а вмѣстѣ пріобрѣтается и особое умѣнье воображать и запоминать ихъ. На оборотъ, ему чуждо памятованіе и воображеніе предметовъ порочныхъ: они противны ему и потому не принимаются душею. Какъ первымъ легко воображается и запоминается грѣховное и злое, такъ вторымъ—духовное и доброе.

γγ) *Состояніе воспоминанія, или воспроизводительнаго воображенія.*

Состояніе воспоминанія соотвѣтствуетъ состоянію памяти и воображенія, ибо воспроизводится воспомина-

ніемъ обыкновенно то, что воображено и помнится. Нельзя однакожъ не указать рѣзкой особенности между причинами или законами воспоминанія, какіе преимущественно качествуютъ и бываютъ въ силѣ у живущихъ по духу Христову и у преданныхъ страстямъ и міру. У *послѣднихъ* главнѣйшею причиною воспоминанія бываютъ страстныя возбужденія или движенія привычныхъ потребностей, потому что въ этомъ жизнь ихъ. Соотвѣтственно тому, и изъ законовъ сочетанія образовъ въ нихъ дѣйствуютъ преимущественно тѣ, кои относятся болѣе къ внѣшней сторонѣ вещей, нежели къ внутренней; образы въ ихъ головѣ вяжутся болѣе по внѣшнимъ пространственно временнымъ отношеніямъ, нежели по внутреннимъ отношеніямъ причинности, а далѣе, наконецъ, и тайныя впечатлѣнія или вліянія приходятъ болѣе отъ духовъ злыхъ, нежели добрыхъ. Есть приставникъ отъ сатаны около грѣшника, который ходитъ за нимъ и омрачаетъ его, набивая голову страстными образами. У *первыхъ* все наоборотъ: тайныя вліянія нисходятъ къ нимъ отъ Божественнаго, осѣняющаго ихъ Духа и Ангела Хранителя, сопутствующаго имъ всегда и во всемъ содѣйствующаго; изъ законовъ сочетанія образовъ дѣйствуютъ преимущественно тѣ, кои касаются внутренней связи причинъ, свойствъ, частей; страсти же и потребности если и возбуждаются, то подавляются на первыхъ порахъ. Сверхъ того между ними есть разность и по родамъ воспоминаній. Есть воспоминанія невольныя, сами собою приходящія, и есть воспоминанія вольныя, самодѣятельностію духа вызываемыя. У преданныхъ страстямъ качествуютъ почти исключительно воспоминанія невольныя, ибо по характеру своему они преданы внутреннему механизму движеній. У живущихъ то духу Христову, напротивъ, преимущественно имѣютъ мѣсто воспоминанія произвольныя, ибо они владѣютъ

собою и не позволяютъ чему либо являться предъ сознаніе безъ своего вѣдома; по крайней мѣрѣ, у нихъ о томъ есть ревность, и установляется прямо къ тому направленный подвигъ внутренній: бдительность и трезвеніе...

ѳѳ) *Состояніе фантазіи.*

Въ ней, какъ видѣли, должно отличать двѣ дѣятельности: *дѣльную и самовольную.* Въ отношеніи *къ первой* можно сказать, что у людей, чуждыхъ духа Христова, мало способности отвлеченныя понятія и истины представлять въ приличныхъ образахъ; оттого у нихъ они большею частію являются искаженными и уродливыми. Напротивъ, если гдѣ искать приличнаго обображенія сихъ истинъ, то исключительно у христіанъ, исполненныхъ духа Христова, который сообщаетъ имъ особенное къ тому умѣнье или чутье, опредѣляющее благоприличіе сочетанія образовъ.

Послѣдняя является у тѣхъ и другихъ въ такомъ состояніи:

Главная, можно сказать, немощь фантазіи у грѣшниковъ есть склонность *мечтать.* Это не случайное нѣчто, а неизбѣжное, какъ бы сроднившееся съ душею ихъ, такое, что есть безпрерывно и почти у всѣхъ. Свойства сей мечтательности, именно: удаленіе отъ дѣйствительнаго, развлеченіе, смятеніе, непостоянство мыслей, даютъ ясно разумѣть ея причину. Когда человѣкъ сдвинулся съ своего мѣста истиннаго и попалъ въ ложное, неистинное, то въ слѣдъ за тѣмъ и мысли его устремились не къ тому, что истинно, а къ тому, что мнится быть таковымъ,—къ обманчивымъ призракамъ. Такъ какъ твердость и постоянство есть только въ дѣйствительномъ, то уклонившіяся отъ него мысли неизбѣжно долж-

ны мястись, подобно вихрю, пыли, или инею. Отсюда — фантазія грѣховная постоянно вѣтренна.

Сія вѣтренность и обличаетъ, и въ свою очередь сама производитъ состояніе души очень опасное. Къ плодамъ ея, или къ сопровождающимъ ее свойствамъ, можно отнести:

Внутреннее растлѣніе: *въ умѣ*—уклоненіе отъ важныхъ и трудныхъ занятій и отвращеніе къ нимъ, за тѣмъ поверхностность или легкомысліе; *въ волѣ* — распаленіе страсти. Въ мечтахъ—*я* играетъ первую роль, въ удовлетвореніе какой нибудь изъ своихъ страстей. Человѣкъ, пребывая на одномъ мѣстѣ, мститъ, бранится, ненавидитъ, завидуетъ, гордится, ведетъ войну, и проч... Такъ какъ симъ увлекается вся душа, то мечта сквернитъ человѣка въ себѣ самомъ. *Въ чувствѣ*—безпрерывное пораженіе, ибо удары образовъ прямо падаютъ на сердце и дѣлаютъ, что мечтающій—тоже, что идущій среди тернія. Но главное въ семъ отношеніи есть увлеченіе сердца. Не успѣешь осмотрѣться, разобрать дѣла, а сердце уже сговорилось съ предметомъ и требуетъ дѣла. Если человѣкъ есть рабъ сердца, то преимущественно отъ вѣтренности фантазіи, или владычества образовъ.

Но зло не ограничивается внутреннимъ: оно переходитъ во внѣ и здѣсь *осѣчиваетъ все окружающее человѣка*. Человѣкъ страстный все видитъ въ радужномъ цвѣтѣ, то есть, вещи представляются имъ не въ ихъ истинномъ видѣ, не такъ, какъ онѣ есть, а какъ приспособляются и соотвѣтствуютъ нашимъ чувствамъ и нашимъ страстямъ. За тѣмъ, обратно, ими и питаются страсти. Человѣкъ-мечтатель живетъ какъ въ какой атмосферѣ страстной, составленной изъ внутреннихъ образовъ и внѣшняго призрачнаго вида вещей.

Тогда какъ это есть внутри и внѣ человѣка, то есть,

когда самовольная фантазія, какъ въ темницу какую. заключаетъ человѣка,—*въ семъ мракѣ* всею силою *начинаетъ свирѣпствовать сатана*. Когда фантазія предается самовольному движенію, тогда приходитъ сатана въ сердце и похищаетъ у него Слово Божіе или добро, какъ сѣмя, посѣянное при пути, и, напротивъ, засѣменяетъ свое зло, какъ въ притчѣ врагъ человѣкъ посѣялъ плевелы среди пшеницы. Опомнившись отъ мечтаній, человѣкъ находитъ, что настроенъ на извѣстное зло, и понять не умѣетъ, какъ и откуда.

Въ семъ-то смятеніи, среди возмущающихъ образовъ и вражіихъ силъ, какъ въ чаду, зараждаются *страстные планы на грѣхъ*, во вредъ себѣ и другимъ: разнаго рода происки, коварные подыски отъ зависти, лести и злобы, интриги, зловредныя общины, а главное—всѣ предпріятія въ удовлетвореніе главной своей страсти.

Но, кромѣ сего, отъ самоволія фантазіи у человѣка, невнимательнаго къ себѣ, раждаются еще и постоянныя расположенія, въ коихъ *мечтательность* превращается въ постоянный *характеръ*. Таковы: склонность жить въ образахъ, склонность острить, шутить, празднословить, отвращеніе отъ умственнаго труда, страсть къ чтенію пустыхъ книгъ, къ играмъ, баламъ, театрамъ.

Фантазія больше всего подвергается поврежденію отъ грѣха, или это поврежденіе въ ней замѣтнѣе, нежели въ другихъ силахъ. Потому она и у начавшаго работать Господу не вдругъ исцѣляется, а постепенно, хотя съ самаго начала онъ поставляетъ правиломъ или дѣлаетъ распоряженіе, сколько можно, установлять или поставлять въ своихъ предѣлахъ сію силу.

Такъ въ самомъ началѣ онъ входитъ внутрь себя, утишаетъ тамошнее смятеніе, собираетъ свои мысли. Самособранность—неотъемлемое свойство обратившейся къ Богу души, которымъ связывается своеволіе фантазіи.

Въ благоустроенномъ такимъ образомъ своемъ внутреннемъ онъ строитъ себѣ духовный храмъ, какъ бы небо, въ коемъ и напрягается пребывать вниманіемъ, въ присутствіи Бога, Ангеловъ и Святыхъ.

Изъ внутри тотъ же порядокъ переходитъ и во внѣ, въ помощь внутреннему. Здѣсь всѣ вещи преобразуются въ смыслѣ, осѣчиваются или покрываются духовнымъ нѣкоторымъ покровомъ, по коему нечаянные на нихъ взгляды или намѣренное смотрѣніе не развлекаетъ, не отклоняетъ отъ преднамѣреннаго, а созидаетъ и держитъ въ немъ. Въ дополненіе къ сему онъ окружается Ангелами и молитвами Святыхъ, кои, какъ лучи, устремлены къ нему, и живетъ такимъ образомъ въ духовной нѣкоторой, свѣтоносной и Божественной, атмосферѣ, которая и способствуетъ ему къ скорѣйшему образованію христіанскаго характера.

Нельзя сказать, чтобъ фантазія и у нихъ не своевольничала. Но если это бываетъ, то не по ихъ соизволенію, а противъ воли. Сами же они начинаютъ съ первыхъ дней борьбу съ помыслами, многотрудную, разнообразную, непрерывную. Можно сказать, все вниманіе ихъ обращается на помыслы и потомъ не сводится съ нихъ до самаго конца. Отсюда, кто изъ подвизавшихся не знаетъ коварства помысловъ? И какое обширное можно встрѣчать изображеніе ихъ и способовъ поборать ихъ у всякаго писавшаго подвижника? Впрочемъ трудъ и время смиряютъ наконецъ воображеніе, и во внутреннемъ мірѣ водворяются миръ и тишина, свѣтъ, какъ отъ возсіявшаго по разсѣяніи облаковъ солнца. Основаніе сему полагается въ самомъ еще обращеніи, ибо оно вставляетъ человѣка въ свой чинъ, на свое мѣсто, возвращаетъ къ дѣйствительному, вмѣстѣ съ чѣмъ и своеволіе фантазіи или мечта теряетъ свою основу. Далѣе, постоянно дѣль-

ныя занятія отнимаютъ у ней пищу, и она истощается, какъ засыхающее дерево.

εε) *Состояніе сна.*

Во снѣ проходитъ третья часть жизни. Быть не можетъ, чтобъ онъ не имѣлъ глубокаго для нея значенія. Въ естественномъ порядкѣ имъ возобновляются силы и образуется существо человѣка—душевно-тѣлесное. Нельзя потому не быть и въ отношеніи къ нему большой разности въ людяхъ, живущихъ по духу Христову, и—противно ему. Хотя въ немъ и не участвуетъ самодѣятельность, но измѣненіе благодатное касается и самаго бытія, слѣдовательно и того, что внѣ области свободы.

Здѣсь дѣло не о снѣ тѣла, но *о сновидѣніяхъ.* Сновидѣнія суть самовольныя движенія воображенія во снѣ тѣла, съ отсутствіемъ самосознанія и самодѣятельности воли. Въ ходѣ сновидѣній различаютъ три степени: *бредъ*, при дреманіи, собственно *сновидѣніе* или сонное мечтаніе, при совершенномъ снѣ тѣла, и *сонъ сокровенный*, непомнимый, при мертвомъ снѣ тѣла. Въ производствѣ ихъ владычествуетъ сердечная жизнь съ образами. Когда власть души надъ собою теряется, тогда образы воображенія, какъ изъ заклеповъ какихъ вырвавшись, наполняютъ всю область души. Здѣсь образы разныхъ временъ и мѣстъ, настоящіе и прошедшіе, худые и добрые, смѣшиваются и сочетаваются по законамъ, которыхъ познать нѣтъ возможности. Личность самаго сновидца теряется: онъ вставляется въ представляемыя воображеніемъ драмы, какъ лице стороннее, и подвергается страннымъ превращеніямъ: то радуется, то страждетъ, то повышается, то посрамляется, и проч. Такъ какъ душа теряетъ самодѣятельность во снѣ, то еще сильнѣйшему подвергается вліянію другаго міра, нежели въ

явѣ, и добрая вліянію добраго, худая — злаго. Въ самой однакожъ драмѣ онъ считаетъ себя лицемъ, соображающимъ, желающимъ, рѣшающимся на добро или зло. Сіе участіе иногда простирается до того, что проснувшись, сновидецъ скорбитъ или радуется, стыдится или одобряетъ себя за то, какъ поступалъ тамъ. Между сими сновидѣніями различаютъ три рода: одни *безпорядочныя*, о которыхъ пишетъ Сирахъ: *яко же емляйся за стѣнь, или гоняй вѣтры, тако емляй вѣру сномъ* (Сир. 4, 2). Другія *вразумительныя*, кои въ человѣкѣ, начинающемъ приходить въ сознаніе, влагаются Богомъ или Ангеломъ Хранителемъ. Объ нихъ Іовъ говоритъ, что, во время сна и въ ночныхъ видѣніяхъ, когда объемлетъ человѣка сонъ, когда онъ спитъ на постели, Богъ открываетъ ухо его и, научивъ его, запечатлѣваетъ для того, чтобъ отвесть человѣка отъ дѣла худаго, чтобы удалить отъ него гордость и чтобъ удержать душу его отъ могилы (35, 15. 16. 17). Третьи, наконецъ, бываютъ особенные сны— *Божественные, пророческіе*. Объ нихъ говоритъ Самъ Богъ: *аще будетъ въ васъ пророкъ, въ видѣніи познаюся ему, и во снѣ возглаголю ему* (Числ. 12, 6).

Сновидѣнія бываютъ таковы, каково сердце. Ихъ можно большею частію считать свидѣтелями о нравственномъ нашемъ состояніи, которое въ бодрственномъ состояніи не всегда видится. У человѣка безпечнаго, преданнаго страстямъ, они всегда нечисты, страстны: душа тамъ бываетъ игралищемъ грѣха. У человѣка, обратившагося и ревнующаго объ очищеніи сердца, они бываютъ то хороши, то худы, смотря потому, что возьметъ перевѣсъ, а иногда,—какимъ заснетъ. Онъ же подвергается здѣсь частымъ нападеніямъ бѣсовъ, которые иногда сильно соблазняютъ малоопытныхъ, какъ замѣчаетъ св. Лѣствичникъ. Заботливаго человѣка это и заставляетъ, отходя ко сну, по наставленію Церкви, во-

шіять къ Богу и Ангелу Хранителю, чтобъ сонъ его сохраненъ былъ свободнымъ отъ всякаго діаволя мечтанія и—ему самому чрезъ сонъ еще болѣе укрѣпиться въ добрѣ. По мѣрѣ очищенія сердца, очищаются и сновидѣнія, такъ что у святыхъ и совершенныхъ они бываютъ какъ бы продолженіемъ ихъ бодрственной дѣятельности. Не простирается ли она даже до сохраненія самодѣятельности и самоуправленія?

Изъ сего разсмотрѣнія познавательныхъ способностей открывается, что человѣкъ, не идущій правымъ путемъ и не пріемлющій возстановительныхъ силъ, отдѣленъ отъ міра духовнаго, невидимаго, и не знаетъ его, какъ должно; міръ видимый знаетъ поверхностно, и то, если занимается симъ узнаваніемъ; большею же частію только видитъ его и наблюдаетъ. Преимуществуетъ въ немъ воображеніе, среди дѣятельности коего онъ живетъ, какъ въ туманѣ, въ толпѣ призраковъ, при чемъ подвергается частому близкому вліянію злыхъ духовъ. У человѣка, живущаго по духу Христову, все иначе: нисшія способности, особенно воображеніе, укрощены и обращаются въ орудныя, невластвующія уже силы, какъ и должно; напротивъ, способности высшія дѣйствуютъ во всей силѣ. Разумъ его есть сокровище таинъ Божіихъ, ибо непосредственно входитъ въ общеніе съ невидимымъ міромъ и непосредственно испытываетъ его своимъ духомъ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ онъ пріобрѣтаетъ способность прозрѣвать въ тайны творенія и промышленія до того, что, хотя многихъ еще недостаетъ данныхъ, и хотя еще разсудокъ не сдѣлалъ надлежащихъ подготовленій разборомъ видимаго строя вещей или хода происшествій,—это не препятствуетъ ему разгадывать внутреннѣйшее, вѣчное ихъ значеніе. Разсудокъ хотя не всегда обогащается многими свѣдѣніями, но всегда возвращается

къ своему мѣсту и, ревнуя объ исполненіи свойственныхъ ему добродѣтелей, съ продолженіемъ времени пріобрѣтаетъ здравомысліе, которое умѣетъ дать всему судъ въ своемъ кругу, а нерѣдко, не спѣша, обсуждаетъ основательно и стороннія вещи.

бб) состояніе дѣятельныхъ силъ человѣка.

Второй классъ качествующихъ въ насъ силъ есть совокупность силъ дѣятельныхъ. Онѣ тоже являются на трехъ степеняхъ, соотвѣтственно силамъ познавательнымъ. Выше всѣхъ стоитъ *совѣсть*, которая передаетъ сознанію волю Божію,—сила высшая, отрѣшенная. За тѣмъ слѣдуетъ *воля*, занимающаяся устроеніемъ нашего временнаго быта и временныхъ нашихъ отношеній. Ниже всѣхъ стоитъ *способность низшихъ пожеланій*.

а) состояніе совѣсти.

Какъ разумъ назначенъ открывать человѣку иной, духовный, совершеннѣйшій міръ и давать знать о его устройствѣ и свойствахъ, такъ совѣсть назначена къ тому, чтобы образовать человѣка въ гражданина того міра, куда въ послѣдствіи онъ долженъ переселиться. Съ сею цѣлію она возвѣщаетъ ему тамошніе законы, обязываетъ выполнять ихъ, судить его по нимъ, награждаетъ или наказываетъ. Совѣсть называютъ практическимъ сознаніемъ. Въ семъ отношеніи можно сказать, что она есть сила духа, которая, сознавая законъ и свободу, опредѣляетъ взаимное отношеніе ихъ. По занятіямъ или дѣйствіямъ, въ совѣсти видятъ *законодателя*, *свидѣтеля*, *или судію*, и *воздаятеля*. Во всѣхъ сихъ сторонахъ ея видны большія въ ней разности въ добромъ христіанинѣ и въ человѣкѣ—грѣшникѣ, отпадшемъ отъ Бога.

Уже по тому самому, что грѣшникъ отдѣлился отъ Бога, должно ожидать, что совѣсть у него не можетъ быть исправна; ибо, если она есть то голосъ Бога въ душѣ (законодатель), то око Его (свидѣтель), то намѣстница Его правосудія (судія и воздаятель); то при отпаденіи отъ Него всѣ сіи Божественныя, такъ сказать, наитія на насъ чрезъ духъ—должны ослабѣть и умалиться въ числѣ и силѣ. Сверхъ того, совѣсть не дѣйствуетъ одна, отдѣльно, а беретъ себѣ въ посредники и орудія другія силы: разсудокъ, волю, силу чувствованія. Если сіи разстроены въ путяхъ своихъ, то и отъ совѣсти нельзя ожидать правой дѣятельности.

Есть невольныя, ненамѣренныя, такъ сказать, уклоненія совѣсти отъ путей правды, какъ бы заблужденія, и есть намѣренныя ея искаженія или порча совѣсти отъ противодѣйствія ей, въ угодность порокамъ и страстямъ. Эти двѣ стороны сейчасъ же представляются во всѣхъ трехъ дѣйствіяхъ совѣсти. Такъ

Дѣло совѣсти, *какъ законодателя*,—показывать законы, по коимъ должно дѣйствовать существу разумно-свободному, и склонять къ тому волю его силою своего обязательства.

Какъ мало у совѣсти силы побудить волю къ исполненію своихъ предписаній, ясно даже сознаваемыхъ, о томъ и говорить нечего. Это она еще можетъ какъ нибудь сдѣлать, если не встрѣчается съ какою нибудь страстію и склонностію, но коль скоро есть подобное столкновеніе, голосъ ея не слышится, и силою его одного человѣкъ не можетъ преодолѣть себя. Посему часто человѣкъ согрѣшаетъ по безсилію совѣсти, многія добродѣтели знаетъ только по слуху, многими изъ нихъ только соуслаждается, равно какъ и пороки иные не любитъ только на словахъ и—до времени и случая.

Самое законодательство, кажется, дѣло и глечайшее,

отправляется совѣстію невѣрно. Предписанія совѣсти сознаются въ видѣ требованій. Такъ какъ и другія потребности, естественныя или привитыя послѣ, тоже выставляютъ свои требованія; то неудивительно, что человѣкъ при смятеніи, царствующемъ въ немъ по паденіи, не можетъ иногда разобрать, чему повиноваться. Такъ, относительно *главнаго начала* въ нравственной дѣятельности, или того, куда должно быть устремляемо все вниманіе и направлены всѣ помышленія, совѣсть большею частію совсѣмъ почти молчитъ; отъ того человѣкъ долженъ бываетъ вопрошать: *что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую?* и, когда къ нему обращаются съ подобнымъ вопросомъ, приходитъ въ смущеніе и вынужденъ бываетъ сознаваться въ невѣдѣніи, а если иногда и предлагаетъ что въ отвѣтъ, то предлагаетъ начала превратныя, составляемыя превратнымъ умомъ въ заговорѣ съ склонностями, какъ у фарисеевъ, саддукеевъ, стоиковъ и др. Но когда неизвѣстно главное начало, то въ слѣдъ за тѣмъ не только теряется нить взаимноподчиненія и соотношенія частныхъ законовъ, и одни возвышаются предъ другими безъ разумныхъ основаній, по случайнымъ обстоятельствамъ, но и многое входитъ въ законъ, что не должно быть закономъ. Такъ, напр., иной выше всего ставитъ гражданскую службу, другой Богослуженіе, тотъ кабинетныя занятія ученаго. Касательно же *частныхъ случаевъ*, когда, то есть, совѣсть сейчасъ же должна опредѣлить, какъ кому поступить въ извѣстномъ случаѣ, — еще больше неопредѣленности, недальновидности и запутанности. Тутъ, большею частію, она или оставляетъ человѣка самому себѣ, отъ чего онъ нерѣдко оставляетъ безъ вниманія доброе, а дѣлаетъ худое что по одному невѣдѣнію зла; или колеблется между *да и нѣтъ*, поставляетъ человѣка въ нерѣшительномъ увѣреніи, хорошо ли то, что онъ дѣлаетъ; или называетъ

горькое сладкимъ, а скадкое горькимъ, и это—даже у законодателей, занимавшихся тѣмъ, людей опытныхъ въ жизни. Вообще, совѣсть оставляетъ человѣка дѣйствовать на удачу, по влеченію обстоятельствъ, безъ внутренняго увѣренія и одобренія. По всему видно, что сей законодатель отстраненъ отъ своей должности, лишенъ господства и до того ослабѣлъ, что не вступается за свои права; напротивъ, дѣйствующею представляется иная нѣкая сила—за совѣсть.

Еще большему поврежденію и искаженію подвергается законодательствующая совѣсть, если встрѣчается съ *эгоизмомъ* и *ему подчиняется*. Здѣсь сначала ея законы перетолковываются, потомъ извращаются и наконецъ замѣняются совсѣмъ иными, самовольными и даже противными законамъ истиннымъ. Мы охотно вѣримъ тому, что любимъ, и сильно желаемъ, чтобъ истина была на сторонѣ любимаго. По этому, если случится услышать голосъ совѣсти съ заповѣдію, противною нашей склонности, то онъ имѣетъ для насъ меньше убѣжденія, нежели требованія сердца. Въ подобныхъ обстоятельствахъ тотчасъ раждается недоумѣніе касательно истиннаго смысла заповѣди: мы спрашиваемъ съ сомнѣніемъ: да такъ ли это должно понимать? таково ли требованіе закона? ко всѣмъ ли онъ идетъ? идетъ ли ко мнѣ и моему положенію? При этомъ раздумьѣ дѣла большею частію только отстраняются, оставляются до другаго времени подъ сомнѣніемъ; но скоро за тѣмъ представляются мысли въ угоду сердцу, законъ перетолковывается, и мы удаляемъ себя отъ исполненія его подъ разными предлогами. Такъ, подъ предлогомъ сохраненія здоровья, удаляются отъ поста и воздержанія, а подъ предлогомъ поддержанія благосостоянія семейнаго и нуждъ, отказываются отъ благотворенія; въ видѣ праведнаго возмездія берутъ ростъ; отстаивая честь, вы-

ходятъ на дуэль, и проч. Все сіе впрочемъ пагубно въ половину, если заходитъ недалеко, касается частныхъ случаевъ и притомъ у одного лица, но долговременная дѣятельность въ одномъ родѣ, съ перетолкованіемъ смысла закона, доводитъ до того, что онъ совсѣмъ искажается и въ совѣсти, а на мѣсто его ставится превратное правило. Отъ того считаютъ скупость бережливостію, расточительность—щедростію, гнѣвъ—чувствомъ благороднаго негодованія, потворство — снисходительностію, жестокость—ревностію по правдѣ, лесть—гибкостію характера, хитрость—благоразуміемъ, гордость—чувствомъ достоинства. Случись при этомъ кому либо обращаться въ такомъ кругу, гдѣ помянутыя мнѣнія приняты и содержатся какъ правила, опредѣляющія внѣшнее поведеніе человѣка во всѣхъ его положеніяхъ,—что удивительнаго, если онъ сіи правила приметъ за рѣшительное законодательство совѣсти, и удовлетвореніе имъ станетъ считать и первымъ дѣломъ и добродѣтелію, какъ, напротивъ, жизнь или поступки не по нимъ станетъ осуждать не языкомъ только, но и чувствомъ совѣсти.

Совѣсть, какъ *свидѣтель и судія*, сознаетъ, какъ обшелся человѣкъ съ предписаннымъ ею закономъ, и, подводя подъ него поступокъ со всѣми обстоятельствами, и внутренними и внѣшними, опредѣляетъ, правъ ли человѣкъ или виноватъ. Судъ суда совѣстнаго, какъ говорится, неподкупенъ. Это и бываетъ такъ, только не всегда. Можно ожидать невѣрности въ судѣ совѣстномъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ невѣрно законодательство совѣсти, ибо тогда нѣтъ начала для суда. Сверхъ того, для вѣрности суда надобно замѣтить поступокъ во всѣхъ частяхъ, особенно внутреннія при немъ бывшія расположенія; у человѣка же грѣшника, при постоянномъ расхищеніи ума, многое очень можетъ быть опущено изъ вниманія. Потому у него совѣсти не къ чему прилагать суда. На-

конецъ, непослѣднее дѣло при семъ—ревность къ правотѣ, чтобъ неослабно преслѣдовать все преступное, ибо безъ сего многое и изъ замѣченнаго можетъ быть пропущено мимо ушей; это и еще основаніе невѣрности суда совѣсти у грѣшника, ибо онъ и грѣшникъ по тому, что не имѣетъ ревности къ правдѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что совѣсти слѣдовало бы дѣйствовать такъ: ревнуя о правдѣ, тщательно слѣдить за дѣлами человѣка, и мало-мало какая окажется неисправность, тотчасъ предавать его суду и судить, не лицемѣря. Но такихъ дѣйствій нѣтъ въ совѣсти у человѣка-грѣшника. Какъ же можно ожидать вѣрнаго суда отъ такой совѣсти!

Уже изъ того видна его ненадежность, что по нему каждый человѣкъ самому себѣ представляется лучшимъ, нежели каковъ есть на самомъ дѣлѣ. Исключая рѣшительныхъ случаевъ и важныхъ грѣховъ, всякій готовъ говорить: чтожъ такое я сдѣлалъ? По этому Богобоязненные судіи о себѣ самихъ и говорятъ себѣ: отъ тайныхъ моихъ очисти мя. Совѣсть въ падшемъ состояніи—разбитое зеркало. Какъ разбитое зеркало, и она теперь не такъ представляетъ дѣла наши и насъ, какъ бы слѣдовало.

Такова совѣсть, какъ свидѣтель и судія, если къ ней не примѣшивается *страсть*; въ семъ же случаѣ вѣсы ея еще больше *склоняются на неправую сторону*, и судъ искажается. Когда совѣсть сама по себѣ судитъ о частныхъ случаяхъ, то здѣсь судъ ея еще бываетъ по временамъ не невѣренъ; но, коль скоро надлежитъ судить свои страстныя дѣла, судъ совѣсти всегда кривъ.—Таковъ судъ у честолюбца за честолюбіе, у скупца за скупость, и проч., тогда какъ въ другихъ дѣлахъ таже совѣсть бываетъ недремлющею. Немалый признакъ искаженія совѣсти есть *уклоненіе суда отъ себя на другихъ*. Совѣсть намъ дана затѣмъ, чтобъ судить насъ самихъ; если она

судитъ другихъ, надобно сказать, что она не свое дѣло стала дѣлать. На это осужденіе другихъ можно теперь смотрѣть, какъ на указаніе того, каковъ бы долженъ быть судъ нашъ надъ нами самими, и какъ на обличеніе постоянной невѣрности сего послѣдняго. Такъ въ осужденіи другихъ судъ обыкновенно бываетъ скоръ, мгновененъ, тогда какъ надъ самими собою онъ медленъ, отсрочивается, а слѣдуетъ—на оборотъ. Судъ о другихъ бываетъ неумолимо строгъ, тогда какъ судъ о себѣ всегда прикрывается снисходительностію, а слѣдуетъ—на оборотъ. Оканчивается же сей судъ всегда почти: нѣсмь, якоже прочіи человѣцы... Какъ строго купецъ судитъ о дѣлахъ правовѣда, свѣтскій—о духовныхъ, и проч.! Тогда какъ на другихъ безпрерывно идетъ изъ сердца осужденіе, себя любимъ мы покрывать оправданіемъ. *Самооправданіе*—общій почти грѣхъ. Выставляютъ то слабость, то невѣдѣніе, то обстоятельства, то соблазны, примѣры. число участниковъ, и чѣмъ—чѣмъ не оправдываютъ себя! Если наконецъ не удастся это, упорно стоимъ за себя. *Упорная несознательность*—плодъ великаго поврежденія совѣсти и вмѣстѣ сильнаго эгоизма. Человѣкъ внутри говоритъ наперекоръ себѣ: не виноватъ,—пустое,—ни чего! и при этомъ разные употребляются извороты, преимущественно касательно судимаго поступка, напрягаясь подвесть его подъ случаи, въ коихъ подобные поступки бываютъ извинительны.

Совѣсть, *какъ мздовоздаятель*. Коль скоро произнесенъ судъ, и человѣкъ созналъ въ себѣ: виноватъ,—начинается скорбь, туга, досада на себя, укоры, терзанія или мученія совѣсти. Такія чувства и суть воздаянія за грѣхи отъ совѣсти, какъ напротивъ отрадныя чувства совѣстнаго оправданія суть воздаянія за правду. Что это есть и какъ бываетъ сильно, показываютъ тѣ преслѣдованія, какимъ подвергаются великіе преступники отъ совѣсти,

когда она и внутри терзаніями, и во внѣ привидѣніями страшитъ ихъ и на яву, и во снѣ. Но и опять, сколько несправедливости у ней и съ сей стороны! Основаніе имъ *одно*—въ невѣрности первыхъ двухъ дѣйствій, законодательства и суда, ибо невиновнаго за что мучитъ? *другое*—въ состояніи сердца: сердце ожестѣлое равнодушно, какъ его не вини. Отъ этого сознаніе своей виновности большею частію остается въ мысли, не тревожа сердца, и человѣкъ часто говоритъ: виноватъ, да чтожъ такое?—и остается холоднымъ зрителемъ своихъ грѣховъ, нерѣдко немалыхъ. Немалое при семъ значеніе имѣетъ обстоятельство времени и мѣста. Такъ, недавнее преступленіе безпокоитъ еще довольно сильно, а по времени оно превращается въ простое напоминаніе; мѣсто преступленія также встревоживаетъ сильно, а вдали отъ него мы покойны. Нерѣдко нападаетъ на совѣсть страшливость (скрупулезность), по которой, считая всякое почти дѣло грѣхомъ, она за все тревожитъ и ѣстъ человѣка. Состояніе того, кто подвергается такому суду, мучительно и потому есть состояніе болѣзненное, неестественное.

Но все это происходитъ само собою, безъ нашего злонамѣреннаго участія. Гдѣ же привходитъ умыселъ, тамъ мы или искажаемъ совѣстное воздаяніе, или заставляемъ его молчать. Это производится разными способами усыпленія совѣсти. Усыпленіе сіе приходитъ и само собою отъ учащенія грѣхопаденій, ибо извѣстно, что второе паденіе меньше мучитъ, третье еще менѣе, и такъ все менѣе и менѣе, а наконецъ совѣсть совсѣмъ нѣмѣетъ: дѣлай, что хочешь. Изъ опасенія, чтобъ усыпленная совѣсть какъ нибудь снова не пробудилась, прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ. Таковы: избраніе себѣ снисходительнаго духовника, лживая исповѣдь, ложное успокоеніе себя разрѣшеніемъ, ограниченіе дальнѣйшаго исправленія одною внѣшностію, или одними внѣшними

дѣлами благочестія, и чрезмѣрная надежда на милосердіе Господне; или, еще хуже,—убѣжденіе себя, что мученія совѣсти суть суевѣрные страхи, изъ неопытнаго дѣтства перешедшіе, намѣренное удаленіе себя отъ лицъ и мѣстъ, даже отъ предметовъ размышленія, могущихъ растревожить совѣсть, намѣренное развлеченіе или преданіе себя суетнымъ, одуряющимъ, сильнымъ впечатлѣніямъ, и наконецъ, край всего—хвастовство своими грѣхами. Такими способами мало по малу успѣваютъ совсѣмъ заглушить совѣсть, и она молчитъ до времени.

И такъ совѣсть въ грѣховномъ состояніи, по законодательству, по суду и воздаянію, то сама собою невѣрна, то намѣренно искажается ради страстей. Отъ сего одни свободно предаются всему разливу страстей и грѣховной жизни, ибо, когда совѣсть улажена съ страстями, кто вразумитъ? Другіе живутъ въ холодной безпечности ни худо, ни добро. У тѣхъ и другихъ, очевидно, дѣятельность извращена, и она пробудетъ такою до пробужденія совѣсти. Мѣрою развращенія опредѣляется, что бываетъ при семъ съ человѣкомъ. Ибо иные, хотя послѣ сильнаго и томительнаго перелома, возвращаются къ жизни истинной; другіе, напротивъ, съ пробужденіемъ совѣсти предаются отчаянію и допиваютъ горькую чашу беззаконій, чтобъ потомъ испивать до дна и чашу гнѣва Божія.

У человѣка, къ Богу обратившагося и возстановившаго благодатное съ Нимъ общеніе, совѣсть заблуждающая вразумляется, искаженная исправляется во всѣхъ трехъ своихъ должностяхъ. Первый лучъ благодати падаетъ на совѣсть и своимъ Божественнымъ огнемъ очищаетъ ее, какъ злато въ горнилѣ. Когда же совершается обращеніе и возстановляется общеніе съ Богомъ, тогда возвращается совѣсти и вся первоначальная сила. Тогда что будетъ препятствовать гласу Божію—закону совѣ-

сти—проходить до глубины души? Что помѣшаетъ лучу изъ ока Божія—суду совѣсти—пасть на дѣла и намѣренія человѣка и освѣтить ихъ? Или почему бы душа не могла согрѣваться теплотою предчувствуемаго благоволенія Божія или содрогаться страхомъ гнѣва Божія? Между Богомъ и совѣстію средостѣніе разорено, силы орудныя для совѣсти возстановлены, слѣдовательно совѣсть обладаетъ всѣми способами для исправнаго дѣйствованія.

Такъ она дѣлается исправною въ *законодательствѣ*. Сознаніе законовъ Божественныхъ и возбуждаетъ грѣшника отъ усыпленія, но оно въ послѣдствіи не сокращается, а возвышается. Этому способствуетъ сама благодать, которая, какъ *помазаніе, учитъ всякаго, какъ должно поступать* (1 Іоан. 2, 27), и руководитъ его на всѣхъ путяхъ жизни, тайно и явно. Этому способствуетъ жажда Слова Божія, отъ коего обратившійся грѣшникъ не отстаетъ, а ищетъ или слышать, или читать его, впиваетъ его, питается имъ и все черпаемое изъ него превращаетъ во глубинѣ сердца въ правила и начала и тѣмъ освѣщаетъ свою совѣсть. Этому способствуетъ самая жизнь. Чувствуя себя опредѣленнымъ на хожденіе въ волѣ Божіей, онъ тщательно изслѣдуетъ волю Божію для себя и во всѣхъ до него касающихся случаяхъ и всегда въ отношеніи къ грѣху говоритъ себѣ: *како совершу глаголъ сей злый и согрѣшу предъ Богомъ*,—а къ добру: *готово сердце мое, готово*! Такимъ образомъ навыкаетъ онъ жизни законной въ своемъ кругу и не имѣетъ уже нужды справляться съ книгою законовъ, но знаетъ ихъ прямо подобно опытному правовѣду. Что же касается до нападеній со стороны развратной воли, то, хотя они и чувствуются, но голосъ ихъ подавляется тотъ же часъ; даже хотя бы онъ и еще слышенъ былъ, дѣятельность законная на перокоръ имъ не оставляется,

ибо опредѣлено ходить въ волѣ Божіей безъ саможалѣнія, со всякими пожертвованіями, среди всякихъ озлобленій, и внутреннихъ и внѣшнихъ.

Является она исправною *въ судопроизводствѣ*. Бдительное и трезвенное око, уставленное на себя, замѣчаетъ всѣ оттѣнки дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Когда въ тоже время съ другой стороны стоитъ чистое зеркало совѣсти,—что препятствуетъ отражаться въ семъ зеркалѣ дѣлу въ истинномъ его видѣ, и потому—суду совѣсти быть истиннымъ? Сужденіе есть приложеніе начала къ частному случаю. Если то и другое есть, но оно не можетъ не совершиться и, если то и другое вѣрно, не можетъ быть невѣрнымъ. Къ совершенству сего дѣйствія совѣсти далѣе способствуетъ то, что считается величайшимъ грѣхомъ,—осудить другаго, и, когда это случится нечаянно, очищается сильнымъ раскаяніемъ. Но когда судъ весь обращенъ на себя, то здѣсь онъ совершается безъ укрывательства, безъ ложнаго снисхожденія, со всею подробностію и полнотою, касаясь не дѣлъ только и словъ, но и намѣреній и мыслей. Въ предостереженіе же отъ погрѣшностей въ семъ дѣлѣ избирается сторонній судія (духовникъ или опытный старецъ, которому открываютъ все), который и рѣшаетъ дѣло, и котораго рѣшеніе принимается, какъ рѣшеніе Божіе. Здѣсь не встрѣтится грубаго самооправданія и несознательности, ибо жизнь почти вся проводится въ самоосужденіи и чувствахъ покаянія; дѣла свои не считаются совершенными и законченными, и свое лице—достойнымъ милостей. Какъ плодотворны такія расположенія! Они сначала приводятъ миръ въ душу, не возмущаемый никакими внѣшними непріятностями, ибо виновный чувствуетъ себя достойнымъ всякихъ казней; потомъ и чистоту въ жизнь, ибо, чѣмъ больше осуждается дѣлъ или сторонъ въ дѣлахъ, тѣмъ они должны становиться совер-

шеннѣе, если такой пересмотръ совершается съ цѣлію достигать совершенства.

Исправна она и въ *воздаяніи*. Окамененное нечувствіе прогнано, когда Божія благодать разваряла все существо человѣка; есть и постоянная молитва объ избавленіи отъ него напослѣдокъ. Посему, какъ въ барометрѣ легкое колебаніе въ атмосферѣ отражается тотчасъ, такъ и въ обратившемся или жало обвиненія совѣстнаго тотчасъ оставляетъ рану болѣзненнаго сокрушенія, или елей оправданія намащаетъ душу помазаніемъ мира и исполняетъ отраднымъ благоуханіемъ радости. При семъ замѣтить должно, что и мученія совѣсти совсѣмъ иной имѣютъ здѣсь оттѣнокъ, нежели какой имѣютъ они у необращеннаго. Они отрадно-умиленны, не ожесточаютъ, не отрѣваютъ, не сожигаютъ. Можетъ быть, это потому, что, по обращеніи, при ревности къ Богоугожденію, случаются только нѣкоторые, нечаянные, ненамѣренные грѣхи. Правда, не оставляются безъ вниманія и прошедшія дѣла и, когда нужно, воспроизводятся дѣятельно, разъясняются со всѣми обстоятельствами, со всѣми послѣдствіями, и предаются внутреннему суду, какъ бы насталъ часъ смерти, суда Божія и окончательнаго приговора, и въ разверстомъ такимъ образомъ сердцѣ омывается слезами все содѣянное вопреки волѣ Божіей; но опять и это не подавляетъ ихъ духа безнадежностію. Бываетъ въ крушеніи духъ отъ сличенія прошедшаго съ будущимъ, но оно всегда оканчивается отраднымъ успокоеніемъ въ Богѣ: грѣшникъ, но Твое созданіе, къ Тебѣ обращаюсь, буди воля Твоя! — И въ этомъ горѣніи совѣстномъ избавляютъ себя отъ огня будущаго. Миръ совѣсти у святыхъ не исключалъ такого крушенія духа, а напротивъ, многіе все время проводили въ слезахъ, — иные были сухи отъ того, какъ говорили они, что помнили безпрестанно огнь геенскій, который опалялъ ихъ

непрестанно (Макарій В.). Такое состояніе совѣсти съ одной стороны приносило имъ трезвенность, освѣжающую и ободряющую, съ другой, въ отношеніи къ Богу и всему характеру ихъ жизни, преисполняло ихъ сладостнымъ миромъ, неизъяснимою отрадою, всеобъемлющимъ Богоблаженствомъ. Миръ Божій, превосходящій всякій умъ осѣнялъ ихъ (Фил. 4, 7). Въ этомъ состояніи они получали непреодолимое воодушевленіе на дѣла Богоугодныя. Апостолъ Павелъ дороже всего почиталъ свидѣтельство своей совѣсти и ради его шелъ на всѣ скорби. Тоже чувствовали и другіе (Іов. 27, 6). Это—отрадная манна, укрѣпительная пища небесная, приносимая Ангелами съ неба. Это и есть радость о Дусѣ Святѣ, или сила, по коей можно, слѣдуя Апостолу, непрестанно радоваться.

Плоды такого состоянія совѣсти суть: *прежде* всего—*дерзновеніе* предъ Богомъ, по которому несмущенно и несумнѣнно обращаются къ Богу, какъ невинныя дѣти къ отцу: *потомъ—живая, сильная и скорая дѣятельность,* ибо чистая совѣсть привлекаетъ силу Божественную, которая, преисполняя собою всю душу, сообщаетъ ей неутомимость, непрестаемость труда, непреодолимость препятствіями, въ чемъ собственно и состоитъ *свобода духа,* свойственная человѣку; *наконецъ* и воля сливается съ совѣстію и прекращается всякое внутри возстаніе: человѣкъ вступаетъ въ то состояніе, когда ему законъ не лежитъ, потому что онъ самъ весь преисполняется закономъ.

β) *Состояніе воли.*

Ниже совѣсти въ числѣ дѣятельныхъ силъ стоитъ воля, которой принадлежитъ устроеніе нашей земной временной жизни,—предпріятія, планы, нравы, поступки, поведеніе,—вообще все, чѣмъ выражаетъ себя чело-

вѣкъ во-внѣ извнутри. Ее можно назвать способностію стремленій и расположеній. Главный предметъ ея—благо. Виды ея дѣйствій—желаніе и отвращеніе: отвращаясь отъ зла, стремиться къ добру, — въ этомъ вся жизнь. Желать зла и отвращаться отъ добра человѣкъ не можетъ, а можетъ только зло считать добромъ, а добро—недобромъ, и по обольщенію, перваго желать подъ видомъ добра, а послѣдняго не желать, представляя его недобрымъ.

Неизбѣжность или основаніе и источникъ стремленій и желаній есть неполнота нашего существа. Чувство сей неполноты заставляетъ человѣка искать предметовъ для восполненія себя. Въ семъ отношеніи человѣкъ есть земля жаждущая или губка; число потребностей—число отверстій ея. Предметъ, въ которомъ чаетъ человѣкъ найти удовлетвореніе своей нуждѣ, считается благомъ, которое, чѣмъ многообъятнѣе, тѣмъ выше. Очевидно, что верховнымъ благомъ человѣка можетъ быть только то, что вполнѣ всесторонне его успокоиваетъ. Такое благо есть единъ Богъ. Если, далѣе, сила стремленія опредѣляется качествомъ ожидаемаго блага, то стремленіе къ Богу должно быть высшимъ и сильнѣйшимъ у насъ стремленіемъ. Этого же должно ожидать еще и вотъ почему: стремленіе есть отраженіе потребности, а потребность есть отраженіе устройства нашего существа. Такъ какъ человѣкъ созданъ по образу Божію, то его главною потребностію, а за нею стремленіемъ, должна быть жажда Бога и Божественныхъ вещей. *Что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ* (Пс. 72, 25).

Въ человѣкѣ, въ невинномъ состояніи, и была сія правота въ сердцѣ или волѣ, но чрезъ паденіе въ немъ должно было произойти и дѣйствительно произошло превращеніе. Куда направилась его воля? Какъ видно изъ

обстоятельствъ паденія, къ себѣ. Вмѣсто Бога, человѣкъ самъ себя возлюбилъ безконечною любовію, себя поставилъ исключительною цѣлію, а все другое средствомъ.

Отсюда видно, что главное расположеніе, гнѣздящееся въ самой глубинѣ души у человѣка падшаго и еще не возставшаго, есть *самолюбіе*, или *эгоизмъ*. Это расположеніе такъ естественно, всеобще, сильно, неотразимо, что Аристотель (язычникъ) въ своемъ нравоученіи написалъ: „даже и добрый человѣкъ все дѣлаетъ для себя, потому и должно любить себя.“ Вотъ почему заповѣдуется въ самомъ началѣ доброй жизни во Христѣ Іисусѣ *отвергаться себя*, потомъ во все продолженіе хожденія въ слѣдъ Христа не *себѣ угождать* (Рим. 15, 1), не *своего искать* (Фил. 2, 4). Когда Макарій В. совѣтуетъ войти глубоко внутрь себя и убить на самомъ днѣ сердца гнѣздящагося змія, то разумѣетъ подъ симъ зміемъ самолюбіе (Сл. 1, гл. 1).

Всѣ порочныя расположенія или все нравственное зло истекаетъ уже изъ самолюбія, какъ говоритъ Ѳеодоръ, епископъ Едесскій (Добротолюбія томъ 3 его главы,— гл. 93). „Самолюбіе есть мать неизобразимыхъ золъ. Кто побѣждается имъ, тотъ входитъ въ союзъ и со всѣми прочими страстями.“ Нетрудно впрочемъ замѣтить, что между сими страстями есть начальнѣйшія и источныя, стоящія во главѣ другихъ, сами оглавлены будучи самолюбіемъ. Эти первыя порожденія самости суть: *гордость*, или вообще жажда возвышенія, *корыстолюбіе*, или любостяжаніе, и *плотоугодіе* или, полнѣе, *жажда наслажденій* и удовольствій всестороннихъ. Это подтверждаетъ опытъ и простое наведеніе, что какую ни возьми страсть, всегда, восходя къ источнику, придешь къ какой нибудь изъ показанныхъ страстей начальныхъ. Посему говоритъ св. Максимъ Исповѣдникъ (О любви сотня 2, гл. 59): „Блюди себе отъ матери злыхъ—самолюбія. Отъ сего бо раждаются три первыхъ страстныхъ помысла—чревобѣ-

сія, сребролюбія и тщеславія, отъ которыхъ потомъ раждается и весь злыхъ соборъ“ (Тоже у Θеод. Едесскаго гл. 61, 62 и у Григорія Синайскаго въ Добротолюбіи). Міръ есть овеществленное самолюбіе, или есть совокупность его порожденій въ лицахъ и дѣйствіяхъ; ибо св. Іоаннъ Богословъ все, что въ мірѣ, дѣлитъ на три класса: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейскую (1 Іоан. 2, 16), то есть, что тамъ все движется по дѣйствію сихъ трехъ страстей. Онъ есть поприще, гдѣ развивается во всей своей широтѣ дѣятельность грѣховной воли.

Каждая изъ сихъ начальныхъ страстей въ свою очередь раскрывается множествомъ другихъ, исполненныхъ ея духомъ и характеромъ. Онѣ кладутъ свою печать какъ на всѣхъ силахъ человѣка, такъ и на всей его дѣятельности, и тѣмъ осложняютъ его страстность и размножаютъ страсти.

Похоть плоти есть ненасытимое желаніе удовольствій, или безпрерывное исканіе предметовъ, могущихъ услаждать внутреннія и внѣшнія чувства души. Она заставляетъ поставлять единственною цѣлію собственное наслажденіе или жить въ свое удовольствіе и къ тому направлять все встрѣчающееся и все предпринимаемое. Разнообразіе частныхъ склонностей, вытекающихъ изъ нея, зависитъ и отъ предметовъ удовольствія, и отъ органовъ, которыми оно вкушается. Такъ изъ удовольствій вкуса раждаются сластолюбіе, пьянство, многоядѣніе; изъ половыхъ страстей—распутство въ разныхъ видахъ; изъ органовъ движенія—разсѣянность или лѣнивость; изъ душевныхъ чувствъ—порочная любовь и мечтательное сластолюбіе чрезъ воображеніе, и проч. Главнѣйшія же ея порожденія суть: чревонеистовство, блудъ, лѣность, забавы и утѣхи.

Кто обладается этою страстію, того она заставляетъ

вездѣ дѣйствовать по своему качеству и на всемъ отпечатлѣваетъ свой духъ.

Такъ, въ *отношеніи къ религіи*, въ *Богопознаніи*, сластолюбцы, по свойственному имъ легкомыслію и по исключительному почти обращенію ко внѣ, истинъ Боговѣдѣнія не принимаютъ глубоко къ сердцу, отъ чего истины сіи не только, какъ не имѣющія корня, остаются безплодными, но и подвергаются сильнымъ нападеніямъ внутри отъ склонностей, обращенныхъ къ иному порядку, а сіе послѣднее обстоятельство человѣка, преданнаго удовольствіямъ, или поставляетъ неминуемо въ состояніе равнодушія къ истинамъ вѣры, или, еще хуже, повергаетъ въ сомнѣніе о нихъ. Въ *Богопочтеніи* имъ нужно пріятное священнодѣйствіе, и въ храмахъ они ищутъ не славы и чествованія Бога, а услажденія слуха и зрѣнія. Въ самомъ внутреннемъ Богопочтеніи преимущественно ищутъ сладостныхъ движеній сердца и съ напряженіемъ вызываютъ ихъ, отъ чего во *время напасти отпадаютъ* (Лук. 8, 13), когда за истину нужно бываетъ испытывать скорби, внутреннія ли то или внѣшнія. *Они враги креста; имъ Богъ чрево* (Фил. 3, 18).

Въ отношеніи къ себѣ. Сластолюбецъ весь занятъ удовольствіями и притомъ только настоящими, говоря въ себѣ: *да ямы и піемы, утрѣ бо умремъ* (Исаіи 22, 56. 12; 1 Кор. 15, 32; Прем. 2, 6); о будущемъ онъ и не помышляетъ и отъ того не радитъ о слѣдствіяхъ своей жизни, даже предначинающихся, даже тогда, какъ встрѣчаетъ внезапно болѣзни, бѣдность, безславіе. Душа у него въ презрѣніи; одно тѣло пространно питается (Тит. 1, 12; 1 Тим. 5, 6). Отъ этого не найдешь въ немъ ни понятій точныхъ и стоющихъ, ни твердыхъ правилъ жизни. И по поступкамъ и по мыслямъ, онъ влается какъ прахъ вѣтромъ. Онъ чуждъ занятій солидныхъ, постоянныхъ, усильныхъ, долговременныхъ,—отъ того и ничего

не можетъ представить отъ своего лица, чтобъ могло его пережить.

И *въ отношеніи къ другимъ онъ не лучше.* Правда, лично обижать другихъ онъ неохотно рѣшается, потому что это можетъ сопровождаться непріятностями. Но уже всякій, несходный съ нимъ въ нравѣ, неготовый раздѣлять съ нимъ его дѣлъ, есть не только чужой ему, но и непріятель. При семъ случись только нужда, онъ готовъ на всякія несправедливости: обманъ, несдержаніе слова, ложныя обѣщанія, хитрыя уловки. Къ дружбѣ есть въ немъ склонность, но обыкновенно друзья у него избираются не по истинному достоинству и бываютъ недолговременны. Въ обращеніи бываетъ желаніе показать вѣжливость, но тутъ же колкости, остроты, насмѣшки, иногда и нахальство.

Мало добраго бываетъ отъ таковыхъ и *въ быту житейскомъ, и въ гражданскомъ.* Собственно, они ни повелѣвать, ни повиноваться, какъ слѣдуетъ, не способны. Сластолюбецъ—отецъ, мужъ, господинъ, начальникъ—хуже всего. Дѣти, жена, семейство, ввѣренные, гибнутъ. Всему причиною сроднившееся съ нимъ нерадѣніе и ложная кротость или поблажка, потому что взысканіе часто сопровождается непріятностію. У нисшихъ во всѣхъ видахъ не бываетъ возмутительнаго противленія, но всегда почти ропотъ, медленность, лѣнивость; вообще они больше *слышатели, нежели творцы закона* (Іак. 1, 22).

Корысть есть ненасытимое желаніе имѣть, или исканіе и стяжеваніе вещей подъ видомъ пользы, за тѣмъ только, чтобъ сказать объ нихъ: *мои.* Предметовъ сей страсти множество: домъ со всѣми частями, поля, слуги, а главное—деньги, потому что ими можно все доставать. Иные впрочемъ исключительно пристращаются къ серебру и золоту. Отъ этого сію страсть можно видѣть преимущественно въ двухъ видахъ: сребролюбіи и любо-

иманіи, или стяжательности. Судя по употребленію, подъ вліяніемъ тщеславія, она является *пышностію*, отъ гордости и властолюбія—*всемірною оборотливостію*, стремящеюся захватить всю торговлю въ свои руки, а отъ безумія—*скупостію*. Безпрерывно сопутствуютъ сей страсти забота мучащая, зависть, страхи, печаль и скорби. Титулъ приличный обладаемому ею человѣку—*интересанъ;* ибо онъ шага не сдѣлаетъ безъ того, чтобъ ему это не принесло пользы, и все, чего ни коснется рука его, слово, мысль,—все несетъ ему свою дань. Потомъ, когда вещь поступила въ его область, онъ говоритъ: моя навсегда... Эта исключительность владѣнія рѣшительная, сердечная, какъ ограду какую обводитъ около его вещей и отрѣваетъ всѣхъ другихъ.

Въ отношеніи къ религіи. Познать Бога ему некогда: по этому онъ содержитъ вѣру такъ, какъ слышалъ и принялъ и какъ умѣетъ вообразить душею, загроможденною вещами чувственными. Больше всего склоненъ онъ къ суевѣрію, антропоморфизму, идолопоклонству. Сильная и исключительная любовь къ вещамъ дѣлаетъ подозрительнымъ его Богопочитаніе внутреннее; ибо, какъ говоритъ Господь, *нельзя Богу работать и мамонѣ* (Мат. 6, 24). Посему онъ прямо называется идолопоклонникомъ (Еф. 5, 5; Кол. 3, 5; Мат. 19, 22; Іов. 31, 24; Псал. 6, 2). Онъ будто и чтитъ Бога, но не сердцемъ, а чѣмъ нибудь внѣшнимъ и притомъ не иначе, какъ въ ожиданіи умноженія прибытковъ или изъ страха потерять и желанія сохранить то, что имѣется. Потому онъ склоненъ ко *внѣшнему Богопочтенію* и любитъ въ немъ богатство и великолѣпіе. Страсть къ стяжанію, при недостаткѣ прямыхъ путей, приводитъ его иногда къ магіи и другимъ нелѣпостямъ (Рим. 6, 9).

Въ отношеніи къ себѣ. У любостяжательнаго видъ нѣкоторыхъ добродѣтелей бросается въ глаза. Онъ будто бережливъ, а между тѣмъ скупъ; трудъ и неусыпность

его только для корысти; воздержаніе отъ удовольствій и наслажденій за тѣмъ только, чтобъ не истратиться. У него собственно нѣтъ заботы ни о душѣ, ни о тѣлѣ: онъ себя приноситъ въ жертву вещамъ. Забота не даетъ ему времени насладиться стяжаніемъ, и отъ того нѣтъ мира въ душѣ его. Случись несчастіе, онъ готовъ пасть въ отчаяніе, легко теряетъ умъ и дѣлается съумашедшимъ, а иногда налагаетъ на себя руки.

Въ отношеніи къ другимъ онъ безчеловѣченъ, завистливъ, коваренъ, вѣроломенъ, сутяга; благодѣтельствовать даромъ не любитъ, развѣ только побѣдитъ его тщеславіе; дружбы короткой не знаетъ. Нѣтъ неправды, на которую не рѣшился бы корыстный, какъ показалъ на себѣ Іуда (Мат. 26, 15). Отъ него—воровство, святотатство (Іис. Нав. 7. 1; Дѣян. 5, 1), убійства, предательства.

Корыстолюбивый — негожій *членъ дома, общества и Церкви* (Прит. 15, 27; 29, 4: Цар. 8, 3; Тим. 3, 3; Фил. 1, 20—21; 1 Петр. 5, 2). Нисшіе изъ нихъ обыкновенно покорны, рачительны и трудятся, чтобъ какъ нибудь запасти копѣйку, но они склонны обмануть господина или начальника,—какъ нибудь похитить себѣ и скрыть концы,—и сейчасъ же оставляютъ ихъ, коль скоро тѣ въ какой нибудь бѣдѣ. Высшіе или начальствующіе въ какомъ нибудь видѣ—ничего нѣтъ хуже, по небреженію и безпечности о другихъ. Ни до кого имъ нѣтъ нужды, ни до правды, ни до людей. Начальника такого не любятъ, ибо онъ все какъ нибудь хочетъ оттянуть копѣйку; посему ему невѣрны и всячески ищутъ обхитрить его. Въ домѣ онъ худо содержитъ всѣхъ, какъ и себя, оставляетъ безъ вниманія дѣтей и семейство все. Тамъ водворяются грубость и невѣжество.

Гордость есть ненасытимое желаніе возвышенія, или усильное исканіе предметовъ, чрезъ кои бы можно было стать выше всѣхъ другихъ. Самолюбіе здѣсь очевиднѣе

всего. Оно тутъ какъ бы своимъ лицомъ, ибо тутъ вся забота о своемъ *я*. Первое порожденіе гордости внутреннѣйшее—есть самомнѣніе, по коему всѣ другіе считаются ниже насъ; даже тѣ, кои высоко превосходятъ насъ, въ сравненіи съ нами не слишкомъ важны. Проторгаясь наружу, она ищетъ уже и предметовъ возвышающихъ и, судя по нимъ, сама измѣняется. Останавливаясь на предметахъ ничтожныхъ, напр., на силѣ тѣла, красотѣ, одеждѣ, родствѣ и другомъ чемъ, она есть *тщеславіе;* обращаясь къ степенямъ чести и славы, она есть *властолюбіе* и *честолюбіе;* услаждаясь молвою, говоромъ и вниманіемъ людей, она есть *славолюбіе*. Во всѣхъ впрочемъ этихъ видахъ, кромѣ, можетъ быть, самомнѣнія, гордость сопровождается еще своеволіемъ, непокоривостію, самоувѣренностію, самонадѣянностію, притязательностію, презрѣніемъ другихъ, неблагодарностію, завистію, гнѣвливостію до мести и злопамятства. Главнѣйшими впрочемъ ея отраслями можно почесть зависть съ ненавистію и гнѣвъ съ злопамятствомъ.

Въ Словѣ Божіемъ гордые называются еще *высокомудрствующими* (Рим. 11, 20; 12, 16; 1 Тим. 6, 17; Исаіи 14, 13), *напыщенными* (1 Тим. 3, 14), *высокосердыми* (Втор. 8, 14; 17, 20; 2 Цар. 14, 10; Іезек. 28, 1), *презорливыми* (Лук. 18, 9. 11; Гал. 5, 26).

Возносящій себя надъ всѣми въ сердцѣ своемъ—

Въ отношеніи къ религіи, въ Богопознаніи,— самый опасный человѣкъ. Онъ способенъ впасть въ самую бездну нечестія. По склонности особиться отъ другихъ, онъ или самъ изобрѣтаетъ, или легко принимаетъ изобрѣтенныя мнѣнія новыя, отличающіяся нѣкою высотою и странностію. Нерѣдко, чтобъ показать свою отличность отъ простаго народа, онъ отвергаетъ самыя очевидныя истины, каковы: бытіе Бога, безсмертіе души, и проч. Посему справедливо таковыхъ считаютъ изобрѣтателями

ересей (1 Тим. 6, 4). Вообще свойственныя ему спорливость и упорство въ мнѣніяхъ принятыхъ очень неблагопріятны истинѣ. Въ *Богопочтеніи* внѣшнемъ онъ любитъ чопорность, блескъ, искуственность, во внутреннемъ—напряженность, высоту, отвлеченность, въ молитвѣ—многоглаголивость свысока, въ обнаруженіи благочестія — причудливость все по своему, не какъ другіе; онъ можетъ также принимать всѣ виды Богослуженія для славы и тщеславія и обращать ихъ въ средства къ удовлетворенію своего властолюбія, какъ Іеровоамъ (3 Цар. 12, 28. 29).

Воздержность, работность, бережливость, терпѣливость, постоянство даютъ ему видъ строгаго исполнителя обязанностей въ *отношеніи къ себѣ*, но—только видъ; ибо все это добродѣтели средственныя, а не существенныя, и потому ихъ цѣна зависитъ отъ духа, съ какимъ предпріемлются и содержатся. Справедливо, что онъ заботится болѣе объ образованіи своей души, но для чего и въ какомъ духѣ?—За тѣмъ, чтобъ блеснуть, или еще для того, чтобъ поддержать славу науки или славу свою и своего званія, и проч.; отъ этого занимается болѣе тѣмъ, что славится въ его время. Но онъ гнѣвливъ, задоренъ и не даетъ себѣ покоя: отъ сего скоро истощаетъ силы свои и наживаетъ болѣзни.

Въ отношеніи къ другимъ онъ есть лице самое несправедливое: все къ себѣ относитъ, а другимъ ничего не приписываетъ; онъ охотникъ всегда повелѣвать и никогда повиноваться. Другіе, по мыслямъ его, должны быть средствами для его цѣлей, и дѣйствительно онъ такъ дѣйствуетъ на нихъ или насиліемъ, когда уже силенъ, или хитростію, пока еще не силенъ. Онъ политиканъ, слѣдовательно препритворный; благодарности не жди отъ него, потому что онъ усвояетъ себѣ право принимать отъ другихъ услуги, какъ дань. При случаѣ

оскорбить, сдѣлать насиліе, оказать презрѣніе, устрашить онъ не прочь. Ему желательно, чтобъ его болѣе боялись, нежели любили. Дружба у него—до соотвѣтствія своимъ цѣлямъ.

Въ быту *житейскомъ и гражданскомъ* все нестроеніе отъ такихъ. Нисшіе съ симъ характеромъ не хотятъ повиноваться, не терпятъ лежащихъ на нихъ узъ долга, почему всегда готовы къ возмущеніямъ. Высшіе самовольны, жестокосерды; немилостиво наказываютъ, неохотно прощаютъ; хотятъ править словомъ и взглядомъ, а не убѣжденіемъ (Петр. 5, 3). Въ обращеніи любятъ задавать тонъ, но къ рѣдкимъ уважительны, а искренни—ни къ кому. Посему они нетерпимы въ обществѣ, ненавистны людямъ и Богу, Который имъ противится и нерѣдко ихъ унижаетъ для вразумленія (Мат. 23, 12; 1 Петр. 5, 5; Іак. 4, 6; Іов. 9, 13; 40, 6-7; Мат. 11, 23). Въ семействѣ ихъ нѣтъ мира, а брани и свары; дѣти грубѣютъ; слуги своевольничаютъ; жены то скорбятъ, то привыкаютъ къ упорству.

Вотъ ближайшія порожденія самолюбія: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская, съ происходящими отъ нихъ страстьми. Есть впрочемъ, по замѣчанію св. отецъ, и между происходящими отъ нихъ тоже начальнѣйшія, какъ бы необходимые и всегдашніе ихъ спутники. Таковыми признаются пять: гнѣвъ, блудъ, печаль, лѣность, тщеславіе. Происхожденіе ихъ изъ первыхъ очень просто. Такъ, сластолюбіе является преимущественно въ двухъ страстяхъ: чревоугодіи и блудѣ, и сопутствуется разслабленіемъ и лѣностію; съ сребролюбіемъ всегда въ связи печаль и зависть, съ гордостію—гнѣвъ и тщеславіе. Сіи производныя пять ставятся съ первыми, по силѣ ихъ и многоплодности, въ одинъ разрядъ, такъ что начальнѣйшихъ или источныхъ считается прямо восемь или семь, ибо иные тщеславія не отдѣляютъ отъ

гордости. Смотри о семъ Θеодора Едесскаго—гл. 10, 61. Добротол. томъ 3-й; Евагрія о различныхъ помыслахъ, Добротолюбіе томъ первый, гл. 1, 24. Правосл. Испов. часть 3, вопросъ 23 и далѣе. Смотри тоже и у Лѣствичника въ главахъ о сихъ страстяхъ. Въ сихъ статьяхъ характеристика каждаго порока опредѣлена съ достаточною полнотою и производныя отъ нихъ страсти—съ достаточною подробностію. Особенный путь къ развитію страстей избранъ св. Григоріемъ Синайскимъ (Доброт. т. 5, гл. 78, 79). Онъ раздѣляетъ ихъ на душевныя и тѣлесныя; душевныя опять—по тремъ способностямъ: мыслящей, вожделѣтельной и раздражительной. Но нетрудно замѣтить, что онъ не отходитъ отъ общаго раздѣленія, а только рѣшаетъ вопросъ: какъ самолюбіе трех-составное отражается въ частяхъ существа человѣческаго и въ его способностяхъ? Отъ того страсти, производимыя, напр., отъ мысленной силы, однѣ имѣютъ качества гордости, другія—любоиманія, третьи—сластолюбія. По крайней мѣрѣ, организованіе и развитіе страстей этимъ путемъ и возможно и можетъ принесть несомнѣнную пользу въ жизни. Тутъ можно видѣть значеніе каждой страсти, а изъ ихъ значенія выводить наукообразно средства противъ нихъ, хотя это будутъ тѣже самыя, какія теперь предлагаются по опытамъ Богомудрыхъ отцевъ. Только само собою разумѣется, что такое дѣло требуетъ и близкаго знакомства съ Писаніями святыхъ отцевъ, и глубокаго познанія человѣческаго существа. Но симъ кто доволенъ? Петръ Дамаскинъ (см. Славянское Добротолюбіе, ч. 3, стр. 70 на оборотѣ), собравъ изъ Божественныхъ Писаній имена страстей, числомъ 298, безъ всякаго порядка, прибавляетъ: вотъ что нашелъ я въ Писаніяхъ; а расположить ихъ по чину я не могъ, даже и покуситься на то не рѣшаюсь; ибо, по слову св. Лѣствичника, поищешь въ злыхъ вѣдѣнія,

то есть, разумнаго ихъ понятія и объясненія, и не обрящешь.

Что касается до сихъ страстей въ ихъ приложеніи къ каждому человѣку, то постигнуть невозможно, какъ разнообразно и иногда уродливо ихъ сочетаніе въ одномъ лицѣ. У всякаго человѣка, работающаго грѣху, самость съ своими тремя порожденіями и съ нѣкоторыми изъ пяти страстей всегда есть, только у одного преимуществуетъ одна, у другаго другая. Вмѣстѣ съ ними качествуетъ въ немъ и цѣлое племя страстей по характеру и духу своей родоначальницы, которая разнообразится въ людяхъ по вліянію пола, возраста, состоянія. Подробное указаніе возможныхъ сочетаній было бы очень хорошимъ руководствомъ къ самопознанію; ибо человѣкъ долженъ знать и главную свою страсть, и все ея семейство въ себѣ. Въ семъ сочетаніи онѣ иногда усиливаютъ одна другую или одна другую ограничиваютъ, отъ чего имѣютъ мѣсто множество кажущихся добродѣтелей, которыми, обыкновенно, обольщаютъ себя люди.

Какъ у кого разнообразятся страсти, это всего лучше объясняетъ его исторія. Всякій раждается на свѣтъ поврежденнымъ, съ самостію, или сѣменемъ всѣхъ возможныхъ страстей. Что у одного это сѣмя развивается преимущественно одною стороною, у другаго—другою, это прежде всего зависитъ отъ темперамента, принимаемаго отъ родителей, далѣе отъ воспитанія, больше же всего отъ подражанія, которое питается предлежащими примѣрами, обычаями, обращеніемъ или сообществомъ. Какъ дерево молодое, человѣкъ, среди сихъ обстоятельствъ, невольно наклоняется на одну какую либо сторону, а потомъ, вступивъ въ путь жизни и дѣйствуя въ томъ же направленіи, утверждается въ немъ привычкою, которая становится второю, какъ говорятъ, природою. И сталъ, такимъ образомъ, человѣкъ окачествованъ овладѣвшею

имъ страстію, или закаленъ въ ней, и вся его натура проникнута ею.

Установившійся въ такомъ направленіи сидитъ, какъ въ темницѣ въ узахъ, и выпутаться оттуда уже никакъ не можетъ самъ собою. Страсти тѣ, или худыя настроенія воли, сами изъ себя составляютъ непроницаемый покровъ, или крѣпкую ограду, не пропускающую къ нему спасительнаго свѣта Божія. И *во первыхъ*, на каждую страсть есть кругъ предметовъ, ее удовлетворяющихъ, которые считаетъ человѣкъ благомъ и обладаніе которыми поставляетъ послѣднею цѣлію. Какъ съ благами, онъ сорастворяется съ ними душею своею, какъ бы химически, и живетъ въ нихъ; поэтому озрѣться на себя не можетъ, пока не придетъ иное начало, не растворится съ его сердцемъ и не отвлечетъ его отъ нихъ. *Во вторыхъ,* привыкши обращаться въ кругу однихъ предметовъ, человѣкъ по необходимости какъ бы нападаетъ на нѣкоторыя мысли, поблажающія его страсти и сокрывающія ее отъ ока совѣсти. Изъ таковыхъ мыслей составляются особыя грѣховныя начала, которыя справедливо можно назвать предразсудками сердца или воли. Такъ самолюбіе держитъ въ головѣ человѣка постоянную мысль, что онъ лучше другихъ, скрашиваетъ свои недостатки и кажетъ человѣка себѣ самому всегда хорошимъ. Удовольственность увѣряетъ, что наслажденія такъ намъ естественны, что безъ нихъ быть нельзя; потому, что отказывать себѣ въ нихъ, когда сама природа расположила къ нимъ? А разсѣянность и вѣтренность не позволяютъ вникнуть и разобрать, въ чемъ сила. У сребролюбія сколько правъ! Нельзя прожить,—береги про черный день, домъ—яма, и проч., а между тѣмъ забота все гонитъ впередъ и впередъ. Гордость говоритъ: комужъ и занять тѣ или другія должности? Если всѣ станутъ отказываться, тогда что?—ужъ поставленъ на такой дорогѣ, чтожъ сдѣлаешь?... А тутъ

лѣзутъ въ глаза нѣкоторыя добрыя на видъ свойства, поддерживаемыя тоже страстію. Въ показанномъ сорастворенiи сердца съ видимыми благами и въ развратныхъ началахъ, оправдывающихъ страсть, хотя видимо они предразсудочнаго свойства, лежитъ самая твердая преграда къ дѣйствію благодати на сердце грѣшника и обращенію его.

По вліянію сихъ причинъ ни одинъ изъ обладаемыхъ страстями не считаетъ себя худымъ, не видитъ нужды въ исправленіи, не видитъ, что исправлять. На кого однакожъ воздѣйствуетъ благодать, въ томъ происходитъ существенное измѣненіе въ настроеніи воли. Сіе измѣненіе совершается, когда сокрушительнымъ дѣйствіемъ покаянія сокрушается самость, и человѣкъ, чрезъ вѣру въ Господа—Іисуса Христа, восходя къ благонадежности спасенія и рѣшаясь работать Господу до положенія живота, ради того въ таинствѣ крещенія или покаянія непостижимо возсоединяется чрезъ Господа Іисуса Христа съ Богомъ и становится причастникомъ Божественнаго естества. Какъ прежде, отпадши отъ Бога, онъ остановился на себѣ и ради себя прилѣпился къ тлѣнному, такъ теперь, по обращеніи, отвергшись себя и всего тварнаго, онъ сердцемъ прилѣпляется къ Богу. Отсюда—главныя расположенія воли у христіанина суть: *самоотверженіе* и ревность о пребываніи въ сообщеніи съ Богомъ, или *любовь*.

Самоотверженіе есть отрицаніе самолюбія. Оно преслѣдуетъ все, на чемъ есть печать самости, ненавидитъ ее и отвращается отъ всѣхъ вещей, питающихъ ее; ставитъ ни во что всѣ преимущества временныя, тѣлесныя, внѣшнія; изъемлетъ изъ всѣхъ вещей сотворенныхъ свое сердце. Въ послѣднемъ отношеніи, оно состоитъ собственно не въ неимѣніи или оставленіи вещей, а въ изъятіи изъ нихъ сердца, или въ такомъ состояніи, по

коему всѣ онѣ считаются какъ бы чуждыми, сторонними, не занимающими души и не привязывающими къ себѣ; потому оно однозначительно съ безпристрастіемъ или безстрастіемъ когда сердцу чуждо все, кромѣ Бога.

Будучи по природѣ своей отверженіемъ самолюбія, оно и плоды приноситъ или раждаетъ въ насъ расположенія совершенно противоположныя тѣмъ, какія производитъ самость; именно:

Вмѣсто гордости у самоотверженнаго *смиреніе*,—такое расположеніе, по коему онъ считаетъ себя тварію самою ничтожнѣйшею, достойною всякаго презрѣнія и униженія; приписывая себѣ одни грѣхи, все доброе онъ относитъ къ источнику всякаго добра—Богу; онъ не усвояетъ себѣ никакихъ преимуществъ предъ другими, а всякаго считаетъ высшимъ себя. Это есть самоуничиженіе, соединенное съ чувствомъ своей бѣдности и слабости.

Вмѣсто корыстности у него не только *безкорыстіе и нестяжательность*, но и *чувство странничества*. Онъ ничего не называетъ своимъ, а все Божіимъ, себя же только приставникомъ къ имуществу Божію, отчего свободно общится имъ со всякимъ неимущимъ. Все, что есть у него, онъ считаетъ только врученнымъ ему на время, и домъ, и земли, и села. Въ чувствѣ сердца онъ не имѣетъ пребывающаго здѣсь мѣста, а взыскуетъ града грядущаго, почему все предпосылаетъ въ небесное свое отечество.

Вмѣсто похотей и утѣхъ—*самоумерщвленіе и самоозлобленіе*. Нѣтъ скорби, какой бы онъ не считалъ себя достойнымъ. Поэтому, какъ живущій въ грѣхѣ, жалѣетъ себя и обходится съ собою, какъ съ больнымъ мѣстомъ; такъ обратившійся къ Богу гнѣвается на себя и готовъ себя умучить; моритъ себя голодомъ, неспаніемъ, трудомъ; радъ, когда оскорбятъ или нанесутъ удары и ненасытимъ бываетъ въ самоозлобленіяхъ.

Любовь къ Богу, или жажда пребыванія въ общеніи съ Богомъ, какъ верховнымъ благомъ, и успокоеніе въ Немъ, или сознаніе блаженства въ Его общеніи, изливается въ сердце обратившагося къ Богу Духомъ Святымъ и къ Богу устремляетъ все существо его. Сія любовь есть дѣйствительное вкушеніе Богоблаженства, а не мысленное или воображаемое. Потому кто недоумѣваетъ, какъ можно отрѣшиться отъ всего, тому надобно сказать: отрѣшиться отъ всего тварнаго, чтобъ соединиться съ Творцемъ, значитъ перемѣнить благо мнимое на истинное. Любовь есть необходимое дополненіе самоотверженія или отрѣшенія отъ всего. Вкусившій сладкаго не хочетъ горькаго; и вкусившій Бога не захочетъ ничего, кромѣ Его. Слѣдовательно, истинное самоотверженіе современно Богообщенію.

Изъ сей любви или жажды Божественнаго, по роду ея, развиваются или водружаются въ сердцѣ слѣдующія постоянныя расположенія, составляющія положительное начало христіанской дѣятельности:

Хожденіе предъ Богомъ. Онъ зритъ Бога предъ собою, предъ лицемъ Его дѣйствуетъ, какъ бы по поручительству отъ Него. Къ Богу, вмѣстѣ съ сердцемъ, прикованъ и вниманіемъ своимъ, не сводитъ какъ бы съ Него глазъ. Посему и говорится, что животъ его сокровенъ есть въ Богѣ. Григорій Богословъ говоритъ, что меньше дышать, нежели какъ воспоминать о Богѣ должно. Посему нѣкоторые сію память и старались привязать къ дыханію.

Ревность къ Богоугожденію, или постоянное, усердное, искреннее исполненіе всякой узнанной воли Божіей, безъ укрывательства предъ собою и безъ всякаго послабленія, хотя бы то стоило жизни. Она сопровождается заботливымъ узнаваніемъ сей воли и скорымъ приступленіемъ къ ея исполненію сквозь всѣ препят-

ствія. Апостолъ Павелъ выражаетъ это расположеніе словомъ: *гоню.*

Печаль по Бозѣ, по коей съ одной стороны онъ желаетъ разрѣшиться, чтобъ со Христомъ быть, чтобъ скорѣе пришло для него царство Божіе, съ другой—сѣтуетъ о неполнотѣ славы Божіей въ себѣ и другихъ, отъ чего проливаетъ слезы въ безпрерывныхъ почти чувствахъ покаянія. Таково свойство любящаго, что ему хочется быть предъ лицемъ любимаго; отъ того скорбно, если живуще въ тѣлѣ отходитъ отъ Господа.

Отсюда само собою видно, что порядокъ жизни человѣка—христіанина, или *образъ его дѣятельности,* долженъ соотвѣтствовать симъ двумъ кореннымъ направленіямъ—самоотверженію и любви. Оно такъ и есть, по изображенію Святыхъ. Такъ у христіанина всегдашнее имѣется

Самопротивленіе и самопринужденіе, то есть, онъ постоянно противится себѣ во злѣ и наклоняетъ себя на добро. Возникаютъ худыя движенія,—надобно ихъ прекратить, нужно дѣлать добро, а сердце не лежитъ,—надобно себя къ тому склонить. Въ этомъ состоитъ непрерывная борьба человѣка съ самимъ собою. Постояннымъ въ ней упражненіемъ онъ наконецъ образуетъ въ себѣ добраго, охотно дѣйствующаго человѣка, погашаетъ зло и преобразуетъ дѣятельность силъ на добро (Макарія В. о хран. сердца, гл. 12, 13; о своб. ума, гл. 18).

Такъ какъ не вдругъ истребляется зло, а пребываетъ еще въ человѣкѣ обратившемся, то ему заповѣдуется или свойственна *непрерывная бдительность, трезвеніе,* чтобъ не пропустить чего, по невниманію, пагубнаго и не пасть. Онъ есть стражъ надъ самимъ собою бодренный, такой, который пребываетъ въ безпрерывномъ ожиданіи нападенія и тотчасъ мыслію прозорливою видитъ подступающаго врага.

Ему свойственно также и постоянное *напряженіе силъ съ отгнаніемъ всякаго послабленія.* Нельзя сказать: довольно напряженія; ибо иные, пять—шесть лѣтъ проведя покойно, возмущались и падали (Макарій В. о воз. ума. § 3. 14). Посему истинный христіанинъ всегда только начинаетъ, думаетъ еще, что не трудился, еще стоитъ въ преддверіи, не достигъ. Мысль о послабленіи себѣ есть самая убійственная. Поэтому велятъ: опредѣли себя на труды и подвиги до конца жизни.

Очевидно, что сіи послѣднія расположенія: борьбу, трезвеніе и напряженіе безъ послабленія, какъ совмѣщающія въ себѣ самоотверженіе и любовь, можно назвать средоточными или первоначальными и потому источными. Чрезъ нихъ развиваются послѣ и расположенія, вытекающія изъ самоотверженія, и расположенія, происходящія изъ любви, а всѣ въ совокупности завершаются совершеннымъ самоотверженіемъ и совершенною любовію. Этимъ, можно сказать, характеризуется подвижничество, или ему указывается путь истинный и вмѣстѣ истинное значеніе въ жизни христіанской.

Все, доселѣ сказанное, касается направленій воли, кои составляютъ сторону ея матеріальную. Но какъ разсудокъ, кромѣ матеріальной, имѣетъ еще и дѣятельность формальную, такъ есть своего рода формальная дѣятельность и у воли. Опредѣлимъ ее коротко.

Дѣятельность воли непосредственно утверждается на пожеланіяхъ. Ея дѣло—неопредѣленныя и, такъ сказать, неокачествованныя еще пожеланія приводить въ порядокъ, соглашать съ своими цѣлями, нуждами и существующимъ порядкомъ, установлять поступки и начинанія человѣческія и начертывать цѣлую систему правилъ для порядка общественной и домашней своей дѣятельности. Она тоже въ дѣятельности, что разсудокъ въ познаніи.

Въ сей дѣятельности воли различаютъ три части: *выборъ, рѣшимость* и *самое дѣло.* Въ выборѣ ищутъ, на чемъ остановиться; въ рѣшимости колебаніе желаній утверждается на единомъ, которое по открытіи средствъ, и приводится въ исполненіе на дѣлѣ. Во всѣхъ сихъ моментахъ есть новыя немалыя разности у грѣшника съ ищущимъ правды.

Выборъ. Что и какъ избирается?—Надобно знать, что роды предметовъ уже опредѣлены предварительно. Они указываются главнымъ характеромъ жизни. Какъ одинъ къ тому только и обращается, что питаетъ самолюбіе, то есть, или къ утѣхамъ, или къ интересамъ, или къ отличіямъ: такъ напротивъ у другаго всѣ намѣренія устремляются единственно и исключительно къ Богоугожденію; только *елика истинна и честна, аще кая добродѣтель и похвала, сія онъ помышляетъ.* Можно сказать, что сумма дѣлъ во всѣхъ видахъ у перваго вся страстнаго и самостнаго свойства, тогда какъ дѣла другаго всѣ проникнуты самоотверженнымъ стремленіемъ къ Богу. Исключенія очень рѣдки, и то, можетъ быть, только по внѣшнему виду. Но здѣсь же основаніе различія и въ *формѣ избранія;* ибо, тогда какъ одинъ избираетъ между двумя предметами, изъ коихъ угоденъ тотъ и другой, избираетъ безъ напряженія и спора съ собою,—другой, напротивъ, избираетъ не только одно добро изъ двухъ, но еще и наперекоръ возстающимъ страстнымъ пожеланіямъ и помысламъ; посему его выборъ всегда есть плодъ борьбы и побѣды или сопровождается ими въ большей или меньшей мѣрѣ. Сверхъ того, первому часто бываетъ ненужно и избирать, ибо онъ дѣйствуетъ по заведенному порядку, при коемъ нѣтъ нужды останавливаться, думать и разсуждать; у послѣдняго не можетъ быть заведеннаго порядка, а напротивъ и дѣла обычныя требуютъ всей внутренней дѣя-

тельности, какъ бы они совершались въ первый разъ. Тотъ часто предается влеченію желанія и дѣлаетъ то, куда падаетъ его воля сама собою. Этотъ зоркою мыслію всегда устремляется впередъ и изъ предлежащаго избираетъ только то, на чемъ видитъ отраженіе воли Божіей. Тотъ, по самоувѣренности и заносчивости, часто позволяетъ себѣ дѣйствовать на удачу, ожидая, что все, что будетъ сказано и сдѣлано отъ его высокаго лица, будетъ хорошо и достойно всеобщаго одобренія. Этотъ ни на минуту не возволяетъ себѣ оплошности и со всѣмъ вниманіемъ и добросовѣстностію разсматриваетъ каждое даже малое обстоятельство и не иначе приступаетъ къ дѣлу, какъ по ясномъ сознаніи на него воли Божіей. Тотъ часто избираетъ потому только, что ему хочется, по своенравію и развращенію своей воли, тогда какъ слѣдовало бы во всемъ покоряться разсчету и указаніямъ разсудка. Этотъ имѣетъ постоянное направленіе враждебное своей волѣ, почему и подавляетъ ея возстанія при первыхъ возникновеніяхъ. Отъ этого какъ тотъ воспитываетъ своими выборами или безвыборностію своенравіе и непокорность, такъ этотъ образуетъ въ себѣ разумное послушаніе и охотную покорность волѣ Божіей.

Рѣшимость — это внутренній актъ воли мгновенный, измѣряемый непоколебимостію желанія, а не длительностію или направленіемъ; почему одинаковъ, можно сказать, къ какому бы роду дѣлъ ни относился. Должно однакожъ различать нѣкоторыя дѣйствія предшествующія и сопутствующія ей. Извѣстно, что послѣ выбора, на переходѣ къ рѣшимости, происходитъ склоненіе сердца и воли къ предмету. Но у одного это склоненіе часто предшествуетъ уже выбору, всегда почти рѣшаетъ его, по крайней мѣрѣ, только ждетъ его конца, чтобъ исторгнуться изъ сердца, почему никогда не заключаетъ труд-

ности, не требуетъ особеннаго напряженія и почти не составляетъ особеннаго акта. У другаго расположеніе сердца къ предмету не столь естественно, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ опытахъ, не можетъ быть мгновенно, есть дѣло не безтрудное, иногда не недолгое, есть особый актъ, требующій всего вниманія и напряженія. Посему здѣсь часто дѣлаютъ, не успѣвши склонить сердца, наперекоръ ему, и съ болѣзнію его. Эта покорность и гибкость сердца пріобрѣтается продолжительными потовыми трудами.

У одного мѣра желанія есть мѣра надежды. Ему кажется, что дѣло задуманное уже въ рукахъ. Движеніемъ крови возбуждаемая жизнедѣятельность приводитъ ко мнѣнію о достаточности силъ своихъ къ выполненію начинаній своихъ безъ сторонней помощи; поэтому здѣсь дѣла совершаются сколько съ жадностію, столько же и съ самоувѣренностію. У другаго не такъ. Безъ отуманивающаго жара желанія, при нехолодномъ намѣреніи, по разумномъ избраніи, съ ожиданіемъ препятствій и опасностей внутри и внѣ, степенно, безъ самонадѣянности приступаютъ къ дѣлу, напрягая всѣ свои силы, но благоуспѣшности ожидая единственно отъ помощи и благословенія Вышняго.

Доселѣ какъ будто всѣ выгоды на сторонѣ перваго, но съ сей точки, то есть, съ акта рѣшимости начинается поворотъ. Рѣшимость есть актъ мгновенный, внутренній, однакожъ имѣетъ разныя степени силы и твердости. Сія твердость не можетъ быть опредѣляема мѣрою предшествующаго желанія. Она есть плодъ всецѣлой твердости духа, а не кипучести одной силы,—воли или сердца. Если у перваго нѣтъ цѣлости духа, то рѣшимость его не можетъ доходить до той силы, на какой стоитъ она всегда у послѣдняго. Можно сказать утвердительно, что у перваго рѣшимость всегда бываетъ колеблю-

щеюся у втораго, напротивъ, она непоколебима; ибо отъ чего иного у перваго, какъ вообще, такъ и въ частности, есть робость, неустойчивость, особенно—когда въ исполненіи требованій или предпріятій нужно бываетъ потревожить его чувствительнѣйшія стороны. Послѣдній идетъ мужественно предъ царей и владыкъ, на муки и смерть,—отъ чего?—Отъ твердой рѣшимости, ибо она у него есть сила непоколебимая. Послѣ сего кому должно приписать въ высшей степени терпѣніе въ дѣлахъ?—Послѣднему. Первый самъ слабъ и дѣла свои вести покушается болѣе чужими руками.

Дѣло—естественный плодъ выбора и рѣшимости. Но до него еще избираются средства и дѣло соображается съ обыкновеннымъ порядкомъ жизни, гдѣ берется во вниманіе свое лице и другія лица и вещи. Въ производствѣ сихъ занятій первый не раздумывается пользоваться и законнымъ и незаконнымъ, второй—только законнымъ; тотъ прибѣгаетъ и къ хитростямъ, послѣдній дѣйствуетъ всегда открыто и искренно; у того вниманіе обращено болѣе ко внѣшнимъ отношеніямъ, у сего—ко внутреннимъ; у того политика, у сего духовная мудрость; тотъ отстаиваетъ болѣе себя, сей славу Божію, святую вѣру и спасеніе вѣчное; у того въ виду только дѣло, у сего и многоплодность его; у того средства только положительныя, очевидныя, у сего нерѣдко таинственныя, внушаемыя вѣрою; тотъ страшливъ, сомнителенъ,—сей, уповая, ходитъ (Исаак. Сир. о 3-хъ степеняхъ разума), и проч.

Самое дѣло характеризуется предметомъ, цѣлію и средствами, но и въ его производствѣ могутъ таиться немалыя разности. Такъ у перваго нужнѣйшими дѣлами считаются дѣла, клонящіяся къ удовлетворенію страстей, у послѣдняго—дѣла спасенія; въ отношеніи къ симъ послѣднимъ дѣламъ тотъ недугуетъ отлагательствомъ, сей спѣшитъ къ нимъ съ неудержимымъ рвеніемъ; тотъ

если попускаетъ ихъ, то только внѣшно, сей всегда влагаетъ въ нихъ и сердце. Все поведеніе ихъ отъ утра до вечера противоположно, если сличать его въ одни и тѣже часы. У перваго дѣла только на видъ, у втораго дѣла основательныя и плодовитыя. Слѣдствія дѣлъ: у перваго вмѣстѣ съ дѣломъ кончается всякая радость и веселіе, у послѣдняго она здѣсь или начинается, или возвышается; тамъ сдѣланное дѣло вкореняетъ страсть или навыкъ къ подобнымъ же дѣламъ, здѣсь оно укрѣпляетъ намѣреніе, не связывая свободы; тамъ часто за дѣломъ слѣдуетъ внѣшнее одобреніе съ внутреннимъ стыдомъ, здѣсь—нерѣдко непріятности во внѣ съ одобреніемъ внутреннимъ; тамъ слѣдствія хорошія усвояются себѣ, худыя другимъ, здѣсь худыя приписываютъ себѣ, хорошія другимъ; тамъ за неуспѣшность рвутъ себѣ волосы, здѣсь все предаютъ Богу, отъ Котораго и ожидалось все.

Частыми дѣлами въ одномъ родѣ образуются наклонности, или постоянныя расположенія. Какія это у того и другаго, уже было показано.

γ) *Состояніе нисшихъ пожеланій.*

Наконецъ и въ нисшихъ пожеланіяхъ у людей, Богу работающихъ и у преданныхъ грѣху, не мало разностей. Есть у насъ потребности. Ихъ немного, и онѣ вытекаютъ изъ устройства существа нашего. Предметовъ на каждую потребность можетъ быть много, какъ, напримѣръ, на удовлетвореніе потребности питанія сколько яствъ и разнаго рода питья? Коль скоро извѣданъ предметъ, онъ становится предметомъ и пожеланія, всякій разъ какъ возбудится потребность. Частое удовлетвореніе одного и того же желанія образуетъ склонность. И такъ пожеланія стоятъ на переходѣ отъ потребностей

къ склонностямъ. Посему, хотя кажутся незначительными, имѣютъ однакожъ великую силу въ жизни.

Ихъ можно опредѣлить такъ: это—склоненія воли къ тому или другому предмету, подъ видомъ пріятнаго, по представленію чувствъ и воображенія. Здѣсь сейчасъ же видны и точки различія ихъ у добрыхъ и недобрыхъ.

Какъ потому, что пожеланія обращаются болѣе къ чувственно—пріятному, котораго сѣдалище, какъ видѣли прежде, въ тѣлѣ, такъ и потому, что они возбуждаются чувствами, способность сія у однихъ погрязла въ чувственность, сдѣлалась плотскою, животною (2 Петр. 2, 12. 13), представляя самое очевидное свидѣтельство униженія и развращенія человѣческаго. У другихъ, которые, вмѣсто удовольственности, питаютъ жажду самоозлобленія и самостѣсненія, сіи пожеланія въ нужныхъ случаяхъ вставляются въ самые необходимые предѣлы, въ ненужныхъ подавляются, въ позволительныхъ, или, какъ говорятъ, въ невинныхъ удовольствіяхъ, если и послабляются иногда, какъ показалъ примѣромъ лука Антоній Великій, то тутъ же строго и блюдутся и употребляются больше не въ наслажденіе, а въ обманъ, такъ сказать, тѣла и чувственности. Вообще же они здѣсь отвлекаются отъ чувственности и пріучаются къ предметамъ духовнымъ, въ созиданіе духа, а не разореніе. Это пожертіе плотскаго духовнымъ доходитъ у нѣкоторыхъ до того. что, вмѣсто свойственной пріятности отъ чувственнаго, чувствуется отвращеніе и непріязнь къ нему, даже, напримѣръ, ко сну и къ питанію. Посему, если и нисшая воля обнаруживается въ двухъ дѣйствіяхъ: желаніи и отвращеніи, то они содержатся въ обратномъ отношеніи у добрыхъ и недобрыхъ. Гдѣ желаніе одного, тамъ отвращеніе другаго и гдѣ отвращеніе одного, тамъ желаніе другаго.

Другія отличія зависятъ отъ связи пожеланій съ во-

ображеніемъ. Образъ предмета вызываетъ желаніе тѣмъ живѣйшее, чѣмъ живѣе онъ вообразится. По сему, такъ сказать, заговору пожеланій съ воображеніемъ, нѣкоторыя изъ свойствъ послѣдняго естественно переходятъ на первыя. А тутъ и разность. Такъ, у перваго воображеніе безпрерывно играетъ образами, и какъ послѣдніе у него безчисленны, разнообразны, смятенны, измѣнчивы, то и пожеланія у него безконечно разнообразны, большею частію смятенны, какъ и мечта, и измѣнчивы до прихотливости и причудливости. Воображеніе у него движется само собою, по законамъ сцѣпленія образовъ; и пожеланія у него тянутся нѣкоторою привычною чередою, механически, какъ бы безъ вѣдома, и сами собою одно другое вызываютъ, одно другое посѣкаютъ. У него владычествуетъ воображеніе, и онъ живетъ въ немъ или въ его мірѣ, какъ въ стихійномъ какомъ составѣ, и высвободиться изъ его обаяній не въ силахъ. Рабъ онъ есть своихъ пожеланій. Они мятутъ его безпрерывно и держатъ какъ въ какихъ тенетахъ. Отъ этого онъ переходитъ только отъ желанія къ наслажденію и отъ наслажденія снова къ желаніямъ.

У другаго, напротивъ, все это зло отсѣчено, вмѣстѣ съ приведеніемъ въ порядокъ воображенія. Сначала съ пожеланіями, какъ и съ помыслами, учреждается борьба и ведется съ трудомъ и скорбію, но не безъ успѣха. Наконецъ и пожеланія умиряются. Потому здѣсь не найдешь ни смятенія ихъ своенравнаго, ни владычества надъ свободою, ни механическаго движенія. Они подчинены высшей власти и ею правятся. Можно даже сказать, что и раждаются уже по указанію сей власти, а безъ того молчатъ или лежатъ въ своихъ потаенныхъ заклепахъ.

Вотъ еще одна черта различія. Пожеланія стоятъ на переходѣ отъ потребностей къ склонностямъ и условливаютъ ихъ образованіе. У перваго это неизбѣжно. Но

если склонность дѣлаетъ насиліе потребности, заковывая ее въ опредѣленную форму, и ее искажаетъ или даетъ ей невѣрное, неестественное направленіе; то и должно заключить, что у перваго потребности и природа находятся въ насильственномъ порабощеніи. Наоборотъ, у послѣдняго, съ укрощеніемъ пожеланій, пресѣкается переходъ къ склонностямъ. Посему послѣднія естественно должны слабѣть и истощаться, а отъ сего потребность приходитъ въ естественное состояніе. Укрощеніемъ пожеланій природа высвобождается изъ тѣснящихъ ее узъ и поставляется въ свой чинъ.

И такъ коротко: дѣятельныя силы или дѣятельная желательная сторона духа нашего у тѣхъ, кои пребываютъ въ отдаленіи отъ Бога и предаются грѣху, отклонилась отъ высшаго, духовнаго міра, котораго законы, открывающіеся въ совѣсти, то затемнены, то искажены, за тѣмъ приняла разнообразныя эгоистическія расположенія или превратилась въ страсти и наконецъ предалась владычеству пожеланій смятенныхъ, нестройныхъ, призрачныхъ. У человѣка, обратившагося къ Богу, Божественная благодать врачуетъ сіе извращеніе. Она печатлѣетъ въ совѣсти Божественные законы, потомъ, соотвѣтственно имъ, измѣняетъ и преобразуетъ и расположенія воли; пожеланія же нисшія умиротворяетъ или даже подавляетъ, но во всякомъ случаѣ подчиняетъ и отдаетъ на распоряженіе самому человѣку.

ββ) *Состояніе силъ чувствующихъ, или сердца.*

Тогда какъ умомъ человѣкъ хочетъ все собрать въ себя, а волею себя выразить во внѣ, или известь наружу въ дѣлахъ богатство своего внутренняго стяжанія,—сердце пребываетъ въ себѣ и вращается внутри, не исходя. Видно, что оно лежитъ глубже тѣхъ силъ

дѣятельныхъ и составляетъ для нихъ какъ бы подкладку или основу. Однакожъ въ семъ положеніи оно не тоже для нихъ, что сцена для дѣйствующихъ на ней лицъ, а само принимаетъ живое участіе въ ихъ движеніяхъ. Онѣ отражаются своею дѣятельностію въ сердцѣ, и обратно сердце отражаетъ себя въ нихъ. Посему оно справедливо почитается корнемъ существа человѣческаго, фокусомъ всѣхъ его силъ духовныхъ, душевныхъ и животно—тѣлесныхъ. Имѣя такое значеніе въ человѣкѣ, оно исключительное значеніе должно имѣть и въ отношеніи ко всему, что внѣ его, ибо человѣкъ состоитъ въ связи со всѣмъ сущимъ. Сія связь не можетъ инуды утверждаться, какъ въ центрѣ его существа, подобно тому, какъ связь въ часахъ утверждена на соотношеніи центровъ всѣхъ колесъ ихъ. Если центръ существа человѣческаго есть сердце, то имъ онъ входитъ въ связь со всѣмъ существующимъ. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ и надобно опредѣлять разныя состоянія сердца, то есть, какъ *центра силъ* и какъ *точки соприкосновенія со всѣмъ сущимъ* внѣ насъ.

а) *О сердцѣ, какъ о точкѣ соприкосновенія или сѣдалищѣ симпатіи.*

Съ чѣмъ имѣемъ живой союзъ, съ тѣмъ быть вмѣстѣ намъ пріятно, въ кругу того мы какъ въ своей стихіи, иначе—мы имѣемъ къ тому живое сочувствіе. Если все, что внѣ человѣка и съ чѣмъ онъ можетъ имѣть живой союзъ, есть *Богъ* и *Божественный порядокъ вещей*, *міръ духовный* и *міръ вещественный*; то они и составляютъ какъ бы три области, въ коихъ пребывать должно быть пріятно человѣку, съ коими онъ долженъ имѣть сочувствіе. Каково же оно?

Услажденіе Богомъ и *сочувствіе съ міромъ Божествен-*

нымъ у человѣка — грѣшника заглушено и извращено. Вотъ нѣкоторые признаки того: Богъ объемлетъ человѣка, носитъ его силою Своею, питаетъ его щедротами благости Своей, а онъ того не чувствуетъ. Слѣдовательно, его сердце для Божественнаго онѣмѣло, замерло, не принимаетъ впечатлѣній отъ него; если же ни принимаетъ впечатлѣній и не вкушаетъ его, то не можетъ имѣть и влеченія къ нему, какъ къ неизвѣданному, не можетъ обнаружить, что ему сладостно пребывать въ немъ, что оно ему сочувствуетъ; ибо нельзя человѣку сказать, что онъ находитъ пріятность быть въ томъ или другомъ мѣстѣ, среди тѣхъ или другихъ вещей и лицъ, когда онъ не былъ тамъ и не видалъ ихъ. Что такое невѣдѣніе или безгласность симпатіи есть, это очевидно, ибо почти повсюдно. Для грѣшниковъ Божественное есть земля невѣдомая, и при вопросахъ они не могутъ сказать, хорошо ли тамъ или худо, развѣ только предположительно иной скажетъ что, безъ убѣжденія и силы; а скажетъ ли кто, какъ тамъ хорошо, объ этомъ и спрашивать нечего. Это *первое*,

Во вторыхъ, кто вкуситъ сладкаго, тотъ не захочетъ горькаго. Что сладостнѣе Божественнаго? Потому не оно ли должно бы поглощать всего человѣка, заглушая собою всѣ другія ощущенія? Необходимымъ слѣдствіемъ живаго союза съ Богомъ должно бы быть безстрастіе ко всему другому. Сердце есть сосудъ: если его все наполнить Божественнымъ,—гдѣ мѣсто другому чему? Если теперь найдется сердце съ сильными пристрастіями къ чему не-Божественному, то о немъ надобно сказать, что оно потеряло сочувствіе къ сему міру, отдѣлено отъ него. Сердце же грѣшника всегда пристрастно къ чему нибудь, потому что страстно. Оно вообще любитъ услаждаться чувственнымъ, грѣховнымъ; но въ немъ всегда есть одинъ какой нибудь предметъ, въ ко-

торый оно входитъ все, въ которомъ пребываетъ денно-ночно, который раскрашаетъ многоразлично въ мечтахъ дневныхъ и сновидѣніяхъ ночныхъ; есть, то есть, нѣчто, что замѣняетъ Бога и какъ истуканъ стоитъ въ глубинѣ сердца, въ самыхъ сокровенныхъ и потаенныхъ его изгибахъ, чтобъ одному имъ любоваться. Всякій страстный есть, по существу дѣла, идолопоклонникъ.

Наконецъ, если Божественное невѣдомо, а напротивъ, сладостно другое, противоположное, то, при встрѣчѣ образовъ Божественнаго, человѣкъ-грѣшникъ долженъ или быть къ нимъ равнодушнымъ, какъ къ предметамъ стороннимъ, или ощущать безпокойство отъ присутствія ихъ, чувствовать себя здѣсь какъ бы не въ своемъ мѣстѣ, отвращаться и бѣжать. Отъ чего грѣшнику не хочется участвовать въ священнодѣйствіяхъ, быть въ церкви, слышать пѣніе, смотрѣть на святыя изображенія, слушать Слово Божіе, читать духовныя книги или молитвы?— Отъ того, что все это для него предметы непріятные, отрѣвающіе отъ себя; они ему не по сердцу, не принимаются имъ, не питаютъ его, а мучатъ. Сердце имѣетъ свойство упругихъ тѣлъ. Какъ сіи, при натискѣ со внѣ, отталкиваютъ предметы, такъ и оно еще больше отрѣваетъ отъ себя Божественное и само отрѣвается отъ него, при насильственномъ соприкосновеніи съ нимъ. Какъ вода извергаетъ палку вертикально погруженную въ нее, такъ оно спѣшитъ освободиться отъ того, что входитъ въ него со внѣ—изъ другаго міра.

Человѣкъ же, къ Богу обратившійся и пріявшій Божественную благодать, вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимаетъ и сродство свое съ Божественнымъ, какъ рожденный отъ Бога, въ Богѣ, и мірѣ Божественномъ пребываетъ, будучи, какъ говоритъ Макарій Великій, восхищенъ въ оный вѣкъ. Вкусивши, сколько благъ Господь, позналъ онъ и сладость, свойственную Божественнымъ вещамъ. При са-

момъ первомъ обращеніи къ Богу принимаетъ онъ рѣшительное намѣреніе подавить и искоренить въ себѣ всякое пристрастіе и къ тому обращаетъ всю внутреннюю свою власть и всю силу, принятую отъ Бога. Сначала борьба, а потомъ и свѣтъ безстрастія, или земное небо бываетъ въ немъ, или онъ восходитъ на него, какъ говоритъ святый Лѣствичникъ. Но это уже въ послѣднихъ степеняхъ совершенства. Чтобъ воспитать такое расположеніе, прямо по обращеніи онъ окружаетъ себя предметами, отражающими Божественное, и назначаетъ занятія, способныя питать духовныя чувства,—каковы: молитва, Богомысліе, Богослуженіе, чтеніе Слова Божія, и проч. Отдѣливши себя ими отъ всего земнаго и внутри силою духа подавляя земныя чувства, онъ мало по малу успѣваетъ отрѣшиться отъ всего и пріучается вкушать Божественное и въ немъ предвкушать вѣчное блаженство. Это и должно имѣть въ виду при образованіи сердца по духу христіанской жизни—оживить сочувствіе съ Божественнымъ, сдѣлать, чтобъ человѣку было пріятно обращаться въ мірѣ томъ, чтобъ онъ былъ въ немъ, какъ въ своей стихіи. Иначе—оно причиняетъ страданіе, а не блаженство. Грѣшнику и въ раю мука нестерпимая.

Теперь *о сочувствіи съ міромъ духовнымъ,* то есть, съ Ангелами и людьми (ибо тѣло что въ человѣкѣ?). Что значитъ страхъ при появленіи святыхъ Ангеловъ, страхъ сокрушительный, болѣзненный?—Это больше, нежели то, еслибъ они были чужды намъ или были иной совсѣмъ природы. Гдѣ же сродство и сочувствіе? И это еще у людей, какъ опыты показываютъ (въ В. З.), хотя воспитываемыхъ въ плотскихъ началахъ, однакожъ по Божію устроенію. Людямъ же грѣшнымъ они, можно сказать, и не являются за тѣмъ, что они не вынесутъ ихъ присутствія. Другой, еще большій признакъ отчужденія есть невѣріе въ бытіе ихъ. Если уже мысль объ нихъ

не вмѣщается среди мыслей, то что сказать о сердцѣ, которое еще глубже мыслей? Чему не вѣритъ кто, то непріязненно отвергаетъ, то ему не по сердцу. Не должно ли потому въ грѣшникахъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ, главныхъ, положить враждованіе и непріязнь къ Ангельскому міру, а не только отсутствіе сочувствія? И въ отношеніи къ людямъ то, что съ перваго взгляда всякій почти намъ кажется чужимъ, что отъ него къ намъ и отъ насъ къ нему несетъ холодомъ, и потомъ послѣ на все время остается въ насъ равнодушіе къ нему,—не означаетъ ли потери симпатіи? Рѣдкія исключенія изъ сего не противорѣчатъ общему выводу, а напротивъ—еще больше показываютъ извращеніе сочувствія. Бываетъ мгновенное сочувствіе и сродненіе съ нѣкоторыми лицами, безъ предварительныхъ сношеній; но, кромѣ того, что тутъ часто кроются великія ошибки даже на гибель человѣку, оно всегда почти есть плодъ отраженія подобнаго въ подобномъ. Равнодушіе не всеобще, ибо къ нѣкоторымъ питается пристрастіе; но и оно дышетъ неправдою и ведетъ всегда къ неправдѣ. Сверхъ того, что значатъ антипатія и ненависть, по которымъ одни безъ всякаго повода, другіе въ слѣдствіе взаимныхъ сношеній, не могутъ показаться другъ другу на глаза; что иное значитъ это звѣрство, по коему находятъ удовольствіе въ погубленіи другихъ, какъ не рѣшительное извращеніе сочувствія къ людямъ?

Отдѣлившись такимъ образомъ отъ сродныхъ себѣ братій, чѣмъ любуется человѣкъ? гдѣ проводитъ время съ удовольствіемъ? среди чего пребывать ему сладостно?— Онъ тамъ только въ своей стихіи, гдѣ видитъ отраженіе своего лица, съ радужнымъ его осіяніемъ, въ вещахъ ли или лицахъ, напримѣръ, среди произведеній своего ума и дѣятельности, или среди суетныхъ вещей, коими можно привлечь на себя взоры людей, или среди людей, при

посредствѣ которыхъ можетъ питаться его самодовольство и проч. Видно, что отъ другихъ онъ возвратился въ себя и себѣ одному сочувствуетъ.

Въ человѣкѣ, къ Богу обратившемся, благодать врачуетъ и сей недугъ. Въ самоотверженіи полагается сѣмя ненависти ко всему тому, на чемъ есть слѣдъ нашего *я;* а это не привлекаетъ, а гонитъ самоотверженнаго отъ себя самого. Сначала это бываетъ не такъ легко и совершается долѣе,—съ насиліемъ, а потомъ обращается въ естественное какъ бы чувство. Далѣе, мѣра погашенія страстей есть мѣра сродненія его съ человѣчествомъ и Ангелами. Сначала напрягается онъ думать и чувствовать, что нѣсть Іудей, ни Еллинъ, нѣсть рабъ, ни свободь, ни мужескъ полъ, ни женскъ, а наконецъ доходитъ до того, что, подобно Макарію Великому, желалъ бы все человѣчество обнять единымъ объятіемъ и считать роднымъ послѣднѣйшаго въ свѣтѣ человѣка. Что касается до его отношенія къ Ангельскому міру, то онъ живетъ какъ бы въ немъ; бываетъ, что часто видитъ Ангеловъ, питается отъ нихъ, видитъ ихъ при другихъ, слышитъ ихъ поющихъ, и все это съ такимъ восхищеніемъ и радостію, что даже положено правиломъ отличать бѣсовъ, преобразившихся въ Ангела свѣтла, отъ истинныхъ Ангеловъ—по той радости и миру, который остается при семъ на душѣ. Изъ этого видно, что сочувствіе съ духовнымъ міромъ Божественною благодатію вполнѣ возстановляется въ человѣкѣ, оставляющемъ грѣхъ и обращающемся къ Богу.

Сочувствіе съ міромъ вещественнымъ очень живо сознается всякимъ; особенно сильно оно бываетъ во время весны и лѣта, какъ со всею природою, такъ и болѣе съ живою, органическою тварію. Но и здѣсь уже съ перваго раза не показываетъ ли, по крайней мѣрѣ, его неправильнаго направленія то, что оно одно между дру-

гими сильно, тогда какъ ему слѣдовало бы быть слабѣе другихъ. Опять, что значитъ порабощеніе живыхъ тварей выгодамъ животной нашей экономіи, когда они подвергаются терзаніямъ и мученіямъ безъ всякой жалости? Или что значитъ привязанность человѣка исключительно къ одному мѣсту и климату, тогда какъ онъ, по назначенію, могъ бы съ радостію жить вездѣ? Это—извращенія сего сочувствія, а то, что онъ иногда никакихъ не имѣетъ чувствъ въ отношеніи къ природѣ, свидѣтельствуетъ о его онѣмѣніи.

Неважно, если у людей, Богу угождающихъ, остаются подобныя явленія. Однакожъ безъ труда вездѣ почти, какъ видно на опытѣ, прекращаются терзанія животныхъ и—именно по сочувствію; видна, безъ боязни за жизнь, готовность пребывать во всякомъ мѣстѣ на землѣ (Василій Великій), способность чувствовать покой при хладѣ и зноѣ, тѣмъ больше—потребность жить и дышать природою не въ угодность плоти (Антоній Великій), радоваться твореніямъ Божіимъ, съ веселіемъ и восхищеніемъ ходить среди нихъ. Все это очевиднѣйшіе признаки возвращенія или исцѣленія сочувствія къ міру вещественному. При всемъ томъ, опять, эта особенность не такая, чтобъ объ ней можно было жалѣть, еслибъ ея и не было. Ибо главное въ человѣкѣ—духъ, а онъ можетъ поглощать плоть со всѣми ея благовидными движеніями; къ тому же и въ самой природѣ теперь не все такъ, какъ бы слѣдовало быть.

β) *О сердцѣ, какъ центрѣ силъ существа человѣческаго.*

Въ сердцѣ отражаются своей дѣятельностію всѣ силы существа человѣческаго на всѣхъ ихъ степеняхъ. Слѣдовательно, въ немъ должны быть чувства духовныя, душевныя и животно-чувственныя, которыя впрочемъ, и по

образу своего происхожденія, и по своимъ свойствамъ, такъ разнятся, что и самую способность чувствовать надобно полагать въ трехъ видахъ.

аа) Сердце, какъ пріятелище и вмѣстилище духовныхъ чувствъ.

Такія духовныя чувства суть тѣ измѣненія въ сердцѣ, кои происходятъ въ немъ отъ созерцанія или воздѣйствія на него предметовъ изъ духовнаго міра. Совокупность ихъ можно назвать *чувствованіями религіозными.*

Такъ какъ душа грѣшная отдѣлена отъ Бога и міра Божественнаго, то чувствъ религіозныхъ въ истинномъ ихъ видѣ въ ней быть не можетъ. Ихъ и нѣтъ почти. Это лучше всего видѣть изъ сравненія состоянія сихъ чувствъ въ человѣкѣ-грѣшникѣ и истинномъ христіанинѣ. Такъ, источное чувство зависимости отъ Бога у перваго находится въ разныхъ степеняхъ слабости до совершеннаго исчезновенія или даже отверженія: отойди отъ насъ; а у другаго оно столько сильно, что онъ чувствуетъ на себѣ руку Божію, чувствуетъ, какъ Онъ держитъ его Своею силою. И вѣра есть чувство. Первый предположительно знаетъ о бытіи предметовъ вѣры, если не успѣлъ погрязнуть въ невѣріе; другой вѣрою живетъ и утверждаетъ ея царство, какъ свое бытіе. И далѣе, разныя, вѣрою изливаемыя въ сердце, чувства, изъ ощущенія благости, правосудія, могущества, промышленія, какъ то: страхъ, благоговѣніе, преданность въ волю Божію, упованіе, любовь и другія, уже потому самому не могутъ или совсѣмъ быть, или быть въ силѣ у перваго, что въ немъ недостаетъ вѣры,—ихъ источника. Они у него суть только мысли и представленія, а не ощущенія. Тоже должно сказать о благодареніи, славословіи и даже молитвѣ. А у втораго всѣ сіи чувства состав-

ляютъ, можно сказать, естественную стихію, въ коей онъ живетъ. Вся жизнь его слагается изъ перехода отъ одного изъ сихъ чувствъ къ другому. Живущему въ Богѣ свойственно быть полну чувствами, истекающими отъ дѣйствія Его на душу. Что сказать о чувствахъ, въ продолженіи самаго измѣненія на лучшее происходящихъ въ душѣ и составляющихъ естественный онаго составъ и слѣдствіе, какъ то: о сознаніи своей виновности предъ Богомъ, стыдѣ предъ Нимъ, раскаяніи, жарѣ ревности къ Богоугожденію, чувствѣ помилованія во Христѣ Іисусѣ—Господѣ нашемъ, и спасенія ради Его?—Это исключительное достояніе людей, къ Богу обратившихся и Богу работающихъ. Кто можетъ ощущать сладость того, чего не принялъ, не вкушалъ?

Но, какъ на очевиднѣйшую особенность должно указать на слѣдующія обстоятельства:

Нельзя сказать, чтобъ у грѣшника не было никакихъ религіозныхъ чувствъ; но главный ихъ тонъ есть чувство отрѣвающаго страха, чувство нѣкоторымъ образомъ болѣзненное, безпокойное, въ слѣдствіе коего не хотятъ или даже боятся вознести мысленныя свои очи на небо къ Богу и ходятъ, какъ подъ прикрытіемъ непроницаемаго нѣкотораго свода, въ темномъ Богозабвеніи. Въ работающемъ Богу, напротивъ, главное чувство есть чувство сыновства Богу, чувство прилѣпляющее, сладостное, всего человѣка къ Богу восхищающее и повергающее его въ лоно Его безпредѣльно-благое. О семъ чувствѣ неоднократно и пространно внушаютъ Апостолы, ибо они были имъ преимущественно исполнены.

За тѣмъ вся жизнь перваго проходитъ въ нѣкоторой безнадежной страшливости или нерѣшительности въ дѣлахъ. Уповаетъ онъ только на очевидное, то есть, на прямые способы, какіе доставляются наличными силами его и пособіями другихъ лицъ, вообще не на Бога упо-

ваетъ, а на что нибудь внѣ Бога. А это, кромѣ того, что означаетъ извращеніе его религіозности внутренней, его самого содержитъ среди томительныхъ сомнѣній, страхованій. Другой, напротивъ, уповая, ходитъ. Не отказывается и онъ отъ естественныхъ средствъ, но ихъ сила по нему зависитъ отъ Бога, и, если есть какой въ нихъ недостатокъ,—онъ не задерживается тѣмъ въ дѣятельности, несомнѣнно проситъ и получаетъ. Близь Господь, Который сказалъ: все, что попросите съ вѣрою, пріимете (Мат. 21, 22). Это свойство особенно раскрыто святымъ Исаакомъ Сиріаниномъ въ словахъ о трехъ степеняхъ разума.

ββ) *Сердце, какъ вмѣстилище душевныхъ чувствъ.*

Чувства душевныя суть тѣ движенія сердца, кои происходятъ въ немъ въ слѣдствіе измѣненій, происходящихъ въ душѣ, отъ свойственной ей дѣятельности. Они раздѣляются на *теоретическія, практическія и эстетическія*, поколику, то есть, происходятъ отъ воздѣйствія разсудка и воли, или суть слѣдствія вращанія сердца въ себѣ самомъ, или въ своей области.

Теоретическія чувства раждаются изъ отношенія сердца къ познаваемымъ истинамъ. Здѣсь потребностію знать разсудокъ возбуждается къ дѣятельности, а потомъ, въ концѣ своихъ трудовъ, плодъ ихъ слагаетъ въ сердцѣ. Первое есть *любознательность*, послѣднее—*чувство истины* въ разныхъ степеняхъ. Сюда относятся разныя степени убѣжденія и разные виды неубѣжденія, какъ то: несомнѣнность, сомнѣніе, вѣроятіе, невѣріе, отверженіе, недоумѣніе и проч. Уже съ перваго раза видны разницы въ семъ отношеніи, ибо кто томится невѣріемъ, или сомнѣніемъ, или упорствуетъ въ отверженіи истины?—Человѣкъ, отпадшій отъ Бога, Который есть истина. Притомъ, до познанія ли истины ему, когда онъ обло-

женъ суетами? Такого, даже если онъ трудится надъ науками, можно подозрѣвать, искренне ли его любознаніе? По любви ли къ истинѣ все у него дѣлается, или ex officio и по какимъ нибудь стороннимъ побужденіямъ? Какъ мало, сверхъ того, у него вкуса къ истинѣ, умѣнья и желанія наслаждаться ею,—видно изъ свойственной ему лѣности, бѣганія умственнаго труда, владычества въ немъ воображенія, легкомыслія. Особенно надобно обратить вниманіе на силу убѣжденія въ истинѣ. Убѣжденіе есть слѣдствіе проникновенія сердца истиною. Сердце, пребывающее во лжи, не пуститъ въ себя истины. И такъ, бываютъ ли у грѣшника несомнѣнныя убѣжденія въ истинѣ? Нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, смотря на неоднократные опыты, какъ одинъ и тотъ же легко перебѣгаетъ отъ однихъ началъ къ другимъ,—можно подозрѣвать его въ томъ. Притомъ, гдѣ же плодъ убѣжденія, если оно есть? И опять, что значитъ, что у человѣка, отшатнувшагося съ добраго пути, на коемъ былъ, тотчасъ выпадаютъ изъ сердца очень многія убѣжденія, и онъ никакъ не можетъ воспроизвесть ихъ въ себѣ, пока не возвратится на прежній путь? Также, недостатокъ ревности стоять за истину отъ чего другаго, какъ не отъ слабости убѣжденія? Изъ такихъ фактовъ можно вообще вывесть заключеніе, что у грѣшниковъ или мало, или совсѣмъ нѣтъ несомнѣнныхъ убѣжденій.

Совсѣмъ другое у тѣхъ, кои отъ тьмы грѣха обратились къ свѣту Божію. Жажда истины, можно сказать, первая у нихъ жажда; у нихъ Слово Божіе непрестанно въ устахъ и мысли. Сладость истины кто знаетъ, какъ не они, когда живутъ въ истинѣ? Исчадій невѣрія и сомнѣнія у нихъ нѣтъ, а напротивъ, сила убѣжденія срастается съ ихъ бытіемъ, отъ чего знаемое тотчасъ переходитъ въ дѣло, и за истину они готовы отдать самую жизнь и—отдаютъ, когда нужно.

Приложимъ еще одно замѣчаніе. Чувство истины— способность сердцемъ, безъ пособій стороннихъ, узнавать истинный порядокъ вещей, истинныя ихъ свойства,— свойственная природѣ человѣка, способность удивительная, у перваго заглушена совершенно, у втораго же оживаетъ, усиливается и наконецъ является во всей своей силѣ. Такъ, по одному чутью узнаютъ брата, врага, друга, сыновей, нужное лице, и то, какъ въ какомъ случаѣ поступить.

Чувства практическія суть тѣ движенія сердца, кои состоятъ въ существенной связи съ дѣятельностію воли и то возбуждаютъ ее, то сами послѣдуютъ за нею. Ихъ, можно сказать, два рода: чувства самости (эгоистическія), пріятныя и непріятныя, и разнаго вида расположенія къ людямъ, добрыя и недобрыя (чувства симпатическія). Перваго рода суть: самодовольство или самопрезрѣніе, самовозношеніе, самоуничиженіе, надменность, спѣсь и проч. Втораго: равнодушіе, изъ котораго—съ одной стороны уваженіе, соревнованіе, сорадованіе, соболѣзнованіе, сожалѣніе, признательность, дружба и проч., съ другой—зависть, злорадство, месть, ненависть, вражда, презрѣніе, осужденіе и проч. Впрочемъ всякое вообще настроеніе духа постоянное оставляетъ слѣдъ въ душѣ глубокій, по чему отзывается въ сердцѣ чувствомъ одобрительнымъ, если настроеніе хорошо, неодобрительнымъ, если оно худо. Теперь съ перваго раза уже видно, каковы должны быть сіи чувства у добрыхъ христіанъ и у недобрыхъ грѣшниковъ. У первыхъ должно положить всѣ чувства добрыя, съ самаго начала ихъ пути, если не во всемъ совершенствѣ, то въ сѣмени. Трудомъ и подвигомъ они высвобождаютъ добрыя чувства изъ узъ эгоизма, очищаютъ и насаждаютъ ихъ въ сердцѣ. Апостолъ говоритъ имъ: *облекитеся во утробы щедроты, благость, милосердіе, кротость* (Кол. 3, 12), и проч. Одежда

же духа есть осѣняющее его чувство. Что касается до чувствъ эгоистическихъ, то нельзя сказать, чтобъ они не возникали, особенно сначала; но имъ не дается силы, установляется противодѣйствіе имъ, принимаются средства къ изгнанію ихъ, и дѣйствительно, они изгоняются изъ души всякій разъ, какъ возникаютъ. Подвиги, труды, молитвы наконецъ подавляютъ ихъ и на мѣсто ихъ напечатлѣваютъ противоположныя имъ чувства. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ внедрить въ сердце добрыя чувства, ибо, что есть въ сердцѣ, то есть предъ Богомъ.

У безпечнаго грѣшника нѣтъ такого раздѣленія. Какъ онъ свою жизнь предалъ обыкновенному теченію, то и чувства у него, и добрыя и злыя, развиваются и укореняются въ сердцѣ вмѣстѣ, безъ его вѣдома, и составляютъ смѣсь иногда очень странную. Они исторгаются изъ его сердца при случаѣ сами собою, безъ чина и порядка. Какъ ревности о чистотѣ чувствъ сердечныхъ у него нѣтъ, то онъ и не напрягается дать перевѣсъ чувствамъ добрымъ, а оставляетъ ихъ самимъ себѣ и большею частію искажаетъ пристрастіями и страстями. Судя по сему, нравственная цѣна ихъ ничтожна. Напротивъ, чувства эгоистическія у него глубоко лежатъ въ сердцѣ и тамъ устрояютъ себѣ жилище постоянное. Можно сказать, нѣтъ минуты, въ которую онъ не имѣлъ бы на душѣ или самодовольства, или, если нѣтъ ему пищи, досады на себя, и проч. Это случайность, если они когда либо заглушаются въ сердцѣ, что большею впрочемъ частію бываетъ отъ прилива естественныхъ симпатическихъ чувствъ къ роднымъ и пріятелямъ.

Есть еще между практическими чувствами особенная способность—съ одной стороны ощущать сладость добра очевиднаго, съ другой—сердцемъ узнавать доброту сокровенную, безъ внѣшнихъ пособій. То и другое, поколику означаетъ совершенство духа, не можетъ быть въ

грѣшномъ сердцѣ въ своей чистотѣ, а развѣ только въ слабыхъ оттѣнкахъ или легкихъ соуслажденіяхъ закону. У добраго христіанина сія способность является во всей силѣ. Кто лучше его можетъ осязать красоту добродѣтели? Доброту же и худобу поступковъ и сердецъ другихъ онъ узнаетъ нерѣдко по непосредственному осязанію духовному.

Эстетическія чувства суть тѣ движенія сердца, кои происходятъ въ немъ отъ дѣйствія на него особеннаго рода предметовъ, называемыхъ изящными, или прекрасными. Здѣсь сердце наслаждается предметомъ потому только, что онъ самъ по себѣ хорошъ, нравится и услаждаетъ безъ особенныхъ его отношеній къ личнымъ нашимъ интересамъ. Сила, лежащая въ основаніи сихъ чувствованій, называется вкусомъ. Разнообразіе чувствъ въ немъ зависитъ отъ свойства предметовъ, но опредѣлять ихъ и различать одно отъ другаго очень трудно; посему они и имена свои получаютъ отъ предметовъ и суть чувства изящнаго, высокаго и проч. Опять, есть свои оттѣнки въ чувствѣ красоты картины, статуи и проч. Изящнымъ вообще называютъ удачное и разительное выраженіе въ чувственной формѣ чего нибудь духовнаго, то есть, мысли, чувства, добродѣтели, страсти. Очевидно, что внѣшнее здѣсь малозначительно, и главное—внутреннее, то, что выражается. По различію сего внутренняго содержанія должно различать и вкусы. Ихъ два вида: одинъ—истинный, любящій надлежащее содержаніе изящнаго,другой—ложный и извращенный, любящій ненадлежащее его содержаніе. Теперь вопросъ: какое надлежащее и какое ненадлежащее содержаніе изящнаго?

Что такое идея или чувство изящнаго?—Оно есть или воспоминаніе о потерянномъ раѣ, или предощущеніе будущаго небеснаго царствія. Если изящные предметы строятся подъ руководствомъ сего чувства, то вотъ и

источникъ содержанія для нихъ! Изображай райское, святое, небесное. Эту землю плачевную преврати въ преддверіе неба твоимъ искусствомъ. Если человѣка повсюду окружаютъ предметы земные, ради коихъ онъ можетъ забывать о небѣ—своемъ отечествѣ; то окружи его такими искусственными произведеніями, которыя напоминали бы ему о немъ, подобно тому, какъ иные, живя въ чужой странѣ, окружаютъ себя изображеніями своего города, дома, родителей и проч. Міръ,—твореніе Божіе, преисполненъ отраженіями Божественныхъ свойствъ, но тамъ они въ такой широтѣ и необъятности: собери ихъ въ малый объемъ и представь умному взору человѣка слабаго, въ картинѣ или музыкѣ. Опять,—что долженъ человѣкъ образовать въ душѣ своей въ жизни сей?—Святыя и небесныя расположенія. Дай же ему въ помощь и внѣшній ликъ сихъ расположеній, чтобъ тѣмъ успѣшнѣе онъ могъ внѣдрить ихъ въ себѣ. Изъ всего этого видно, что главнымъ содержаніемъ изящнаго должны быть предметы міра духовнаго. Само собою разумѣется, что имъ должна соотвѣтствовать и внѣшняя форма. Если теперь изображаются страсти и преимущественно плотскія, изображаются въ свойственномъ имъ безстыдствѣ и приманчивыхъ видахъ, или, если изображаются и добрые предметы, но въ формахъ недостойныхъ ихъ: въ такомъ случаѣ изящное извращается. Теперь легко судить объ истинномъ и ложномъ вкусѣ: истинный вкусъ наслаждается предметами, выражающими міръ духовный, нравственный, Божественный; извращенный вкусъ любитъ наслаждаться предметами, изображающими страсти или вообще оттѣненными страстію и питающими ее.

Какъ, теперь, долженъ быть извращенъ вкусъ у грѣшника, видно изъ настроенія его души, которая въ немъ исполнена страстей и предана похотямъ. Онъ не найдетъ красоты въ духовномъ. Не безъ удовольствія иногда

смотритъ онъ и на картины духовныя, но только если онѣ оттѣнены по его духу, равно и пѣніе церковное готовъ слушать, но если оно имѣетъ молитвы страстныя. Ему вездѣ скучно, гдѣ не встрѣчаетъ онъ предметовъ одного съ нимъ духа. И напротивъ, какъ цѣлъ вкусъ у живущаго по духу Христову! Какъ въ себѣ, такъ и во внѣ онъ не любитъ видѣть и тѣни страстей, преслѣдуетъ ихъ и гнушается ими. Съ другой стороны, какъ внутри напрягается онъ чувствовать свято, такъ и во внѣ любитъ смотрѣть только на предметы святые и, коль скоро встрѣтитъ ихъ, одинъ почти умѣетъ оцѣнить все ихъ достоинство и все совершенство.

Такимъ образомъ грѣхъ извращаетъ и предметы изящные, и самый вкусъ; напротивъ, христіанство и изящное возстановляетъ, и вкусъ врачуетъ. Какъ, въ познаніи, худое направленіе разсудка извращаетъ разумъ, худое направленіе воли извращаетъ совѣсть, —такъ здѣсь худое направленіе вкуса извращаетъ духовныя чувства.

γγ) *О нисшихъ, чувственно-животныхъ чувствахъ.*

Къ чувствамъ, стоящимъ на нисшей степени, относятся скорыя волненія или пораженія сердца (affectus), погашающія самодѣятельность разсудка и воли и сопровождающіяся особенными измѣненіями въ тѣлѣ. Большею частію сіи волненія, происходя въ нисшей части, суть слѣдствія нечаяннаго встревоженія эгоистическаго животолюбія, при обстоятельствахъ ему благопріятныхъ или неблагопріятныхъ. Потому иногда ихъ всѣ относятъ къ животно-чувственной части человѣка. Ихъ раздѣляютъ по разрушительнымъ дѣйствіямъ ихъ на высшія силы человѣка. Такъ, одни погашаютъ ясность сознанія, какъ-то: удивленіе, изумленіе, увлеченіе вниманія, испугъ; другія подрываютъ волю, какъ-то: страхъ, гнѣвъ, рети-

вость; третьи, наконецъ, терзаютъ самое сердце, которое то радуется и веселится, то скучаетъ, скорбитъ, досадуетъ и завидуетъ, то надѣется и отчаявается, то стыдится и раскаявается, или даже попусту мятется мнительностію. Можно судить по однимъ именамъ ихъ, какіе это злодѣи для человѣка; тѣмъ больше такими ихъ должно признать, судя по дѣйствіямъ. Они возвышаются на счетъ собственно человѣческихъ свойствъ—сознанія и самодѣятельности, а слѣдствіемъ своимъ всегда почти имѣютъ неестественное состояніе тѣла. Это—болѣзненныя потрясенія всего человѣческаго существа. Уже это одно должно наводить на мысль, что имъ хорошее мѣсто только въ человѣкѣ—грѣшникѣ. Болѣзни должно отнести туда, гдѣ есть источникъ болѣзней. И дѣйствительно, тогда какъ въ грѣшникѣ высшія духовныя чувства заглушены, а душевныя извращены, нисшія свирѣпствуютъ въ немъ во всей своей силѣ. Этому способствуютъ потеря власти надъ собою, преданіе себя общему влеченію обстоятельствъ, неуправленіе ни внѣшнимъ своимъ, ни внутреннимъ,—составляющія постоянное свойство грѣшнаго человѣка. Кромѣ того, разстроенное состояніе разсудка и воли, безъ того слабыхъ, подвергаетъ ихъ легко власти сихъ нечаянныхъ пораженій и волненій. Наконецъ, владычество буйнаго воображенія, мятущаго вниманіе, возмущающаго желанія, легко волнуетъ и сердце. Грѣшникъ какъ бы неизбѣжно въ непрестанныхъ тревогахъ. Нѣтъ въ немъ силы, которая бы защитила его отъ ихъ злаго вліянія. То страхъ, то радость, то тоска, то стыдъ, то огорченіе, то зависть или другое что непрерывно мятутъ и уязвляютъ душу его. Жизнь грѣшника есть путь по колючимъ тернамъ, не смотря на внѣшнюю свѣтлую обстановку. Напрасно придумываютъ нѣкоторыя механическія средства противъ страстей или толкуютъ о срединѣ безопасной. Нѣтъ спасенія отъ нихъ, безъ исцѣ-

ленія всего духа человѣческаго, ибо онѣ суть свидѣтельства и слѣдствія разстройства нашего существа. Возврати цѣлость существу, и прекратятся злыя страсти.

Въ христіанствѣ истинномъ возвращается сія цѣлость дѣйствіемъ благодати Божіей, которая, пришедши, погашаетъ и страсти. Христіанинъ, идущій путемъ своимъ, какъ слѣдуетъ, достигаетъ наконецъ сладостнаго покоя и мира невозмущаемаго, твердаго, который не колеблется бурею страстей. Есть и здѣсь печаль, но не та; есть и радость, но иного рода; есть и гнѣвъ, и страхъ, и стыдъ, и другія движенія, похожія по имени на страсти, но существо ихъ совсѣмъ другое, другой ихъ источникъ; они даже происходятъ отъ другой силы, ибо отражаются въ сердцѣ отъ духа, а не отъ животной части. Напрасно говорится такъ: не должно искоренять страсти, а должно только умѣрять ихъ. Это тоже, что говорить: не надо сердца поражать ядовитою стрѣлою насквозь, а только на поверхности. Нѣтъ: ревностный любитель нравственной чистоты, съ помощію Божіей благодати, борется съ сими исчадіями зла, подавляетъ ихъ и наконецъ совсѣмъ успѣваетъ погашать. Это свидѣтельствуютъ правила подвизавшихся и изображеніе состоянія совершенныхъ, какое можнон аходить у Святыхъ. Такъ и должно, ибо въ самоотверженіи истнивается самость и полагается намѣреніе истнить и животность. Слѣдовательно, опоры страстей подрываются въ самомъ началѣ. Какъ же послѣ устоятъ самыя страсти? Говорятъ: если такъ, то въ душѣ останется холодная безжизненность, дикая пустынь. Такъ—въ душѣ какого нибудь стоика, но не христіанина облагодатствованнаго. Такимъ можно сказать: заглуши только страсти христіанскимъ путемъ, а что тамъ будетъ, самъ узнаешь; но знай, что это не будетъ пустыня.

Такимъ образомъ и въ чувствующихъ силахъ истинный христіанинъ и человѣкъ грѣшникъ совершенно про-

тивоположны. У того высшія чувства во всей силѣ; чувства душевныя служатъ продолженіемъ ихъ или приложеніемъ къ быту дѣйствительному; нисшія погашаются. У послѣдняго, напротивъ; послѣднія въ силѣ, высшія погашены, среднія извращены.

Тоже слѣдовательно — во всѣхъ силахъ внутренняго нашего міра. Гдѣ у одного голова, тамъ у другаго ноги. Одинъ весь въ Богѣ и живетъ духомъ, съ умерщвленіемъ нисшей части и подчиненіемъ себѣ средней; другой—внѣ Бога, въ чувственно-животномъ мірѣ, живетъ фантазіею, мятется желаніями, поражается страстями, съ погашеніемъ духа и низвращеніемъ душевной дѣятельности.

(*г*).
Отношеніе къ тѣлу.

Рѣзче всего, очевиднѣе и нагляднѣе отличіе истиннаго христіанина отъ человѣка, преданнаго грѣху, выражается въ томъ, какъ поступаютъ они съ тѣломъ своимъ. Возьмите житіе какого угодно Святаго и найдете, что начало его обращенія къ Богу или первыя дѣйствія Богоугожденія означаются умученіемъ, истомленіемъ и истощаніемъ плоти. Человѣкъ же, живущій во грѣхѣ, пространно питаетъ и грѣетъ плоть свою и не можетъ принять смѣлости отказать ей въ чемъ нибудь или ее чемъ нибудь озлобить. Таковъ общій видъ отношенія къ тѣлу у того и другаго. Въ полной картинѣ оно таково:

Тѣло есть ближайшее орудіе души и единственный способъ обнаруженія ея во внѣ въ настоящемъ мірѣ. Это первоначальное его назначеніе. Посему самымъ устройствомъ оно совершенно приспособлено къ силамъ души. При всемъ томъ однакожъ тѣло все же есть нѣчто внѣшнее для души, нѣчто такое, что она должна отдѣлять отъ себя и, почитая своимъ, не сливать съ собою.

Когда человѣкъ палъ, душа разслабѣла, потеряла власть надъ собою, ниспала въ плоть и слилась съ нею, слилась до того, что какъ бы и сознавать себя стала не иначе, какъ въ плоти и чрезъ плоть. Когда произошло такое сліяніе сознанія съ плотію, неминуемымъ слѣдствіемъ сего было сознаніе своими и всѣхъ потребностей тѣла, и всѣхъ инстинктуальныхъ влеченій, возникающихъ въ животной жизни, а вмѣстѣ забвеніе потребностей духа, ибо плоть и плотское осязаемѣе. Лишь только потребности тѣла сочтены своими, надлежало ихъ удовлетворять съ заботою, не заботясь о духѣ. Частое удовлетвореніе раждало склонность плотскую и погашало соотвѣтственное по противоположности совершенство духа. Такъ какъ инстинктуальныхъ влеченій у насъ столько, сколько есть отправленій въ тѣлѣ, а этихъ послѣднихъ можно считать главнымъ образомъ пять, именно: отправленіе органовъ чувствъ, движенія, слова, питанія и половыхъ; то по симъ послѣднимъ можно расположить и самыя склонности, образующіяся въ душѣ отъ неразумнаго удовлетворенія ихъ требованій. Такъ —

Органы чувствъ даютъ инстинктъ или потребность употребленія ихъ. Удовлетвореніе сей потребности раждаетъ слѣдующія склонности: жажду впечатлѣній, глазерство, услажденіе чувствъ, разсѣянность. Эти склонности, окрѣпши, уничтожаютъ въ духѣ вниманіе и самособранность.

Изъ органовъ движенія развивается потребность движенія, а изъ нея потомъ—наклонность къ независимой дѣятельности, желаніе внѣшней свободы, своеволіе, разгульность. Ими отнимается свобода у духа.

У органовъ слова есть потребность, чтобъ ихъ приводили въ движеніе, или раздражали. Отсюда болтливость, смѣхотворство, празднословіе, шутки. Они налагаютъ молчаніе на внутреннее слово духа—*молитву*.

Изъ истинкта питанія развиваются сластолюбіе, нѣга, обжорство, лѣность, праздность. Это отнимаетъ всякое движеніе духовной дѣятельности.

Въ слѣдствіе недолжнаго удовлетворенія половыхъ отправленій происходятъ: желаніе нравиться, щегольство, волокитство и самыя страсти безчестія. Они отнимаютъ свойственныя духу чистоту и *безстрастіе*.

Все это тотчасъ найдетъ и сознаетъ въ себѣ всякій безпристрастный наблюдатель за собою, тѣмъ больше—человѣкъ, обратившій на себя взоры подъ дѣйствіемъ Божіей благодати. Онъ ясно видитъ и чувствуетъ, что обложенъ, какъ узами, плотскими страстями и склонностями, которыя не даютъ свободы его духу дѣйствовать соотвѣтственно своей природѣ, а приникая ближе, находитъ, что онѣ отъ плоти и именно—отъ неразумнаго удовлетворенія ея потребностей. Рѣшившись исправиться во всемъ и, слѣдовательно, возвратить свойственную духу свободу, онъ и хотѣлъ бы ограничить сіи потребности благоразумною мѣрою ихъ удовлетворенія, напримѣръ, умѣренною пищею, сномъ и проч.; но образовавшіяся склонности до того сроднились, или въ такую чувствительную пришли связь съ органами своими, что легкое движеніе сихъ органовъ приводитъ въ силу склонность и злодѣйствуетъ духу; напримѣръ, отъ легкаго движенія чувствъ—расхищеніе мыслей и потеря самособранности, отъ употребленія пищи вдоволь—холодность духа и вялость, и проч. Посему съ перваго раза онъ полагаетъ для себя закономъ—связать органы тѣла, чтобъ не возбуждались ими образовавшіяся чрезъ нихъ склонности, и духъ имѣлъ свободу возстановлять свойственныя себѣ совершенства. Такъ налагаются узы—на органы чувствъ чрезъ уединеніе, чтобъ утвердить и сохранить вниманіе и самособранность, въ коей сила духа;

на движеніе—чрезъ регулярный трудъ и послушаніе, чтобъ возстановить въ духѣ свободу;

на органы слова—молчаніемъ, чтобъ воскресить внутреннее слово, или возношеніе ума къ Богу—въ молитвѣ;

на органы питанія—постомъ, неспаніемъ, долулеганіемъ. чтобъ сохранить живость въ духѣ;

на органы половые—цѣломудріемъ и безбрачіемъ, чтобъ водворить въ себѣ безстрастіе.

Вотъ основаніе, почему Святые Божіи всѣ безъ исключенія проходили жестокое житіе! Безъ сего нельзя очистить духа, нельзя возстановить его и явить во всей свойственной ему силѣ. Это необходимый путь къ его свободѣ. Только по мѣрѣ истомленія плоти онъ высвобождается изъ нея. Посему, кто льститъ себя надеждою достигать совершенства въ духѣ безъ суроваго обхожденія съ тѣломъ, тотъ походитъ на того, кто бы хотѣлъ носить воду рѣшетомъ, или ловить вѣтеръ руками, или писать слова на водѣ. Это—напрасный и неразумный трудъ, въ коемъ стяжаемое въ одну минуту расточается въ другую. У Святыхъ Божіихъ тѣло дѣйствительно становилось орудіемъ для высшихъ цѣлей. Они чрезъ треніе тѣла оттирали онѣмѣлый духъ. Замѣчательно въ семъ отношеніи, что они тѣло, или животную жизнь, считали какъ бы лицемъ стороннимъ, почему, отходя ко сну, говорили: поди оселъ... это значитъ, что тѣло у нихъ отдѣлялось отъ ихъ личности и сорастворенiе сознанія съ нимъ прекращалось.

Какъ очевидна теперь необходимость тѣснаго, скорбнаго и крестнаго пути ко спасенію! Мы встрѣчаемъ ее на всѣхъ степеняхъ своей жизни. Тѣло должно стѣснить тѣлесными подвигами: иначе—безполезны всѣ труды. Слѣдующую за нимъ внутри дѣятельность воображенія, пожеланій и страстей—эту мятущуюся безпорядочную дѣятельность, должно подавить внутреннею напряженною бдительностію. Стоящую выше сего дѣятельность душевныхъ силъ должно исправить душевными трудами: чтеніемъ и

разсужденіемъ, добрыми дѣлами и Богослуженіемъ. Наконецъ, возстановить или воспитать духъ надо Богомысліемъ, молитвою, пріобщеніемъ таинствъ. Все это трудныя, потовыя занятія! Слѣдовательно, неотъемлемый характеръ жизни истинно христіанской есть трудничество, подвижничество, потовое и напряженное дѣланіе.

Этимъ заключается обозрѣніе началъ христіанской жизни и дѣятельности. Теперь очевидно, что естественныя начала нравственной жизни, обезсиленныя и ослабленныя въ паденіи, возстановляются Божественною благодатію въ царствѣ Господа нашего—Іисуса Христа. Въ семъ благодатномъ дѣйствіи человѣкъ раздѣляется на себя, или въ человѣкѣ отдѣляется свѣтъ отъ тьмы. Съ продолженіемъ времени тьма слабѣетъ, свѣтъ возрастаетъ и возвышается, а по мѣрѣ своего усиленія прогоняетъ тьму, коей область можетъ сократиться въ едва замѣтный объемъ. Человѣкъ приходитъ въ *мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 3, 13).

Сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ въ суетѣ, ума ихъ,—помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божія, за невѣжество сущее въ нихъ, за окамененіе сердецъ ихъ. Иже въ нечаяніе вложшеся предаша себе студодѣянію въ дѣланіе всякія нечистоты въ лихоиманіи. Вы же не тако познасте Христа: Аще слышасте Его и о Немъ научистеся, яко есть истина о Іисусѣ: отложити вамъ, по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ: обновлятися же духомъ ума вашего, и облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Еф. 4, 17—24).

НАЧЕРТАНІЕ

ХРИСТІАНСКАГО НРАВОУЧЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Истинно христіанская жизнь въ дѣйствіи.

Здѣсь изображается христіанская жизнь, какъ ей слѣдуетъ быть, и указываются правила, коимъ слѣдовать долженъ христіанинъ, чтобъ она дѣйствительно была такою.

Правилами для жизни христіанина служатъ заповѣди Христа Господа, какія исполнять даетъ онъ обѣтъ и обязуется при крещеніи. Такихъ правилъ или заповѣдей два вида: одни опредѣляютъ, какъ долженъ дѣйствовать христіанинъ, какъ христіанинъ, въ какомъ бы положеніи и въ какихъ бы отношеніяхъ ни находился; а другія указываютъ, какъ христіанинъ долженъ жить и дѣйствовать въ разныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ, въ какихъ приходится ему быть въ продолженіи настоящей жизни.

Эти послѣднія суть ничто иное, какъ приложеніе первыхъ къ внѣшнему быту христіанина.

Итакъ эта вторая часть имѣетъ два отдѣла.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Заповѣди и правила жизни, обязательныя для христіанина, какъ христіанина.

Издавна принято распредѣлять такія правила по тремъ отношеніямъ: къ Богу, къ ближнимъ и къ себѣ самому.

Первыми указывается, съ какими мыслями, чувствами и расположеніями долженъ христіанинъ обращаться къ Богу и какъ служить Ему.

Вторыми опредѣляется образъ взаимныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній христіанъ съ христіанами, какъ членовъ единаго тѣла церкви, долженствующихъ состоять въ живомъ союзѣ.

Третьими изображается, какъ христіанинъ долженъ дѣйствовать на самого себя, чтобъ имѣть возможность, какъ слѣдуетъ, держать себя въ первыхъ двухъ отношеніяхъ.

Эти три ряда заповѣдей и правилъ не раздѣлены не преходимымъ средостѣніемъ, и при исполненіи неотложно вліяютъ однѣ на другія; ибо всѣ христіане едино суть тѣло подъ главою Христомъ, чрезъ Коего оно состоитъ въ союзѣ съ Тріѵпостаснымъ Богомъ. Какъ въ тѣлѣ ни одинъ членъ недѣйствуетъ съ отособленіемъ отъ другихъ, но и къ главѣ и къ прочимъ членамъ хранитъ должное отношеніе, такъ это должно быть и въ живомъ тѣлѣ христіанъ.

Указавъ это, мы, думается, не погрѣшимъ, если не станемъ распредѣлять правила и заповѣди по сказаннымъ рубрикамъ; а, положивъ въ основу первую заповѣдь, будемъ потомъ излагать правила жизни, какъ одни положенія будутъ вызываемы другими,—послѣдующія предъидущими.

Начало всѣхъ заповѣдей: *Азъ есмь Господь Богъ твой; да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене*, говоритъ Господь Богъ (Исх. 20, 2. 4). Сею заповѣдію налагаются на насъ двѣ обязанности: знать Бога и почитать Его, или, что тоже, предписываются *вѣра и благочестіе. Вѣрою* и *благочестіемъ* обнимаются всѣ обязательныя для насъ расположенія и дѣла въ отношеніи къ Богу.

А).

Вѣра—глава всего.

1) *Обязанности вѣры.*

Подъ словомъ *вѣра* здѣсь разумѣется *исповѣданіе*, или выраженный опредѣленнымъ образомъ въ понятіяхъ и словахъ образъ Богопознанія и Богопочтенія.

а) Первая здѣсь обязанность есть *имѣть вѣру*, или религію, т. е., знать опредѣленнымъ образомъ Бога и образъ Его почитанія, или свое къ Нему отношеніе, или еще содержать исповѣданіе.... Сія обязанность первая непосредственно извѣстная, не столько даже предписываемая, сколько сама себя выказывающая; ибо такова природа духа человѣческаго, что онъ естественно и требуетъ Бога, и ищетъ Его, и поставляетъ себя къ Нему въ отношенія, какія считаетъ законными. Потому можно сказать, что она есть сѣмя и зародышъ всѣхъ обязанностей, какъ равно всей религіозно-нравственной

жизни человѣка. Кто не имѣетъ никакой вѣры, тотъ есть человѣкъ поганый. Нѣтъ у него образа тамъ, гдѣ бы слѣдовало быть ему во святилищѣ духа; ибо религія есть святыня, освящающая всю природу нашу, равно какъ отсутствіе ея искажаетъ и низвращаетъ ее. Св. Исаакъ Сиріанинъ замѣчаетъ въ человѣкѣ три состоянія: *одно*, естественное, въ коемъ человѣкъ по природѣ духа своего знаетъ Бога и Его боится. Изъ сего состоянія онъ, по извѣстнымъ условіямъ, восходитъ въ *другое*, вышеестественное, или благодатное состояніе. *Третье* состояніе образуется изъ погруженія человѣка въ чувственность, или плоть, при чемъ погасаетъ у него свѣтъ духа и попирается плотскими вожделѣніями. Человѣкъ нисходитъ на степень животныхъ, *прилагается скотамъ несмысленнымъ и уподобляется имъ* (Пс. 48, 13). Съ такимъ человѣкомъ и жить нельзя. Ибо чѣмъ его остепенить, когда разсвирѣпѣетъ? Потому сюда собственно должно отнести общеупотребительныя выраженія: Бога не знаетъ, Бога не боится, чтобъ означить, что съ такимъ человѣкомъ иѣ дла имѣть никакого нельзя.

б) Обязанность *имѣть вѣру* еще не опредѣляетъ самой вѣры. Потому къ сему должно еще прибавить, что человѣкъ обязанъ имѣть не какую нибудь вѣру, какъ бы всякую безъ различія, а именно одну опредѣленную, *единую истинную вѣру*. Ибо если Богъ единъ есть и неизмѣненъ, и человѣческая пророда одна есть, или единосвойственна, то и отношеніе между Богомъ и человѣкомъ—*истинное* можетъ быть только одно, а потому и выраженіе сего отношенія, или исповѣданіе *истинное*, есть едино. Сіе то единое и должно содержать человѣку. Иначе что онъ будетъ содержать? Ложь, призраки, мечтанія. А въ этомъ какое достоинство? Это тоже, что бѣдный и ничего неимѣющій, которому однакожъ во снѣ мечтается, будто онъ обладаетъ несчетными сокро-

вищами. Ложная религія есть посмѣяніе надъ человѣками. Ложно исповѣдающій тоже, что съумасшедшій, который бурлитъ, потому что ему видится то и то. Но бѣда этимъ не ограничивается. Тутъ кроется обманъ не простой, не такой, т. е., какой разрѣшается смѣхомъ, а жалостный, терзающій, отчаянный; ибо въ религіи всѣ чаютъ найти окончательное свое успокоеніе и вѣчное свое облаженствованіе. Въ сей увѣренности всякій крѣпко держитъ свою вѣру и дорожитъ ею. Но извѣстно, что прикровенность лжи возможна только здѣсь; по смерти тотчасъ откроется, какъ прочно то, на чемъ кто основывалъ свою надежду... Какое же ужасающее и раздирающее будетъ состояніе того, кто увидитъ тогда, что онъ былъ обманутъ. Потому, пока есть время, пока еще мы на пути къ рѣшительной и неизмѣнной вѣчности,—

в) Всякому должно *испытать и несомнѣнно увѣриться*, истинна ли та вѣра, которой онъ держится; и если она окажется неистинною,—отыскать, гдѣ та единая, истинная, которая истинно ведетъ къ истинному Богу и даруетъ несомнѣнно вѣчное спасеніе. Это такъ обязательно и понудительно, какъ исхищать себя изъ огня... *Господь не несвидѣтельствована Себе оставилъ* (Дѣян. 14, 17), а равно и единой Своей истинной вѣры; но когда Онъ попустилъ, чтобъ близь нея на сей землѣ существовали другія вѣры и какъ бы вступали съ нею въ соперничество; то тѣмъ самымъ на всѣхъ наложилъ обязательство не безъ смысла держаться вѣры Его, а по несокрушимымъ основаніямъ, ради которыхъ съ полнымъ убѣжденіемъ отвергается все прочее. Симъ испытаніемъ воздается честь вѣрѣ и удерживается истинное достоинство человѣка, лица разумнаго, сознательнаго, совѣстнаго. Вѣра наша въ нашу вѣру, т. е., убѣжденіе въ истинѣ православнаго христіанскаго исповѣданія

должна быть разумная. Посему Господь, чтобъ расположить къ вѣрѣ въ Себя и Свое ученіе, говорилъ: *испытайте писанія* (Іоан. 5, 39), убѣждалъ къ тому проповѣдію Іоанна Крестителя и Своими чудесами. Апостолы въ проповѣди тоже всѣхъ убѣждали и только однимъ убѣжденіемъ привлекали къ вѣрѣ, а не насиліемъ. Самая твердость исповѣданія зависитъ отъ сего убѣжденія, а далѣе и вся жизнь въ духѣ своей вѣры. На это указываютъ безчисленные опыты, изъ коихъ видно, какъ сильно иные возбуждаются къ сообразной съ вѣрою дѣятельности, съ минуты сознанія ея истинности единственной, и напротивъ, какъ многіе спятъ въ безпечности отъ того, что не привели въ ясность сего сознанія. Столько основаній къ тому, чтобъ испытать и увѣриться, какая вѣра есть вѣра истинная!

Какъ увѣриться и какимъ путемъ испытать? Къ сему два способа: одинъ внѣшній, научный, а другой внутренній, путь вѣры. Первый предлагается обыкновенно въ систематическомъ изложеніи Богословія. Онъ дѣйствителенъ и для ученыхъ существенно необходимъ; но, очевидно, не всеобщъ, ибо въ основаніи своемъ содержитъ знанія, не для всѣхъ доступныя. При всемъ томъ надлежало бы сіи научные доводы со всею широтою, и ясностію, и убѣдительностію изложить и отдать во всеобщее употребленіе, съ ручательствомъ за силу ихъ непреложнаго авторитета, чтобъ всякій способный разумѣть уразумѣвалъ симъ путемъ истину. Нельзя впрочемъ не видѣть, что сей путь очень, очень дологъ и труденъ, и, что особенно замѣчательно, помѣщаясь въ головѣ, оставляетъ сердце самому себѣ, своему своенравію и свободѣ. Путь *вѣры* искреннѣе, внутреннѣе, живѣе, многоплоднѣе и общедоступнѣе. Это молитва къ единому истинному Богу о вразумленіи. Есть Богъ истинный. Онъ сказалъ волю Свою намъ въ наше спасеніе, съ желаніемъ, чтобъ она была

понята и выполнена. Теперь мудрованіями людскими она скрыта, или запутана до того, что тотъ или другой не имѣетъ достаточно силъ найти исходъ изъ сего лабиринта. Когда, въ чувствѣ сей кровной нужды, съ воплемъ, стенаніемъ, болѣзнію сердечною, обратится кто къ Богу, истинному Отцу всѣхъ человѣковъ, Богу, желающему, чтобъ вѣра Его была дѣйственною,—можетъ ли быть, чтобъ Онъ не далъ такому рѣшительнаго указанія къ убѣжденію въ истинѣ ея? Онъ врановъ кричащихъ питаетъ, по молитвѣ посылаетъ дождь въ жажду плоти нашей... а человѣку, и еще духу его, Своему образу, томящемуся, ищущему узнать, какъ прославлять Бога, будто Онъ не укажетъ источника для утоленія сей жажды духовной? Такая молитва нисколько не есть искушеніе Бога, хотя можетъ быть превращена въ него, когда кто не искренно, изъ одного любопытства, желалъ бы такихъ знаковъ. Примѣры убѣжденія въ вѣрѣ симъ путемъ почти повсюдны. Корнилій сотникъ испросилъ себѣ вѣру... Множество было такихъ, кои приходили къ пустынникамъ вопрошать о вѣрѣ, а они, вмѣсто всѣхъ доводовъ, заставляли ихъ молиться, и Богъ открывалъ имъ истину, напр. Святой Великомученицѣ Екатеринѣ. Въ смутныя времена ересей, Богъ воздвигалъ людей съ отличною святостію, облекалъ ихъ силою чудодѣйственною и ставилъ въ виду всѣхъ, какъ свѣчи на свѣщницѣ, да свѣтятъ всѣмъ; какъ они были сосуды вѣры и силы Божіей, то и служили для всѣхъ сумнящихся рѣшительными указателями истины. Всѣ ожидали или желали знать, какъ исповѣдуетъ тотъ и тотъ святый мужъ, и держались его исповѣданія. Бывало, что влагали въ руки нетлѣнныхъ людей хартіи съ изображеніемъ исповѣданія, молились исправить неправое и получали по молитвѣ. Но что слишкомъ и напрягаться сіе доказывать? Господь сказалъ, что все можно получить у Бога, молясь Ему съ

вѣрою, тѣмъ больше, молясь о вѣрѣ, началѣ и источникѣ всего. Онъ Самъ въ Своей послѣдней молитвѣ что говоритъ ко Отцу Своему? *Святи ихъ во истину* (Іоан. 17, 17), это Апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и всякаго вѣрующаго. Даже то несомнѣнно, что, какъ истинная вѣра по самому происхожденію своему есть чудодѣйственная, то сіи чудодѣйственныя свидѣтельства должны въ ней и для ней пребывать непрерывно. Они и пребываютъ. Одинъ говорилъ о себѣ: когда я смотрю на сіи нетлѣнные останки, источающіе цѣлебную Божественную силу, и помышляю, что духъ, освятившій сіе тѣло, исповѣдалъ именно ту вѣру, которую я содержу; то у меня исчезаетъ всякое сомнѣніе, которое иногда навѣваетъ врагъ истины, и я не могу не радоваться тому, что Богу угодно было дать намъ такой рѣшительный и вмѣстѣ такой доступный способъ убѣжденія въ истинѣ святой вѣры. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Потому мощи современны христіанству и въ немъ непрерывны и повсюдны... У насъ въ Россіи они есть во всѣхъ предѣлахъ и въ такомъ количествѣ! На западѣ они прекратились вмѣстѣ съ отдѣленіемъ его отъ востока и отпаде́ніемъ отъ истины, а о новыхъ, образовавшихся изъ папства, исповѣданіяхъ и говорить нечего. Такъ вотъ гдѣ успокоительная проповѣдь объ истинѣ вѣры!.. Но блаженнѣе изъ всѣхъ тотъ, кто, вмѣстѣ съ Іеронимомъ Греческимъ, можетъ сказать: „истинна вѣра, исповѣдуемая мною, ибо ею я сподобился пріять Божественную нѣкоторую силу, дѣйствующую во мнѣ ощутительно. И язычники имѣютъ писанія, и храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти Боговѣдѣніе, и нѣкоторыя добрыя дѣла, и праздники, и премѣненіе одеждъ, и молитвы, и всенощныя бдѣнія, и священниковъ, и много другаго; но сей сокровенной въ сердцѣ христіанина благодати и дѣйствія Святаго Духа никто въ цѣломъ свѣтѣ не получаетъ, а

получаютъ вѣрою только одни правильно крестившіеся въ Отца, Сына и Святаго Духа“ (Хр. Чт. 1821; 11, 129). Такъ вотъ прямѣйшій путь къ открытію истинной вѣры, именно: вѣра же, молитва, непрерывность чудодѣйственности въ церкви, и особенно, внутренняя сила, доставляемая въ вѣрѣ.

Посмотри всякъ вокругъ себя и увидишь, что всѣ искренно вѣрующіе вѣруютъ по симъ основаніямъ, а не по научнымъ... Почитай если хочешь, и научныя основанія вѣры въ какомъ либо Православномъ Богословіи. Но сердечныя сильнѣе и сподручнѣе.

2) Обязанности къ вѣрѣ.

То, что сказано, надо назвать *обязанностями вѣры*, именно: имѣть вѣру и притомъ вѣру единую истинную, съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что она есть точно истинная. Коль скоро узнана вѣра истинная, тотчасъ начинается другой рядъ обязанностей, именно: *обязанности къ вѣрѣ*, или къ православно—христіанскому исповѣданію.

а) Первая и основная здѣсь обязанность есть *всецѣлая покорность вѣрѣ* истинной. Вѣра сія идетъ отъ Бога, есть Его царскій указъ къ намъ, подданнымъ, открыта намъ съ желаніемъ, чтобъ мы приняли ее и спасались ею. Потому, кто не покоряется ей, противится Богу, творитъ грѣхъ хулы на Духа Святаго. *Жестоковыйніи*, укоряетъ Святый Стефанъ Іудеевъ, *вы присно Духу Святому противитеся* (Дѣян. 7, 51). Апостолы были посланы на проповѣдь *въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ* (Рим. 1, 5) и всѣмъ говорили: вотъ вы были въ заблужденіи и ходили въ нечестіи; нынѣ Богъ презираетъ сіи времена невѣдѣнія и чрезъ насъ *повелѣваетъ всѣмъ всюду покаятися, вѣру подая всѣмъ* (Дѣян. 17, 30). Довольно уже жили въ Богомерзскихъ идолослуженіяхъ; пора по-

кориться Богу и воли Божіей прочее во плоти жити время (1 Петр. 4, 3).

Послушаніе вѣрѣ требуетъ связать разумъ и обязать его на все беспрекословно соглашаться, что ни проповѣдуетъ вѣра. Но разумъ-то болѣе всего и противится сей покорности. Жестока выя у невѣрующаго отъ упорства разума. Не вижу, говоритъ, не понимаю, какъ могу согласиться? *Еллини*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *премудрости ищутъ, мы же проповѣдуемъ Христа распята* (1 Кор. 1, 23). Такъ какъ *міръ не разумѣ премудростію Бога*, то теперь *Богъ спасаетъ вѣхъ буйствомъ проповѣди* (1 Кор. 1, 21), хочетъ, чтобъ всѣ шли къ своему назначенію въ примракѣ вѣры, чтобъ исповѣдующій вѣру на всякій вопросъ, почему онъ то и то исповѣдуетъ, готовѣе былъ сказать,—потому что такъ Богъ повелѣлъ, нежели какъ любомудрствовать, потому и потому. Къ непокоривымъ справедливо можно отнесть угрозы Бога за отверженіе премудрости: *понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса, и не внимасте: убо и Азъ вашей погибели посмѣюся* (Притч. 1, 24—31). Преосв. Тихонъ говоритъ: „то и есть вѣра—безмолвная покорность глаголющему Богу“ (Томъ 7, стр. 17). Пытливость есть раззореніе вѣры. Кто съ непокоривымъ и своенравнымъ умомъ входитъ въ область вѣры, тотъ тать есть и разбойникъ... Сними оружіе ума своего, какъ дѣлаютъ воины при входѣ въ церковь. И Ангелы стоятъ предъ престоломъ Божіимъ, закрывающе лица свои, а ты хочешь все зрѣть... Богъ явилъ сокровеннѣйшую премудрость; благодарно и послушно прими, говоря: я молчаливый рабъ сей вѣры.

б) Когда такою покорностію положено прочное основаніе, надлежитъ назидать на немъ все зданіе вѣры. Изречено рѣшительное и молчаливое согласіе на все, что содержитъ вѣра; теперь слѣдуетъ самымъ дѣломъ

воспринять сіе содержаніе, чтобъ *знать свою вѣру*. Иначе, что такое выйдетъ, имѣть вѣру и не знать ея, не знать, во что вѣруешь! Это есть оскорбленіе и вѣры, и себя. Если вѣра истинна, почему не ревнуешь обогатиться истиною? Если въ ней твое благо, зачѣмъ лишаешь себя его? Какъ нестыдно оставаться въ такомъ усыпленіи? И что сказать вопрошающему о упованіи? Да при этомъ и вѣра—не вѣра. Вѣра есть совокупность истинъ и здравыхъ о всемъ понятій. Какая же вѣра у того, кто ихъ не знаетъ? Господь говоритъ: *се же есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога, и его же послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). *И нѣсть иного имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ намъ спастися,* прибавляетъ Апостолъ (Дѣян. 4, 12). Изъ сего видно, что содержаніе вѣры не просто есть богатство благости, а вмѣстѣ и условіе спасенія. Незнающій его уже находится въ опасности. Оно во всемъ своемъ составѣ и въ частяхъ есть врачевство; но больному надобно принять врачевство и уподобить его себѣ, чтобъ сдѣлаться причастнымъ его врачебной силы. Такъ и все, исповѣдуемое вѣрою, должно понять и принять, чтобъ врачевать немощи духа. Аѳанасій Великій такъ говоритъ: иже хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каѳолическую вѣру, ея же аще кто цѣлы и непорочны не соблюдетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ (См. Сѵмволъ Аѳан. Вел. въ Псалтири).

Чтобъ все сюда относящееся было яснѣе для васъ, предлагается нѣсколько вопросовъ съ рѣшеніями.

Что значитъ—*познать свою вѣру?* Значитъ—довесть себя до состоянія ясно, точно и опредѣленно созерцать и высказывать тѣ истины, которыя содержитъ святая православная вѣра; быть способнымъ дать отвѣтъ всякому, какъ учитъ Апостолъ (1 Петр. 3, 15). *Вѣра*

есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ (Евр. 11, 1). Сдѣлать надобно, чтобъ сіи невидимыя вещи дѣйствительно получили въ насъ свойственный имъ обликъ, получили имя, были вѣдомы, какъ принесенная вѣсть. Не то это значитъ, что должно разгадывать тайны: нѣтъ, тайны навсегда останутся тайнами, сколько бы ни напрягался кто раскрыть ихъ. Но, хотя непонятно существо предмета и сокрыты основанія, усвой и содержи его такъ, какъ ученіе о немъ содержится, точными и опредѣленными словами. Словомъ—познавать, означается не мудрованіе, а смиренное и безпрекословное принятіе уроковъ святой вѣры.

Что надо узнавать? Все, что содержитъ святая вѣра. Когда говорится: *все,* уничтожается различіе и предметовъ, и способовъ познанія, и источниковъ ученія. Все стороннее должно быть отнесено за предѣлы кругозора умственнаго и устранено изъ вниманія; въ мысли долженъ оставаться одинъ образъ исповѣдуемаго, который и пусть наполняетъ ее во всемъ ея пространствѣ. Предметы вѣры размѣщаются въ головѣ, какъ они размѣщены въ исповѣданіи, и созерцатель ихъ прикасается вниманіемъ къ каждому изъ нихъ, какъ наблюдатель богатаго сада не пропуститъ ни одного цвѣтка, чтобъ не осмотрѣть его. Никакъ не должно говорить, а тѣмъ бобѣе чувствовать: это маловажно, можно оставить или быть къ тому равнодушнымъ; такъ, относительно возженія свѣчи, воскуренія ѳиміама и проч. Все содержимое вѣрою въ цѣломъ своемъ составѣ есть врачевство для нашего растлѣнія. Кто не принимаетъ чего, тотъ умаляетъ силу врачевства, а иногда совсѣмъ уничтожаетъ ее. Если изъ рецепта, прописаннаго лекаремъ, отнять одинъ какой составъ и потомъ принимать по своему уму составленное лекарство, а не какъ сказано, то вмѣсто пользы можно получить вредъ. Въ вѣрѣ нашей составлена намъ ограда или крѣпость, обезопашиваю-

щая и защищающая насъ отъ враговъ. Тутъ все нужно. Отвергни малое, сдѣлаешь проломъ въ стѣнѣ, и пойдутъ враги одинъ за другимъ, раззорятъ всю ограду и тебя погубятъ. *Блюдите убо, како опасно ходите* (Еф. 5, 15).

Всѣмъ ли это? Всѣмъ вѣрующимъ; иначе зачѣмъ и вступать въ ограду вѣры? Всѣмъ должно чувствовать себя обязанными узнавать во всей полнотѣ свою вѣру и потомъ, на основаніи сего чувства, дѣйствительно узнавать. Вѣра не есть что нибудь маловажное, какъ бы избытокъ сверхъ нужды, а есть кровная и существенная нужда, какъ дыханіе, пища, сонъ, и прочее подобное. Знаніе ея, есть дѣло самонужнѣйшее; потому и ревность о немъ должна быть самая первая. Кто иначе дѣлаетъ, тотъ моритъ духъ голодомъ, или лишаетъ его нужнѣйшихъ потребностей. Сначала обыкновенно знаніе бываетъ мало, какъ сѣмя; но потомъ должно давать просторъ его возрастанію и не оставлять сѣменемъ. Пусть возрастетъ въ древо. Здѣсь тоже происходитъ, что въ рисованіи, гдѣ сначала дѣлаютъ одинъ очеркъ всей картины, а потомъ начинаютъ разрисовывать часть за частію. Апостолы, когда проповѣдывали, то въ первомъ оглашеніи дѣлали какъ бы сей очеркъ, а далѣе, при вторичныхъ посѣщеніяхъ, или въ посланіяхъ, доканчивали всю картину вѣры, или то совершалъ Божественный Духъ. Тоже и теперь. У многихъ, конечно, есть одинъ очеркъ вѣры; у другихъ оттѣнены, можетъ быть, и нѣкоторые лики и части. Но на этомъ останавливаться не должно. Надобно и имъ доканчивать сію картину. Вообще никто не увольняется отъ обязательства узнавать все всевозможно, хотя на самомъ дѣлѣ могутъ быть терпимы разныя степени полноты сего знанія. Потому и различаютъ вѣру *уясненную* и *неуясненную*. Сія послѣдняя говоритъ: *все содержу*, что содержитъ святая вѣра, хотя *не все еще успѣла* узнать, а

первая: *все содержу и знаю ясно*. Силу спасать имѣетъ и первая; но кто сознательно не доходитъ до послѣдней, по нерадѣнію, тотъ въ опасности, ибо сей сонъ—признакъ смерти.

Какъ узнавать? Нѣтъ нужды для сего возноситься на небо или переплывать моря. Истинная вѣра не сокрыта, а явлена всѣмъ и многими очень исповѣдуется. Она не затеряна, такъ чтобъ слѣдовало всякому самому отыскивать ее въ источникахъ и приводить въ ясность, а въ явѣ пребываетъ и гласно исповѣдуется. Поди и спроси, какъ исповѣдуется. Читай Исповѣданіе Православное и Катихизисъ; не умѣешь, другого попроси; слушай проповѣди, ибо на священникѣ лежитъ обязанность возобновлять толкованіе Катихизиса; спроси пастыря, внимай чтенію Слова Божія и Богослуженію. У насъ столько способовъ узнать свою вѣру, что дивиться надобно, какъ есть незнающіе ея. Кажется, знаніе сіе само, противъ воли, готово внѣдриться. Хорошо для облегченія или утвержденія своего знанія имѣть сокращенное исповѣданіе всего: извлечь изъ катихизисовъ, въ краткихъ предложеніяхъ изобразить все и потомъ часто прочитывать. Это будетъ тоже, что очищеніе воздуха въ покояхъ, или освѣженіе себя прохладою утра или вечера. Есть и готовыя такого рода сокращенія: Св. Геннадія, Патріарха Константинопольскаго, Святаго Димитрія Ростовскаго и Преосв. Тихона Воронежскаго. Это знать какъ полезно и возбудительно, потому что все подводитъ подъ одинъ обзоръ, вводитъ какъ бы въ великолѣпный храмъ и исполняетъ умиленія и благоговѣнія.

в) Когда найдена и познана истинная вѣра, вѣра ведущая къ Богу, безконечно благому и ублажающему, и доставляющая нескончаемое блаженство, когда все сіе ясно сознано и принято убѣжденіемъ сердечнымъ, тогда быть не можетъ, чтобъ христіанинъ оставался равно-

душнымъ, чтобъ *сердце его не исполнилось соотвѣтственными тому чувствами*, подобно тому, какъ нельзя оставаться равнодушнымъ, когда вступаютъ въ обладаніе неисчетными сокровищами. Чувства, впрочемъ, сіи сколько естественны, столько и обязательны. Не принимать только ихъ должно, когда они есть, но и возбуждать съ напряженіемъ, когда нѣтъ, жалѣя и скорбя объ окаменѣніи своего сердца. Чувства сіи освящены примѣрами Матери Божіей, Святыхъ Апостоловъ и всѣхъ Святыхъ. Они суть:

аа) Радостное и благодарное славословіе. Такъ Матерь Божія воспѣла первую христіанскую пѣснь: *величитъ душа моя Господа... яко... воспріятъ Израиля... помянути милости* (Лук. 1, 46); Елисавета въ радости взываетъ: *благословенна ты въ женахъ!... и откуду мнѣ сіе...* (42). Захарія славословитъ: *благословенъ Господь Богъ... яко посѣти... якоже глагола... помянути завѣтъ* (68-80). Господь Самъ исповѣдуется Богу Отцу ради вѣры Апостоловъ: *исповѣдаютися, Отче... яко... открылъ еси та младенцемъ* (Мат. 11, 25), и въ другомъ мѣстѣ ублажаетъ Петра: *блаженъ еси Симоне* (Мат. 16, 17). Апостолы часто, по изложеніи истинъ вѣры, прилагаютъ: благословенъ Богъ, что далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Его и Единороднаго Сына Его (1 Іоан. 5, 20).

бб) Чувство успокоенія или *безопасности.* Мы погибаемъ: мечъ гнѣва надъ нами, а подъ нами адъ отверстъ, готовый пожрать. Кто увѣруетъ, того всѣ эти бѣды минуютъ, не коснутся. Сознавшій это долженъ чувствовать, что онъ, какъ бы съ холода, дождя, сыраго и безпокойнаго вѣтра, вступилъ въ теплый покой, или, какъ утопавшій, сталъ на берегъ, или, какъ окруженный и терзаемый звѣрьми, исхищенъ изъ среды ихъ съ увѣренностію, что они уже не дотронутся до него. Это чувство у Апостола Павла изображено подъ видомъ субботства (Евр. 4). Безпокойный умъ все роется въ надеждѣ

найти что лучшее и ничего не находитъ; вѣра все даетъ: и всю мудрость, и всѣ способы.

вв) Любовь, какъ вообще ко всей вѣрѣ, такъ и къ каждому ея догмату, правилу и постановленію. Надо все принять сердцемъ, все согрѣть въ немъ, вкусить, усвоить, лелѣять. Что свято, истинно, Божественно, спасительно, какъ того не любить? Давидъ Святый поетъ, что ему и прахъ дома Божія любезенъ... Это урокъ намъ съ любовію лобызать всякую истину, содержимую св. вѣрою. Это собственно и значитъ содержать вѣру. Вѣра въ сердцѣ, а не въ головѣ; а когда въ сердцѣ, то согрѣваетъ его и любится имъ, ибо иначе ему нельзя быть тамъ. Истина, пока не вошла въ сердце, есть тоже, что пыль на полированной доскѣ: повѣетъ вѣтеръ и все снесетъ. Истина, принятая сердцемъ, что елей, прошедшій въ кости. Любящій истины вѣры ненавидитъ противорѣчащее имъ, и лице и помыслъ, потому и безопасенъ отъ паденія, и есть самъ столпъ вѣры. Посему это святѣйшій и глубочайшій долгъ: *люби вѣру и всѣ правила ея.*

г) Кто узналъ и возлюбилъ единую истинную вѣру, тотъ не можетъ *не свидѣтельствовать своей къ ней преданности. Отъ избытка сердца говорятъ уста* (Матѳ. 12, 34).

Дѣйствія, въ которыхъ сіе выражается, суть: *аа) Исповѣданіе вѣры*, т. е. открытое, искреннее и небоязненное дѣломъ и словомъ показаніе, что содержится сія именно святая и единая истинная вѣра. Такое исповѣданіе можетъ быть и бываетъ двухъ родовъ: одно, *всеобщее и всегдашнее*, другое, *особенное*, являемое во время гоненій. *Первое* состоитъ въ томъ, чтобъ открыто, искренно и небоязненно говорить, поступать и жить по правиламъ святой вѣры, въ томъ мѣстѣ и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ кто поставленъ, не смотря на то, что будутъ объ насъ говорить, какъ судить и какъ въ отношеніи къ намъ будутъ поступать другіе. Сего требуетъ *искренность* убѣжденія. Если это исти-

на, а то не истина, зачѣмъ я стану измѣнять одной въ угоду другой? или зачѣмъ мнѣ стыдиться дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ? Стыдъ, смущеніе—знакъ маловѣрія и малоубѣжденія. Сего требуетъ *опасность ущерба для вѣры*. Кто боится жить открыто по своей вѣрѣ, тотъ приводитъ въ подозрѣніе самую вѣру. Всякій скажетъ: вѣрно слабость или нетвердость ихъ вѣры связываетъ ему языкъ и руки. Особенно не должно молчать тамъ, гдѣ открыто унижается другими вѣра. Тутъ прямо надо высказать истину и остепенить дерзкаго, какъ Богохульника. *Ясная заповѣдь Спасителя* о томъ, чтобъ не стыдиться исповѣдать Его предъ человѣками, относится сюда (Лук. 9, 26; Мат. 10, 33), И чего бояться? Смѣяться будутъ? Пусть. Это ихъ неразуміе. Апостолы радовались тому, что способились пріять безчестіе за имя Христово. Надо имъ подражать. Притѣснять станутъ? Еще полезнѣе. Тутъ можно сказать всякому: дерзай! вѣнецъ мученика сходитъ на главу твою. Притомъ, людей ли бояться больше должно, или Бога? Всѣ такого рода укоры въ неискренности убѣжденія и въ малодушіи идутъ только къ тѣмъ, кои, не являя своей вѣры по боязни, остаются сами въ безразличіи, такъ что не угадаешь, вѣруютъ они иии нѣтъ. Чтоже сказать о тѣхъ, кои при случаѣ принимаютъ на себя видъ невѣрующихъ, опасаясь изъявленіемъ вѣры подать невыгодную будто о себѣ мысль? Это—человѣкоугодничество, играніе святынею, пустое лицедѣйство. На что похоже, изъ за того, что другой неразумный подумаетъ неразумно, надѣвать на себя личину неразумнаго?! Должно впрочемъ помнить, что, когда поставляется такое исповѣданіе въ обязанность, то симъ нисколько не оправдывается исполненіе правилъ вѣры только на показъ, а то: ходи въ правилахъ своей вѣры по убѣжденію и любви, не скрываясь, но и не заботясь о томъ, что скажутъ другіе.

То есть пустое тщеславіе; а это истинная дѣятельность. И еще: когда видишь хульника, возстань и обличи его, нечестивца, загради уста ему, чтобъ не попиралъ святыни.

Особое исповѣданіе вѣры, торжественнѣйшее, Богоподобное, Апостольокое, есть исповѣданіе въ гоненіяхъ за вѣру вообще, или за какой либо догматъ. Гоненія бывали часто и возможны во всякое время. Примѣры предшествовавшихъ живописали намъ и правила, какъ вести себя въ сихъ случаяхъ... Возстало гоненіе,—молчи и пребывай въ своемъ чинѣ, предаваясь Господу всестроющему, молясь о силѣ и помощи. Чувствуешь *слабость и страхъ,* а между тѣмъ имѣешь возможность укрыться,—*укройся.* Многіе такъ дѣлали. Цѣлою Церковію удалялись въ лѣса и горы. И Господь сказалъ: *когда гонятъ въ одномъ городѣ, бѣгайте въ другій* (Мат. 10, 23). *Укройтеся мало елико елико, дондеже мимо идетъ гнѣвъ Господень,* говоритъ Пророкъ (Исаіи 26, 20). Взятъ силою и представленъ на судъ: *не усрамися, ниже убойся,* яви силу любви къ исповѣдуемому тобою Господу. стань за Него до крови и смерти. Но и безъ того, кто чувствуетъ себя связаннымъ нравственною силою, именно, внутреннимъ нѣкоторымъ понужденіемъ къ исповѣдничеству, тотъ, благословясь, съ совѣта пастыря, если можно, или и безъ того, возвысь голосъ исповѣданія. Сдѣлай тоже и тогда, какъ видишь, что тѣ, коимъ слѣдуетъ исповѣдывать, слабѣютъ, или когда бываешь въ кругу тѣхъ, кои еще не поставлены въ сію честь, а уже готовы по слабости отречься отъ истины. Многіе мученики такъ поступали и не только спасали вѣровавшихъ, но и не вѣровавшихъ дѣлали вѣрующими. Вообще исповѣдничество открытое ни какъ не можетъ быть излишнимъ, когда дѣлается по любви, къ Господу влекущей, съ здравымъ рвеніемъ, а не буйнымъ фанатизмомъ. Опасенія и ограниченія всѣ въ сто-

рону... Иди небоязненно, говори исповѣданіе: Господь тебѣ помощникъ. Всякій исповѣдникъ есть крѣпкій воинъ изъ воинства Христова. Слабъ? бѣги, когда есть возможность, а когда пойманъ, свидѣтельствуй небоясь. Никакъ себѣ не должно позволять, хоть для вида только, сдѣлать то, что требуютъ въ знакъ отреченія, ибо это тоже, что отреченіе. Таковъ духъ исповѣдничества! Его должно и всегда возгрѣвать въ себѣ, чтобъ неготовымъ не застало время невзгоды, надо постоянно быть готовымъ страдать и умереть за имя Христово и вѣру святую. Это есть духовное исповѣдничество или сокровенное мученичество, когда бываетъ христіанинъ сердцемъ распятъ, хотя тѣломъ живъ.

бб) Ревность о распространеніи вѣры, или приведеніи ея въ извѣстность. Кто убѣжденъ, что святая вѣра есть единая истинная, тотъ не можетъ молчать объ ней, особенно въ виду или предъ лицемъ лжи и заблужденія. Кто любитъ ближняго своего, всякаго человѣка, искренно и желаетъ ему истиннаго, прочнаго и вѣчнаго блага; тотъ можетъ ли удержаться, чтобъ не возвѣстить ему истиннаго пути ко спасенію, открываемому святою вѣрою? Кто любитъ Бога и ищетъ славы Его, можетъ ли не ревновать, да познаютъ Его и Его же послалъ есть Іисусъ Христа (Ін. 17, 3), чтобъ славить и чтить Его, какъ Самъ Онъ желаетъ и научаетъ всѣхъ въ истинной вѣрѣ Своей. Такъ убѣжденіе въ истинѣ, любовь къ Богу и ближнимъ требуютъ, чтобъ всякій, знающій вѣру и имѣющій слово, громогласно возглашалъ всѣмъ истинный путь спасенія въ святой вѣрѣ. Ибо несомнѣнно, что гибнутъ тѣ, кои внѣ вѣры. И славословіе Богу внѣ ея есть козлогласованіе; какъ же можно это видѣть и терпѣть? Тутъ нѣтъ нужды дожидаться власти и правъ. Когда душа горитъ ревностію святою, трезвенною, любовною и умоляющею,—возвышай голосъ.

Спрашивается, *кто долженъ это дѣлать?*

Само собою разумѣется, что преимущественно долгъ сей лежитъ на освященныхъ лицахъ, какъ на то исключительно учиненныхъ. Но и всякому другому какъ можно заградить уста, когда онъ возвѣщаетъ истину, въ коей убѣжденъ и которую возлюбилъ душевно? Позволить проповѣдывать всякое безъ разбора убѣжденіе пагубно; но возглашать истину, всемірно извѣстную, Богомъ открытую, точно и ясно опредѣленную, какъ неизмѣнное правило для всѣхъ людей и во всѣ времена, это и для дѣйствующаго, и для другихъ спасительно. И не только возглашать, но и дѣятельно заботиться должно объ успѣхахъ слова истины.

Кому проповѣдывать? И своимъ и чужимъ. Господь говоритъ: видишь брата согрѣшающаго, поди, вразуми его. Послушаетъ, — пріобрѣлъ еси брата; нѣтъ, — тоже сдѣлайте вдвоемъ; а далѣе уже повѣдать надо Церкви (Мат. 18, 17). Мало ли можно найти между братіями христіанами невѣдающихъ вѣры и по невѣдѣнію держащихся нелѣпостей? Знающій вразуми и просвѣти брата истиною. И это будетъ стольже плодоносно, сильно, цѣнно, какъ идти за море и обращать невѣрныхъ. О присныхъ въ вѣрѣ болѣе должно пещись, по Апостолу. И чужихъ, кои между нами, не должно оставлять и какъ бы презирать, но и ихъ согрѣй любовію, предрасположи къ вниманію и сѣй въ благопріятное время. Кто знаетъ, не войдетъ ли и въ его душу истина чрезъ слово твое? У Бога вездѣ есть орудія къ побѣжденію, хоть ихъ никто ясно не знаетъ.

Какъ это дѣлать? И словомъ, и писаніемъ. Видишь неправомыслящаго и умѣешь сказать истину; найди твоимъ благоразуміемъ доступъ къ его слуху и вниманію и возвѣсти ему сію истину. Живое слово требуетъ впрочемъ труженика сколько терпѣливаго, столько же

и премудраго, но оно рѣшительнѣе; ибо прямо вступаетъ въ борьбу съ душою и, если сильно, непремѣнно плѣняетъ умъ въ послушаніе Христово. Писаніе легче, и оставляетъ въ покоѣ ту и другую сторону. Въ немъ торжествуетъ сама истина, лице скрыто; и во вразумляющемся больше предполагаетъ оно свободы и зрѣлости убѣжденія. На сторонѣ писанія та еще выгода, что оно всюду имѣетъ доступъ и долговѣчно. Писаніе, высказывающее истину вѣры живо, убѣдительно, побѣдоносно, есть истинное сокровище для Церкви и рода человѣческаго. Кто возможетъ составить такую книгу, тотъ можетъ стать въ ряду всемірныхъ проповѣдниковъ.

Истинную впрочемъ ревность о распространеніи вѣры должно отличать отъ буйной, неразумной, фанатической. Она должна имѣть слѣдующіе признаки: *твердое*, *основательное*, *разумное убѣжденіе въ истинѣ святой вѣры*, съ полнотою познанія ея. Душа, содѣлавшаяся сосудомъ, вмѣщающимъ такую святыню, не можетъ не разливать отъ себя благоуханія. Какъ можетъ она скрывать отъ другихъ сокровище сіе? Какъ удержитъ языкъ, отъ полноты сердца естественно приходящій въ движеніе? Отсюда, кѣмъ обладаетъ безотчетное пристрастіе къ вѣрѣ, помрачающее ясность созерцанія ея, кому желательно высказать не столько содержимое вѣрою, сколько свои мудрованія о ней; тотъ пусть удержится и пребудетъ спокойнымъ въ своихъ предѣлахъ, не трогаясь до святыни нечистыми руками. Апостолъ заповѣдалъ проповѣдывать *отъ чиста сердца*, *совѣсти благія*, *вѣры нелицемѣрныя*, безъ которыхъ нѣкоторые попали на распутія (1 Тим. 1, 5).

Чувство покорности и рабства истинѣ и Богу. Не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали, свидѣтельствуютъ Апостолы (Дѣян. 4, 20). Мы рабы, говорятъ они, поручники, работники Божіи. Отсюда, кто ищетъ возвышенія, отличія, преобладанія и владычества

надъ умами и душами другихъ, въ томъ нѣтъ истины. Истинный ревнитель вѣры Бога воцаряетъ, а ложный себя.

Умоляющій тонъ любви и убѣжденія съ самопожертвованіемъ и уничиженіемъ... По Христѣ молимъ, говорятъ Апостолы, примиритеся Богу (2 Кор. 5, 20). Ты гибнешь, поди, я вынесу тебя на раменахъ въ безопасную пристань. Смотри, вотъ истина, ясная какъ солнце. Отсюда, лесть, обманъ какой нибудь, приманки выгодами, угрозы невыгодами суть уклоненія отъ правды въ проповѣданіи вѣры.

Мужество. У слабыхъ, или по разуму, или по силѣ слова и характера, сія ревность можетъ оставаться какъ бы молчащею. Она можетъ пламенѣть, возжигать сердце, но выражаться одною молитвою и ревнивымъ желаніемъ, чтобъ святая вѣра сколько можно болѣе приходила въявь и возвышала славу Божію, приводя къ блаженству людей. Такая готовность, какъ и готовность къ исповѣдничеству, есть сколько святое, столько же и высокое, и плодоносное расположеніе. Когда все возможное сдѣлано, Богъ цѣнить будетъ силу ревности, а не одни плоды, которые въ его власти. По сему случаю должно припомнить, что истинные, призванные проповѣдники, назначаемые для особыхъ цѣлей, чрезвычайно воздвигаются Богомъ, Имъ ведутся къ цѣли и подъ Его покровительствомъ исполняютъ то, къ чему призваны. Таковъ, напр., былъ Святитель Стефанъ Пермскій. Другимъ приличнѣе смиренно пребывать въ своемъ кругѣ, грѣть и свѣтить здѣсь своимъ удѣльнымъ свѣтомъ и теплотою.

д) *Храненіе вѣры—и своей сердечной, или своихъ убѣжденій, и исповѣдуемой вѣры*. Любящій по естественному влеченію хранитъ любимое, какъ зеницу ока. Тоже и въ отношеніи къ вѣрѣ. Хранить вѣру значитъ прежде всего отклонять угрожающія ей опасности. Опасности сіи бы-

ваютъ внутреннія и внѣшнія. *Къ первымъ* относятся возникающія по временамъ *помыслы сомнѣнія* вообще ли въ вѣрѣ, или въ частности въ какихъ нибудь членахъ ея. Разны и степени сихъ помысловъ: иные мгновенны, какъ набѣгъ мысли или бѣглая тѣнь отъ легкаго облака, другіе касаются сердца и его уязвляютъ, какъ стрѣлою; иные опять касаются такихъ предметовъ, коихъ твердость мы знаемъ, а иные чего нибудь невѣдомаго. Такіе помыслы и сердце само можетъ ковать; но, вѣрнѣе, они отъ врага истины и отца лжи. Какъ бы ни было, ихъ не должно оставлять безъ вниманія, а тотчасъ прогонять ихъ, доводя сердце до воспламенѣнія ненавистію противъ нихъ; ибо ненависть сія есть истинное духовное изблеваніе яда, поставляющее внѣ опасности. Снисхожденіе къ нимъ и невниманіе опасно. Что же касается до того рода сомнѣній, которыя касаются слабой стороны,—то, кромѣ негодованія, спѣшить должно противопоставить имъ истинные доводы или восполнить въ познаніи то, чего недоставало. *Вторая внутренняя опасность—отъ страстей.* Въ злохудожной душѣ не можетъ содержаться истина. Это сосудъ худой, все готовый испустить, что ни положи въ него. Страсти суть отступленія отъ истины и притомъ живыя; потому всякій страстный уже на пути лжи стоитъ, принявъ отъ страстей уроки лжи противной истинѣ. Отъ порочной жизни очень удобный переходъ къ безвѣрію, холодности и отверженію вѣры. Потому должно хранить душу и сердце свое въ чистотѣ. Это есть несокрушимое, безопаснѣйшее хранилище вѣры. Опасности вѣры внѣшнія суть: *чтеніе* книгъ, содержащихъ развратныя правила, или проповѣдающихъ ложь и безвѣріе, особенно такихъ, кои писаны увлекательнымъ языкомъ поэзіи и наполнены тонкими и хитрыми софизмами, которыхъ разрѣшить не вдругъ можетъ и крѣпкая голова. Опасности сей избѣжитъ всякій, кто ничего не чи-

таетъ худаго, или вообще, читаетъ только по указанію опытныхъ людей. *Сообщество* съ людьми, напитанными легкомысліемъ и презорствомъ къ истинѣ, и также съ еретиками и иновѣрцами хитрыми и изворотливыми. *Тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33). Удаляться должно отъ ходящаго не по преданію (2 Сол. 3, 6; Рим. 16, 17), чтобъ не истлѣлъ разумъ отъ простоты (2 Кор. 11, 3), чтобъ не прельститься ложною философіею (Кол. 2, 8). Ко всѣмъ таковымъ, разумѣется, не должно терять любви, сожалѣнія, искренняго желанія и содѣйствія къ ихъ вразумленію; но никакъ не должно склоняться до пріятства и дружества съ ними. Такое расположеніе связываетъ и языкъ и мысль и какъ-бы невольно предаетъ въ руки врагу. Потому, въ отношеніи къ такимъ, заботься о вразумленіи, молись; но удаляйся тотчасъ, какъ увидишь свою опасность. Если чувствуешь впрочемъ крѣпость, борись, съ Божіею помощію.

Съ такимъ впрочемъ отрицательнымъ храненіемъ вѣры должно имѣть въ союзѣ и положительное. Кто хранитъ дерево, тотъ не только отдаляетъ отъ него вредное, но и снабжаетъ нужнымъ для укрѣпленія и полноты питательныхъ соковъ. И вѣру тоже должно питать въ себѣ. Вотъ что для сего нужно: *слушай* Слово Божіе, проповѣди и поученія, а если имѣешь возможность, и уроки; *читай* Слово Божіе, святыхъ отцевъ, богослововъ; ищи и *вопрошай*, *бесѣдуй* и общись съ вѣрующими, богатыми въ вѣрѣ; *размышляй* объ основаніяхъ вѣры, особенно о дѣлахъ и судьбѣ ея, о ея Божественныхъ обѣтованіяхъ и ихъ исполненіи; молись и вопій къ Богу: помози моему невѣрію; *живи по вѣрѣ* и дѣлами прикрѣпляй къ существу своему то, что содержишь въ мысли, чтобъ колебать въ тебѣ вѣру значило тоже, что тревожить жизнь; часто пріобщайся достойно Святыхъ Таинъ, и будешь содержать самый источникъ истины въ сердцѣ своемъ.

Храня такимъ образомъ въ себѣ вѣру, не должно оставаться равнодушнымъ и къ судьбѣ исповѣдуемой религіи. Здѣсь постоянно молись, желай и содѣйствуй ея благосостоянію, цѣлости и безопасности; *видишь* угрожающую *опасность* отъ лжи, заблужденія и ложной философіи, *возвѣсти*, кому должно; *борись* и противодѣйствуй самъ, сколько можешь; *жалѣй*, скорби и сокрушайся, что такъ есть, и молись Господу, Царю истины, да воцаритъ истину и проженетъ налегающій мракъ. Когда же все употреблено съ твоей стороны, предай себя и святую вѣру въ руки всеправящаго Господа, Который смертію Своею положилъ основаніе торжеству Своей вѣры и не оставитъ ея на рѣшительный произволъ людей. А если оставитъ, то оставитъ людей, но не вѣру, и людей оставитъ только за одно упорство и нераскаянное противленіе.

Такъ разумѣвая разумѣвай всякъ добрыя и недобрыя расположенія и дѣйствія относительно святой православной вѣры нашей. Первыя насаждай, вторыя, если есть, искоренить постарайся. Худыя нынѣ времена. Береги мысль и сердце. И отъ близкихъ можетъ быть бѣда. Внимай убо.

3) Грѣхи противъ вѣры.

Надобно показать и отступленія отъ правды относительно вѣры, чтобъ всякій могъ видѣть яму и не пасть въ нее. Будемъ идти рядомъ съ исчисленными обязанностями и означать возможныя уклоненія отъ нихъ.

Противъ первой обязанности, *имѣть вѣру*, грѣшатъ неимѣющіе вѣры, незнающіе Бога и своего къ Нему отношенія — *безбожники*. Не мѣсто здѣсь показывать существованіе безбожниковъ; говоримъ только, что, если они есть, то грѣшатъ, и грѣхомъ самымъ великимъ, ко-

торому и равнаго нѣтъ. Различать впрочемъ можно и должно безбожниковъ *теоретическихъ*, кои по образу мыслей своихъ допускаютъ небытіе Бога, и *практическихъ*, кои живутъ, не думая о Богѣ, или такъ живутъ, какъ бы не было Бога. Къ первымъ можно отнести *фаталистовъ*, кои говорятъ: *самослучайно рождены есмы*, какъ у Премудраго (Сол. Пр. гл. 2 вся). Все, что ни есть и бываетъ, есть и бываетъ такъ. Грѣхомъ симъ искушаются и мысленно грѣшатъ всѣ тѣ, кои, раздумавшись о началѣ и судьбѣ міра, о запутанномъ ходѣ происшествій рода человѣческаго и своихъ, въ сердцѣ своемъ помышляютъ: неужели есть Богъ? не такъ ли все сіе? Сюда же относятся *пантеисты*, для коихъ эта вселенная есть Богъ, но неимѣющій лица, связанный закономъ необходимости, неотдѣльное существо. Они родственны фаталистамъ. Особый видъ ихъ *эволюціонисты*, по коимъ міръ есть развитый Богъ. Это грѣхъ грубѣйшій, хотя къ нему принадлежатъ очень утонченные умствователи, какъ Фихтэ, Гегель и др. *Практическіе* безбожники повсюднѣе. У нихъ одинъ характеръ—жизнь въ Богозабвеніи, въ воляхъ сердца, безъ сознанія надъ собою какой либо высшей власти, безъ чувства неизбѣжной необходимости отвѣчать за жизнь. Объ нихъ говоритъ Пророкъ: *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ*. А что эта рѣчь отъ нихъ,—прилагается: *растлѣша и омерзишася въ начинаніяхъ своихъ* (Пс. 13). Предавшись чувственности и страстямъ, они подавили лучшую часть своего существа и нить, связующую ихъ съ небомъ, прервали. Они уже, по Апостолу, *не пріемлютъ яже духа Божія* (1 Кор. 2, 14; о нихъ же: Еф. 2; Рим. 1). Ихъ можно встрѣчать въ большомъ количествѣ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, и что особенно жалко, иногда не совсѣмъ развратныхъ, а живущихъ въ естественныхъ чувствахъ сердца. Впрочемъ въ сей смрадъ, хотя

на время, погружаются и вѣдущіе Бога, но дни, мѣсяцы, а иногда и годы проводящіе въ суетѣ ума, какъ бы безъ Бога (Еф. 2).

Противъ втораго долга, имѣть *единую истинную вѣру*, грѣшатъ *индифферентисты*, кои содержатъ и проповѣдуютъ, что все одно, какую ни имѣй вѣру, только имѣй. Всякая пригожа и приведетъ къ своему назначенію, христіанская ли это, или не христіанская. Какъ груба погрѣшность здѣсь, видно изъ того, что говорено въ подтвержденіе необходимости имѣть единую истинную вѣру. Тутъ еще приложить должно, что послѣ того, какъ Самъ Богъ научилъ людей приближаться къ Нему, Самъ приходилъ, воплотился, страдалъ и умеръ, ниспослалъ Духа и столько чудесъ дѣлалъ для утвержденія вѣры, подвигъ небо и землю, послѣ всего сего говорить, что все равно, сію ли вѣру держать, или другую, означаетъ не только безуміе крайнее, въ коемъ истину ставятъ на равнѣ съ ложью, но и нечестіе, въ коемъ наводится нѣкоторый укоръ на человѣколюбиваго Бога, будто излишне расточалъ милости и въ коемъ лжа творятъ Бога истины, будто не единая та вѣра, которую Онъ объявляетъ единою. Индифферентизмъ есть сверхъ того язва рода человѣческаго. Если одна только вѣра ведетъ ко спасенію, такъ что всѣ иновѣрія не спасаютъ, а влекутъ за собою пагубу, то кто удерживаетъ въ нихъ, не губитъ ли всѣхъ, кого удерживаетъ? Когда свирѣпствуетъ моръ, и искусный врачъ изобрѣтетъ единственное врачевство, то всякій увѣряющій: ничего, и то-то лекарство хорошо, губитъ всѣхъ, кои его послушаютъ. Таковъ индифферентизмъ. Онъ разслабляетъ и убиваетъ духъ. Содержащій его почти тоже, что безбожникъ, ибо явно, что для него вѣра есть стороннее дѣло, что онъ держитъ ее по обычаю, въ подражаніе другимъ, или еще хуже, будто какое либо средство поли-

тическое. Всѣ сіи укоры падаютъ и на того, кто говоритъ: все равно, лишь бы была христіанская вѣра, а то какая ни будь. Откуда эта мысль?! Апостолы съ такою ревностію заботились о единомысліи, такъ дѣятельно старались возстановить его, когда оно какъ нибудь нарушалось, такъ строго вооружались противъ разномыслящихъ, что опредѣлили имъ отлученіе, а нынѣ вошло въ обычай говорить: все равно, лишь бы христіанская, хоть бы то была и ересь? Какъ же Господь говорилъ: *аще Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17)? И потомъ какъ же Церковь во все свое продолженіе, такъ сильно ратовала и вооружалась противъ всѣхъ разномыслящихъ? Будто все сіе такъ? И что Господь оправдывалъ знаменіями и чудесами единую истинную вѣру и доселѣ оправдываетъ, будто и это все такъ?

Близко подходитъ къ индифферентизму, или есть его видъ, тотъ развратный образъ мыслей, по коему проповѣдуютъ, будто религія не что иное есть, какъ средство въ рукахъ правительства. И тѣ, кои такъ думаютъ о правительствѣ, и самое правительство, которое такъ поступаетъ, крайне нечестивы и безбожны... Ну, если пригоже для правительства магометанство, или жидовство, или другое какое нечестіе, будто его вводить и ему благопріятствовать должно? Цѣль общества—весть человѣка къ цѣли; цѣль человѣка въ Богѣ, къ Богу же идти можно только такъ, какъ Онъ указываетъ во св. вѣрѣ. Слѣдовательно, духомъ общества должна быть единая истинная вѣра. Что за правительство, которое, мало чѣмъ успокоивая своихъ подданныхъ во временномъ, за это губитъ ихъ на цѣлую вѣчность! Говорятъ: смущеніе будетъ въ народѣ! Кто же позволяетъ насиліе? Яви истину, чтобъ всякій увидѣлъ ее. И кто къ тому способнѣе, какъ не правители? Потому они безотвѣтны

предъ Богомъ, если не хранятъ и не вселяютъ въ народѣ истинной вѣры.

Противъ третьяго — *испытай, гдѣ истина*, грѣшатъ: *Неиспытывающіе*, погруженные въ сонъ безпечности, *нерадящіе*, кои тѣмъ только отличаются отъ индифферентистовъ, что никакой мысли не имѣютъ при своей безпечности, или совсѣмъ и не думаютъ о вѣрѣ и суть потому вѣро-презиратели. *Сомнѣвающіеся*, кои вообще остановились на нерѣшенномъ вопросѣ: есть ли Богъ и нужно ли Ему поклоненіе? или подозрѣваютъ, истинна ли святая вѣра православная, и однакожъ остаются равнодушными, не ищутъ разрѣшенія недоумѣній и, въ такомъ нерѣшительномъ, колеблющемся состояніи, продолжаютъ жить по принятому порядку. Это какъ бы повисшіе на воздухѣ, истощающіе и мучащіе духъ свой. Сила ихъ преступленія и въ равнодушіи къ истинѣ, къ Богу и своему спасенію, и особенно въ томъ неестественномъ положеніи духа, что держатъ его въ извѣстномъ порядкѣ противъ убѣжденія, идутъ противъ совѣсти и убиваютъ въ себѣ жизнь. Остановившіеся на лжи, *всѣ заблуждающіеся въ вѣрѣ:* язычники, магометане, іудеи, особенно натуралисты, тѣ, кои думаютъ, что для познанія Бога и своего спасенія достаточно естественныхъ силъ человѣка, своего ума и самодѣятельности. Это заблужденіе иначе называется *раціонализмомъ*. Онъ есть самая очевидная *глупость и безуміе*. Видѣть и свои ошибки, и ошибки другихъ мыслителей, знать изъ исторіи, сколько заблужденій и пороковъ наводнили землю отъ разумнаго человѣка, и еще вѣрить въ свой разумъ! Къ тому же въ сосѣдствѣ раціоналистъ видитъ откровенную Богомъ вѣру, чудодѣйственно утвержденную, представившую и представляющую опыты спасенныхъ, и остается при своемъ упорствѣ! Непонятно. Не безъ основанія потому нѣкоторые подозрѣваютъ, есть ли основательно

убѣжденные въ твердости своего раціонализма раціоналисты? Большая часть безъ твердаго, яснаго убѣжденія, съ мутнымъ сознаніемъ вѣрности своихъ мыслей, заносчиво проповѣдаетъ незнать что, чтобъ только заставить говорить о себѣ, вотъ всеобъемлющій геній!

Противъ того, что узнанной святой православной вѣрѣ должно покориться смиренно, молча, всецѣло, грѣшатъ: а) тоже *раціоналисты,* только *библейскіе,* кои признаютъ Откровеніе, но принимаютъ изъ него только то, что сообразно съ ихъ образомъ мыслей. Это гордые умы, возносящіеся на умъ Божій, непокорящіеся Ему, нехотящіе послушать вѣры, потому суть тоже, что *невѣры.* Ибо невѣріе собственно и есть непризнаніе истиннымъ того, что святая вѣра признаетъ истиннымъ. По своему духу, это разбойники въ оградѣ Божіей, прелазящіе отинудѣ, кои, вошедши туда, вмѣсто смиреннаго пребыванія, своевольно рвутъ, разбрасываютъ и искажаютъ всѣ Божіи сокровища. *Всѣ еретики, паписты, протестанты* всѣхъ родовъ, и другіе—естественный плодъ невѣрія и своемыслія, или своенравія ума въ дѣлѣ вѣры. Вѣра вселенская есть правило вѣдѣнія и жизни, обязательное для всѣхъ. Кто мудрствуетъ не такъ, какъ она, въ какомъ нибудь членѣ, зная, что сей родъ мудрствованія не одобряется ею и противенъ ей, и потомъ далѣе не покоряется никакимъ убѣжденіямъ, а упорно стоитъ въ своемъ мудрованіи, тотъ есть хульникъ Духа Святаго, Духа истины. Онъ раздираетъ цѣлость вѣры и въ этомъ тѣмъ преступнѣе, чѣмъ яснѣе сознаетъ порядокъ вѣрованія, чѣмъ больше чувствуетъ колебанія въ совѣсти и сердцѣ противъ своихъ мыслей, чѣмъ больше за себя, а не за истину стоитъ въ своемъ упорствѣ, ради земныхъ и самостныхъ какихъ либо цѣлей. *Отступники,* тѣ, кои, или изъ страха преслѣдованія, или по надеждамъ земнымъ, или по человѣкоугодничеству, иногда по легковѣрію и

внутренней причудливости, оставляютъ истинную вѣру и переходятъ къ заблуждающимся. Изъ нихъ не извиняются и тѣ, кои воображаютъ, что дѣлаютъ сіе по убѣжденію въ истинѣ. Истина явна. Если страсть не омрачитъ ума, истина не можетъ быть не замѣчена. Слѣдовательно, отступленіе и въ такихъ невозможно иначе, какъ по страсти и грѣху... Что отступники—народъ погибшій, учитъ Апостолъ: *волею согрѣшающимъ по пріятіи разума истины, о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва, а страшное чаяніе суда, и огня ревность* (Евр. 10, 26). Сему суду очевидно не подлежатъ тѣ, кои отъ иновѣрія переходятъ къ истинной вѣрѣ. Ихъ хвалить и за нихъ благодарить Господа должно, что приводитъ братій нашихъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ.

Наконецъ, противъ всѣхъ остальныхъ обязанностей стоитъ *холодность къ вѣрѣ,* окостенѣніе духа отъ погруженія въ плоть, отъ снѣдающей заботы, непомѣрной гордости и самости себя только знающей. Въ семъ состояніи духа не знаютъ ни тѣхъ отрадныхъ чувствъ, кои приноситъ вѣра, каковы: покой, радость, благодареніе и славословіе, ни тѣхъ дѣлъ, кои естественно вытекаютъ изъ любви къ вѣрѣ, какъ то: исповѣданіе ея, расширеніе и радѣніе о ней, дѣлъ и очень цѣнныхъ здѣсь, и приносящихъ блаженство вѣчное на небѣ.

Всѣ указанныя уклоненія кому не приходилось встрѣчать лицемъ къ лицу? Да вѣдаетъ теперь всякъ, гдѣ имъ мѣсто. Если кто потрудится хорошо утвердить въ мысли всѣ показанныя расположенія и дѣла въ отношеніи къ вѣрѣ и притомъ такъ, какъ они вытекаютъ одно изъ другаго, то получитъ значительную крѣпость въ умѣ и сердцѣ, отъ которой, какъ отъ стѣны, будетъ отлетать всякое нападеніе на вѣру—внутреннее и внѣшнее.

Б).

Благочестіе—жизнь въ духѣ вѣры.

Вступившій въ область истинной вѣры успокоивается въ ней, чувствуетъ, что онъ какъ въ безопасномъ пристанищѣ. Но сей покой только совнѣ, внутри же его ожидаетъ усиленная дѣятельность и трудъ *въ духѣ сей принятой, узнанной и возлюбленной имъ вѣры.* Это значитъ, что принявшій вѣру самымъ принятіемъ обязывается сообразовать свою внѣшнюю и внутреннюю жизнь съ ея ученіемъ, или образовать себя по ней и вселить въ себя ея духъ. Область вѣры дышетъ и преисполнена жизнію и дѣятельностію; вступившій въ нее и однакожъ неживущій по ней тоже, что лишняя часть въ машинѣ, или своенравникъ, нарушающій порядокъ свѣтлаго, торжественнаго шествія. Тотъ не вѣруетъ, кто не живетъ по вѣрѣ. *Вѣра безъ дѣлъ мертва* (Іак. 2, 26). Когда утопающій не берется за руку, которую простираютъ къ нему съ обѣщаніемъ вытащить, вѣрно, не вѣритъ обѣщанію. Мало того, такой издѣвается надъ вѣрою. Что еслибъ надѣлъ кто священническую одежду и началъ въ ней кривляться и безумствовать всенародно? Не насмѣшникъ ли онъ? Тоже и въ отношеніи къ вѣрѣ. Потому въ Словѣ Божіемъ предлагаются великія угрозы вѣдущему и не творящему. *Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви, и на всяко дѣло благое неискусни* (Тит. 1, 16). Такимъ образомъ принявшій вѣру непремѣнно долженъ осуществить ее въ своей дѣятельности, образовать себя по ней, представлять ее какъ бы всю въ своемъ лицѣ на дѣлѣ. Постоянное, искреннее, полное и всестороннее хожденіе въ духѣ единой истинной и святой вѣры есть *истинное благочестіе.*

Само собою разумѣется, что, соотвѣтственно разно-

образію состава вѣры, и дѣятельность благочестивая должна являться въ разныхъ видахъ. На семъ основаніи есть и разныя обязанности благочестія. Можно и всѣ вообще обязанности подводить подъ сію одну, или выводить изъ ней одной, ибо всѣ онѣ требуются христіанскою вѣрою и вытекаютъ изъ духа ея. Посему между прочимъ и у Апостола (Тит. 2, 12) выводится изъ благочестія— жизнь благочестивая, праведная, цѣломудренная, т. е., вообще дѣятельность христіанская законная и святая.

Что значитъ христіанская благочестивая жизнь? *Жизнь въ единеніи съ Богомъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ во Св. Церкви, или по домостроительству спасенія нашего.* Что это такъ, смотрите, какъ было дѣло. Господь пришелъ на землю, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо, ниспослалъ Духа Божественнаго на св. Своя Ученики и Апостолы, кои силою Его и воздвигли на землѣ обѣтованную Церковь, назданную на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу, — Церковь, домъ вѣры и спасенія, тѣло Господу, ковчегъ спасающихся отъ потопленія въ нечестіи, грѣхѣ и злобѣ сатанинской. Но что есть Церковь по духу своему? Святительство свято, приносити жертвы благопріятны Богови Іисусъ Христомъ. Церковь есть лице Богослужащее, жречествующее, святительствующее безпрерывно, разумно, духовно, и это—Богу Іисусъ Христомъ. Всякій вступающій въ нее долженъ стать съ нею единымъ духомъ, быть тѣмъ въ маломъ, чѣмъ она въ большемъ видѣ, подобно какъ и въ тѣлѣ, говорятъ, каждый и малый членъ имѣетъ все тѣло, т. е., всѣ его элементы. Иначе: всякій вѣрующій обязуется быть приносящимъ Богу жертвы благопріятныя Іисусъ Христомъ, а это тоже, что жить въ общеніи съ Богомъ чрезъ Господа Іисуса Христа, по домостроительству спасенія. Отсюда очевидно, что жизнь христіанская благочестная дѣятельно выра-

жается въ восхожденіи къ Богу чрезъ Іисуса Христа, въ пребываніи въ Немъ чрезъ Него и притомъ неиначе, какъ въ домѣ, устроенномъ для нашего спасенія, или Церкви. Соотвѣтственно сему, и обязанности благочестія имѣютъ три класса, изъ коихъ 1) *первымъ* опредѣляются чувства и расположенія, вытекающія изъ возсоединенія съ Богомъ въ Іисусѣ Христѣ, 2) *вторымъ*—чувства и расположенія, вытекающія изъ пребыванія въ общеніи съ Богомъ, 3) *третьимъ*—чувства и расположенія, вытекающія изъ общенія съ домомъ спасенія, Церковію.

1).

Чувства и расположенія на пути возсоединенія съ Богомъ.

Начнемъ съ тѣхъ чувствъ и расположеній, кои встрѣчаетъ человѣкъ на пути къ Богу, когда возсоединяется съ Нимъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Такъ какъ возвращеніе къ Богу есть дѣло свободы, а не необходимости, и притомъ совершается въ духѣ, а не въ чемъ либо вещественномъ; то оно есть дѣло не такое, которое, окончивши, можно бы было отложить къ числу рѣшенныхъ, а дѣло, въ каждое мгновеніе повторяемое и возобновляемое. Потому, хотя уже вступилъ христіанинъ въ общеніе съ Богомъ, никакъ не увольняется и не освобождается онъ отъ тѣхъ актовъ, коими сіе совершилось, а всегда долженъ питать и возобновлять ихъ. Слѣдовательно, всѣ они и обращаются ему въ непрерывный долгъ и обязанность.

Путь восхожденія къ Богу, или возсоединенія съ Нимъ, объясненъ въ другомъ мѣстѣ (см. о нормѣ хр. жизни). Теперь остается только выяснить вытекающія изъ того обязанности.

Сѣмя всѣхъ сихъ обязанностей есть *вѣра въ Господа на-*

шего Іисуса Христа, Спасителя нашего, сочетавающая насъ съ Нимъ сердечно. Но иное должно происходить въ насъ еще до рожденія сей вѣры, а иное — по рожденіи ея. *Никто же пріидетъ ко Отцу, токмо Мною*, говоритъ Господь (Іоан. 14, 6). Надо прежде пріити къ Іисусу Христу, чтобъ отъ Него взойти къ Богу. Слѣдовательно, есть обязательныя для насъ чувства и расположенія, одни *на пути сочетанія съ Господомъ Іисусомъ Христомъ*, а другія *на пути восхожденія отъ Іисуса Христа къ Богу Тріѵпостасному*.

а) Чувства и расположенія на пути сочетанія съ Господомъ Спасителемъ.

Сердечное сочетаніе съ Господомъ совершается вѣрою. Начало вѣры полагается въ *познаніи* своей *бѣдности* и познаніи богатства Іисусъ—Христова. Вѣра переноситъ богатство Христово на свою бѣдность и ради того сочетаваетъ сердце съ Господомъ. Для того, чтобъ поддерживать въ силѣ сію вѣру и возгрѣвать болѣе и болѣе сочетаніе сердца съ Господомъ, всякій христіанинъ обязуется къ слѣдующимъ чувствамъ и дѣйствіямъ:

аа) *Онъ обязанъ знать и въ чувствѣ сердца носить свою бѣдность и свое окаянство.* Знаніемъ симъ начинается и потомъ постоянно поддерживается вѣра. Это тоже, что елей для огня въ лампадѣ, который слабѣетъ по мѣрѣ истощанія елея. Кто не знаетъ, что домъ охваченъ огнемъ, не побѣжитъ изъ него; такъ и кто не знаетъ своего окаянства, не позаботится о спасеніи. Это есть первая истина о себѣ; всякая другая имѣетъ уже примѣсь лжи и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе питаетъ самодовольство. *Предметы* сего знанія сама собою опредѣляются исторіею человѣка. Сотворенъ онъ по образу Божію, для славы Божіей и непрестаннаго блаженства, въ за-

мѣнъ отпадшихъ и отверженныхъ духовъ, основавшихъ въ себѣ и изъ себя адъ. Но завистію діаволею преступилъ онъ заповѣдь, подвергся осужденію и клятвѣ, разстроилъ свою душу и тѣло, подчинился прельстителю и, бѣдствуя на землѣ, состоитъ въ опасности по смерти быть въ томъ же адѣ, который населенъ духами, отступниками и ихъ княземъ, сатаною. И такъ христіанинъ долженъ содержать въ мысли, что онъ былъ въ состояніи паденія, состоялъ подъ клятвою Божіею, былъ безотвѣтенъ предъ Нимъ и растлѣнъ самъ въ себѣ, подлежалъ власти, насилію и злобѣ сатаны, былъ неминуемымъ оброчникомъ и смерти, и ада. Все сіе и ясно знать, и содержать во вниманіи должно христіанину даже послѣ того уже, какъ онъ избавленъ отъ всѣхъ сихъ бѣдъ. Ибо самъ по себѣ онъ дѣйствительно таковъ всегда. Если теперь онъ стоитъ внѣ сего гибельнаго порядка, то потому, что держится благодатію, хотя, какъ надъ бездною пламени, въ каждое мгновеніе готовъ будучи отпасть и пасть снова на прежнее. Совокупностію такихъ мыслей, воспринимаемыхъ сердцемъ, образуется и поддерживается чувство опасности своего положенія, своего безсилія и безпомощности, аще не Господь. Это обязываетъ христіанина далѣе пребывать въ крайнемъ самоуничиженіи, смиреніи и поставленіи себя ниже всякой твари, даже бездушной, не только одушевленной, заставляетъ безпрерывно взывать: Господи, спаси мя, погибаю. И такія чувства не разъ или не два надо воспроизвесть, а имѣть ихъ постоянно въ себѣ утвержденными и укорененными, какъ бы претворившимися въ естество. Теряющій ихъ выходитъ въ мгновеніе изъ строя спасающихся, ибо всѣ спасающіеся такъ думаютъ и такъ чувствуютъ. Потому долгъ всякаго всячески возгрѣвать ихъ въ себѣ. Дѣлать сіе можетъ всякій, какъ умѣетъ. Но лучшая и дѣйствительнѣйшая наука имъ есть самая жизнь хри-

стіанская. Это самое сильное и постоянное средство, такъ что можно сказать, вся жизнь христіанина истиннаго есть не что иное, какъ непрерывное восхожденіе на высоту сознанія своей бѣдности и чувства самоуничиженія. Чѣмъ больше кто растетъ въ добродѣтели, тѣмъ больше сознаетъ, чувствуетъ, что онъ *ничто.* А изъ сего какое истекаетъ обиліе добродѣтелей! Тутъ смиреніе, самоукореніе, неосужденіе другихъ, безгнѣвіе, непрекословіе, невозмущаемый покой. Но за то отъ Бога непрестанное притеченіе тайныхъ духовныхъ утѣшеній и обиліе благодати, а отъ другихъ христіанъ любовь и живое соединеніе. Кто же не имѣетъ сего, у того и съ тѣмъ бываетъ все противное.

бб) *Обязанъ знать и возрастать въ познаніи неизслѣдимаго богатства Господа нашего Іисуса Христа,* пришедшаго въ міръ грѣшниковъ спасти. Одно познаніе своего окаянства и безсилія, съ безотвѣтностію и страхомъ за жизнь и судьбу вѣчную, безотрадно. Оно приноситъ только скорбь и тоску, которыя, если не растворяются другими утѣшительными чувствами, разслабляютъ, а не оживляютъ, и, что не далеко, оно можетъ ввергнуть въ отчаяніе неисходное. Кто на этомъ одномъ останавливается, тотъ останавливается какъ бы на половинѣ дѣла и слѣдовательно не дѣлаетъ ничего. И истины нѣтъ здѣсь: ибо, на самомъ дѣлѣ, не бѣденъ только есть человѣкъ и погибающъ, но есть и обогощаемъ, и спасаемъ,—есть такое устроеніе отъ Господа и Бога нашего по которому надъ человѣкомъ гибнущимъ простерто Божественное осѣненіе благодати. Потому познавать сіе есть непремѣнный долгъ всякаго христіанина и, поелику все сіе сосредоточивается въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, познавать Его. *Предметы* сего познанія тоже опредѣляются самимъ устроеніемъ благодатныхъ дѣйствій. Милосердый Богъ обѣтовалъ погибающему

послать Спасителемъ Сына Своего, Который, по исполненіи временъ, дѣйствительно пришелъ, воплотился, страдалъ, крестною смертію принесъ жертву за грѣхи всего міра, воскресъ и всѣхъ воскресилъ, разрушилъ адъ и связалъ сатану, вознесся, возсѣлъ одесную Бога Отца, гдѣ и ходатайствуетъ за насъ, и властвуетъ надъ всѣмъ, какъ Царь, пріявшій власть на небеси и на земли. Такъ должно знать и познавать, что Господь Іисусъ Христосъ есть жертва за насъ, животъ нашъ, Царь нашъ, истнившій силу діавола, смерти и ада. Отсюда далѣе, *памятовать* и содержать въ мысли, что было такое дивное и изумляющее дѣло Божіе, были потрясены небо и земля; благоговѣйно *размышлять* и углубляться во все совершеніе спасенія, особенно въ страшныя *страсти* и послѣдовавшую за тѣмъ *славу Господа:* что это, какъ, для чего, какая въ этомъ сила? чаще приводить сіе на мысль, особенно въ среду, пятокъ и воскресенье, *радоваться* и утѣшаться тѣмъ, что есть такъ. Такими занятіями само собою будетъ расти познаніе Господа; но ревностный присоединитъ къ нему частое прочитываніе Евангелій и пророчествъ, паче же всего молитву о благодатномъ введеніи въ тайны спасенія. *Кто уразумѣ умъ Господень?* вопрошаетъ Апостолъ и какъ бы въ отвѣтъ на то прибавляетъ: *мы же умъ Христовъ имамы* (Рим. 11, 34; 1 Кор. 2, 16). Истинное познаніе Господа совершается въ тайнѣ духа, и можно сказать, не столько понимается, сколько чувствуется, такъ что на то нѣтъ ни словъ, ни изображеній. Только оно безпредѣльно сладостно, какъ увѣряетъ Апостолъ, который все счелъ ни во что за превосходящее разумѣніе Христа Господа (Фил. 3, 8), который всѣхъ побуждаетъ восходить къ такому разумѣнію и о всѣхъ молился, чтобъ открыта была имъ глубина, широта и высота премудрости, явленной въ устроеніи нашего спасенія (Ефес. 3, 18).

вв) И такимъ образомъ *возгрѣвать въ себѣ вѣру въ Господа Спасителя*. Ибо, когда въ одномъ и томъ же духѣ встрѣтятся и познаніе своего окаянства и бѣдности, и познаніе Господа Спасителя, то естественно они сочетаваются между собою и растворяются, какъ вода съ сухою землею, или какъ двѣ сродныя стихіи. Чувство безотвѣтности восходитъ къ Господу пожершемуся, чувство разслабленія и растлѣнія пріемлетъ Господа—животъ нашъ; страхъ смерти, ада и діавола исцѣляется познаніемъ Господа, Царя нашего и побѣдителя ихъ. Каждое чувство скорбное находитъ себѣ соотвѣтственное врачевство въ Господѣ. Изъ сего-то сочетанія и раждается, какъ дщерь ихъ небесная, истинная вѣра въ Господа-Спасителя, которая потому и есть ни одно познаніе Господа, ни одно познаніе своего ничтожества, а то и другое совмѣстно, и не одно подлѣ другаго, а одно въ другомъ. Какъ въ химическомъ сродствѣ одинъ элементъ входитъ въ другой, такъ и они сорастворяются взаимно. Безотвѣтный прибѣгаетъ къ Распятому, какъ жертвѣ, и пріемлетъ оправданіе, растлѣнный къ Господу-Животу и оживляется, плѣненный къ Господу-Царю и Побѣдителю и освобождается. Вѣра есть внутреннѣйшее благодатное въ насъ дѣйствіе, коимъ на наше ничтожество и бѣдность переносится полнота Христова и усвояется намъ. Это есть актъ всемогущій, творческій, ибо имъ совершается новая тварь въ насъ, нашъ духъ сочетавается со Христомъ, и раждается изъ того въ насъ новый, потаенный человѣкъ. Изъ сего видно, что въ составѣ истинной вѣры сокрываются слѣдующія, болѣе чувствуемыя, нежели выражаемыя, слитно объединенныя, а не раздѣленныя расположенія: *я-погибающій—погибъ бы на вѣки; но Господь Іисусъ Христосъ, отнявшій все зло, лежащее на родѣ человѣческомъ, воспріялъ меня, и Имъ я спасаюсь*. Вѣра зритъ Господа единственнымъ источникомъ своего облажен-

ствованія, исчезаетъ въ Немъ сердцемъ, объемлетъ Его любовію, живетъ Имъ однимъ и для Него одного; ибо чувствуетъ, что, если бы не Онъ, то все бы погибло. Такъ содержать и чувствовать есть постоянный долгъ христіанина. Понятно теперь, почему для поддержанія и возгрѣванія въ насъ такой вѣры считаются необходимыми съ одной стороны возрастающее познаніе своего окаянства и бѣдности, а съ другой стороны познаніе Спасителя и дѣлъ Его. Ими грѣется духъ вѣры, ими же рожденный и изъ нихъ составленный. Но какъ капля воды составляется изъ частей кислорода и водорода переходомъ сквозь нихъ искры электрической, такъ и вѣра въ первый разъ раждается таинственнымъ нѣкоторымъ прикосновеніемъ Господа къ сердцу, подготовленному къ вѣрѣ чрезъ познаніе себя и Господа, какъ это Онъ даетъ разумѣть словами: *толку, вниду и вечеряю* (Апокал. 3, 20). Познаніемъ себя и Господа отверзается сердце; за тѣмъ входитъ Господь Самъ и вечеряетъ, т. е., насыщаетъ душу Своими благами, въ слѣдствіе чего и изрекается въ глубинѣ духа человѣческаго, какъ Ѳомою, по осязаніи Господа: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28). Это первый голосъ вѣры и вѣрный ея сѵмволъ.

Но какъ первоначально родилась вѣра таинственнымъ прикосновеніемъ Господа къ сердцу, такъ и поддерживаться она можетъ и должна симъ же прикосновеніемъ, котораго вѣрующіе сподобляются въ пріобщеніи Святыхъ Таинъ и въ пламенной молитвѣ, которая въ истинномъ смыслѣ и силѣ есть ни что иное, какъ безпрерывное повтореніе первоначальнаго возношенія къ Господу и перваго Его присѣщенія. Изъ нея, какъ изъ горнила, каждый разъ христіанинъ выходитъ обновленнымъ. Вотъ почему въ наставленіяхъ святыхъ отцевъ, всѣхъ вообще, заповѣдуется безпрерывно вращать въ устахъ молитву

къ Господу: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя... вращать также часто, какъ часто дыханіе, къ которому нѣкоторые и принаровляли ее. Отсюда, по противоположности, гаснетъ вѣра отъ забвенія своей бѣдности, отъ ослабленія познанія Спасителя и прекращенія молитвы Іисусовой.

Такъ совершается и поддерживается сочетаніе сердца съ Господомъ Спасителемъ вѣрою. Отсюда начинается рядъ другихъ чувствъ, коими духъ отъ Христа Спасителя восходитъ къ безпредѣльному Богу и сочетавается съ Нимъ. О семъ послѣ. Въ заключеніе предлагается всякому прочесть слѣдующее мѣсто изъ Апокалипсиса, въ которомъ все сказанное предъ симъ совмѣщено и изрекается отъ лица Самого Бога:

Зане глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся, и ничтоже требую, и не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Совѣщаю тебѣ купити отъ мене злато разжженно огнемъ, да обогатишися: и одѣяніе бѣло, да облечешися: и да не явится срамота наготы твоея: и коллуріемъ помажи очи твои, да видиши. Азъ, ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся. Се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и зечеряю съ нимъ, и той со Мною. Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, яко же и азъ побѣдихъ, и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его. Имѣяй ухо, да слышитъ, что Духъ глаголетъ Церквамъ (Апок. 3 гл.).

б) *Чувства и расположенія на пути восхожденія отъ Господа Спасителя къ Богу Тріѵпостасному.*

Когда образуется вѣра и сердце сочетается съ Господомъ, тотчасъ раждаются изъ сего другія чувства и

расположенія, какъ лучи отъ солнца, по которымъ, какъ по ступенямъ лѣстницы, утвержденной на камени—Христѣ, восходитъ христіанинъ не небо къ Богу и покланяется Ему у подножія престола Его. Чувства сіи и расположенія суть слѣдующія:

аа) *Упованіе спасенія въ неразрывной связи съ самоотверженіемъ. Упованіе спасенія* такъ существенно въ жизни по Христѣ, что есть какъ бы самое лучшее опредѣленіе и выраженіе вѣры въ Него. Въ немъ чувствуетъ себя христіанинъ, что онъ внѣ опасности, за предѣлами всего зла, лежавшаго на немъ, что вступилъ въ область спасающихся, спасается Господомъ. Кто изъ утопающихъ ухватился за вервь, брошенную къ нему, влечется на корабль, возводится на него, сталъ на немъ, тотъ не можетъ не питать отраднаго чувства избавленія или минованія опасностей. Таковъ же духъ и христіанина увѣровавшаго! Какъ сродно вѣрѣ сіе упованіе спасенія, видно изъ словъ Апостола Петра, который почитаетъ его отличительнымъ признакомъ вѣры: *Благословенъ Богъ порождей насъ во упованіе живо,* взываетъ онъ (1 Петр. 1, 3). У Апостола Павла сіе упованіе именуется *котвою души,* твердою и благонадежною (Евр. 6, 19). Симъ упованіемъ отрицается или изгоняется изъ души главнымъ образомъ отчаяніе и безнадежность, но и, кромѣ ихъ, всякое сомнѣніе, невѣдѣніе спасенія своего и неубѣжденіе въ немъ. Потому, какъ упованіе спасенія есть обязанность, такъ нечаяніе его во всѣхъ видахъ есть грѣхъ. *Самоотверженіе,* или жизнь въ немъ, есть не одно поверженіе себя подъ ноги, попраніе и уничиженіе, но болѣе: оно есть самоозлобленіе, или такая дѣятельность, которою безпрерывно озлобляется и поражается или тѣло, или душа и которая совмѣщаетъ всѣ дѣла наперекоръ самоугодію, своей волѣ и желаніямъ сердца. У святыхъ отцевъ это выражается въ двухъ

правилахъ: не имѣть своей воли и не давать покоя тѣлу, какъ два способа самоозлобленія. Изъ нихъ составляется все подвижничество, которое тоже, что жизнь въ самоотверженіи. О семъ говоритъ Апостолъ: *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), и Господь: *иже хощетъ по Мнѣ итти, да отвержется себе* (Мат. 16, 24). Не такъ очевидна связь строгой, самоозлобительной, подвижнической жизни съ упованіемъ спасенія; но она есть, и такъ жива, что мѣра самоозлобленія есть мѣра и упованія спасенія. Какъ тяжесть воздуха поднимаетъ ртуть въ барометрѣ, такъ и тягота самоотверженія возвышаетъ упованіе спасенія. Основаніе сего можно видѣть въ спасеніи насъ страданіями Господа: ими совершено спасеніе, и каждый человѣкъ спастись можетъ не иначе, какъ усвоеніемъ ихъ себѣ. Какъ же ихъ усвоить? Своими страданіями. Наши страданія суть точка соприкосновенія къ страданіямъ Христовымъ, или мѣсто привитія ихъ. Оттого Апостолы говорятъ о нѣкоторомъ сообщеніи страстей Господа чрезъ сообразность съ смертію Его (Фил. 3, 10) и хвалятъ тѣхъ, кои успѣли пріобщиться Христовымъ страстямъ (1 Петр. 4, 13). Отъ такого же сообщенія естественнымъ слѣдствіемъ должно быть возрастаніе упованія спасенія. Ибо если страданіями переходитъ на насъ сила страданій Христовыхъ, совершившихъ наше спасеніе; то вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не вселяться въ душу и сознаніе спасенія отъ ихъ силы, что и есть существо упованія. Но какъ бы это ни было, только жизнь самоотверженная, строгоподвижническая, самоозлобительная есть единственное условіе упованія спасенія. Посему, кто покоитъ себя, тотъ погашаетъ упованіе и слѣдовательно заглушаетъ самое зачало, или первый исходъ упованія спасенія. Потому врагамъ креста Христова *кончина-погибель* (Фил. 3, 19).

бб) *Миръ съ Богомъ въ неразрывной связи съ безпрерывнымъ покаяніемъ. Оправдившеся вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ,* говоритъ Апостолъ (Рим. 5, 1). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что Богъ міръ во Христѣ примирилъ Себѣ и далъ Апостоламъ слово примиренія, которые и молятъ всѣхъ: *примиритеся Богу* (2 Кор. 5, 19. 20). Миръ сей свидѣтельствуется ощущеніемъ благоволенія Божія, созерцаніемъ въ духѣ свѣтлаго лица Божія, сознаніемъ отъятія и измѣненія гнѣва Его на милость, веселовоззрѣніемъ на небо. Прежде былъ будто мечъ надъ главою, и обратиться къ Богу, и подумать о Немъ было страшно; а теперь со святымъ дерзновеніемъ входятъ во внутреннѣйшее за завѣсу. Сподобившись сего мира, надо заботиться и о томъ, чтобъ пребывать въ немъ. Но пребывать въ мирѣ съ Богомъ нельзя безъ *непрерывнаго покаянія.* Условіе къ миру съ Богомъ Апостолъ Іоаннъ поставляетъ такое: *аще сердце наше не зазритъ намъ* (1 Іоан. 3, 21). Если нѣтъ ничего на совѣсти, можно имѣть дерзновеніе и доступъ къ Богу въ чувствѣ мира; а если есть, то миръ нарушается. Бываетъ что на совѣсти—отъ сознанія грѣха. Но по тому же Апостолу, мы никогда не бываемъ безъ грѣха, и это такъ рѣшительно, что тотъ уже лжецъ, кто иначе думаетъ и чувствуетъ (1 Іоан. 1, 8). Слѣдовательно, нѣтъ минуты, когда бы кто не имѣлъ чего на совѣсти—вольнаго или невольнаго, а потому нѣтъ минуты, когда бы не возмущался его миръ съ Богомъ. Отсюда слѣдуетъ, что всенеобходимо очищать свою совѣсть, чтобъ быть въ мирѣ съ Богомъ. Очищается же совѣсть покаяніемъ. Слѣдовательно, непрерывно должно каяться. Ибо покаяніе смываетъ всякую скверну съ души и дѣлаетъ ее чистою. *Аще исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наши, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. 1, 9).

Покаяніе сіе состоитъ не въ словахъ только: *прости Господи, помилуй Господи;* но при немъ неизбѣжны всѣ дѣйствія, условливающія отпущеніе грѣховъ, то есть: сознаніе опредѣленной нечистоты помысла, взгляда, слова, соблазна или другаго чего нибудь, сознаніе своей въ томъ виновности и безотвѣтственности безъ самооправданія, молитва объ оставленіи ради Господа до умиренія духа. Что касается до великихъ грѣховъ, то тѣ тотчасъ должно исповѣдать духовному отцу и принять разрѣшеніе, ибо въ тѣхъ неуспокоишь духа однимъ повседневнымъ покаяніемъ. Такимъ образомъ, обязанность непрерывнаго покаянія есть тоже, что обязанность содержать совѣсть въ чистотѣ и безукоризненности. У святыхъ отцевъ сколько на это правилъ! Сколько употреблено заботъ, чтобъ и себя къ тому настроить, и другихъ научить! Такъ и должно: иначе нѣтъ мира съ Богомъ. Противъ сего грѣшатъ всѣ несознательные, себя во всемъ оправдывающіе и предъ Богомъ, и предъ людьми.

вв) Чувство любви Отчей отъ Бога, или сыновства Богу, въ неразрывной связи съ усиленною дѣятельностію ради Его. Въ Господѣ Іисусѣ Христѣ истинно вѣрующіе, отрожденные водою и Духомъ, стали сынами Богу Отцу благодатными, ради живаго союза съ Господомъ и воображенія Его въ себѣ. Такой неизреченный даръ, существенный въ царствѣ Христовомъ, обращаетъ къ намъ Бога, какъ отца къ дѣтямъ, съ отеческою любовію. А это не можетъ не отзываться и въ самомъ сердцѣ и не оставлять тамъ сознанія или чувства отеческой любви Божіей и своего сыновства Богу. Сколько потому сіи чувства существенны въ христіанскомъ союзѣ съ Богомъ, столько же и обязательны для христіанъ. Христіане обязаны имѣть ихъ и питать, напрягаться возбудить и хранить навсегда. Съ какимъ напряженіемъ Апостолъ Павелъ старался воскресить сіи чувства, когда видѣлъ,

что они были заглушены! Такъ онъ говоритъ: *Елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи. Не пріясте бо духа работы паки въ боязнь, но духа сыноположенія, о немъ же вопіемъ: Авва Отче. Самый Духъ спослушествуетъ духу нашему, яко есмы чада Божія* (Рим. 8, 14—16). *Вси бо вы сынове Божіи есте вѣрою о Христѣ Іисусѣ: елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Кол. 3, 26—27). Господь пришелъ, учитъ онъ, *да всыновленіе воспріимемъ* (Гал. 4, 5. 6). *Видите, какову любовь далъ намъ Отецъ, да чада Божіи наречемся и будемъ* (1 Іоан. 3, 1), взываетъ Св. Іоаннъ Богословъ. Не называться только, но и *быть чадами далъ намъ область Господь* (Іоан. 1, 12). Что теперь состоитъ въ существенной связи съ симъ воспріятіемъ христіанъ въ родъ Божій, въ родство Божественное, вполнѣ объясняется характеромъ сына. Не одно то главное въ сынѣ, что онъ дѣйствуетъ не какъ рабъ, а съ нѣкоторою свободою, какъ посвященный въ тайны отца, но и то, что все, относящееся къ отцу и дому, онъ глубоко принимаетъ къ сердцу, какъ бы оно непосредственно касалось его одного, чувствуетъ, что онъ, состоя въ союзѣ съ отцемъ и домомъ, союзѣ живомъ,—когда дѣйствуетъ, дѣйствуетъ отъ лица ихъ и ради ихъ, какъ бы благосостояніе ихъ, честь и слава лежали на немъ одномъ. Такого точно характера и настроенія долженъ быть и всякій христіанинъ въ благодатномъ христіанскомъ царствѣ, семъ домѣ Божіемъ. Чувствуя, что онъ есть Божій—искренній, ближній, онъ долженъ и дѣйствовать не иначе, какъ отъ лица Бога, по распоряженіямъ и намѣреніямъ Божіимъ, ради чести и славы дома Его во внѣ, ради благосостоянія внутри, долженъ стоять за Господа Бога и за домъ Его до крови, ради своего Ему сродства благодатнаго. Христіанинъ есть какъ бы посланникъ и ходатай отъ Бога, ходатайствующій и дѣйствующій по Его

дѣламъ. Таково исходное начало всей дѣятельности христіанина! Оттого у него должна быть неудержимая ревность о благѣ Церкви и христіанъ, ревность съѣдающая, болѣзненно отзывающаяся въ сердцѣ. Какъ сыновство Богу возбуждаетъ такую дѣятельность отъ Бога и ради Его, такъ, на оборотъ, дѣятельность такого рода возгрѣваетъ, возвышаетъ и поддерживаетъ чувство сыновства, такъ что одно въ необходимой связи съ другою. Они взаимно отражаются другъ въ другѣ. Потому, на оборотъ, дѣятельность иного рода, или недѣятельность, погашаетъ чувство сыновства, или лишаетъ сыновства. Это очевидно тоже изъ обыкновеннаго примѣра: сынъ, нерадящій объ отцѣ и домѣ, что за сынъ?.. и опять: кто потерялъ сыновнія чувства, какъ будетъ дѣйствовать по сыновнему?

Таковы обязательныя для насъ чувства и расположенія, непосредственно вытекающія изъ возсоединенія съ Богомъ во Іисусѣ Христѣ, и тѣ, кои приводятъ насъ къ Господу Іисусу, сочетаваютъ съ Нимъ и держатъ въ семъ сочетаніи, и тѣ, кои отъ Господа возводятъ къ Богу. Ихъ вообще можно назвать обязанностями къ Богу по условіямъ спасенія, или обязанностями относительно вѣры и изъ вѣры въ Господа и Спасителя. Но здѣсь тотчасъ начинается другой рядъ обязательныхъ для насъ чувствъ и расположеній къ Богу собственно, или къ Божеству. Молитвенно возгрѣвать въ себѣ ихъ всѣ да поможетъ всѣмъ Господь, Пречистая Владычица и всѣ святые Божіи.

2).

Чувства и расположенія христіанина, пребывающаго въ Богѣ.

Въ домостроительствѣ спасенія, Богу угодно было принимать на Себя иныя къ намъ отношенія, въ слѣдствіе коихъ и наши обязанности къ Богу соотвѣтствен-

ный тому получали характеръ. Но когда такимъ образомъ мы возстановляемся въ первый чинъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ открывается во всемъ величіи безпредѣльный ликъ Божества и тотъ же часъ воскресаютъ и съ силою предстоятъ сознанію обязательныя для насъ чувства и расположенія къ Богу, поколику Онъ есть Богъ. Въ предъидущихъ разсужденіяхъ указанный рядъ обязанностей вводитъ въ сіи тайники Божества, научаетъ насъ имъ и вмѣстѣ дѣлаетъ способными дѣйствовать соотвѣтственно имъ. Созерцаніе божества невыносимо для нашей падшей природы, еслибъ возводить ее къ Нему прямо, безъ посредства тѣхъ расположеній. Потому тѣ можно назвать руководительными и воспитательными правилами, а эти сокровеннѣйшія, высочайшія и тончайшія чувства къ Богу, поколику Онъ Богъ, суть плодъ ихъ.

Сіи послѣднія должны, конечно, прежде всего сообразоваться съ безконечными свойствами и дѣйствіями Божіими. Но съ другой стороны, такъ какъ къ нимъ восходимъ мы чрезъ чувства и расположенія перваго рода, выражающія наше возсоединеніе съ Богомъ, то они должны состоять и съ ними въ близкомъ соотвѣтствіи. Теперь, такъ какъ мы созерцаемъ Бога а) безконечнымъ въ Своихъ совершенствахъ, б) Творцемъ и Промыслителемъ и наконецъ в) Совершителемъ всего, то соотвѣтственно тому имѣемъ три класса обязательныхъ въ отношеніи къ Нему чувствъ и расположеній. Они состоятъ въ прямомъ соотношеніи съ указанными предъ симъ чувствами мира съ Богомъ, упованія спасенія и сыновства Богу.

а) *Чувства и расположенія къ Богу, вытекающія изъ сознанія или созерцанія Его безконечныхъ совершенствъ.*

аа) *Богъ безконечный непостижимъ въ Своемъ бытіи, въ Своихъ совершенствахъ и дѣйствіяхъ: изумляйся!* то есть, поставляй себя и держи въ такомъ состояніи, въ

коемъ, при живомъ сознаніи сокровеннѣйшей непостижимости Великаго Бога, прекращается всякое движеніе духа и водворяется въ немъ глубокое нѣкое молчаніе, какъ бы замираніе жизни. Когда трезвая мысль минетъ всѣ твари, перенесется за предѣлы міра и погрузится въ созерцаніе Бога; тогда находитъ, что, какъ несомнѣнно то, что Онъ есть, такъ несомнѣнно и то, что Онъ не есть что либо изъ знаемаго въ тваряхъ: ни сила, ни свѣтъ, ни жизнь, ни умъ, ни слово, ни мысль, и вообще ничто изъ представляемаго умомъ нашимъ, и потомъ, когда обведетъ однимъ взоромъ всѣ сіи отрицанія, то вводится мгновенно въ Божественный нѣкоторый мракъ, въ коемъ не можетъ зрѣть ничего, кромѣ необъятной, преисполненной существенностей безпредѣльности, поражающей глубоко и налагающей молчаніе на слово и мысль. Это состояніе возвышеннѣйшее, до коего только можетъ доходить земная тварь. Человѣкъ тогда восхищается до состоянія Серафимовъ. Это тоже, какъ еслибы кто входилъ въ тронную величайшаго изъ царей: первый взоръ на царя и все поражаетъ его до онѣмѣнія. Въ такое состояніе человѣкъ можетъ восходить и изъ сознанія вообще непостижимости Божественнаго существа и каждаго Его свойства, ибо и каждое Его свойство также непостижимо и изумительно, какъ Онъ Самъ. Апостолъ Павелъ взываетъ: *о глубина богатства премудрости и разума Божія! кто разумѣ умъ Господень?*... (Рим. 11, 33—37. 1 Кор. 2, 16). *Удивися разумъ твой отъ мене, утвердися, не возмогу къ нему*, сознается Пророкъ (Пс. 138, 6). Это о разумѣ. Но также непостижимо и всякое Его свойство, и всякое Его твореніе, и всякое дѣло Его промышленія. Дивны дѣла Твоя, Господи! Восходить къ сему изумленію можетъ всякій самъ чрезъ отрѣшенное и покойное углубленіе; могутъ помочь въ семъ дѣлѣ и изображенія сего свойства у святыхъ

отцевъ, какъ, напр., у Діонисія Ареопагита о таинственномъ Богословіи, у Св. Іоанна Златоустаго слова о непостижимомъ, и другихъ. Но чтобъ воспитать къ тому способность, легче начать съ созерцанія дѣлъ, восходить до созерцанія совершенствъ, а наконецъ востечь и на самый верхъ, къ сознанію непостижимости существа Божественнаго. Какъ кто возможетъ, только должно сіе дѣлать, ибо здѣсь совершается въ духѣ самое истинное и приличнѣйшее поклоненіе твари Творцу и Господу. Само собою разумѣется, что чувство сіе имѣетъ разныя степени; но каждому свое, и каждый пусть совершаетъ дѣло сіе по силамъ своимъ. Моисей восходитъ на самый верхъ горы и скрывается въ облакѣ, другіе стоятъ на полугорѣ, а третьи у подножія. Это образъ трехъ состояній людей, восходящихъ къ постиженію и сознанію непостижимости безпредѣльнаго Бога. Значитъ, никто не долженъ отказываться неумѣніемъ или незнаніемъ дѣла сего.

бб) *Богъ безконечно великъ: падай въ уничиженіи, проникайся благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ, созерцая величіе Божіе.* Первое у вошедшаго въ тронную, какъ замѣчено, есть молчаливое изумленіе, въ коемъ нѣтъ ни одного представленія раздѣльнаго. Вошедшій не успѣлъ еще осмотрѣться, или различить себя и царя съ его величіемъ. За тѣмъ первая мысль послѣ того, какъ онъ придетъ въ себя, это—величіе царя и своя малость. Тоже и въ отношеніи къ Богу. Когда мысль погрузится въ Безпредѣльнаго и выйдетъ изъ себя, то исчезаетъ въ глубокомъ изумленіи. Но лишь только обратится къ себѣ, то, принося съ собою сознаніе безпредѣльнаго и въ сей же актъ, какъ бы налагая его на свое ничтожество, поражается, какъ ударомъ какимъ, сею несоизмѣримостію и падаетъ въ благоговѣйномъ трепетѣ въ прахъ предъ созерцаемымъ величіемъ Бога,

при сознаніи своего ничтожества. Но должно знать, что сей страхъ не имѣетъ муки. Имъ поражаться сладостно, какъ и вообще всякое мысленное, но истинное прикосновеніе духа нашего къ Богу, изъ Коего онъ, есть сладостно и блаженно. Сила сего благоговѣйнаго страха велика: онъ проходитъ до раздѣленія души и духа, членовъ же и мозговъ, какъ бы истниваетъ и истончеваетъ духовнымъ дѣйствіемъ своимъ и душу, и тѣло. Чувствующій его падаетъ ницъ, готовъ бы пройти въ утробу земли, сквозь всѣ твари, въ бездну, туда, гдѣ нѣтъ ничего, отъ сознанія своего ничтожества и величія Божія. Но при всемъ томъ ему пріятно пребывать въ семъ состояніи: оно разливаетъ отрадную прохладу въ существѣ его, можетъ быть, отъ того, что есть истинное стояніе твари въ отношеніи къ Творцу, или отъ того, что здѣсь совершается истинное, а не мысленное проникновеніе ея существа силою и дѣйствіемъ Божества. Отъ того плодомъ благоговѣйнаго страха всегда бываетъ отрезвленіе, освѣженіе, очищеніе духа. Какъ молнія, проходя пространства воздушныя, пожигаетъ тамъ всякую нечистоту и примѣсь и дѣлаетъ воздухъ чистымъ; такъ и огнь Божества, при благоговѣйномъ страхѣ, поядаетъ нечистоту духа и очищаетъ его, какъ злато въ горнилѣ. Потому, всѣ проходившіе степени совершенства, существеннымъ условіемъ къ тому, а вмѣстѣ могущественнѣйшимъ средствомъ, признаютъ сей благоговѣйный страхъ. И во всемъ пространствѣ Слова Божія онъ поставляется и обязанностію существенною, и вмѣстѣ отличительнымъ свойствомъ людей истинно благочестивыхъ. *Бойтеся Бога вси Святіи Его* (Пс. 33, 10). *Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11). Надобно однакожъ различать страхъ начальный отъ сего страха совершенныхъ. Тотъ мучитъ и наводитъ ужасъ и трепетъ отъ ожиданія казни за грѣхъ. И этотъ существенно необ-

ходимъ въ первоначальномъ пробужденіи грѣшника, но, какъ переходный актъ, не можетъ быть обращенъ въ обязанность и даже, по существу дѣла, не можетъ быть навсегда удержанъ въ душѣ, хотя иногда находитъ и послѣ и считается дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для обузданія ярыхъ страстей. Истинный страхъ, свойственный совершеннымъ, умиляетъ. Онъ раждается по вкушеніи любви и пребываетъ въ неразрывномъ союзѣ съ нею, то освѣжая, то согрѣвая духъ нашъ. Онъ долженъ быть поставленъ цѣлію. Къ нему взойти и его укоренить навсегда въ духѣ есть обязанность, ибо въ немъ только и есть истина стоянія твари предъ лицемъ Творца. Способъ возбужденія и воспитанія его въ себѣ опредѣляется его составомъ. Напрягись сознать свое ничтожество и величіе Бога въ одно время въ углубленнѣйшемъ и отрѣшеннѣйшемъ состояніи духа. Дѣлай это чаще, особенно утромъ, вечеромъ, въ полночь... Когда сіе дѣйствіе превратится въ обычай, въ духѣ вкоренится дѣйствіе страха Божія, или непрерывный страхъ. Напротивъ, разсѣянность, самомнѣніе, Богозабвеніе суть враги страха Божія. Отъ нихъ онъ погасаетъ, какъ огонь отъ воды и свѣча отъ дуновенія вѣтра.

вв) *Богъ всесовершенъ: восхваляй и славословь Его.* Вошедшій въ тронную, продолжимъ сравненіе, послѣ страха опять обращается къ тому, что навело его, и гдѣ прежде ничего не видалъ, теперь начинаетъ различать одно за другимъ и лице, и корону, и порфиру, и тронъ, и все украшеніе его и, находя все это совершеннымъ, не можетъ удержаться отъ чувствъ, а иногда и знаковъ одобренія. И вотъ онъ въ состояніи воздаванія разумной славы царю. Тоже бываетъ и въ отношеніи къ Богу. Когда возникшій отъ страха и самоуничиженія духъ возвращается во внутренній покой свой и смиренно предается святому Богомыслію, тогда открываются его вну-

треннему оку и въ своей мѣрѣ постигаются совершенства Божіи, кои, различаясь во взаимномъ союзѣ и соприкосновеніи, раждаютъ и впечатлѣваютъ въ умѣ одну мысль, или одинъ ликъ всесовершенства Божія. Это есть возвышеннѣйшее и изящнѣйшее, что только можетъ породить конечный и тварный умъ. Потому, когда сія мысль, или созерцаніе, посѣтитъ внутреннюю храмину нашего духа и исполнитъ его свѣтомъ и величіемъ своимъ, тогда кто изъяснитъ радость его и восхищеніе? Всѣ кости его, то есть, всѣ малѣйшія движущіяся части его существа начинаютъ, во внутреннемъ, неудержимомъ нѣкоторомъ взыграніи, восклицать: коль славенъ Господь и Богъ нашъ! Восхитительная радость духа, созерцающаго въ себѣ всесовершенство Бога, есть уже славословіе, совершающееся внутри, или состояніе славословія, въ коемъ духъ изъ себя и въ себѣ возноситъ Богу жертву хвалы. Славословіе Богу, выражаемое словомъ, есть плодъ ея, всегда впрочемъ нисшій, или несоотвѣтствующій не только Богу, но и тому, что ощущается въ духѣ. *Ни единоже слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ,* долженъ заключить и заключаетъ всякій, составляющій Богу хвалебныя пѣсни. Богохваленіе въ духѣ есть отраднѣйшее состояніе и восхищенія, и радости, и веселія духовнаго, но все сіе о единомъ Богѣ и о томъ, что Онъ есть таковъ, хвалимый и превозносимый. Сію хвалу возбудить можетъ и всякое совершенство Божіе, и всякое Его дѣло, даже къ намъ относящееся; но въ самомъ дѣйствіи хвалы все другое устраняется, видится единъ Богъ и совершенство Его дѣйствій. Это жертва безкорыстнѣйшая. Можно сказать, что въ семъ—жизнь нашего духа истинная, или истинное причащеніе жизни Божественной. Какъ въ страхѣ Богъ проникаетъ насъ и какъ бы разжигаетъ огнемъ Божества, такъ въ семъ Богохваленіи нашъ духъ проникаетъ

или воспріемлется въ Бога и пріобщается Его всеблаженства. Восходить въ сіе состояніе, или желать и искать быть возводиму въ него, сколько естественно духу и многоплодно для него, столько же и обязательно, ибо симъ воздается должное Господу и Богу нашему. Потому въ Словѣ Божіемъ во многихъ мѣстахъ предписывается хвалить Господа и даются образцы сего хваленія. Подобно имъ, и всѣ святые, восходившіе въ сіе состояніе, изображали совершенства Божіи въ словѣ и оставили намъ свои хвалебныя пѣсни. Прочитывать сіи пѣсни съ углубленіемъ и напряженіемъ—необходимо. Это начало или часть исполненія обязанности Богохваленія. Не иначе, какъ чрезъ нихъ, восходитъ человѣкъ и къ духовному Богохваленію мысленному. Онѣ суть воспитатели его, которыхъ не должно однакожъ оставлять и послѣ уже того, какъ образуется свое внутреннее. Чтобъ восходить на верхъ, надобно имѣть лѣстницу. Но и кто взошелъ однажды, не отбрасываетъ ея, потому что она и послѣ будетъ нужна. Обыкновенно начинать должно славословіе преданными намъ пѣснями всякій разъ, а тамъ умолкни, когда начнетъ славословить духъ. Самое производство славословія или останавливается на всемъ всесовершенствѣ, или на одномъ какомъ совершенствѣ, или переходитъ отъ одного къ другому. Но это не есть холодное созерцаніе свойствъ Божіихъ, а живое ощущеніе ихъ, съ радостію и восхищеніемъ того ради, что таковы они въ нашемъ Богѣ. Поставлять себя въ сіе состояніе сколько можно чаще—спасительно. Нельзя лучше отрѣшить духа отъ всякой примѣси земной и отъ всего чувственнаго, какъ такъ; ибо въ семъ дѣйствіи онъ удостоивается вкусить сладость, съ которою сравниться ничто не можетъ.

гг) *Богъ вездѣ есть, все видитъ и все исполняетъ: ходи предъ Богомъ.* Когда царь осматривается вокругъ себя съ

высоты престола своего, то всякій изъ присутствующихъ держитъ себя такъ осторожно, какъ бы царь на него одного смотрѣлъ, такъ, какъ бы тутъ были одинъ только онъ и царь, забывая все прочее. Царь нравственнаго міра, Богъ, не только все видитъ, но и все исполняетъ существомъ Своимъ,—есть вездѣ весь и видитъ не внѣшнее только, но и внутреннѣйшее, и притомъ полнѣе и совершеннѣе, нежели какъ видитъ себя тотъ, кого Онъ видитъ. Всякая разумная тварь обязана, какъ помнить сіе вездѣприсутствіе и всевѣдѣніе Божіе, такъ и располагать дѣла свои и внутреннія, и внѣшнія съ чувствомъ его, стоя какъ бы предъ очами Бога, подъ Его взоромъ, до того, чтобъ все другое выходило изъ мысли и вниманія, а былъ только онъ—дѣйствующій и Богъ, видящій его и дѣло его; или, что тоже, ходить предъ Богомъ, ибо настроеніе духа дѣйствовать какъ предъ очами Божіими есть хожденіе предъ Богомъ. Оно обязательно для всѣхъ, потому что есть. Помни или непомни ты, но Богъ все видитъ, и дѣла твои всѣ открыты Ему, или совершаются предъ лицемъ Его. Такъ зачѣмъ скрывать истину и превращать ее въ ложь? Что къ сей мысли должно прилагать и Богоприличное расположеніе дѣлъ, сего требуетъ почитаніе Бога. Когда сынъ предъ лицемъ отца, или подданный предъ лицемъ царя дѣйствуютъ, забывая о достоинствѣ ихъ, то тѣмъ оскорбляютъ ихъ. Потому любящіе Бога и боящіеся Его *предзрятъ Его предъ собою выну* (Пс. 15, 8), то есть, обращаютъ это себѣ въ характеръ и, что ни дѣлаютъ, сознаютъ, что око Божіе обращено на нихъ. Въ помощь при семъ, или для воспитанія сего чувства, употребляютъ разныя средства: иные зрятъ Бога одесную себя, какъ Св. Давидъ; иные око Божіе, утвержденное надъ собою, созерцаютъ; иные мысленно простираютъ свѣтъ Божій вокругъ себя, какъ бы нѣкоторую духовную атмосферу, въ

коей, какъ въ скиніи, укрываются и витаютъ духомъ неисходно, или пребываютъ какъ въ безопасномъ пристанищѣ. Все сіе впрочемъ средства. Богъ же не имѣетъ вида или образа, потому истину любящіе всѣми мѣрами стараются возводить себя въ состояніе зрѣть Господа предъ собою безъ образа, мыслію простою, чистою. Это верхъ совершенства въ хожденіи предъ Богомъ. Плоды сего хожденія безчисленны; но, главное, отъ него естественно переходитъ въ жизнь нашу чистота и непорочность словъ, мыслей, желаній, дѣлъ. *Благоугождай предо Мною и будь непорочень*, говоритъ Богъ Аврааму (Быт. 17, 1). Св. Давидъ зрѣлъ Господа предъ собою, *да неподвижется*, то есть, чтобъ не допустить какого неправаго движенія (Пс. 15, 8). Тутъ не нужно и прибавлять: „когда зришь Бога, бѣгай неправды,“ ибо само зрѣніе отвратитъ отъ нея... Потому, можно сказать, заповѣдь о хожденіи предъ Богомъ есть тоже, что и заповѣдь о Богоугожденіи. Другой плодъ отъ сего есть нѣкоторая теплота духа. Зрѣніе Бога не можетъ быть холоднымъ, если оно есть истинное. По мѣрѣ усовершенія въ лицезрѣніи Божіемъ возрастаетъ и теплота. Послѣ же они сливаются и, какъ лицезрѣніе, такъ и теплота, превращаются въ единое, непрерывное дѣйствіе духа. Такое настроеніе духа есть самое лучшее приготовленіе къ будущему, всеблаженному лицезрѣнію Бога. Кто утвердился въ немъ, тотъ стоитъ уже въ преддверіи рая, созрѣлъ для него. Всякій же. кто не умѣетъ зрѣть Бога или, помысливши о Немъ, отвращается отъ Него, чувствуя, что это непріятно и страшно и ко многому обязываетъ, пусть позаботится о себѣ; ибо отъ сего можно заключить и о будущемъ. Обыкновенный противъ сего грѣхъ есть Богозабвеніе, или непамятованіе Бога; въ развратныхъ—намѣренное себя развлеченіе, чтобъ

умъ не видалъ лица Божія, не тревожилъ ихъ сна и не разгонялъ мрака грѣховнаго.

Изумленіе, благоговѣйный страхъ, радостное Богохваленіе и хожденіе предъ Богомъ объемлютъ собою по преимуществу жизнь въ Богѣ. Это потому, что во всѣхъ ихъ и человѣкъ самъ, и всякая тварь исчезаютъ изъ мысли, а созерцается одинъ Богъ. Здѣсь представлено, что сіи расположенія раждаютъ себя взаимно, или выраждаются одно изъ другаго, какъ и вообще все въ духѣ. У иныхъ, можетъ быть, возбужденіе и развитіе ихъ совершается не тѣмъ путемъ, какъ здѣсь представлено, но обратно. Хожденіе предъ Богомъ легчайшее и удобнѣйшее начинается первое и служитъ исходною точкою для другихъ. Ходящій предъ Богомъ посвящается въ вѣдѣніе совершенствъ Божіихъ и всего всесовершенства и навыкаетъ Богохваленію. Восшедшій до сего еще глубже входитъ въ Божество и стяжеваетъ благоговѣйный страхъ. Кто же послѣ сего возносится за все, различаемое въ Богѣ, тотъ вкушаетъ изумленіе. Это предѣлъ, за который уже и заходить нельзя. Кто прошелъ всѣ сіи степени, тотъ находится въ блаженнѣйшемъ состояніи и прежде онаго вѣка живетъ въ немъ, переходя отъ изумленія къ благоговѣнію, а отъ сего къ Богохваленію, ходя, или духовно движась, какъ въ домѣ какомъ, въ Божественномъ лицезрѣніи, исполненномъ свѣта и чистоты пренебесной. Вотъ и жизнь въ Богѣ!

Единственное и неизбѣжное условіе къ такой жизни есть отрѣшеніе отъ себя и отъ всего тварнаго, или безстрастіе. Духъ выдти долженъ изъ міра сего въ міръ премірный и съ собою не вносить туда ничего тлѣннаго. *Како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна* скажутъ тому, кто вшелъ бы туда, еслибъ сіе было возможно, съ какимъ нибудь пристрастіемъ, какъ бы въ изорванномъ рубищѣ. Но то несомнѣнно, что, при какомъ бы то ни

было пристрастіи, не бываетъ восхожденія къ Богу. Бываетъ, правда, лесть въ духѣ, когда ему чудится, что онъ живетъ въ Богѣ. Но какъ привязанная птица и полетитъ, и опять падаетъ на землѣ, хотя привязана за малѣйшій членъ,—какъ запорошившій глазъ и открываетъ его, но ничего не видитъ имъ; такъ и имѣющій пристрастіе думаетъ, будто углубился въ Бога, но тѣмъ только себя обманываетъ. Въ семъ состояніи бываютъ ложныя видѣнія, обольщенія фантазіи, а вмѣстѣ и обаянія сатаны, который любитъ и умѣетъ пользоваться всякою нашею слабостію. Многіе отъ сего изумились и навсегда погибли. Однакожъ это не должно служить укоромъ истинѣ, или останавливать усердіе и желаніе ищущихъ. Слѣдуетъ только не забывать мудрыхъ правилъ, оставленныхъ Богомудрыми отцами, то есть, устремляясь къ Богу, не забывать и отрѣшенія отъ всего и строже начать съ послѣдняго, или преимущественно обратиться на него; потому что первое нѣкоторымъ образомъ естественно духу, который, по отрѣшеніи отъ держащихъ его узъ чувственности, не имѣетъ куда войти, кромѣ области Божественной. Въ степеняхъ сего отрѣшенія различаютъ сначала болѣзненное отторганіе сердца отъ вещей чувственныхъ чрезъ гнѣвъ, потомъ безвкусіе къ нимъ, а далѣе созерцаніе ихъ изъ Бога, не отводящее отъ Бога. Для отрѣшенія отъ всего, а равно и для жизни въ Богѣ, всего лучше избрать желающимъ, способнымъ, призваннымъ особый родъ жизни—монашескій, или отшельническій. При семъ удобнѣе то и другое является во всей своей чистотѣ и зрѣлости. И въ порядкѣ обыкновенной жизни сіе не невозможно, но сопряжено съ большими трудностями и препятствіями. Лучше бываетъ, когда кто, утвердившись жить въ Богѣ въ удаленіи отъ міра, исходитъ или вызывается потомъ въ общую жизнь на дѣланіе. Въ томъ жизнь по Богу имѣетъ особое дѣйствіе, тотъ есть

представитель Бога для людей, разносящій Его благословеніе на все... Но опять и къ отшельничеству восходятъ по опредѣленнымъ правиламъ, отеческимъ образомъ, съ долгимъ и опаснымъ себя испытаніемъ.

Вотъ куда восходятъ чрезъ Господа Іисуса Христа, чего наконецъ сподобляются и какимъ образомъ! *Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа да дастъ вамъ по богатству славы Своея, силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота... да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе* (Еф. 3, 16—19)!

б) *Чувства и расположенія къ Богу—изъ созерцанія Его творчества и промышленія.*

Стоять на такой высотѣ исчезновенія въ Богѣ постоянно—многотрудно, при условіяхъ нашей настоящей жизни. Вниманіе неизбѣжно совлекается оттуда въ порядокъ временныхъ отношеній жизни. Но, благодареніе Господу оно можетъ и при этомъ не отторгаться отъ Бога. Мы и здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемъ Его, хотя не непосредственно, а, такъ сказать, въ отраженіяхъ. Отсюда особый рядъ обязательныхъ для насъ чувствъ и расположеній въ отношеніи къ Богу, вытекающій изъ созерцанія Его отношенія къ міру и особенно къ человѣку.

Бога, безконечнаго по бытію и совершенствамъ, мы созерцаемъ не Творцемъ только и Промыслителемъ, но и Совершителемъ міра.

Богъ есть Всеблагій, Всемогущій, Всеправедный и Премудрый Творецъ и Промыслитель всего міра, въ особенности рода человѣческаго и тебя. Слѣдственно,

аа) *Ты весь Его; покорствуй же Ему,* какъ Владыкѣ

жизни, въ чувствѣ всесторонней зависимости отъ Него. Начало жизни и силъ, и ихъ храненіе — отъ Бога. Онъ далъ, Онъ и содержитъ: *о Немъ бо живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28). Должно же знать и чувствовать, что мы въ Его десницѣ. Она держитъ насъ надъ бездною ничтожества, въ которое сами по себѣ мы поминутно готовы обратиться. Потому со страхомъ и заботливостію мы должны держаться и сами сей десницы, не отрѣвать ея отъ себя и себя не отторгать отъ нея, а, обращаясь то къ ней, то къ тому, надъ чѣмъ висимъ, молитвенно лобзать ее, напрягаясь довесть себя до ощущенія самаго Ея какъ бы прикосновенія къ намъ. Мы уже знаемъ, какъ важно сіе чувство въ нравственной жизни. Оно служитъ самою глубокою и твердою точкою опоры для свободы въ склоненіи ея на рѣшимость ходить въ волѣ Божіей, или пребывать въ законѣ. А потомъ и во всякое другое время оно есть возобновитель или освѣжитель сей рѣшимости, какъ, напротивъ, ослабленіе его есть мѣра нравственнаго разслабленія. Кто видитъ предъ собою царя, тотъ по мановенію его готовъ и въ огонь и въ воду. Точно также и кто ощущаетъ на себѣ руку Владыки своей жизни, неудержимо порывается къ исполненію того, что сознаетъ исшедшимъ изъ устъ Его. Чувство зависимости своей отъ Бога естественно нашему духу. Оно и есть въ немъ, только погруженіемъ въ чувственность, заботами и развлеченіями такъ зарыто, что не выникаетъ изъ-подъ ихъ тяжести, какъ слабый огонь, заваленный пепломъ. Потому нужно только отнять сіи препятствія, чтобъ дать силу тому чувству. *Уединись* отъ развлеченій внѣшнихъ въ удаленный покой, или овладѣй ночью, а отъ расхищеній ума войди во внутреннюю храмину; *отрѣшись отъ заботъ* о всемъ, что тѣснитъ чувствомъ нужды, изпраздни многое, чтобъ было одно; если къ тому и другому присоединить и *обузданіе плоти* дѣломъ

и мыслію, то быть не можетъ, чтобъ не ожило при семъ родное духу нашему чувство зависимости отъ Владыки нашей жизни. Но это отрицательныя и будто приготовительныя средства. Начни уяснять себѣ истины о происхожденіи всего отъ Бога, о своемъ явленіи на свѣтъ, размысли, какъ жизнь возникаетъ и сокращается совсѣмъ не по нашимъ разсчетамъ, а по инымъ нѣкоторымъ правиламъ и проч... Вообще все надобно употребить, чтобъ возбудить отъ усыпленія и потомъ постоянно держать въ силѣ и живости сіе чувство зависимости отъ Бога. Оно стоитъ того, ибо само всепобѣдительно. Съ нимъ только творятся нравственныя чудеса. И себя и другихъ нравственно править можно только чрезъ Него.

бб) *Все твое отъ Него.* Способности и свойства души и тѣла, обстоятельства жизни, состояніе и званіе, мѣсто рожденія, воспитаніе, служба, средства содержанія, болѣзни и здоровье, скорби и радости, возвышеніе и пониженіе, возрожденіе, спасеніе, царство обѣтованное, вообще все, что только есть въ насъ и касается насъ, есть отъ Бога и касается насъ по Его волѣ. Онъ есть единственный всего распорядитель, никто не можетъ разстроить Его намѣреній и ничто не можетъ втѣсниться въ Его планы противъ Его воли. И это, какъ вообще касательно всего человѣческаго рода, такъ и въ частности касательно меня, тебя и всякаго отдѣльно. Сознавая сіе —

Благодари Бога о всемъ. О всемъ благодарите, учитъ Апостолъ. *Сія бо есть воля Божія о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (1 Сол. 5, 18). Когда говоритъ—*о всемъ*, исключаетъ всякое различіе радостнаго и нерадостнаго. Значитъ, за скорби, во всѣхъ видахъ, столько же должно благодарить, сколько и за радости, столько за малое, сколько и за большое, за прошедшее и настоящее, за постоянное и измѣняющееся. *Благодареніе* есть радостное чувство величія милости Божіей къ намъ недостойнымъ.

Когда сіе радостное чувство не подавляется и скорбями, или когда и скорби принимаются, какъ благо, то отсюда раждающееся доброе состояніе есть *благодушіе*. Постоянное благодушіе при продолжающихся скорбныхъ обстоятельствахъ есть христіанское *терпѣніе*. Послѣдній предѣлъ богоугодныхъ расположеній въ отношеніи къ своей участи, устрояемой Богомъ, за которымъ начинается уже не благодарность, это есть *довольство* своимъ состояніемъ и всѣмъ своимъ.

Всѣ сіи измѣненія чувствъ и расположеній въ отношеніи къ Промыслу, насъ устрояющему, сколько естественны въ здравомъ духѣ, столько же имѣютъ нужду и въ поддержаніи; потому что безпрерывно подлежатъ опасности нападенія со стороны суетливаго и самолюбиваго эгоизма. Поддержаніе ихъ совершается посредствомъ размышленія или уясненія себѣ нѣкоторыхъ истинъ, сознаніе коихъ сильно и родить показанныя чувства... Всѣ онѣ естественно вытекаютъ изъ свойства самыхъ расположеній. Такъ—

а) *Благодареніе* есть чувство милости Божіей незаслуженной. И такъ, развивай въ мысляхъ *обиліе милостей* Божіихъ, явленныхъ въ твореніи, промышленіи и особенно въ искупленіи, доведи до сознанія, что ты милостями сими всесторонне объятъ: что ни движеніе, то милость; что меньше дышишь, нежели получаешь милостей, что мигъ больше, нежели разстояніе милости отъ милости, или что ты стоишь въ нихъ неисходно. Когда потомъ приведешь на мысль, что все это *незаслуженно*, что не только малой какой недостоинъ ты милости, но что, напротивъ, не милости, а постоянныхъ казней стоишь однѣхъ; тогда духъ не можетъ остаться безчувственнымъ, не согрѣться теплотою любви Божіей и не отозваться благодарностію. Вообще мѣра сихъ двухъ сознаній есть мѣра благодарности, ея повышенія и пониженія,—какъ

на оборотъ, неблагодарность исполняетъ сердце тамъ, гдѣ или не знаютъ благъ, или считаютъ себя ихъ достойными, выставляютъ свои права на нихъ. Неблагодарный Богу есть большой эгоистъ и вмѣстѣ невѣжда слѣпой.

β) *Благодушіе* есть радостное или благодарное пріятіе скорбей и бѣдъ всякаго рода. Главное въ производствѣ сего чувства—это, кромѣ яснаго видѣнія, какъ скорби и бѣды исходятъ отъ руки Господней, есть еще ясновидѣніе тѣхъ благъ, которыя изъ нихъ истекаютъ, и притомъ благъ существенныхъ и истекающихъ не какъ нибудь случайно изъ скорбей, а не иначе и возможныхъ, какъ подъ условіемъ ихъ. Какъ, напр., очищеніе страстей, утвержденіе смиренія, оставленіе грѣховъ, крѣпость характера, пріобщеніе Христовымъ страстямъ и проч. Когда это хорошо будетъ сознано, тогда не могутъ не возникнуть въ душѣ сначала ростки желанія, а далѣе жажда скорбей и бѣдъ. Въ подкрѣпленіе къ симъ возникающимъ чувствамъ должно приложить еще ясное сознаніе того, что мы стóимъ не только такихъ, но и несравненно большихъ бѣдъ, что и жизнь слѣдовало бы отнять, а не только какое нибудь благо. И то убѣжденіе уже значительно умалитъ болѣзнь сердца, что мы заслужили несравненно больше, а посылается намъ меньше; когда же еще увидимъ и благо отъ скорбей, то примемъ ихъ съ распростертыми объятіями. А это и есть *благодушіе*.

γ) *Терпѣніе* есть продолжающееся благодушіе. Терпѣть значитъ не только несть скорби; ибо, когда они нашли, куда отъ нихъ убѣжишь? но собственно несть съ радостію и веселіемъ духа, почему оно и есть непрестающее благодушіе. Отъ того поддерживать его въ себѣ должно тѣмъ же, чѣмъ и благодушіе, обращая въ томъ и другомъ случаѣ особенное вниманіе на продолжительность скорби, доводя сердце до убѣжденія, что чѣмъ

продолжительнѣе скорбь, тѣмъ лучше, что намъ слѣдуетъ страдать не только время, но и вѣчность. Ибо терпѣніе тѣмъ особенно и истощается, что терпящій не видитъ исхода. Когда отнимешь такимъ образомъ возможность разслабленія духа отъ невидѣнія конца скорбямъ, то не будетъ уже и того, что колеблетъ благодушіе. Кто не поспѣшитъ устроиться такъ внутренно, тотъ скоро теряетъ терпѣніе, за тѣмъ падаетъ въ *ропотъ* и даже *отчаяніе*.

б) *Довольство* есть неподвижность сердца на скорбь или невидѣніе и нечувствіе лишеній... У довольнаго, сколько ни отнимай, ему все довольно еще, и какъ мало ему ни дай, онъ все доволенъ. Это какъ бы внѣшняя ограда для всѣхъ чувствъ и расположеній въ отношеніи къ промыслительному о насъ попеченію Бога. Оно имѣетъ непосредственное отношеніе къ подающей рукѣ, при томъ же чувствѣ незаслуженія блага и заслуженія всякаго наказанія. Бѣдный принимаетъ все и всякимъ подаяніемъ доволенъ. Это образъ довольнаго...

Здѣсь указаны стороны, къ какимъ должно прикрѣплять свое размышленіе при возгрѣваніи чувствъ благодаренія во всѣхъ видахъ его; источнымъ же началомъ для самыхъ мыслей во всѣхъ сихъ случаяхъ должны служить Божественныя свойства: Всемогущество, Благость, Премудрость и Правосудіе. Размышленіе о каждомъ изъ сихъ свойствъ способно дать обиліе радости и утѣшенія. Впрочемъ, какъ не всякій самъ крѣпокъ умомъ, то хорошо имѣть и знать изложеніе утѣшеній на разные скорбные случаи и изліяніе благодареній, составленныя мужами опытными въ семъ дѣлѣ. И радости и скорби такъ повсюдны! Повсюдно должно бы быть и благодареніе и умѣнье благодушествовать и терпѣть, еслибъ не окаменѣніе сердца. Кто принимаетъ все очищеннымъ сердцемъ, у того только и бываютъ во всей силѣ сіи

чувства. Ищи ихъ у таковыхъ! Сколько ихъ у Святаго Златоуста, у Святаго Димитрія, Ростовскаго Чудотворца, у Святителя Тихона Воронежскаго! Иныя составляли цѣлыя книги въ утѣшеніе несчастнымъ и скорбящимъ.

вв) *Все, что будетъ съ тобою, отъ Бога будетъ.* Онъ ведетъ все къ опредѣленному концу; ведетъ и разумныя твари, но только подъ условіемъ покорности ихъ Его волѣ. Что Богъ приведетъ къ самому лучшему, это несомнѣнно; остается только тебѣ явить совершенную покорность Ему, Всераспорядителю, отказаться отъ своей воли, своихъ замысловъ и способовъ. Отсюда вытекаютъ разныя расположенія относительно своего будущаго, обязательныя для всякаго вѣрующаго въ Божественное міроправленіе. Таковы:

а) *Преданность въ волю Божію.* Преданный Богу не такъ говоритъ: „что будетъ, то будетъ,“ рѣшаясь на невѣрное, ничего не обѣщающее (въ чемъ видится искушеніе Бога); но ясно сознаетъ сообразность средствъ съ цѣлями, или прозрѣваетъ нѣкоторымъ образомъ порядокъ своей жизни, при всей неутомимой, трезвенной, зрѣлой и разумной дѣятельности, не присвояя себѣ знанія всего, чѣмъ кончатся его жизнь и дѣла, къ чему приведутъ онѣ, къ благу или злу для него самого и для другихъ, а желая только одного блага и славы Божіей, молитвенно отдаетъ Богу и себя, и свои силы, и свои дѣла, чтобъ Онъ, по мудрому, и благому, и праведному Своему совѣту, благоустроялъ ихъ, какъ хощетъ, иное отсѣкая, иное прибавляя, иное измѣняя въ ходѣ и направленіи. Преданность въ волю Божію не есть недѣятельность. Она совмѣщаетъ и усиленную дѣятельность, только безъ пристрастія къ ней, безъ настойчивости, чтобъ именно было по моей волѣ. Не есть она и пренебреженіе своихъ дѣлъ, но радѣетъ о нихъ, только не ради ихъ и себя. Преданный Богу во всемъ говоритъ:

„воля Господня да будетъ,“ по увѣренности, что она будетъ ко благу. Ибо одинъ Богъ знаетъ все и одинъ Онъ можетъ отвратить злое, если восхощетъ.

β) Слѣдствіемъ сего, самымъ близкимъ и естественнымъ, бываетъ *успокоеніе въ Богѣ*. Сіе успокоеніе не есть разливъ блажности съ разлѣнѣніемъ, какія бываютъ во плоти отъ полнаго удовлетворенія ея нуждъ, но есть покой духа, истекающій изъ совершенной увѣренности въ томъ, что Богъ, Коему онъ предалъ труды свои и дѣла, все благоустроитъ наилучшимъ образомъ, къ истинному и вѣчному благу. Это есть отсѣченіе злой и съѣдающей душу и тѣло многозаботливости, которая не даетъ покоя человѣку, коль скоро онъ беретъ свою участь на свое попеченіе, мятетъ его то сомнѣніями, то страхомъ и опасеніями. Успокоенный въ Богѣ не мятется такъ, ибо отсѣкъ сію злую страсть тѣмъ, что не самъ собою правитъ своею участію, а предалъ себя Богу.

γ) Въ дополненіе къ симъ чувствамъ, касательно своего будущаго, приходитъ *надежда*. Она есть дщерь двухъ первыхъ. Преданный Богу увѣренъ, что Богъ дополнитъ недостающее; успокоенный въ Немъ вѣруетъ, что такъ это и будетъ. Отсюда раждается несомнѣнное ожиданіе помощи Божіей во всемъ, что Онъ сочтетъ нужнымъ для благоустроенія нашего, для явленія Своей славы и для блага человѣческаго. А это и есть надежда. Надѣющійся говоритъ: Богъ не оставитъ, и только одинъ Богъ. Силы мои измѣнятъ, другіе люди измѣнятъ, князи измѣнятъ, одинъ Богъ не измѣнитъ. Надежда есть отрадное чувство, исцѣляющее болѣзненность безпомощности и безсилія, почему и возгрѣвается симъ послѣднимъ чувствомъ, при увѣренности въ благообщительности и благоподательности Божіей. Она недерзостна, несамовольна, но ожидаетъ несомнѣнно и дѣйствительно получаетъ не только тѣ блага, о коихъ уже Богъ всѣмъ навсегда сказалъ,

что они нужны и всякому подадутся, но все вообще, въ чемъ чувствуетъ кровную нужду. Надежда возрастаетъ до такой высоты, что какъ бы имѣетъ уже то, чего ожидаетъ; но и здѣсь опять въ волю Божію полагаетъ время, мѣсто и способъ, т. е., съ терпѣніемъ ждетъ. Самою крѣпкою для нея опорою служитъ обѣтованіе Господа, что все, *что ни попросятъ вѣрующіе съ вѣрою, получатъ* (Мат. 21, 22; Мар. 11, 24).

б) Отъ того подъ надеждою зрѣетъ *прошеніе* или *моленіе*, т. е., такое возношеніе ума и сердца къ Богу, въ коемъ, изъявляя кровныя свои нужды Богу Всеблагому и Всемогущему, молятъ Его ниспослать благопотребную помощь, съ несомнѣнною вѣрою, что и получатъ, если Богу то благоугодно. Въ моленіи есть и надежда; но не все моленіе надежда. Надежда завершаетъ или стоитъ на верху, какъ бы осѣняетъ моленіе; моленіе стоитъ въ низу и восходитъ подъ сѣнію ея на небо. Надежда преимущественно обращена къ Богу; моленіе низводитъ благость Божію къ себѣ и кровнымъ своимъ нуждамъ. Потому первое условіе благоуспѣшности прошенія есть искреннее сознаніе крайней нужды, или скорбное и болѣзненное чувство крайности, растворяемое надеждою. Молящійся долженъ довесть себя до воззванія: Господи! нигдѣ мнѣ нѣтъ покрова и помощи. Ты одинъ помощникъ! Потомъ стоять въ сихъ чувствахъ крайности и взывать, пока не получитъ, и получитъ ради неотступности и безпомощности, ибо Богъ безпредѣльно милосердъ. Онъ какъ бы не можетъ зрѣть болѣзнующихъ, только бы безпомощные сами являли Ему лице свое, или приходили предъ Него. Въ моленіи есть и преданность, и успокоеніе, и надежда, но, что главное, это болѣзненное чувство нужды... Такое чувство есть сосудъ, благоустроенный къ пріятію милости. Господь ждетъ, пока оно родится, и Самъ разно помогаетъ ему родиться,

чтобъ выполнилось главное условіе къ полученію помощи. При семъ различіе предметовъ мало значитъ. Благодатнаго просвѣщенія испрашиваютъ также, какъ и насущнаго хлѣба, и Богъ даетъ.

Такъ, обращаясь въ будущее, благочестивый христіанинъ проситъ, надѣясь, и успокоивается въ Богѣ, предаваясь Ему всецѣло.

в) *Чувства и расположенія—изъ созерцанія Бога Совершителя всяческихъ.*

Богъ есть Всемогущій, Благій и Праведный Совершитель всяческихъ, чего ради чаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Измѣнится лице неба и земли, и пріимутъ судъ всѣ живущіе, по неложному обѣтованію Господа. Тогда начнется жизнь въ истинномъ ея видѣ, вѣчная и неизмѣнная. Нынѣшнее же бытіе міра и тварей есть только начальное, приготовительное. Господь, все устрояющій, все ведетъ къ предназначенному концу. Когда же все исполнится, тогда Онъ произведетъ самымъ дѣломъ то, къ чему все ведетъ: откроетъ славное Свое вѣчное Царство. Когда сіе будетъ, не знаемъ; но знаемъ несомнѣнно, что будетъ *кончина міра, страшный судъ, блаженство однимъ и муки другимъ.* И такъ

аа) *Ожидай* втораго пришествія Господня, т. е. не только *вѣрь*, что оно будетъ, но и будь *готовъ* срѣтить его на всякій день и часъ. Будь, по слову Господа, подобенъ рабамъ, ждущимъ Господа, но незнающимъ, когда пріидетъ Онъ. А потому и *приготовляй* все, что считается необходимымъ къ срѣтенію Его, подобно мудрымъ дѣвамъ, чтобъ послѣ не жалѣть о неосмотрительности,—и *желая* того, молись: *да пріидетъ Царствіе Твое!*

бб) Не знаемъ, придетъ ли Господь въ предѣлахъ нашей жизни, отъ сего часа до смерти, или, можетъ

быть, смерть наша упредитъ Его пришествіе. Потому, не смѣя отстранять или отдалять явленія Господня далѣе настоящей минуты, въ которую думаемъ о семъ, должны одинаково *имѣть въ виду и смерть, быть* къ ней *готовыми* и *приготовляться* къ тому событію, когда не Господь къ намъ придетъ, а мы будемъ позваны предъ Него воздать все по достоянію. Ожиданіе сіе, впрочемъ, непротивно ожиданію Господа, а въ существѣ своемъ одно и тоже, или есть какъ бы нѣкоторый видъ его. И оно должно быть также непрестанно, также несомнѣнно, также бодренно. Сію или слѣдующую минуту придетъ смерть и покончитъ все наше.

вв) Безвѣстенъ часъ, но не безъизвѣстно, что будетъ. *Помни* же то, что будетъ, непрестанно: *смерть, судъ, рай, адъ*. Ибо случись только одно—смерть, за нею тотчасъ послѣдуетъ и все остальное и притомъ съ такою рѣзкою рѣшительностію, что уже и на всю вѣчность будетъ такъ, какъ будетъ положено тутъ. Можетъ быть, все сіе будетъ сейчасъ, во мгновеніе ока. Напиши же въ мысли твоей сіе и созерцай каждое мгновеніе, ибо созерцаешь или не созерцаешь, оно уже будетъ такъ.

гг) Если такъ нечаянно все можетъ измѣниться, и можетъ настать такой видъ бытія, въ коемъ ничто изъ предлежащаго не получитъ участка; если тамъ истина нашей жизни, а здѣсь только начало, приготовленіе, то не запасайся многимъ: *будь, какъ странникъ*... Это обязываетъ жить на землѣ, какъ на чужой сторонѣ. Не то сіе значитъ, чтобъ ничего не имѣть, ничего не пріобрѣтать, а то, чтобъ, сколько бы чего ни пріобрѣлъ, сколько бы чего ни пришло, чести, славы, богатства, не прилагать къ тому сердца, а держать его въ будущемъ своемъ отечествѣ... Все здѣшнее пусть будетъ, какъ чужое, какъ не родное. Не отвергай того, не презирай, но и принимай, какъ чужое, какъ тяготу нѣкоторую, боля

сердцемъ, что живешь не на своей родинѣ, и искренно желая и молясь скорѣе прейти въ свое вѣчное жилище.

Такъ, обращаясь къ послѣднему концу всего, благочестивый христіанинъ ждетъ Господа, готовится къ смерти, помнитъ послѣдняя и живетъ на землѣ, какъ странникъ.

Вотъ *весь порядокъ* благочестиваго настроенія духа въ христіанствѣ:

Христіанинъ восходитъ къ Богу:

Познаніемъ своего *окаянства* и *познаніемъ Господа* приходя *къ вѣрѣ* въ Него; изъ сей вѣры пріемлетъ *упованіе спасенія* и даетъ *самоотверженіе*, пріемлетъ *миръ съ Богомъ* и даетъ *покаяніе*, пріемлетъ *чувство отчей* любви и даетъ *ревность* дѣйствовать по волѣ Его, во славу Его.

Живетъ въ Богѣ:

Восшедши такимъ образомъ къ Богу и утвердившись въ общеніи съ Нимъ, *ходитъ предъ лицемъ Его* въ Богоугожденіи и горячности духа, *хвалебно радуется* о Немъ, Богѣ Всесовершеннѣйшемъ, *благоговѣйно падаетъ* предъ Его безпредѣльнымъ величествомъ и въ изумленіи *погружается въ Его* непостижимой безпредѣльности.

и пребываетъ въ Божественномъ порядкѣ:

Пребывая же такимъ образомъ въ Богѣ, благоговѣйно чтитъ и Божественный порядокъ бытія и жизни. Чувствуя, что онъ весь есть Божій, *покорствуетъ Богу* въ сознаніи полной зависимости отъ Него; сознавая, что все его есть Божіе, онъ *благодаритъ* за то, *благодушествуетъ, терпитъ, довольствуется;* вѣруя, что все буду-

щее отъ Бога же, онъ *предается Богу*, *упокоется въ Немъ* и, *надѣясь*, *молится*; увѣренный, что будетъ конецъ всему, онъ *ожидаетъ* его, *готовится* къ смерти, *помнитъ послѣдняя* и содержитъ себя *странникомъ* на землѣ.

Такъ рѣзко обозначаются три отдѣла чувствъ и расположеній, выражающихъ благочестивое настроеніе духа и составляющихъ христіанскія обязанности къ Богу. Очевидно, что цѣль всего—жизнь въ Богѣ, восхожденіе же къ Богу и пребываніе въ порядкѣ Его суть средства, какъ бы два столпа, на коихъ утверждается та жизнь. Не такъ однакожъ должно понимать сіе соотношеніе, будто здѣсь есть иное нужное, а иное ненужное. Нѣтъ, тутъ все существенно необходимо въ цѣломъ устройствѣ, и отъятіе чего нибудь есть ущербъ для цѣлаго. Здѣсь такъ все связано, что малое разстройство разстроиваетъ все. Какъ наше тѣло, отними у него соки, умретъ и, отними нервы, тоже умретъ, такъ и здѣсь все нужно. Ничего потому не пренебрегая молиться должно усердно: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!*

г) Молитва—вмѣстилище и поприще жизни въ вѣрѣ и благочестіи.

аа) *Значеніе молитвы.*

Какъ въ отношеніи къ вѣрѣ есть особыя дѣйствія, въ которыхъ она выражается, такъ есть свои дѣйствія, служащіе выраженіемъ и благочестія. Всеобъемлющее изъ такихъ дѣйствій есть *молитва*. Она есть *вмѣстилище или поприще всей духовной жизни*, или *самая духовная жизнь въ движеніи и дѣйствіи*. Ибо что есть молитва? Есть возношеніе ума и сердца нашего къ Богу. Но

сіе возношеніе имѣетъ мѣсто во всѣхъ показанныхъ предъ симъ благочестивыхъ чувствахъ и расположеніяхъ, обязательныхъ для христіанина. Ибо и покаяніе, и вѣра, и миръ съ Богомъ, и благоговѣніе, и терпѣніе, и чаяніе втораго пришествія, и вообще всякое изъ тѣхъ дѣйствій необходимое имѣетъ отношеніе къ Богу, возноситъ къ Нему и раждается изъ сего возношенія. Посему, какъ скоро приходитъ въ движеніе какое либо благочестивое чувство, движется и молитва, и на оборотъ, пребываніе въ молитвѣ есть пребываніе въ какомъ либо изъ сихъ чувствъ, а переходъ отъ одного чувства къ другому, какъ бы волненіе благочестивыхъ чувствъ, есть возгрѣваніе молитвы. Можно сказать, что молиться значитъ приводить въ движеніе благочестивыя чувства и расположенія, каждое отдѣльно, или всѣ совмѣстно, или одно за другимъ, или, что тоже, возбуждать, оживлять и возгрѣвать жизнь и духъ благочестія. Кто не молится, у того нѣтъ благочестія и, у кого нѣтъ благочестія, тому какъ молиться?

Если теперь благочестіе есть жизнь нашего духа, то понятно, почему только умѣющаго молиться должно назвать имѣющимъ духъ. Кто-то опредѣляетъ молитву дыханіемъ духа. Она и есть дыханіе духа... Какъ въ дыханіи расширяются легкія и тѣмъ привлекаютъ животворныя стихіи воздуха, такъ и въ молитвѣ разверзаются глубины нашего сердца и духъ возносится къ Богу, чтобъ пріобщеніемъ къ Нему воспріять соотвѣтственный даръ. И какъ тамъ кислородъ, принятый въ дыханіи чрезъ кровь, расходится потомъ по всему тѣлу и оживляетъ его, такъ и здѣсь принятое отъ Бога входитъ во внутренняя наша и оживотворяетъ тамъ все...

бб) *Слѣдствія благія.*

Отсюда сами собою вытекаютъ слѣдующія благія *слѣдствія* молитвы. Она есть оживотвореніе духа, нѣкоторое какъ бы его обоженіе. Кто бываетъ въ мѵроварницѣ, напитывается мѵромъ; кто же возносится къ Богу, исполняется Божествомъ... Божественное же въ насъ втеченіе, будучи само по себѣ просто и единично, разлагается въ насъ по тремъ силамъ нашего духа какъ бы на три потока: однимъ вліяетъ на разумъ и *просвѣщаетъ* его, другимъ—на волю и даетъ ей *крѣпость*, или освѣженіе и *обновленіе* силъ, третьимъ—на сердце и возвышаетъ жизнь, или огнь *благодатной* жизни. Видно, такимъ образомъ, что молитва есть все для насъ, и понятно, отъ чего усердные молитвенники скоро востекаютъ на верхъ духовнаго совершенства, являютъ начатки и плоды духа, одухотворяются.

вв) *Условія.*

Теперь сами себя выказываютъ *условія* движенія истинной молитвы. Если она есть возвышенная жизнь и дѣятельность духа, а эта послѣдняя развивается на счетъ другихъ, получившихъ въ насъ участокъ жизней, то молитва невозможна безъ умерщвленія плоти и погубленія души, или вообще безъ самоотверженія, также, какъ невозможно безъ нихъ и истинное благочестіе. Молитва, при чувственности и душевности, тоже, что куреніе смраднаго изгребія... Вотъ почему у святыхъ отшельниковъ находимъ и молитву въ совершеннѣйшемъ видѣ! Потому, что въ нихъ сильно было самоотверже-

ніе. И то и другое въ совокупности скоро дѣлало ихъ духоносцами и большею частію только ихъ однихъ. Обыкновенный порядокъ жизни какъ-то не совсѣмъ благопріятенъ совершенству въ молитвѣ. Ибо тогда, какъ въ ней надобно отрѣшаться отъ всего и какъ бы не существовать для внѣшняго, тутъ все вызываетъ вонъ и низвергаетъ духъ съ высоты, на которую лишь только востечетъ онъ со всѣми усиліями.

гг) *Воспитаніе чрезъ молитвословіе.*

Судя по такому происхожденію и значенію молитвы, ей должно быть непрестанною, ибо непрестанно должно имѣть духъ благочестія и притомъ не мертвый, а живой. Потому предписывается: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 16), *всякою молитвою и молчаніемъ молитеся на всяко время духомъ* (Ефес. 6, 18). Но до такой непрестанной молитвы, или пріятія дѣйства молитвеннаго, доходятъ не вдругъ, а перемежающимися, совершающимися въ извѣстныя времена, *молитвованіями*, кои суть и необходимыя средства къ стяжанію непрестанной молитвы, и условія къ ея сохраненію во всю жизнь.

Производство сихъ молитвованій требуетъ и особеннаго порядка внѣшняго, и особеннаго настроенія внутренняго.

Такъ для него необходимо особое *мѣсто*, если можно, уединенное, и къ тому опредѣленное, предъ святою иконою съ возженіемъ свѣчи или лампады и безъ того; необходимо особое *время*, утромъ и вечеромъ, или въ другіе часы, примѣнительно къ часамъ церковныхъ службъ; необходимо особое положеніе тѣла, стамое или колѣнопреклонное, съ благочиніемъ и напряженіемъ.

Приступающій къ сему молитвованію прежде всего долженъ возвратить умъ свой изъ разсѣянія и *собраться*

въ себя *отрясть* всѣ *заботы*, или, сколько можно, утишить ихъ, и *поставить* себя *въ* живѣйшее *сознаніе присутствія Бога* вездѣсущаго, всевѣдущаго и всевидящаго. Это есть какъ бы созданіе внутренней молитвенной клѣти, въ которую удаляться повелѣлъ Господь (Мат. 6, 6), тоже, что временно поставляемая скинія.

Устроившись такъ, *совершай* самое *молитвословіе*: тихо, благоговѣйно, разумно *читай* избранныя и установленныя молитвы, перемеживая ихъ *поклонами* съ *крестнымъ знаменіемъ*, поясными или земными, или *колѣнопреклоненіемъ*, всемѣрно напрягаясь внѣдрять въ сердце читаемое и возбуждать въ немъ соотвѣтственныя чувства. Когда согрѣется сердце или возбудится какое чувство, остановись и не продолжай читать, пока не напитаешься. Ослабѣетъ сіе чувство, опять начинай читать и опять останавливайся, когда возродится чувство. Въ этомъ и все производство молитвословія...

дд) Степени.

Инымъ кажется, что такой образъ молитвы имѣетъ въ себѣ много вещественнаго, стихійнаго; *тѣлесное же обученіе вмалѣ есть полезно*, учитъ Апостолъ (1 Тим. 4, 8). А иные совсѣмъ хотятъ отнять у молитвы все внѣшнее, оставаясь при одномъ внутреннемъ, Это заблужденіе древнее. Оно въ самомъ началѣ было замѣчено и отвергнуто святыми отцами. Плоду предшествуетъ цвѣтъ, цвѣту листъ, листу почка и оживленіе вѣтвей. Въ вещественномъ необходима постепенность, — необходима она и въ духовномъ. Внутренняя молитва есть плодъ: надобно много трудиться, пока онъ зародится. Можно назначить три *степени молитвы*. На первой она бываетъ преимущественно внѣшняя: чтенія, поклоны, бдѣнія, и проч... Съ сего начинаютъ, и иные довольно долго

трудятся надъ собою, пока появятся начатки молитвы, или легкія движенія молитвеннаго духа... Молитва, какъ высшій даръ, ниспосылается, какъ бы по каплѣ малой—малой, чтобъ научить человѣка дорого цѣнить ее. На второй степени въ ней тѣлесное съ духовнымъ являются въ равной силѣ. Здѣсь каждое слово молитвы сопровождается соотвѣтственнымъ чувствомъ, или внутреннія молитвенныя движенія, внутренно движимыя, изъясняются и изъявляются своимъ словомъ... Это повсюднѣйшая молитва, общая всѣмъ почти, Она обыкновенна въ томъ, въ комъ живъ духъ благочестія. На третьей степени въ молитвѣ преобладаетъ внутреннее или духовное,— когда и безъ словъ, и безъ поклоновъ, и даже безъ размышленія, и безъ всякаго образа, при нѣкоторомъ молчаніи или безмолвіи, во глубинѣ духа совершается дѣйство молитвы. Эта молитва не ограничивается ни временемъ, ни мѣстомъ, ни другимъ чѣмъ внѣшнимъ и можетъ никогда не прекращаться. Почему и называется *дѣйствомъ молитвы,* т. е., чѣмъ-то пребывающимъ не измѣнно. Вотъ собственно *внутренняя молитва!* Но, чтобъ дойти до сей послѣдней степени, необходимо пройти первыя и слѣдовательно поднять всѣ труды тѣлеснаго дѣланія для молитвы, какъ то: посты, поклоны, чтенія молитвъ, бдѣніе, колѣнопреклоненіе. Кто пройдетъ это, вступитъ на вторую степень, когда, какъ говоритъ Макарій Великій, лишь поклонишься, и духъ уже согрѣвается въ молитвѣ. Какъ тому, кто не знаетъ алфавита, нельзя начинать складовъ, потому что это будетъ безполезною тратою времени, такъ и здѣсь: кто не умѣетъ плавать по мелкой рѣкѣ, какъ того пускать въ глубокое море? Но и тогда, какъ кто взойдетъ до послѣдней степени молитвы, внѣшнее моленіе не прекращается, а также участвуетъ во внутреннемъ. Та только разница, что въ первомъ случаѣ внѣшнее предшествуетъ

внутреннему, а здѣсь внутреннее внѣшнему. Какъ же можно браться за одно внутреннее, когда еще не научились трудомъ и опытомъ отъ внѣшняго восходить къ внутреннему!

Видно теперь, гдѣ во всей полнотѣ, силѣ и красотѣ является жизнь въ Богѣ? На высшихъ степеняхъ молитвы. Такъ велика сила молитвы и такъ высоко ея значеніе!... Молитва есть все: вѣра, благочестіе, спасеніе. Слѣдовательно, объ ней столь можно говорить, что и конца не будетъ. Желательно, чтобъ книгу кто составилъ въ руководство къ молитвѣ изъ святыхъ отцевъ. Это было бы тоже, что руководство ко спасенію. Кто умѣетъ молиться, тотъ уже спасается.

3).

Общеніе съ Богомъ чрезъ общеніе съ св. Церковію.

Теперь надо возвратиться немного назадъ и припомнить, какъ началось у насъ разъясненіе чувствъ и расположеній, составляющихъ благочестивое настроеніе христіанскаго духа. Духъ благочестія христіанскаго состоитъ въ общеніи съ Богомъ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа во святой Его Церкви, или по домостроительству спасенія. Указано уже, какія чувства и расположенія долженъ имѣть духъ нашъ на пути сочетанія со Спасителемъ, какія—на пути восхожденія отъ Спасителя къ Богу, и какими исполняться, пребывая въ Богѣ. Что теперь долженъ чувствовать онъ и къ какимъ расположеніямъ онъ обязанъ, сочетаваясь съ Господомъ Іисусомъ Христомъ и пребывая въ Богѣ—при посредствѣ святой Божіей Церкви?

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, совершивъ наше спасеніе въ Себѣ Самомъ, благоволилъ учредить на зем-

лѣ святую Церковь для приложенія и усвоенія сего спасенія ко всѣмъ. Церковь святая есть единственный на землѣ домъ спасенія. Кто внѣ ея, тотъ погибаетъ. Господь говоритъ: *буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь*, тотъ, кто отдѣлился непокоривостію отъ Церкви (Мат. 18, 17). Всѣ, кои не вошли въ ковчегъ, погибли во время потопа: и всѣ, кои не войдутъ въ Церковь, погибнутъ. Живой союзъ съ Церковію есть единственное условіе спасенія. Пребывать въ семъ союзѣ — существенная обязанность вѣрующаго.

Живой союзъ съ Церковію есть тамъ, гдѣ все, что есть въ Церкви, признаютъ и ощущаютъ такъ близкимъ къ себѣ, какъ бы собственную свою часть. Такъ какъ Церковь есть сосудъ благодатныхъ средствъ ко спасенію и вмѣстѣ вмѣстилище спасенныхъ и спасаемыхъ, то и присвоивать, и живо воспринимать къ себѣ должно *то* благодатныя средства спасенія, *то* христіанъ спасающихся. Потому и обязательныхъ для насъ чувствъ, расположеній и дѣлъ по домостроительству спасенія нашего два рода.

а).

Чувства и расположенія изъ отношенія къ Церкви, какъ вмѣстилищу благодатныхъ средствъ ко спасенію.

Церковь есть домъ спасенія потому, что всѣ существенныя наши духовныя нужды удовлетворяются только въ ней. Такъ, намъ нужно *просвѣщеніе* познаніемъ истины: она есть *просвѣтительница;* нужны намъ *силы* для укрѣпленія слабыхъ силъ нашихъ: она *подательница благодати*; нужна намъ *защита* отъ опасностей и враговъ: она намъ *ходатаица и покровъ*.

Сими тремя отношеніями Церкви къ намъ опредѣляется и то, что лежитъ на насъ въ отношеніи къ ней.

аа) Изъ отношенія къ лицамъ, прилагающимъ благодатныя средства къ спасающимся.

Но во главѣ всѣхъ отношеній должно еще поставить одно, не для всѣхъ, можетъ быть, очевидное, отношеніе къ лицамъ, чрезъ кои спасающая насъ Церковь дѣйствуетъ на насъ средствами спасенія. Знаемъ, что и просвѣщеніе, и сила, и защита отъ Бога подаются намъ во святой Церкви. Спрашивается, какъ?—не не посредственно. Какъ мы тѣлесно духовны, то во святой Церкви есть соотвѣтственныя тому, существенно необходимыя для сообщенія намъ ея спасительныхъ средствъ, учрежденія, такія учрежденія, безъ которыхъ не ниспосылаются съ неба и не пріемлются на землѣ небесные дары. Но, чтобъ сіи учрежденія благодѣтельно дѣйствовали на насъ, надо, чтобъ они были прилагаемы къ намъ, или исполняемы надъ нами. А чтобъ сіе послѣднее было совершаемо, надо, чтобъ въ Церкви *были лица, особенно на то опредѣленныя.*

а) Богоучрежденность сихъ лицъ.

Такъ естественно приходимъ къ тому заключенію, что въ Церкви, совмѣщающей въ себѣ благодатныя средства спасенія, должны быть извѣстныя лица, кои бы, дѣйствуя по ея разуму, сими средствами доставляли отъ ея лица другимъ нужное ко спасенію. Они и есть. Это пастыри, составляющіе священноначальное епископство и подначальное священство, которое есть разложеніе или расширеніе епископства. Господь сказалъ Святымъ Апостоламъ: *завѣщаваю вамъ, яко же завѣща мнѣ Отецъ мой царство* (Лук. 22, 29), т. е., передаю вамъ *строить*

его (1 Кор. 4, 1; 1 Петр, 4, 10) и *блюсти* (Кол. 4, 17; 1 Петр. 5, 8). Апостолы тогда совмѣщали въ себѣ все. Потомъ они, поставляя другихъ на свое мѣсто, имъ завѣщавали блюсти царство въ тѣхъ, кои приступили къ нему. Такъ Господь *далъ есть овы убо Апостолы... овы же пастыри и учители къ совершенію святыхъ въ созиданіе тѣла Христова* (Ефес. 4, 11). Святые дѣлаются Святыми чрезъ пастырей. Не то это значитъ, чтобъ имъ принадлежала самоличная сила, или въ нихъ было источное начало силъ; но то, что они стоятъ на срединѣ, на переходѣ отъ земли къ небу и то людей возводятъ къ Богу, то Бога къ людямъ преклоняютъ. Что дѣлалъ Іоаннъ Креститель? Людей переводилъ къ Господу. Тоже теперь дѣлаютъ пастыри, по волѣ Господа (См. Посл. Патріарховъ, чл. 10). Епископство — корень пастырства. Оно благодать отъ Бога изливаетъ чрезъ священство на весь міръ, паче же на вѣрующихъ. Такъ, никто не приходитъ къ Богу и отъ Него не получаетъ милостей иначе, какъ чрезъ освященныя лица, посредствомъ извѣстныхъ учрежденій, содержимыхъ Церковію. Потому въ домостроительствѣ спасенія первое, съ чѣмъ мы встрѣчаемся, есть отношеніе къ пастырямъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ все, что лежитъ на каждомъ христіанинѣ въ семъ отношеніи.

β) *Обязательныя къ нимъ чувства и расположенія.*

Надлежитъ намъ: хранить убѣжденіе въ высокомъ значеніи пастырства и вѣровать въ то; быть въ сердечномъ, мирномъ, любовномъ общеніи съ нимъ и подчинять себя ему; прибѣгать чрезъ него къ Богу, или дѣйствительно пользоваться пастырствомъ; молиться, чтобъ Богъ хранилъ сіи посредства благодати и всячески приспособлялъ ихъ дѣятельность во спасеніе наше.

Симъ не вводится многоглавіе, но такъ устроено для того, чтобъ единая Глава—Христосъ, чрезъ множайшія посредства, епископовъ и священниковъ, множайшихъ облагодатствовалъ.

бб) *По дѣлу пользованія благодатными св. Церкви средствами.*

Вступившій въ Церковь чрезъ пастырство дѣлается причастнымъ всѣхъ ея возстановительныхъ благодатныхъ силъ и, соотвѣтственно тому, пріемлетъ обязательство питать въ себѣ извѣстныя чувства и расположенія, какъ членъ Церкви. Именно:

а) къ Церкви—просвѣтительницѣ. Церковь просвѣщаетъ посредствомъ проповѣди Слова Божія. И Слово Божіе, писанное и неписанное, и проповѣданіе его постоянно пребываютъ въ Церкви. И такъ надлежитъ намъ содержать въ мысли и *помнить, что есть у насъ книга книгъ,* содержащая единую безпримѣсную истину, т. е., Святая Библія, неоцѣненный даръ Божій; *благоговѣйно почитать* ее, любить и благодарить за нее Господа; *поучаться* въ ней день и ночь и образовать по ней жизнь свою; для сего, приступая къ слушанію и чтенію ея, приступать благоговѣйно, очистивъ умъ отъ помышленій суетныхъ, читая, внимать и уразумѣвать, прилагать къ тому сердце, полагать намѣреніе исполнить и, возблагодаривъ Бога, что напиталъ, помолиться о силахъ осуществить узнанное. *И къ Слову Божію неписанному,* т. е., всему преданному и установленному, надлежитъ обращать тоже преданное сердце; вѣровать сокрытымъ здѣсь вѣщаніямъ Духа Божія; благочестно покорствовать; узнавать и сообразоваться съ тѣмъ въ чувствахъ и дѣлахъ. *Проповѣдь Слова Божія* постоянно слышится въ Церкви; надобно благодарить за ея бытіе, пользоваться

всякимъ случаемъ услышать, стараться понять и усвоить слышанное, ибо здѣсь Самъ Господь сѣетъ сѣмена. Кромѣ устной, есть письменная проповѣдь въ твореніяхъ святыхъ отцевъ. Отверзтымъ сердцемъ и умомъ надо приникать къ симъ источникамъ и пить изъ нихъ небесную премудрость. Но не должно брезговать собраніями поученій и наставительными книгами, и не святымъ отцамъ принадлежащими.

Вообще же къ просвѣщенію ума познаніемъ истины, сообщаемому святою Церковію, надлежитъ питать слѣдующія расположенія: *вѣровать* и содержать сердцемъ, что одна *Церковь есть столпъ* и утвержденіе истины, что ея просвѣщеніе есть единое истинное просвѣщеніе, Божественное, всякое же другое, внѣшнее, несравненно ниже его и, коль скоро несогласно съ нимъ, или противно ему, есть ложь и заблужденіе, или мудрость бѣсовская; потому *здѣсь преимущественно искать просвѣщенія*, не самочинно, но чрезъ учительство, Богомъ установленное, и подъ его руководствомъ, хотя не безъ собственнаго труда; а послѣ него и *по духу его* принимать и просвѣщеніе *свѣтское*, но только нужное, и подъ тѣмъ условіемъ, если оно согласно съ несомнѣнною истиною, ибо все прейдетъ, останется одна истина. Признавая все сіе сердцемъ, нельзя не *жалѣть* и не сокрушаться, когда оскудѣваетъ проповѣдь истины и ея проповѣдники. Это казнь, гладъ Слова Божія (Амос. 8, 11. 12). Скорбѣть должно также и о томъ, если распространяется нерадѣніе и презрѣніе къ Слову Божію и вѣрующимъ внушаются ученія, противныя ему, ибо это знакъ омраченія и расширенія владычества тьмы и князя лжи (См. Преосв. Тихона, т. IV, 3).

β) *къ Церкви—освятительницѣ, или подательницѣ благодати и воспитательницѣ ея.*

Нужныя намъ Божественныя силы къ животу и бла-

гочестію источаются семью Божественными таинствами, ввѣренными святой Церкви. И такъ.

Надлежитъ намъ, содержа въ мысли, что есть у насъ неистощимые сосуды благодати, *радоваться и благодарить Господа* за великій и неизреченный даръ сей; надлежитъ *благоговѣть* предъ ними, какъ предъ величайшею святынею и явленіями Бога и силы Его, и *чаще пріобщаться* тѣхъ, коихъ должно, вѣруя несомнѣнно въ спательную, сокрытую въ нихъ, силу. *Въ частности* въ отношеніи къ каждому таинству нашъ долгъ—*приступать къ* нимъ какъ должно, и *хранить* съ опасеніемъ принятую чрезъ нихъ благодать; хранить *новую жизнь*, полученную *въ крещеніи*, помня обѣты, кои даны, завѣтъ въ какой вступили, блага, на кои получили право,—въ семъ таинствѣ; блюсти, возгрѣвать и употреблять во благо Церкви принятый *въ мѵропомазаніи даръ благодати;* спѣшить *врачевать всякій грѣхъ* свой въ таинствѣ *покаянія*, исповѣдуясь искренно, терпѣливо неся эпитимію по правиламъ; часто, и по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ (См. Прав. Исп.), пріобщаться Святыхъ Таинъ, съ должнымъ приготовленіемъ и очищеніемъ совѣсти, и хранить покой Господа принятаго въ семъ таинствѣ; къ таинству *брака* приготовляться постомъ и молитвою и, по пріятіи его, хранить *союзъ дружескій* разумно и духовно, какъ даръ благодати; когда подвергаешься *болѣзни*, не забывать совершать надъ собою таинство *елеосвященія* съ вѣрою и упованіемъ, не ограничиваясь одними лѣкарствами, ибо вѣра не посрамляетъ.

Вообще въ разныхъ нуждахъ духовныхъ знать надо и содержать въ мысли, что сила приходитъ только отъ Бога, чрезъ таинства. Ни свое благоразуміе, ни совѣты другихъ, ничто не поможетъ, когда не получена сила Божія. Туда слѣдовательно надо обращать все

вниманіе, и сердце, и надежду, зная, что всѣ другія средства имѣютъ только условное значеніе, а эти—рѣшительное. Потомъ, принявши силу, никто пусть не думаетъ самовольно дѣйствовать ею. Надо подчиниться руководителю, отъ Бога опредѣленному священнику, а иногда и воспріемнику, и по его руководству воздѣлывать даръ, возгрѣвать и употреблять. Чѣмъ выше даръ, тѣмъ опаснѣе должно обходиться съ нимъ; а это лучше всего съ совѣта того, при посредствѣ коего онъ полученъ. Руководитель въ употребленіи силъ или развитіи нашей воли существенно необходимъ. Всѣ средства педагогики ниже, малосильнѣе и ненадежнѣе сего. Вотъ почему такъ скоро являются крѣпкими мужами тѣ, кои благодушно проходятъ послушаніе! Кто хочетъ довольствоваться однѣми своими думами, тотъ стоитъ въ опасности злоупотребить даромъ или даже совсѣмъ потерять его.

Кромѣ сего, никакъ не должно опускать предлагаемыхъ Церковію средствъ къ развитію и уклѣпленію благодатныхъ силъ. Первое мѣсто послѣ таинствъ занимаетъ *постъ* съ говѣніемъ. Ихъ значеніе то, чтобъ чрезъ воздержаніе давать возможность Духу благодати сильнѣе воздѣйствовать на насъ, чтобъ дать намъ время искреннѣе пріобщаться таинствъ, чтобъ возочищать и обновлять ревность въ духѣ. Это самое благодѣтельное учрежденіе!

Далѣе слѣдуютъ *празднества*, упраздненія отъ всего Господа ради и слѣдовательно въ пользу духа благодати. Но и вообще всѣ *чинопослѣдованія церковныя* назначены къ освященію и возгрѣванію духа благодати и утвержденію благочестія. Слѣдовательно, всѣ ихъ должно содержать, усвоять, причастнымъ быть имъ, чтобъ освятиться, хранить освященіе и воспитать соотвѣтственный духъ жизни. Вотъ гдѣ Божественный воспитательный домъ!

γ) *къ Церкви—защитницѣ и ходатаицѣ.* Отвсюду насъ окружаютъ опасности. Грѣшимъ непрестанно и гнѣвъ Божій привлекаемъ на себя и на другихъ; а тутъ многообразные враги вокругъ, видимые и невидимые, внутренніе и внѣшніе. Церковь стоитъ, какъ добрый стражъ на стражѣ, или какъ воинъ храбрый во всеоружіи со щитомъ сильныхъ, и охраняетъ чадъ своихъ. Одна она совмѣщаетъ самыхъ сильныхъ и дѣйственныхъ ходатаевъ и помощниковъ. *На небѣ* Самъ Господь ходатайствуетъ о насъ, сѣдя одесную Бога Отца, соборъ Ангеловъ и Святыхъ молится за насъ, особенно же осѣняютъ каждаго изъ насъ покровъ Пресвятыя Владычицы Богородицы, Ангелъ хранитель и соименный Святый. И на *землѣ* есть у ней особые пункты притеченія скорой небесной помощи, при святыхъ мощамъ угодниковъ Божіихъ и чудотворныхъ иконахъ. Но все сіе суть только способы ея охранительные. Самое же охраненіе, или собственный ея охранительный щитъ, состоитъ въ непрестанной ея молитвѣ о насъ. Почему она и называется домомъ молитвы и во всемъ своемъ устроеніи, по преимуществу носитъ характеръ молитвенный.

Церковь имѣетъ одно общее для всѣхъ молитвенное устроеніе и частныя молитвованія, приспособленныя къ особеннымъ нашимъ нуждамъ. Чтобъ въ томъ и другомъ случаѣ сила молитвеннаго ходатайства Церкви перешла на насъ, надобно намъ участвовать въ нихъ или поставлять себя въ опредѣленныя къ нимъ отношенія, обязательныя для насъ, какъ для членовъ Церкви.

Общее для всѣхъ молитвенноходатайственное устроеніе Церкви таково:

Обыкновенно Церковь *созываетъ* чадъ своихъ на молитву *въ храмъ Божій*, въ извѣстныя *времена* и здѣсь, *священнодѣйствуя*, низводитъ на нихъ охранительную силу. Отсюда лежитъ долгъ на вѣрующихъ *совокупляться на*

молитву, или собираться для общественнаго Богослуженія. Общая молитва имѣетъ великую силу, по обѣтованію Господа, быть тамъ особенно, гдѣ два или три собраны во имя Его, и исполнять всякое прошеніе, о которомъ совѣщаются двое на землѣ (Мат. 18, 19. 20). Молитва одного сильна на столько, на сколько силенъ онъ одинъ, и то, если онъ не отчуждается отъ общей молитвы; а если нарочито отчуждается отъ ней, то его одинокая молитва совсѣмъ ничтожна. Въ молитвѣ же общей, молитва каждаго столько сильна, сколько сильны вмѣстѣ всѣ молящіеся. Исторія представляетъ поразительные опыты силы общей молитвы во всѣ времена. Цѣлая Церковь всегда испрашивала помощь у Господа, прогоняла язвы, поражала враговъ, низводила дождь или заключала небо, когда предстояла Богу съ епископомъ, всѣмъ клиромъ и народомъ. Посему Апостолъ и обязываетъ не оставлять собранія, не чуждаться его (Евр. 10, 25), изъ опасенія лишиться помощи, которую подаетъ взаимное подкрѣпленіе. Но этимъ не исключается обязанность и сила частной молитвы.

Внѣ храма, въ домѣ, семейство есть союзъ молящихся. И каждаго Церковь хочетъ содѣлать молитвенникомъ и сильнымъ въ молитвѣ. Затѣмъ положила правила для частной, уединенной молитвы.

Лежитъ долгъ *собираться въ храмы.* Храмъ есть мѣсто освященное, въ коемъ Богъ являетъ особенное Свое присутствіе, мѣсто, по глубокой мысли расположенное и вообще, и въ частяхъ. Такъ должно вѣровать и радоваться о сихъ жилищахъ Божіихъ; понять внутренній смыслъ ихъ; пребывать въ нихъ, какъ предъ Богомъ, съ благоговѣйнымъ страхомъ, и извнѣ оказывать имъ должное почтеніе; хранить ихъ и всячески содѣйствовать ихъ благолѣпію и украшенію; вещи священныя и вся утварь да будутъ неприкосновенны, благочестно

чтимы и употребляемы нами: свѣчи, одежды, сосуды, иконы особенно Крестъ и Евангеліе. Большей же предъ всѣми чести да сподобляются св. мощи, если онѣ есть, и чудотворныя иконы, ради силы Божіей, обитающей въ нихъ, всѣмъ явленной и постоянно являемой.

Но и домъ на время молитвы становится храмомъ молитвеннымъ. Здѣсь иконы, а индѣ лампада, свѣчи, Крестъ, Евангеліе. Кромѣ того, есть часовни съ иконами и крестами среди жилищъ, и въ полѣ нерѣдко становятся кресты. Видно стремленіе всякое *мѣсто* сдѣлать молитвеннымъ, чтобъ научить насъ всюду молиться — дома, въ полѣ, на пути.

Лежитъ долгъ собираться въ опредѣленное *время*, т. е., въ извѣстные *дни* и *часы дня*. Для общей молитвы назначаются дни воскресные и *праздничные*. Надо знать ихъ и чествовать, какъ общіе церковные праздники, по ихъ степени, такъ частные—своего *храма*, и частнѣйшіе—*своего Ангела*. Праздникъ не праздность, а празднованіе, т. е., отрадное ликованіе духа ради сознанія великихъ милостей Божіихъ. Потому, оставивъ вещественные труды и всякую заботу, въ чувствѣ льготы отъ нихъ и свободы, какъ бы въ предвкушеніе свободы будущаго вѣка, проводить должно время сіе въ Богохваленіи, Богомысліи и благотвореніи, вообще—исключительно въ спасеніе, и это сначала праздника по конецъ, съ вечера до вечера. Нельзя лучше воспитать чаяніе будущаго вѣка. Въ Церкви Божіей и *дни недѣли* имѣютъ свой смыслъ. Помнить должно и уважать значеніе каждаго изъ нихъ и, соотвѣтственно тому, устроять свои мысли и вести себя, особенно въ среду и пятокъ, по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ. Тоже надо сказать и о *часахъ дня*. Не должно пренебрегать ихъ значеніемъ, а надо знать и держать себя по смыслу ихъ. Какъ много можетъ сіе способствовать образованію *духа*

молитвеннаго и скоро научить благоговѣйному хожденію предъ Господомъ! Ибо здѣсь надобно припомнить то судъ, то страданія Господа, то благодать Духа Святаго, то блага творенія. Часы дня по воспоминаніямъ суть хожденіе въ многоцвѣтномъ и благоуханномъ саду духовномъ. Тутъ,—можешь? положи поклонъ; нѣтъ? помысли... Особенно сего не должно забывать, когда та или другая молитва или дѣйствіе совершаются въ Церкви, какъ возвѣщаетъ о семъ звонъ колокола. Посему видно, что, по заботѣ о насъ Церкви, все время жизни распредѣлено на молитву. У Святаго Іоанна Златоустаго есть молитвенныя воззванія на каждый часъ дня и ночи. Такъ прикрыты и осѣнены мы молитвами, по заповѣди Церкви!

Есть долгъ собираться на опредѣленныя, *установленныя священнодѣйствія*, каковы: вечерня, повечеріе, полунощница, утреня, часы, обѣдня. Каждое изъ нихъ имѣетъ свой смыслъ, коимъ проникнуто, и каждое есть единое цѣлое, цѣльное молитвованіе. Потому, участвуя, должно знать, какое священнодѣйствіе совершается, участвовать въ немъ духовно, потому что оно для насъ; для того глубоко внимать и входить въ духъ его, и преисполняться имъ; присутствовать на немъ съ начала до конца, упредить благословеніе священника и переждать отпустъ. Изъ Церкви молитвословіе переходитъ съ христіаниномъ въ домъ его, и здѣсь, кромѣ совершенія молитвъ вечернихъ и утреннихъ, предъ столомъ и послѣ стола,—при всякомъ дѣлѣ и случаѣ должно съ молитвою и крестнымъ знаменіемъ возноситься къ Богу. Такъ, по наставленію Церкви, каждое дѣйствіе христіанина должно быть ограждено молитвованіемъ, или онъ непрестанно долженъ пребывать подъ молитвеннымъ осѣненіемъ.

Вотъ общее очертаніе молитвеннаго устроенія Церкви и вотъ вытекающія отсюда обязанности! Но мы имѣемъ

еще особыя разнаго роды нужды. Церковь готова удовлетворять всѣ ихъ, чтобъ защитить и упокоить насъ, и имѣетъ чѣмъ. Нашъ долгъ во всякомъ случаѣ прибѣгать къ ея ходатайству. Есть молитвенныя чинопослѣдованія, которыя, бывъ совершены по уставу освященными лицами въ Церкви или внѣ ея, являютъ полную надъ нами благотворную силу по вѣрѣ, съ какою пріемлются.

Главнѣйшее ходатайствованіе Церкви состоитъ въ принесеніи безкровной жертвы за грѣхи всего христіанскаго міра. Жертва сія непрерывно жрется въ Церкви. Какъ Господь на небѣ одесную Бога ходатайствуетъ о насъ, такъ она здѣсь. Крестъ какъ бы не сходитъ съ лица земли со времени перваго его водруженія.

Грѣшимъ мы и прогнѣвляемъ непрерывно Бога. Мечъ надъ главами... Стоитъ въ Церкви безпрерывная жертва тѣла и крови Христовой, всѣхъ очищать сильная. И такъ спѣшите участвовать въ приношеніи сей безкровной жертвы, да очиститеся... т. е., бывайте на литургіи сколько можно чаще, подавайте на проскомидію, если можете, и потомъ, во время совершенія ея, духомъ сокрушеннымъ и слезнымъ моленіемъ привѣйтесь къ возносимой жертвѣ. Когда не бываете въ Церкви, то въ тотъ часъ, какъ услышите звонъ къ достойному, молитесь о принятіи жертвы и ради себя... Это сильнѣйшая защита Церкви, которой ничто замѣнить не можетъ... Сія же жертва есть и жертва благодаренія—Евхаристія. Какъ есть обязаность благодарить, такъ должно счесть обязанностію и участіе въ принесеніи сей жертвы.

Но, кромѣ сего главнѣйшаго ходатайства въ жертвѣ безкровной, во всѣхъ другихъ потребностяхъ и нуждахъ должно прибѣгать къ Церкви. У ней на всякую нужду нашу есть молитвенное ходатайство.

Есть у насъ потребности и нужды душевныя и тѣлесныя, есть бѣды и скорби частныя и общія; во всемъ

этомъ прибѣгать должно къ защитѣ Церкви (Смотри о семъ въ требникѣ).

Есть потребности и нужды *душевныя*: надобно *учиться*? благословись; ученіе не принимается? прими молитву; тягота, скорбь и тоска томятъ сердце? прибѣгни къ положенному пѣнію; враждуешь на кого, но себя одолѣть не одолѣешь—проси помолиться; мерзишь чѣмъ? освяти то и успокой душу.

Есть потребности и нужды *тѣлесныя:* нуженъ сонъ, но сонъ бѣжитъ? прибѣгни къ Церкви; спишь хорошо, но сатана издѣвается надъ соннымъ? прогони его силою Церковной молитвы; нуженъ домъ? и основаніе его, и его самого освяти; нуженъ колодезь? освяти; нуженъ садъ и овощи? освяти; нужна соль? освяти; нуженъ огонь? освяти; *хлѣбъ* нуженъ? и сѣмя, и всходъ, и гумно освяти; плоды ли новые или новую пищу вкушать начинаешь, освяти. И вообще все, что только касается человѣка, что входитъ внутрь, должно быть освящено. Сына нѣтъ, некому быть наслѣникомъ, некому поддержать старости? прими его отъ Церкви чрезъ всыновленіе; въ путь отправляешься? поди, Церковь помолится о благопоспѣшеніи пути твоего.

Есть бѣды *частныя*: немощь какая въ тѣлѣ? врачуйся у Церкви; насилуется кто отъ бѣсовъ? употреби заклинанія церковныя; домъ стужается отъ нихъ? изгони ихъ ея же молитвами; нива, или садъ, или огородъ вредится отъ гадовъ? прибѣгни къ тому же оружію.

Есть бѣды *общія:* бездождіе и безведріе, моръ, злорастворeніе воздуха, трусъ, гладъ, буря, громы и молніи, нашествіе враговъ или другая какая бѣда. Отъ всего сего ищи защиты чрезъ молитвы церковныя.

Нужно ли, наконецъ, имѣть дома средства церковныя, свои, на случай крайности,—и въ семъ нѣтъ отказа... Пріобрѣти и, освятивъ, внеси въ домъ, какъ бы даръ Церкви, Крестъ Господень, освященную икону, святую

воду, особенно крещенскую, разные предметы отъ св. мощей и чудотворныхъ иконъ, и проч.

Такъ со всѣхъ сторонъ обложенъ человѣкъ огражденіемъ и защитою Церкви. Лишь только выходитъ онъ на свѣтъ, срѣтается молитвою Церкви и, когда отходитъ, ея же молитвою сопровождается за предѣлы гроба.

Кто всѣхъ этихъ молитвенныхъ, ходатайственныхъ и защитительныхъ дѣйствій Церкви не чуждается, не считаетъ лишними и ненужными, зная по опыту силу ихъ, тотъ добро творитъ.

Для христіанъ всѣ они обязательны потому уже, что находятся въ Церкви. Христіанинъ долженъ облечься церковностію, чтобъ быть членомъ Церкви. Что за воинъ безъ воинскаго одѣянія и безъ науки воинской? Церковь есть домъ Господень. Нельзя же думать, чтобъ въ нее вошло что и утвердилось противное Богу, Имъ неблагословенное, Ему неугодное? Всякому, кто отрицается отъ исполненія показанныхъ заповѣдей и внушеній Церкви, не должно ли сказать, *друже, како вшелъ еси сѣмо?* Притомъ сила всего того, чѣмъ ходатайствуетъ Церковь, дознана многими опытами. По симъ опытамъ и самыя учрежденія, и чинопослѣдованія составились. Чуждающійся ихъ походитъ на того, кому предлагаютъ простыя испытанныя средства противъ какой нибудь заразы, а онъ по суемудрію презираетъ то и погибаетъ. Чуждаться церковности очень худо. Великъ на насъ навѣтъ врага. Но преимущественно онъ дѣйствуетъ на насъ чрезъ вещество и чрезъ плоть нашу: есть нѣкоторое сродство у него съ грубою матеріею, по замѣчанію Св. Іоанна Дамаскина. Можетъ быть, скрываясь въ нее, онъ чувствуетъ нѣкоторую отраду, почему такъ и льнетъ къ ней. Оттого, наприм., бѣсы вопіютъ ко Господу: не посылай насъ въ бездну, а въ свиней. Если такъ, то и въ водѣ, и въ воздухѣ, и во всемъ онъ можетъ при-

ражаться къ намъ и злодѣйствовать намъ. Господь и повелѣлъ учредить въ Церкви Своей то, чѣмъ можно бы было очищать и освящать все, чтобъ отвсюду гнать нечистаго и не попустить ему прикасаться къ вѣрующимъ. Вотъ кто лишаетъ себя сихъ средствъ, тотъ и сталъ, какъ садъ разгороженный, по которому рыщутъ звѣри и все въ немъ губятъ. Господь говоритъ о сѣмени добра въ душѣ, что входитъ діаволъ и крадетъ его. Такъ обгородить себя должно всякому. Ничего такъ не боится окаянный, какъ чего нибудь церковнаго. Вѣдь мы воинствуемъ, а не почиваемъ. *Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Сего ради пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ, и вся содѣявше стати. Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся въ броня правды, и обувше нозѣ въ уготованіе благовѣствованія міра: надъ всѣми же воспріимше щитъ вѣры, въ немже возможете вся стрѣлы лукаваго разжженныя угасити: и шлемъ спасенія воспріимите, и мечь духовный* (Ефес. 6, 12—17).

Въ заключеніе краткимъ словомъ еще очерчивается здѣсь все доселѣ сказанное. Вступившему въ Церковь вотъ что заповѣдуется: просвѣщаясь, освящаясь, ограждаясь ею, подъ руководствомъ мужей, освященныхъ въ ней на то Богомъ, пребывай въ молитвенномъ настроеніи духа, или въ непрестанной молитвѣ, и чрезъ нее возбуждай и насаждай въ душѣ обязательныя для тебя чувства и расположенія, и *тѣ*, коими чрезъ Господа Іисуса Христа восходимъ въ общеніе къ Богу, и *тѣ*, кои вытекаютъ изъ порядка Божественнаго міродержавствованія; а далѣе, чрезъ тѣ и другія, потщись востещи до *жизни* въ Богѣ сокровеннѣйшей, возвышающейся до безмолвнаго погруженія въ Бога. Да поможетъ всякому Господь такъ устроиться!

б).

Чувства и расположенія изъ отношенія къ Церкви, какъ вмѣстилищу спасенныхъ и спасаемыхъ.

Церковь есть и хранилище благодатныхъ средствъ спасенія, и домъ спасающихся и спасенныхъ. Вступившій въ живой съ нею союзъ и воспринимаетъ на себя все ея устроеніе, и вмѣстѣ вступаетъ въ глубокое общеніе со всѣми членами ея. *Нѣсте странни и пришельцы,* говоритъ Апостолъ, *но сожителе Святымъ и присніи Богу: наздани бывше на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу: о Немже всяко созданіе составляемо растетъ въ Церковь Святую о Господѣ* (Еф. 2, 19. 20. 21). Сіе общеніе также тѣсно, какъ и общеніе членовъ въ тѣлѣ, ибо *едино тѣло есмы о Христѣ* (Рим. 12, 4). Такъ какъ члены Святой Церкви дѣлятся на двѣ степени, *одни* уже прешли изъ сей жизни, упокоены въ царствіи небесномъ и составляютъ Церковь *торжествующую, другіе* еще пребываютъ на землѣ, стремятся только достигнуть того состоянія,—въ борьбѣ, и составляютъ Церковь *воинствующую*; то и общеніе у христіанъ одно съ членами Церкви, торжествующими на небѣ, а другое съ членами Церкви, на землѣ пребывающими и воинствующими.

аа) Изъ отношенія къ отшедшимъ а) прославленнымъ.

Что есть общеніе у земныхъ съ небесными, о семъ учитъ Апостолъ: *приступисте къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному: и тмамъ Ангеловъ, Торжеству, и Церкви первородныхъ на небесѣхъ*

написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу: и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ ходатаю Завѣта новаго Іисусу (Евр. 12, 22—24). Когда такой есть тѣсный союзъ, то должны быть и обязательныя отношенія. Но такъ какъ состояніе небожителей совсѣмъ другое, нежели земныхъ, то инымъ образомъ намъ должно держать себя въ отношеніи къ нимъ, нежели къ тѣмъ, съ коими живемъ здѣсь.

Понятіе объ ихъ состояніи и о способѣ нашего съ ними сношенія опредѣляетъ обязательныя для насъ въ отношеніи къ нимъ дѣйствія, и притомъ, какъ общія ко *всѣмъ*, такъ и *частныя* къ разнымъ чинамъ ихъ.

Такъ какъ они уже *совершились*, взошли въ блаженнѣйшую мѣру возраста исполненія Христова, достигли высшаго предназначеннаго обоженія, *предстали предъ Бога* и пребываютъ предъ лицемъ Его, какъ дѣти въ дому, съ дерзновеніемъ простирая къ Нему слово молитвы, прешли отъ немощи, *стали сильны*, по благодати Господней, въ ихъ дѣйствіи на тварь видимую и невидимую; то мы должны:

воздавать имъ *чествованіе*, не Божеское, но выше человѣческаго, и не какъ Богу, но какъ полнѣйшимъ сосудамъ Божества, Богомъ возвеличеннымъ и прославленнымъ;

прибѣгать къ ихъ ходатайству, какъ къ молитвенникамъ о насъ неусыпнымъ и сильнымъ у Бога, по Его человѣколюбію и неизреченной благости, и съ вѣрою и надеждою просить ихъ помощи и защиты, какъ сильныхъ по благодати Божіей.

Такъ какъ, далѣе, они не отдѣлились, а пребываютъ вмѣстѣ съ нами членами единой Церкви и составляютъ притомъ образецъ и какъ бы мѣту, къ коей всякій долженъ устремляться, то отсюда опять слѣдуетъ, что мы должны:

познавать ихъ Богоподобныя свойства и труды, ими подъятые, и всѣми силами стараться *подражать* имъ въ чувствахъ и дѣлахъ, почитая ихъ жизнь вѣрнымъ руководительнымъ свѣтомъ;

приходить съ ними, сколько возможно, въ тѣснѣйшее духовное единеніе, соуслаждаясь ихъ славою и сочувствуя ихъ трудамъ и добродѣтелямъ.

Во исполненіе всего такого должно:

воспоминать ихъ въ ихъ дни и праздновать положенныя имъ празднества;

Чтить ихъ иконы, молиться предъ ними и лобызать любовно, возжигать свѣчи и служить молебны;

прочитывать ихъ житія или тропари и кондаки;

бесѣдовать о нихъ и о дѣлахъ ихъ съ должнымъ уваженіемъ и любовію.

И въ частности къ каждому лику Святыхъ лежащія на насъ обязательныя дѣйствія тѣже, съ нѣкоею тѣнію измѣненія и отличія, соотвѣтственно ихъ чину. Потому здѣсь сама мысль о чинѣ научитъ, какъ относиться къ нимъ, только объясни себѣ значеніе чина. Въ сей небесной іерархіи выше всѣхъ честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ,—Владычица *Богородица*. За Нею *чины безплотныхъ*, 9-ть, по ихъ порядку; за тѣмъ Святые Божіи: *Пророки* и большій изъ Пророковъ Предтеча, *Апостолы* и верховные изъ нихъ Петръ и Павелъ, *Святители*, изъ нихъ великіе: Василій В., Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, Св. Николай, и *Россійскіе:* Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ, *Мученики*, *Исповѣдники*, *Преподобные*, *Безсребренники*, *Христа ради Юродивые*.

Ближайшіе изъ нихъ къ каждому христіанину суть: Владычица Богородица, общая всѣхъ христіанъ Матерь и Заступница, Ангелъ Хранитель, Святый соименный, Святый храма или страны, тотъ, коего мощи есть или коимъ явлено особое заступленіе. Сіи особыя отноше-

нія выражены въ молитвахъ, обращаемыхъ къ нимъ. По образу ихъ надо поминать ихъ въ каждой молитвѣ, совершается ли молитва по чину или только внутреннія возносятся къ Богу воззванія: Пресвятая Владычице Богородице, спаси насъ! Ангеле Божій, Хранителю мой Святый, моли Бога о мнѣ; за тѣмъ исповѣдовать Матерь Господа Приснодѣвою, Богородицею и воздавать Ей чествованіе высшее всѣхъ Ангеловъ и Архангеловъ, яко существенно участвовавшей въ устроеніи воплощеннаго домостроительства; должно Ангелу Хранителю внимать и пріучаться понимать его внушенія; Святому соименному соревновать въ его именно добродѣтеляхъ, знать жизнь его и праздновать день его благочестно; къ Святому же храма прибѣгать съ особою вѣрою, ибо всѣ крещаемые въ томъ храмѣ становятся подъ его попеченіе; къ Святому страны ходить въ храмъ, къ мощамъ, къ иконѣ.

Всю же небесную Церковь должно поминать въ главныхъ молитвахъ по чину ихъ, какъ въ молитвѣ церковной: *Спаси, Боже, люди Твоя*.... Или: *Владыко многомилостиве*, и въ другихъ.

Главная цѣль сихъ соотношеній есть воспитать въ себѣ стремленіе и жажду вступить въ сообщество торжествующихъ на небѣ. Всѣ предназначены къ тому, и надобно приготовлять себя: чаще обращаться туда мыслію и сердцемъ, напрягаясь, сколько можно, постигнуть и предвкусить сладость ихъ пребыванія тамъ, чтобъ наконецъ сказать: когда-то я разрѣшусь! чаще бесѣдовать съ ними въ молитвѣ и размышленіи, чтобъ, явившись туда, не быть чуждымъ имъ, а вступить какъ бы въ родное общество.

β) *Къ отшедшимъ и пребывающимъ въ надеждѣ жизни вѣчной.*

Кромѣ впрочемъ сихъ прославленныхъ, совершенныхъ, явленныхъ нашими ходатаями и защитниками, есть еще

классъ людей, отшедшихъ отъ насъ въ вѣрѣ и упованіи, коихъ участь однакожъ намъ съ опредѣленною рѣшительностію неизвѣстна. И они не отдѣляются отъ насъ, и пребываютъ въ томъ же домѣ Церкви, а потому и наши обязанности къ нимъ не прекращаются со смертію ихъ, хотя уже онѣ не могутъ быть тѣже, какія были прежде. Такъ, надобно всякаго вообще умершаго брата во Христѣ способствовать похоронить, если есть нужда, и отдать ему послѣдній долгъ; за всякаго приносить молитвы, жертвы и милостыни; или совсѣмъ не говорить объ нихъ, или говорить одно хорошее, но никакъ не злословить и не осуждать; исполнять ихъ послѣднюю добрую волю; съ благодарностію воспоминать объ ихъ добрѣ и стараться подражать ихъ назидательнымъ обычаямъ и поддерживать ихъ. А касательно родныхъ, кромѣ всего сего, надо еще не скорбѣть, подобно неимущимъ упованія, хотя и нельзя быть равнодушнымъ, совершать объ нихъ поминовенія поименно всегда, особенно въ 3-й, 9-й, 40-й дни, въ годъ, въ дни поминовеній церковныхъ и во всякой молитвѣ. Умершимъ одна отрада— молитва усердная, уповательная. сильная. Милостыня тоже много можетъ; но главное—безкровная жертва.

бб) *Чувства и расположенія къ братіямъ о Христѣ, живущимъ съ нами на землѣ, — и составляющимъ тѣло Церкви земной.*

Другаго рода обязательныя отношенія связываютъ насъ съ тѣми христіанами, съ коими живемъ на землѣ.

Сіи отношенія вытекаютъ изъ понятія о христіанахъ, какъ единомъ тѣлѣ Церкви (Еф. 4, 16; 1 Кор. 12, 12. 27), и бываютъ двухъ родовъ: *одни* ко всему тѣлу Церкви, *другія* же къ каждому члену ея, поелику онъ членъ.

α) *Ко всему тѣлу Церкви.*

Первыя указываются отличительными свойствами живаго тѣла. Отличительныя свойства живаго организованнаго тѣла суть: *гармонія*, или стройное согласіе всѣхъ частей въ одномъ цѣломъ, *живое соединеніе*, или сочувствіе и сострастіе, и *распредѣленіе* трудовъ между всѣми частями въ *пользу одного цѣлаго*, минуя себя. Соотвѣтственно симъ тремъ свойствамъ живаго тѣла есть и у христіанъ, въ отношеніи къ цѣлому тѣлу Церкви, обязательныя чувства и расположенія, кои сознательно воспитывать въ себѣ неминуемо должно всякому. Именно:

αα) Быть *въ согласіи, или подобонастроеніи, по духу* со всею Церковію. Члены въ тѣлѣ согласны отъ того, что всѣ проникаются одною жизнію. И каждый христіанинъ долженъ напоиться однимъ и тѣмъ духомъ, коимъ преисполнена вся Церковь. Коль скоро нѣтъ сего, онъ не отъ Церкви есть: *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ*, говорится о подобныхъ (1 Іоан. 2, 19). Хотя вещественнаго отрѣшенія видимаго не будетъ, но оно само совершится внутри надъ душею и не мечтательно, а истинно. Сіе единство духа выражается въ единствѣ началъ умственныхъ и нравственныхъ, или въ *единомысліи и единоволіи*.

Единомысліе съ такою убѣдительностію предписывается Св. Апостолами почти непрестанно! Апостолъ Петръ, послѣ другихъ обязанностей, заключаетъ: *конецъ же, вси единомудренни будите* (1 Петр. 3, 8). Апостолъ Павелъ завѣщаваетъ: *тожде другъ ко другу мудрствовать* (Рим. 12, 16), и то Бога молитъ: *да дастъ всѣмъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ: да единодушно едиными усты славятъ Бога* (Рим. 15, 6), то самихъ христіанъ умоляетъ: *молю вы, братіе, именемъ Господа*

нашего Іисуса Христа да тожде глаголете вси, да не будутъ въ васъ распри, да будете же утверждени въ томже разумѣніи и въ той же мысли (1 Кор. 1, 10). *Исполните мою радость, да тожде мудрствуете, туже любовь имуще, единодушни, единомудренни* (Фил. 2, 2). Это обязываетъ христіанина не быть равнодушнымъ къ тому образу мыслей, какой онъ питаетъ, и не думать, что все равно, какъ бы ни понималъ онъ иныя вещи; онъ долженъ всячески заботиться сколько можно искреннѣе и внутреннѣе объединиться въ разумѣ и мысли со всѣми,—потому не только не ставить себѣ въ честь особность и индивидуальность воззрѣнія, но скорбѣть о томъ, что оно есть, особенно, если успѣло такъ укорениться, что требуетъ борьбы. Съ сей точки зрѣнія всѣ философствованія и самостоятельные взгляды въ области откровенныхъ истинъ суть преступленія. Отцы наши не такъ поступали. О всякомъ предметѣ у нихъ первое было позаботиться узнать, какъ судили Отцы... И это повсевременная практика въ Церкви — быть въ единомысліи со всѣми...

Единоволіе, или жизнь по волѣ Божіей, иначе чистота... Это обязываетъ христіанина къ тому, чтобъ быть чистымъ, какъ всѣ, и нечистотою своею не осквернять святаго тѣла Церкви... И въ Ветхомъ Завѣтѣ неоднократно было заповѣдано: *измите злое отъ васъ самѣхъ* (Второз. 17, 7), потому что оно нейдетъ въ общемъ, чистомъ составѣ всѣхъ, весь его опорочиваетъ и подвергаетъ опасности, какъ это и бывало, что за грѣхъ одного страдали всѣ. Равно Апостолъ Павелъ укоряетъ Коринѳянъ, за чѣмъ терпятъ они нечистаго,—ибо малъ квасъ кваситъ все смѣшеніе и нечистою сдѣлалъ всю ихъ Церковь (1 Кор. 5, 6). Такъ, нечистота есть посягательство на благо всей Церкви, посему требованіе чистоты есть великой важности. Но съ другой стороны,

нечистота въ сосудѣ, наполненномъ водою, или всплываетъ на верхъ, или осѣдаетъ на низъ, то есть, находится внѣ тѣла воды. Такъ и всякій нечистый собственно есть внѣ тѣла Церкви, отдѣленъ ли онъ форменно или нѣтъ. И такъ, членъ ты Церкви? будь же чистъ, зная, что если не чистъ, то уже и не членъ.

ββ) Члены живаго тѣла состоятъ въ живомъ союзѣ, по коему происходящее во всёмъ тѣлѣ отражается въ каждомъ членѣ и, на оборотъ, состояніе каждаго члена отражается въ цѣломъ составѣ. Это свойство иначе есть *сострастіе*. Соотвѣтствующую ему обязанность тоже прилично назвать сочувствіемъ, или сострастіемъ, по коему живо должно ощущать, что происходитъ со всѣми и во всѣхъ братьяхъ нашихъ, или въ христіанскомъ мірѣ. Апостолъ Павелъ такъ великимъ его поставляетъ и въ такой степени предписываетъ, чтобъ, когда страждетъ одинъ членъ, страдали всѣ и, когда радуется одинъ, радовались бы и всѣ (1 Кор. 12, 26), чему самъ показалъ примѣръ, увѣряя: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю* (2 Кор. 11, 29). Значитъ, состояніе христіанскаго міра не должно быть чуждо каждаго христіанина, холодно, безъ участія имъ знаемо и представляемо, но должно быть живо имъ ощущаемо. Сей союзъ всѣхъ сердечный въ Словѣ Божіемъ выражается единодушіемъ... *Увсѣхъ*, говорится о первыхъ христіанахъ, *была душа едина и сердце едино*... (Дѣян. 4, 32), или, какъ заповѣдуетъ Апостолъ Павелъ, всѣ христіане да живутъ, *тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Ефес. 4, 2). По сей обязанности, христіанинъ сердцемъ своимъ расширяется по всему пространству христіанъ и живетъ съ ними, не какъ чужой, а какъ свой, подобно члену семейства, который, гдѣ бы ни былъ по мѣсту, сердцемъ всегда находится при своихъ... Отсутствіе такого чувства явно обличаетъ потерю союза, отрѣзаніе отъ тѣла; и если въ какомъ либо мѣстѣ всѣ,

именующіеся христіанами, дойдутъ до взаимнаго отчужденія, то явно, что они перестали быть членами живаго тѣла Церкви, суть вѣтви отломившіяся.

γγ) Между членами живаго тѣла распредѣлены труды для цѣлаго такъ, что каждый членъ принадлежитъ цѣлому, а не себѣ, не для себя работаетъ, а для всѣхъ. Подобно сему, и всякій христіанинъ долженъ такъ дѣйствовать, чтобъ сія дѣятельность была жертва цѣлому, долженъ себя забыть, а имѣть въ умѣ одно благое общее, чувствовать себя и сознавать не начальнымъ лицемъ, а орудіемъ въ составѣ цѣлаго тѣла Церкви. И такъ пусть всякій сознаетъ, чѣмъ можетъ и долженъ онъ дѣйствовать во благо всѣхъ, и пусть дѣйствуетъ такъ съ сознаніемъ долга, т. е., по Апостолу, служить—служи, учить—учи, утѣшать — утѣшай, подавать — подавай (Рим. 12, 7. 8). Вообще всякому сообщено дарованіе духа на пользу (1 Кор. 12, 7), которыми и должны всѣ взаимно служить между собою (1 Петр. 4, 10). Это всѣмъ дѣйствіямъ христіанина сообщаетъ характеръ отрѣшенности, гдѣ личныя выгоды совсѣмъ исчезаютъ изъ вниманія, а въ виду имѣется одно духовное благо христіанъ, каково бы оно ни было. Если бы всѣ дѣйствователи имѣли такое настроеніе, какъ скоро возвысилось бы и умственное, и нравственное совершенство христіанъ! Тутъ благословеніе Божіе, — отсюда совершенство или зрѣлость всякаго дѣла, въ которое не позволится войти ничему, что можетъ быть неполезно. Сколько зла отъ забвенія сего простаго правила! Такъ, и душу и тѣло приноси въ жертву благу христіанъ всѣхъ,—на всѣхъ простирай заботливые виды.

δδ) Въ сихъ трехъ расположеніяхъ выражается существо и *духъ христіанской любви*. Кто имѣетъ сію любовь, тотъ, приведши себя въ единомысліе и единоволіе со всѣми, а далѣе, растворившись и какъ бы раз-

лившись по всѣмъ своимъ чувствомъ и сердцемъ, всего себя, всѣ силы тѣла и духа приноситъ въ жертву благу цѣлаго тѣла Церкви, ему себя посвящаетъ съ самозабвеніемъ и самопожертвованіемъ. Тутъ труженики истины, молитвенники, блюстители благосостоянія. Не всѣмъ, конечно, можно выполнить сіе требованіе дѣломъ; но всѣмъ можно и должно выполнять его въ чувствѣ, въ желаніи, въ молитвѣ, какъ и молимся о благостояніи Божіихъ Церквей и о соединеніи всѣхъ. Такое настроеніе всей дѣятельности христіанина сообщаетъ нѣкоторую независимость и свободу, не связывающуюся тѣсными предѣлами состоянія своего лица, или близкихъ лицъ, нерѣдко даже и обстоятельствъ времени. Любовь даетъ ему возможность стать выше всего, чтобъ оттуда созерцать, куда идетъ все, какъ и чѣмъ отвратить зло, защитить и возрастить добро. Ей свойственна материнская *заботливость*, предусматривающая, предостерегающая. Посему часто въ дѣятельности ея можно, по неразумѣнію, видѣть нѣчто непонятное и какъ будто обличающее недальновидность, но послѣдствія всегда ее оправдываютъ. И справедливо сію любовь должно назвать духоносною и потому, что она несомнѣнно носитъ Духа, и потому, что сама носится Духомъ. Прочитавъ житіе такого дѣйствователя, невольно воскликнешь: вотъ что значитъ истинная христіанская любовь! Всѣмъ понятно сіе чувство. Помолимся, да Богъ любви паче и паче возгрѣваетъ его въ сердцѣ нашемъ!

β) *Къ каждому лицу, состоящему съ нами въ видимой связи.*

И такъ истинно христіанская любовь, отрѣшаясь отъ всѣхъ ограниченій, простирается на весь христіанскій міръ. Такъ же широко стремится она распространить и

вліяніе дѣлъ своихъ, въ чемъ нерѣдко съ помощію Божіею и успѣваетъ, но преимущественно осуществляется она, или прилагается къ дѣлу, въ своемъ тѣсномъ кругу, предъ тѣми и на тѣхъ, съ коими обитаетъ. То общее, глубочайшее, самое коренное настроеніе любящаго сердца воодушевляетъ и даетъ отличительный характеръ христіанской дѣятельности, или частному дѣйствованію лица—христіанина въ своемъ мѣстѣ, времени и обстоятельствахъ. Пусть при отвѣтѣ на вопросъ: какъ дѣйствовать христіанину въ отношеніи къ каждому, предстоящему лицу, опредѣлятся разныя обязанности къ ближнимъ; но онѣ всѣ будутъ не что иное, какъ выраженіе духа любви, единаго въ разныхъ примѣненіяхъ.

Спрашивается: въ какомъ *расположеніи* должно держать себя и какъ *дѣйствовать* въ отношеніи къ христіанину, который предъ нами? Отвѣчается: расположись такъ, какъ требуетъ духъ любви христіанской, и дѣйствуй такъ, какъ требуетъ предстоящее лице, соотвѣтственно опять томуже духу любви.

Такимъ образомъ есть у насъ обязательныя къ христіанамъ *расположенія*,—есть и обязательныя къ нимъ *дѣйствія*.

аа) Какія расположенія должно питать намъ взаимно другъ къ другу?

1) Нѣтъ разнствія: *всѣ одно, о Христѣ Іисусѣ* (Гал. 3, 28), говоритъ Апостолъ, какъ живые члены одного тѣла, какъ родные члены одного семейства. Принимай же всякаго *съ чувствомъ родства*, какъ роднаго, какъ брата. *Братская любовь*—вотъ истинное расположеніе, господствующее между христіанами! Встрѣтивъ брата по крови, мы все забываемъ и чувствуемъ главнымъ образомъ одно то, что онъ братъ. Такое настроеніе должно быть у насъ и въ отношеніи ко всякому христіанину. Брато-

любіемъ *другъ къ другу любезными быть*, заповѣдуетъ намъ Апостолъ (Рим. 12, 10). Изъ сего чувства должна истекать вся дѣятельность христіанина въ отношеніи къ другимъ и всѣ другія къ нимъ расположенія, обязательныя для него. Но само оно частнѣе выражается въ слѣдующихъ свойствахъ:

Въ *благорасположеніи*, или ощущеніи удовольствія отъ присутствія, обращенія и общенія съ другимъ. Если братъ, то кровь должна говорить. Симъ чувствомъ указывается сердечный союзъ. Онъ же есть вѣрный и самый тонкій свидѣтель и признакъ любви истинной, полной, зрѣлой. Кому непріятно быть съ кѣмъ, въ тѣхъ и любви нѣтъ: они разъединены. *Равнодушіе* есть уже недоброе состояніе, и въ христіанинѣ ему не должно быть. Оно первый шагъ замиранія любви и уклоненія сердца отъ истины въ отношеніи къ другимъ. Извиняться можетъ равнодушіе, даже и непріятность отъ встрѣчи съ другимъ, если они невольны,—и то только при дѣятельномъ и усиленномъ напряженіи на возбужденіе расположенія къ нему. Такъ какъ сердце не вдругъ настроивается, какъ должно, то, чего усильно ищетъ человѣкъ, то вмѣняется ему ради исканія, хотя еще не снискано. Въ такомъ случаѣ это будетъ какъ бы физическое несовершенство, а не нравственное.

Въ благожеланіи. Кому пріятенъ другой, тотъ желаетъ ему всего хорошаго. Благожеланіе—естественный плодъ расположенности. Оно изъявляется участіемъ во всемъ, касающемся другаго, сочувствіемъ тому, принятіемъ къ сердцу, причтеніемъ того въ свое состояніе, разузнаваніемъ, что гдѣ нужно, хорошо ли тамъ или худо, съ соотвѣтственною тому радостію или болѣзнованіемъ, и порывами на помощь и содѣйствіе. Благожеланіе обнимаетъ всѣ движенія добраго сердца для другихъ. Оно отрадно даже и при скорби, даетъ покой, расширяетъ

сердце и очищаетъ его отъ эгоистическихъ страстей, какъ огонь очищаетъ металлъ. Ему противоположно *недоброжелательство* — плодъ равнодушія и холодности. Здѣсь бываетъ или отсутствіе благожеланія, или желаніе противоположнаго, т. е., *зложеланіе*. Съ ними въ содружествѣ неразрывномъ *злорадство и зависть*, два мучителя, терзающіе бѣдное сердце человѣка, потерявшаго любовь.

Въ благопопеченіи. Истинное благожеланіе услаждается благомъ другаго и порывается на помощь и содѣйствіе нуждающемуся, почему раждаетъ изъ себя *дѣятельное и заботливое попеченіе о благѣ другаго*. Это такъ неизбѣжно, что пресѣкается только невозможностію содѣйствовать. Во всякомъ же другомъ случаѣ, отсутствіе его обличаетъ слабость благожеланія и отсутствіе любви! *Не любимъ словомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. 3, 18). *Другъ друга тяготы носите* (Гал. 6, 2), заповѣдуютъ Апостолы. При семъ должно помнить, что попеченіе дѣломъ можетъ происходить не изъ добраго сердца; равно и то, что и доброе благожеланіе можетъ быть плодомъ неразборчиваго симпатическаго природнаго расположенія. Все дѣло въ томъ, какъ относится къ симъ сторонамъ распоряжающійся ими умъ, или лице внутреннее. Содѣйствуй и безъ расположенія съ тою цѣлію, чтобъ оно пришло; и благожеланіямъ не поддавайся безъ разбора, чтобъ изъ добраго не выросло зло, ибо сердце слѣпо. Вообще надо такъ настроиться, чтобъ содѣйствіе исходило не изъ угожденія себѣ, не изъ угожденія другимъ, а изъ одной,—внутренней, истинное благо зрящей и къ нему все направляющей, любви. Прочное, твердое и трезвенное благопопеченіе симъ способомъ и образуется. Тогда христіанинъ и желаетъ только того, о чемъ должно попещись, и печется о томъ, чего пожелать другому должно. И это есть здравое состояніе любви къ ближнимъ, безъ котораго

и до котораго благожеланіе съ благопопеченіемъ могутъ идти врозь, одно другому мѣшая и даже противорѣча. Однакожъ все началомъ его служитъ дѣйствительное попеченіе подъ управленіемъ высшаго начала дѣятельнаго, а не одно благожеланіе, которое можетъ быть и безплодно, и неправо. Къ отличительнымъ свойствамъ благопопеченія принадлежитъ неотсрочное, скорое, всеусильное *спомоществованіе*, какое сочтено нужнымъ по соображенію съ цѣлію. Оно не мятется въ суетѣ, а идетъ ровно, степенно, но и не недугуетъ отлаганіемъ и отсрочками. У него законъ: пользуйся всякимъ случаемъ, ибо онъ уже не повторится; сокровиществуй и богатись. Ему противоположно и безплодное желаніе, переходящее въ пустую мысль о возможностяхъ помочь; но главнымъ образомъ то, что раждается изъ недоброжелательства, т. е., не только *непопеченіе* и несодѣйствіе, но даже *противодѣйствіе*, или *препятствія* успѣхамъ, и прямое *злодѣяніе*. То и другое—плодъ эгоистическихъ страстей, всегда притомъ раздражаемыхъ и усиливаемыхъ взаимными непріятностями.

Сими тремя: *благорасположеніемъ, благожеланіемъ и благопопеченіемъ* опредѣляется истинное свойство братской любви. Когда нѣтъ какого изъ сихъ движеній сердца, и притомъ не только вообще, но ко всякому въ частности, нѣтъ и любви прямой, или она не созрѣла, а находится еще только въ зародышѣ, растетъ. Ростъ ея и необходимъ, по существу дѣла. Сердце, въ состояніи падшаго, не право чувствуетъ. Должно обновить въ немъ духъ правый. Главное, оно пристрастно, любитъ своихъ только и имъ покровительствуетъ... Здѣсь нѣтъ зла, но оно можетъ быть, если его оставить такъ. Христіанину должно всѣхъ христіанъ ввесть въ свое родство и со всѣми жить, какъ съ родными, должно довесть себя до того, чтобъ всѣхъ обнимать рав-

ною любовію,—различать же только дѣятельность или содѣйствіе, и то не по чувству, а по безкорыстной и отрѣшенной мѣрѣ здраваго разсужденія.

2) Апостолъ Павелъ образъ дѣятельности на другихъ выражаетъ такъ: братолюбіемъ *другъ ко другу любезни: честію другъ друга больша творяще* (Рим. 12, 10), т. е., братская любовь къ другимъ неможетъ не быть соединена *съ уваженіемъ* къ нимъ. Это же расположеніе прямо раждается и изъ чувства родственности. У кого есть сіе послѣднее, у того есть и уваженіе. Изъ родныхъ мы съ уваженіемъ смотримъ даже на дитя, еще не пришедшее въ самосознаніе. Въ христіанствѣ же, семъ духовномъ родствѣ, оно еще естественнѣе для того, кто глубоко сознаетъ значеніе христіанина. Христіанинъ—храмъ Духа Святаго, жилище Отчее и Сыновнее. Слѣдовательно, онъ сосудъ Божества. Прими же его, какъ принесшаго къ тебѣ Бога въ себѣ, съ благословеніями, подобно древнему ковчегу, и притомъ всякаго, великъ ли онъ или малъ, бѣденъ или богатъ, уменъ или нѣтъ. Въ чувствѣ христіанскаго уваженія все внѣшнее должно быть устранено, какъ непринадлежащее самому христіанину, чужое и пришлое, а должно имѣться въ виду одно достоинство лица. Внѣшнее по необходимости разнообразно, а уваженіе должно быть больше или меньше одинаково ко всѣмъ. Источникъ его—внутреннее значеніе христіанина, съ коимъ можетъ не сообразоваться внѣшнее. Почти того, кого почтилъ Богъ. Свойство или тонъ уваженія опредѣлилъ Апостолъ Павелъ словами: *честію больша себе творяще*. Всякаго другаго въ чувствѣ сердца должно ставить выше себя, себя ниже его и не знаками то показывать только, но чувствовать внутри. Знаки могутъ быть иные, какъ, напр., у начальствующихъ, а уваженіе одно. Нѣтъ труднѣе сей добродѣтели, ибо она стоитъ прямо противъ самости.

Особенно она трудна для имѣющаго отличія и въ отношеніи къ тому, кто себя унижаетъ чѣмъ нибудь. Но законъ не отмѣняется ради трудности исполненія. Трудно?— употреби усиліе. Главное въ семъ дѣлѣ—устраненіе изъ вниманія внѣшняго состоянія христіанина и воспріятіе имъ одного внутренняго его значенія. Послѣднее, поелику высоко, будучи живо сознано, родитъ уваженіе. Противное уваженію чувство есть *презорство*. По противоположности, оно всѣхъ ставитъ ниже себя и, еще болѣе, ставитъ ни во что. Оно плодъ гордости, самомнѣнія, забвенія себя и брата своего.

3) Уважающій другаго священнымъ почитаетъ все, принадлежащее ему, и во всемъ *воздаетъ ему должное*. Расположеніе воздавать всякому должное изъ уваженія и любви есть *справедливость*. Гдѣ есть уваженіе, тамъ и справедливость, и на оборотъ... Ибо само уваженіе есть первая справедливость, изъ которой истекаетъ и которою поддерживается уже и вся область правды. *Правда* обыкновенно считается самою внѣшнею оградою нравственной жизни въ томъ смыслѣ, что, кто зашелъ за ея предѣлы, тотъ раззоряетъ основы царства нравственнаго, отъ того нечего болѣе ожидать. Но то неистинно, будто правда можетъ ограничиваться одною только отрицательною стороною, т. е., только не дѣлать того, что нарушаетъ право другаго, или дѣлать только то, что можетъ быть вытребовано законнымъ порядкомъ. Это не христіанская правда, а мірская, внѣшняя, судебная. Христіанская же обнимаетъ и положительную сторону, дѣлаетъ все, что должно, для другаго не по внѣшнему страху, а по внутреннему расположенію. Правда холодная, законная только и внѣшняя,—не христіанская... Сія послѣдняя идетъ отъ совѣсти съ участіемъ сердца... Однакожъ она отлична отъ любви, хотя одушевляется ею. Противно ей попраніе

правъ другаго, *несправедливость* есть плодъ презрѣнія брата своего. Когда лице вмѣнено ни во что, какъ уважать права?

Такимъ образомъ всякаго христіанина встрѣть, какъ брата роднаго, забывши все внѣшнее, будь съ нимъ и при немъ съ пріятностію, согрѣй сердце къ нему благожеланіями, обыми его благопопеченіемъ, сколько есть средствъ и силъ, сохраняя при семъ полное уваженіе къ лицу его, которое онъ сталъ носить во Христѣ Іисусѣ, и напрягаясь явить въ отношеніи къ нему всю правду и избѣжать всякой неправды. Всѣ сіи чувства одновременно должны возникать и въ отношеніи къ каждому христіанину. Должно заботиться, чтобъ они всѣ были въ силѣ и не отставали другъ отъ друга, чтобъ въ духѣ христіанина была стройность. Но очевидно, что послѣдніе, какъ бы внѣшніе предѣлы, видимые для всѣхъ, здѣсь суть *содѣйствіе и справедливость*. Другія чувства сокрыты внутри и зрѣютъ подъ прикрытіемъ ихъ, какъ плоды подъ листьями, и то предшествуютъ имъ, то послѣдуютъ за ними, такъ однакожъ, что, если нѣтъ ихъ, то нѣтъ истины и въ сихъ послѣднихъ. Это хорошо отшлифованный сосудъ, назначенный для храненія благовонныхъ мастей, но пустой. Такъ преимущественно должно имѣть полноту любви въ сердцѣ, чтобъ въ немъ ближній не тѣсно вмѣщался, но чтобъ къ нему расширялось сердце, подобно Павлову.

ββ) *Какія требуются дѣйствія?*

Когда есть истинныя расположенія, будутъ и дѣйствія, ибо несократима, неудобозакрываема сила расположеній. Однакожъ дѣла сіи источаются не безъ осмотрительности и условій, но, какъ вообще всякое дѣйствіе опредѣляется предметомъ, такъ и они измѣняются соотвѣтственно свойствамъ лица, къ которому обращены.

Предстоящее намъ въ христіанинѣ лице есть человѣкъ, состоящій изъ *души* и *тѣла*, съ извѣстною мѣрою *благосостоянія* внѣшняго. Каждая изъ сихъ сторонъ брата нашего вызываетъ у нашей любви своего только рода дѣйствія, которыя и обращаются намъ въ обязанность. Отсюда само собою видно, что обязательныя для насъ къ братіямъ нашимъ, христіанамъ, дѣйствія бываютъ трехъ родовъ: одни относятся *къ ихъ душѣ*, другія *къ тѣлу*, третьи *къ ихъ благосостоянію внѣшнему*.

1) *Въ отношеніи къ душѣ.*

Главное здѣсь есть *а) спасеніе* души или вообще лица братняго, ибо когда нѣтъ спасенія, все другое ничтожно. Никакое благо несравнимо съ симъ благомъ вѣчнымъ. Потому все и притомъ постоянное вниманіе должно быть обращено на спасеніе души брата нашего. И такъ,

Молись усердно, какъ вообще о спасеніи всѣхъ, такъ и въ частности о спасеніи тѣхъ, коихъ болѣе знаешь и кои, по твоему разумѣнію, особенную имѣютъ нужду; молись, желая и братіямъ опредѣленнаго дара разумѣнія, или ревности, или молитвы, и проч., и себѣ испрашивая силы и умѣнія дѣйствовать во спасеніе ихъ, или, лучше, самого себя предавая въ орудія Божественныя на дѣло сіе; особенно же молитвенно испрашивай несоблазнительнаго дѣйствованія предъ другими и молитвою же очищай себя отъ бывшихъ ненамѣренныхъ и нечаянныхъ случаевъ, кои могутъ быть соблазнительными. Не искушайся помысломъ и рѣчами другихъ, будто молитва такая ни во что; ибо, кромѣ того, что освятившій себя ею всегда способнѣе, настроеннѣе къ спасительному на другихъ дѣйствію,—есть тайное общеніе душъ, по коему одна, непонятно какъ, можетъ осѣменять другую, или предрасполагать ее къ осѣмененію чрезъ себя, или

чрезъ другихъ. Примѣръ—матерь Августина, мученики. Если всѣ взаимно будемъ обращать молитвенно духъ свой на другихъ, то къ каждому придетъ столько согрѣвающихъ лучей, сколько есть лицъ. Слѣдовательно, всѣ были бы согрѣты мѣрою теплоты, равною всему христіанству. Тогда никакая сила не могла бы одолѣть ни одного христіанина. Само собою разумѣется, что для сего каждый долженъ быть разверзтъ вѣрою къ пріятію молитвенной помощи, а безъ того и сила Божія ничего не произведетъ въ немъ. Но, когда говорится о христіанствѣ, говорится о вѣрующихъ. Вотъ почему сами Апостолы просили молитвъ, ибо взаимная молитва есть сила во спасеніе.

Представляй въ себѣ живой образецъ *вѣры и благочестія*. Когда исходишь внѣ и являешься въ кругу христіанъ, пусть всякій видитъ въ тебѣ живое христіанство, видитъ, что ты и понимаешь его, и чтишь, и осуществляешь. Это тоже, что созидать брата всѣмъ: и словомъ, и взоромъ, и движеніями, и дѣлами, и ничѣмъ изъ сего не разстроивать его и *не соблазнять*. Въ примѣрѣ и доброе, и худое очень сильно дѣйствуетъ, почему, сколько одно обязательно, столько другое осудительно. Еслибъ никто не являлъ своего нечестія во внѣ, не нужно бы было много наставленій, ибо большею частію мы не знаемъ не то, что должно дѣлать, а то, какъ что сдѣлать. Но то и бѣда въ настоящемъ порядкѣ вещей, что зло выдается наружу, а добро скрывается, отчего на всѣ случаи. какія намъ встрѣчаются, мы видимъ много примѣровъ беззаконныхъ, а законныхъ почти не видимъ. Какъ дѣло сильнѣе мысли и слова, то всякое наше ученіе—неученіе. Заключить бы надлежало всѣхъ развратниковъ въ невидимыя мѣста, или самихъ ихъ обязать какъ можно прятаться. Вотъ случай, когда должно счесть похвальнымъ намѣренное держаніе себя во внѣ несоотвѣтственно внут-

реннимъ чувствамъ, — именно, чтобъ не увлечь на грѣхъ и не растлить другаго. Развратника, дѣйствующаго открыто и словомъ и дѣломъ, должно считать душегубцемъ. Онъ походитъ на слѣпаго, который смертоноснымъ оружіемъ махаетъ безъ разбора во всѣ стороны...

Но сего мало; должно и *желать*, и заботливо *порываться* на содѣйствіе, и содѣйствовать самымъ дѣломъ спасенію другихъ, ибо что пользы говорить только: грѣйтесь, а не давать нужнаго? Кто истинно любитъ, тотъ все сдѣлаетъ для любимаго. Любовь не смотритъ на неудобства и не видитъ ихъ. Но если и есть они, готова животъ свой положить за други своя,—всѣмъ, даже и жизнію пожертвовать за спасеніе ихъ. Холодность въ семъ обличаетъ холодность и о своемъ спасеніи, и о Божіей Славѣ, также неубѣжденіе въ вѣрѣ, и самолюбіе, и рѣшительную безпечность. Потому внимательно должно слѣдить за всѣми случаями въ отношеніи къ братіямъ нашимъ и изыскивать между ними, не найдется ли какой, коему мы по своимъ силамъ можемъ нѣчто вложить въ душу, спасительно содѣйствующее ему во спасеніе. Дѣла, къ коимъ сіе относится, суть: усыпленнаго *пробудить*, готоваго пойти неправо *вразумить*, слабаго *укрѣпить*. Способомъ выполненія можетъ быть и слово, и дѣло. Только надо помнить, что нельзя идти въ область другаго духа самовольно. Всякій замкнутъ въ себѣ. Поэтому должно или предрасполагать его, или ожидать предрасположенія. Во всякомъ случаѣ, лучше пособлять дѣйствовать другому самому, а не властно опредѣлять его, ибо онъ есть живой и свободный духъ. Тутъ, напр., въ простой бесѣдѣ изображаютъ доброе и злое, одно съ похвалою, другое съ осужденіемъ, изображаютъ въ другихъ, такъ однакожъ, чтобъ тотъ, къ кому говорится, не догадался, что говорится на его счетъ, но вмѣстѣ полу-

чилъ и достаточное вразумленіе. Любовь изобрѣтательна. Но и опытность нужна, ибо можно иначе болѣе вредить, нежели способствовать спасенію.

б) Въ частности, въ заботѣ о душѣ другаго должно созидать его *умъ* и *волю*.

Въ первомъ поселять твердыя, ясныя и здравыя о всемъ понятія и начала, начиная съ вѣры, а по ея руководству простираясь и въ область всѣхъ другихъ познаній, развивая ихъ примѣнительно къ ней и, гдѣ можно, изъ нея такъ, чтобы вся сумма познанія представляла нѣчто цѣлое, неразрозненное. Дѣлаютъ великое зло тѣ, кои позволяютъ себѣ всякое хитросплетеніе своего ума разглашать безъ разбора, въ той увѣренности, что оно не изъ области вѣры, хотя явно представляетъ мысли и стороны несогласныя съ нею. Что не отъ вѣры, что не есть выводъ изъ нея, что не покрывается ею, не можетъ стоять въ области ея благоприлично, все то есть ложь презрѣнная, которую надобно попирать и искоренять. Отсюда, всѣ теоріи во всѣхъ наукахъ, особенно въ физикѣ и исторіи, строго должны быть испытываемы и по испытаніи уже предлагаемы христіанскому міру. Все же вообще, апробованное и найденное здравымъ, познаніе ли какое теоретическое или открытіе въ области искусствъ, въ общежитіи, и проч., должно быть всѣмъ обнародуемо; ибо за чѣмъ Богъ и далъ его, какъ не для того, чтобъ всѣ получили отъ него пользу. У Господа всѣ люди—одно семейство. Что Онъ даетъ одному, то даетъ для всѣхъ. Скупость умственная должна быть во столько преступнѣе денежной, во сколько духъ дороже вещества. Распространяя положительныя истины, должно обращать вниманіе и на неистины, на понятія ложныя, или заблужденія и предразсудки. Они сами собою будутъ рѣдѣть по мѣрѣ расширенія свѣта истины, но можно и прямо дѣйствовать на нихъ. Тотъ впрочемъ

благодѣтельнѣе, кто вооружается противъ предразсудковъ сердца, нежели тотъ, кто идетъ противъ умственныхъ, особенно, если сіи послѣдніе не только не извращаютъ сердца, но еще, хотя косвенно, созидаютъ. Предразсудки сердца, это тѣ, коими держится человѣкъ въ грѣхѣ, или кои составляютъ грѣховное ослѣпленіе. Говорятъ, напримѣръ: природа требуетъ,—въ оправданіе похоти, или: живой живое гадаетъ,—въ оправданіе многозаботливости и проч. Кто такіе предразсудки открываетъ, указываетъ и отъ нихъ отводитъ, тотъ дѣлаетъ для другаго вѣчное благо.

Въ отношеніи ко второй. Бѣдная воля наша! Ей нужны *правила*, коихъ часто не знаетъ; нужны *побужденія*, кои часто выпадаютъ изъ мысли; нужно *руководство*, ибо часто не знаетъ, какъ начать дѣло. И такъ *вразуми*, *укрѣпи*, *укажи*. Мы всѣ взаимно соединены, чтобъ взаимно учить другъ друга. Посему жизнь и называется, между прочимъ, наукою. Какое зло—равнодушіе къ образу жизни другаго! Многіе ограничиваются только внутреннимъ неодобреніемъ, или пересудами и осужденіемъ въ углу. Иные дѣлаютъ еще хуже: показываютъ знаками одобреніе недобрыхъ дѣлъ другаго, хотя притворное, и тѣмъ дѣлаютъ его смѣлѣе и дерзостнѣе во злѣ и слѣдовательно несчастнѣе, или для него опаснѣе. Нѣтъ! Замѣтивъ что въ другомъ особенно для него опасное, всячески попекись остепенить его и образумить, какъ можешь. Самъ дѣйствуй прямо, найди людей, могущихъ на него дѣйствовать, подстерегай случай, войди въ ближайшія сношенія и предрасположи къ себѣ, и проч, Но ужъ ни подъ какимъ видомъ не подавай знака соуслажденія, или согласія на тѣ дѣла, ни словомъ, ни дѣломъ... Если бы всѣ окружающіе неисправнаго показали ему знаки неблаговоленія, то, кажется, онъ сейчасъ бы долженъ былъ образумиться, ибо куда бы ему дѣваться тогда?

Одинъ изъ лучшихъ способовъ вразумленія—это есть *наведеніе* другаго самого на разумъ: пусть самъ найдетъ, ты только такъ устрой дѣло, чтобъ нашелъ.

2) *Въ отношеніи къ тѣлу.*

Тѣло—органъ жизни нашей земной и вмѣстѣ условіе образованія насъ въ гражданъ будущаго міра. Въ такой существенной состоитъ оно связи съ душою, что хорошее или дурное его состояніе отзывается и въ душѣ и то располагаетъ ее къ добру, по крайней мѣрѣ, не препятствуетъ и послушно служитъ ей въ томъ, то увлекаетъ ко злу. Потому и сія часть требуетъ особаго попеченія. Пособи же брату твоему и въ семъ дѣлѣ и облегчи ему трудъ добраго устроенія тѣла—вѣрнаго слуги его и вмѣстѣ всегда готоваго врага. Сія обязанность требуетъ: а) всячески *способствовать* благосостоянію, цѣлости и *здоровью* тѣла братняго и дѣломъ, если нужно, а болѣе словомъ; т. е., доставить ему способъ къ содержанію, подать совѣтъ о полезномъ, указать вредное и самому предотвратить его; всячески *способствовать цѣлямъ тѣла*, чтобъ оно было приспособленнымъ орудіемъ души, а не препятствіемъ ей. Всякій питаетъ и грѣетъ плоть свою, но иной слишкомъ много, а иной слишкомъ мало. Вразумить неразумнаго труженика, а особенно, остепенить пьяницу, развратника, обжору, сластолюбца—великое благо. Ибо, какъ изъ ада, извлекается тогда душа изъ тиранства плоти у послѣднихъ, но и у перваго она увидитъ свѣтъ, какъ Іоанаѳанъ, вкусивъ меда. Въ семъ отношеніи худо поступаетъ тотъ, кто, при совѣтахъ въ угодность тѣлу, забываетъ о душѣ. Посему надобно быть осторожнымъ въ совѣтахъ питать и покоить тѣло, а больше обращать ихъ на обезпокоеніе его; *б) опасности жизни предотвращать* всѣ-

ми возможными способами, тѣмъ больше самому съ братомъ не поступать такъ, какъ можно навесть его на разстройство здоровья, или опасность жизни. Это чаще всего бываетъ отъ излишняго напряженія силъ души и тѣла: тамъ возбужденіемъ страстей, тѣмъ хуже — мгновенныхъ: гнѣва, испуга, радости, печали; здѣсь требованіемъ или принужденіемъ къ трудамъ, неумѣстными совѣтами, не зная дѣла, возбужденіемъ дракъ, кулачныхъ боевъ, игръ, могущихъ быть опасными, и проч.; но в) главное, ни дѣломъ, ни содѣйствіемъ, ни согласіемъ, ни явно, ни тайно *не посягать на жизнь другаго*. Убійца возстаетъ противъ Бога, опредѣляющаго мѣру жизни, губитъ себя и состояніе убіеннаго дѣлаетъ сомнительнымъ, ибо одинъ Богъ знаетъ правый судъ. Мы должны зрѣть здѣсь. Кто не во время прекращаетъ жизнь, предпосылаетъ въ оный вѣкъ незрѣлаго.

Много объ этомъ нечего распространяться, ибо дѣла такого рода сами собою наводятъ ужасъ и отвращаютъ отъ себя. Вонми всякъ прописанному и болѣе тому, что относится до спасенія души братій нашихъ, и дѣлай, что можешь, словомъ и писаніемъ, или распространеніемъ добрыхъ писаній.

3) *Въ отношеніи къ благосостоянію и счастію.*

Забота о душѣ и тѣлѣ ближняго есть забота о совершенствахъ его лица. Но онъ еще, по волѣ Божіей, обладаетъ извѣстною мѣрою *счастія или благосостоянія на землѣ*. Обращаясь къ сему послѣднему, мы получаемъ особыя, соотвѣтственно ему, обязанности.

а) душевному.

Счастіемъ привыкли называть нѣчто внѣшнее, именно: благопріятное намъ теченіе обстоятельствъ. Но оно не

во внѣ, а въ насъ, въ состояніи духа отрадномъ, радостномъ, благорастворенномъ, которое рѣдко соображается со внѣшнимъ, а спѣется по своимъ законамъ, независимо. Потому сюда и должно быть обращаемо преимущественное вниманіе. Здѣсь главное: никакимъ образомъ *не должно возмущать внутренній покой брата*, а напротивъ всячески содѣйствовать его укрѣпленію и возвышенію. Поступающій иначе тоже, что грабитель, вошедшій въ чужой огородъ и истребляющій тамъ всю зелень и цвѣты безъ разбора. Богъ далъ брату покой, ты его крадешь. Только одно обезпокоеніе позволительно, именно, обезпокоеніе грѣшника, и притомъ, какъ грѣшника, чрезъ пробужденіе его отъ усыпленія; сего потряси во всѣхъ основаніяхъ, сокруши кости его, пусть скорбитъ до отчаянія и не находитъ покоя день и ночь. Примѣръ сему показалъ Апостолъ Павелъ, повергшій въ скорбь согрѣшившихъ Каринѳянъ, *ибо*, говоритъ, *печаль, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. 7, 10). Увидишь кого смятеннымъ отъ чего бы то ни было, *поди, утѣшать печальнаго*, приложи пластырь на раны сердца его, излей отраду словомъ и дѣломъ. Тутъ уже одно *участіе* облегчаетъ, тѣмъ больше—умѣнье успокоить. Помнить только надобно, что главное успокоеніе въ Богѣ. Туда и должно возвесть печальнаго и въ Господѣ обвеселить его, довесть его до того, чтобъ онъ радъ былъ тому самому, о чемъ скорбитъ. Кто это сдѣлаетъ, тотъ осчастливитъ человѣка на всю жизнь, на всѣ случаи и въ одинъ разъ сдѣлаетъ все. Хорошо для немощнаго и внѣшнее обнадеженіе, но оно—половина дѣла и должно быть употребляемо только какъ средство. Иначе оно будетъ не въ планѣ Промышленія, ибо всякою скорбію Богъ зоветъ къ Себѣ. Если ты будешь отвлекать, а не приводить къ Богу, то будешь дѣйствовать не по вѣрѣ.

б) внѣшнему.

Внѣшнее счастіе составляютъ ***доброе имя, достатокъ и благопріятный ходъ дѣлъ***. Потеря или недостатокъ чего нибудь изъ сихъ лишаетъ насъ покоя. Человѣкъ чувствуетъ себя несчастливымъ.

аа) ***Доброе имя*** даетъ человѣку вѣсъ въ его кругу, служитъ основаніемъ довѣрія къ нему и располагаетъ слѣдовательно, оно пролагаетъ путь къ безпрепятственному дѣйствованію, какъ наоборотъ, потеря его связываетъ руки и ноги. Потому любящій брата всѣми способами пусть ***блюдетъ доброе его имя***, а для того предварительно пусть освятитъ сіе имя въ сердцѣ своемъ, или, что тоже, пусть исполняетъ обязанность уваженія, чувствомъ своимъ всегда поставляя другаго выше себя. Такое расположеніе само научитъ, какъ блюсти честь ближняго и отъ себя, и отъ другихъ. Оно свяжетъ и развяжетъ языкъ. Когда есть такое чувство, оно уже и дѣлаетъ свое; стоитъ только его хранить, или отклонять все, чѣмъ оно можетъ быть ослаблено, именно: никакъ не позволять себѣ ***уничижать брата ради естественныхъ какихъ недостатковъ*** души и тѣла или ради внѣшняго несвѣтлаго состоянія. Это хула на Бога и несправедливость къ брату. Но и при видѣ нравственныхъ недостатковъ надо обращать все неудовольствіе на грѣхъ и зачинщика его, діавола, въ братѣ же видѣть благородство природы и благодати умаляемое и сокровища Божіи расхищаемыя, видѣть его свободнаго — въ узахъ, здороваго—снѣдаемымъ болѣзнію, и пожалѣть о немъ, сокрушаться ради его предъ Господомъ, а не уничижать.

Лучше всего менѣе обращаться наблюдательнымъ окомъ къ поступкамъ другаго, а болѣе себѣ внимать. Худо поступаетъ тотъ, кто, по лукавству ока своего, во всякомъ поступкѣ другаго видитъ одно худое. Это подозрительность, мнительность, внутренняя клевета. Тѣмъ больше не должно по сему случаю тотчасъ произносить рѣшительный о другомъ судъ, что-де онъ такой и такой. Тутъ уже *осужденіе*, оскорбляющее Бога и гнѣвъ Его привлекающее. Случится услышать худое о другомъ, заткни уши, оклеветающаго тай искренняго своего изгони или самъ отъ него бѣги. Принимать всѣ рѣчи и слухи безъ разбора есть великая неосторожность: тотчасъ осквернится своя душа и омрачится въ ней лице братнее. Когда, такимъ образомъ, соблюдется имя другаго, какъ святыня, неприкосновеннымъ въ своемъ сердцѣ, тогда не будетъ стоить большаго труда блюсти его и во внѣ. Тогда будетъ правиломъ: *о братѣ* или не говорить, или *говорить одно хорошее*, о худомъ же всячески молчать, не намекая на него ни въ шутку, ни даже будто изъ сожалѣнія. Услышавши же, что имя брата страждетъ, всячески заботиться должно возстановить его, *защитить*, оправдать, согнать сей мракъ наносный; но уже ни подъ какимъ видомъ не похвалять пустыхъ *пересудовъ*, *шутокъ*, *колкостей*, *остротъ*, тѣмъ болѣе злословія и клеветы и еще болѣе *клеветы публичной*. Священіе добраго имени ближняго въ себѣ и другихъ требуетъ не малаго труда. Осужденіе внутреннее и внѣшніе пересуды суть первыя порожденія гордости, по свойству своему унижающей всякаго брата. Потому они постоянно вертятся—одно въ мысли, другіе на языкѣ. Блюстись отъ сего и бороться съ симъ должно постоянно. Нѣтъ грѣха обыкновеннѣе осужденія, но и нѣтъ опаснѣе. Одному надлежало нѣсколько лѣтъ поститься и молиться за одно краткое осужденіе мысленное, и это по особенному Бо-

жіему опредѣленію. Потому святые Божіи рѣшительно говорятъ: кто не осуждаетъ, тотъ спасенъ. Иные и безъ подвиговъ — однимъ этимъ спасались. Напротивъ, въ одномъ осужденіи пагуба, ибо оно предполагаетъ и забвеніе Бога, и лживость, и коварство бѣсовское. Какихъ золъ избѣгаетъ неосуждающій!

бб) *Достатокъ* составляютъ имущество, пожитки, то, чѣмъ удовлетворяются неизбѣжныя наши естественныя потребности, пища, одежда, кровъ и вообще домъ, или совокупность вещей, кои называются *житейскими*. Заботу о томъ получилъ человѣкъ вмѣстѣ съ животомъ и потому заботится, что животолюбивъ, и когда заботится, полагаетъ на то животъ свой. Все стяжевается въ потѣ лица, тратою силъ и крови. За то довольство упокоиваетъ духъ, разливаетъ отраду въ сердцѣ, даетъ свободу жизни. При достаткѣ, какъ въ безопасной оградѣ. И такъ, если любишь брата, пусть будетъ для тебя неприкосновенною святынею всякая его собственность, все то, о чемъ онъ можетъ сказать: *мое*. Для него это есть и даръ Божій, и цѣна его крови: *не прикасайся*. Если *найдешь* не свою вещь, *сыщи* владѣльца и возврати ему; не найдешь, отдай бѣдному или въ храмъ Божій, ибо это имущество Божіе. Иные, теряя, говорятъ Господу: пусть будетъ то частію бѣдныхъ. Такъ надобно быть исполнителями воли братней и вмѣстѣ Того, Кто слышалъ ее. Тѣмъ больше не должно дѣлать ущерба достоянію брата какимъ бы то ни было образомъ, или кражею, или судомъ неправеднымъ, или обманомъ при продажѣ, мѣнѣ и другихъ случаяхъ, а напротивъ, всячески должно содѣйствовать возвышенію его достатка совѣтомъ и дѣятельною помощію. Радостно смотрѣть на довольнаго: веселіе на челѣ его. Грустенъ видъ того, кого тяготятъ недостатки: онъ какъ убитый; поникли глава его и очи. Въ Словѣ Божіемъ самые строгіе положены суды за оби-

ды сего рода, особенно наносимыя тѣмъ, у коихъ и мало взять значитъ взять почти все, какъ у сиротъ, вдовъ, наемниковъ. Потому сего рода преступники и судятся Богомъ, какъ убійцы (Сир. 34, 21. 22).

вв) Благопріятный ходъ дѣлъ. Человѣкъ дѣлателенъ. У всякаго есть свои дѣла, или занятія и труды, къ коимъ приставилъ его Богъ рожденіемъ и среди коихъ онъ коротаетъ вѣкъ свой. Вмѣстѣ съ добрымъ именемъ и частію достатка, они составляютъ участь человѣка, потому не оставляются имъ безъ вниманія, но учреждаются такъ, чтобъ текли хорошо, чтобъ малый трудъ вознаграждался добрымъ успѣхомъ, чтобъ не было большихъ помѣхъ и не истощались силы безъ плода, чтобъ не было ненужныхъ и досадныхъ остановокъ, вообще, чтобъ все шло у него, какъ въ хорошо настроенной машинѣ. У кого это есть, тотъ съ радостію исходитъ на дѣла свои и съ радостію возвращается къ себѣ, и наслаждается миромъ и безопасностію, не чая зла. Въ составъ теченія дѣлъ входятъ и труды, и сношенія съ другими, даже обыкновенный порядокъ всѣхъ житейскихъ занятій съ ихъ временами и мѣстами, гдѣ, какъ видно, все то завивается, то развивается. Въ отношеніи къ нему есть долгъ всячески *благопріятствовать ему*, не полагать преградъ, возстановлять разстроенный, а не только самому не разстраивать его. Разстроеніе дѣлъ другаго есть великое злодѣйство, возмущающее тѣло и душу и того, чьи дѣла, и тѣхъ, кои около него. Отъ этого такой уподобляется на общемъ языкѣ исконному врагу. Благопріятствующій другому есть благодѣтель, отрада души. Это посланникъ Божій,—Его намѣстникъ, разливающій отраду вокругъ себя и, какъ солнце, всѣхъ согрѣвающій. Очи всѣхъ на него. И всякому должно поставить для себя цѣлію осчастливливать. Благопріятствовать другому можно совѣтомъ, дѣйствіемъ и помощію, или доставленіемъ

ему силъ, коихъ у него недостаетъ. Доставь нуждающемуся, что ему нужно. Совѣтность, услужливость и заимодавство, или ссуды, составляютъ *общительность*,— добродѣтель самую нужную и вмѣстѣ любезную. Никто не можетъ имѣть всего, что нужно, всегда въ надлежащей мѣрѣ: одинъ изобилуетъ однимъ, другой другимъ. Посему и нужна взаимная общительность, какъ бы переливъ изъ сосуда въ сосудъ, чтобъ составилось одно питье, называемое счастіемъ. Отсюда—будь *готовъ* сдѣлать для другаго все, что можешь. Кто готовъ самъ, для того и другіе *готовы*, и Богъ способникъ ему. Замѣтивъ, гдѣ нужна помощь, не жди просьбы, самъ *услужи*, сколько можешь и чѣмъ можешь. Человѣкъ услужливый—правая рука для всякаго въ своемъ кругу. Просятъ *взаймы*, *дай*, что можешь, не раззоряя себя, ничесоже чающе, а, если имѣешь довольно вѣры и крѣпости духа, не различая ни того, кто проситъ, ни того, что онъ проситъ... Ты Божій распорядитель. Всѣ такія дѣла составляютъ поприще для упражненія добродѣтели *безкорыстія и податливости*.

Если и такъ должно всячески содѣйствовать брату, то тѣмъ болѣе, когда онъ желаетъ вступить съ нами въ нѣкоторыя условія, по которымъ, желая получить отъ насъ извѣстныя вещи, и самъ хочетъ дѣлать соотвѣтственное тому для насъ. Отсюда имѣютъ начало разнаго рода *сдѣлки*. Основою ихъ служитъ *обѣщаніе*. Сіе обѣщаніе должно быть *искренне*; знай, что обѣщаешь, и, чего не можешь исполнить, не обѣщай, потому что обѣщанію надо быть *вѣрнымъ*: давши слово, держись. Здѣсь стяжевается *довѣріе* и раскрывается добродѣтель *честности*.

Степени счастія у насъ опредѣляются словами: богатъ и знатенъ, доволенъ, бѣденъ, нищъ. Вообще братья наши, по всѣмъ предметамъ благосостоянія, или выше насъ, или ниже, или равны намъ. Сіи степени или постоянны, какъ бы неизмѣнны, однажды утверждены на всег-

да и составляютъ *опредѣленное состояніе брата*, или непостоянны, но, подобно приливамъ и отливамъ, то возвышаются, то понижаются, завися отъ *счастливыхъ* или *несчастливыхъ* случаевъ.

Въ *первомъ случаѣ*, относительно высшаго тебя, т. е., богатаго и знатнаго: *радуйся* о немъ и благодари Господа, что не лишаетъ такихъ людей; *почти его* приличною честію за то, что онъ есть видимый сосудъ милостей Божіихъ, но *не льсти*, когда онъ унижаетъ себя дѣлами, а—или молчи и уклоняйся, или говори при случаѣ правду, только безъ строптивости, какъ бы умоляя; когда призываетъ, не отказывайся потрудиться для него, потому что онъ долженъ имѣть обширнѣйшій кругъ дѣйствованія, къ чему нужны способы: и будь ты ему сила. Благо, происшедшее оттуда, причтется и тебѣ. Относительно *нисшаго*: *не презирай его*, но почитай почтеніемъ братскимъ, по заповѣди; будь всегда къ нему *благосклоненъ* и согрѣвай его сею благосклонностію, чтобъ онъ чувствовалъ, что находится, какъ подъ крыломъ какимъ, подъ твоимъ вниманіемъ; помогай ему всячески и способствуй возвысить его благосостояніе по всѣмъ частямъ. Здѣсь особенный классъ составляютъ неимущіе — *бѣдные*. Всякій, имѣющій достатокъ, долженъ быть для такихъ нога, рука, око, подобно Іову... ибо ко всякому изъ нихъ говорится: *тебѣ оставленъ есть нищій: сиру ты буди помощникъ* (Пс. 9, 35). И такъ, алчущаго напитай, жаждущаго напой, нагаго одѣнь, темничнаго посѣти, больному послужи, страннаго упокой, мертваго похорони, будь *милосердъ, подавай милостыню щедро*. Богу и Господу уподобляются наиболѣе милостынею, грѣхи очищающею. Господь до того нисходитъ къ милостынедавцамъ, что Самъ пріемлетъ данное ими, а это безконечно высоко...

Во *второмъ случаѣ*. Счастіе не стоитъ, но непрестан-

но то повышается, то понижается. Потому около себя видимъ то радующихся отъ счастія, то скорбящихъ отъ несчастія, какого бы то ни было. Въ семъ отношеніи, законъ—радоваться съ радующимися и скорбѣть со скорбящими. Такое сочувствіе естественно сердцу человѣческому, но прившедшія чрезъ паденіе страсти искажаютъ его, отъ чего вмѣсто радости о счастіи другаго бываетъ скорбь о немъ, или *зависть*; вмѣсто печали о несчастіи бываетъ радость о томъ, или *злорадство*. Эти бѣсовскія расположенія являются въ разныхъ оттѣнкахъ, коихъ и описать нельзя. Чувства сорадованія и соболѣзнованія и выражать должно, т. е., надобно изъявить одному радость, а другому соболѣзнованіе,—съ утѣшеніемъ и готовностію содѣйствовать.

Не думай никто, что все это внѣшняя работа! Нѣтъ, не внѣшняя только, но и внутренняя вмѣстѣ. Она исходитъ или должна исходить изъ искренне-любящаго сердца, т. е., изъ добраго внутренняго расположенія, и, обращаясь къ внѣшней сторонѣ другаго, грѣетъ его внутреннее. Вѣяніе братской любви оживительно, какъ весенняя теплота.

γγ) *Поприще обнаруженія сихъ расположеній и дѣйствій—взаимнообращеніе.*

Таковы обязательныя для христіанина къ братіямъ своимъ расположенія и дѣла. Всѣ они, для своего осуществленія, требуютъ непосредственнаго *сношенія* съ другими, безъ коего, какъ въ сѣмени, остаются неразвитыми, неявленными. Потому *взаимнообращеніе* есть обязанность, хотя дополнительная, однакожъ по обширности приложенія всеобъемлющая. Оно тоже въ обязанностяхъ къ ближнимъ, что молитва въ отношеніи къ обязанностямъ къ Богу. И такъ.

1) Всякій христіанинъ обязанъ ко *взаимнообращенію*. Охотно входи въ сношенія съ другими, равно и самъ себя держи такъ, чтобъ всякій безъ робости, съ открытымъ сердцемъ, могъ приступить къ тебѣ. Противно сему поступаетъ *чуждающійся* всѣхъ. Отчужденность есть уродливость сердца. Но она не то, что благословенное затворничество, или отшельничество. Отшельникъ, отдѣлившись отъ другихъ тѣломъ, пребываетъ съ ними духомъ, а этотъ отчужденникъ отъ всѣхъ отдѣленъ духомъ, хотя живетъ среди ихъ. Отчужденный холодѣетъ, бѣднѣетъ, замираетъ духомъ. Напротивъ, общающійся со всѣми раскрывается, богатѣетъ, полнѣетъ, образуется, такъ что только одно безпрестанное обращеніе съ Богомъ и Ангелами выше сего. Оно же есть и училище самопознанія. Самъ по себѣ отдѣльно человѣкъ легко становится самомнительнымъ, а когда посмотритъ на другихъ, научается смиренію...

2) Обязанность взаимнообращенія проста, но всеобъемлюща... Она даетъ способъ осуществить всѣ другія обязанности къ ближнимъ, а потому раскрываетъ множество добродѣтелей, кои, хотя суть не что иное, какъ приложеніе общихъ, изъясненныхъ уже расположеній нашихъ къ братьямъ, однакожъ получаютъ здѣсь и особыя названія, и особыя свойства... Такъ, здѣсь—

а) Должно имѣть *искреннее радушіе*, т. е., отъ сердца принимать всякаго, чувствовать себя довольнымъ, истинно осчастливленнымъ посѣщеніемъ другаго, или встрѣчею съ нимъ, радоваться тому отъ души. Не хорошо дѣлаетъ, кто при семъ *скучаетъ* или *досадуетъ*.

б) *Любезность*, т. е., надо сдѣлать, чтобъ другому съ нами было хорошо, чтобы онъ находилъ у насъ пріятность, оживалъ, хорошо настроивался и никогда не отходилъ невеселымъ. Для сего нужны *сговорчивость*, *привѣтливость*, *ласка* и *простота при приличіи*. Противный

сему человѣкъ есть *тяжелый*... И самъ тяготится, и другихъ тяготитъ.

в) *Скромность*. Надо скрывать свои преимущества и, напротивъ, возвышать надъ собою другаго. Противное сему—педанство, спѣсь, чванство.

г) *Кроткое миролюбіе*. Ни самъ не оскорбляйся, ни другаго не оскорбляй, а умѣй содержать сердце свое всегда въ союзѣ съ другими. Миролюбіе и само мирится съ другими, и другихъ *миритъ*, какъ *миротвореніе*, или даже не замѣчаетъ оскорбленій, какъ *кротость*. Противны сему *оскорбительность*, *вспыльчивость*, *гнѣвливость*, *взыскательность*, *непримиримость*.

д) *Уступчивая тихость*. Встрѣчаются умъ съ умомъ, воля съ волею. Когда всякій хочетъ поставить на своемъ, раждается споръ и разногласіе. Тихонравный не то, чтобъ не любилъ истины, но, открывши ее, скромно уклоняется отъ упорной настойчивости тамъ, гдѣ не совсѣмъ любятъ истину, ради ненарушенія мира, въ ожиданіи благопріятнѣйшаго ко вразумленію случая. Противны сему вздорность, неуступчивость, спорливость, бранчивость.

е) *Истино-любіе*. Откровенно и истинно выставляй вещи такъ, какъ онѣ есть и какъ убѣжденъ. *Лукавая ложь*, *обманъ*, *хитросплетеніе* суть дѣла чисто бѣсовскія.

ж) *Благоразумное слово*. Цѣль взаимнообращенія не одно удовольствіе, а, главнымъ образомъ, взаимное созиданіе во благо. Надобно потому недопускать, чтобъ слово гнило исходило изъ устъ нашихъ, надобно умѣть говорить и умѣть молчать. Противно сему праздное пустословіе, одни только *шутки да остроты*.

з) *Храненіе таинъ*. При взаимныхъ встрѣчахъ безпрерывная происходитъ мѣна мыслей и свѣдѣній. Для сохраненія мира, что узнано отъ одного, не переводи къ другому безъ нужды, особенно, когда это можетъ быть

вреднымъ. Такъ себя держи, будто не слыхалъ ничего. Кому же сказано, что ввѣряется ему тайна съ условіемъ молчать, тотъ, передавая ее кому либо, не только неблагоразуменъ, но есть и безсовѣстный предатель.

3) Вотъ добрыя качества, нужныя при взаимнообращеніи! Способъ взаимнообращенія главный есть *взаимное посѣщеніе*. Его должно учредить и поддерживать по любви, по нуждѣ, ради отраднаго отдохновенія. Съ кѣмъ и когда вести сіе, укажутъ обстоятельства; только при семъ всячески должно соблюсть всѣ добродѣтели взаимнообращенія: иначе оно-зло... Особенный видъ взаимнообщенія, открытый и широкій, составляютъ собранія и вечери. Онѣ полезны; ибо приводятъ въ движеніе замедляющееся отъ неупотребленія развитіе любви и потому возвышаютъ и скрѣпляютъ внутренній союзъ всѣхъ. Тутъ происходитъ тоже, что въ Вольтовомъ столбѣ. Только само собою разумѣется, что учреждать ихъ надо не въ угодность плоти и врагу, а въ пользу духа и спасенія. Образцы ему—древнія вечери любви. Выше этихъ житейскихъ пировъ *пиры Христовы*, или обѣды для бѣдныхъ. Самъ Господь предписалъ для нихъ правила (Лук. 14, 12 — 14). Они становятся нынѣ малоупотребительными за изсякновеніемъ любви, хотя еще держатся по мѣстамъ. Больше всего они являются нынѣ въ видѣ *страннопріимства*, которое есть великая добродѣтель, богатая обѣтованіями, ибо и стаканъ воды, поданный въ нуждѣ, небезплоденъ, тѣмъ больше полное упокоеніе.

4) Взаимнообращеніе имѣетъ цѣлію осуществленіе и вмѣстѣ образованіе любви истинно-христіанской. Въ истинномъ своемъ видѣ, оно и производитъ сіе, въ ложномъ же, вмѣсто объединенія, разъединяетъ, вмѣсто любви, поселяетъ вражду. Это тамъ, гдѣ вмѣсто добродѣтелей дѣйствуютъ страсти. Такимъ образомъ изъ взаимнообращенія мы получаемъ *благодѣтелей, друзей и враговъ*.

Къ *друзьямъ и благодѣтелямъ* мы бываемъ сердечно *привязаны*. Сему ненужно учить и обязывать. Надобно только предостеречь, чтобъ эта привязанность не дѣлалась *исключительною*, не исключала другихъ и не отчуждала отъ нихъ.

Мы должны *быть признательными* къ нимъ. Благодарность—любезное и привлекательное свойство... Кто къ людямъ благодаренъ, тотъ благодаритъ и Бога. Благодарность—знакъ духа смиреннаго и Богу преданнаго... Она тоже есть самородное почти чувство. Должно только не останавливать его на однихъ людяхъ, а чрезъ нихъ всегда возводить къ Богу, ибо отъ Него все. Кромѣ особенныхъ благодѣяній, живя съ другими, мы непрестанно получаемъ *одолженія*. За всякое одолженіе должно быть *признательнымъ*.

Друга и благодѣтеля, какого имѣешь, *храни* и береги, какъ зеницу ока, и своими оплошностями не доведи себя до потери его, ибо старый лучше новыхъ. Разрывъ здѣсь, сколько скорбенъ, столько и опасенъ и для жизни, и для нравственности; ибо такіе, по разрывѣ, рѣдко сходятся. Конечно, если перемѣна не съ нашей стороны, что дѣлать!

Должно порываться *воздать благодѣтелю*, чѣмъ можно: услужливостію, исполненіемъ желанія, предложеніемъ трудовъ, и проч...

Какъ друзья — лица дорогія, то должно быть очень *осторожнымъ* въ избраніи ихъ.

Что дѣлать намъ *съ врагами?* Христіанинъ не долженъ быть врагомъ самъ никому и, сколько есть силъ, *со всѣми быть въ мирѣ* (Рим. 12, 18; Евр. 12, 14). Если какимъ нибудь образомъ на́житъ враждующій, *не лишай его любви*, а всячески старайся помириться съ нимъ со всѣми уступками; тѣмъ больше будь готовъ на миръ, когда онъ предлагается. Пусть онъ и не мирится, ты

будь ему братъ и дѣлай все, что дѣлаешь любимому, и даже болѣе: благотвори ему особенно, помня, что любовь ко врагамъ есть самая вѣрная проба любви христіанской. Мстить же ни подъ какимъ видомъ не должно. Это дѣло сатанинское.

Этимъ *оканчивается* обзоръ того, какъ должно держать себя христіанину, какъ члену тѣла Христова, въ союзѣ со всѣми составляющими сіе тѣло, на небѣ ли они, или на землѣ. Помнить только постоянно должно, что забота о семъ союзѣ должна быть не ради его, а ради главной цѣли христіанской дѣятельности—*Богообщенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ;* потому что и сама Святая Церковь, и какъ домъ спасенія, и какъ общество спасаемыхъ, существуетъ ради *сего единаго* и потолику истинною является, поколику осуществляетъ *сіе единое*. Какъ въ живомъ тѣлѣ всѣ члены, состоя въ живомъ союзѣ между собою, пребываютъ соединенными и съ головою—и даже потому живутъ союзно, что соединены съ головою; такъ въ тѣлѣ Христовомъ всѣ христіане прочно соединены между собою бываютъ только тогда, когда пріискреннѣ соединены съ Господомъ. О семъ молился и Господь: *да вси едино будутъ: яко же Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Христіанская любовь есть прямая дщерь христіанскаго благочестія и другаго происхожденія не имѣетъ. Напрасно льстятъ себя надеждою спасенія основывающіе его на одной любви благотворительности. Не дѣла одни спасаютъ, а духъ, приводящій въ движеніе всѣ дѣла... Духъ же христіанскій приходитъ отъ Бога чрезъ Господа Іисуса Христа во Святой Церкви. Все, что теперь видится въ христіанствѣ, такъ сцѣплено между собою, какъ звенья одной цѣпи.

в).

Какъ долженъ христіанинъ самого себя держать и образовывать, чтобъ быть въ живомъ союзѣ съ Церковію, а чрезъ нее съ Богомъ.

Изъ понятія о союзѣ христіанъ между собою живомъ, подобномъ тому, какой есть между членами тѣла, можно приходить къ мысли, что тому, кто вступилъ въ сей союзъ, не о чемъ болѣе уже заботиться. Ибо, какъ въ тѣлѣ каждый членъ, дѣйствуя для другихъ, самъ созидается силою всего тѣла (образовательною), такъ и христіанинъ, дѣйствуя всецѣло для тѣла Церкви, самъ можетъ держаться и образовываться цѣлымъ тѣломъ. Но съ другой стороны, какъ сей союзъ свободенъ, т. е., основанъ на свободѣ и свободою поддерживается, то и послѣ того уже, какъ христіанинъ вступилъ въ составъ тѣла Церкви, онъ держится тамъ не противъ воли, какъ бы по какой необходимости, а не иначе, какъ самъ держа себя. Отсюда естественно спросить: какъ же христіанинъ долженъ *держать себя* въ составѣ тѣла Церкви, чтобъ не отпасть отъ союза съ нею? Надобно также взять во вниманіе, что всякій христіанинъ образуетъ самъ себя, хотя съ существенно необходимою помощію Божественной благодати, получаемой во Святой Церкви. Спрашивается: какъ же долженъ образовывать себя христіанинъ, чтобъ имѣть право и быть въ состояніи стоять въ живомъ союзѣ съ такими и такими членами? Отвѣты на сіи вопросы и опредѣлятъ образъ того, какъ христіанинъ долженъ *обходиться съ самимъ собою*. Опредѣлить сей образъ тѣмъ болѣе необходимо, что такъ близка къ намъ и такъ сильна у каждаго изъ насъ главная немощь, самость, которая все силится втянуть въ себя, или же обратить въ орудія для своихъ видовъ.

Чѣмъ труднѣе удержать въ должныхъ предѣлахъ истинную любовь къ себѣ, тѣмъ необходимѣе руководство для нея, или указаніе ей нужныхъ правилъ. Главный тонъ христіанской дѣятельности въ отношеніи къ себѣ есть *самоотверженіе*, но, если для того, чтобъ быть съ плодомъ, оно должно быть съ умомъ, а не безъ разбора, то слѣдуетъ указать, *въ какихъ частяхъ* и *какъ* самость влечетъ къ себѣ, и какъ тогда христіанинъ долженъ отвергаться себя, чтобъ устоять въ истинѣ! Вотъ смыслъ обязательнаго для христіанина образа дѣйствія въ отношеніи къ самому себѣ! Имъ опредѣляется, какъ среди подвиговъ самоотверженія долженъ онъ *держать себя и образовывать*, чтобъ быть истиннымъ членомъ Церкви, не по имени, а по духу, и состоять всегда въ истинномъ, живомъ съ нею союзѣ, а чрезъ нее съ Богомъ.

Видно отсюда, что двѣ есть точки, къ коимъ долженъ обращаться взоръ христіанина: это духъ вѣры и Церкви и самъ онъ, во всемъ своемъ составѣ и состояніи. *Оттуда* онъ заимствуетъ духъ дѣйствованія на себя и какъ бы идеалъ; *здѣсь* видитъ, что именно долженъ онъ дѣлать съ собою и изъ себя, основываясь на тѣхъ началахъ. Слѣдовательно, опредѣленію въ семъ отношеніи подлежитъ, *какъ* долженъ понимать и чувствовать себя христіанинъ, *по условіямъ союза* своего съ Церковью подъ главою Христомъ, и *что долженъ онъ дѣлать* съ тою или другою частію своего существа, или съ своимъ состояніемъ, въ слѣдствіе сего союза.

аа).

Чувства и расположенія христіанина по условіямъ вступленія въ союзъ съ Церковію,—при помышленіи:—

Все относящееся къ первому пункту обращается около мысли о вступленіи христіанина въ союзъ съ Церковію.

какъ обществомъ вѣрующихъ и спасающихся. Разные вопросы, естественно при семъ представляющіеся, наводятъ на соотвѣтственныя чувства и расположенія, съ какими христіанину свойственно быть обращену къ самому себѣ. Именно,—вступилъ ужъ въ Церковь: откуда же? какъ? для чего?

а) *Откуда вступилъ?* Изъ бездны пагубы. Находился въ рукахъ сатаны, былъ проданъ подъ грѣхъ, подлежалъ оброку смерти и ада. Теперь все это миновалось. *Помни же, откуда ты изшелъ*, чаще обращайся мыслію въ ту тьму бездны, чтобъ не воротиться туда опять дѣломъ; *изливайся въ благодареніи Избавителю Богу*, взывая къ Нему: Слава Тебѣ Богу, Спасителю моему! чтобъ не сократилась рука спасающая, и ты опять не ниспалъ туда же; сходя мыслію въ то состояніе и сознавая какъ великое навлекъ на себя зло человѣкъ и сколь великую цѣну извлекъ онъ у Бога за избавленіе, плачь и сѣтуй, что такъ случилось, т. е., *плачь о паденіи*. Такъ сокрушительная память о безднѣ паденія, съ плачемъ о немъ и умиленнымъ благодареніемъ Богу Избавителю, суть обязательныя для христіанина расположенія, когда онъ обратится назадъ, къ тому, чѣмъ былъ. Они обязательны потому, что предметъ ихъ былъ,—касается живой исторіи человѣка, и слѣды его остаются до сихъ поръ и въ насъ, и внѣ насъ. Христіанинъ не прямо является предъ Бога, но являетъ себя какъ изъ мертвыхъ живымъ,—какъ узникъ предъ Царя. Такимъ же и пусть себя всегда сознаетъ и чувствуетъ. Польза изъ сего велика: тутъ наука смиренію и возбужденію бодреннаго вниманія. Церковь руководитъ къ сему, назначивъ особый день для воспоминанія и плача о паденіи, и даетъ слово для сего. Многія св. отцы надолго предавались сему плачу и оставили намъ сей плачъ въ пѣсняхъ. Характеръ сего плача есть скорбь, тоска и

досада, что такъ есть и—по нашей винѣ. Онъ есть плодъ любви къ Богу и къ себѣ, или къ своей природѣ; жаль, какъ себя обѣдствовалъ человѣкъ и къ чему понудилъ Бога.

β) *Какъ вступилъ?* Чрезъ завѣтъ въ крещеніи. Богъ избавляетъ человѣка отъ всѣхъ золъ, ради обѣта его всегда работать Ему единому во Христѣ Іисусѣ, съ попираніемъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. И такъ

1) *Помни обѣты*, данные тобою въ крещеніи; не человѣкамъ далъ, но Богу, пріявшему ихъ отъ тебя и ради ихъ ущедрившему уже и обѣщающему еще болѣе ущедрить.

2) *Храни вѣрность имъ*: въ часъ нарушенія вѣрности, все данное отнимается и обѣщанное изглаждается.

3) *Благоговѣйно чти преимущества*, данныя тебѣ здѣсь, не уничижай имени и силы христіанства отступленіемъ отъ условій.

4) *Пребывай въ семъ чинѣ до смерти*. Всѣ правды не помянутся въ часъ отпаденія. Конецъ вѣнчаетъ. Только постоянно вѣрный и неизмѣнный до смерти вѣнчается. Буди вѣренъ до смерти и дастся тебѣ вѣнецъ живота.

5) *Воинствуй* подъ знаменемъ Христа. Сознавая себя воиномъ, будь какъ на стражѣ, готовый поражать враговъ. Бди, бодрствуй, будь въ напряженіи.

И такъ, помня обѣты крещенія и дорого цѣня принятыя въ немъ преимущества, будь имъ вѣренъ до смерти, воинствуя подъ знаменемъ Христовымъ. Нарушеніе обѣта и у людей безчестно: тѣмъ больше предъ Богомъ... Но здѣсь бываетъ крайняя бѣда. Ибо нарушившій повергается въ туже бѣду, изъ которой, можетъ быть, и не найдетъ избавителя.

γ) *Для чего вступилъ?* Ради спасенія, его только ища и несомнѣнно надѣясь получить здѣсь. Таковъ смыслъ проповѣди Христова Евангелія!.. Ты погибающій. Иди

сюда! Вотъ домъ спасенія! Вѣрующій исповѣдуетъ сіе и говоритъ: я, погибающій, приступаю ради спасенія, не надѣясь его получить нигдѣ, какъ здѣсь. Общество вѣрующихъ есть домъ спасающихся, но еще не спасенныхъ. Сила спасенія имѣетъ открыться въ будущемъ вѣкѣ. Теперь же оно только стяжевается и сила его дѣйствуетъ сокровенно, невидимо. Значитъ, вступаютъ не за тѣмъ, чтобъ пожинать только плоды, но еще, чтобъ съ надеждою сѣять. На фронтонѣ Церкви надпись: *ищи, стремись, домогайся.* Обязательство къ этому принимаетъ христіанинъ въ самомъ вступленіи въ Церковь, или затѣмъ и вступаетъ въ нее... Спрашивается: почему такъ? Вотъ отвѣтъ: силы приняты, надобно теперь провесть ихъ по всему нашему существу, какъ проводится по всему тѣлу чрезъ кровь кислородъ, въ воздухѣ вдохнутый въ легкія. Еще: зло глубоко; надобно отторгнуть его, высвободить изъ него естественныя силы и растворить съ ними принятыя благодатныя силы. *Какъ это дѣлать?—Развивая естественныя и благодатныя силы*, освящая послѣдними первыя и проводя ихъ сквозь нихъ, или давая имъ ихъ проникнуть. Стремленіе, свойственное христіанамъ, есть внутренняя переработка ихъ самихъ. *Чего искать?* Почести вышняго званія, преображенія отъ славы въ славу, отъ силы въ силу, достиженія мѣры возраста исполненія Христова, иначе, *искать высшихъ степеней* совершенства въ Христѣ Іисусѣ, это себѣ поставить цѣлію. Такъ какъ образецъ совершенства для христіанъ есть Іисусъ Христосъ, и мѣра сего совершенства есть совершеннѣйшее Ему уподобленіе; то обязанность стремиться къ совершенству есть тоже, что обязанность *подражать Господу* Іисусу Христу, вообразить Его въ себѣ, отпечатлѣть Его совершенства на себѣ. Такъ какъ, далѣе, образецъ совершенства безпредѣленъ, мы же предѣльны, не смотря на

обязанность подражать Ему, то мы никогда не можемъ и не должны говорить, что уже достигли до того, чего ищемъ, а должны, *задняя забывая, въ предняя же простираяся ,все со усердіемъ тещи и тещи* (Фил. 3, 13). Крайне опасно почувствовать, что уже достигли. Слѣдствіемъ сего неминуемымъ бываетъ застой силъ и жизни. И такъ, ищущій спасенія, раскрывая благодатныя и естественныя силы, стремись къ совершенству, отображенію въ себѣ Христа Господа, никогда не говоря: довольно, а всегда простираясь къ высшему, или всегда только начиная.

Вотъ коренныя чувства и расположенія, съ какими свойственно христіанину обращаться къ себѣ самому. Никто не дивись, что на первомъ мѣстѣ здѣсь не поставлено *уваженіе къ своей природѣ*. Сія достойная уваженія природа искажена нашимъ паденіемъ. Поэтому сѣтовать о семъ должно и воздыхать, вмѣстѣ со всею воздыхающею о томъ тварію. Понятно всякому и то, почему, вмѣсто *вѣрности началамъ гуманности*, ставится обязательною вѣрность обѣтамъ крещенія, и, вмѣсто *прогресса*, стремящагося въ неопредѣленную даль, стремленіе къ почести вышняго званія о Христѣ Іисусѣ. То языкъ моралиста язычника, невѣдомый въ Церкви Христовой. Живя въ мірѣ, слѣдуетъ различать языки и не всякое звонкое слово принимать за истину. Много лжи и лести ходитъ по міру. Внимай всякъ Слову Божію. Оно одно есть вѣрный свѣтильникъ въ темнотѣ житія сего.

бб).

Какъ въ слѣдствіе того долженъ онъ держать себя?

а) Главный законъ: цареніе надъ собою съ самопожреніемъ Богу.

Главное вниманіе при семъ должно обратить на то, что сдѣлалось съ христіаниномъ, когда онъ сталъ хри-

стіанинъ? Называется онъ новою тварію, снова рожденнымъ; что произвело въ немъ сіе новое рожденіе? Для опредѣленія сего должно обратиться къ первоначальному значенію человѣка и послѣдующему состоянію его. Въ самомъ началѣ Богъ, даруя человѣку свободу, отдалъ его самому же себѣ, да творитъ что изберетъ душа его; но между тѣмъ въ свойствѣ свободы и въ существѣ духа человѣческаго заключилъ тайный указъ предать себя свободно Богу, чтобъ пользоваться истинною свободою. Это не исполнено, ибо не понято или перетолковано. Человѣкъ не покорился Богу и впалъ въ рабство грѣху и діаволу и служитъ имъ, какъ невольникъ. Въ семъ состояніи онъ неспособенъ производить дѣла, достойныя человѣка и Бога. Надобно возстановить его свободу, воцарить его надъ собою и дать ему силу покорять подъ ноги свои тирана своего—діавола. Это и производится дѣйствіемъ новаго, даруемаго христіанину свыше, рожденія. Человѣкъ тутъ воцаряется надъ собою и пріемлетъ смѣлость и силу попирать діавола. Но опять, чтобъ не повторился тотъ же случай горькій, сей царь, царствуя надъ собою, себя долженъ покорить единому Богу, долженъ исполнить первоначальное условіе преданія свободы Богу, или свободно себя всего приносить въ жертву Богу. Апостолъ заповѣдуетъ тѣмъ, кои приступили къ Господу, какъ камени живому, и *самимъ созидаться въ храмъ духовенъ, святительство свято, приносити жертвы благопріятны Богови Іисусъ Христомъ* (1 Петр. 2, 5). И такъ вотъ первый законъ христіанину! Будучи воцаренъ надъ собою и облагодатствованъ, *владычествуй надъ всѣмъ, что у тебя, но себя всего приноси въ жертву Богу въ Іисусѣ Христѣ*. Сія жертва не смерть, а истинная жизнь. Какъ выносящій цвѣтъ на солнце согрѣваетъ и оживляетъ его, такъ, къ Богу возносящій себя и все свое, христіанинъ Богу пріобщается, Имъ

исполняется и оживляется. Такъ въ семъ саможреніи истинная жизнь и истинное совершенство христіанина во всѣхъ частяхъ, или во всемъ, что онъ жретъ Богу. Возобладай надъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ и, какъ свое, предай Богу.

Сіе самообладаніе и саможертвованіе христіанина простирается *на всего его и на все его*. Какъ ничто, ни въ немъ, ни внѣ его, не должно быть такое, чтобы миновало его власть, было внѣ ея и тѣмъ меньше противъ нея, такъ равно и въ области свободы не должно быть ничего непожреннаго и непреданнаго Богу, такого, что окончательно было бы присвоено себѣ и за собою утверждено. Христіанинъ—непрестанный жертвователь и полная жертва Богу.

β) *Стороны самопожренія.*

Такъ какъ въ каждомъ видимо различаются двѣ стороны: *лице* его собственное и его *состояніе*, то сихъ двухъ сторонъ должны касаться и обязательныя для христіанина жертвы.

Лице человѣка состоитъ изъ тѣла и души. Отсюда и жертвы душевныя и тѣлесныя. *Прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. 6, 20). Возобладай надъ душею и вознеси ее Богу; возобладай надъ тѣломъ и пожри его Тому же Богу (Рим. 12, 1).

αα) *Жертвы душевныя.*

Что касается до души, то вотъ законъ: погуби душу свою, и спасешь ее, не погубишь,— погубишь; такъ заповѣдалъ Спаситель. Это погубленіе уже совершается

въ дѣлѣ новаго рожденія; ибо гдѣ цѣлое, тамъ и часть. Однакожъ и всякій разъ, какъ склоняется христіанинъ къ душѣ, долженъ онъ имѣть во вниманіи, что ее надо губить и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Это есть истолкованіе самоотверженія. Повергни себя подъ ноги и попирай безъ жалости. Кто не имѣетъ и не хранитъ сего расположенія, тотъ никакъ не совладѣетъ собою. Онъ можетъ измучиться въ трудахъ, но плода не увидитъ. Не погубившій души все добро свое губитъ и весь трудъ свой дѣлаетъ тщетнымъ. Это главное. Теперь по частямъ.

Надлежитъ все въ себѣ заклать и вознесть къ Богу въ жертву для освященія, или воспріятія истинной жизни. И такъ

а) *Пожри Богу умъ*, чтобъ умудриться. Буй да бываетъ, кто хочетъ быть премудрымъ, говоритъ Апостолъ (1 Кор. 3, 18). Богу преданный умъ преисполняется отъ Него истинною мудростію. И такъ отними у своего ума своеуміе, возобладай имъ и предай его Богу. Отсюда для христіанина обязательно *не имѣть своего ума*, или, какъ говорятъ св. подвижники, не составлять своего разума. Эта обязанность исполняется, когда христіанинъ, признавая что истиннымъ, признаетъ не потому, что находитъ такимъ по своему соображенію, но потому, что такъ написано и предано Богомъ; когда, принимая заповѣдь и догматъ, не допытывается, *почему*, не спрашиваетъ въ недоумѣніи, не такъ ли? и не предлагаетъ суемудренно: не лучше ли такъ? а дѣтски вѣритъ преподаемому и упокоивается въ немъ.

Когда, такимъ образомъ, умъ покоренъ и сдѣланъ безпрекословнымъ пріемникомъ, слѣдуетъ его наполнять преданными намъ святыми истинами. Это — обязанность *имѣть умъ Христовъ*, или стяжевать истинную мудрость, отъ Бога нисходящую и все обнимающую. Что есть все

сущее, откуда оно, какова участь всего,—что человѣкъ, чѣмъ былъ, что сталъ, что ожидаетъ его, какой путь къ вѣчному блаженству,—вообще весь составъ вѣры долженъ вмѣститься въ умѣ, сорастворитъся съ нимъ и содержаться имъ сознательно. Видно, что христіанинъ по назначенію своему есть истинный философъ, свыше научаемый.

Такъ какъ, далѣе, мудрость христіанская не праздна, а дѣятельна,—дѣятельность же требуетъ умѣнья дѣйствовать, то съ нею всегда стоитъ въ связи *премудрость*, вѣдѣніе, какъ строить дѣла свои и какъ соображать средства съ цѣлями, иначе христіанское *благоразуміе*, къ которому обязываетъ Спаситель, когда говоритъ: *будьте мудри, яко змія* (Мат. 10, 16), и Апостолъ: *въ премудрости ходите ко внѣшнимъ* (Кол. 4, 5). У св. отцевъ она называется или благоразсмотрѣніемъ, или, просто, разсужденіемъ, и на его руки отдается вообще правленіе всѣми дѣлами человѣка, и внутренними, и внѣшними. Это и даръ *совѣта*, и пріобрѣтеніе чрезъ вниманіе и трудъ. Впрочемъ, и не имѣя высокой силы благоразумія въ себѣ, можно быть благоразумнымъ, если, не вѣря себѣ, будешь всегда искать совѣтовъ у людей извѣстныхъ своею мудростію и опытностію. Когда предписывается *благоразуміе*, то не заповѣдуется непремѣнно быть мужемъ совѣтнымъ, но то, чтобъ дѣла наши были съ совѣтомъ, хотя бы то не собственнымъ нашимъ.

Спрашивается, какъ долженъ держать себя христіанинъ въ отношеніи къ внѣшней мудрости, или къ научному образованію? Изъ *предметовъ* сей мудрости *избирай нужнѣйшее* по твоему состоянію, то особенно, къ *чему чувствуешь себя привязаннымъ*, равно какъ и то, въ чемъ преимущественно *належитъ нужда* братіямъ твоимъ, христіанамъ. А въ образѣ *изслѣдованія*, старайся начала каждой изучаемой тобою науки освятить свѣтомъ не-

бесной мудрости, или даже внесть ихъ туда изъ сей области; другихъ же началъ, непріязненныхъ ей, не только не должно принимать, но надо гнать ихъ и преслѣдовать. Вообще нисколько непротивно расширять кругъ своихъ познаній о вещахъ по наблюденіямъ и соображеніямъ ума... Должно только, чтобъ это дѣлалось, когда уже обладается мудрость истинная. Ибо сія, какъ вѣчная, небесная и Божественная, должна быть начальственною, а та, какъ гожая только на время, должна быть подчиненною. По сей же причинѣ никогда, ни словомъ, ни мыслію не должно придавать послѣдней нѣкотораго безусловнаго значенія, не ставить ее въ верху, а представлять пресмыкающеюся долу, какъ и есть, и не позволять гордиться ни ей, ни самому ради ея.

Еще одно замѣчаніе о мѣрѣ способностей. Мѣра способностей—отъ Бога. Потому прими ее съ благодарностію и довольствомъ, но никакъ не терзайся, если она не слишкомъ высока. Нужное и существенное всякій способенъ знать. Особенныя научныя познанія не для всѣхъ. На то раждаются особые люди, которымъ они поручаются Богомъ и съ которыхъ взыщется ихъ благосостояніе и доброта. Впрочемъ нерѣдко Самъ Богъ уступаетъ вѣрѣ и исканію любящихъ Его и разверзаетъ благословеніемъ то, что закрылъ въ рожденіи. Отсюда—*трудись*, ибо и трудомъ возвышаются силы, а главное, ищи и *молись*. Кто вѣровалъ и постыдился? Но при томъ все же предавайся Богу, ибо Онъ лучше знаетъ, что для насъ спасительно. Если же окажется, что слабость познанія и силъ зависитъ отъ насъ, отъ нашего *нерадѣнія и разврата*, то надобно *сокрушиться* о томъ, а по сокрушеніи, позаботиться всевозможно возстановить разстроенное.

б) *Пожри Богу волю*, чтобъ освятиться и имѣть силу. Когда отказывается человѣкъ отъ своей воли, то приходитъ Господь и приноситъ ей святость и силу, т. е.,

святыя правила и начала дѣятельности и силу ходить въ нихъ и хранить ихъ. И такъ христіанину свойственно *не имѣть своей воли.* Что ни дѣлаешь, дѣлай не потому, что хочется, а потому, что должно, что на то есть и того требуетъ воля Божія, какимъ бы образомъ сія воля ни приходила. Въ Словѣ Божіемъ нѣтъ ни малой снисходительности къ ходящимъ въ своихъ воляхъ, и св. отцы заповѣдаютъ не только не дѣлать по своему хотѣнію, но, напротивъ, всегда поступать наперекоръ ему.

Посему онъ долженъ *напитать свою волю правилами* и началами Божіей воли, долженъ не только знать, что есть воля Божія, но напечатлѣть ее на волѣ своей, чтобъ воля Божія была силою, возбуждающею и двигающею волю человѣческую. Это извнутри. Со внѣ же опять надо, примѣнительно къ духу внутреннему, всесторонне оградить себя правилами, хотя условными по началу, но безусловными по значенію и избранію.

Въ дополненіе же къ сему надобно еще сдѣлать, чтобъ *воля* наша была *подвижна и скора* на исполненіе воли Божіей, постоянна въ семъ и степенна, сильна и непоколебима. Какъ это стяжевается трудомъ, то обязанность сія есть тоже, что обязанность къ *подвижничеству,* такъ слабо сознаваемая и то очень не многими.

в) Пожри Богу свое сердце, чтобъ облаженствоваться. Сердце не можетъ не быть обладаемо чѣмъ нибудь. Но оно страждетъ несытостію и тоскою, когда обладается тварями. Надобно исторгнуть его изъ сихъ узъ пристрастія и отдать Богу. Мѣра сего жертвованія есть мѣра блаженства. Обязанность сія прямо заповѣдуется въ словахъ: *сыне, даждь ми сердце* (Прит. 23, 36), и сокрытно — въ предписаніяхъ *радоваться безпрестанно* (Фил. 4, 10; 1 Сол. 5, 17), *миръ имѣть* (2 Кор. 13, 11; Евр. 12, 14). Отсюда, христіанину свойственно *не имѣть своего сердца* для себя, или не поблажать своимъ чув-

ствамъ и влеченіямъ, не тѣмъ услаждаться, что намъ нравится, а тѣмъ, что Богъ объявилъ благомъ, радостнымъ, блаженнымъ. Это тоже, что отрѣшать сердце отъ всего. Гдѣ не соблюдается сіе, тамъ качествуетъ своенравіе сердечныхъ чувствъ, тиранское, подобное своенравію ума и воли.

За тѣмъ надобно воспитать *сочувствіе* со всѣмъ святымъ и Божественнымъ, чрезъ дѣйствительное напечатлѣніе въ сердцѣ святыхъ чувствъ, религіозныхъ... Все сіе въ совокупности составитъ дѣвственную чистоту сердца, источающую непрерывный *покой* и сладостную *теплоту*, которыя хранить въ себѣ, то какъ даръ Божій, то какъ добрый плодъ трудовъ, есть великая, хотя не нетрудная, обязанность христіанина.

Этимъ же прямо опредѣляется и правило относительно чувствъ, отвнѣ навѣваемыхъ, даже невиннѣйшихъ, возбуждаемыхъ предметами эстетическими. Услажденіе послѣдними можетъ быть позволительно только въ такомъ случаѣ, если ихъ содержаніе взято изъ міра Божія, или если они бываютъ представителями того міра, и въ такой формѣ, въ какой можетъ быть то терпимо истиннымъ духомъ благочестія.

г) Тоже и *нисшія способности* всѣ должно сначала подчинить, или предать въ услуженіе высшимъ, а чрезъ нихъ *вознесть къ Богу въ жертву* и освятить въ Немъ. Сюда принадлежатъ воображеніе съ памятію и страсти съ пожеланіями. Когда человѣкъ палъ и потерялъ власть надъ собою, то въ немъ самомъ своеволіе болѣе всего отразилось въ нисшихъ силахъ, такъ что онъ, пока не выйдетъ изъ состоянія паденія, есть рабъ воображенія со страстьми и пожеланіями. Хотя, воцаряясь въ себѣ чрезъ самопожреніе Богу, онъ освобождается отъ ихъ тиранства, но, какъ еще дикія, они и послѣ того требуютъ обузданія потому, что часто возмущаются и воз-

стаютъ. Отсюда обязанности: *бдѣть* надъ собою, особенно надъ воображеніемъ и движеніями страстей; *побѣждать* и покорять нисшую часть свою, или *бороться* съ нею; *направлять* ее къ своимъ цѣлямъ, во благо внутренней жизни, т. е., иное въ ней совсѣмъ заглушать, а иному, если и позволять дѣйствовать, то заставлять дѣйствовать только по своему усмотрѣнію.

Сіе дѣло преобразованія нисшей части трудно и продолжительно, но неизбѣжно. Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ продолжать его до самоумерщвленія. *Умертвите*, говоритъ, *уды ваша, сущія на землѣ* (Кол. 3, 5). Здѣсь разумѣется тѣло и ближайшія къ тѣлу нисшія способности, кои всѣ обращены къ землѣ и земному. Уничтожить ихъ, конечно, нельзя, но можно и должно уничтожить въ нихъ своевольство, недобрые предметы, порочныя направленія. Когда въ нихъ бываетъ смятеніе, надо осадить его; когда уклоненіе отъ дѣйствительнаго къ пустому и мечтательному—привязать ихъ къ дѣйствительному. Пусть онѣ дѣйствуютъ по указанію высшихъ силъ. Нужно, напр., содѣйствіе уму? Дай образъ, вспомни. Такимъ образомъ, онѣ будутъ мертвы для мертвыхъ дѣлъ и всегда будутъ пробуждаться по манію духа. Надо, напр., гнѣваться на грѣхъ?—разгнѣвайся.

Такъ какъ суетливость сихъ силъ возбуждается больше всего суетою внѣшнею, то единственное средство противъ ней, а слѣдовательно и *важная обязанность, не развлекаться*, не быть разсѣянными, уединяться, пріучаться къ *степенности*. Разсѣянность есть и путь къ погашенію духа, и рѣшительный того признакъ. Кромѣ внѣшняго развлеченія, врачуемаго уединеніемъ и степенностію, другія исходища и вмѣстѣ раздражители внутренняго смятенія суть внѣшнія чувства и языкъ. Отсюда обязанности *хранить чувства и обуздывать языкъ*. Чувства могутъ вносить въ душу нечистоту, языкъ можетъ

истощать добро душевное и окрадывать. Должно впрочемъ помнить, что подъ языкомъ кроется *словоохотливость*, подъ чувствами *жажда впечатлѣній* и эффектовъ, подъ развлеченіями *разсѣянность*. Поэтому обузданіемъ одного внѣшняго не должно ограничиваться, а проходить до склонностей и ихъ искоренять.

ββ) *Жертвы тѣлесныя.*

Теперь о томъ, какъ христіанинъ долженъ обходиться съ своимъ тѣломъ. Тѣло—сосудъ души и духа; органъ сношенія со всѣмъ внѣшнимъ, орудіе къ выполненію земнаго назначенія и средство воспитанія себя для вѣчности; потому оно достойно всего вниманія, попеченія и блюденія. Но, имѣя такое значеніе, тѣло само собою не можетъ править, а все должно быть отдано во власть духа. Отсюда, главное свойство дѣйствованія на тѣло есть *владычественное имъ распоряженіе*, какъ самонужнѣйшимъ органомъ. Кто подчиняется тѣлу, тотъ и тѣло и душу губитъ. О тѣлѣ должно заботиться, но отрѣшенно, безстрастно, не *простирая попеченія о немъ до похотей* (Рим. 13, 49). Не имѣя самостоятельности въ нашемъ лицѣ и цѣли въ себѣ, оно и развиваться само собою не можетъ и не должно. Воспитаніе его и приспособленіе къ цѣли принадлежитъ человѣку самому. Отсюда

а) Должно *хранить жизнь тѣла*, цѣлость его и здоровье средствами законными дотолѣ, пока не потребуется что либо изъ сего въ жертву для послѣднихъ и высшихъ цѣлей христіанина. *Долговѣчность* хотя состоитъ въ рукахъ Божіихъ, однакожъ, по волѣ Божіей, не минуетъ и рукъ человѣка. Разузнать и выполнять придуманныя къ тому здравою медициною средства, по возможности, должно. Мы живемъ для собранія плодовъ на вѣчность; дорожить же должно жизнію, ибо она условіе. Не изживай жизни попусту. Въ срокъ жизни дѣлай каждую ми-

нуту и не трать *времени* напрасно. Дана намъ мѣра силъ для дѣланія. Сію мѣру силъ должно соблюсти и возрастить, распредѣливъ ее на весь срокъ жизни. Чрезмѣрная трата силъ и меньше принесетъ плодовъ, и плоды тѣ мало бываютъ прочны. Жизнь и силы истощаются нездоровьемъ. Совершенно здороваго нѣтъ никого; всякій какъ ни будь боленъ, только не чувствуетъ сего; по крайней мѣрѣ, всякій на всякую минуту готовъ болѣть до безсилія. Слѣдуетъ блюсти здоровье, предотвращать случаи къ болѣзни и, когда есть уже болѣзнь, врачевать ее благодатными и естественными средствами. При всемъ томъ предѣлъ жизни не въ нашемъ вѣдѣніи; потому, все употребляя съ своей стороны, должно рѣшительно предавать себя въ волю Божію и поминутно ожидать Его опредѣленія или воззванія изъ сего житія, а слѣдовательно поминутно готовиться къ тому.

б) Должно *воспитать свое тѣло* и сдѣлать его приспособленнымъ орудіемъ къ выполненію земнаго своего назначенія. Вообще, сдѣлать надо, чтобъ оно было живо, крѣпко, легко. Тѣло недѣятельное, слабое, тяжелое—что за орудіе? Потому, сколько есть въ рукахъ человѣческихъ средствъ, должно отвращать сіи недостатки и хранить въ немъ показанныя совершенства. Само собою разумѣется, что сіе не должно быть доставаемо на счетъ нравственности и чистоты сердца. На сей предметъ назначаются гимнастическія упражненія. Тотъ воспитатель—злой, который ради крѣпости и живости тѣла убиваетъ душу. Напротивъ, коль скоро кому отъ обладанія сими совершенствами тѣла можетъ придти вредъ душевный, или кто достать ихъ не можетъ безъ сего вреда, тому лучше не имѣть ихъ. Ибо что за средство, которое удаляетъ отъ цѣли? Въ *частности же*, приспособить должно свое тѣло къ своему званію и состоянію, или пріобрѣсть умѣнье дѣйствовать имъ въ своемъ ро-

дѣ. Гдѣ глазъ нуженъ, глазъ воспитай, гдѣ рука—руку, гдѣ нога—ногу, и проч.

в) Постояннымъ же предметомъ вниманія, при храненіи и образованіи тѣла, должно быть держаніе его, или правленіе имъ, по духу и требованію христіанскаго совершенства. Сюда принадлежитъ: а) *непрестанное его напряженіе,* или держаніе въ такомъ положеніи, въ какомъ держатъ себя стоящіе на стражѣ. Разслабленіе и разлѣненіе тѣла ослабляютъ нравственную силу человѣка и приближаютъ къ паденію. б) Непрестанное его *безпокоеніе.* Бѣгать надо успокоенія тѣлеснаго въ какомъ бы то ни было родѣ. Это касается пищи и питія, сна и отдыха, раздраженія накожнаго, температуры, и проч. Здѣсь не только сластолюбіе, обжорство, сонливость, нѣга, и проч. суть пороки и грѣхи, но и всякое дѣло, въ коемъ успокоеніе тѣла поставляется цѣлію, или, какъ говорятъ, понѣжиться, прохладиться, полежать, и проч.; ибо все то означаетъ разслабленный духъ и въ свою очередь производитъ разслабленіе. Такое вліяніе имѣетъ каждое отдѣльно такое дѣло, тѣмъ больше, если кто постоянно держитъ тѣло свое въ послабѣ, въ жалѣніи и нѣгѣ. Можетъ быть позволительно послабленіе, но очень рѣдкое, бдительное къ нравственнымъ цѣлямъ. Правда, что всякое удовлетвореніе потребности тѣла доставляетъ ему покой; но при семъ всегда есть возможность отвлекаться отъ него внутренно, что и должно дѣлать. Пусть тѣло получаетъ свое и отдыхаетъ, только ты не упокоивайся въ немъ, а смотри на него, какъ на отдыхающее рабочее животное.

г) Есть наконецъ такое дѣло, въ которомъ совмѣщаются обязанности тѣла и души и нарушеніе котораго есть нарушеніе тѣхъ и другихъ. Это *цѣломудріе.* Источникъ жизненности тѣла—нервы; въ нихъ же основы и крѣпости мускуловъ. Для каждаго тѣла назначенъ свой за-

пасъ сихъ нервовъ и вмѣстѣ нервной матеріи. Соблюденіе ея въ своей мѣрѣ есть условіе здоровья и свѣжести тѣла. Кто истощаетъ ее, тотъ себя убиваетъ или приближаетъ къ смерти. Хранится она цѣломудріемъ, истощается нецѣломудріемъ. Нецѣломудріе разслабляетъ и подвергаетъ тлѣнію даже живое тѣло, ибо отнимаетъ живительное начало. Нецѣломудренный тѣмъ преступенъ, что въ немъ *страждетъ личность человѣческая*. И это, какъ въ душевномъ, такъ и въ тѣлесномъ нецѣломудріи. Въ послѣднемъ человѣкъ ниспадаетъ и омрачается до животнаго безстыднаго, теряетъ чувство человѣчества. Въ первомъ, т. е., въ страстной любви къ одному лицу, — выходитъ изъ себя и живетъ въ другомъ, что иногда простирается до воспріятія и лица его, или до сознанія себя имъ. Любовь страстная есть болѣзнь души, ее истощающая и съѣдающая. Дѣла же нецѣломудрія, къ коимъ ведетъ она, истощаютъ тѣло... Въ совокупности же они составляютъ великую язву рода человѣческаго. Цѣломудріе требуетъ очень многаго. Оно хранитъ глазъ, слухъ, осязаніе, а главное — трезвость внутреннихъ чувствъ до равнодушія и чуждости ко всему. Нецѣломудренный тотчасъ липнетъ и отдаетъ душу; и глазъ, и слухъ у него на свободѣ. Въ основѣ такого рода жизни лежитъ характеръ влюбчивости, мучительный и убійственный. Эта бѣда угрожаетъ преимущественно юношамъ, но небезопасны отъ ней и мужи со старцами.

Такъ дѣйствуя относительно своего тѣла и души, христіанинъ воистинну будетъ прославлять Бога въ душѣ и тѣлѣ и все творить во славу Божію. Какъ строенъ въ себѣ тотъ, кто обходится съ собою, какъ того требуетъ духъ жизни во Христѣ Іисусѣ! Господь буди всѣмъ въ этомъ помощникъ!

γγ) *Жертвы изъ того, что внѣ его, хотя его есть.*

И все, что внѣ христіанина, но чѣмъ онъ обладаетъ, долженъ онъ принесть въ жертву Богу. Какъ принимаетъ онъ все отъ руки Господней, такъ Ему же долженъ и вознесть то, или посвятить. Здѣсь

1) Первое, что встрѣчаетъ онъ, отступая отъ своего лица, суть предметы *потребностей тѣла*, или все житейское: кровъ, пища, одежда, вообще: пожитки, содержаніе, имущество. Первая къ нимъ во внѣшнемъ бытѣ христіанина и обязанность. Она состоитъ въ томъ, чтобъ *стяжать, хранить* и *употреблять* все, какъ должно. У св. Дороѳея это названо совѣстностію въ отношеніи къ вещамъ. Всячески это обязательно. Кому—жъ и заботиться о насъ, какъ не намъ же самимъ? Трудъ ради сего есть смирительное и вразумительное средство, назначенное первоначально, тотчасъ по паденіи. Только должно при семъ употреблять *честныя* и Богомъ опредѣленныя *средства*, изъ коихъ главное состоитъ *въ трудѣ* и заботливомъ дѣйствованіи, преимущественно по своему званію; употребляя же свои труды и хлопоты, ожидать всего отъ единаго Бога, потому *молиться* о благословеніи и успѣхи принимать какъ отъ руки Божіей. Нѣтъ обязанности каждому искать *богатства;* но если обладаетъ кто средствами подручными, какъ бы Богомъ указанными, видитъ особое благословеніе, и богатство течетъ; то, не прилагая къ нему сердца, должно принимать его, умножать и хранить, а употреблять все во славу Божію и пользу братій, сознавая себя и чувствуя приставникомъ въ домѣ Божіемъ. Если же или средствъ нѣтъ, или они не приносятъ достаточнаго дохода, по-

сему чувствуется *скудость*, терпи благодушно, въ увѣренности, что все устрояющій Богъ лучше насъ видитъ, что лучше для насъ. Тоже долженъ чувствовать и терпящій *потерю*. Тотъ незаконно поступаетъ съ житейскими благами, кто *пристращается* къ нимъ, мучитъ себя *многозаботливостію* въ пріобрѣтеніи, *скупостію* въ храненіи, *расточительностію* въ употребленіи. Величайшій въ семъ отношеніи подвигъ есть *произвольная нищета*.

2) Выходя изъ своего дома и являясь въ сообщество другихъ,—это какъ бы другой шагъ отъ своего лица,—христіанинъ на челѣ своемъ долженъ имѣть начертанными честь, вѣсъ, довѣріе къ себѣ, или *имѣть имя*. Безъ сего онъ сдѣлать ничего не можетъ, или ожидать въ чемъ либо успѣха. Имя каждому принадлежитъ по природѣ, и каждый имѣетъ его, однакожъ тѣмъ не менѣе есть и обязанности къ нему. Христіанинъ долженъ въ семъ отношеніи дѣйствовать честно, добросовѣстно, по вѣрѣ своей и своему долгу, не заботясь о томъ, что будутъ говорить или думать о немъ другіе, и нисколько не смущаясь ихъ судомъ. Истинная *честь* есть праведная и добродѣтельная жизнь. Когда же кто воздаетъ ему за то честь и изъявляетъ ее словомъ или знакомъ, онъ можетъ принимать то, всегда однакожъ содержа въ умѣ своемъ, что это преходящая внѣшняя прикраса, цѣнная только, когда есть внутренняя красота. Честь влечетъ за собою *должности*. По довѣрію, неразлучному съ именемъ, могутъ обязать къ принятію должности и съ преимуществами, ей принадлежащими. Должно принять то, ибо Богъ призываетъ; но принимать, не какъ повышеніе, а какъ иго служенія братіи, и приступать не къ самовозношенію, а къ трудамъ,—да будешь рабъ всѣмъ и слуга. Коль же скоро замѣтишь, что служеніе сіе выше силъ твоихъ, или оно влечетъ разстройство

твоего внутренняго, всегда, смиренно можно отказаться, не своевольничая, не въ угоду лѣности, а съ совѣта и разсмотрѣнія строгаго. При томъ, чѣмъ кто выше, тѣмъ больше долженъ смиряться и, всегда всю честь и достоинства принимая отъ Бога, Ему посвящать и предавать то. Что касается до случаевъ оскорбленія чести, то можно, безъ гнѣва и раздора, выяснить свою правоту, можно требовать и законнаго возстановленія имени, безъ обиды другимъ и безъ нарушенія мира и любви; но лучше терпѣть, предавая Господу себя, свою участь и тѣхъ, кои оскорбляютъ.

Противъ сего погрѣшаютъ тѣ, кои поставляютъ цѣлію или мнѣніе людское, каковы *тщеславные и славолюбивые*, или—чести и достоинства, каковы *честолюбивые и властолюбивые*. Величайшій въ семъ отношеніи подвигъ есть святое юродство.

3) Чтобъ все сіе удобнѣе могло быть выполняемо, надлежитъ позаботиться о *благопріятномъ теченіи своихъ дѣлъ*, или объ *устроеніи своей внѣшней жизни*. Пристрой себя самъ, если не пристроенъ родителями. Не шатайся праздно. Возьми дѣло, къ какому видишь себя способнымъ. Тому, кто себя пристроилъ, работать должно *неутомимо* въ своемъ кругѣ, не боясь болѣзни отъ труда и безпокойствъ, не останавливаясь безуспѣшностію, не страшась препятствій. Но всему глава—*порядокъ*. Должно человѣку внесть регулярность во всю свою жизнь, въ свои занятія и отношенія. Это строй жизни, или ходъ дѣлъ, гдѣ всему положены *мѣра* и *вѣсъ*. Мѣра въ пищѣ и питіи, мѣра въ одеждѣ, въ украшеніи дома. въ трудѣ и отдохновеніи, въ знакомствахъ и сношеніяхъ. Противъ сего погрѣшаютъ лѣнивые, праздные, безпорядочные, пьяницы, щеголи, пышные, гуляки.

Этимъ оканчиваются заповѣди и правила, обязательныя для христіанина, какъ христіанина. Имѣлось въ

виду одною мыслію проникнуть всѣ обязательныя для насъ дѣла, чувства и расположенія и вездѣ воцарить Господа и Спасителя нашего, чтобъ Онъ не отходилъ отъ ока ума нашего и отъ чувствъ сердца, что бы мы ни дѣлали. Если подобное нѣчто напечатлѣется въ душѣ читающаго по прочтеніи всего, возблагодаримъ Господа. Всячески работать должно Господу, и сія работа всему научитъ лучше всякихъ теорій. Благослови, Господи!

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Заповѣди и правила жизни, обязательныя для христіанина по тѣмъ положеніямъ и отношеніямъ, въ какихъ приходится ему бывать въ настоящей жизни.

Есть кругъ обязанностей, лежащихъ на христіанинѣ не потому, что онъ христіанинъ, но потому, что при томъ находится еще въ томъ или другомъ состояніи, въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Это обязанности *относительныя*. Онѣ называются также *взаимными*, потому что касаются человѣка, состоящаго въ какихъ либо законныхъ связяхъ съ другими, лежатъ на немъ взаимно съ другими лицами и, требуя отъ него извѣстнаго рода дѣйствованія, въ тоже время взаимнаго соотвѣтствія требуютъ и отъ другихъ. Сюда относятся обязанности христіанина, разсматриваемаго *въ семействѣ, въ Церкви, въ обществѣ*. Можно видѣть, что онѣ состоятъ въ соотвѣтствіи съ обязанностями доселѣ исчисленными и составляютъ какъ бы поприща для упражненія и осуществленія ихъ.

А. Обязанности семейственныя.

Семейство есть общество, которое, подъ однимъ главою, согласнымъ отправленіемъ разныхъ дѣлъ, устрояетъ свое благосостояніе внѣшнее для внутренняго. Обыкновенно

его составляютъ родители и дѣти, иногда съ другими родными, и слуги. Въ семъ отношеніи есть общія всего семейства обязанности и есть взаимныя обязанности разныхъ членовъ семейства.

а) Общія всего семейства обязанности.

аа) *Главы.* Глава семейства, кто бы ни былъ ею, долженъ воспріять на себя *полную* и всестороннюю *заботу* о всемъ домѣ, по всѣмъ частямъ, и имѣть неусыпное попеченіе о немъ, сознавая себя отвѣтнымъ лицомъ и предъ Богомъ и предъ людьми, за его добро и худо; ибо въ своемъ лицѣ онъ представляетъ его все: за него получаетъ стыдъ и одобреніе, болитъ и веселится. Сія забота, по частямъ, должна быть обращена α) *на* благоразумное, прочное и полное *хозяйство,* чтобъ всѣ во всемъ могли имѣть посильное довольство, жизнь неболѣзненную, безбѣдную. Въ этомъ житейская мудрость—честная, Богомъ благословенная... Въ семъ отношеніи онъ распорядитель и правитель дѣлъ. На немъ лежитъ, когда что начать, что кому сдѣлать, съ кѣмъ въ какія вступить сдѣлки, и проч. β) При вниманіи къ ходу вещественныхъ дѣлъ, и *духовныя дѣла* тоже на немъ. Главное здѣсь—вѣра и благочестіе. Семейство—церковь. Онъ глава сей церкви. Пусть же блюдетъ чистоту ея. Способъ и часы домашняго молитвованія на немъ: опредѣли ихъ и поддерживай. Способы просвѣщенія семейства въ вѣрѣ на немъ; религіозная жизнь каждаго на немъ: вразуми, укрѣпи, остепени. γ) Устрояя все одною рукою внутри, другою долженъ онъ *дѣйствовать внѣ,* однимъ глазомъ смотрѣть внутрь, другимъ внѣ. Семейство за нимъ. Въ общество является онъ, и общество за все семейство берется прямо за него. Потому всѣ необходимыя сношенія и общественныя дѣла—на немъ.

Онъ знай, онъ приводи и въ дѣло, что нужно. δ) Наконецъ на немъ лежитъ обязанность хранить *семейные обычаи* общіе и свои частные и въ послѣднемъ случаѣ особенно духъ и нравы предковъ держать въ семействѣ и память объ нихъ передавать изъ рода въ родъ. Каждое семейство имѣетъ свой характеръ: пусть онъ остается и держится, въ союзѣ однакожъ съ духомъ благочестія. Изъ ихъ разнородностей составится стройное при разнообразіи и полное тѣло,—село, городъ, государство.

бб) Подъ главою и *все семейство*—всѣ члены его. Они прежде всего должны α) *имѣть* у себя *главу,* не оставаться безъ нея, никакъ не позволять, чтобъ ихъ было двѣ или больше того. Сего требуетъ простое благоразуміе и благо ихъ же самихъ, иначе невозможное. β) Потомъ, когда есть глава, ей во всемъ *повиноваться,* не вносить своихъ распоряженій, своевольно не начинать ничего и не опускать приказаннаго. γ) *Между собою* жить въ крѣпкомъ мирѣ и согласіи, въ союзѣ сердечномъ: разрозненность силъ разслабляетъ и останавливаетъ успѣхъ. δ) Изъ сего мира и *взаимная помощь,* и взаимносодѣйствіе: ты тому помоги, а тотъ тебѣ. ε) Наконецъ, выходя во внѣ, *не должно выносить сора.* Внѣшніе пусть и знаютъ только внѣшнее. Что бываетъ внутри, то должно быть священною для всего дома тайною. ζ) Надо и словомъ и дѣломъ *защищать честь своего дома:* самъ не срами его дѣломъ худымъ, не говори худаго; защити, когда слышишь что; Богомъ же благословенная честь дома это — благонравная, чистая и благочестная жизнь всѣхъ членовъ его, всѣмъ вѣдомая и всѣхъ съ уваженіемъ и довѣріемъ обращающая къ нимъ.

б) Взаимныя разныхъ членовъ семейства обязанности

аа) Супруговъ.

α) *Общія.*

Отъ супружества—счастіе временное и даже спасеніе вѣчное. Потому къ нему приступать должно не съ легкомысліемъ, но со страхомъ и осторожностію. Добрымъ супружествомъ благословляетъ Богъ. Потому α) будь *благочестивъ,* преданъ Богу, на Коего уповая, молись, чтобъ Самъ Онъ послалъ другую половину, угодную Ему и спасительную тебѣ. β) Ища супружескаго союза, не предполагай дурныхъ цѣлей, или страстное блажничество, или корысть, или тщеславіе; но ту одну, какую Богъ опредѣлилъ,—взаимную помощь во временной жизни ради вѣчной, во славу Божію и благо другихъ. γ) Когда нашелъ, прими, какъ даръ Божій, съ благодарностію къ Богу, сколько съ любовію, столько же и съ почтеніемъ къ сему дару.

Когда выборъ конченъ, должно произойти сочетанію, таинственному отъ Бога сліянію духовно-тѣлесному. Естественный союзъ, по любви, есть союзъ дикій, мрачный. Здѣсь онъ очищается, освящается, отрезвляется по молитвѣ Церкви Божественною благодатію. Трудно самому одному устоять въ союзѣ крѣпкомъ и спасительномъ. Нити естества рвутся. Благодать непреодолима. Самонадѣянность опасна вездѣ, тѣмъ болѣе здѣсь... Потому смиренно, съ постомъ и молитвою, приступи къ таинству.

Сочетанные стали одна плоть, тѣмъ больше одна душа. На этомъ понятіи основываются *общія* ихъ *обязанности,* именно: крѣпкая а) *любовь,* нестрастная, но чистая и

трезвая, свидѣтельствуемая внутри взаимною б) *привязанностію и живымъ участіемъ,* равно какъ скорымъ и подвижнымъ сочувствіемъ, а внѣ, взаимно — в) *содѣйствіемъ,* по коему глазъ и рука одного тамъ же, гдѣ и другаго. Отсюда истекаетъ г) *миръ* непресѣкаемый и согласіе нерушимое, предотвращающее неудовольствія и скоро устраняющее происшедшія нечаянно; д) *довѣріе,* по коему несомнѣнно одинъ во всемъ можетъ положиться на другаго, быть покойнымъ на счетъ его во всемъ, таинъ ли то касается, или порученій. Вѣнецъ же всего е) *вѣрность* супружеская т. е., храненіе перваго условія союза—и душею и тѣломъ принадлежать только другъ другу. Мужъ не свой, а женнинъ, и жена не своя, а мужнина. Вѣрность утверждаетъ довѣріе; невѣрность, хотя только предполагаемая, раждаетъ подозрительную *ревнивость,* прогоняющую покой и согласіе и разрушающую семейное счастіе. *Не ревновать*—святой долгъ, но вмѣстѣ и подвигъ, или искусъ супружеской мудрости и любви. Ибо тутъ всегда вмѣшивается самость, которая и требуетъ исключительности, и боится за нее. Она здѣсь очень смѣшна и сама вооружается противъ себя.

β) Что касается до *частныхъ обязанностей каждаго супружескаго лица,* то онѣ вытекаютъ изъ понятія о значеніи каждаго изъ нихъ. *Мужъ глава женѣ.* Отсюда—*мужъ* а) долженъ имѣть и являть свое *владычество* надъ женою, не унижать себя, не продавать главенства по малодушію или страсти, ибо это срамъ для мужей. Только сія власть должна быть недеспотическая, а *любовная.* Имѣй жену подругою и сильною любовію заставляй ее быть себѣ покорною. б) Во всѣхъ дѣлахъ долженъ считать ее первою, вѣрнѣйшею и искреннѣйшею *совѣтницею,* первою повѣренною таинъ. в) Долженъ смотрѣть за нею, *заботиться* о ея умственномъ и нравственномъ совершенствѣ, снисходительно и терпѣливо

отребляя недоброе и насаждая доброе, неисправимое же въ тѣлѣ или нравѣ снося благодушно и благочестно. г) Но ужъ ни какъ не позволять себѣ *развратить* ее своимъ небреженіемъ и вольностію. Мужъ—убійца, если смиренная, кроткая и благочестивая жена становится у него разсѣянною, своенравною, Бога небоящеюся... д) Блюденіе однакожъ нравственности не препятствуетъ удовлетворять ея желанію держать *себя прилично* и имѣть общеніе со внѣшними, хотя не безъ соизволенія его.

γ) *Жена* же съ своей стороны а) должна во всемъ *слушаться* мужа, всячески нравъ свой склонять къ его нраву и быть ему всецѣло преданною, чтобъ ни дѣломъ, ни мыслію даже не загадывать ничего безъ его воли. б) Потому *вѣрно исполнять* всѣ его распоряженія, совѣты, повелѣнія, и въ мысль не попуская того, чтобъ когда нибудь поставить на своемъ, вообще ни въ чемъ не желать и не являть главенства. в) Въ случаѣ несогласія быть *уступчивою* и терпѣливо сносить все, что покажется не по нраву; иначе не сохранишь мира дорогаго. г) Однакожъ это не отнимаетъ у ней обязанности заботиться о добронравіи супруга. Своею мудростію и вліяніемъ она можетъ измѣнить его нравъ, если онъ неисправенъ; по крайней мѣрѣ, она не должна оставлять его въ небреженіи, но, сколько есть ума и силъ, дѣйствовать на него и исхищать какъ изъ огня. д) Для сего саму себя украшать преимущественно *добродѣтелями*, другія же украшенія имѣть какъ нѣчто стороннее, средственное, отъ чего легко отказаться, особенно, когда сего потребуетъ необходимость поправить дѣла. е) Наконецъ помнить, что на ея долѣ *блюденіе домашнихъ дѣлъ*, хотя исполнительное только... Ея долгъ—дѣлать положенное; видя какую нестройность, сказать и возстановить, или восполнить.

бб) Родителей и дѣтей.

α) *Родителей.*

Супруги имѣютъ быть родителями. Дѣти — одна изъ цѣлей супружества и вмѣстѣ обильный источникъ семейныхъ радостей. Потому супруги а) должны чаять дѣтей, какъ великаго дара Божія, и *молиться* о семъ благословеніи. Бездѣтные супруги дѣйствительно суть нѣчто обиженное, хотя иногда это бываетъ и по особеннымъ намѣреніямъ Божіимъ. Молясь же, они должны и *себя* б) *готовить* къ тому, чтобъ быть добрыми родителями добрыхъ чадъ; для сего хранить *цѣломудріе супружеское*, т. е., трезвенную отчужденность отъ сладострастія; хранить *здоровье,* ибо оно неминуемое есть наслѣдство дѣтей: больное дитя что за радость? хранить *благочестіе,* ибо, какъ бы ни происходили души, а онѣ въ живой зависимости отъ сердца родительскаго и характеръ родителей иногда очень рѣзко отпечатлѣвается на дѣтяхъ. Любимое чадо, когда Богъ его даетъ, надобно будетъ воспитать, а для того имѣть в) *достатокъ;* пусть же заботятся о немъ заранѣе не на настоящее только, но и на будущее.

Когда Богъ даруетъ чадо, а) *радуйтесь* и *благодарите,* яко человѣкъ родися въ міръ. Богъ повторилъ первое благословеніе и чрезъ васъ: примите же дитя, какъ отъ руки Божіей. Но потому же и поспѣшите б) *освятить его таинствами,* ибо здѣсь вы посвятите его на служеніе Богу истинному, Коему и сами вы, и все ваше должны принадлежать. Въ дитяти смѣшеніе духовно-тѣлесныхъ силъ, готовыхъ принять всякое направленіе: положите на немъ печать Божественнаго Духа, какъ

основу и сѣмя вѣчной жизни. Отвсюду тѣснится сатана съ своимъ зломъ: оградите дитя оградою Божественною, непроницаемою для темной силы. в) Освященное въ таинствахъ дитя блюдите потомъ, какъ святыню: не оскорбляйте Духа благодати и Ангела Хранителя, окружающаго колыбель, своимъ невѣріемъ, невоздержаніемъ, немиролюбіемъ.

Начинается *воспитаніе*—дѣло родителей главнѣйшее, многотрудное и многоплодное, отъ коего благо семейства, Церкви и отечества. Тутъ-то и покажите истинную любовь. Родители, можно сказать, не вы: дитя родилось невѣдомо для васъ какъ. Воспитать же его—ваше дѣло. Въ семъ дѣлѣ на все надо обращать вниманіе и на то, что есть дитя, и на то, чѣмъ быть ему. Нужно воспитать *тѣло* его, доведши его до того, чтобъ оно было и крѣпко, и живо, и легко. Мало предоставлять все природѣ; должно и самимъ дѣйствовать, по плану съ цѣлію, пользуясь опытами другихъ и пособіями здравой педагогики. Но еще больше должно позаботиться о воспитаніи *духа*. Благовоспитанный духомъ и безъ крѣпкаго тѣла спасется. Себѣ же оставленный будетъ страдать отъ тѣла крѣпкаго. Въ семъ отношеніи должно образовать *умъ, нравъ* и *благочестіе*. Умъ, если можешь, самъ развивай, а если нѣтъ, отдай въ училище, или имѣй учителя. Нужнѣе при семъ *здравомысліе*, коему и безъ наукъ учатся, нежели научность. Но всякаго долгъ научить *символу, заповѣдямъ, молитвѣ*, или дать познать христіанскую вѣру. *Нравъ* ничѣмъ такъ не образуется, какъ собственнымъ добрымъ примѣромъ и удаленіемъ отъ худыхъ примѣровъ стороннихъ. Предотвращай: сердце невинное подъ дѣйствіемъ благодати окрѣпнетъ, и добрыя его расположенія обратятся въ нравъ. Тѣмъ нужнѣе *свое благочестіе* для укрѣпленія *благочестія дитяти*... Ибо оно относится къ невидимому. Здѣсь дѣла благо-

честія домашнія совершаютъ все, по благодати Божіей. Пусть дитя участвуетъ въ молитвѣ утренней и вечерней; пусть будетъ, сколько можно чаще, въ Церкви; сколько можно чаще, причащается по вѣрѣ вашей; всегда пусть слышитъ ваши благочестивыя бесѣды. При этомъ нѣтъ нужды обращаться къ нему: оно само будетъ слушать и соображать. Родителямъ надо съ своей стороны все употребить, чтобъ дитя, когда придетъ въ сознаніе, сильнѣе всего сознавало, что оно — христіанинъ. Но опять, главное, собственно духъ благочестія, проникающій и прикасающійся душѣ дитяти. Вѣра, молитва, страхъ Божій выше всякаго пріобрѣтенія. Ихъ прежде всего внѣдрите. Выучившагося читать надо остерегать отъ безпутнаго читанія. Жажда чтенія неразборчива. Надо выбрать и дать, что читать. Развивающееся дитя покажетъ, къ чему оно гоже. Потому должно полагать основы будущему его прочному, нешаткому, небоязненному дѣйствованію на принятомъ поприщѣ, приготовить къ званію, чтобъ оно умѣло въ немъ дѣйствовать, и тѣломъ и душею было сроднено съ нимъ и могло жить въ немъ, какъ въ своей стихіи. Если при семъ нужно будетъ усугубить попеченіе, усугуби; если нужно прибавить предметовъ обученія, прибавь. То неодобрительно, если все предоставляютъ теченію обстоятельствъ. Правда, Господь все строитъ, но Онъ же намъ даетъ разумѣть волю Свою въ нашихъ способностяхъ, склонностяхъ и характерѣ. Сему указанію внимать и на основаніи его дѣйствовать есть долгъ. Должно руководить дитя навыкать *приличію* въ словѣ, одеждѣ, положеніи стана, держаніи себя предъ другими. Въ молодыхъ лѣтахъ это тѣмъ умѣстнѣе, что тамъ дѣйствуетъ переимчивость, преимущественно внѣшняя, и что, утвердившись тамъ, можетъ такъ остаться на всю жизнь. Приличіе— вещь будто незначительная, однакожъ много безпокоитъ

и смущаетъ ненавыкшаго ему. Надо предотвратить отъ сего дитя. Но опять надо ставить сіе дѣло въ тѣни, какъ придатокъ, не возвышать и даже не говорить, какъ это нужно, а учить просто, какъ учили ходить. Гдѣ разсыпаются похвалы сему, тамъ приличіе выдается изъ-за другихъ, важнѣйшихъ, вещей и заслоняетъ ихъ. А это худо. Притомъ здѣсь разумѣется благопристойность простая, скромная, почтительная, а не модная, вертлявая, изысканная. Учить *искусствамъ* — прекрасное дѣло, именно: пѣнію, рисованію, музыкѣ и другимъ; тоже къ мастерствамъ женскимъ и мужескимъ. Они доставляютъ пріятный отдыхъ духу и благонастроеніе. Но надобно, чтобъ не забывалось главное: созиданіе духа для вѣчности. Этимъ должно опредѣлиться направленіе искусственности, или внутреннее ея содержаніе.

Надо впрочемъ помнить, что въ воспитаніи не столько важенъ матеріалъ, сколько силы, или способность и умѣнье доставать его. Что должно вынесть изъ воспитанія въ семъ отношеніи, это — *трудолюбіе* — тяготѣніе къ труду и ненависть къ праздности, *любовь къ порядку* — регулярность, чтобъ все дѣлать во время къ мѣсту, не забѣгая и не отставая, *добросовѣстная исправность* — расположеніе, не жалѣя себя, не щадя силъ, выполнять по совѣсти все, что требуется. Это — счастливѣйшее настроеніе, какое обезопашиваетъ на всю жизнь и внѣшнее счастіе, и внутреннее благочестіе. Но все же не должно забывать, что такія настроенія составляютъ только внѣшнюю доброту, внутренняя же состоитъ въ духѣ благочестія христіанскаго.

Наконецъ воспитанное дитя должно *пристроить*: дочь отдать прилично замужъ, сыну достать мѣсто или вставить въ порядокъ жизни, къ какому онъ готовленъ. Въ семъ дѣлѣ главное то, чтобъ они сами могли потомъ безбѣдно жить и успѣшно трудиться. При выборѣ вто-

рой половины можно имѣть въ виду расположеніе, но не должно уважать капризовъ, раждающихся отъ соблазна блескомъ и видимостію, а надо дѣлать, что разумно видится прочнымъ и полезнымъ. Худо дѣлаютъ, когда оставляютъ дѣтей влеченію сердца въ семъ важномъ дѣлѣ. Впрочемъ, и по пристройкѣ дѣтей, не надо забывать ихъ, но надзирать, направлять, руководить, вразумлять. И право и долгъ родителей не отстаютъ отъ нихъ по смерть. Нынѣ иначе на это смотрятъ. Но не все то законно, что нынѣ вводится.

Руководитель въ воспитаніи дѣтей—*любовь*. Она все предъ-увидитъ и на все изобрѣтетъ способы. Но должно, чтобъ сія любовь была истинная, трезвенная, разумомъ управляемая, а не пристрастная и поблажливая. Послѣдняя слишкомъ много жалѣетъ, извиняетъ и снисходитъ. Благоразумная снисходительность должна быть; но поелику она граничитъ съ поблажкою, то строго должно смотрѣть за нею. Лучше нѣсколько передать на строгость, нежели на *поблажку*, ибо она день ото дня больше и больше оставляетъ неискорененнаго зла и даетъ расти опасности, а та отсѣкаетъ однажды навсегда, или по крайней мѣрѣ, на долго. Вотъ почему иногда существенная належитъ нужда имѣть воспитателемъ чужаго. Гдѣ любовь уклоняется отъ истины, тамъ часто, или почти всегда, чрезъ пристрастіе впадетъ она въ несправедливость къ дѣтямъ—однихъ любитъ, а другихъ нѣтъ, или отецъ любитъ однихъ, а мать—другихъ. Это *неравенство* и у любимаго, и у нелюбимаго отнимаетъ уваженіе къ родителямъ и между самими дѣтьми съ такихъ раннихъ лѣтъ поселяетъ нѣкоторую непріязнь, которая, при обстоятельствахъ, можетъ превратиться въ посмертную вражду. Чтожъ это за воспитаніе? Не должно, наконецъ, забывать смирительнаго и вмѣстѣ самаго дѣйствительнаго средства исправленія — *тѣлеснаго наказанія*. Душа образуется чрезъ тѣло. Бываетъ

зло, коего нельзя изгнать изъ души безъ уязвленія тѣла. Отчего раны и большимъ полезны, тѣмъ паче малымъ. *Любяй сына своего, участитъ ему раны*, говоритъ премудрый Сирахъ (30, 1). Но само собою разумѣется, что къ такому средству надо прибѣгать въ случаѣ нужды.

β) *Дѣтей.*

Такъ много пріемлютъ дѣти отъ родителей! Отъ нихъ временная жизнь; отъ нихъ же основаніе, начало, способы и жизни вѣчной. Отсюда и дѣти не естественно только, но и совѣстно должны быть обращены къ родителямъ съ особенными чувствами и расположеніями, сознавать себя къ нимъ обязанными и возгрѣвать ихъ въ себѣ. Главное чувство, которому большею частію не учатся, есть *любовь съ почтеніемъ и покорностію*. Должно только дѣлать сіи чувства разумными и вмѣстѣ прочными до того, чтобъ не испарились въ цѣлую жизнь. Воля родителей, что воля Божія, лице ихъ—лице Божіе. Кто не чтитъ ихъ, не покоряется имъ, отдѣлился отъ нихъ сердцемъ, тотъ извратилъ свою природу, отпалъ и отъ Бога. Потому всячески храни въ сердцѣ честными лики родителей твоихъ, ни хульною мыслію, ни словомъ не наводи на ихъ лице тѣни и не смущай сердца своего. Пусть есть поводы къ тому; не внимай имъ. Лучше все потерпѣть, нежели отдѣлиться сердцемъ отъ родителей, ибо имъ Богъ далъ силу Свою. Чествуя родителей въ сердцѣ, будешь всячески остерегаться оскорбить ихъ словами и поступками. Кто нечаянно ихъ оскорбилъ, зашелъ далеко; кто же сдѣлалъ это сознательно и въ недобрыхъ движеніяхъ сердца, тотъ зашелъ еще далѣе. Оскорбленіе родителей очень опасно. Близъ него—преданіе сатанѣ, по тайной нѣкоторой связи. Затмившій чествованіе родителей въ сердцѣ самъ

только отдѣлился отъ нихъ, а оскорбившій ихъ можетъ отдѣлить отъ себя и родителей. Но коль скоро сіе случится, отрѣзанный поступаетъ подъ видимое владычество другаго отца, отца лжи и всякаго зла. Если это не со всякимъ оскорбителемъ случится, то тутъ Божіе снисхожденіе и покровъ. Во всякомъ случаѣ опасно оскорбленіе, не только безчестно и неразумно. Потому-то всегда должно спѣшить возстановить здѣсь миръ и любовь, нарушенныя чрезъ оскорбленіе, чѣмъ бы то ни было. Остерегаясь отъ оскорбленій личныхъ, надо удерживаться отъ оскорбленій лица родительскаго и предъ другими—*словами поносными*, или *злословіемъ* и хулою. Кто уже и вонъ понесъ неуваженіе, тотъ стоитъ на краю зла. Чтущій родителей будетъ всячески заботиться и поведеніемъ своимъ радовать ихъ, и предъ другими святить ихъ, величать и всячески защищать отъ неправдъ и охужденій. Больше всего дѣти должны дорожить *родительскимъ благословеніемъ*, потому всячески стараться получить его, а для того заботиться и о томъ, чтобъ сердце родительское было отверзто къ нимъ, а не закрыто. Благословеніе родителей похоже на всемогущее слово Божіе. Какъ то размножаетъ, такъ и сіе. Напротивъ, неблагословеніе и клятва сокращаетъ и какъ бы изсушаетъ. На комъ нѣтъ его, тому ни въ чемъ и счастія нѣтъ, все изъ рукъ вонъ. Пропадаетъ и свой умъ, и другіе отчуждаются. Наконецъ, сладкій и спасительный долгъ — *упокоеніе родителей престарѣлыхъ*. Тутъ питается пространно благодарная любовь; симъ же привлекается и вся сила благословенія родительскаго, и все блаженство благоволенія Божія. Не имѣя родителей, вмѣсто ихъ, можно покоить чужаго старца, ибо вообще лице старчее—Богосвѣтлое лице.

вв) Родныхъ.

Родители даютъ *родныхъ* и, поставляя ихъ во взаимноотношенія по ихъ чину, даютъ бытіе разнымъ новымъ *обязанностямъ* семейнымъ. Здѣсь

Первое непосредственное мѣсто занимаютъ *братья и сестры*, зачавшіеся въ одной утробѣ, однимъ молокомъ питавшіеся, возросшіе подъ однимъ кровомъ, однимъ попеченіемъ и любовію. Чувствамъ родства не учатъ, они сами есть. Такова и *братняя съ сестринскою любовь*... Въ чемъ она, выяснить нельзя. Она не то, что любовь къ родителямъ или друзьямъ и благодѣтелямъ... Ее только чувствовать можно, а не выражать,—отличая однимъ словомъ: *братняя, сестринская*.—Это глава обязанностей! Изъ нея самъ собою раждается *миръ крѣпкій и согласіе*, неизсякаемый источникъ взаимныхъ радостей, обвеселенія родителей и всего семейства. Самое великое несчастіе, когда братья и сестры не въ ладу. Начинаютъ особиться, всякій тянетъ себѣ, отъ того прекращается порядокъ, взаимносодѣйствіе и успѣхъ. Сила дома слабѣетъ и наконецъ совсѣмъ рушится. Есть братья старшіе; ихъ дѣло беречь и настроивать младшихъ, младшихъ же долгъ уважать старшихъ и ихъ слушаться. Это естественно.

И между другими родными *ростственная любовь* естественна и вмѣстѣ обязательна; только она принимаетъ разные виды и оттѣнки, смотря по чину родства. Такъ между *праотцами и внуками* должны быть—у тѣхъ желательное радѣніе, а у сихъ уваженіе, близкое къ благоговѣнію, благодарность и желаніе доставлять всякое утѣшеніе; между *дядями и племянниками*—отъ тѣхъ совѣтъ и примѣръ, а отъ сихъ движеніе и вниманіе. У

сиротъ и вдовъ—въ отношеніи къ другимъ нѣкоторое уповательное болѣе, нежели желательное, близкое къ требованію, расположеніе, у другихъ же къ нимъ при уваженіи сердоболіе, состраданіе, утѣшеніе, особенно бѣганіе оскорбленій.

гг) Другихъ, случайныхъ лицъ, принимаемыхъ въ семейство.

Нерѣдко належитъ нужда трудное дѣло воспитанія дѣтей по разнымъ частямъ родителямъ раздѣлять съ другими. Отсюда новыя въ семействѣ отношенія, новыя и обязанности между родителями, тѣми лицами, кои принимаются, и дѣтьми. На родителяхъ лежитъ *выборъ* всѣхъ осмотрительный, внимательный, чтобъ съ благонадежностію и довѣріемъ можно было повѣрить имъ сокровище свое; принятыхъ надо *блюсти и назирать*, чтобъ и сами въ себѣ, и въ своемъ дѣлѣ они были исправны; первое—начало послѣдняго: если того нѣтъ, ни къ чему и сіе. Но при семъ и самимъ *уважать ихъ* и быть къ нимъ справедливыми и внимательными, и дѣтямъ внушать такое уваженіе. Особенно на родителяхъ лежитъ имѣть *планъ*, чертежъ воспитанія, и самимъ дѣятельно приводить его въ исполненіе, или по немъ направлять исполнителей: иначе нельзя, когда дѣло раздѣлено между многими.... Вредъ отъ несоблюденія сего неизбѣженъ; но что онъ не всегда виденъ, это потому, что онъ осѣдаетъ въ душѣ, а не видится во внѣ. Затѣмъ по разнымъ частямъ воспитанія идутъ разныя лица.

Дѣло отдоенія поручается иногда *кормилицамъ*. Само собою разумѣется, что *лучше, благочестнѣе и собственно родительски* поступаютъ тѣ матери, кои кормятъ сами. Тутъ единство соковъ, или животныхъ элементовъ, для тѣла и единство духа, при живой любви, рѣшаютъ успѣхъ и благонадежность воспитанія. Нѣтъ сомнѣнія, что та мать не безъ грѣха, которая не дѣлаетъ сего по модѣ,

лѣности и нѣгѣ. Но есть крайнія нужды извиняющія, когда, вмѣсто пользы, можетъ быть вредъ для себя и дитяти. При ввѣреніи отдоенія стороннимъ ошибаются тѣ, кои смотрятъ только на тѣлесную или животную часть кормилицы. Она нужна, но при ней должны быть добрый нравъ и сердце... Дивно, какъ нравъ переливается съ молокомъ. Но, кромѣ того, онъ непосредственно перейти можетъ отъ одного общенія непрестаннаго. Кормилицамъ должно помнить сіе; потому, принимаясь за дѣло свое, хранить благочестіе и чистоту и исполнять его съ молитвою и любовію, подобною родительской.

Отдоенное дитя поступаетъ на руки *няни*. Здѣсь еще больше осторожности, ибо больше и опасности. Трудъ няньки продолжительнѣе, и дитя тутъ уже начинаетъ понимать. Можно сказать, здѣсь особенно прочная полагается основа будущему нраву, который, сомнительно, испаряется ли когда. Это, конечно, хорошо, если нравъ добръ; а сколько зла, если худъ! Здѣсь, кромѣ доброты, необходимо еще и *умѣнье обращаться съ малыми*. Сколько у нихъ состояній! сколько желаній, причудъ! Все это надо видѣть и знать, какъ наклонить въ добро, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, воспользоваться тѣмъ и другимъ. Нравъ няньки читается въ глазахъ, въ поведеніи и обхожденіи, и перенимается. Изъ обращенія няни можетъ выдти своенравное, упорное или изнѣженное дитя, а иногда и съ пороками, напр., воровства, пересмѣшекъ, сварливости, и проч. Такъ и нянѣ надобно со страхомъ и опасеніемъ становиться нянею, и родителямъ брать ее должно съ такою же осмотрительностію, а взявши, блюсти, руководить, убѣждать, умолять.

Къ дитяти *отроку* приставляется учитель, одинъ или не одинъ. Здѣсь выступаетъ на череду преимущественно *душа*. Ее начинаютъ организовать. Нѣтъ нужды и напоминать, что ей должно доставлять *настоящіе эле-*

менты, т. е., что нибудь духовное, а не языкъ только, и элементы прочные, проникнутые истиною, добромъ, благочестіемъ, и притомъ полные, имѣющіе пройти по всѣмъ частямъ ея, а не къ одной только. Нужно это, чтобъ душа не сохла отъ скудости, не сдѣлалась больною отъ порчи и уродомъ отъ неполноты. Кромѣ же элементовъ, надобно имѣть еще *умѣнье привить* ихъ, какъ должно. Душа не мертвое влагалище, а живой пріемникъ. Можно набить ее, хоть бы даже и добромъ, но то, что не усвоено, не есть ея. Отсюда видно, каковъ долженъ быть учитель. Онъ долженъ имѣть, кромѣ богатства внутренняго, еще и *опытность*. Такого можно назвать учителемъ способнымъ. Приступая же къ дѣлу учительства, онъ долженъ въ основу своихъ расположеній учительскихъ положить искреннюю, даже отеческую *любовь* къ дѣтямъ. Ибо, хотя въ нѣкоторой только части онъ берется замѣнять родителей, но духъ долженъ былъ одинаковъ и въ части, какъ и въ цѣломъ. У сей отеческой любви съ одной стороны стоитъ *всеизобрѣтательная неусыпность*, горящая ревностію не лишить ничего, а все доставить, съ другой же *благоразуміе*, остепеняющее и руководящее неусыпность. Его дѣло предрасполагать, подмѣчать начатки, блюсти тонкую постепенность. Это въ развитіи добра. Только при семъ оно будетъ живо прививаться. Что до худаго, его должно отсѣкать безъ жалости, но и не безъ снисхожденія и осторожности. Характеръ, званіе, лѣта, привычка здѣсь очень много значатъ. Всегда же при немъ—*степенная важность*, не высящаяся, но и не унижающая себя, привлекающая, но не поблажающая. Главное же въ наставникѣ—*благочестіе* искреннее, неподдѣльное, и при немъ Православіе... У неправославнаго духъ не тотъ; симъ духомъ и онъ весь пропитанъ, и все его знаніе... Онъ успѣетъ передать его, хотя бы училъ только языку.

Ко всѣмъ симъ намѣстникамъ родителей дѣти должны имѣть *любовь*: иначе ничто не привьется; *уваженіе*: иначе привитое будетъ чужимъ, въ презрѣніи, какъ наростъ, который скоро сбросятъ, и бѣда, если это касается религіи; *благодарность*, святой плодъ чувства блага отъ воспитанія; во всякое время *покорность* и терпѣливое сношеніе ихъ строгостей и стараніе предотвратить ихъ.

дд) Господъ и слугъ.

Нерѣдко нужна бываетъ сторонняя помощь, а инымъ служба. Принимается въ домъ по условіямъ чужое лице для дѣятельнаго, трудоваго участія въ дѣлахъ дома; образуется новый союзъ—служащихъ и принимающихъ услугу, а отсюда и новыя обязанности—*господъ и слугъ*.

Господа прежде всего содержать должны *вѣрное понятіе* о себѣ и слугахъ. И слуги одной съ ними природы, дѣти одного Отца небеснаго, сподобившіеся тойже благодати, имѣющіе тоже упованіе и тоже наслѣдіе на небесахъ. И господа имѣютъ надъ собою Господа, Который возьметъ съ нихъ отчетъ о приставленіи и Который Одинъ и возвышаетъ и понижаетъ, и въ семъ не смотритъ на лица. Господа и слуги суть состоянія временныя, случайныя, преходящія; вѣчное въ тѣхъ и другихъ то, что каждый есть во Христѣ Іисусѣ и вслѣдствіе чего иногда, по слову Господа, *послѣдніи бываютъ первіи*... (Мат. 19, 30). Выходя изъ такого понятія, господину—христіанину несвойственно *ни презирать* слугъ, ни гордиться надъ ними, тѣмъ меньше помыкать ими, какъ вещію; а напротивъ, всячески возставить въ сердцѣ своемъ главныя *христіанскія расположенія и къ нимъ*, т. е., *имѣть ихъ, какъ братій о Христѣ*, и соотвѣтственно тому, не лишать и уваженія, и расположенія, и справедливости, и вниманія. Такія расположенія не помѣшаютъ правамъ, и права не

должны погашать ихъ. Ибо тѣ внѣшнія, а сіи внутреннія; тѣ въ дѣлѣ, а сіи въ сердцѣ. Ничто въ мірѣ не можетъ дать христіанину права уволить себя отъ христіанскихъ расположеній къ христіанину, кто бы онъ ни былъ. Отсюда, въ главномъ дѣлѣ слуги и господина— *служеніи и повелѣніи*, или приказахъ, надо все расположить такъ, чтобъ ни господинъ, повелѣвая, не былъ преобладаяй, *ни слуга*, исполняя, не превращался *въ страдательное орудіе*. А для сего лучше ввести его въ порядокъ дѣлъ и сдѣлать какъ бы господиномъ въ своемъ ему кругѣ: пусть дѣйствуетъ какъ бы отъ своего лица. Слуга долженъ сознавать свою зависимость и быть готовымъ къ безпрекословной и молчаливой покорности. но братство должно заставлять и господина сдѣлать его развязаннымъ дѣйствователемъ. Разумное служеніе лучше механическаго. Принятъ въ домъ: пусть же будетъ онъ у тебя. какъ родной домочадецъ. Слуга служитъ и готовъ служить, по долгу, но если ты сознаешь его братомъ, то не долженъ принимать его трудовъ, какъ должную повинность, но какъ услугу братскую, за которую *обязанъ благодарностію*. И есть долгъ чувствовать и изъявлять сію благодарность самымъ дѣломъ. Всего лучше сію благодарность засвидѣтельствовать взаимнымъ служеніемъ ему, или *усерднымъ о слугѣ попеченіемъ*. Доставь покой и довольство его тѣлу, сохрани здоровье его и цѣлость. Увѣчить, истощать, небречь о слугѣ безчеловѣчно. Но это все временно, какъ временно вещественное служеніе слуги. Есть *вѣчное дѣло* за слугою, которому временная служба не должна мѣшать. Это *ревность о спасеніи души*... Въ семъ отношеніи господинъ можетъ быть спасителемъ слуги. Вразуми и растолкуй, въ чемъ дѣло, наставь и настрой, доставь способы исполнять дѣла благочестія, особенно въ праздники, и, вообще, дѣятельно *блюди его поведеніе*: доброе не разстраивай,

худое исправляй. Таковы дѣла любви! Правда же требуетъ, чтобъ не требовать отъ нихъ ничего, къ чему они не обязаны, и воздавать все, къ чему самъ обязанъ. Чѣмъ очевиднѣе сей долгъ и чѣмъ онъ удобоисполнимѣе, тѣмъ преступнѣе его нарушеніе. Оно раздираетъ душу, исторгаетъ ропотъ и жалобу, которая въ Словѣ Божіемъ стоитъ вмѣстѣ съ стономъ сиротъ и вдовицъ. Неменьше справедливостію требуется и *снисхожденіе*, или терпѣливое сношеніе ихъ слабостей и недостатковъ, *терпимыхъ*, разумѣется. Несправедливый въ семъ отношеніи — презритель, укоритель. недовольный грѣшитъ противъ Бога, раздающаго дары и знающаго, какъ ихъ раздавать. Нравъ другое дѣло; а что не отъ произвола, предъ тѣмъ должно терпѣливо молчать, помня Бога, все видящаго и все испытующаго. Наконецъ—въ *обращеніи* должно быть чуждымъ *гордости*, властолюбія, жестокости, но кротку, тиху, привѣтливу, какъ и вообще. Самые выговоры смягчать надо голосомъ убѣжденія и сердолюбія, давая ихъ отъ лица правды, а не отъ своей воли; вообще все должно дѣлать, чтобъ слуга, сколько можно, приближенъ былъ, въ отношеніяхъ къ нему господина, къ своимъ семьянамъ. роднымъ, не доходилъ до чувства отчужденія, ибо это больно, и еще въ домѣ христіанскомъ.

Какъ господинъ, такъ и *слуга* прежде всего долженъ уяснить и твердо содержать *вѣрное понятіе* о себѣ и о своемъ состояніи. Одному одно, а другому другое состояніе Господь даетъ. Онъ же вмѣстѣ заповѣдуетъ всякому вѣрнымъ пребывать своему званію. Отсюда—съ благодушіемъ, покорностію и любовію, безъ всякаго неблаговоленія и недовольства, слуга долженъ принимать и сносить свое состояніе; потому быть тщательнымъ въ исполненіи *тѣхъ добродѣтелей*, кои лежатъ на немъ, какъ на слугѣ. Первое—*почитаніе господъ*. При всемъ

ихи снисхожденіи и любви ты держи себя въ своемъ чивѣ и, на сколько тѣ приближаются, на столько ты отступай почтительнымъ отдаленіемъ. Что по милости, то всегда можно потерять и потерять тотчасъ, какъ забудешься, ибо это забвеніе и побуждаетъ, большею частію, господъ не являть особой благосклонности. Второе—*совершенное повиновеніе* и покорность. Не имѣй власти надъ собою, пусть тамъ рука, и нога, и глазъ, куда велятъ ихъ обратить. Пусть тебя вводятъ сами господа въ порядокъ службы, не мудри, а вникни и будь вѣрнымъ исполнителемъ. Далѣе—*вѣрность*. Оправдывай довѣріе и возвышай его; сдѣлай, чтобъ на тебя во всемъ можно было положиться. Наконецъ—*искренность*. Не предъ очами только работай, а по совѣсти, какъ предъ Богомъ. Такъ исполняя волю господъ, будешь служить Богу. Это добродѣтели слуги, какъ слуги. Но онъ принятъ въ домъ, почему долженъ своимъ образомъ исполнять и *домохозяйственныя добродѣтели*: радѣть о пользѣ дома, блюсти и защищать его честь, не выносить, что въ немъ бываетъ. Наконецъ, сознавая, что, если милости оказываются ему, то оказываются по любви и могутъ не оказываться, принимать ихъ съ *благодарною* и преданною любовію. Если же будутъ *неудовольствія* отъ нрава господъ, *сносить* терпѣливо, сколько можно, а тѣмъ больше сносить неудобства отъ недостатковъ. Раздѣли участь съ тѣми, кои выше тебя.

Но вообще состояніе господъ и слугъ не должно изгонять изъ мысли того христіанскаго преимущества, что всѣ мы свободны только во Христѣ, что нѣтъ свободы безъ истинно христіанской благодатной жизни, что тотъ уже и рабъ, кто въ страсти, и тотъ свободенъ, кто ходитъ въ заповѣдяхъ Господнихъ непорочно.

Б. Обязанности Церковныя.

Господь предалъ устроеніе царства Своего т. е. Церкви Апостоламъ, чтобъ учили, крестили, научали блюсти,— Апостолы—епископамъ, епископы раздѣляютъ дѣло свое Апостольское со священниками. Всѣхъ ихъ дѣло—созидать домъ Божій ученіемъ, таинствами, священнодѣйствіями, руководствомъ, или, что тоже, *пасти* Церковь. Отсюда всегда въ Церкви пастыри, или безъ пастырей нѣтъ и Церкви, ибо чрезъ нихъ царство Божіе передается изъ вѣка въ вѣкъ. Призванные ими, внявшіе гласу составляютъ паству, питаемую на пажитяхъ Божественнаго Слова, Св. Таинствъ и священнодѣйствій. Такимъ образомъ въ составѣ Церкви есть *паства*, есть и пастыри. Каждый христіанинъ ближайшее долженъ имѣть отношеніе къ своему пастырю, и обратно, пастырь къ каждому пасомому. А отсюда и взаимныя ихъ обязанности.

а) Обязанности пастырей.

Дѣло пастыря есть дѣло Апостольское, и духъ пастыря долженъ быть Апостольскій. Это—*ревность* о спасеніи душъ, *ревность* живая: не сознаваемая только какъ обязанность, но и *порывающаяся*, или снѣдающая; *дѣятельная:* не внутри только ощущаемая, но употребляющая и предлежащія средства, не въ словѣ только, но и въ дѣлѣ; *разумная:* сознательно, а не во мракѣ идущая къ намѣренному, или разумно видящая соотношеніе средствъ съ цѣлями; *терпѣливая,* или *ожидающая* терпѣливо, какъ земледѣлецъ плода, и не утомляющаяся отъ трудовъ въ ожиданіи, или терпящая неудобства и противности; но главное—*благочестивая*, не о себѣ, а о

славѣ Божіей и спасеніи душъ все стараніе прилагающая. Исходя съ такимъ духомъ, онъ долженъ являть лице свое украшеннымъ *всѣми добродѣтелями*, какъ представитель Царства Христова духовнаго и какъ образецъ для паствы, особенно же тѣми добродѣтелями, кои всегда должны сопровождать истинную ревность и имѣютъ непрестанное почти упражненіе въ его трудахъ. Это — попечительность отеческая, внимательная и болѣзненная, степенность, чистота, трезвость, осмотрительность, благодушіе, мужество, состраданіе, снисходительность, безкорыстіе. Въ самомъ дѣйствованіи по пастырски ему должно быть для паствы проводникомъ всѣхъ сокровищъ Церкви, быть тѣмъ, чѣмъ есть Церковь; ибо пастырямъ завѣщано Царство. Слѣдовательно, ихъ дѣло, *учить*— настоять благовременно и безвременно, и не учить только, но и *руководить* въ жизни по ученію; а для сего строго *блюсти, назирать* всѣ пути всякаго пасомаго и соотвѣтственно дѣйствовать на нихъ; освящать таинствами и *пріучать къ служенію* Богу въ духѣ и истинѣ посредствомъ священнодѣйствій, и *ограждать* ихъ *молитвою* и своею, и церковною отъ всѣхъ навѣтовъ. Для того же, чтобъ благоуспѣшно и съ пользою совершать всѣ сіи дѣла, онъ долженъ *знать и все болѣе и болѣе познавать* таинства вѣры и жизни христіанской и учиться вводить въ нихъ души, и это во всю жизнь и со всею неутомимостію; *узнавать* всевозможно *свойства* и всей вообще паствы, и каждаго пасомаго и пріучаться примѣнять свое дѣйствованіе къ нимъ на созиданіе; паче же всего всемѣрно *привязать къ себѣ паству*, чтобъ смотрѣли на его лице съ уваженіемъ и любовію. Сей сердечный союзъ—условіе всякаго успѣха и вездѣ, тѣмъ больше въ дѣлахъ духовныхъ.

б) Пасомыхъ.

Соотвѣтственно такому духу и такому попеченію пастырей, и пасомые должны быть не неподвижными въ дѣлѣ спасенія, но, предавая себя образованію пастырей, какъ готовый матеріалъ, и сами должны всемѣрно порываться на сіе дѣло, содѣйствовать имъ въ семъ и облегчать труды ихъ. Отсюда—пастырей, ревнующихъ объ ихъ спасеніи, принять должны, *какъ посланниковъ Божіихъ*, какъ Самого Бога, чрезъ нихъ приближающагося; пастырей, являющихъ добродѣтели пастырскія и обще—христіанскія, избрать въ образецъ своей жизни и стараться *подражать* имъ. Если на пастыряхъ раздаяніе сокровищъ Церкви, пусть *обращаются* со всѣми нуждами духовными прямо *къ нимъ*, а не куда либо въ другое мѣсто, и именно, каждый пусть спѣшитъ къ своему единому пастырю, и при семъ, когда онъ учитъ, внимать, когда руководитъ, покорствовать, также просить освященія таинствами и огражденія своего церковною молитвою. Пастырю нужно знать пасомыхъ: пусть *открываются ему* искренно, безъ опасеній и подозрѣнія; нужно имѣть вѣсъ: пусть позаботятся не отнять у души своей *уваженія къ нему*, снисходя и изглаждая изъ мысли всѣ несовершенства и недостатки и всемѣрно стараясь словомъ и дѣломъ *защищать его честь* отъ клеветы, хулы и осужденія. За тоже, что пастырь почти все время проводитъ въ пріобрѣтеніи способовъ дѣйствовать на нихъ духовно, должны съ своей стороны служить ему вещественно, доставляя способы жизни и продовольствія.

в) Клира.

Около пастыря всегда есть лица второстепенныя, помощныя, составляющія *клиръ*. Они занимаютъ какъ бы средину между пастыремъ и пасомыми, потому и къ симъ должны имѣть отношеніе и соотвѣтственныя обязанности. Ихъ долгъ—*покорствовать пастырю* и во всемъ повиноваться и не только не противодѣйствовать и не мѣшать его распоряженіямъ и дѣятельности, но всячески содѣйствовать ему вѣрнымъ исполненіемъ порученій, а иногда предостереженіемъ и даже скромнымъ совѣтомъ; *тщательно и благоговѣйно исполнять* лежащія на нихъ *должности* и во время служенія являть всѣмъ, что совершаютъ дѣло Божіе, высшее и первое въ числѣ другихъ дѣлъ; между собою *жить въ мирѣ и согласіи*, соединяясь въ одной цѣли, а для того поспѣшно, со всякимъ пожертвованіемъ, возстановлять свой союзъ и примиряться въ случаѣ размолвокъ; являть во всемъ *образецъ благонравія и благочестія*, быть вседоступными для народа и готовыми на удовлетвореніе всякой ихъ нужды съ участіемъ, быть общительными со всѣми и всѣхъ приближать къ себѣ, чтобъ на всѣхъ дѣйствовать.

г) Монашествующихъ.

Особый чинъ въ Церкви составляютъ *монашествующіе*. Въ первыя времена они не отдѣлялись отъ народа, хотя вели особую среди его жизнь. Но потомъ они отдѣлились и составили свой священный союзъ по благочестію, союзъ, подъ руководствомъ совершеннѣйшаго, подвизающихся о спасеніи въ братскомъ единеніи. Главное ихъ значеніе — въ маломъ видѣ представить лице

Церкви Христовой, въ ея совершеннѣйшемъ состояніи. Совершенство въ христіанскомъ житіи есть главное дѣло всякаго изъ монашествующихъ. Но поелику всѣ они между собою и съ своимъ руководителемъ вступили въ особыя отношенія, то отсюда имѣются и разныя обязанности у нихъ. Судя по сему

а) Главное дѣло монаховъ есть *молитва* неусыпная, непрестающая, о Церкви, отечествѣ, живыхъ и мертвыхъ. Они — жертва Богу отъ общества, которое, предавая ихъ Богу, изъ нихъ составляетъ себѣ ограду. Примѣнительно къ сему, въ монастыряхъ преимущественно должно процвѣтать *священнослуженіе* благообразное, чинное, полнѣйшее, продолжительнѣйшее. Церковь является здѣсь во всей красотѣ своего облаченія.

б) Имѣя первою цѣлію совершенство въ христіанской жизни, они даютъ обѣты. Тѣмъ строже должны *исполнять сіи обѣты* они, что стремятся къ Богоугожденію, къ дѣламъ котораго принадлежитъ и исполненіе обѣтовъ. По существу сихъ обѣтовъ каждый долженъ чувствовать въ себѣ, что у него *нѣтъ ничего своего*, долженъ имѣть себя бѣднымъ, ничего не стяжевать, а все, что есть и имѣется, относить ко всѣмъ; долженъ *спѣшить взойти къ безстрастію*, ревнуя объ Ангельскомъ житіи; для того удручать тѣло свое постомъ, бдѣніемъ, трудомъ и держать себя такъ, чтобъ не только тѣло не чувствовало страстныхъ движеній, но и душа была свободна отъ помысловъ и страстныхъ, и суетныхъ; *не долженъ имѣть своей воли*, но всецѣло и душу, и тѣло предать въ распоряженіе настоятелю и, не смотря ни на какія кажущіяся несообразности, дѣлать только то, что повелитъ; главное же,—дѣйствуя тѣлесно, долженъ дѣйствовать и духовно, ибо въ духѣ цѣль тѣлеснаго.

в) Составляя изъ себя, подъ руководствомъ одного, братскій союзъ и какъ бы одно тѣло, они составляютъ

какъ бы частную Церковь, а потому имѣютъ на себѣ и прежде изложенныя обязанности церковныя. Здѣсь настоятель—пастырь; братіе—пасомые. Дѣло настоятеля—*неусыпное попеченіе* о спасеніи и совершеннѣйшемъ житіи братій; *храненіе* въ ненарушимости древле-положеннаго *чина*, какъ общаго монашескаго, такъ и частнаго, въ своемъ монастырѣ, равно какъ и обычаевъ, принятыхъ отъ отцевъ; его же дѣло *пещись о благосостояніи* и благолѣпіи храма и всего монастыря, промышлять о содержаніи братій *монашескомъ*. Дѣло братій—*покорствовать во всемъ своему настоятелю* и отцу; точно и тщательно *исполнять* служеніе и *послушаніе* свое, потому что тѣмъ строится и стоитъ цѣлое; *между же собою* пребывать всегда въ братскомъ союзѣ, *миръ*, любви, смиренномъ взаимнопредпочтеніи, въ общеніи духовномъ, во взаимномъ содѣйствіи, вразумленіи и укрѣпленіи; не соблазнять и не соблазняться, необижать и не обижаться.

Такъ какъ монашествующіе, вышедши сами изъ міра тѣлесно, не оставляютъ его духомъ, непрестанныя возсылая молитвы о благосостояніи обществъ, то и міръ не долженъ забывать ихъ и не только не препятствовать образованію монастырей, но всячески желать того и содѣйствовать, сначала уступкою самыхъ лицъ и мѣстъ, а потомъ доставленіемъ нужнѣйшаго; да и всегда имѣть монастыри въ чести и благочестномъ вниманіи, благодарить за нихъ Бога и молить о безопасности подвизающихся и внѣшней, и внутренней, ибо много имъ труда, и сильны и скоры для нихъ соблазны.

В. Обязанности гражданскія общественныя.

Господь благоустрояетъ на землѣ государства и даетъ имъ главу въ царѣ, чтобъ они, подъ управленіемъ единаго, согласнымъ дѣйствованіемъ всѣхъ, созидали свое благо-

сдентвіе временное, для благоуспѣшнѣйшаго достиженія вѣчнаго спасенія. Христіанинъ, дѣлаясь членомъ Церкви, не престаетъ быть и членомъ общества и не долженъ. Онъ долженъ только, принявши христіанство, освятить имъ свое служеніе обществу. Отсюда есть на христіанахъ и общественныя обязанности, всѣ, какъ и во всякомъ государствѣ, подчиненныя только христіанству и проникнутыя духомъ его. Судя по сему,—

а) *Дѣло государя,* Богомъ поставленнаго и являющаго лице Промысла Божія о людяхъ, *сознать* сіе великое значеніе свое и выполнять его со страхомъ, вниманіемъ къ своему внутреннему, въ непрестанномъ благоговѣніи, чтобъ принимать отъ Бога, чрезъ сердце, Его промыслительныя распоряженія; *любить народъ,* какъ свое тѣло, или какъ отецъ свое семейство; для этого сердобольно заботиться о немъ во всемъ его объемѣ, во всѣхъ нуждахъ и со всѣхъ сторонъ, *блюсти* его *внѣсъ и безопасность внѣшнюю* и устроять внутри; изобрѣтать способы къ довольству, уравненію правъ и порядку; распространять просвѣщеніе по всѣмъ классамъ народа—и просвѣщеніе истинное; блюсти чистоту нравовъ и искоренять пороки; хранить національный духъ, характеръ, обычаи, постановленія; главное же насаждать вѣру истинную и заботиться о благоденствіи и цвѣтѣ Церкви, по чувству благоговѣнія или любви къ Богу, Его возвеличившему, по любви къ народу, по самымъ условіямъ благоденствія, кои суть: благословеніе Божіе, чистота сердца и воли вѣрность престолу и клятвѣ; а для того имѣть въ великомъ вниманіи религіозный духъ и не только не попускать разстроиваться ему какими нибудь учрежденіями, а напротивъ, всѣ учрежденія освящать симъ духомъ, чтобъ такимъ образомъ жизнь въ обществѣ сливалась съ жизнію религіозною, и обѣ шли объ руку, какъ Моусей и Ааронъ. Вообще, все такъ должно устроить, чтобъ

выше всего стояла вѣра и Церковь, и крестъ Христовъ все покрывалъ.

б) *Общество*—тѣло подъ главою, государемъ. Каждый членъ его долженъ имѣть отношеніе и къ лицу государя—главы, и къ цѣлому обществу—тѣлу.

аа) *Обязанности къ лицу Государя Императора:* съ *благоговѣніемъ* принимать его, какъ Богомъ поставленнаго, какъ помазанника освященнаго; являть ему *молчаливую покорность* во всемъ, какъ изрекающему волю Божію; *прилѣпляться къ нему* благодарною любовію и быть всегда готову жертвовать даже жизнію за его безопасность, покой и счастіе; *чтить его* въ себѣ чувствомъ, предъ другими—словомъ, удерживаясь отъ неумѣстныхъ, тѣмъ болѣе, дерзкихъ сужденій о немъ и дѣлахъ его; денно и ночно *возсылать* о немъ усердныя *молитвы*, ибо и онъ день и ночь не имѣетъ покоя, заботясь о насъ; повелѣнія его и учрежденія чтить, принимать, исполнять безъ размышленія съ терпѣніемъ.

бб) *Обязанности къ тѣлу государства*, съ коимъ всякій соединенъ пожизненно, коего благоденствіе и неблагоденствіе отзываются во всѣхъ членахъ, съ коимъ каждый чрезъ рожденіе вступаетъ въ условія, суть: достодолжно *любить*, дорожить имъ и быть ему преданнымъ, по чувству благодарности и благочестію; не только *не замышлять* и не дѣлать ничего ему *во вредъ* или униженіе, но, напротивъ, всѣмъ, чѣмъ, кто можетъ, *содѣйствовать его благоденствію*, заботиться о немъ, имѣть его во вниманіи и то сорадоваться ему, то печалиться о противномъ; *злое* же всячески *предотвращать* и все узнанное открывать, всѣмъ возвѣщая подозрѣваемую и прозрѣваемую опасность; *знать* и хранить *законы его*, охотно имъ повинуясь и усердно неся всѣ повинности, не уклоняясь отъ существующихъ постановленій; *блюсти характеръ своего народа*, чтить его, возвышаться до него, защищать его и всѣ

добрые отечественные обычаи безпрекословно хранить, а недобрые, тѣмъ болѣе нехристіанскіе, стараться искоренять; *не навидѣть презирать все чужое*, но принимать его только подъ условіемъ крайней нужды и совершеннаго согласія съ своимъ духомъ; *не пристращаться* не разумно *къ своему*, но никогда *не быть* къ нему *холоднымъ*, оставлять же его не иначе, какъ когда узнано будетъ, что оно чуждо духа нашего и есть самъ собою вкравшійся недостатокъ, какъ наростъ.

вв) Общество есть тѣло. Дѣло жизни въ дѣлѣ раздѣлено между многими членами и поддерживается взаимнодѣйствіемъ ихъ стройнымъ, вѣрнымъ, непрерывнымъ. И дѣло жизни общественной раздѣлено между многими, и только согласнымъ и вѣрнымъ дѣйствіемъ ея частей можетъ созидаться общее благоденствіе. Отсюда частныя обязанности общественныя.

в) Первое мѣсто по царѣ занимаютъ *правительственныя лица и учрежденія*. Это руки, и ноги, и очи царя. Ими онъ вездѣ бываетъ, все видитъ, все дѣлаетъ. Для того ими осѣчено, какъ бы сѣтью обнято, все государство, во всемъ пространствѣ, отъ столицы до послѣднѣйшаго селенія, и притомъ во всѣхъ своихъ видахъ, военномъ, учебномъ, экономическомъ, судебномъ, надзирательскомъ. Это протоки милости и правды царской и вмѣстѣ пути восхожденія къ царю нуждъ и требованій отъ народа. Это даетъ бытіе въ обществѣ *начальству*, въ разныхъ его видахъ, и *подначальнымъ*. Отсюда

а) Дѣло *начальства* главное—*быть вѣрнымъ* орудіемъ царя, посредникомъ между нимъ и народомъ; *знать значеніе* и требованіе *своей части* и тщательно исполнять положенный на нее уставъ; къ подначальнымъ, по своей части, *являть всю правду*, стоя къ нимъ лицемъ закона; являть также и *всю любовь*, и благосклонность, чтобъ не лишить доступа къ милостямъ царя и къ за-

конамъ; во всемъ же семъ *дѣйствовать искренно*, какъ предъ Богомъ, по клятвѣ и присягѣ, которая дана.

β) Дѣло *подначальныхъ — покорствовать* начальству и всякое повелѣніе исполнять добросовѣстно, безъ ропота. лѣности и замедленія; *уважать его*, почитать и благодарно любить; молиться за него и защищать честь его отъ злословій, тѣмъ паче не злословить самимъ.

гг) Разныя нужды государства поручаются разнымъ лицамъ, или принимаются на себя разными лицами, кои всѣ въ совокупности составляютъ часть общества служебную, существенную въ немъ. Отсюда разныя общественныя службы и разныя должности, кои соотвѣтствуютъ нуждамъ: для внѣшней безопасности *воины*, для благочинія *полиція*, для образованія умственнаго *учители*, на случай болѣзни *врачи*, для удобствъ въ жилищѣ *мастера*, *художники*, для содержанія *земледѣльцы*, *купцы* и проч. Всѣ они средства государственныя, коими государь, чрезъ посредство правительства, созидаетъ свое государство. Потому есть существенная нужда, чтобъ каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, какъ положено, и, какъ христіанинъ, дѣйствовалъ по христіански. Отсюда

α) Такъ какъ не раждаются служащими, а принимаютъ службу, то пойми ту, которую хочешь принять; разсмотри себя и, если найдешь себя способнымъ и гожимъ, принимай ее съ Божіимъ благословеніемъ и молитвою. Иному служба указывается рожденіемъ, но все есть время, когда онъ вступаетъ въ нее,—потому тоже долженъ сдѣлать и онъ. Лучше всего при семъ прислушиваться ко внутреннему голосу и личному настроенію и принять то, къ чему опредѣляетъ Богъ дарованіемъ силъ и характеромъ.

β) Съ принятою службою сочетайся сердечно, люби ее по смерть и никогда не перебѣгай отъ одной на другую, безъ крайнихъ понудительныхъ причинъ, т. е., не иначе,

какъ или по опредѣленію начальства, или по сознанію ошибки въ первоначальномъ выборѣ службы.

γ) Всякая служба терпитъ усовершенствованіе. Стремись къ тому и предлагай на общее усмотрѣніе открытое. Что же касается до частнѣйшей своей должности, то въ отношеніи къ ней вѣдѣніе и умѣнье должно постоянно возводить до послѣдняго совершенства.

δ) Не все всѣ знаютъ и могутъ знать. Отсюда—вѣкъ учись: бесѣдуй и совѣтуйся съ лучшими и опытнѣйшими по твоей части, съ радостію и благодарностію принимая ихъ совѣты.

ε) При всемъ томъ помни, что временное все для вѣчнаго, тѣлесное для духовнаго, общество—для вѣры. Потому всемѣрно старайся привить духъ вѣры въ ту часть, которая досталась на твою долю, сроднить съ ней и проникнуть.

дд) Служащихъ доставляютъ обществу или государству разныя его сословія; это общій для его нуждъ разсадникъ, изъ котораго беретъ оно возращенныхъ и воспитанныхъ имъ же и опредѣляетъ къ разнымъ своимъ службамъ по роду и способности. Сословія у насъ: дворянство, духовенство, горожане: купечество съ мѣщанствомъ, и простой народъ. Это соки общества, кои соотвѣтствуютъ сокамъ тѣла, дающимъ въ немъ флегматическій и сангвиническій, меланхолическій и холерическій темпераменты. Каждое сословіе имѣетъ свой духъ, свою степень, свои права и нѣкоторымъ образомъ исключительное свое назначеніе. Со всѣмъ этимъ каждый сочетаваяся рожденіемъ своимъ и кровію, не забываетъ и не долженъ забывать того во всю жизнь. Отсюда

а) Люби свое сословіе, чрезъ которое Богу угодно было известь тебя на свѣтъ сей и положить первыя черты характеристическому образованію твоему.

б) Держи его характеръ, не искажая примѣсью чуж-

даго, ибо изъ разнообразнаго, только стройно сочетаемаго, устрояется прекрасное цѣлое.

в) Терпи выгоды его и невыгоды, ибо онѣ вездѣ есть.

г) Украшай его доброю твоею жизнію и совершенствомъ и возвышай тѣмъ цѣну его и вѣсъ.

д) Не завидуй, ибо и въ другихъ есть высшіе и нисшіе, есть счастливые и несчастные...

е) Помни и чти его, хотя приведется службою возвыситься надъ нимъ или измѣнить его.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

А) Основы христіанской жизни 9
а) Воплощенное домостроительство . . . . . —
б) Живое общеніе съ Церковію 27
в) Норма христіанской жизни. 31
Б) Характеристическія черты христіанской дѣятельности, какъ нравственной 67
1) Условія нравственности христіанскихъ дѣяній 68
2) Производство нравственно-христіанскихъ дѣяній 74
3) Чѣмъ опредѣляется нравственное достоинство христіанскихъ дѣлъ?—. 87
а) Предметомъ,—коимъ бываютъ: 88
аа) обязанности, ... 89
бб) совѣты, ... 98
вв) дѣла безразличныя 102
б) Цѣлію, которою должно быть—все творить во славу Божію, по вѣрѣ въ Господа, въ чаяніи вѣчно-блаженной жизни . . . 140
в) обстоятельствами 108
4) Виды нравственности—добрая и худая,—и возрастъ нравственной жизни въ томъ и другомъ направленіи 112
а) Добродѣтель . . . . . —
аа) Три вида проявленія добродѣтели: . . . . . —
α) добродѣтель, какъ настроеніе христіански добродѣющаго духа. 113
β) добродѣтель, какъ доброе расположеніе 123
γ) добродѣтель, какъ доброе дѣло 127
бб) Возрасты доброй христіанской жизни 132
б) Грѣхъ. 141
аа) Грѣхъ въ трехъ видахъ проявленія его:—.
α) какъ грѣшное дѣло. . . . . —
β) какъ грѣшное расположеніе. 163
γ) какъ грѣховное настроеніе 168
бб) Возрасты грѣховной жизни 170
В) Послѣдствія и плоды доброй христіанской жизни и жизни противоположной ей 177
а) Въ какихъ чертахъ Слово Божіе изображаетъ истиннаго христіанина и лице, противоположное ему. 178

Стран.

б) Состояніе составныхъ частей естества человѣческаго, существенныхъ свойствъ его и соотношенія силъ 183
в) Состояніе силъ душевныхъ: 207
аа) Познавательныхъ 208
α) разума. . . . . —
β) разсудка 222
γ) низшихъ способностей 243
бб) Силъ желательныхъ и дѣятельныхъ: 259
α) совѣсти . . . . . —
β) воли. 271
γ) низшихъ пожеланій 294
вв) Чувствующихъ, или сердца 297
α) сердца, какъ сѣдалища симпатій 298
β) какъ центра силъ существа человѣческаго. 304
αα) какъ пріятелище и вмѣстилище духовныхъ чувствъ . 305
ββ) — чувствъ душевныхъ. 307
γγ) — чувственно—животныхъ чувствъ 313
г) Состояніе отношеній къ тѣлу 316

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Что требуется отъ христіанина, какъ христіанина. 324
А) Вѣра—начало всего . . . . . —
1) Обязанности вѣры 325
2) Обязанности къ вѣрѣ 331
3) Грѣхи противъ вѣры. 347
Б) Благочестіе или жизнь въ духѣ вѣры 354
1) Чувства и расположенія на пути возсоединенія съ Богомъ: . . 356
а) чувства и расположенія на пути сочетанія съ Господомъ Спасителемъ. 357
б) чувства и расположенія на пути восхожденія отъ Господа-Спасителя къ Богу Тріѵпостасному 365
2) Чувства и расположенія христіанина, пребывающаго въ Богѣ:— 369
а) при созерцаніи Его безпредѣльныхъ совершенствъ 370
б) при созерцаніи Его творчества и промышленія 381
в) изъ созерцанія Бога, яко завершителя всяческихъ 390
г) молитва, какъ вмѣстилище и поприще жизни въ вѣрѣ и благочестіи 393
3) Чувства и расположенія—изъ общенія съ Богомъ чрезъ общеніе съ Церковію: 399
а) — съ Церковію, какъ вмѣстилищемъ благодатныхъ средствъ ко спасенію 400
б) — съ Церковію, какъ вмѣстилищемъ спасенныхъ и спасаемыхъ 415
аа) отшедшихъ— . . . . . —
α) прославленныхъ. . . . . —
β) пребывающихъ въ надеждѣ жизни вѣчныя 418

Стран.

бб) Живущихъ на землѣ и составляющихъ тѣло земной Церкви 419
α) чувства и расположенія ко всему тѣлу Церкви 420
β) къ каждому лицу, съ коимъ состоитъ въ видимомъ общеніи 424
αα) какія тутъ требуются чувства и расположенія?— . . 425
ββ) какія требуются дѣйствія: 431
1) въ отношеніи къ ихъ душѣ. 432
2) въ отношеніи къ ихъ тѣлу 437
3) къ ихъ благоденствію и счастію 438
γγ) поприще обнаруженія сихъ расположеній и дѣйствій— взаимнообращеніе 446
в) Какъ самого себя долженъ держать христіанинъ, чтобъ быть въ живомъ общеніи съ Церковію и чрезъ нее съ Богомъ?— . . . 452
аа) чувства и расположенія по условіямъ вступленія въ союзъ съ Церковію и съ Богомъ 453
бб) Чувства и расположенія по закону пребыванія въ семъ союзѣ . . . . . —
α) общій законъ: цареніе надъ собою для пожренія себя Богу 457
β) стороны сего пожренія: 459
αα) жертвы душевныя . . . . . —
ββ) жертвы тѣлесныя 466
γγ) жертвы изъ того, что внѣ его есть, хотя есть его. . 470

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

А) Обязанности семейныя 474
а) Общія всего семейства 475
б) Взаимныя—разныхъ членовъ его. . . . . —
аа) супруговъ 477
бб) родителей и дѣтей 480
вв) родныхъ 487
гг) другихъ случайныхъ лицъ. 488
дд) господъ и слугъ 491
Б) Обязанности церковныя 495
а) пастырей . . . . . —
б) пасомыхъ 497
в) клира 498
г) монашествующихъ. . . . . —
В) Обязанности гражданскія 500
а) Дѣло Государя 501
б) — общества· 502
аа) въ отношеніи къ Государю . . . . . —
бб) — къ Государству . . . . . —
в) Дѣло правительства: 503
аа) начальствующихъ . . . . . —
бб) подначальныхъ 504
вв) разныхъ служащихъ. 505
гг) разныхъ сословій. . . . . —

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
6	9 сн.	въ цитатѣ 2	8
10	4 св.	устроенъ	устроено
12	14 —	показалъ	показалъ Господь
—	17 —	а)	α)
19	10 сн.	обогащать	обогащать ими
38	6 св.	Принадлежитъ	принадлежитъ
—	— —	въ цитатѣ въ сноскѣ ч III	ч. I, стр. 146.
55	2 сн.	внутренне	внутреннее
69	3 —	оно	онъ
79	.	*иже*	*еже*
88	11 —	желать	не желать
91	5 сн.	сердца,	сердца
—	4 —	жизни, обязанностей	жизни,—обязанностей,—
112	1 св.	бысть	быть
126	13 —	*посадите*	*подадите*
134	5 сн.	видить	видить Его
141	10 —	αα)	аа)
—	7 —	ββ)	бб)
—	6 —	αα)	аа)
161	5 св.	18 42	18—42
163	6 —	какъ б)	какъ
208	15 —	а)	α)
249	15 —	въ себѣ	все въ себѣ
260	1 сн.	глечайшее	легчайшее
263	18 св.	первымъ	правымъ
297	6 сн.	ββ)	вв)
326	15 —	нѣ дла	дѣла
341	14 —	открываемому	отрываемаго
343	5 св.	вразумляющемся	вразумляющемъ
303	11 —	О семъ послѣ.	
380	4 —	па землѣ	на землю
392	11 сн.	горячности	горѣній
395	10 св.	освѣженіе	освященіе
421	5 сн.	ибо	ибо какъ
—	4 —	смѣшеніе и нечистою	смѣшеніе,—такъ и онъ нечистою
453	3 —	Церковію,—при помышленіи	Церковію.

KSIĘGARNIA
ANTYKWARIAT
DOM KSIĄŻKI
C 448256

BV
4509
.R8F3

Feofan
Nachertanie khristian-
skago nravoucheniia

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
11 571 412

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
11 571 412